NIION 2003-0059
MOSURED 77/27-003

ISSN 2073-0454 (Print)
ISSN 2782-5698 (Online)

ВЕСТНИК

Московского университета МВД России

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

20 ЛЕТ ИЗДАНИЮ

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

3
2023

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования РК (Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,
доктор юридических наук, профессор

В. И. Елинский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,
доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,
кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов
доктор юридических наук, профессор

И. А. Калиниченко,
кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор

В. Л. Кубышко,
заместитель Министра внутренних дел РФ,
кандидат педагогических наук

С. С. Маилян,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Румянцев,
доктор юридических наук

М. В. Саудаханов,
кандидат юридических наук

Д. Субошич,
кандидат юридических наук, профессор (Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,
доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ в области образования

EDITORIAL BOARD

E. N. Begaliev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the RK (Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. I. Elinskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

O. V. Ziborov
Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor

V. L. Kubyshko,
Deputy Minister of Internal Affairs of Russia
Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Rumyantsev,
Doctor of Legal Sciences

M. V. Saudakhanov,
Candidate of Legal Sciences

D. Subošić,
PhD, Professor (Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsypkin,
Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,
Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the fild of Education

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNSIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia, Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Н. Н. Карпов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

И. И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,
доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,
кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,
доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавелюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, доцент

N. N. Karpov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Prosecutor's Office of Russia,
Honored Worker of Prosecutor's Office of Russia

A. I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (Resigned)

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

I. I. Kotlyarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

S. Ya. Lebedev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,
Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

И. А. Майбуров, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	**I. A. Mayburov,** Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia
В. Б. Мантусов, доктор экономических наук, профессор	**V. B. Mantusov,** Doctor of Economic Sciences, Professor
В. С. Осипов, доктор экономических наук, профессор	**V. S. Osipov,** Doctor of Economic Sciences, Professor
Г. Б. Поляк, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН	**G. B. Polyak,** Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS
С. Г. Симагина, доктор экономических наук, профессор	**S. G. Simagina,** Doctor of Economic Sciences, Professor
А. Е. Суглобов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ	**A. E. Suglobov,** Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of Russia
Н. В. Цхададзе, доктор экономических наук, профессор	**N. V. Tskhadadze,** Doctor of Economic Sciences, Professor
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	**PSYCOLOGICAL SCIENCES**
В. С. Агапов, доктор психологических наук, профессор	**V. S. Agapov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
И. В. Грошев, доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	**I. V. Groshev,** Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia
В. Ф. Енгалычев, доктор психологических наук, профессор	**V. F. Engalychev,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
А. Г. Караяни, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии	**A. G. Karayani,** Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Winner of the State Award
В. М. Крук, доктор психологических наук, профессор	**V. M. Kruk,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
Л. Н. Костина, доктор психологических наук, доцент	**L. N. Kostina,** Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor
И. Б. Лебедев, доктор психологических наук, профессор	**I. B. Lebedev,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
В. Л. Ситников, доктор психологических наук, профессор	**V. L. Sitnikov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
А. Н. Сухов, доктор психологических наук, профессор	**A. N. Sukhov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
С. Н. Федотов, доктор психологических наук, профессор	**S. N. Fedotov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
В. Л. Цветков, доктор психологических наук, профессор	**V. L. Tsvetkov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
Г. С. Човдырова, доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор	**G. S. Chovdyrova,** Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Medical Sciences, Professor
С. Р. Аблеев, доктор философских наук, доцент	**S. R. Ableev,** Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
В. Ю. Бельский, доктор философских наук, профессор	**V. Yu. Belsky,** Doctor of Philosophical Sciences, Professor
В. А. Волох, доктор политических наук, профессор, почетный работник ФМС России	**V. A. Volokh,** Doctor of Political Science, Professor, Honorary Employee of the FMS of Russia
А. Л. Золкин, доктор философских наук, доцент	**A. L. Zolkin,** Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
А. Д. Иоселиани, доктор философских наук, профессор	**A. D. Ioseliani,** Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор, ответственный за издание, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко, А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
О. А. Головлева

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентства «Урал-Пресс Округ» — 84629

Подписано в печать 27.06.2023
Цена договорная

Адрес редакции:
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 3 • 2023

КАЛИНИЧЕНКО И. А., ЗИБОРОВ О. В., ГАСАНОВ К. К., МЕЛЕХОВА А. Ю., КОСТИНА Л. Н. Содержание воспитательного процесса в контексте реализации образовательных программ высшего образования. Часть 1. Концептуальные основы 12

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

АЛИВЕРДИЕВА К. Р. О соотношении земельного надзора и контроля 20
АМЕЛЬЧАКОВА В. Н., СУСЛОВА Г. Н. Соотношение вины и субъективной стороны административного правонарушения 23
БЕЛЬСКИЙ В. Ю., КНЯЗЕВА С. Д. Социально-правовой анализ проблемы профилактики девиантного поведения молодежи 27
БОБРОВ В. К. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением 32
БОНДАРЕНКО П. К. Особенности расторжения трудового договора по инициативе работодателя в случае неоднократного неисполнения работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание 40
БОРИСЕНКО Е. А., ЯЛОВОЙ О. А. К вопросу о соотношении прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы и государственного контроля (надзора), муниципального контроля 45
БУЙ ТХИЕН ТХЫОНГ. Актуальные аспекты взаимодействия следователя и прокурора при принятии решения о возбуждении уголовного дела (сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных законов Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам) 51
БУНОВА И. И. Проблемы квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации 59
БУЯНОВА А. В. Правовое регулирование жилищной поддержки молодых семей 65
ГРИГОРЯН Т. А. Актуальные вопросы собирания, проверки и оценки вещественных доказательств на стадии предварительного расследования 69
ГРОШЕВ С. Н. Правовое регулирование общественных отношений в аспекте правового положения мужчин в Золотой Орде 75
ДАВЫДОВ В. О. О некоторых аспектах практики реализации криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационном пространстве 79
ЕПИФАНОВ А. Е. Из истории организации и деятельности политической полиции Нижнего Поволжья в начале XX в. 84
ЖИЖИНА М. В. Возможности использования графических редакторов при работе с изображениями цифровых почерковых объектов, представленных в виде электронных файлов 89

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

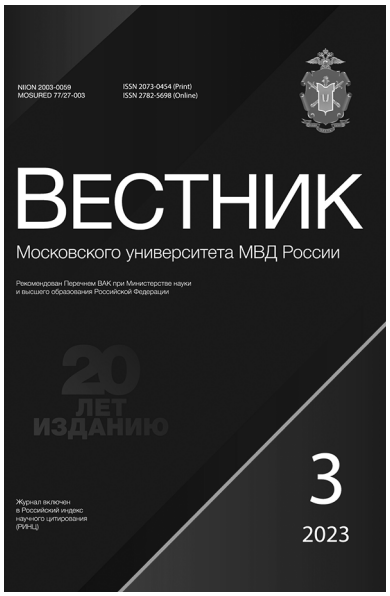
• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 56

Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

ЖУКОВА О. И. К вопросу о понятии незаконной миграции в современном международном праве и международно-правовой доктрине 92
ЗАРИНА А. М. Анализ субъективных признаков преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ 96
ЗАХАРОВА Л. Ю. Установление половой принадлежности исполнителя рукописи: опыт прошлого 100
ИВАНОВ Д. А., ПОТАПОВ В. Д., ИВАНОВА О. М. Криминологические аспекты вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления 106
КАЙНОВ В. И., ШЕНШИН В. М. Некоторые вопросы квалификации причинения смерти по неосторожности 112
КИЛИН В. В., ПЕТРОВ Э. Ю. Экспортный контроль в отношении участников ВЭД: соблюдение запретов и ограничений 116
КОГЛИНА В. А. Современные возможности идентификационного исследования электрофотографических копировально-множительных устройств 124
КОНСТАНТИНОВ А. В., МИХАЙЛЕНКО Н. В. Использование технологии больших данных (Big Data) в деятельности органов внутренних дел: проблемы и перспективы 129
МАЮРОВ Н. П., ИНШАКОВА Е. А., МАЮРОВ П. Н. Теоретико-правовые подходы к определению вины юридического лица при привлечении к административной ответственности: проблемы и пути решения 133
МЫШКО Ф. Г. Лучшие региональные практики развития социальных услуг пожилому населению 141
НУРАДИНОВ Ш. М., НЕЧАЙ С. Л. Роль экономической безопасности и противодействия коррупции в обеспечении национальных интересов России и охране конституционного строя 147
РУМЯНЦЕВ Н. В., ЖУРАВЛЕВ В. В. Соотношение оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» и меры государственного принуждения «вскрытие транспортного средства»: уголовно-правовой и административный аспекты 152
РЯБИНИНА Т. К. Дискреционные полномочия судьи по назначению и подготовке судебного заседания в свете обеспечения прав и законных интересов участников предстоящего судебного разбирательства уголовного дела 157
САДУЛЛАЕВ К. Ю. Возможности защиты частных лиц в Международном Суде ООН 163
САМУЙЛОВ Д. Е., ЕЛИНСКИЙ В. И. Некоторые проблемы в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации 166
САУДАХАНОВ М. В. К вопросу о соотношении понятий «народ», «нация», «этнос» в конституционном праве 169
САФОНОВ А. А. К вопросу о применении искусственного интеллекта сотрудниками правоохранительных органов в целях раскрытия и расследования преступлений 173
СЕРДЮК П. Л. Вопросы формирования психологии современного терроризма 176
СОСНОВСКАЯ Ю. Н., МАРКИНА Э. В. К вопросу о применении механизма административно-правового регулирования в целях противодействия коррупционным правонарушениям в системе органов внутренних дел 181
СТАРОВЕРОВ А. В. О транснациональных организованных преступных сообществах и причинах занятия ими торговлей людьми 188
СТРУЧКОВ Ю. Н. Участие сотрудников ГИБДД в обеспечении общественной безопасности при проведении массовых мероприятий 191
ТИТОР С. Е. Международные принципы защиты детей от деструктивной информации 195
ТРЕГУБОВ И. С. Меры административно-процессуального принуждения 200

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агентства «Урал-Пресс Округ» 84629, или на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru

УСКОВ И. Н., ДРЕВАЛЬ Б. В. Проект методики идентификации печатных форм плоской офсетной печати с использованием компьютерной технологии 203
ФИРСОВ Г. В. Современное состояние и перспективы развития криминалистической диагностики почерка 209
ХИМИЧЕВА О. В., ТУТЫНИН И. Б. О подготовке диссертационных исследований по юридическим наукам в свете изменений номенклатуры научных специальностей 214
ШЕСТАК В. А., ХАЙЛОВА М. П. Современные методы прогнозирования преступности в Южной Африке 219
ШИПУЛИН Г. Ф. Развитие уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершаемые с использованием компьютерных сетей 224
ШКОРОПАТ Е. А., БОНДАРЕНКО Р. В. Особенности методики диагностического исследования рукописей, выполненных в алкогольном опьянении 232
ЭРИАШВИЛИ Н. Д., ГРИГОРЬЕВ А. И., МОЧАЛОВА В. А. Налоговые преступления или получение налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды: пределы ответственности виновных лиц (часть I) 237
ЮСУПОВ М.-Б. Р. Актуальные вопросы использования независимой гарантии в качестве обеспечения исполнения государственных контрактов 249

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика
Финансы

КАЧЕЛИН А. С. Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации 256
КЛУНКО Н. С., РЕГЕНТ Т. М., МОСЕЙКИН Ю. Н. Механизм привлечения финансовых активов российских трудовых мигрантов в региональную экономику Российской Федерации 268
КОСОВ М. Е., ДРЮК Т. В. Актуальные проблемы страхования рисков природных катастроф и киберрисков 275
МИНАКОВ А. В. Влияние финансовых пирамид на экономическую безопасность России 281
СТАРОВЕРОВА О. В. Разработка модели цифровой трансформации деятельности налоговых органов 287
ЯКОВЛЕВ А. А. Экономико-правовая оценка некоторых последствий применения технологий искусственного интеллекта 291

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

ПУСТОВИТОВА Д. А., ПАШЕНЦЕВА К. Д. Личностные особенности сотрудников полиции как фактор формирования доверия граждан к правоохранительным органам 296
РОДИН В. Ф., МАРЬЯСИС И. Б. Некоторые особенности успешности служебной деятельности курсантов в образовательных организациях МВД России 300
СУХОВ А. Н. Социально-психологический анализ малых неформальных групп 304
УСАЧЕВА И. В. Анализ системы мотивации труда сотрудников ОВД и пути ее повышения 311
ЦВЕТКОВ В. Л., ПАВЛОВА А. А. Клиповое мышление как актуальная психологическая проблема 317

FOUNDER:

Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Scientific editor, responsible for the publication, the Winner of the Award of the Government of the Russian Federation in the field of a science and technics, the Winner of the Award of the Government of the Russian Federation in the field of education, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
O. A. Golovleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications
of the Russian Federation

The certificate of registration
№ 77-14723

Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629

It is sent for the press 27.06.2023
Contractual price

Editorial Staff adress:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 3 • 2023

KALINICHENKO I. A., ZIBOROV O. V., GASANOV K. K., MELEKHOVA A. YU., KOSTINA L. N. The content of the educational process in the context of the implementation of educational programs of higher education. Part 1. Conceptual foundations 12

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences
Public law (state law) sciences
Private law (civilistic) sciences
Criminal law sciences
International law sciences

ALIVERDIEVA K. R. On the relationship of land supervision and control 20
AMELCHAKOVA V. N., SUSLOVA G. N. Ratio of guilt and subjective side of administrative offense 23
BELSKY V. YU., KNYAZEVA S. D. Socio-legal analysis of the problem of prevention of deviant behavior of youth 27
BOBROV V. K. Ensuring the rights of participants in criminal proceedings at the end of the preliminary investigation with an indictment. 32
BONDARENKO P. K. Peculiarities of termination of the employment contract by the employer's initiative in case of repeated failure of the employee without a valid reason to perform his job duties, if he has a disciplinary penalty 40
BORISENKO E. A., YALOVOY O. A. On the question of the relationship between the prosecutor's supervision of the execution of laws outside the criminal law sphere and state control (supervision), municipal control 45
BUI THIEN THUONG. Actual aspects of the interaction between the investigator and the prosecutor when deciding to initiate a criminal case (comparative legal analysis of the criminal procedure law of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam). 51
BUNOVA I. I. Problems of qualification of illegal trafficking of special technical means intended for secret obtaining of information 59
BUYANOVA A. V. Legal regulation of housing support for young families 65
GRIGORYAN T. A. Topical issues of collection, verification and evaluation of physical evidence at the stage of the preliminary investigation 69
GROSHEV S. N. Legal regulation of public relations in the aspect of the legal status of men in the Golden Horde 75
DAVYDOV V. O. On some aspects of the practice of implementation of forensic prevention of extremist crimes in the information and telecommunications space 79
EPIFANOV A. E. From the history of the organization and activities of the political police of the Lower Volga region at the beginning of the XX century 84
ZHIZINA M. V. Possibilities of using graphic editors when working with images of digital handwriting objects presented in the form of electronic files . . . 89

• The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

• At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

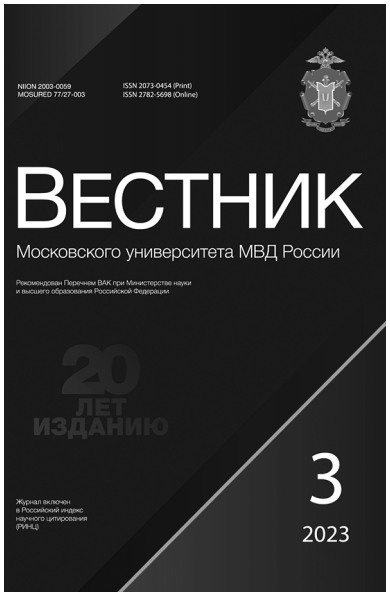
• In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch — 300)

Order № 56

Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

ZHUKOVA O. I. To the issue of the concept of illegal migration in modern international law and international legal doctrine 92
ZARINA A. M. Analysis of the subjective signs of a crime under Art. 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation 96
ZAKHAROVA L. YU. Establishing the gender identity of the performer of the manuscript: past experience 100
IVANOV D. A., POTAPOV V. D., IVANOVA O. M. Criminological aspects of involving a minor in the commission of a crime 106
KAINOV V. I., SHENSHIN V. M. Some issues of qualification of causing death by negligence 112
KILIN V. V., PETROV E. YU. Export control in relation to foreign trade participants: compliance with prohibitions and restrictions 116
KOGLINA V. A. Modern possibilities of identification research of electrophotographic copiers 124
KONSTANTINOV A. V., MIKHAYLENKO N. V. The use of big data technology (Big Data) in the activities of the internal affairs bodies: problems and prospects. 129
MAYUROV N. P., INSHAKOVA E. A., MAYUROV P. N. Theoretical and legal approaches to determining the guilt of a legal entity when bringing to administrative responsibility: problems and solutions 133
MYSHKO F. G. Best regional practices in the development of social services for the elderly population 141
NURADINOV SH. M., NECHAY S. L. The role of economic security and countering corruption in ensuring the national interests of Russia and protecting the constitutional order 147
RUMYANTSEV N. V., ZHURAVLEV V. V. Correlation of operational-investigative measure «inspection of premises, buildings, structures, terrain and vehicles» and the measure of state coercion «opening of the vehicle»: criminal and administrative aspects 152
RYABININA T. K. Discretionary powers of a judge to appoint and prepare a court session in the light of ensuring the rights and legitimate interests of participants in the upcoming trial of a criminal case. 157
SADULLAEV K. YU. Opportunities for the protection of individuals in the International Court of Justice of the United Nations 163
SAMUILOV D. E., ELINSKIY V. I. Some problems in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation 166
SAUDAKHANOV M. V. On the question of the relationship between the concepts of «people», «nation», «ethnos» in constitutional law 169
SAFONOV A. A. Regarding the use of artificial intelligence by law enforcement officials for the detection and investigation of crimes 173
SERDYUK P. L. Questions of the formation of the psychology of modern terrorism 176
SOSNOVSKAYA YU. N., MARKINA E. V. To the question of the application of the mechanism of administrative and legal regulation in order to counteract corruption offenses in the system of internal affairs bodies 181
STAROVEROV A. V. About transnational organized criminal communities and the reasons for their involvement in human trafficking 188
STRUCHKOV YU. N. Participation of traffic police officers in ensuring public safety during mass events 191
TITOR S. E. International principles to protect children from destructive information 195
TREGUBOV I. S. Measures of administrative and procedural coercion 200

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List of the Agency «Ural-Press Okrug» 84629, or on the website Scientific electronic library: http://elibrary.ru

USKOV I. N., DREVAL B. V. Draft methodology for identification of printed forms of flat offset printing using computer technology 203
FIRSOV G. V. The current state and prospects for the development of forensic handwriting diagnostics 209
KHIMICHEVA O. V., TUTYNIN I. B. On the preparation of dissertation research on the legal sciences in the light of changes in the nomenclature of scientific specialties 214
SHESTAK V. A., KHAILOVA M. P. Modern methods of crime prediction in South Africa 219
SHIPULIN G.F. Development of criminal legislation on liability for offences committed through the use of computer networks 224
SHKOROPAT E. A., BONDARENKO R. V. Features of the methodology of diagnostic research of manuscripts performed under the influence of alcohol. 232
ERIASHVILI N. D., GRIGORIEV A. I., MOCHALOVA V. A. Tax crimes or receipt by a taxpayer of unjustified tax benefits: limits of responsibility of the perpetrators (part I) 237
YUSUPOV M.-B. R. Actual issues of using an independent guarantee as security of fulfillment of state contracts. 249

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economics
Finance

KACHELIN A. S. Formation of a scientific and technological contour and an institutional model for accelerating economic growth in the Russian Federation. 256
KLUNKO N. S., REGENT T. M., MOSEYKIN YU. N. Mechanism for attraction of financial assets of Russian labor migrants in the regional economy of the Russian Federation. 268
KOSOV M. E., DRYUK T. V. Actual problems of natural disaster risk insurance and cyber risks insurance 275
MINAKOV A. V. The influence of financial pyramids on the economic security of Russia 281
STAROVEROVA O. V. Development of a digital transformation model for the activities of tax authorities 287
YAKOVLEV A. A. Economic and legal assessment of some effects of artificial intelligence technologies. 291

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

PUSTOVITOVA D. A., PASHENTSEVA K. D. Personal characteristics of police officers as a factor in the formation of citizens' trust in law enforcement agencies. 296
RODIN V. F., MARYASIS I. B. Some features of the success of the cadets' service in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia 300
SUKHOV A. N. Socio-psychological analysis of small informal groups. 304
USACHEVA I. V. Analysis of the system of labor motivation of police officers and ways to improve it 311
TSVETKOV V. L., PAVLOVA A. A. Clip thinking as an actual psychological problem 317

Научная статья
УДК 34:378:159
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-12-19
EDN: https://elibrary.ru/vzxxvp
NIION: 2003-0059-3/23-662
MOSURED: 77/27-003-2023-03-861

Содержание воспитательного процесса в контексте реализации образовательных программ высшего образования. Часть 1. Концептуальные основы

Игорь Александрович Калиниченко[1], Олег Валентинович Зиборов[2], Карим Кадырович Гасанов[3], Ангелина Юрьевна Мелехова[4], Любовь Николаевна Костина[5]
[1,2,3,4,5] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, support_mosu@mvd.ru

Аннотация. Рассматривается содержание воспитательного процесса в ходе реализации образовательных программ высшего образования. Сформулирована структурная характеристика учебно-воспитательного процесса в контексте образовательных программ высшего образования в МВД России.

Ключевые слова: образование, воспитание, программа, процесс, структура, содержание
Для цитирования: Калиниченко И. А., Зиборов О. В., Гасанов К. К., Мелехова А. Ю., Костина Л. Н. Содержание воспитательного процесса в контексте реализации образовательных программ высшего образования. Часть 1. Концептуальные основы // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 12–19. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-12-19. EDN: VZXXVP.

Original article

The content of the educational process in the context of the implementation of educational programs of higher education. Part 1. Conceptual foundations

Igor A. Kalinichenko[1], Oleg V. Ziborov[2], Karim K. Gasanov[3], Angelina Yu. Melekhova[4], Lyubov N. Kostina[5]
[1,2,3,4,5] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, support_mosu@mvd.ru

Abstract. The content of the educational process during the implementation of educational programs of higher education is considered. The structural characteristics of the educational process in the context of educational programs of higher education in the Ministry of Internal Affairs of Russia are formulated.

Keywords: education, upbringing, program, process, structure, content
For citation: Kalinichenko I. A., Ziborov O. V., Gasanov K. K., Melekhova A. Yu., Kostina L. N. The content of the educational process in the context of the implementation of educational programs of higher education. Part 1. Conceptual foundations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):12–19. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-12-19. EDN: VZXXVP.

Приступая к исследованию содержания воспитательного процесса в ходе реализации образовательных программ высшего образования, следует, в первую очередь, определить принципиальные позиции, которые помогут уяснить суть представленной авторской методологии. Современные условия функционирования образовательных организаций высшего образования МВД России, как, впрочем, и других ведомственных образовательных организаций, определяют необходимость использования всего арсенала образовательных и воспитательных форм, методов, приемов и средств для формирования желаемой модели будущего специалиста. При этом каждое из направлений функционирования образовательной организации высшего образования должно быть не просто организовано в соответствии с положениями действующих предписаний, но и гармонично дополнять друг друга в достижении целей профессионального образования. Уже привычными стали такие словосочетания, как «учебно-воспитательный процесс», «организационно-педагогические условия», «учебно-научный комплекс», «формы, методы, приемы и средства обучения и воспитания», «целостная личность» и другие, которые прямо указывают на необходимость комплексной профессиональной подготовки специалистов, охватывающей все направления деятельности образовательной организации высшего образования МВД России.

Представленная статья является первой в ряду публикаций, посвященных концептуальным основам и содержанию авторской методологии организации воспитательного процесса в ходе реализации образовательных программ в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя. Конечная

© Калиниченко И. А., Зиборов О. В., Гасанов К. К., Мелехова А. Ю., Костина Л. Н., 2023

цель данного исследования — разработка и утверждение сквозной программы воспитания, подготовленной в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования, реализуемыми в Университете. Вместе с тем, незначительные изменения содержания программы, применительно к иным специальностям и направлениям подготовки, позволят в полной мере реализовать программу воспитания в иных образовательных организациях высшего образования МВД России. Очевидно, что воспитательные функции реализовывались и реализуются всеми субъектами воспитания с момента создания образовательной системы нашего ведомства. Однако, организация данной работы на концептуальной основе в течение всех лет обучения в образовательной организации высшего образования путем систематизации воспитательных мероприятий в рамках одного программного документа является одной из актуальных задач, поставленных перед Университетом заместителем Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-лейтенантом полиции В. Л. Кубышко на совещании, проходившем в Университете в январе 2023 г.

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», образование представляет собой «...единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [1]. Данной нормой закона и педагогическими подходами закреплено единство (взаимосвязь) двух самостоятельных компонентов образования — воспитания и обучения, что обеспечивает целостное развитие личности обучающихся. В соответствии с указанной нормой: «воспитание — деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»; «обучение — целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенциями, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни».

Воспитание уважительного отношения к социокультурным и духовно-нравственным ценностям, а также формирование у обучающихся внутреннего согласия и солидарности с принятыми в российском обществе правилами и нормами поведения составляют основу воспитания в образовательной организации высшего образования МВД России, тогда как основу обучения составляет совокупность знаний, умений, навыков и компетенций, характеризующих подготовленность выпускника к выполнению конкретного вида профессиональной служебной деятельности, исполнению долга, беззаветному служению Отечеству. Иными словами, воспитание развивает у обучающихся нравственное сознание, правосознание и социально желаемые (профессионально важные) качества, укрепляет (а обучение формирует) необходимый уровень профессиональной компетентности, что способствует выполнению служебных задач, обусловленных спецификой профессиональной деятельности. Единство обучения и воспитания как целостного педагогического процесса с позиций педагогической науки и закрепленное законодателем в их развитии позволяет выявить интегративные системные свойства и качественные характеристики воспитательного процесса.

В данной работе на основе системного подхода в общенаучной методологии сформулирована структурная характеристика учебно-воспитательного процесса в контексте реализации образовательных программ высшего образования в МВД России.

Концептуально-ценностные основы организации воспитания как составной части учебно-воспитательного процесса. Согласно ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образование должно учи-

тывать разнообразие мировоззренческих подходов, обеспечивать формирование и развитие личности в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями (традиционными ценностями) [1].

В последние годы в российском обществе сформировался запрос на сохранение и защиту традиционных ценностей, отражением которого стало их постепенное закрепление в Конституции Российской Федерации и государственных документах стратегического планирования: Основах государственной культурной политики [2], Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. [3], Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [4], Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5] и др.

Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определено, что традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [6]. К традиционным ценностям относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Применительно к ведомственной специфике подготовки кадров для органов внутренних дел, воспитание носит системный, плановый и непрерывный характер, представляя собой целенаправленную деятельность по формированию у сотрудников комплекса гражданских, профессиональных, психологических и нравственных качеств, обусловленных потребностями службы [7, п. 4.5]. Образовательные организации высшего образования МВД России формируют у обучающихся комплекс качеств в рамках реализуемых образовательных программ по следующим основным направлениям воспитания [7, п. 19]: нравственно-этическое, эстетическое, патриотическое, правовое, профессиональное.

Проведенный анализ положений федеральных законов от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»; приказов МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», а также опыт воспитательной работы в Московском университете МВД России позволяют утверждать, что каждое из указанных направлений воспитания способствует формированию у обучающихся комплекса гражданских, профессиональных, психологических и нравственных качеств.

1. Нравственное воспитание направлено на:

♦ формирование непримиримости к чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системе идей и ценностей, построенной на культе эгоизма, наживы и вседозволенности, аморального образа жизни, отрицании достоинств человека;

♦ воспитание ценностного отношения к дружеским, семейным и иным просоциальным связям, институту брака как союза мужчины и женщины, сохранению крепкой семьи; вежливости и сдержанности в межличностных отношениях;

♦ воспитание уважения к высоким нравственным идеалам гуманизма, милосердия, сострадания, справедливости, прав и свобод человека;

♦ формирование положительного отношения к мужественности, доблести и самодисциплине сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и привычек проявления этих качеств в деятельности и повседневном поведении;

♦ воспитание чувства личного достоинства и человечности, проявляющихся в мыслях, словах и поступках;

♦ воспитание высокого уровня духовности, стремления к созидательному труду, развитию и саморазвитию личности, толерантности в межнациональных и межрелигиозных отношениях;

♦ воспитание ценностного отношения к истории своего рода, фамилии и семейным ценностям;

♦ формирование положительного отношения к честности, неподкупности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и привычек проявления этих качеств в деятельности и повседневном поведении;

♦ формирование осознанной готовности к выполнению служебных обязанностей в особых условиях и перемещению в интересах службы.

2. Эстетическое воспитание нацелено на:

♦ воспитание нравственной привычки вести себя достойно и вежливо, укрепляя авторитет органов внутренних дел Российской Федерации, вызывая к ним доверие и уважение граждан; формирование готовности оказывать содействие гражданам;

♦ обеспечение соблюдения делового стиля во внешнем виде, одежде, профессиональном общении и манере поведении, основанного на самодисциплине и выражающегося в организованности, обязательности, аккуратности, точности и внимательности;

♦ воспитание привычки отказываться от использования в устной и письменной речи оскорблений, грубости, нецензурной брани, жаргона, уголовной лексики;

♦ формирование навыков межличностных отношений в служебном коллективе, основанных на принципах товарищеского партнерства, взаимопомощи и взаимовыручки;

♦ воспитание ценностного отношения к проявлению в профессиональном общении сдержанности, скромности и чувства меры;

♦ воспитание любви к искусству, привычки ценить признанные образцы литературы, живописи, музыки, скульптуры;

♦ развитие способности воспринимать прекрасное, в том числе и то, что облагораживает нравственного человека.

3. Патриотическое воспитание ориентировано на:

♦ формирование государственно-правового мировоззрения на основе государственности, патриотизма, верности Присяге, выполнения норм Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации;

♦ обеспечение понимания и поддержки государственной политики в сфере внутренних дел, решений Президента Российской Федерации, Министра внутренних дел Российской Федерации по вопросам обеспечения законности и правопорядка;

♦ воспитание в духе преданности своему Отечеству — Российской Федерации;

♦ обеспечение понимания основ российской государственности, высокой значимости суверенитета и самобытности России, общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа России;

♦ понимание приоритета защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, идеалов патриотизма и служения Отечеству в своей деятельности;

♦ воспитание чувства гордости за свою страну, ее героическую историю и вклад в мировую историю и культуру;

♦ воспитание ответственности за судьбу России, формирование активной гражданской позиции;

♦ воспитание уважения к исторической памяти и преемственности поколений;

♦ воспитание гражданственности, государственности как мировоззренческих ценностей; понимание значимости единства народов России.

4. Правовое воспитание направлено на:

♦ формирование привычек служебного поведения, основанных на строгом соблюдении служебной дисциплины и законности, требований служебной этики, антикоррупционных стандартов;

♦ формирование уважительного отношения к требованиям законодательства и правоохранительным органам, привычек соблюдения этих требований как в учебной и служебной деятельности, так и вне службы;

♦ воспитание ценностного отношения к сведениям, отнесенным к государственной тайне, обеспечение защиты этих сведений;

♦ формирование уважительного отношения к принципам и нормам служебной и дорожно-транспортной дисциплины, привычек соблюдения этих норм.

5. Профессиональное воспитание ориентировано на:

♦ воспитание на героической истории органов внутренних дел, примерах высокого профессионализма, мужества и отваги, проявленных сотрудниками органов внутренних дел Российской империи, СССР, Российской Федерации;

♦ понимание высокой общественной значимости, профессиональной ценности деятельности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации;

♦ формирование чувства верности Присяге сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, лучшим профессиональным традициям;

♦ развитие устойчивой нравственной мотивации к добросовестному труду, повышению образовательного уровня и развитию профессионального мастерства;

♦ обеспечение сплоченности и организованности служебных коллективов, повышение профессиональной надежности, укрепление авторитета сотрудников и руководителей;

♦ понимание защиты жизни, здоровья, прав, свобод, чести, личного достоинства и законных интересов граждан как высшей нравственной цели служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации;

♦ формирование навыков неукоснительного соблюдения Конституции Российской Федерации, федеральных законов, ведомственных приказов, должностных обязанностей на основе развития у сотрудников внутреннего согласия и солидарности с нормами права;

♦ воспитание ценностного отношения к приоритету государственных и служебных интересов над личными, преданности идеалам и интересам службы;

♦ формирование привычек соблюдать субординацию, служебную исполнительность, дисциплинированность;

♦ воспитание качеств справедливости, беспристрастности, открытости;

♦ воспитание культуры межнационального общения, развитие способности учитывать национальные обычаи и традиции, религиозные чувства граждан, культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп, конфессий, содействовать согласию между ними;

♦ формирование привычек проявлять бдительность, бережливость, внимательность, осторожность в служебной деятельности и вне службы;

♦ формирование навыков коммуникабельности и убедительности в профессиональном общении;

♦ воспитание ценностного отношения к взаимопомощи и взаимоуважению; формирование навыков оказания помощи пострадавшим;

♦ воспитание ценностного отношения к коллективизму, трудолюбию, высокой трудоспособности;

♦ формирование компетентности, образованности, пунктуальности за счет воспитания ценностного отношения к этому.

Содержание воспитания в структуре учебно-воспитательного процесса. Предложенный комплекс формируемых в процессе воспитания качеств обучающихся выстроен в строгой логической последовательности, что позволяет определить структурные элементы, системные свойства и закономерности воспитания в структуре учебно-воспитательного процесса:

во-первых, в результате освоения образовательной программы у выпускника должен быть сформирован весь комплекс нравственных и профессионально важных качеств по всем основным направлениям воспитания. Для этого до начала реализации образовательной программы образовательная организация высшего образования МВД России обязана выстроить траекторию (вектор) воспитательной работы в структуре учебно-воспитательного процесса, отразив ее в рабочей программе воспитания и календарном плане воспитательной работы [1, п. 9 ст. 12];

во-вторых, реализация воспитания в структуре учебно-воспитательного процесса должна носить: 1) сквозной характер (каждая форма, метод, прием обучения и воспитания, а также отдельные средства — учебно-методический материал, учебно-наглядные пособия, информационно-телекоммуникационные сети, аппаратно-программные и аудиовизуальные средства, печатные и электронные образовательные и информационные ресурсы, необходимые для организации образовательной деятельности предусматривают (включают) воспитательные цели); 2) поэтапный характер (воспитательные результаты достигаются умелым сочетанием (чередованием) теоретического обучения, воспитания и практической подготовки); 3) непрерывный характер (воспитание целостной личности посредством развития нравственных привычек и правосознания, формирования профессионально важных качеств осуществляется на протяжении всего периода обучения и прохождения службы, в том числе в рамках профессионального обучения, дополнительного профессионального образования, а также профессиональной служебной и физической подготовки в целях систематического восполнения знаний, возникающих пробелов в профессиональной, социальной, личностной компетенциях сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации); 4) нарастающий характер (количественная и качественная характеристики учебно-воспитательного процесса в целом в рамках учебного плана образовательной программы выстраиваются по типу «от универсальных до профессиональных», когда сначала формируются нравственные и эстетические качества, затем они дополняются патриотическими и правовыми, после чего усиливаются профессиональными);

в-третьих, необходимо учитывать, что образовательная деятельность: 1) обеспечивает реализацию дисциплин (модулей), проведение практик, а также про-

межуточной аттестации обучающихся, государственной итоговой аттестации обучающихся [8]; 2) проводится в форме контактной работы обучающихся с педагогическими работниками, в форме самостоятельной работы обучающихся и в иных формах.

Полагаем, что воспитательный контент необходимо отразить в каждой из указанных составляющих, распределив его по формам учебной деятельности и периодам обучения (учебным годам, курсам, семестрам, периодам освоения модулей) следующим образом.

Модуль 1 — аудиторная работа посредством проведения: учебных занятий по дисциплинам I курса, II курса, III курса, IV курса, V курса; групповых консультаций обучающихся с педагогическими работниками; индивидуальной работы обучающихся с педагогическими работниками; текущего контроля успеваемости обучающихся; промежуточной аттестации обучающихся; итоговой (государственной итоговой) аттестации обучающихся.

Модуль 2 — внеаудиторная работа посредством проведения: выездных учебных занятий; внеаудиторных мероприятий по преподаваемым дисциплинам (викторин, олимпиад, учений, интеллектуальных и патриотических игр, конкурсов, тематических экскурсий, квестов и пр.); учебной практики обучающихся на II–III курсах; производственной практики обучающихся на IV–V курсах; самостоятельной работы обучающихся; занятий в рамках единого дня государственно-правового информирования обучающихся; занятия по морально-психологической подготовке; деятельности педагогов-кураторов; досуговой, творческой, социально-культурной, проектной, волонтерской деятельности обучающихся; дней открытых дверей (университетских суббот); научных кружков; научно-представительских мероприятий; научно-методических семинаров.

Модуль 3 — ресурсное обеспечение учебно-воспитательного процесса: нормативно-правовое, кадровое, учебно-методическое и научно-методическое (деятельность учебно-методических секций, предметно-методических секций кафедр), финансовое, информационное, материально-техническое.

Модуль 4 — образовательное пространство: социокультурное пространство населенного пункта, в котором располагается образовательная организация МВД России и ее филиалы, специфика деятельности филиалов, профильная направленность институтов и факультетов, учебно-научных комплексов, кафедр, международное сотрудничество.

Модуль 5 — сетевое взаимодействие: основные комплектующие территориальные органы МВД России, социальные партнеры, подразделения Центрального аппарата МВД России по реализации приоритетных профилей подготовки кадров.

Модуль 6 — дополнительное образование: работа Школы педагогического мастерства, повышение квалификации начальников курсов, заместителей начальников курсов, заместителей командиров взводов), повышение квалификации сотрудников кадровых подразделений, повышение квалификации начальников факультетов, заместителей начальников факультетов, повышение квалификации лиц, состоящих в кадровом резерве.

Методическое обеспечение воспитания в структуре педагогического процесса. Учебно-воспитательный процесс в рамках аудиторной работы представляет собой воздействие всего хода педагогического процесса на воспитание целостной личности и развитие профессионально важных качеств обучающихся посредством: 1) дополнительного использования материалов воспитательного характера для проведения лекций, семинаров, практических занятий; 2) приведения и анализа примеров проявления высокого профессионализма, идеалов патриотизма и служения Отечеству, нравственности, героизма, доблести и чести сотрудников полиции, органов внутренних дел Российской империи, СССР, Российской Федерации; 3) собственного примера/опыта, позиции преподавателя; 4) сочетания индивидуальных и групповых форм обучения, организации по необходимости помощи и взаимопомощи; 5) грамотного использования традиционных и инновационных педагогических технологий; 6) применения научно-обоснованных методов и приемов воспитательного воздействия.

Учебное занятие имеет воспитывающий характер, если оно формирует у обучающихся познавательный интерес при помощи: новизны и актуальности учебного материала; демонстрации достижений современной науки и положительных примеров правоприменительной практики, успешной, грамотной и слаженной служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел; обзора состояния и динамики преступлений и правонарушений, причин и условий, способствующих их совершению, ярких примеров эффективного расследования и раскрытия преступлений, в том числе резонансных; анализа практической роли научных знаний по изучаемым дисциплинам, опера-

тивно-служебной деятельности успешных и выдающихся сотрудников полиции и органов внутренних дел; многообразия самостоятельных видов работ и сменяемости их форм; высокого уровня воспитанности и педагогического такта, педагогического мастерства и оптимизма преподавателя и т. п.

Подчеркнем, что самым важным фактором воспитания в образовательной организации является личность педагога. Педагог высшей школы — особый субъект воспитания; носитель реального образа профессионала. Его личный профессиональный (педагогический, специальный) и гражданский опыт, культура (общая, педагогическая, психологическая) — главные качества воспитателя в системе высшего образования. Это обязывает педагога не только быть воспитанным, но и проявлять способность к собственному развитию, а также воспитанию и развитию каждого обучающегося, создавать условия для самоуправления развитием личности обучающихся. В этой связи следует вспомнить известное высказывание выдающегося советского педагога В. А. Сухомлинского: «педагог — не только профессия, суть которой передавать знания, но и высокая миссия сотворения личности, утверждения человека в человеке». Поэтому педагогу необходимо глубже осмысливать не только обучающую, но и воспитательную специфику своей дисциплины (модуля, учебного курса, программы). Здесь находят свое отражение базовые составляющие: соблюдение преподавателем тематического плана дисциплины; корректность постановки и достижения учебных и воспитательных целей, эффективность распределения учебного времени; высокий уровень культуры и техники речи педагога, его умение устанавливать контакт с аудиторией, лаконично отвечать на заданные вопросы; создание условий для развития творческой активности обучающихся, объективность оценивания.

Примерами отдельных приемов целенаправленной и комплексной деятельности, позволяющих реализовать воспитательные цели учебных занятий в образовательной организации высшего образования МВД России, являются:

1) побуждение обучающихся уважать и соблюдать общепринятые нормы поведения и правила общения как со старшими (педагогическими работниками), так и со сверстниками (обучающимися), а также побуждение к проявлению обучающимися самоорганизации и формирования нравственных привычек, позитивное подкрепление этих привычек;

2) демонстрация преподавателем психолого-педагогической эрудиции, интеллигентности, нравственной чистоты, культуры речи в различных ситуациях учебной деятельности и взаимодействия с обучающимся/обучающимися;

3) организация работы обучающихся с заранее подготовленной и предоставляемой на учебном занятии социально значимой информацией и/или материалом, имеющим воспитательный характер (обсуждение, анализ с целью выявления или осознания ценностного отношения, оценки уровня воспитанности, проявления профессионально важных качеств сотрудников, руководителей и пр.);

4) подготовка и подбор соответствующих вопросов, заданий, текстов по темам дисциплин для: проведения устного опроса; решения задач, упражнений, проблемных ситуаций, в том числе моральных дилемм; написания письменных, творческих работ с воспитательным контекстом; подготовки к зачету (экзамену, ГИА, практике);

5) поддержка исследовательской и научно-исследовательской деятельности обучающихся в рамках реализации индивидуальных и групповых исследовательских проектов, научно-прикладных работ в целях приобретения навыков самостоятельного и научного решения теоретических проблем, генерирования и оформления новых идей, в том числе в сфере воспитания (детей и подростков, молодежи, сотрудников органов внутренних дел).

Таким образом, воспитание как составная часть целостного педагогического процесса в ходе реализации образовательных программ в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя должно носить организованный, непрерывный, сквозной, поэтапный и нарастающий характер в течение всех лет обучения. Воспитательный процесс, раскрытый через концептуально-ценностные основы, направления воспитания, комплекс формируемых у обучающихся гражданских, профессиональных, психологических и нравственных качеств, структуру и содержание, методическое обеспечение выступает в качестве основы для педагогов и других субъектов воспитания. Их «миссия сотворения личности, утверждения человека в человеке» призвана найти отражение в нравственных привычках обучающихся, уважении героической истории органов внутренних дел, примеров высокого профессионализма, мужества и отваги, проявленных сотрудниками органов

внутренних дел **Российской империи, СССР, Российской Федерации,** понимании приоритета защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, идеалов патриотизма и служения Отечеству.

Список источников

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.
2. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р.
4. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203.
5. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.
6. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
7. Порядок организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900.
8. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования, утвержденный приказом Минобрнауки России от 6апреля 2021 г. № 245.

References

1. Federal Law «On Education in the Russian Federation» dated December 29, 2012 No. 273-FZ.
2. Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808.
3. Decree of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 No. 996-R.
4. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203.
5. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400.
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 «On approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian spiritual and Moral values».
7. The procedure for organizing moral and psychological support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation, approved by the Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 900 dated December 25, 2020.
8. Federal State Educational Standards of Higher Education, the Procedure for organizing and implementing educational activities for educational programs of higher education, approved by the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 245 dated April 6, 2021.

Информация об авторах

И. А. Калиниченко — кандидат педагогических наук;
О. В. Зиборов — доктор юридических наук, профессор;
К. К. Гасанов — доктор юридических наук, профессор;
А. Ю. Мелехова — кандидат юридических наук;
Л. Н. Костина — доктор психологических наук, профессор.

Information about the authors

I. A. Kalinichenko — Candidate of Pedagogical Sciences;
O. V. Ziborov — Doctor of Legal Sciences, Professor;
K. K. Gasanov — Doctor of Legal Sciences, Professor;
A. Yu. Melekhova — Candidate of Legal Sciences;
L. N. Kostina — Doctor of Psychological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 07.06.2023.
The article was submitted 08.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 07.06.2023.

Научная статья
УДК 349.41
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-20-22
EDN: https://elibrary.ru/bvvwue
NIION: 2003-0059-3/23-663
MOSURED: 77/27-003-2023-03-862

О соотношении земельного надзора и контроля

Карина Рейзудиновна Аливердиева
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия, karinaaliverdieva2107@gmail.com

Аннотация. Рассмотрено соотношение земельного надзора и контроля. Указаны и раскрыты различные подходы к соотношению этих понятий, сложившиеся в доктрине. Сделан вывод о самостоятельности данных двух правовых категорий. Предложено закрепить в законодательстве конкретные стандарты понимания контроля и надзора, а в последующем — привести нормативные акты в соответствие с принятыми стандартами.

Ключевые слова: контроль, надзор, государственный органы, деятельность, соотношение, понятие
Для цитирования: Аливердиева К. Р. О соотношении земельного надзора и контроля // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 20–22. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-20-22. EDN: BVVWUE.

Original article

On the relationship of land supervision and control

Karina R. Aliverdieva
Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow, Russia, karinaaliverdieva2107@gmail.com

Abstract. The correlation of land supervision and control is considered. Various approaches to the correlation of these concepts that have developed in the doctrine are indicated and disclosed. The conclusion is made about the independence of these two legal categories. It is proposed to fix specific standards for understanding control and supervision in the legislation, and subsequently to bring regulations in accordance with the accepted standards.

Keywords: control, supervision, state bodies, activity, correlation, concept
For citation: Aliverdieva K. R. On the relationship of land supervision and control. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):20–22. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-20-22. EDN: BVVWUE.

Проблема соотношения «надзора» и «контроля» возникла с того момента, когда эти два термина одновременно стали использоваться в земельном законодательстве (с 1 августа 2011 г.). В тот период произошли кардинальные изменения: проведена замена термина «государственный земельный контроль» на «государственный земельный надзор».

В научной среде также отсутствует единый подход к соотношению обозначенных правовых категорий. Разграничение рассматриваемых понятий важно не только с теоретической, но и практической точки зрения, так как благодаря этому обеспечивается максимальная эффективность контрольно-надзорной деятельности в сфере земельных отношений.

На сегодняшний день ситуация еще больше осложнилась: в постановлении Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1081 говорится о федеральном государственном земельном контроле (надзоре), в то время как в ЗК РФ ст. 71 называется государственный земельный надзор.

Отметим, что законодатель не придает значения доктринальным предложениям о разграничении понятий «контроль» и «надзор», рассматривая их как тождественные и применяя общий термин «контроль (надзор)», что находит отражение в законодательстве.

Как видим, термин «надзор» дан в скобках после слова «контроль».

О чем это может говорить? Как правило, это означает конкретизацию, и следовательно, можно воспринимать эти категории как синонимичные. Однако, научные деятели административного права надзор кардинально отграничивают от контроля [1, с. 76].

Такая противоречивость правовых норм подтверждает неоднозначность позиции законодателя: то ли эти понятия являются тождественными, или же все-таки имеются отличия. Разнообразие точек зрения относительно соотношения рассматриваемых понятий порождает определенные проблемы на практике.

На наш взгляд, такое положение дел не только отрицательно отражается на терминологическом

© Аливердиева К. Р., 2023

уровне и понимании, но и приводит к возникновению противоречий статусов и компетенций уполномоченных органов, и, как следствие, может повлиять на уровень обеспечения законности.

Итак, анализ юридической литературы позволяет все научные позиции сгруппировать следующим образом:

1) надзор — разновидность контроля;

2) контроль и надзор — тождественные понятия;

3) надзор — самостоятельный вид.

Так, А. Шафранов рассматривает эти понятия в широком и узком смыслах, подмечая, что «надзор в широком понимании — это форма реализации контрольной функции в рамках государственного управления. Говоря о контроле в узком смысле, указывает на смешение понятий «контроль» и «надзор» [2, с. 16].

В свою очередь, К. В. Карелин полагает, что «контроль — понятие шире надзора, и соответственно, органы, осуществляющие государственный контроль, наделены более широкими полномочиями, чем надзорные органы» [3, с. 74].

Не однозначен в своих утверждениях А. М. Тарасов: «Мы к понятию надзор относимся как к одной из форм контроля, т. е. контроль соотносится с надзором как общее и частное, целое и единичное. В целом контроль, считаем, реализуется, как правило, в следующих формах: проверка (различные ее виды), ревизия, инспектирование и надзор». При этом надо отметить, что в другом научном труде он использует термины «контроль» и «надзор» как синонимы [4, с. 17]. Справедливости ради, заметим, что встречаются и такие авторы, которые указывают на тождественность «контроля» и «надзора», и отмечают сложность в разграничении рассматриваемых понятий [5, с. 22].

В противовес данной позиции, в науке выделяется мнение, которое придает самостоятельное значение исследуемым понятиям. Так, С. Г. Нистратов сужает предмет надзора в пределах законности, в то время как предмету контроля придает более расширительное толкование, указав дополнительно и целесообразность [6, с. 8].

Таким образом, контроль отличается от надзора тем, что:

1) надзорные органы осуществляют свою деятельность в отношении не подведомственных им субъектов, органы контроля осуществляют контрольные мероприятия в основном в отношении организационно подчиненных субъектов;

2) в рамках контроля могут применяться меры дисциплинарного воздействия в отношении виновных лиц; а в процессе надзора — меры административного воздействия;

3) органы контроля осуществляют проверку различных сторон деятельности подконтрольных объектов, а органы надзора проверяют соблюдение специальных правил.

Изложенное позволяет прийти к выводу о самостоятельности данных двух правовых категорий. Таким образом, можно утверждать, что контроль и надзор — понятия разные, нетождественные, что обосновывает необходимость в должном разграничении исследуемых категорий в законодательстве Российской Федерации. Для начала предлагаем закрепить в законодательстве конкретные стандарты понимания контроля и надзора, в последующем — привести нормативные акты в соответствие с принятыми стандартами.

Относительно непосредственно земельного надзора и контроля, то на сегодняшний день представление о нем складывается исходя из всех трансформационных идей в сфере контрольно-надзорной деятельности, в том числе, и в области земельных отношений.

Как справедливо отмечается в научной среде, «контроль и надзор — не совпадающие функции государственного регулирования земельных отношений» [7, с. 111]. Однако, в юридической литературе имеется и противоположная концепция, основанная на тождественности понятий земельного контроля и надзора. Так, Е. А. Галиновская указывает на действия уполномоченных федеральных органов государственной власти при осуществлении государственного земельного надзора (контроля), которые отслеживают соблюдение правообладателями земельных участков конкретных установленных законодательно требований в области охраны земель [8, с. 44].

М. С. Студеникина обращает внимание на проблему передачи субъектам Федерации некоторых полномочий федеральных органов по осуществлению государственного контроля и надзора за исполнением требований земельного и другого законодательства [9, с. 43].

О. В. Воронцова предлагает принятие административных регламентов взаимодействия органов

государственного контроля (надзора), органов муниципального контроля при осуществлении муниципального земельного контроля [10, с. 1091].

Полагаем, что представленные подходы к соотношению земельного надзора и контроля не только голословны и не обоснованы, а идут вразрез с действующим земельным законодательством.

Список источников

1. Зиновьева О. А. Экологический контроль и надзор: проблемы соотношения в теории и законодательстве // Lexrussica. 2013. № 6. С. 76–78.

2. Шафранов А. Разграничение контрольной и надзорной деятельности в сфере исполнительной власти // Право и жизнь. 2006. № 1. С. 5–16.

3. Погодина Н. А., Карелин К. В. Соотношение контроля и надзора в российской правовой системе // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 72–74.

4. Тарасов А. М. Проблемы законодательного обеспечения государственного контроля // Государство и право. 2004. № 10. С. 15–25.

5. Галанина Л. А. Организационно-правовое обеспечение контроля за исполнением нормативно-правовых актов в субъектах Российской Федерации: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2001.

6. Нистратов С. Г. Контроль и надзор как гарантии законности (теоретико-правовой аспект): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2012.

7. Анисимов А. П., Рыженков А. Я. Земельная функция современного государства: моногр. М. : Новый индекс, 2012.

8. Галиновская Е. А. Институт юридической ответственности как составляющая земельного правопорядка // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 41–48.

9. Студеникина М. С. Кодификация законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: история, современность, перспективы развития // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 39–44.

10. Воронцова О. В. К вопросу об экологических функциях органов местного самоуправления (на примере Республики Коми) // Административное и муниципальное право. 2014. № 10 (82). С. 1091–1100.

References

1. Zinovieva O. A. Environmental control and supervision: problems of correlation in theory and legislation // Lexrussica. 2013. No. 6. P. 76–78.

2. Shafranov A. Differentiation of control and supervisory activities in the sphere of executive power // Law and life. 2006. No. 1. P. 5–16.

3. Pogodina N. A., Karelin K. V. Correlation of control and supervision in the Russian legal system // Russian Justice. 2012. No. 3. P. 72–74.

4. Tarasov A. M. Problems of legislative support of state control // State and law. 2004. No. 10. P. 15–25.

5. Galanina L. A. Organizational and legal support of control over the execution of normative legal acts in the subjects of the Russian Federation: diss. ... cand. jurid. sciences'. M., 2001.

6. Nistratov S. G. Control and supervision as guarantees of legality (theoretical and legal aspect): abstract. diss. ... cand. jurid. sciences'. Volgograd, 2012.

7. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Ya. The land function of the modern state: monogr. M. : New Index, 2012.

8. Galinovskaya E. A. Institute of Legal responsibility as a component of land law and order // Journal of Russian Law. 2014. No. 1. P. 41–48.

9. Studenikina M. S. Codification of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses: history, modernity, prospects for development // Administrative law and process. 2014. No. 9. P. 39–44.

10. Vorontsova O. V. On the issue of environmental functions of local self-government bodies (on the example of the Komi Republic) // Administrative and municipal law. 2014. No. 10 (82). P. 1091–1100.

Информация об авторе

К. Р. Аливердиева — студентка Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина.

Information about the author

K. R. Aliverdieva — Student of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin.

Статья поступила в редакцию 08.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 07.06.2023.
The article was submitted 08.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 07.06.2023.

Научная статья
УДК 342.49
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-23-26
EDN: https://elibrary.ru/bvpsho
NIION: 2003-0059-3/23-664
MOSURED: 77/27-003-2023-03-863

Соотношение вины и субъективной стороны административного правонарушения

Венера Наимовна Амельчакова[1], Галина Николаевна Суслова[2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, venera_amel63@mail.ru
[2] Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Тверь, Россия, gn_suslova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы соотношения вины и субъективной стороны административного правонарушения.
Ключевые слова: административное правонарушение, субъективная сторона, вина, факультативные признаки, мотив, цель
Для цитирования: Амельчакова В. Н., Суслова Г. Н. Соотношение вины и субъективной стороны административного правонарушения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 23–26. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-23-26. EDN: BVPSHO.

Original article

Ratio of guilt and subjective side of administrative offense

Venera N. Amelchakova[1], Galina N. Suslova[2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, venera_amel63@mail.ru
[2] Tver branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Tver, Russia, gn_suslova@mail.ru

Abstract. The issues of the correlation of guilt and the subjective side of an administrative offense are considered.
Keywords: administrative offense, subjective party, optional features, motive, purpose
For citation: Amelchakova V. N., Suslova G. N. Ratio of guilt and subjective side of administrative offense. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):23–26. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-23-26. EDN: BVPSHO.

Доктрина права закрепляет положение, в соответствии с которым такой обязательный признак состава правонарушения, как субъективная сторона должен пониматься в виде психической деятельности лица, непосредственно связанной с совершением им правонарушения. Исходя из этого, субъективная сторона, в широком смысле, являет собой внутреннюю суть каждого правонарушения.

Правонарушение — это сложное общественное явление, включающее в себя деяние, проявляющееся внешне, и внутреннюю деятельность человека, определяемую в психологии как психическую активность [2], связанную с совершением общественно опасного деяния.

Психическая активность лица, совершающего правонарушение, представляет собой синтез следующих признаков: вины (основными формами выражения которой является умысел и неосторожность), мотива, цели и эмоций.

Данные признаки характеризуют психическую активность лица, непосредственно относящуюся к совершению правонарушения и, в своей совокупности составляют содержание субъективной стороны совершаемого правонарушения [5].

В то же время, для установления субъективной стороны как обязательного элемента состава правонарушения, не является обязательным наличие всех вышеперечисленных признаков. К числу обязательных признаков относят вину, установление которой необходимо в каждом отдельно взятом случае совершения правонарушения. В свою очередь, мотив, цель и эмоции носят факультативный характер; т. е., при квалификации совершенного деяния, их обязательность обусловливается включенностью в описание состава данного правонарушения. Иными словами, в случае, если один или несколько факультативных признаков субъективной стороны выступают конструктивным признаком совершенного правонарушения, то их необходимо установить. В остальных случаях — это не является обязательным, однако, данные признаки могут учитываться юрисдикционными органами

© Амельчакова В. Н., Суслова Г. Н., 2023

при избрании административного наказания (его вида и размера).

Считаем значимым отметить, что одним из важнейших и ввиду этого наиболее дискуссионным учением в рамках административного права является именно учение о субъективной стороне правонарушения.

Именно субъективная сторона является составной частью основания административной ответственности. Отсутствие субъективной стороны правонарушения бескомпромиссно и однозначно означает отсутствие состава правонарушения в целом. Здесь мы затрагиваем актуальную, не получившую вплоть до сегодняшнего дня разрешения доктринальную и правоприменительную проблему: как соотносятся субъективная сторона правонарушения и вина.

Как было отмечено ранее, данная тема является достаточно дискуссионной. Множество ученых, исследовавших категории субъективной стороны правонарушения и вины, ведут активные споры относительно их соотношении уже на протяжении длительного времени. При этом, как представляется логичным, были выработаны различные подходы.

Однако, полноценный анализ литературы позволил нам выделить две противоположные точки зрения относительно соотношении исследуемых понятий, а именно, понятия вины и субъективной стороны правонарушения:

♦ совпадают; при этом субъективная сторона правонарушения сводится к категории вины. Так, часть ученых, рассматривают данные категории как синонимичные, что подтверждается названиями или содержанием представленных ими научных трудов [4];

♦ не совпадают.

На наш взгляд, наиболее рациональной является вторая точка зрения, так как она учитывает тот факт, что субъективная сторона правонарушения — это более объемное и многоплановое правовое явление, включающее в свою структуру не только вину, а также иные психические процессы (такие как мотив и цель совершения правонарушения).

Таким образом, субъективная сторона правонарушения, являясь сущностным и правовым явлением, выступает совокупностью взаимосвязанных признаков, отражающих принципиально важный для законодательной и правоприменительной деятельности момент — внутреннее отношение лица к совершаемому правонарушению. Значение данного момента для обозначенных видов деятельности заключается в непосредственном влиянии на дифференциацию и индивидуализацию административной ответственности и наказания.

Субъективная сторона представляет собой своеобразное «звено» правонарушения, предопределяющее возникающую между субъектом и объектом интеллектуально-волевую связь.

В то же время, как было отмечено ранее, в психической активности лица, совершающего правонарушение, присутствуют и иные элементы, без учета которых субъективная сторона правонарушения сводится лишь к вине.

Форма вины определяется через формулы различного соотношения интеллектуальных и волевых процессов. Отдельные из которых, получившие закрепление в действующем законодательстве, соотносясь с эмоциональными составляющими, различными целями и мотивами совершения правонарушения, детерминируют особенности личностного отношения лица к совершенному в целом.

Для более тщательного раскрытия темы обратимся к ст. 2.2 КоАП РФ. Данная статья предусматривает возможность совершения административного правонарушения умышленно или по неосторожности, тем самым законодательно закрепляя две формы вины.

Учитывая специфику административных правонарушений как противоправных деяний, справедливо будет отметить, что именно умысел, вне зависимости от того, выражен он прямо или косвенно, является преобладающей формой вины при их совершении.

Рассматривая умысел как форму вины в административном правонарушении, рассмотрим соотношение интеллектуального и волевого момента. Данные соотношения закреплены в науке административного права и, в целом, являются устоявшимися.

Так, совершение правонарушения умышленно подразумевает факт осознания лицом противоправности своего деяния (поведения) и его возможности предусмотреть наступление общественно-опасных последствий. При этом прямой умысел свидетельствует о том, что лицо, совершающее правонарушение, желает наступления этих последствий, а косвенный — что лицо не желает, но допускает возможность их наступления или относится к ним безразлично. Подразделение умысла на виды не имеет практического значения при квалификации совершенного правонарушения.

В зависимости от наступления общественно-опасных последствий все составы правонарушений, закрепленные в КоАП РФ, принято подразделять на формальные и материальные. Законодатель, разрабатывая действующий КоАП РФ и внося соответствую-

щие изменения, включил в него множество составов правонарушений, носящих формальный состав. Представляется логичным, что умышленно совершаются административные правонарушения обоих видов.

Однако в соответствии с одной из теорий, разработанной в рамках науки административного права, административные правонарушения, наступление общественно-опасных последствий в которых носит формальный характер (правонарушения с формальным составом), совершаются исключительно с прямым умыслом. Их совершение с иными формами вины, согласно данной теории, не представляется возможным. При этом важно отметить, что при совершении административных правонарушений формального характера, необходимо следующее соотношение интеллектуального и волевого моментов: лицо осознает фактический характер совершаемого и желает его совершения [3, с. 185–195].

В свою очередь, неосторожность, как форма вины в административных правонарушениях, характеризуется отсутствием у лица осознания противоправности своего деяния (поведения) и подразделяется на виды в зависимости от факта предвидения лицом вероятности наступления общественно-опасных последствий.

Рассмотрим данное положение подробнее. Так, лицо, имеющее реальную возможность предусмотреть наступление негативных последствий, самонадеянно (не имея достаточных оснований) рассчитывающее их устранить, совершает административное правонарушение легкомысленно (самонадеянно). В свою очередь, лицо, не имеющее возможности предвидеть наступление таких последствий (хотя оно должно было и могло их предвидеть, при должной внимательности и осмотрительности), совершает правонарушение с небрежностью.

Неосторожная форма вины, ввиду ее специфических черт, является одной из наиболее дискуссионных тем в рамках науки административного права. Так, к примеру, множество дискуссий вызывает возможность признать административным правонарушением деяние, совершенное по неосторожности. По данному вопросу, мы придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой административным правонарушением может быть признано деяние, совершенное по неосторожности (небрежно или легкомысленно), если КоАП РФ или закон субъекта РФ об административных правонарушениях содержит соответствующую, прямо закрепляющую данную возможность.

К примеру, в ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ закреплено данное положение в формулировке: «повлекшее по неосторожности причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего».

Исследуемая форма вины определяется отношением лица к последствиям совершенного правонарушения, что свидетельствует о возможности совершения с неосторожной формой вины только правонарушений, в результате которых наступают общественно-опасные последствия, т. е. правонарушений с материальным составом. Согласно букве закона, самое деяние, совершенное по неосторожности, выступает за рамки предмета правовой оценки.

Следующей дискуссионной проблемой выступает возможность совершения административного правонарушения с двумя формами вины. Так, ряд авторов, в том числе в комментариях к КоАП РФ, полагает, что такое возможно. Данный вывод можно сделать из использования ими следующих выражений: «как умышленно, так и по неосторожности», «субъективная сторона — вина в форме умысла или неосторожности», и «субъективная сторона характеризуется как умыслом, так и неосторожностью» [1].

На наш взгляд, на формирование данной позиции оказал влияние тот факт, что законодатель в конструкции некоторых норм КоАП РФ закрепил возможность совершения административного правонарушения альтернативными способами, непосредственно влияющими на определение субъективной стороны правонарушения. К примеру, ст. 19.16 КоАП РФ содержит следующие описание состава правонарушения: «умышленное уничтожение или порча документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), либо небрежное хранение документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), повлекшее утрату документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта)».

Позиция, в соответствии с которой административное правонарушение может быть совершено с двумя формами вины, является в корне ошибочной, так как противоречит «букве закона». А применение закона в соответствии с ней послужит причиной хаоса, так как станет возможным вменение лицу норм, не содержащих специального указания на субъективное отношение виновного к последствиям совершенного административного правонарушения.

Также считаем важным отметить, что при допустимости возможности совершения административного правонарушения с двумя формами вины, нарушается такой принцип, как справедливость наказания. Иными словами, в таком случае лицу, совершившему административное правонарушение, в соответствии с санкцией, предусмотренной соответствующей

статьей, назначается наказание, вне зависимости от формы вины, что не является справедливым.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что вина — это обязательный признак состава административного правонарушения, правовое значение которого состоит в том факте, что посредством установления формы вины (умысла или неосторожности), определяется психическое отношение лица к совершаемому деянию и наступившим последствиям.

Рассматривая зависимость формы вины и вида состава административного правонарушения, отметим, что, на наш взгляд, по неосторожности могут быть совершены только правонарушения, повлекшие наступление общественно-опасных последствий (правонарушения с материальным составом). При этом умышленная форма вины не предполагает ограничений по виду правонарушения.

Общеизвестно, что вина является обязательным признаком состава административного правонарушения. Однако тот факт, что ее форма и вид не имеют значения для квалификации деяния, а также не находят практической реализации в деятельности правоприменителя, непосредственно влияет на ее неопределенность.

В то же время, конструкция диспозиций отдельных норм КоАП РФ, не содержащих указание на форму и вид вины, значительно усложняет деятельность правоприменителя.

Таким образом, подчеркнем, что все юридические термины, которые употребляются при привлечении лица к административной ответственности, должны быть употребимы исключительно в строгом соответствии с их законодательным описанием.

Список источников

1. Моисеев А. В., Немова Е. Н. Вина юридических лиц и особенности ее доказывания // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 2. № 4. С. 53–59.

2. Петраш А. В. Субъективная сторона правонарушения // Крымский Академический вестник. 2021. № 17. С. 173–179.

3. Синицина С. В. Субъективная сторона административного правонарушения // Российская государственность и правовая система в XXI в.: тенденции, противоречия и перспективы развития. 2017.

4. Типикина Е. В., Тихонова О. Ю. К вопросу о субъективной стороне правонарушения // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 2-1. С. 202–208.

5. Федосенко Д. А. Субъективная сторона правонарушения // Интернаука. 2021. № 9-1 (185). С. 95–98.

References

1. Moiseev A. V., Nemova E. N. Guilt of legal entities and features of its proof // Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University. 2019. Vol. 2. No. 4. P. 53–59.

2. Petrash A. V. The subjective side of the offense // Crimean Academic Bulletin. 2021. No. 17. P. 173–179.

3. Sinitsyna S. V. The subjective side of an administrative offense // Russian statehood and the legal system in the XXI century: trends, contradictions and prospects for development. 2017.

4. Tipikina E. V., Tikhonova O. Yu. On the issue of the subjective side of the offense // Issues of Russian and international law. 2021. Vol. 11. No. 2-1. P. 202–208.

5. Fedosenko D. A. The subjective side of the offense // Internauka. 2021. No. 9-1 (185). P. 95–98.

Информация об авторах

В. Н. Амельчакова — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Г. Н. Суслова — доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. N. Amelchakova — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

G. N. Suslova — Associate Professor Chair of Department of Legal and Humanitarian Preparation of the Tver branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 12.05.2023.
The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 12.05.2023.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-27-31
EDN: https://elibrary.ru/yoynjn
NIION: 2003-0059-3/23-665
MOSURED: 77/27-003-2023-03-864

Социально-правовой анализ проблемы профилактики девиантного поведения молодежи

Виталий Юрьевич Бельский[1], Софья Денисовна Князева[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] v.belskiy@bk.ru
[2] KnyazevaS.D@yandex.ru

Аннотация. Исследуется метод социально-правового анализа, исходя из позиции, согласно которой, траектории поведения в молодежной сфере достаточно значимы для общества и отдельной личности. Подобный подход обусловлен значимостью социально полезного поведения молодежи и правомерной направленности в целом в молодежной среде. На настоящий момент, актуальной проблемой выступает негативное девиантное поведение молодежи, наносящее вред различным отношениями, деструктивно влияющее на иных лиц, а также, зачастую приводящее к разрушительным последствиям различного характера. На социально-правовом уровне производится исследование проблемы девиантного поведения молодежи.

Ключевые слова: молодежь, девиантное поведение, проблемы, профилактика, формы, перспективы, развитие
Для цитирования: Бельский В. Ю., Князева С. Д. Социально-правовой анализ проблемы профилактики девиантного поведения молодежи // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 27–31. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-27-31. EDN: YOYNJN.

Original article

Socio-legal analysis of the problem of prevention of deviant behavior of youth

Vitaly Yu. Belsky[1], Sofya D. Knyazeva[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] v.belskiy@bk.ru
[2] KnyazevaS.D@yandex.ru

Abstract. The method of socio-legal analysis is investigated, based on the position according to which the trajectories of behavior in the youth sphere are quite significant for society and an individual. This approach is due to the importance of socially useful behavior of young people and legitimate orientation in general in the youth environment. At the moment, an urgent problem is the negative deviant behavior of young people, which harms various relationships, destructively affects other people, and also often leads to destructive consequences of various kinds. At the socio-legal level, the problem of deviant behavior of young people is being investigated.

Keywords: youth, deviant behavior, problems, prevention, forms, prospects, development
For citation: Belsky V. Yu., Knyazeva S. D. Socio-legal analysis of the problem of prevention of deviant behavior of youth. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):27–31. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-27-31. EDN: YOYNJN.

В настоящее время значимыми для науки и практики выступают вопросы полноценного развития молодежи и молодежной среды, позитивные процессы в данной сфере, обеспечивающие будущее развитие общества и государства. В таком контексте работа с молодежью является одной из приоритетных целей, стоящих перед государством.

Средства, используемые для активизации положительных процессов в молодежной среде весьма разнообразны и обеспечиваются целым рядом научных отраслей: право, философия, педагогика, психология, социология и др. Важность развития молодежи предопределяет применение комплексного, междисциплинарного подхода к решению наиболее важных, актуальных вопросов.

Одной из существенных проблем, стоящих перед наукой и практикой, выступает борьба с делинквентным и девиантным поведением деструктивного содержания молодежи и применением различных форм профилактики в данной сфере. Обусловлена актуаль-

© Бельский В. Ю., Князева С. Д., 2023

ность данного направления проводимой политики государства, уделяющей внимание полноценному и всестороннему развитию молодежи. Несмотря на то, что современные исследователи [1] регулярно обращаются к проблеме государственного регулирования количественно-качественной динамики социальных отклонений, следует более подробно остановиться на данном аспекте.

Правовая система РФ обеспечивает нормативное закрепление работы с молодежью. Вместе с тем, логика как основа юридического подхода требует от нас определиться с содержанием ключевых понятий. Так, в частности, необходимо определить граждан, которые отнесены с правовой точки зрения к молодежи.

Также необходимо отметить, что государство ставит приоритет интересов человека и гражданина перед интересами государства, что обусловлено конституционно закрепленными принципами (ст. 2, гл. 2 Конституции РФ) [2]; актуальным направлением в развитии общества и государства становится развитие системы органов и должностных лиц, которые следят за неукоснительным соблюдением указанных прав. На особенностях работы соответствующих органов и должностных лиц в части девиантного поведения молодежи внимание будет остановлено далее.

Действующим законодательством определено, что несовершеннолетний — это лицо до 18 лет. Такой вывод следует из ст. 1 Конвенции о правах ребенка [3], ч. 1 ст. 54 СК РФ [5]. Рассматривая с позиции гражданского законодательства, можно выделить две категории: малолетние (ст. 28 ГК РФ); несовершеннолетние возрастом с 14 до 18 лет (ст. 26 ГК РФ) [4]. Понятие подростка является межотраслевым, и рассматривается во многих науках. Так, в психологии, подростковый возраст имеет деление внутри категории, включая в себя несколько внутренних делений. Преимущественно, проблемы девиантного поведения применимы к подростковому возрасту, нежели в малолетним.

Категория «молодежь» подразумевает включение как несовершеннолетних, так и совершеннолетних граждан. Согласно п. 1 ст. 2 ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»: молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за некоторыми исключениями, когда отдельными программами или субъектами РФ устанавливается большая верхняя возрастная планка для категории), имеющих гражданство РФ [8].

Таким образом, молодежь и подростков можно соотнести как общее и частное. Несомненно, с позиции вопросов девиантного поведения, защиты и охраны от противоправных действий подростковому возрасту уделяется большее внимание, так как несовершеннолетние считаются более уязвимой категорией граждан.

По этому поводу С. П. Татарова отмечает: «Девиантное поведение подростков в современном российском обществе характеризуется рядом негативных тенденций, во-первых, рост подростковой девиации, угрожающий стабильности общества, во-вторых, омоложение и феминизация субъектов девиантного поведения, в-третьих, жестокость, цинизм совершаемых преступлений, групповая направленность деяний, в-четвертых, устойчивая взаимная связь и обусловленность между различными формами девиаций» [11, с. 13].

Девиантное поведение, по своей сути, имеет в основе множество причин и условий, во многом обусловленных именно спецификой возрастных особенностей. Так, К. М. Дворникова отмечает: «Причины рискованного поведения несовершеннолетних скрыты в особенностях возраста: импульсивности, экстраверсии, эмоциональной неустойчивости, стремлении расширить границы дозволенного» [10, с. 24].

Обобщая причины и условия девиантного поведения, можно отметить наличие ряда компонентов:

- особенности личности, в том числе возрастные характеристики, образ жизни и пр.;
- характеристики ближайшего социального окружения, в том числе семьи, друзей, школы и пр.;
- негативные и противоречивые общественные процессы.

Фактически, под девиантным поведением следует понимать формы нестандартного поведения отдельного лица или группы лиц в обществе, обусловленные обширным комплексом детерминирующих факторов. Такое поведение имеет признаки отклонений от общепринятых норм и вызывает у иных лиц (групп, общества) негативную социальную реакцию, а в отдельных случаях и конкретные санкции (подразумеваются как правовые, так и воспитательные реакции).

Говорить о полном отсутствии девиантного поведения у граждан старше 18 лет, отнесенных к молодежи, было бы не верно. Молодежь является специфической социальной группой, которая, при условии объединения по критерию возрастных особенностей, не отличается полной однородностью. Признаки де-

виантного поведения могут затрагивать любое лицо в рамках исследуемой категории.

Девиантное поведение имеет различные формы, зачастую достаточно негативные, среди них опасные увлечения, которые могут приводить к нанесению вреда здоровью человека, включающему ряд компонентов (физический, психический, психологический). Девиантное поведение зачастую приводит к противоправному поведению личности, совершению правонарушений и преступлений. В таком контексте достаточно важно осуществление профилактической деятельности.

Проблемы девиантного поведения молодежи достаточно сложны и требуют не только усилий в рамках работы с отдельными лицами, группами и иными малыми социальными образованиями. Необходимо выстраивание соответствующей государственной политики, обладающей целенаправленным характером, четкое распределение полномочий и компетенций между задействованными в данном процессе лицами.

Со стороны государства заложены правовые основы профилактики девиантного поведения (ст. 38 Конституции РФ). Традиционно сложился подход, согласно которому несовершеннолетние граждане нуждаются в особых мерах охраны и защиты в связи с особенностями физического и умственного развития. Необходима реализация механизмов такой защиты, которая должна находить отражение и в профилактике девиантного поведения. Потребность в комплексном использовании существующих средств обусловлена и сложными, подчас кризисными, явлениями в социально-экономической и иных сферах жизнедеятельности общества.

Нормальное развитие молодежи и профилактика девиантного поведения обладает стратегическим зна= чением для государства. Профилактика девиантного поведения не только нормализует жизнедеятельность отдельного подростка, но и снижает вероятность его вовлечения в антиобщественные действия, совершение правонарушений и преступлений. Профилактика предотвращает негативное воздействие на общество посредством работы с отдельным лицом или группой.

Специальное регулирование по вопросам работы с девиантным поведением молодежи отсутствует. Рассматривается в контексте общих вопросов работы с молодежью, в том числе с подростками: прямо или косвенно находит отражение в нормативных правовых актах, действующих в сфере образования и воспитания, охраны семьи и детства, осуществления молодежной политики государства и др.

Следует отметить и п. 2 ст. 2 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее — № 182-ФЗ): «профилактика правонарушений — совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения» [7]. Несомненно, профилактика правонарушений тесно пересекается с профилактикой девиантного поведения.

Несмотря на наличие значительного количества нормативно-правовых актов, связанных прямо или косвено с молодежной средой, нельзя сказать, что все они эффективно реализуются. Законодательством регламентируется система органов и учреждений по защите прав и законных интересов несовершеннолетних. Сюда относятся — Уполномоченный по правам ребенка, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства, управление социальной защитой населения, управление образованием, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, ОВД и др. На основании ст. 56 СК РФ к данным субъектам также относится суд и прокуратура.

В ст. 4 гл. 2 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определены правовые основы взаимодействия органов и организаций, задействованных в проведении соответствующей работы с несовершеннолетними [6]. Однако, существенной проблемой выступает отсутствие четкого регламента взаимодействия таких органов, что не способствует выработке эффективного взаимодействия проблем девиантного поведения подростков и молодежи.

Профилактика девиантного поведения включает в себя комплекс мероприятий, имеющих следующие признаки:

♦ осуществление планирования, мониторинга, прогнозирования;

♦ на основании исследования существующей обстановки разработка конкретных предупреждающих мер;

♦ реализация комплексного подхода;

♦ применение индивидуальной и коллективной форм работы и проведение соответствующих мероприятий;

♦ использование в индивидуальной работе личностно-ориентированных технологий, побуждающих к развитию мотивации, ориентации на правомерное поведение, позитивную деятельность.

Как ранее было отмечено, четкая модель профилактики девиантного поведения молодежи на федеральном или региональных уровнях не установлена. Однако, накоплен существенный опыт позитивной работы в данном направлении. Так, М. М. Атабиева отмечает важность раннего выявления неблагополучных семей и проблемных подростков. Указывает на важность соблюдения адресности, доступности, конфиденциальности и др. На основании собственного практического опыта, исследователем описывается системное взаимодействие: заключено четырехстороннее соглашение (Уполномоченный по правам ребенка КЧР — Министерство Внутренних дел КЧР — Министерство труда и социального развития КЧР — Общественный совет при МВД по КЧР). На основании чего, был реализован комплекс мер по профилактике девиантного поведения подростков [9].

Подобные меры очень важны, когда посредством комплексного взаимодействия достигаются социально значимые цели по профилактике девиантного поведения молодежи, а именно такой подгруппы, как подростки. Формы профилактики девиантного поведения молодежи весьма разнообразны, отсутствует их четкая классификация. Подобная работа может проводиться в рамках образовательного процесса или конкретно в воспитательной работе (за рамками учебной деятельности), коллективно или индивидуально, может осуществляться одним из уполномоченных должностных лиц (органов) или в рамках комплексного взаимодействия.

Вне зависимости от формы профилактики девиантного поведения молодежи, важна ее систематичность, научная обоснованность, регулярность, обеспечение эффективных средств. Не меньшее значение имеет верное определение причин девиантного поведения, которые весьма разнообразны: трудности в социализации, нарушения деятельности системы социального контроля, особенности личности девиантного подростка, социальные и культурные причины, наклеивание «ярлыков», риски взросления подростков, проблемы кибербезопасности и др.

Изучение и выявление девиантного поведения подростков производится разнообразными способами, применяются следующие методы изучения отклоняющегося поведения: социологические, психологические, педагогические. Определение причин и условий девиантного поведения становится основой использования конкретных методик, обеспечивающих эффективность профилактики. Профилактика девиантного поведения зачастую включает несколько уровней, является достаточно сложным процессом и осуществляется как в индивидуальной форме, так и посредством разработки специальных программ.

Подводя итоги, необходимо отметить, что проблемы девиантного и делинквентного поведения молодежи, в частности, подростков, на современном этапе стоят достаточно остро. Необходимо обобщение положительного опыта профилактики девиантного поведения и разработка методических основ на федеральном уровне, что может быть использовано как основа при осуществлении индивидуальной и коллективной профилактики. Помимо этого, необходимо усиление взаимодействия должностных лиц и государственных органов, уполномоченных на профилактику девиантного поведения молодежи.

Список источников

1. Бельский В. Ю. Роль правоохранительных органов в профилактике и предупреждении девиантного поведения молодежи: мат. междунар. науч. конф., посвященной 300-летию Российской полиции. СПб., 2018. С. 1203–1209.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL://http://www.pravo.gov.ru.

3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25 февраля 2022 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 21 ноября 2022 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

6. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 21 ноября 2022 г.) «Об основах системы про-

филактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Российская газета. 1999. 30 июня.

7. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 28 июня.

8. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.

9. Атабиева М. М. Актуальные проблемы девиантного поведения несовершеннолетних: сб. мат. по итогам всерос. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 8–13.

10. Дворникова К. М. Экстремальные увлечения молодежи: опасность и профилактика // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 3. № 8. С. 23–27.

11. Татарова С. П. Девиантное поведение подростков и социальные технологии его профилактики в условиях перехода российского общества к рыночным отношениям: автореф. дисс. ... докт. социол. наук. Улан-Удэ, 2007.

References

1. Belsky V. Yu. The role of law enforcement agencies in the prevention and prevention of deviant behavior of young people: mat. international scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian police. St. Petersburg, 2018. P. 1203–1209.

2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL://http://www.pravo.gov.ru.

3. The Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989) (entered into force for the USSR on September 15, 1990) // Collection of International Treaties of the USSR. 1993. Issue XLVI.

4. The Civil Code of the Russian Federation (Part I) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on February 25, 2022) // SZ RF. 1994. No. 32. St. 3301.

5. The Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on 21 November 2022) // SZ RF. 1996. No. 1. St. 16.

6. Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 (ed. of November 21, 2022) «On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency» // Rossiyskaya Gazeta. 1999. June 30.

7. Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016 «On the basics of the system of crime prevention in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2016. June 28.

8. Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 «On Youth Policy in the Russian Federation» // SZ RF. 2021. No. 1 (Part I). St. 28.

9. Atabieva M. M. Actual problems of deviant behavior of minors: sat. mat. according to the results of the All-Russian scientific and practical conference. M., 2021. P. 8–13.

10. Dvornikova K. M. Extreme hobbies of youth: danger and prevention // My professional career. 2020. Vol. 3. No. 8. P. 23–27.

11. Tatarova S. P. Deviant behavior of adolescents and social technologies of its prevention in the conditions of transition of Russian society to market relations: abstract. diss. ... doct. social sciences. Ulan-Ude, 2007.

Информация об авторах

В. Ю. Бельский — профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук, профессор;

С. Д. Князева — курсант 291 взвода 3 «У» факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. Yu. Belsky — Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Philosophical Sciences, Professor;

S. D. Knyazeva — Cadet of the 291 Platoon 3 «U» of the Faculty of Police Training for Public Order units of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 12.05.2023.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-32-39
EDN: https://elibrary.ru/ycaxyu
NIION: 2003-0059-3/23-666
MOSURED: 77/27-003-2023-03-865

Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением

Виталий Константинович Бобров
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва Россия, dvbobrov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемы, связанные с обеспечением прав участников уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением, являющегося одним из видов окончания предварительного расследования.

Ключевые слова: окончание предварительного следствия, структура окончания предварительного следствия, подготовительная часть, уведомительная часть, ознакомительная часть

Для цитирования: Бобров В. К. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 32–39. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-32-39. EDN: YCAXYU.

Original article

Ensuring the rights of participants in criminal proceedings at the end of the preliminary investigation with an indictment

Vitaly K. Bobrov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, dvbobrov@mail.ru

Abstract. Some problems related to ensuring the rights of participants in criminal proceedings at the end of the preliminary investigation with an indictment, which is one of the types of the end of the preliminary investigation, are considered.

Keywords: end of the preliminary investigation, structure of the end of the preliminary investigation, preparatory part, notification part, introductory part

For citation: Bobrov V. K. Ensuring the rights of participants in criminal proceedings at the end of the preliminary investigation with an indictment. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):32–39. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-32-39. EDN: YCAXYU.

Предварительное следствие является основной формой предварительного расследования. Оно обязательно по всем наиболее серьезным преступлением — по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, при расследовании которых особо острой является проблема обеспечения прав и законных интересов лиц, участвующих в расследовании таких дел. Предварительное следствие представляет собой определенную систему процессуальных действий и решений, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, которые в своей совокупности образует структуру, складывающуюся из отдельных частей, этапов. Предварительное следствие имеет начало, каковым является постановление следователя о возбуждении уголовного дела и принятии его к своему производству, либо же постановление следователя о принятии уголовного дела к своему производству, если оно было возбуждено другими органом, а затем направлено по последовательности.

Заключительным этапом предварительного следствия является его окончание, в ходе которого следователь, оценив собранные по делу доказательства, принимает решение о его прекращении или направлении в суд с обвинительным заключением для рассмотрения и разрешения по существу.

Окончание предварительного следствия с составлением обвинительного заключения — это не одномоментный акт. Это достаточно насыщенная по содержанию и продолжительная по времени процедура. Она включает комплекс процессуальных действий и решений, которые должны быть выпол-

© Бобров В. К., 2023

нены следователем, прежде чем оконченное расследованием дело направить в суд.

К окончанию предварительного следствия следователь приступает тогда, когда он признает, что по делу все следственные действия произведены, а собранные доказательства позволяют сделать вывод, что преступление имело место, что оно совершено обвиняемым и что обвиняемый в соответствии с законом должен понести уголовную ответственность и уголовное наказание по приговору суда.

Свое решение следователь оформляет в итоговом документе, завершающем досудебное производство по делу, — в обвинительном заключении. В нем излагается существо дела, дается окончательная формулировка обвинения и юридическая квалификация деяния, а также вывод следователя о необходимости направления дела в суд.

Вместе с тем, составлению обвинительного заключения должна предшествовать процессуальная деятельность следователя, связанная с осуществлением комплекса процессуальных действий, решений, составляющих содержание завершающего этапа предварительного расследования, которые в своей совокупности направлены на надлежащее обеспечение прав и законных интересов участников процесса, имеющих свои интересы в уголовном деле.

В юридической литературе понятие «обеспечение прав личности в уголовном процессе» связывается с понятием уголовно-процессуальных гарантий. Они рассматриваются как тождественные [11, с. 34]. Такой взгляд на рассматриваемую проблему в свое время была высказана профессором М. С. Строговичем, который процессуальными гарантиями называл установленные законом **средства** (выд. авт.), при помощи которых участвующие в уголовном процессе граждане могут защищать свои права и интересы [7, с. 83]. С тех пор основные усилия ученых сосредоточены на проблемах, связанных с видами, содержанием средств обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Не вступая в дискуссию по этим вопросам, отметим, что перечень средств, достойных быть отнесенными к уголовно-процессуальным гарантиям, достаточно широк. К ним относят: конкретные права и обязанности участников процесса; правовые нормы; принципы уголовного процесса; процессуальную форму и в целом весь уголовный процесс [11, с. 38]. Как указывала Т. Н. Добровольская, подводя итоги дискуссии по рассматриваемой проблеме, все уголовно-процессуальные гарантии — это установленные нормами уголовно-процессуального закона различные по своему конкретному содержанию средства, в совокупности своей обеспечивающие участвующим в деле лицам возможность реализовать предоставленные им права [2, с. 133].

Несмотря на существенные различия как по видам, так и по содержанию, уголовно-процессуальные гарантии представляют единую систему, в которой средства обеспечения прав и интересов участников процесса действуют не разрозненно, не хаотично, а во взаимосвязи, во взаимодействии. Игнорирование следователем хотя бы одного из предоставленных участнику процесса прав, может отрицательным образом сказаться на результатах его следственной работы. Не разъяснение, например, следователем при ознакомлении с материалами дела обвиняемому прав, предусмотренных ч. 5 ст. 217 УПК РФ, является основанием для возвращения прокурору уголовного дела из суда (п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

Уголовно-процессуальные гарантии сами по себе могут рассматриваться лишь в статике. Они действуют и реализуются только в динамике — в уголовно-процессуальных отношениях участников уголовного судопроизводства, наделенных субъективными правами и несущих субъективные обязанности. Так, праву обвиняемого на защиту корреспондируется обязанность следователя при определенных обстоятельствах обеспечить участие в деле защитника по назначению (ч. 2 ст. 50 УПК РФ).

Уровень подлежащих применению процессуальных средств обеспечения зависит от процессуального статуса участника и степени ограничения его интересов в уголовном процессе. Чем в большей степени они затрагиваются, тем в более высоком уровне защиты они нуждаются.

Система процессуальных гарантий носит характер иерархической структуры. Так, право участников уголовного судопроизводства на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированное каждому Конституцией РФ (ст. 48), обеспечивается более конкретным правом на защиту своих интересов: правом пользоваться услугами защитника (ст. 16 УПК РФ), правом иметь представителя (ст. 45, 55 УПК РФ), в качестве каковых допускаются адвокаты — лица, оказывающие квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе.

Система процессуальных действий и решений следователя на заключительном этапе окончания предварительного следствия определенным образом

структурирована. Она состоит из нескольких частей (этапов), каждой из которых присуща своя совокупность процессуальных гарантий, направленных на обеспечение прав и интересов участников процесса именно на этом этапе. Конкретный перечень таких структурных частей закон не устанавливает. Это — проблема науки. В юридической литературе по этому вопросу нет единого мнения. В разных работах насчитывается от двух до шестнадцати этапов [8, с. 502]. Конечно, разброс мнений внушительный!

Дискуссия начинается с вопроса о первом этапе окончания предварительного следствия: можно ли считать таковым *оценку собранных доказательств*, проводимую следователем прежде чем принять решение о завершении следствия. В юридической литературе есть две прямо противоположные позиции. Одни авторы полагают, что оценка собранных доказательств должна включаться в качестве первой самостоятельной части окончания предварительного следствия [9, с. 310]. Мы полагаем, что более правильной следует признать позицию ученых, которые не склонны оценку доказательств включать в структуру окончания предварительного следствия [5, с. 37].

Оценка доказательств осуществляется до начала заключительного этапа окончания предварительного следствия. Она предшествует ему. Что такое оценка как правовая категория? По своей сути, она представляет мыслительную деятельность следователя. Однако это не значит, что следователь не осуществляет практические действия, связанные с обращением к имеющимся материалам дела, их повторным изучением, проведением дополнительных следственных действий и т. д. И так может продолжаться до тех пор, пока следователь окончательно внутренне не убедился, что по делу сбор доказательств следует закончить и можно начать процедуру завершения предварительного следствия. Только **признав** (иначе говоря, придя к выводу), что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения и т. д. следователь, как следует из анализа ч. 1 ст. 215 УПК РФ, приступает к окончанию предварительного следствия.

Таким образом, оценка доказательств не является частью завершающего этапа окончания предварительного следствия. Она предшествует ему. Оценка доказательств проводится в целях установления основания для окончания предварительного следствия с позиции признания достаточности полученных в ходе следствия доказательств для завершения досудебного производства по делу и составления обвинительного заключения.

Первую часть заключительного этапа предварительного следствия в юридической литературе именуют *«систематизация и надлежащее оформление материалов уголовного дела»* [9, с. 310]. Назначение этой части — провести систематизацию материалов следственного производства, сгруппировав их в определенном порядке: либо в хронологическом, либо по отдельным эпизодам обвинения, либо в отношении отдельных обвиняемых и т. п. Материалы дела подшиваются, составляется опись документов. Продуманная систематизация и оформление материалов дела обеспечивают наибольшую их наглядность, облегчают работу с делом как при ознакомлении с его материалами, так и при дальнейшем его движении по прокурорским и судебным инстанциям.

Но, как было замечено некоторыми процессуалистами, систематизация и оформление материалов дела не относится к процессуальной деятельности. Она носит технический характер, поэтому ее не стоит выделять в структуре окончания предварительного следствия в качестве самостоятельной части [1, с. 60].

Однако, на наш взгляд, такой этап, назовем его **«подготовительная часть»**, должен быть. И его содержание должно включать не только систематизацию и оформление материалов дела, но и целый ряд процессуальных действий и решений, связанных с подготовкой дела для предъявления его для ознакомления участникам процесса.

Полагаем, что подготовительные действия можно свести в отдельные группы.

1. При систематизации материалов дела следователь должен учесть положения закона об ограничении некоторых участников объемом предъявляемых материалов для ознакомления:

♦ участники процесса не знакомятся с материалами дела, указанными в ч. 2 ст. 314 и ч. 9 ст. 166 УПК РФ;

♦ гражданский истец и гражданский ответчик знакомятся только с материалами, относящимися к гражданскому иску (п. 12 ч. 4 ст. 44 и п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ);

♦ если по делу проходят несколько потерпевших, они знакомятся с материалами, касающимися их интересов (п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

♦ в соответствии с ч. 3 ст. 426 УПК РФ несовершеннолетнему обвиняемому не предъявляются для ознакомления материалы, которые могут оказать на него отрицательное воздействие.

Чтобы непосредственное ознакомление с делом участниками процесса прошло четко, организованно, следователь должен заранее на подготовительном этапе: провести подборку таких материалов, составить перечень документов, которые не должны предъявляться, сделать закладки в деле и т. д.

2. На подготовительном этапе следователь должен провести подбор конкретных кандидатов для участия их в процедуре ознакомления с материалами дела в качестве: переводчика, если кто-то из участников не владеет языком, на котором ведется следствие (ст. 59 УПК РФ); специалиста (ст. 58 УПК РФ) для оказания помощи участникам процесса при ознакомлении с вещественными доказательствами, материалами видеоаудиозаписи, киносъемки, а также при снятии копий с документов с помощью технических средств (ч. 1 и 2 ст. 217 УПК РФ). В соответствии с ч. 7 ст. 164 УПК РФ следователь вправе привлечь к участию в следственных действиях оперативного сотрудника.

В рамках статьи считаем возможным поставить вопрос еще об одном обязательном участнике окончания предварительного следствия — педагоге или психологе, который должен привлекаться к участию в ознакомлении несовершеннолетнего обвиняемого с материалами уголовного дела. Сейчас этот вопрос остается открытым. Однако он должен быть решен и решен на законодательном уровне путем внесения соответствующего дополнения в УПК РФ.

3. Если до заключительного этапа предварительного следствия в деле не участвовал защитник, следователь должен заранее выяснить у обвиняемого о желании воспользоваться этим правом при ознакомлении с материалами дела. И если такое желание будет высказано, следует решить вопрос о порядке участия защитника в деле — по приглашению или по назначению.

После подготовительной части следует этап, в юридической литературе именуемый *«уведомление участников процесса об окончании предварительного следствия и разъяснение права на ознакомление с материалами дела»* [10, с. 462]. Для краткости употребим термин — **уведомительный этап**. В структуре окончания предварительного следствия он занимает относительно скромное место, поскольку здесь фактически выполняется одно процессуальное действие: уведомление участников процесса о том, что следствие по делу окончено и что они (участники процесса) вправе ознакомиться с его материалами. Вместе с тем, для участников процесса получение такого уведомления крайне важно. Для них длительная правовая неопределенность в судьбе расследовавшегося уголовного дела, наконец-таки, пришла к определенному завершению: следствие по делу окончено и оно будет направлено с суд. С этого момента у участников появляются новые права, которые позволят им активно защищать свои право и интересы уже в ходе судебного производства.

В то же время, в юридической литературе было высказано мнение, к которому мы присоединяемся, что уведомительный этап в правовом отношении недостаточно урегулирован.

Так, рассматривая во взаимосвязи положения, изложенные в ч. 1 и 2 ст. 215, ст. 216, ч. 1 ст. 217 УПК РФ, в которых фактически сформулировано содержание рассматриваемого этапа, не можем не обратить внимание на ряд ошибочных правовых утверждений: что право участников процесса на ознакомление с материалами дела предусмотрено ст. 217 УПК РФ, что с этим правом участники знакомятся лишь при окончании предварительного следствия. Между тем, такое право сформулировано во всех статьях, определяющих правовой статус каждого участника. Это, во-первых. Во-вторых, с этим правом, как и с другими правами, участники знакомятся задолго до окончания предварительного следствия, когда они в установленном порядке приобретают статус соответствующего участника уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальном законе не дано понятие правовой категории «уведомление», его содержания, видов уведомления, не определена процедура уведомления участников процесса. Такая правовая неопределенность, как отмечается в юридической литературе, вызывает сложности в применении этого института на практике [4, с. 127–128].

В этимологическом смысле «уведомление» — это документ, которым уведомляют о чем-нибудь. Уведомить, значит сообщить, известить о чем-либо [6, с. 754]. Поскольку закон не определяет вид такого документа, на практике в качестве документа — уведомления используют: копии письма, повестку, средства связи (телеграммы, телефонограммы), факс — сообщение и т. д.

Следует отметить, что лишь уведомление обвиняемого оформляется путем составления специального документа, именуемого протоколом уведомления об окончании следственных действий (ч. 1 ст. 215 УПК РФ). Некоторые процессуалисты эту форму уведомления предлагают распространить

на других участников процесса [3, с. 99]. Однако, на наш взгляд, данный протокол вообще должен быть исключен из числа документов, претендующих на роль документа — уведомления. В предложенной законодателем процессуальной интерпретации возможность использования его в качестве такого документа лишена определенной логики: чтобы составить протокол, сначала нужно вызвать участника повесткой (иным документом) к следователю, чтобы он (следователь) смог уведомить явившегося участника об окончании следствия и разъяснить право на ознакомление с материалами дела. И затем составить протокол. Как представляется, такая многоступенчатость в рассматриваемой ситуации является излишней и ведет лишь к затягиванию процедуры окончания предварительного следствия. Более логично не вызывать участника для составления протокола уведомления, а направить такое уведомление непосредственно в его адрес по месту проживания (нахождения).

Как представляется, процедуру уведомления следует решать иным путем. Подготовку к ней необходимо начинать заранее, когда лицо приобретает статус соответствующего участника процесса. Знакомя его с правом на ознакомление с материалами дела, следователю необходимо согласовать с ним вопрос о способе уведомления об окончании следствия, когда такой этап по делу наступит. При этом необходимо ориентироваться не только на используемые в практике способы, но и на современные перспективные способы и средства общения, документооборота: путем составления документов (в том числе документов — уведомлений) в электронном виде, использования в общении СМС-извещений, уведомлений.

Вопросы о порядке, способе уведомления необходимо обсудить во время первого допроса участника. О достигнутой договоренности следует составить письменный документ в произвольной форме в виде справки, рапорта, и др., который должен быть приобщен к уголовному делу.

В структуре окончания предварительного следствия особо значимым является **ознакомительный этап**, именуемый в юридической литературе как *«ознакомление участников уголовного процесса с материалами уголовного дела»* [8, с. 505], который следует после уведомительной части. Именно здесь выполняется комплекс процессуальных действий, связанных с фактическим ознакомлением заинтересованных участников с материалами дела, вещественными доказательствами, материалами аудиовидеозаписи, киносъемки и иными приложениями к протоколам следственных действий. Этот этап является самым насыщенным с точки зрения выполняемых в нем процессуальных действий и решений, в числе которых особое место занимают процессуальные гарантии, направленные на обеспечение прав и интересов участников процесса. Данные процессуальные действия реализуются в порядке, который установлен ст. 216–219 УПК РФ.

Не ставя перед собой задачу пересказывания процессуальных положений, составляющих содержание этих статей, полагаем возможным остановиться на некоторых проблемных вопросах рассматриваемого этапа.

Законом установлена очередность ознакомления участников с материалами дела. Обвиняемый и его защитник знакомятся с делом после того, как с ним ознакомятся все остальные участники. Круг участников первой очереди определен в ч. 2 ст. 215 УПК РФ. Однако в ней имеются определенные неточности, упущения. В числе участников этой группы назван законный представитель обвиняемого. Но такого участника в уголовном судопроизводстве нет. Есть законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого (ст. 48, 426 УПК РФ), которого и следует включить в данный список.

В этот перечень так же следует включить еще двух участников — лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, и его законного представителя (ст. 437 УПК РФ).

Заметим, что положения ч. 2 ст. 215 УПК РФ не предусматривают обязанность следователя разъяснять этим участникам, в отличие от обвиняемого, их право на ознакомление с материалами дела, что вызывает вполне обоснованную критику в научной среде [3, с. 99].

Следует высказать ряд замечаний, касающихся юридической техникой изложения содержания ст. 216 УПК. Она посвящена порядку ознакомления с материалами дела потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. Так, судя по ее названию и содержанию, эти участники знакомятся с делом в альтернативном порядке: либо сами участники, либо их представители. На такой вывод наталкивает используемый в названии статьи разделительный союз «или». Но представители самостоятельно знакомятся с материалами только в одном случае: если участниками уголовного су-

допроизводства, интересы которых они представляют, являются юридическими лицами. Если же участником процесса является физическое лицо, то оно само знакомятся с делом, при этом может привлечь для оказания помощи в ознакомление с материалами дела представителя в порядке, предусмотренном ст. 45 УПК РФ. Эти особенности участия представителя в ознакомлении с делом законодателем при конструировании содержания ч. 1 ст. 216 УПК РФ, к сожалению, не были учтены.

Закон без достаточных на то оснований установил разный порядок ознакомления с материалами дела участников процесса. Наиболее полно и обстоятельно изложен порядок ознакомления с делом обвиняемого и его защитника, который определен в ст. 216–219 УПК РФ. С учетом принципа состязательности и равноправия сторон этот порядок, как представляется, должен соблюдаться при ознакомлении с материалами дела всех других участников процесса.

Вместе с тем, в отношении потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей установлен усеченный порядок ознакомления с материалами дела. Согласно ч. 2 ст. 216 УПК РФ их ознакомление проводятся с соблюдением правил, изложенных только в двух статьях — 217 и 218 УПК РФ.

В тоже время, такие участники, как лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, и его законный представитель, а также потерпевший знакомятся с делом с соблюдением всех правил ознакомительной процедуры, установленных ст. 216–219 УПК РФ (ч. 3 ст. 439 УПК РФ).

Законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого, как и все иные участники, наделен правом знакомится со всеми материалами дела (ст. 46, п. 7 ч. 2 ст. 426 УПК РФ). Однако, порядок его ознакомления с делом в законе не определен, что следует признать еще одним упущением законодателя.

В соответствии с ч. 5 ст. 217 УПК РФ по окончании ознакомления обвиняемого с материалами дела следователь обязан разъяснить ему ряд прав, принципиально важных для обеспечения защиты его интересов уже в ходе судебного разбирательства. Одно из таких прав является принципиально важным и для других участников, имеющих свой интерес в деле. Речь идет о праве ходатайствовать о проведении предварительного слушания при подготовке к судебному заседанию, предусмотренного ст. 229 УПК РФ.

О наличии такого права соответствующим участникам должно быть объявлено после знакомства с делом и зафиксировано в протоколе ознакомления с материалами дела.

Обвиняемый и его защитник знакомятся с материалами дела во вторую очередь, после того, как следователем будут выполнены требования ст. 216 УПК РФ. Такая последовательность ознакомления участников процесса с делом вполне логична. Обвиняемому, чьи интересы в уголовном процессе затрагиваются в наибольшей степени, небезразлично получить дело после того, как с ним ознакомятся все заинтересованные участники и изложат свою позицию о полноте и качестве проведенного следствия, а дело будет дополнено новыми доказательствами, полученными по результатам рассмотрения заявленных ходатайств о восполнение материалов следствия.

Процедура ознакомления начинается с предъявления обвиняемому и его защитнику материалов дел в подшитом и пронумерованном виде. Хотя обвиняемый знаком с правом на ознакомление с делом, тем не менее, следователь должен напомнить ему об этом праве и разъяснить порядок его реализации, который в целом достаточно обстоятельно изложен в ст. 217 и других статьях УПК РФ.

Тем не менее, и на этом этапе есть ряд вопросов, проблем, которые отнюдь не способствуют в должной мере обеспечению интересов обвиняемого (равно как и других участников уголовного процесса) при ознакомлении с материалами дела.

Одной из таких проблем является вопрос о сроке начала фактического ознакомления участников процесса с материалами дела. По общему правилу его определяет сам следователь. При этом, конечно же, он должен ориентироваться на предписание закона, сформулированное в ч. 1 ст. 215 УПК РФ: ознакомление должно быть начато не ранее, чем по делу будут выполнены все следственные действия, а собранные доказательства признаны достаточными для составления обвинительного заключения.

Вместе с тем, законом предусмотрена ситуация, связанная с установлением срока начала ознакомления обвиняемого, содержащегося под стражей. В соответствии с ч. 5 и 6 ст. 109 УПК РФ материалы должны быть представлены не позднее чем за 30 суток до окончания срока содержания под стражей. По истечении этого срока обвиняемый должен быть немедленно освобожден, что не всегда имеет благоприятные последствия для дальнейшей судьбы уголовного дела.

Все участники процесса, как следует из содержания соответствующих статусных статей, при ознакомлении с материалами дела вправе выписывать из него любые сведения и в любом объеме, в том числе с помощью технических средств. Однако этим правом они почему-то могут воспользоваться, как это установлено в ч. 2 ст. 217 УПК РФ, лишь в том случае, если дело состоит из нескольких томов. Законом установлено еще одно трудно объяснимое правило, которое связано с ограничением права участников процесса со стороны защиты: обвиняемого, защитника, гражданского истца, его представителя на копирование документов дела. Снимать копии с документов, в том числе с помощью технических средств они могут только за свой счет (п. 13 ч. 4 ст. 47; п. 7 ч. 1 ст. 53; п. 9 ч. 2 ст. 54; ч. 2 ст. 55).

Завершающей частью окончания предварительного следствия составленного обвинительного заключения является процессуальная деятельность следователя, которая связана с *принятием, рассмотрением и разрешением ходатайств или иных заявлений* [10, с. 466], поступивших от участников, ознакомившихся с материалами дела. Право на заявление ходатайств является важнейшей гарантией обеспечения прав участников процесса. Посредством этого права они не только добиваются осуществления своих интересов, но и могут существенным образом влиять на результаты предварительного следствия.

В соответствии со ст. 120 УПК РФ участники процесса вправе заявлять ходатайства в любой момент производства по делу. Такое право у них имеется и на этапе окончания предварительного следствия. По окончании ознакомления с материалами дела следователь выясняет у каждого участника, какие у него есть ходатайства или заявления. И если такие ходатайства будут заявлены, следователь заносит их в протокол ознакомления с материалами дела, если они сделаны в устной форме. Если ходатайства представлены в письменной форме, они приобщаются в данному.

Участники процесса не ограничены кругом и характером заявляемых ходатайств. Обвиняемый и его защитник наряду с ходатайствами, связанными с дополнением доказательной базы, могут ходатайствовать о прекращении уголовного дела, об изменении содержания фактических обстоятельств дела, об отмене или изменении меры пресечения, о снятии ареста на имущество и т. д. Иные участники вправе заявлять ходатайства о принятии мер по возмещению вреда, причиненного преступлением, о выдаче на руки копий процессуальных документов, которые им не были выданы ранее в ходе предварительного следствия, о применении мер безопасности и т. д.

Если ходатайство заявлено в ходе ознакомления с делом, следователь обязан его разрешить до завершения знакомства участника с материалами дела. При заявлении ходатайства после ознакомления с материалами дела, следователь должен занести его в протокол.

Рассмотрение и разрешение ходатайств осуществляется в порядке, установленном гл. 15 УПК РФ. Следует лишь заметить, что при удовлетворении заявленного ходатайства выносить специальное постановление нет необходимости, так как сами действия следователя наглядно указывают на принятое в данном случае решение. При полном или частичном отказе в удовлетворении ходатайства такое постановление необходимо и оно должно быть доведено до сведения участника, его заявившего.

Заметим, что в юридической литературе не обойден вниманием рассматриваемый этап рассмотрения и разрешения ходатайств. В частности, утверждается, что деятельность по рассмотрению ходатайств не должна объединяться в один этап, поскольку закон предписывает определенную очередность ознакомления участников с материалами дела, а, следовательно, и рассмотрение их ходатайств тоже должно делиться на две части [8, с. 507].

С данной позицией трудно не согласится. Обвиняемому и его защитнику дело должно быть представлено тогда, когда участники первой группы не только ознакомятся с его материалами, но и реализуют свое право на заявление ходатайств и эти ходатайства будут в установленном законом порядке разрешены.

Однако, как быть, если заявлено ходатайство, исполнение которого потребует длительного времени, следует ли в этом случае приостанавливать выполнение требований ст. 217 УПК РФ? В законе на этот счет установлено четкое предписание: удовлетворение ходатайства, заявленного одним из участников производства по делу не препятствует следователю продолжение ознакомления с материалами дела других участников (ч. 1 ст. 219 УПК РФ).

Полученные дополнительные материалы после удовлетворения заявленных ходатайств следователь обязан представить для ознакомления всем участникам процесса, о чем составляется протокол ознакомления с дополнительными материалами.

Список источников

1. Волынская О. В. Структура этапа прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в досудебном производстве // Уголовный процесс. 2006. № 3.

2. Добровольская Т. Н. Гарантии прав граждан в уголовном судопроизводстве // Сов. государство и право. 1980. № 2.

3. Клещина Е. Н., Шаров Д. В. Проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевших от преступлений на современном этапе судебно-правовой реформы. М. : Логос, 2012.

4. Колодин С. В. Защита прав и законных интересов потерпевшего по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.

5. Насонова И. А., Буров Ю. В. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения: моногр. М. : Юрлитинформ, 2012.

6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Сов. энциклопедия, 1973.

7. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939.

8. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019.

9. Уголовный процесс. Особенная часть: сб. учеб. пособий. Вып. 2. М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2002.

10. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой, Е. Н. Клещиной. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2014.

11. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2007.

References

1. Volynskaya O. V. Structure of the stage of termination of a criminal case (criminal prosecution) in pretrial proceedings // Criminal process. 2006. No. 3.

2. Dobrovolskaya T. N. Guarantees of citizens' rights in criminal proceedings // Soviet state and law. 1980. No. 2.

3. Kleshchina E. N., Sharov D. V. Problems of ensuring the rights and legitimate interests of victims of crimes at the present stage of judicial and legal reform. M. : Logos, 2012.

4. Kolodin S. V. Protection of the rights and legitimate interests of the victim under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: diss. ... cand. jurid. sciences'. Saratov, 2004.

5. Nasonova I. A., Burov Yu. V. Procedural procedure for the end of the preliminary investigation with the preparation of an indictment: monogr. M. : Yurlitinform, 2012.

6. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. M. : Soviet Encyclopedia, 1973.

7. Strogovich M. S. The nature of the Soviet criminal process and the principle of competition. M., 1939.

8. Criminal proceedings. Problems of theory and practice: textbook for university students studying in the field of training «Jurisprudence» / edited by A. V. Endoltseva, O. V. Khimicheva. M. : UNITY-DANA, 2019.

9. Criminal procedure. Special part: Sat. studies. benefits. Issue 2. M. : IMC GUK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002.

10. Criminal procedural law (criminal procedure): textbook for university students studying in the direction of «Jurisprudence» / edited by A. V. Endoltseva, O. V. Khimicheva, E. N. Kleschina. M. : UNITY-DANA : Law and Law, 2014.

11. Shadrin V. S. Ensuring the rights of the individual in the investigation of crimes. M., 2007.

Информация об авторе

В. К. Бобров — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Information about the author

V. K. Bobrov — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 28.04.2023.
The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 28.04.2023.

Научная статья
УДК 349.227
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-40-44
EDN: https://elibrary.ru/akbqzu
NIION: 2003-0059-3/23-667
MOSURED: 77/27-003-2023-03-866

Особенности расторжения трудового договора по инициативе работодателя в случае неоднократного неисполнения работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание

Павел Константинович Бондаренко
Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, pavelkonstantinovich2000@yandex.ru

Аннотация. Исследуются основания для расторжения трудового договора по инициативе работодателя на основании п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Для более детального раскрытия данного вопроса приводится судебная практика. Отдельное внимание уделяется необходимости соблюдения работодателем ст. 193 ТК РФ, посвященной порядку применения дисциплинарного взыскания.

Ключевые слова: трудовой договор, работник, работодатель, дисциплинарное взыскание, выговор, увольнение
Для цитирования: Бондаренко П. К. Особенности расторжения трудового договора по инициативе работодателя в случае неоднократного неисполнения работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 40–44. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-40-44. EDN: AKBQZU.

Original article

Peculiarities of termination of the employment contract by the employer's initiative in case of repeated failure of the employee without a valid reason to perform his job duties, if he has a disciplinary penalty

Pavel K. Bondarenko
Russian State University of Justice, Moscow, Russia, pavelkonstantinovich2000@yandex.ru

Abstract. The paper examines the grounds for termination of an employment contract at the initiative of the employer on the basis of clause 5, part 1, Article 81 of the Labor Code of the Russian Federation. In the article, the author provides judicial practice for a more detailed disclosure of this issue. Special attention is paid to the need for the employer to comply with Article 193 of the Labor Code of the Russian Federation, devoted to the procedure for applying disciplinary penalties.

Keywords: employment contract, employee, employer, disciplinary action, reprimand, dismissal
For citation: Bondarenko P. K. Peculiarities of termination of the employment contract by the employer's initiative in case of repeated failure of the employee without a valid reason to perform his job duties, if he has a disciplinary penalty. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):40–44. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-40-44. EDN: AKBQZU.

Тема, связанная с прекращением трудового договора, является одной из актуальнейших тем, рассматриваемых специалистами в науке трудового права. Актуальность темы связана, в первую очередь, с тем, что процедура, связанная с прекращением трудовых отношений, достаточно сложная и содержит множество деталей, установленных законодателем, обязательных для исполнения. Работник является слабой стороной в трудовом договоре, на практике нередки случаи проявления злоупотребления со стороны работодателя. Актуальность темы обусловливает также динамичный рост судебной практики.

Для раскрытия темы работы необходимо начать с определения прекращения трудового договора. Итак, под прекращением трудового договора следует понимать окончание трудовых правоотношений между сторонами трудового договора. Следствием прекращения трудового договора является прекращение прав и обязанностей сторон трудового договора [6]. Однако, важно отметить, что прекращение

© Бондаренко П. К., 2023

трудового договора возможно лишь на тех основаниях, которые предусмотрены в ТК РФ. Неоднократное неисполнение работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание, является одним из оснований увольнения работодателем, предусмотренных ст. 81 ТК РФ [7]. Необходимо отметить, что систематическое несоблюдение работником правил внутреннего трудового распорядка, либо же правил, возложенных на работника трудовым договором не должно рассматриваться в качестве основания для расторжения трудового договора по инициативе работодателя. Особенно важно упомянуть здесь о наличии дисциплинарного взыскания; т. е. для того, чтобы работодатель смог спокойно расторгнуть трудовой договор по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ необходимо, чтобы работник уже нарушил без уважительных причин свою трудовую обязанность, и он был привлечен к дисциплинарной ответственности, посредством применения к нему меры дисциплинарного взыскания (выговора, либо замечания). К обязанности соблюдения работодателем трудового законодательства, содержащего в себе определенные правила для увольнения работников по инициативе работодателя, призывает ст. 4 Конвенции МОТ № 158 «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» 1982 г., в которой указано, что прекращение трудовых правоотношений не будет считаться таковым до тех пор, пока оно не будет основано на законе [3].

Исходя из п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ стоит отметить, что расторжение трудового договора происходит именно по инициативе работодателя. Труд работника организуется работодателем, осуществляется под его непосредственным контролем и в его интересах. В связи с этим важно отметить, что Россия как социальное государство обязана обеспечить справедливые условия найма работника, прекращения трудового договора, учитывая при этом, что работник является более экономически слабой стороной трудового договора в целях обеспечения его законных прав и интересов [2].

Безусловно, для применения к работнику мер дисциплинарного взыскания необходимо учитывать порядок, закрепленный в ст. 193 ТК РФ. Работодатель обязан затребовать от работника письменное объяснение нарушения им его трудовой функции. Если работником не представлено в течение двух рабочих дней такое объяснение, это не будет являться препятствием применения к такому работнику дисциплинарного взыскания, работодателем составляется соответствующий акт. Важно также отметить, что повторное неисполнение работником своих обязанностей должно произойти в течение года, пока действует непогашенное работодателем дисциплинарное взыскание. Законодатель устанавливает для работодателя возможность снять такое дисциплинарное взыскание. Разумно отметить, что если работодатель снял по своей инициативе с работника дисциплинарное взыскание, а работник после снятия взыскания вновь совершил проступок, то работодателю ничего не остается сделать, кроме как привлечь его к дисциплинарной ответственности и наложить дисциплинарное взыскание такому работнику, но исход событий не будет рассматриваться в качестве основания для применения к работнику п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ.

На основании разъяснений, содержащихся в п. 33 ПП ВС от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами ТК» к работнику возможно применение дисциплинарного взыскания, в том числе и увольнения по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, если работником повторно не исполнялась одна и та же трудовая обязанность, предусмотренная трудовым договором, в случае привлечения лица уже к дисциплинарной ответственности с применением к нему меры дисциплинарного воздействия в виде замечания или выговора [4]. Важно отметить, что увольнение по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ не будет рассматриваться в качестве нарушения ч. 5 ст. 193 ТК РФ, которая запрещает работодателю применять более одного дисциплинарного взыскания за каждый дисциплинарный проступок. Также в ПП ВС отмечается, что работодатель вправе применить в отношении работника дисциплинарное взыскание, если до совершения проступка работник подал заявление о расторжении трудового договора по своей инициативе. Применение дисциплинарного взыскания в данном случае является правомерным, так как на момент подачи заявления, стороны трудового договора находятся в трудовых отношениях вплоть до тех пор, пока не истечет срок предупреждения об увольнении (обычно данный срок равен двум неделям).

В п. 34 данного ПП ВС указывается, что в случае оспаривания работником увольнения по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в судебном порядке, бремя доказыва-

ния правомерности увольнения лежит на работодателе как на более сильной стороне трудового договора. В суде работодатель обязан доказать, что увольнение за нарушение, совершенное работником, имело место быть. Здесь важно отметить, что работодатель, оценивая тяжесть проступка, должен ответственно подойти к соблюдению ч. 5 ст. 192 ТК РФ. У работодателя есть не более месяца после обнаружения проступка для того, чтобы применить дисциплинарное взыскание. Важно отметить, что время болезни работника и отпуска не засчитываются в месячный срок для применения меры дисциплинарного воздействия.

Законодатель не раскрыл в ТК РФ, что именно подразумевается под неисполнением трудовых обязанностей, тогда как в п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ представлен достаточно подробный перечень вариантов грубого нарушения работником своих трудовых обязанностей. Для того, чтобы понять наиболее распространенные виды нарушений трудовых обязанностей работником, необходимо обратиться к п. 35 того же ПП ВС. Итак, к такого рода нарушениям следует относить отсутствие работника без уважительных причин на рабочем месте; отказ без уважительной причины осуществлять трудовую функцию, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка; отказ от медицинского освидетельствования, сдачи экзамена на знание охраны труда.

Особенно важно обратить внимание на ст. 84.1 ТК РФ, посвященную порядку оформления прекращения трудового договора. Важно отметить, что любое прекращение трудового договора оформляется приказом работодателя. Форма приказа утверждена постановлением Госкомстата от 5 января 2004 г. № 1 «Об утверждении унифицированных форм первичной учетной документации по учету труда и его оплаты». Работник при увольнении обязательно должен быть ознакомлен с приказом под роспись в случае, если работник не желает этого делать, либо у него не было возможности это сделать, в приказе работодатель ставит соответствующую пометку. Стоит также отметить, что на работодателя возлагается обязанность выдать работнику в день прекращения трудовых отношений трудовую книжку, произвести с ним расчет. Если работодатель по своей вине не выполняет такую обязанность, он может быть привлечен к материальной ответственности в соответствии со ст. 234 ТК РФ.

Для того, чтобы узнать, насколько часто работодатели увольняют своих работников по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, рассмотреть законность действий работодателя, необходимо обратиться к судебной практике. Проанализировав судебные акты, удастся сделать определенные выводы по данной теме.

В Московском городском суде рассматривалось дело по апелляционной жалобе организации на решение Кунцевского районного суда, которым исковые требования были частично удовлетворены (приказы о применении дисциплинарного взыскания признаны незаконными, изменить запись в трудовой книжке на увольнение по собственному желанию). Исходя из материалов дела, рассмотренных судом первой инстанции, бывший работник организации обратился с иском против нее в суд. Требования истца заключались в признании приказов о применении дисциплинарного взыскания незаконными, а также изменить в трудовой книжке формулировку увольнения с п. 5 ч. 1 ст. 81 на п. 3 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (по собственному желанию). Согласно позиции истца, дисциплинарные взыскания, примененные работодателем, являются незаконными, поскольку у работодателя отсутствовали основания для привлечения работника к дисциплинарной ответственности. Суд апелляционной инстанции проверил материалы дела, выслушав стороны, установил, что ответчик был принят на работу в должности начальника контрольно-пропускной службы, заключен трудовой договор. Работодатель издал приказ о применении дисциплинарного взыскания в отношении работника за нарушение должностных обязанностей (выговор), однако какие конкретно нарушения были выявлены работодателем, в приказе не установлено. Ответчик по апелляционной жалобе обращался в организацию с просьбой о разъяснении приказа, однако ответа получено не было. Уже здесь налицо нарушение работодателем ст. 193 ТК РФ. Следующим приказом к работнику было применено дисциплинарное взыскание за невыполнение должностной инструкции (выговор), однако было установлено, что действия работника не противоречили его должностной инструкции. Затем был издан следующий приказ о применении дисциплинарного взыскания за отсутствие на рабочем месте без уважительных причин (выговор), однако было установлено, что в дополнительном соглашении к трудовому договору в обязанности работника входило сопровождение генерального ди-

ректора и иных сотрудников по служебным вопросам. О факте такого сопровождения в день, когда по мнению работодателя работник не находился на рабочем месте, был извещен, однако это его не остановило и он издал приказ. В связи с совокупностью нарушений трудовой функции, по мнению работодателя, он издал приказ об увольнении работника по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Исходя из анализа материалов дела, суд апелляционной инстанции, исходя из нарушения работодателем ст. 84.1, ч. 5 ст. 192, 193 ТК РФ оставил решение суда первой инстанции без изменения, жалобу без удовлетворения [1].

В Ширинском районном суде рассматривалось гражданское дело по иску работника против организации об обжаловании приказов о применении дисциплинарного взыскания, о восстановлении на работе. Исходя из материалов дела работник был уволен по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Исходя из позиции, изложенной истцом, с приказами он ознакомлен не был, объяснений не запрашивали. Ответчик заявляет обратное, что с одним из приказов ознакомился, с другим отказался, в связи с чем работодателем был составлен соответствующий акт. Судом установлено, что с работником был заключен трудовой договор, работал в должности вулканизаторщика 3-го разряда. Работодателем был издан приказ о применении дисциплинарного взыскания за нарушение трудовой дисциплины в связи с опозданием на рабочую смену (замечание). В качестве причины опоздания истец указал факт получения денежных средств в бухгалтерии, так как в обеденное время бухгалтерия денежные средства работникам не выдает. Другой возможности получить деньги у работника не было, так как график работника совпадает с графиком работы бухгалтерии. С приказом работник был ознакомлен, имеется подпись, объяснение. Затем был издан приказ об увольнении работника по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с нарушением правил внутреннего трудового распорядка. Работник не был ознакомлен с данным приказом, работодателем был составлен соответствующий акт об отказе в даче работником письменных объяснений. Судом были проанализированы обстоятельства, при которых работник опоздал на рабочую смену и счел их уважительными, так как оно связано с реализацией работником его права на получение вознаграждения за труд. Исходя из данной позиции, суд признает приказ работодателя о дисциплинарном взыскании к работнику за опоздание незаконным. Судом были проанализированы основания для издания работодателем второго приказа о дисциплинарном взыскании за нарушение правил внутреннего трудового распорядка. Работник обвинялся в хищении канистры с автомобильным маслом, однако рассмотрев доказательства, представленные суду, суд пришел к выводу о том, что вина работника за совершение такого рода действий доказана не была, а значит второй приказ необходимо признать незаконным. Исходя из вышеизложенного, работодатель незаконно уволил работника по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, в связи с чем суд не нашел оснований для признания приказов законными. Работодателем была нарушена ч. 1 ст. 192 ТК РФ, так как работником не было совершено дисциплинарного проступка. Судом принято решение удовлетворить исковое заявление работника, восстановить его на работе, признать незаконными приказы работодателя [5].

Таким образом, исходя из анализа данной темы, анализа судебной практики, необходимо сделать вывод о том, что данная тема является особенно актуальной в наши дни. Работник всегда был и остается экономически слабой стороной трудового договора. Судебная практика показывает нам, насколько часто работодателем нарушаются законные права и интересы работников, издавая незаконные приказы о применении дисциплинарного взыскания, с последующим увольнением, которые признаются судами незаконными. Достаточно часто работодатели игнорируют порядок применения дисциплинарного взыскания, установленный ст. 193 ТК РФ, что, безусловно, уже является весомым аргументов в пользу работника при подаче иска о незаконном увольнении и применении мер дисциплинарного взыскания. Таким образом, к сожалению, существует на сегодняшний день немало работников, которые не предпринимают действий к обжалованию незаконных приказов работодателей, однако, как показывает судебная практика, суды всегда готовы встать на сторону работника, в случае незаконных действий работодателя.

Список источников

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 30 сентября 2020 г. по делу № 33-36473/2020.

2. Глухов А. В. Нарушение принципа равенства при расторжении трудового договора по инициативе

работодателя // Sciences of Europe. 2019. № 37-2 (37). С. 42–48.

3. Конвенция № 158 Международной организации труда «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» (Заключена в г. Женеве 22 июня 1982 г.) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Т. II. Женева : Международное бюро труда, 1991. С. 1983–1989.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24 ноября 2015 г.) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2006. 31 дек.

5. Решение Ширинского районного суда от 4 сентября 2020 г. по делу № 2-359/2020.

6. Трудовое право России Особенная часть: учебник для академического бакалавриата / Е. Б. Хохлов [и др.]; отв. ред. Е. Б. Хохлов, В. А. Сафонов. 8-е изд., перераб. и доп. В 2 т. Т. 2. М. : Юрайт, 2019.

7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 мая 2021 г.) // Российская газета. 2001. 31 дек.

References

1. Appeal ruling of the Moscow City Court dated September 30, 2020 in case No. 33-36473/2020.

2. Glukhov A. V. Violation of the principle of equality when terminating an employment contract at the initiative of the employer // Sciences of Europe. 2019. No. 37-2 (37). P. 42–48.

3. Convention No. 158 of the International Labor Organization «On termination of employment at the initiative of the entrepreneur» (Concluded in Geneva on June 22, 1982) // Conventions and recommendations adopted by the International Labor Conference. 1957–1990 T. II. Geneva : International Labor Office, 1991. P. 1983–1989.

4. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 17, 2004 No. 2 (as amended on November 24, 2015) «On the application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. Dec 31, 2006

5. Decision of the Shirinsky District Court of September 4, 2020 in case No. 2-359/2020.

6. Labor law of Russia Special part: textbook for academic bachelor's degree / E. B. Khokhlov [and others]; resp. ed. E. B. Khokhlov, V. A. Safonov. 8th ed., revised. and additional. In 2 vol. Vol. 2. M. : Yurayt, 2019.

7. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on April 30, 2021) (as amended and supplemented, effective May 1, 2021) // Rossiyskaya Gazeta. 2001. 31 Dec.

Информация об авторе

П. К. Бондаренко — студент 1-го курса магистерской программы «Юрист в сфере международного бизнеса и евразийской интеграции» Российского государственного университета правосудия.

Information about the author

P. K. Bondarenko — 1st year student of the master's program «Lawyer in the field of international business and Eurasian integration» of the Russian State University of Justice.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 31.05.2023.

The article was submitted 14.03.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 31.05.2023.

Научная статья
УДК 347.963
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-45-50
EDN: https://elibrary.ru/zickcl
NIION: 2003-0059-3/23-668
MOSURED: 77/27-003-2023-03-867

К вопросу о соотношении прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы и государственного контроля (надзора), муниципального контроля

Екатерина Александровна Борисенко[1], Олег Анатольевич Яловой[2]
[1,2] Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия
[1] BorisenkoEA@yandex.ru
[2] trofim3311@mail.ru

Аннотация. На основе системного анализа правовых норм с учетом произошедших изменений законодательства, регламентирующих вопросы деятельности прокуратуры Российской Федерации, изучения позиций различных авторов рассмотрены проблемные аспекты соотношения прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы и государственного контроля (надзора), муниципального контроля; предложены критерии пределов прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации, надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, пределы надзора, органы государственного контроля (надзора), муниципального контроля

Для цитирования: Борисенко Е. А., Яловой О. А. К вопросу о соотношении прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы и государственного контроля (надзора), муниципального контроля // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 45–50. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-45-50. EDN: ZICKCL.

Original article

On the question of the relationship between the prosecutor's supervision of the execution of laws outside the criminal law sphere and state control (supervision), municipal control

Ekaterina A. Borisenko[1], Oleg A. Yalovoy[2]
[1,2] University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia
[1] BorisenkoEA@yandex.ru
[2] trofim3311@mail.ru

Abstract. On the basis of a systematic analysis of legal norms, taking into account the changes in legislation regulating the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, studying the positions of various authors, the problematic aspects of the correlation and differentiation of prosecutorial supervision over the execution of laws outside the criminal legal sphere and state control (supervision), municipal control are considered, and criteria for the limits of prosecutorial supervision over the execution of laws outside the criminal legal sphere are proposed. criminal law sphere.

Keywords: prosecutor's Office of the Russian Federation, supervision of compliance with the Constitution of the Russian Federation and the execution of laws, supervision of the observance of human and civil rights and freedoms, limits of supervision, state control (supervision), municipal control

For citation: Borisenko E. A., Yalovoy O. A. On the question of the relationship between the prosecutor's supervision of the execution of laws outside the criminal law sphere and state control (supervision), municipal control. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):45–50. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-45-50. EDN: ZICKCL.

Вопросы определения места прокуратуры Российской Федерации в системе органов государственного контроля (надзора), разграничения функций указанных органов и установления критериев пределов прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы, несмотря на проведение А. Д. Берензоном [1], В. Г. Бессарабовым [2], А. Ю. Винокуровым [5, с. 240–250], А. Х. Казариной [6], В. И. Рохлиным [10] и другими учеными глубоких научных исследований данной проблематики, до настоящего времени являются актуальными, требующими осмысления и выработки предложений по соответствующей правовой регламентации.

© Борисенко Е. А., Яловой О. А., 2023

Как указано В. И. Рохлиным, с момента возникновения государства, оно взяло на себя функции управления. В целях обеспечения выполнения принимаемых решений, норм в структуре управления на определенном этапе развития государства, общества возникают специальные органы контроля. При этом нередко они не заинтересованы в точном и неуклонном выполнении законов. В этой связи возникает необходимость в создании государственных органов, независимых от органов власти, для обеспечения недопустимости при любых обстоятельствах нарушений законодательных требований [10, с. 12–13].

Рассматривая несколько шире данный вопрос можно сформулировать, что в целях обеспечения неукоснительного исполнения законов органами государства, в том числе органами контроля, на определенном этапе создаются специальные органы, независимые от иных органов и наделенные соответствующей компетенцией. Именно для выполнения указанных задач 12 января 1722 г. была учреждена Российская прокуратура Именным Высочайшим Указом Петра I, согласно которому «Надлежит быть при Сенате Генерал-прокурору и Обер-прокурору, а также во всякой Коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-прокурору». Аналогичные положения нашли свое закрепление в Указе от 27 апреля 1722 г. «О должности Генерал-прокурора».

На современном этапе федеральный законодатель, определяя компетенцию прокуратуры РФ, не может не учитывать конституционно-правовую природу этого государственно-властного института, исходя, в том числе, из исторически сложившегося понимания его роли и предназначения в правовой системе России и ее правовых традиций [13, п. 3].

Согласно ч. 1 ст. 129 Конституции РФ прокуратура РФ — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции.

Несмотря на конституционное закрепление понятия прокуратуры России, вопросы отнесения органов прокуратуры к органам, входящим в единую систему публичной власти, определения места прокуратуры в системе государственных органов до настоящего времени являются дискуссионными [4; 7; 12].

Сохраняют свою актуальность также вопросы разграничения компетенции органов прокуратуры при осуществлении ими надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы и органов государственного контроля (надзора), муниципального контроля, в том числе в целях обеспечения недопущения при осуществлении надзора за исполнением законов подмены иных органов публичной власти.

В. И. Рохлиным на основании проведенного анализа сформулирован вывод о том, что прокуратура не является контролирующим органом и не входит в систему органов контроля [10, с. 12–13, 19].

Позиция авторов статьи согласуется с мнением В. Г. Бессарабова, которым указано, что поскольку надзор, осуществляемый прокуратурой РФ, является одной из форм государственного контроля, постольку, наряду с президентским, парламентским, судебным контролем и контролем органов исполнительной власти, он представляет собой самостоятельный элемент (подсистему) единой системы государственного контроля [2, с. 14].

Прокуратура РФ как элемент системы государственного контроля (надзора) занимает в ней специфическое место, поскольку, в отличие от других элементов системы, осуществляет от имени государства надзор за исполнением законов в деятельности других контролирующих органов. В этом смысле, как указано В. Г. Бессарабовым, прокурорский надзор — контроль за контролем, осуществляемым данными органами [2, с. 85].

В Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» в ст. 21 и 26 определено, что надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина осуществляется в отношении органов контроля и их должностных лиц, а также иных перечисленных в законе объектов, в том числе федеральных органов исполнительной власти, представительных (законодательных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, органов военного управления, органов управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций.

С одной стороны, как обращено внимание А. Ю. Винокуровым, в качестве самостоятельных единиц указанные «органы контроля» в настоящее время не существуют, поскольку речь идет о реали-

зуемых соответствующих проверочных и иных мероприятиях органами исполнительной власти как федерального (службы и, реже, агентства, т. е. федеральные органы исполнительной власти), так и регионального (исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации) уровней, а также муниципальными органами [5, с. 241].

С другой стороны, в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» специфика надзора за исполнением законов в отношении перечисленных в ст. 21 и 26 данного акта органов публичной власти, в том числе органов государственного контроля (надзора), муниципального контроля, не определена, чем, по нашему мнению, и обусловлена возникающая проблематика относительно пределов надзора и разграничения полномочий прокуроров и должностных лиц контрольных (надзорных) органов. В связи с чем, предложено внести в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» изменения, предусматривающие различные основания проведения проверок при осуществлении надзора за исполнением законов и надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в отношении органов управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций и иных поднадзорных объектов, учитывая, что при осуществлении надзора за исполнением законов органами управления и руководителями организаций практически во всех сферах осуществляется и государственный контроль (надзор), поэтому в целях недопущения его подмены и обоснована целесообразность сохранения предложенной законодателем формулировки «в случае, если эти сведения (о фактах нарушения законов — уточ. авт.) нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки». В отношении иных поднадзорных объектов с учетом целей, задач и требований к деятельности органов прокуратуры предлагается закрепить положение о том, что надзор осуществляется независимо от поступления информации о фактах нарушения законов [3].

Представляется, что указанное предложение сформулировано в развитие выделенных В. Г. Бессарабовым в рамках проведенного диссертационного исследования особенностей общего надзора, заключающихся, по мнению ученого, как раз в том, что объектами надзора одновременно являются органы государственного контроля и хозяйствующие субъекты [2, с. 14].

В постановлении Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 ш. № 2-П надзор за исполнением законов также рассмотрен в качестве самостоятельной (обособленной) формы реализации контрольной функции государства, в рамках которой обеспечивается неукоснительное соблюдение Конституции РФ и законов, действующих на территории России, в том числе теми государственными органами, на которые возложены функции специального (ведомственного) государственного контроля (надзора), а также распространяющегося и на те сферы общественных отношений, применительно к которым действует специальный (ведомственный) государственный контроль (надзор) [13, п. 3].

При этом, как обращено внимание А. Х. Казариной, прокурор не может действовать вместо контролирующего органа, перелагая на себя обязанности специально созданных контролирующих служб, освобождая их от ответственности перед государством и обществом. Прокурор не должен, наконец, становиться дублером контролирующего органа [6, с. 242–243].

В этой связи возникает вопрос: в каких случаях деятельность прокурора по надзору за исполнением законов в тех сферах отношений, применительно к которым действует специальный государственный контроль (надзор), осуществляется в пределах предоставленных полномочий, а когда имеет факт подмены иных государственных органов, в том числе органов контроля?

Различие обеих форм контроля С. Г. Новиков и М. Ю. Рагинский видели в том, что, во-первых, у прокурора нет ни законодательных, ни административных, ни судебных функций; во-вторых, прокурор не вмешивается в оперативно-хозяйственную деятельность; в-третьих, прокурор не подвергает деятельность и акты соответствующих органов государственного управления оценке с точки зрения практической целесообразности [9, с. 45].

По мнению М. М. Черепанова, А. В. Пугачева, определение порядка совершения действий, входящих в оперативно-хозяйственную деятельность субъекта (объекта) надзора, самих конкретных действий, совершение которых, по мнению прокурора, необходимо, выходит за рамки полномочий прокурора и признается вмешательством в оперативно-хозяйственную деятельность субъекта (объекта) надзора [11].

В целях соотношения прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы и деятельности органов государственного контроля (надзора), муниципального контроля необходимо проанализировать положения Федеральных законов «О прокуратуре Российской Федерации» и от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Прежде всего, согласно законодательным актам, предметом прокурорского надзора является надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, а также надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Государственный контроль (надзор), муниципальный контроль — деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований.

Однако, закрепленная в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» формулировка «надзор за исполнением законов», рассматриваемая в настоящее время как критерий пределов надзора и разграничения компетенции с органами государственного контроля (надзора), по нашему мнению, фактически не позволяет отграничить деятельность прокуратуры от иных органов государственного контроля (надзора), так как обязательные требования, контроль за выполнением которых осуществляют органы контроля (надзора), устанавливаются в первую очередь федеральными законами, а в случаях и пределах, которые установлены федеральными законами, подзаконными нормативными правовыми актами (ст. 2 ФЗ от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»).

Кроме того, прокуроры (и это отмечено учеными [6, с. 206; 8] и практиками[1]) фактически проводят проверки не только исполнения законов, но и подзаконных нормативных правовых актов.

По субъектам осуществления: прокурорский надзор — деятельность специально уполномоченного органа — прокуратуры РФ; государственный контроль (надзор), муниципальный контроль — деятельность федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также в случаях, предусмотренных федеральными законами, государственных корпораций, публично-правовых компании.

По подконтрольным (поднадзорным) объектам (субъектам): перечень поднадзорных объектов (субъектов) при осуществлении прокурорского надзора установлен в п. 1 ст. 21 и п. 1 ст. 26 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», включает в себя отдельные органы публичной власти, их должностных лиц, субъектов осуществления общественного контроля, органы управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций.

Государственный контроль (надзор), муниципальный контроль — деятельность, направленная на обеспечение выполнения обязательных требований гражданами и организациями, т. е. осуществляется в отношении граждан, которые не относятся к поднадзорным органам прокуратуры объектам (субъектам).

Следует также отметить, что в отличие от деятельности органов государственного (муниципального) контроля, направленной на обеспечение выполнения обязательных требований организациями, поднадзорными органам прокуратуры, объектами в рамках надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы выступают не организации, а органы управления и руководители коммерческих и некоммерческих организаций. Органы управления конкретной организации определяются в соответствии с ГК РФ, иными федеральными законами и ее уставом (п. 1, 4 ст. 65.3, п. 3 ст. 97, п. 2 ст. 123.17 ГК РФ). Представляется, что прокурорам необходимо учитывать данную особенность в правоприменительной деятельности.

Кроме того, положения Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» применяются к осуществлению контроля за деятельностью органов государственной власти, не связанной с осуществлением ими властных полномочий, и за деятельностью органов местного самоуправления, за исключением деятельности, осуществляемой ими при решении вопросов местного значения. Прокурорский надзор направлен непосредственно на оценку исполнения законов, соблюдения прав и свобод человека и гражданина при реализации органами и должностными лицами своих полномочий.

Помимо изложенного, прокуроры в отношении органов государственного контроля (надзора), муни-

[1] В результате проведенного опроса 19 действующих прокурорских работников 11 (или 58 %) из них положительно ответили на вопрос об осуществлении прокурорского надзора за исполнением Указов Президента Российской Федерации.

ципального контроля наделены согласовательными полномочиями (ст. 10 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», ст. 73 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», ст. 77 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и ст. 63 ФЗ от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»).

Представляется, что обоснованные в статье предложения, касающиеся различных оснований проведения проверок в отношении органов управления и руководителей организаций и иных поднадзорных объектов, а также рассмотренные отличия прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы и государственного контроля (надзора), муниципального контроля позволят как соотнести, так и разграничить указанные направления публично-правовой деятельности различных публичных органов в целях недопущения подмены и пересечения их функций. Предлагаем данный вопрос к последующей научной дискуссии в целях выработки эффективных законодательных решений относительно обозначенной проблематики.

Список источников

1. Берензон А. Д. Основные направления совершенствования общего надзора советской прокуратуры: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 1977.

2. Бессарабов В. Г. Прокуратура в системе государственного контроля Российской Федерация: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

3. Борисенко Е. А. К вопросу об основаниях проведения прокурорских проверок вне уголовно-правовой сферы // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 1 (87). С. 45–50.

4. Борисенко Е. А. Еще раз о функциях и правовом статусе прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 3 (89). С. 50–56.

5. Винокуров А. Ю. Органы прокуратуры и органы государственного контроля (надзора): содержание правоотношений: избр. статьи. Т. 4. М., 2021.

6. Казарина А. Х. Теоретические и прикладные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов экономической направленности: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2009.

7. Карпов Н. Н. К вопросу о правовом статусе прокуратуры Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 2 (46). С. 3–8.

8. Карпов Н. Н. Прокурорский надзор за исполнением имеющих нормативный характер указов Президента Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 5 (31). С. 33.

9. Новиков С. Г., Рагинский М. Ю. Прокуратура в системе советского государственного аппарата // Правоведение. 1974. № 3. С. 43–48.

10. Рохлин В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. СПб., 2003.

11. Черепанов М. М., Пугачев А. В. Принцип невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов // СПС «КонсультантПлюс».

12. Шобухин В. Ю. Конституционное регулирование статуса прокуратуры Российской Федерации: проблемы, тенденции и перспективы изменения ст. 129 Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С. А. Ганнушкиной» // СЗ РФ. 2015. № 9. Ст. 1389.

References

1. Berenzon A. D. The main directions of improving the general supervision of the Soviet prosecutor's office: diss. … Dr. jurid. Sciences. M., 1977.

2. Bessarabov VG Prosecutor's office in the system of state control of the Russian Federation: diss. ... Dr. jurid. Sciences. M., 2001.

3. Borisenko E. A. To the question of the grounds for conducting prosecutorial checks outside the criminal law sphere // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2022. No. 1 (87). P. 45–50.

4. Borisenko E. A. Once again about the functions and legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2022. No. 3 (89). P. 50–56.

5. Vinokurov A. Yu. Prosecution authorities and state control (supervision) bodies: the content of legal relations: selected articles. T. 4. M., 2021.

6. Kazarina A. Kh. Theoretical and applied problems of prosecutorial supervision over the execution of economic laws: diss. … Dr. jurid. Sciences. M., 2009.

7. Karpov N. N. To the question of the legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2015. No. 2 (46). P. 3–8.

8. Karpov N. N. Procurator's supervision over the execution of normative decrees of the President of the Russian Federation // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2012. No. 5 (31). P. 33.

9. Novikov S. G., Raginsky M. Yu. Prosecutor's office in the system of the Soviet state apparatus // Jurisprudence. 1974. No. 3. P. 43–48.

10. Rokhlin V. I. Procurator's supervision and state control: history, development, concept, correlation. SPb., 2003.

11. Cherepanov M. M., Pugachev A. V. The principle of non-intervention of the prosecutor's office in the operational and economic activities of supervised entities // SPS «ConsultantPlus».

12. Shobukhin V. Yu. Constitutional regulation of the status of the prosecutor's office of the Russian Federation: problems, trends and prospects for changing Art. 129 of the Constitution of the Russian Federation // State power and local self-government. 2020. No. 4.

13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 17, 2015 No. 2-P «On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 6, paragraph 2 of Article 21 and paragraph 1 of Article 22 of the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» in connection with complaints from the interregional association of human rights public associations «Agora», interregional public organization «Human Rights Center «Memorial», international public organization «International historical, educational, charitable and human rights society «Memorial», regional public charitable organization for assistance to refugees and internally displaced persons «Civic Assistance», autonomous non-profit organization of legal, informational and expert services «Zabaikalsky Human Rights Center», regional public fund «International Standard» in the Republic of Bashkortostan and citizen S. A. Gannushkina» // SZ RF. 2015. No. 9. St. 1389.

Информация об авторах

Е. А. Борисенко — доцент кафедры основ прокурорской деятельности факультета магистерской подготовки Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук;

О. А. Яловой — доцент кафедры основ прокурорской деятельности факультета магистерской подготовки Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. A. Borisenko — Associate Professor of the Department of Basic Prosecutorial Activities of the Faculty of Master's Degree of the Prosecutor's Office University of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences;

O. A. Yalovoy — Associate Professor of the Department of Basic Prosecutorial Activities of the Faculty of Master's Degree of the Prosecutor's Office University of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 12.05.2023.
The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 12.05.2023.

Научная статья
УДК 34.3
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-51-58
EDN: https://elibrary.ru/yhpuqi
NIION: 2003-0059-3/23-669
MOSURED: 77/27-003-2023-03-868

Актуальные аспекты взаимодействия следователя и прокурора при принятии решения о возбуждении уголовного дела (сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных законов Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам)

Буй Тхиен Тхыонг
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, thienthuong1603@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы, касающиеся взаимодействия прокурора и следователя на стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и Социалистической Республике Вьетнам. Для обеспечения оптимального взаимодействия между следственным аппаратом и прокуратурой во Вьетнаме необходимо разработать механизм содействия аналогичный российскому. Делается вывод, что необходимо расширить объем полномочий на данной стадии уголовного судопроизводства у следователя во Вьетнаме, взяв за основу успешно апробированный опыт России.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, досудебное производство, процессуальные действия, следователь, прокурор
Для цитирования: Буй Тхиен Тхыонг. Актуальные аспекты взаимодействия следователя и прокурора при принятии решения о возбуждении уголовного дела (сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных законов Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 51–58. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-51-58. EDN: YHPUQI.

Original article

Actual aspects of the interaction between the investigator and the prosecutor when deciding to initiate a criminal case (comparative legal analysis of the criminal procedure law of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam)

Bui Thien Thuong
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, thienthuong1603@gmail.com

Abstract. The issues concerning the interaction between the prosecutor and the investigator at the stage of initiation of criminal proceedings in the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam are considered. In order to ensure optimal interaction between the investigative apparatus and the prosecutor's office in Vietnam it is necessary to develop a mechanism of assistance similar to the Russian one. It is concluded that it is necessary to expand the scope of powers at this stage of criminal proceedings for the investigator in Vietnam, taking as a basis successfully tested Russian experience.

Keywords: initiation of a criminal case, pre-trial proceedings, investigative actions, investigator, interrogating officer
For citation: Bui Thien Thuong. Actual aspects of the interaction between the investigator and the prosecutor when deciding to initiate a criminal case (comparative legal analysis of the criminal procedure law of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):51–58. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-51-58. EDN: YHPUQI.

Для полного понимания взаимодействия между следователем и прокурором на этапе принятии решения о возбуждении уголовного дела, считаем необходимым дать определение «процессуального решения». В научной литературе нет единого мнения по вопросу о том, что значит принимать процессуальные решения. В сугубо теоретическом плане можно выделить два определения «процессуального решения»: широкое и узкое. Широкое понимание подразумевает принятие процессуального решения как выполнение определенной деятельности. Узкое определение сводится к тому, что это процесс выбора лучшего варианта из многих альтернатив.

Так, по определению Ю. В. Манаева, «под процессуальными решениями следователя понимаются правоприменительные действия, направленные на достижение целей уголовного судопроизводства, удовлетворяющие требованиям законности и обо-

© Буй Тхиен Тхыонг, 2023

снованности, имеющие обязательную силу и выводы по вопросам, возникающим при возбуждении и рассмотрении уголовных дел» [10, с. 89]. При этом А. Б. Ломидзе считает, что «процессуальное решение следователя является необходимой частью процессуальной деятельности следователя, суть которой заключается в выборе альтернативных целей и средств, определенных законом, решениями, фиксирующими фактические данные, установленные на момент принятия решения, представлять полномочия следователя для выполнения следственных обязанностей и в форме правого акта» [8, с. 104].

Уголовно-процессуальный закон РФ, в свою очередь, также предусмотрел понятие процессуального решения как решения, которые принимаются судом, прокурором, следователем, дознавателем в установленном порядке (п. 33 ст. 5 УПК РФ).

Однако, многие ученые все еще высказывают полярные мнения относительно двух понятий «процессуальное решение» и «принятие процессуальных решений», поэтому возникает необходимость различения этих двух понятий. О понятии «принятие процессуальных решений» высказываются многие исследователи. Так, Ф. Генов утверждает, что «по существу принятие решения является одной из основных составляющих сознательного действия руководителя, которые направляются на достижение определенной цели» [7, с. 231]. Согласно мнению И. В. Блиновой-Сычкарь и А. В. Миликовой, «принятие решения представляет собой один из этапов в развитии целенаправленной деятельности, заключающийся в процессе постановки задачи, разработке решения и выборе альтернативы» [6, с. 106–107]. Само принятие процессуального решения состоит из нескольких этапов: собирание информации, ее оценка, вывод и оформление фактического решения из полученных данных [9, с. 89].

Как известно, в ходе производства предварительного расследования следователь переходит от неполного и вероятного знания к доказанному и достоверному знанию. Следовательно, ему необходимо принимать процессуальные решения, которые должны привести к положительному результату. В конечном итоге деятельность следователя заключается в вынесении законных и обоснованных промежуточных и окончательных процессуальных решений о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела. Суть принятия такого решения всегда заключается в выборе цели, также подходящего и окончательного средства.

Во Вьетнаме большинство ученых согласны с тем, что принятие решения — это процесс обсуждения, ведущий к выбору варианта реализации среди доступных альтернатив. Принятие процессуального решения — это последний шаг в решении проблемы, но самый трудный, требующий ответственного подхода от следователя. Принятие решений необходимо любому следователю, поскольку от него напрямую зависит качество предварительного расследования. Следователь, способный принять правильное процессуальное решение в нужное время, обеспечит успех всего процесса расследования. Наоборот, если будет принято неправильное решение, оно повлечет за собой непредсказуемые ущербные последствия, затрагивающие права и интересы людей [2, с. 35].

Однако при принятии тех или иных решений следователи всегда сталкиваются с определенными трудностями как объективного, так и субъективного характера. Объективными трудностями можно назвать следующие: срочность принятия решения, зачастую без достаточного времени для предварительной проверки; недостаточный объем информации в материалах «доследственной проверки» или уголовного дела для принятия конкретного процессуального решения; отсутствие полномочий на принятие определенных решений, имеющих важное значение для хода дальнейшего расследования.

Субъективными трудностями являются следующие: отсутствие у следователя достаточного опыта следственной практики; нерешительность следователя, боязнь неудачи или возможных рисков; излишняя эмоциональность следователя, которая приводит к принятию необоснованных решений; излишняя консервативность следователя, неумение признавать свои ошибки и прислушиваться к мнению более опытных коллег.

Таким образом, понятие «процессуальное решение» и «принятие решения», по нашему мнению, по законодательству РФ и СРВ почти тождественны. Хотя и имеются много разных мнений, но в целом принятие процессуального решения сводится к тому, что это процесс обсуждения, который состоит в собирании информации, постановки задачи, разработки решения и выбора альтернативы, а само процессуальное решение — это фактический оформленный результат такого процесса.

Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства России следователь принимает одно из трех решений после процесса доследственной проверки сообщений о преступлении: 1) о возбуждении уголовного дела; 2) об отказе в возбуждении уголовного дела; 3) о передаче сообщения по подследственности (ч. 1 ст. 145 УПК РФ).

В то же время, согласно ч. 1 ст. 147 УПК СРВ, в 20-дневный срок со дня поступления заявлений, сообщений или иных сведений о преступлениях, следственные органы и органы, на которые возложено проведение ряда следственных мероприятий, обязаны изучить, проверить и принять одно из следующих решений: а) о возбуждении уголовного дела; б) об отказе в возбуждении; в) о временном приостановлении рассмотрения сообщений о преступлениях.

В соответствии с ч. 1 ст. 146 УПК РФ, при наличии повода и основания для возбуждения уголовного дела, следователь в пределах компетенции возбуждает уголовное дело и выносит соответствующее постановление.

Обратим внимание, что перечень возможных источников о преступлениях, которые перечислены выше, не является исчерпывающим. Иными источниками могут служить и сведения о поступлении пациентов, передаваемые медицинскими организациями в случаях наличия у них следующих признаков причинения вреда здоровью в результате совершения противоправных действий; опубликованная информация в СМИ или переданные сведения посредством различных средств связи; обращения и жалобы от граждан, а также от государственных и иных организаций.

Необходимо отметить, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Здесь говорится о данных, так как эта информация еще не признается доказательствами по общему правилу в уголовном процессе. Данная информация может быть результатом проведения оперативно-розыскной деятельности, объяснениями, полученными от пострадавшего или от очевидцев, справками, медицинскими картами, рентгеновскими снимками и т. п. Кроме того, эти данные не указывают на установление всех элементов состава преступления, а могут содержать лишь признаки преступления. Следовательно, когда принимается решение о возбуждении уголовного дела, следователь делает вывод о наличии в материалах проверки сообщения о преступлении признаков конкретного уголовно наказуемого деяния.

Как правило, должностное лицо того органа, к подследственности которого относится расследование конкретного преступления, выносит постановление о возбуждении уголовного дела, т. е. следователь может самостоятельно выносить такое постановление. С данного момента уголовное дело считается в производстве этого следователя (ч. 1 ст. 156 УПК РФ).

Глобальное отличие УПК РФ от УПК СРВ заключается в том, что во Вьетнаме следователям не разрешается самостоятельно принимать решения о возбуждения уголовного дела, так как данное полномочие принадлежит следственному органу, прокуратуре и суду. Об этом прямо сказано в ч. 1 ст. 153 УПК СРВ: «следственный орган принимает решение о возбуждении уголовных дел по всем делам, в которых имеются признаки преступления, за исключением тех дел, которые поручены органу, проводящему ряд следственных действий, прокуратуре и суду».

Обратим внимание, что здесь вьетнамские законодатели используют слово «следственный орган», а не «следователь». Разумеется, что следователь не может сам по себе принимать решение о возбуждении уголовного дела. Так, если в России следователь может самостоятельно принимать решения по уголовному делу, то во Вьетнаме, на практике, следователь должен сообщить свои намерения непосредственному руководителю, который в итоге подпишет постановление о возбуждении уголовного дела от имени того следственного органа, который он возглавляет. Этот механизм работы приводит к отсутствию гибкости и самостоятельности следователя в принятии решения о возбуждения уголовного дела.

Следующее отличие выражается в том, что вопрос о необходимости передачи прокурору полномочия по возбуждению уголовного дела также остается предметом долгих дискуссий в российской уголовно-процессуальной науке.

Вьетнамские законодатели уже четко решили, что не только следственные органы, но и прокурор имеют право возбудить уголовное дело, и данный тезис подтвержден в следующих правовых актах. Так, в соответствии с положениями ст. 20 Закона «Об организации органов народной прокуратуры», ст. 163 УПК СРВ и ст. 30 Закона «Об организации следственных органов», следственный орган Верховной народной прокуратуры имеет полномочия

на проведение расследования преступлений, посягающих на судебную деятельность; преступлений, связанных с коррупцией или должностных преступлений в судебной деятельности, указанных в гл. XXIII и XXIV УК СРВ, в которых преступники являются кадрами и государственными служащими следственных органов, судов, народных прокуратур, судебных органов и другими компетентными лицами, осуществляющими судебную деятельность. При этом на следственный орган Верховной народной прокуратуры возлагаются следующие полномочия: организовывать работу уголовной дежурной, принимать заявления и сообщения о преступлениях, ходатайствовать об уголовном преследовании; квалифицировать преступления, сообщать о преступлениях, начинать уголовное расследование в рамках своей компетенции или немедленно передавать материалы по подследственности в другие компетентные органы для расследования.

Кроме того, ч. 3 ст. 153 УПК СРВ предусматривает следующее: прокуратура вправе выносить постановление о возбуждении уголовных дел в трех случаях — во-первых, если прокуратура отменила постановление об отказе в возбуждении уголовного дела следственного органа или иного органа, которому поручено проведение ряда процессуальных действий; во-вторых, если прокуратура непосредственно рассматривает сообщения о преступлениях; в-третьих, когда прокуратура непосредственно обнаруживает признаки преступления или действует по запросу на возбуждение уголовного дела от судебной коллегии.

Вышесказанное позволяет утверждать, что прокурор также может принять решение о возбуждении уголовного дела по многим делам, но если какое-либо дело не находится в компетенции прокуратуры, то в течение 24-х часов после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела прокурор обязан направить это постановление в компетентный следственный орган для проведения расследования (ч. 2 ст. 154 УПК СРВ).

Тем не менее, хотелось бы отметить, что следователи порой допускают нарушения закона на данном этапе стадии возбуждения уголовного дела. При этом обязанностью прокуратуры является своевременное выявление и принятие мер в соответствии с законом. Однако, не все нарушения закона следователями связаны с расследуемыми ими уголовными делами, а также могут быть связаны с другими его полномочиями. Эти действия могут быть совершенно не связаны с уголовным делом, за которым прокуроры осуществляют надзор. При наличии в действиях следователя признаков преступления, связанного с посягательством на судебную деятельность, данное уголовное дело подведомственно следственному органу Верховной народной прокуратуры.

Таким образом, прокуроры во Вьетнаме имеют больше полномочий по надзору за следователем, чем в России. Это приводит к частичному совпадению в полномочиях следователей и прокуроров, поскольку существуют много резонансных и многоэпизодных преступлений, когда возникают споры о подследственности. Зачастую имеются разные взгляды на оценку доказательств, каждый орган отстаивает свою точку зрения, что приводит к длительному сроку разрешения сообщения о преступлении, является причиной неоднократного возвращения для дополнительной проверки материалов сообщений о преступлениях. По нашему мнению, нужно ограничить полномочия прокуроров, в частности, исключить п. «б» ч. 3 ст. 153 УПК СРВ: *«б) прокуратура непосредственно рассматривает заявления, сообщения о преступлениях или ходатайства на уголовное расследование».* Сделать это необходимо для того, чтобы все сообщения о преступления рассматривались только следователями, а не прокурорами. Тогда не будет возникать ситуаций, когда прокурор обнаруживает признаки преступления, возбуждает уголовное дело, но вследствие неподследственности, передает материалы уже возбужденного уголовного дела обратно в следственный орган. Соответственно, также необходимо изложить ч. 2 ст. 154 УПК СРВ в следующей редакции: *«2. В течение 24-х часов после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела следственный орган или орган, которому поручено проведение ряда следственных действий, обязан направить это постановление вместе с соответствующими материалами прокурору для осуществления надзора».*

После принятия следователем решения о возбуждении уголовного дела, руководствуясь ч. 4 ст. 146 УПК РФ, копия данного постановления должна быть немедленно направлена прокурору. Затем прокурор должен удостовериться, что следователем соблюдены требования законодательства при рассмотрении сообщений о преступлениях. При обнаружении нару-

шений прокурор в течение 24-х часов после получения материалов уголовного дела выносит мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган для отмены постановления о возбуждении уголовного дела (п. 1 и 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Хотелось бы отметить, что в п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, ст. 6 и 22 Федерального закона № 2202-1 указано, что прокурор вправе путем применения всех средств прокурорского реагирования требовать полного устранения нарушений закона, а также привлечения к ответственности виновных должностных лиц, в том числе нарушающих порядок разрешения сообщений о преступлениях. Такие нарушения могут быть выражены в следующем: незаконное затягивание, прерывание и возобновление сроков проверки; в основу положены необъективные и необоснованные обстоятельства для возбуждения уголовного дела; нарушение прав и законных интересов лиц, пострадавших от уголовно наказуемых деяний.

В свою очередь, ряд ученых (Е. Н. Арестова, А. С. Есина, П. В. Фадеев) отмечают, что «прокурор не только надзирает над порядком разрешения сообщений о преступлениях, но и над принятием решений следователем» [5, с. 34]. Для этого, прокурор обязан вести книги учета поступивших копий постановлений о возбуждении уголовного дела и постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а также каждый месяц осуществлять выезды в следственные органы, чтоб проводить сверку данных, которые содержатся в КУСП, регистрациях обращений граждан, иных документах, публикациях в СМИ и т. п. Таким образом, если прокурор обнаруживает какие-либо процессуальные нарушения в процессе осуществления проверки сообщений о преступлениях, он может применять меры по их устранению, а в случае обнаружения признаков правонарушений или преступлений со стороны должностных лиц, принимает меры по привлечению виновных лиц к ответственности.

Иначе проявляются взаимоотношения между следователем и прокурором во Вьетнаме, так как координация между ними не осуществляется напрямую, а происходит через руководителей каждого органа и от имени органа (следственного органа и прокуратуры). Как уже было отмечено выше, во всех нормативных правовых актах вьетнамские законодатели, в отличие от российских, напрямую не используют слово «прокурор» или «следователь»; вместо этого они употребляют термин «прокуратура» и «следственный орган». Констатируем и тот факт, что все постановления или другие решения принимаются от имени прокуратуры и следственного органа, а не от имени прокурора или следователя как конкретных должностных лиц.

Так, согласно ч. 2 ст. 154 УПК СРВ, следователь (с согласия своего руководителя) не позднее 24-х часов после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела направляет данное постановление вместе со всеми материалами и документами в прокуратуру того же уровня для осуществления надзора за решением следователя. И, наоборот, в течение 24-х часов с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела прокурором он также обязан направить его в компетентный следственный орган для расследования.

По резонансным и многоэпизодным преступлениям, перед тем как компетентный орган решит вопрос о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела, следственный орган и прокуратура часто проводят рабочие встречи и совещания с целью координации совместных усилий по оценке собранных материалов и доказательств, а также решения вопросов, касающихся квалификации и производства дальнейшего расследования.

В соответствии со ст. 7 совместного циркуляра № 04/2018/TTLT-VKSNDTC-BCA-BQP [4], после получения постановления следственного органа о возбуждении уголовного дела и соответствующих документов в 3-дневный срок прокурор обязан их рассмотреть и разрешить. В случае признания постановления о возбуждении уголовного дела обоснованным и законным генеральный прокурор выносит определение о назначении прокурора или помощника прокурора для осуществления прокурорского надзора за возбуждением и расследованием уголовного дела, и направляет данное определение в следственный орган. Если прокурор обнаружит неясность в основании для возбуждения уголовного дела, то он направляет в следственный орган письменный запрос о дополнении проверочных материалов и документов. В случае признания постановления о возбуждении уголовного делам необоснованным, прокурор вносит письменное представление в орган, проводящий проверку сообщения о преступлении, в котором требует от него вынести постанов-

ление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела. Кроме того, прокурор также имеет право принимать решения об отмене необоснованных и незаконных решений следователя (п. «h» ч. 2 ст. 41 УПК СРВ).

При несогласии с решением о возбуждении уголовного дела следователя или руководителя следственного органа прокурор выносит определение об отмене постановления о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном п. 6 ст. 159 и п. 1 ст. 161 УПК СРВ; т. е., следственный орган обязан выполнить запрос и решение прокуратуры на стадии возбуждения уголовного дела. В случае несогласия с решениями прокурора следователь все же должен выполнить требования прокурора, но он имеет право заявить ходатайство в вышестоящую прокуратуру. В течение 20-ти дней со дня получения ходатайства следственного органа прокуратура обязана рассмотреть и разрешить его, а также уведомить о результатах следственный орган, заявивший ходатайство.

Например, в отношении Фам Дык Каня и Буй Ван Тоана (по адресу: район 5, округ Кау Тиа, город Нгиа Ло, провинция Йен Бай) было возбуждено следователем города Нгиа Ло уголовное дело по факту совершения грабежа, но прокурор Народной прокуратуры того же уровня обратился к следователю с запросом о квалификации данного преступления как мошенничество. Следователь города Нгиа Ло еще раз провел доследственную проверку, объявил результаты и продолжал рекомендовать квалифицировать данное преступное деяние как грабеж. Однако, прокурор Народной прокуратуры по-прежнему был не согласен с данным решением. Тогда следователь города Нгиа Ло выполнил требования прокурора, но в то же время он обратился с ходатайством в Народную прокуратуру провинции Йен Бай. После рассмотрения Народная прокуратура провинции Йен Бай согласилась с доводами следователя, и в итоге данное преступление было квалифицировано как грабеж [3, с. 164].

Как уже отмечалось, фактически, если смотреть сквозь призму практической деятельности, применение таких норм видится вполне обоснованным. Так, только после того момента, как прокурор получил поручение Генерального прокурора прокуратуры, а следователь, соответственно, поручение руководителя следственного органа, они вправе самостоятельно взаимодействовать по конкретному уголовному делу. При этом важно отметить, что согласовывать все решения прокурора должен только генеральный прокурор или его заместители от имени прокуратуры (п. «c» ч. 1 ст. 41 УПК СРВ), а решения следователя — его руководитель от имени следственного органа (п. «c» ч. 1 ст. 36 УПК СРВ). По нашему мнению, такой подход взаимодействия недостаточно гибкий и не обеспечивает своевременность и разумный срок предварительного расследования.

Взаимодействие между следователями и прокурорами в уголовном судопроизводстве во Вьетнаме в последние годы в целом осуществлялись в соответствии с положениями закона. Форма взаимодействия проявляется в основном через документы уголовного дела и первичные материалы «доследственной проверки». Согласно подсчетам с 2017 по 2022 гг. следователи вынесли 5 606 413 постановлений о возбуждении уголовных дел; 6 279 883 постановления об отказе в возбуждении уголовных дел. Прокуроры также непосредственно возбуждали и передали к следователям 2789 уголовных дел. Прокуроры активно истребовали и реализовывали право на отмену необоснованных процессуальных решений, в частности, отменили 1046 постановлений следователей о возбуждении уголовных дел; просили отменить 219 постановлений о возбуждении уголовных дел. По запросу прокуроров руководители следственного органа отменили 131 постановление о возбуждении уголовного дела, изменили и дополнили 182 постановления о возбуждении уголовного дела [1].

Однако, правоприменительная практика показывает, что бывают случаи когда прокуроры народных прокуратур недостаточно внимательно контролируют порядок приятия решения по возбуждению уголовного дела, недостаточно внимательно изучают материалы «доследственной проверки», что приводит к допущению ошибок, которые обнаруживаются на более поздних этапах расследования, а затем и вовсе прекращается производство по уголовным делам. Многие прокуроры зачастую поспешно и субъективно ходатайствуют о возбуждении уголовного дела, которое не имеет правовых оснований и не соответствует действительности.

Характерен случай г-на Нгуен Ван Тана, владельца кофейни «Син Чао» в районе Бинь Чань города Хошимина. Следователем города Хошимин было возбуждено уголовное дело в отношении Нгуен Ван Тана за незаконное предпринимательство. Про-

курор Народной прокуратуры г. Хошимин, не осуществляя должного надзора, был согласен с решением следователя. Уголовное дело поступило в суд для рассмотрения по существу, где при подготовке к судебному разбирательству было установлено, что уголовное преследование г-на Тана не имело достаточных правовых оснований, имело признаки «криминализации» административного правонарушения. Поэтому прокурор Народной прокуратуры города Хошимин был вынужден принять решение о прекращении уголовного дела, чтобы избежать вынесения судом оправдательного приговора.

В некоторых случаях, когда следователь выносит постановление о возбуждении уголовного дела, прокурор не проявляет активного надзора с самого начала уголовного преследования, а ждет, пока следователь завершит расследование, составит обвинительное заключение и передаст дело в народную прокуратуру. Лишь после этого, зачастую, обнаруживаются допущенные следователем нарушения либо отсутствие оснований и поводов для возбуждения уголовного дела. Соответственно, данные дела должны быть возвращены в следственный орган для дополнительного расследования или принятия решения об изменении или дополнении постановления о возбуждении уголовного дела, что является весьма затратным и затяжным по времени процессом, затрагивающим законные права и интересы организаций и граждан.

Таким образом, вопросы взаимодействия следователя с прокурором при принятии решения о возбуждении дел по уголовно-процессуальному законодательству России и Вьетнама представляются весьма актуальным. Результат проведенного исследования данного вопроса позволяет обосновать следующие выводы и предложения.

1. Доказано, что во Вьетнаме отсутствует гибкость и самостоятельность следователя, так как ему необходимо сообщать свои намерения относительно принимаемых процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела своему непосредственному руководителю. В свою очередь, непосредственный руководитель согласовывает постановление о возбуждении уголовного дела от имени следственного органа, а сам следователь не может принять такое решение, что действительно отличает его от полномочия у российского следователя. На наш взгляд, необходимо расширить объем полномочий у следователя во Вьетнаме, взяв за основу успешно апробированный опыт российского законодателя.

2. Доказано, что прокурор во Вьетнаме имеет право как на возбуждение уголовного дела, так на отмену процессуальных решений следователя, если по его усмотрению имеют место нарушения либо допущены ошибки в таких постановлениях. Это приводит к частичному совпадению в полномочиях следователей и прокуроров, поскольку существуют резонансные и многоэпизодные преступления, при расследовании которых возникают споры о подследственности. В целях исключения таких споров, необходимо ограничить полномочия прокуроров, и в частности, *исключить п. «б» ч. 3 ст. 153 УПК СРВ: «б) прокуратура непосредственно рассматривает заявления, сообщения о преступлениях или ходатайства на уголовное расследование»*, для того чтобы, все сообщения о преступлениях рассматривались только следователями, а не прокурорами. Соответственно, также необходимо изложить ч. 2 ст. 154 УПК СРВ в следующей редакции: *«2. В течение 24-х часов после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела следственный орган или орган, которому поручено проведение ряда следственных действий, обязан направить это постановление вместе с соответствующими материалами прокурору для осуществления надзора».*

Список источников

1. BÁO CÁO 152/BC-VKSTC. Tổng kết công tác của ngành Kiểm sát nhân dân giai đoạn 2017–2022 (Отчет 152/BC-VKSTC. Сводная информация о работе Народной прокуратуры за период 2017–2022 гг.).

2. Hà Thị Phương Nhi. Những người tiến hành tố tụng trong Cơ quan điều tra. Luận án tiến sỹ luật học, Hà Nội, 2015. Trang 35 (Ха Тхи Фыонг Ньи. Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения в следственном органе: дисс. … канд. юрид. наук. Ханой, 2015).

3. Nguyễn Tiến Tài. Thực hành quyền công tố trong vụ án cướp tài sản theo pháp luật TTHS VN từ thực tiễn tỉnh Quảng Bình. Luận án tiến sỹ luật học. Hà Nội. 2017. Trang 164 (Нгуен Тиен Тай. Осуществление прокурорского надзора по уголовному делу за грабежи с материалами провинции Куанг Бинь: дисс. ... канд. юрид. наук. Ханой, 2017).

4. Thông tư liên tịch số 04/2018/TTLT-VKSNDTC-BCA-BQP từ ngày 19/10/2018 Quy định về phối hợp giữa cơ quan điều tra và viện kiểm sát trong việc thực hiện một số quy

định của bộ luật tố tụng hình sự (Совместный циркуляр от 19 октября 2018 г. № 04/2018/TTLT-VKSNDTC-BCA-BQP «Положения о сотрудничестве между следственными органами прокуратуры в реализации некоторых положений уголовно-процессуального кодекса» // URL://https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thu-tuc-To-tung/Thong-tu-lien-tich-04-2018-TTLT-VKSNDTC-BCA-BQP-thuc-hien-quy-dinh-cua-Bo-luat-to-tung-hinh-su-402166.aspx/).

5. Арестова Е. Н., Есина А. С., Фадеев П. П. Взаимодействие следователя с субъектами уголовно-процессуальной деятельности: учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2019.

6. Блинова-Сычкарь И. В., Миликова А. В. Понятие «принятие решения» в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградского государственного университета. 2008. Сер. 5.

7. Генов Ф. Психология управления. Основные проблемы: пер. с болг. М. : Прогресс, 1982.

8. Ломидзе А. Б. Прокурорский надзор за законностью и обоснованностью принимаемых следователем процессуальных решений: метод. пособие. М. : Юрлитинформ, 2001.

9. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М. : Юрист, 2006.

10. Манаев Ю. В. Законность и обоснованность процессуальных решений следователя в советском уголовном судопроизводстве. Волгоград, 1977.

References

1. BÁO CÁO 152/BC-VKSTC. TổNg kết công tác của ngành KiểM sát nhân dân giai đoạn 2017–2022 (Report 152/BC-VKSTC. Summary information about the public Prosecutor's office during the period 2017–2022).

2. Hà Thị Phương Nhi. Những người tố tụng tiến hành trong Cơ quan điều tra. Luận án tiến sỹ luật học, Hà Nội, 2015. Trang 35 (Ha Thi Phuong Nyi. Participants in criminal proceedings on the part of the prosecution in the investigative body: diss. ... cand. jurid. sciences'. Hanoi, 2015).

3. Nguyễn Tiến Tài. Thực hành quyền công tố trong vụ án cướp tài sản theo pháp luật TTHS VN từ thực tiễn tỉnh Quảng Bình. Luận án tiến sỹ luật học. Hà NộI. 2017. Trang 164 (Nguyen Tien Tai. The implementation of prosecutorial supervision in a criminal case for robberies with materials from the province of Quang Binh: diss. ... cand. jurid. sciences'. Hanoi, 2017).

4. Thông tư liên tịch số 04/2018/TTLT-VKSNDTC-BCA-BQP từ ngày 19/10/2018 Quy định về phối hợp giữa cơ quan điều tra và viện kiểm sát trong việc hiện số surgeon to perform MOT city, South Central coast quy định của luật tố tụng hình sự (Joint circular of October 19, 2018 No. 04/2018/TTLT-VKSNDTC-BCA-BQP «Provisions on cooperation between the investigating authorities of the Prosecutor's office in the implementation of certain provisions of the criminal procedure code» // URL://https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thu-tuc-To-tung/Thong-tu-lien-tich-04-2018-TTLT-VKSNDTC-BCA-BQP-thuc-hien-quy-dinh-cua-Bo-luat-to-tung-hinh-su-402166.aspx/).

5. Arestova E. N., Esina A. S., Fadeev P. P. Interaction of an investigator with subjects of criminal procedural activity: textbook and workshop for universities. M. : Yurayt, 2019.

6. Blinova-Sychkar I. V., Milikova A. V. The concept of «decision-making» in criminal proceedings // Bulletin of Volgograd State University. 2008. Ser. 5.

7. Genov F. Psychology of management. Main problems: trans. from bolg. M. : Progress, 1982.

8. Lomidze A. B. Prosecutor's supervision over the legality and validity of procedural decisions taken by the investigator: method. manual. M. : Yurlitinform, 2001.

9. Lupinskaya P. A. Decisions in criminal proceedings: theory, legislation and practice. M. : Lawyer, 2006.

10. Manaev Yu. V. Legality and validity of procedural decisions of the investigator in Soviet criminal proceedings. Volgograd, 1977.

Информация об авторе

Буй Тхиен Тхыонг — адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

Bui Thien Thuong — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.
The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 343.41
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-59-64
EDN: https://elibrary.ru/avezpu
NIION: 2003-0059-3/23-670
MOSURED: 77/27-003-2023-03-869

Проблемы квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации

Ирина Ивановна Бунова
Академия управления МВД России, Москва, Россия, bynva@rambler.ru

Аннотация. Освещаются проблемы квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Рассматривается судебная практика по уголовным делам данной категории. Акцентируется внимание на неправильной квалификации данного деяния, что приводит к нарушению права на частную жизнь и права на тайну.

Ключевые слова: права человека, неприкосновенность частной жизни, незаконный оборот специальных технических средств, защита информации

Для цитирования: Бунова И. И. Проблемы квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 59–64. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-59-64. EDN: AVEZPU.

Original article

Problems of qualification of illegal trafficking of special technical means intended for secret obtaining of information

Irina I. Bunova
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, bynva@rambler.ru

Abstract. The problems of qualification of illegal turnover of special technical means intended for surreptitious obtaining of information are highlighted. The judicial practice in criminal cases of this category is considered. Attention is drawn to the incorrect qualification of this act, which leads to a violation of the right to privacy and the right to secrecy.

Keywords: human rights, privacy, illegal trafficking of special technical means, information protection

For citation: Bunova I. I. Problems of qualification of illegal trafficking of special technical means intended for secret obtaining of information. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):59–64. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-59-64. EDN: AVEZPU.

Статья 138.1 «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации» введена Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ [1]. Это произошло не случайно, а в большей степени закономерно, поскольку защита информации, особенно о частной жизни граждан, представляет собой одну из важнейших задач современного российского государства [2, с. 7]. Именно поэтому в настоящее время разрабатываются различные средства защиты, в том числе и уголовно-правовые.

Изучение проблем привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, позволяет установить направления государственной политики в области защиты информации, а также выявить, какие действия с информацией запрещены [3, с. 167–168].

Актуальность исследования обусловлена тем, что неправильная квалификация данного деяния приводит к тому, что нарушаются права граждан в области информационной безопасности [4, с. 23–25].

Данные о числе осужденных по ст. 138.1 УК РФ в Российской Федерации можно представить следующим образом [5]. В 2012 г. было осуждено 46 человек, 2013 г. — 152, 2014 г. — 212, 2015 г. — 258, 2016 г. — 229, 2017 г. — 254, 2018 г. — 160, 2019 г. — 73, 2020 г. — 44, 2021 г. — 60, а за период до июня 2022 г. — 27 осужденных.

Таким образом, прослеживается положительная тенденция снижения числа осужденных по ст. 138.1 УК РФ в Российской Федерации. Необходимо полагать очевидным, что число осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, в 2019 г. снизилось более чем наполовину. Указанную тенденцию можно объяснить наличием мно-

© Бунова И. И., 2023

жественных проблем квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

В рамках доктрины права и в правоприменительной деятельности появилось понимание о необходимости совершенствования правового регулирования оснований уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ. Необходимо совершенствовать и практику правоприменения. Указанные выводы не раз озвучивались и законодателем, и Верховным Судом Российской Федерации. Кроме того, данная проблема стала осознаваться и рядовыми представителями российского общества. Так, 14 декабря 2017 г. в ходе пресс-конференции Президенту РФ В. В. Путину сообщили о возбуждении уголовного дела в отношении фермера Евгения Васильева, который приобрел GPS-трекер со встроенным микрофоном с целью отслеживания местонахождения скотины [6].

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 25 декабря 2018 г. отметил, что необходимо исключать квалификацию деяния по ст. 138.1 УК РФ в том случае, когда умысел лица не был направлен на приобретение и (иди) сбыт специальных технических средств (например, при добросовестном заблуждении). Кроме того, необходимо устанавливать и цель приобретения рассматриваемых технических средств. Так, если подозреваемый или обвиняемый не имел целью нарушать конституционные права и свободы граждан, то он не может быть привлечен к уголовной ответственности [7]. Данные указания Верховного Суда Российской Федерации фактически указывают на декриминализацию ряда деяний, которые ранее квалифицировались по ст. 138.1 УК РФ. Между тем, ряд вопросов практики применения ст. 138.1 УК РФ до настоящего времени разрешен лишь в практике иных федеральных судов.

Так, одной из основных правоприменительных проблем выступает квалификация содеянного при незаконном сбыте технических средств, который не окончен в ходе оперативно-розыскного мероприятия.

В рамках доктрины права состав преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, признается формальным. Суть формального состава преступления заключается в том, что преступление будет считаться оконченным в момент начала совершения противоправных действий, независимо от наступления вредных последствий. Так, из материалов дела в отношении гражданина И следовало, что он не довел свой преступный умысле до конца ввиду причин, которые напрямую от него не зависели, а именно: в результате проведения мероприятия «контрольная закупка» и изъятия предмета преступления. Тем самым фактически суд сделал ссылку на ч. 3 ст. 30 УК РФ, согласно которой умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам, признаются покушением на преступление.

Учитывая изложенное, суд апелляционной инстанции переквалифицировал действия И. со ст. 138.1 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ст. 138.1 УК РФ как покушение на незаконный сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации [8].

Вместе с тем, конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, предполагает его окончание при незаконном сбыте специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, что означает отсутствие стадии покушения в принципе.

Анализ судебной практики показывает, что суды при квалификации содеянного в момент совершения уделяют внимание изучению факта осознания субъектом преступления незаконности сделки по покупке запрещенного товара. Примером может служить следующее уголовное дело. Покупатель очков со встроенной видеокамерой был признан виновным в совершении преступления на основании таких доказательств, как показания сотрудников полиции и лиц, которые не видели, что именно находилось в упаковке от очков. Московский областной суд приговор отменил, указав, что доказательства свидетельствуют лишь о факте покупки очков. Однако суду не было представлено доказательств направленности умысла покупателя на приобретение запрещенного специального технического средства [9, п. 7].

Однако, далеко не все суды при квалификации содеянного придерживаются данного подхода.

В рамках другого уголовного дела было установлено, что гражданином В. была приобретена скрытая видеокамера в форме пуговицы от пиджака. Направленность умысла субъекта преступления на совершение деяния, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, подтверждалось такими доказательствами, как показания свидетелей и рапортом сотрудника ФСБ России.

Защитник указывал, что приобретенный товар имеет форму параллелепипеда, а пуговицу напоминает лишь его выделяющаяся часть. Кроме того, устройство снабжено мигающим светодиодом крас-

ного цвета. Таким образом, устройство может быть обнаружено без применения специальных средств, что свидетельствует об отсутствии умысла на приобретение технического средства, предназначенного для негласного получения информации. Однако доводы защиты суд отклонил, указав, что вина обвиняемого подтверждалась совокупностью собранных по делу доказательств [10].

Важно учитывать, что в рамках судебной практики сформировался подход, согласно которому совокупность преступлений по ст. 137 и 138.1 УК РФ возможна при совершении деяния, заключающегося в использовании специальных технических средств для подглядывания за лицами в жилых помещениях. Вопрос квалификации преступлений по идеальной совокупности достаточно подробно разработан в уголовно-правовой доктрине [11].

Примером такой квалификации может служить следующее дело. А. был признан виновным в совершении преступлений по совокупности ввиду установки им на тумбе, предназначенной для аквариума, радиомикрофона для получения сведений о частной жизни другого лица. При помощи указанного средства А. смог получить конфиденциальную информацию о личной жизни гражданки Б. [12].

Примером излишней квалификации, не исходящей из требований закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, может служить подход государственного обвинителя, изложенный в определении Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 3 декабря 2020 г. по делу № 7У-12367/2020 [13].

К. оправдан в совершении незаконного оборота специальных технических средств, имеющих функции аудио и видеозаписи, замаскированных под лампы.

В кассационном представлении заместитель прокурора г. Москвы выражает свое несогласие с принятым решением и указывает на следующие обстоятельства: суд оставил без внимания, что собранные по делу доказательства бесспорно подтверждают совершенное преступление. Из материалов дела следует, что К., давая объявление о продаже товара в описании товара, указал, что это скрытая камера в виде лампочки.

По данному уголовному делу установлено, что К. приобрел указанные приборы в качестве видеорегистратора по типу «радионяни» для наблюдения за своим малолетним ребенком. При этом в апелляционной инстанции К. указывал, что использовать указанный прибор можно было дистанционно, в частности получать звуковой сигнал на телефон при наличии специального приложения. В размещенном объявлении о продаже устройства указано, что продается камера с функцией «вай-фай», панорамная.

Однако все эти фактические обстоятельства, как верно отмечено судами нижестоящих инстанций, не свидетельствуют об умысле на распространение специальной техники.

Анализ судебной практики показывает, что суды при квалификации деяния исходят из необходимости всестороннего изучения всех обстоятельств дела и выявления направления умысла подозреваемого.

Нельзя не согласиться с выводом А. И. Бычкова, сделанным им по итогам изучения судебно-следственной практики: подозреваемому или обвиняемому сложно доказать отсутствие умысла на приобретение или реализацию именно специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Среди причин такого затруднения автором называется отсутствие полной и подробной информации о свойствах таких товаров [14], что не вызывает сомнений.

Так, гражданин Ш. заказал на другое лицо, которое не было осведомлено о структуре заказа, техническое средство в виде карманной зажигалки со встроенным механизмом визуального наблюдения для собственных нужд. В суде Ш. свою вину не признал, указав, что о нарушении им уголовного закона узнал от третьих лиц, когда в доме проходил обыск по возбужденному уголовному делу. Доводы стороны защиты были опровергнуты целым рядом различных доказательств: во-первых, свидетельскими показаниями (так как гражданин Ш. ранее уже заказывал сходные технические средства с оформлением их на третье лицо); во-вторых, различными доказательствами письменного характера, в том числе данными, свидетельствующими о заказе шпионского оборудования с использованием нетбука. Суд счел, что все показания гражданина Ш. по поводу приобретения шпионского оборудования являются несостоятельными [15, с. 9].

В рассматриваемом случае проблемным вопросом квалификации выступает установление истинного умысла лица, совершившего преступление. Судам при квалификации данного рода преступлений необходимо принимать во внимание также действия обвиняемого до совершения им вменяемого деяния. Такая характеристика обвиняемого позволяет установить его истинные мотивы и цели при совершении уголовно наказуемого деяния.

По итогам анализа судебной практики можно наметить следующие направления совершенствования судебной практики.

Во-первых, на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ целесообразно конкретизировать понятия производства и сбыта специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Представляется необходимым использовать следующие определения.

«Производство специальных технических средств представляет собой незаконное изготовление таких средств с использованием различных методов и средств.

Под сбытом специальных технических средств следует понимать действия, направленные на передачу данных технических средств третьим лицам на возмездной или безвозмездной основе».

Предлагаемая мера позволит обеспечить полноценное и эффективное применение ст. 138.1 УК РФ, наметив основные критерии наказуемости сбыта и производства технических средств.

В рамках доктрины права отмечается еще одна важная проблема квалификация рассматриваемого деяния — определение цели посягательства на конституционные права и свободы граждан. Например, С. Н. Безуглый указывает на то, что встречаются случаи, когда субъект использует запрещенные технические средства с целью защиты своих прав или прав своих близких без намерения нарушить законные права иных лиц [16, с. 71]. Аналогичный вывод содержится и в исследовании В. А. Новикова и В. И. Шиян, которые указывают на то, что приобретение специальных технических средств для удовлетворения бытовых нужд не может рассматриваться как уголовно наказуемое деяние [17, с. 65].

Для решения указанной проблемы автор считает целесообразным внести изменения в ст. 138.1 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Незаконные производство, приобретение и (или) сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, *с целью нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина* — …».

Внесение данного изменения в действующее законодательство позволит исключить случаи неправильной квалификации деяния, когда лицо не имеет цели нарушать чужие права, а использует данные средства с целью защитить себя и других людей.

Отмеченные недостатки уголовного закона вызывают необходимость его совершенствования. Принимая во внимание общественный резонанс, которым подчас сопровождается применение ст. 138.1 УК РФ, предлагалось и вовсе признать данную норму утратившей силу. Подобное предложение, в частности, поступало от Президента Торгово-промышленной палаты России [18] (далее — ТПП России). ТПП России исходит из того, что существование данной уголовно-правовой нормы приводит к значительному снижению темпов развития предпринимательства в сфере производства высокотехнологичных устройств ввиду их опасения быть привлеченными к уголовной ответственности. Президент ТПП России предполагает, что установление административной ответственности за такие правонарушения будет выступать достаточной мерой юридической ответственности и при этом позволит развивать технологии в нашем государстве.

Для реализации данного предложения в 2020 г. группой депутатов в Государственную Думу РФ был внесен соответствующий законопроект [19]. Авторами законопроекта отмечалась недостаточная определенность действующей редакции ст. 138.1 УК РФ. Однако Верховный Суд РФ в своем отзыве на законопроект проектируемое регулирование не поддержал, отметив, что большая общественная опасность наказуемого деяния как посягающего на конституционные права и свободы человека требует дополнительного обоснования необходимости признания нормы утратившей силу [20].

Тем не менее, автор не согласен с данным подходом ввиду следующего. Нормы данной статьи призваны защищать одно из основных прав человека — право на частную жизнь и право на тайну. Исключение данной статьи приведет к повсеместному вмешательству третьих лиц в частную жизнь граждан. Несмотря на это, нормы ст. 138.1 УК РФ действительно нуждаются в реформировании с целью их соответствия реалиям современной практики их применения.

Подводя итог исследованию проблем квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, представляется целесообразным сформулировать следующие выводы.

1. Действующая редакция ст. 138.1 УК РФ порождает проблемы в квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. В рамках исследования выявлены самые актуальные проблемы применения ст. 138.1 УК

РФ, к которым относятся: отсутствие правовой регламентации содержания понятий «сбыт» и «производство» специальных технических средств, абстрактность цели совершения преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ. Учитывая это, необходимо в прим. 3 и 4 изложить определения этих понятий в следующей редакции: «2. Производство специальных технических средств представляет собой незаконное изготовление таких средств с использованием различных методов и средств. 3. Под сбытом специальных технических средств следует понимать действия, направленные на передачу данных технических средств третьим лицам на возмездной или безвозмездной основе».

2. В ходе исследования выявлено мнение ряда ученых об исключении ст. 138.1 из УК РФ ввиду наличия проблем квалификации, которое необходимо считать ничтожным ввиду его необоснованности, а воплощение данной идеи в жизнь приведет к повсеместному нарушению прав и свобод человека и гражданина. Для решения указанной проблемы целесообразно внести изменения в ст. 138.1 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «1. Незаконные производство, приобретение и (или) сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, *с целью нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина* — …».

Внесение данного изменения в действующее законодательство позволит исключить случаи неправильной квалификации деяния, когда лицо не имеет цели нарушать чужие права, а использует данные средства с целью защитить себя и других людей.

Список источников

1. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

2. Трунцевский Ю. В., Ефремов А. А. Цифровая интеграция — путь в будущее // Международное публичное и частное право. 2018. № 1. С. 6–12.

3. Уголовная политика Российской Федерации: учебник / Л. И. Беляева, И. В. Горошко, Н. Э. Мартыненко [и др.]. В 2 ч. Т. 2. М., 2020.

4. Трунцевский Ю. В. Интеллектуальное пиратство: гражданско-правовые и уголовно-правовые меры противодействия. М., 2002.

5. На основании формы государственного статистического наблюдения «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» (Ф. 10-а) за 2012–2022 гг. // URL://http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

6. Курганский фермер, о котором рассказали Путину, купил GPS-трекер из-за инвалидности // URL://https://tass.ru/obschestvo/4823997.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. 2019. 9 янв.

8. Постановление Оренбургского областного суда от 18 марта 2021 г. по делу № 22-695/2021 // СПС «Кодекс».

9. Бюллетень судебной практики Московского областного суда за II квартал 2016 г., утв. Президиумом Мособлсуда 24 августа 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Президиума Верховного суда Удмуртской Республики от 17 мая 2019 г. № 44У-41/2019 // СПС «Гарант».

11. Осокин Р. Б., Кокорев Р. Б. К вопросу об обоснованности выделения преступлений с двумя формами вины в Уголовном кодексе РФ и их соотношении с идеальной совокупностью преступлений // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 6 (98). С. 257–260.

12. Постановление Лесосибирского городского суда Красноярского края от 9 октября 2017 г. // СПС «Гарант».

13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 3 декабря 2020 г. по делу № 7У-12367/2020 // СПС «Кодекс».

14. Бычков А. И. Правовой режим конфиденциальной информации. М., 2020.

15. Смоляров М. В. Правовые аспекты использования технических средств в различных ситуациях. М., 2019.

16. Безуглый С. Н. Судебное толкование нормы об ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ) // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2 (29).

17. Новиков В. А., Шиян В. И. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ): состояние и актуальные вопросы

квалификации // Вестник Академии права и управления. 2019. № 3 (56).

18. ТПП РФ предлагает вывести из УК статью за оборот «шпионских» техсредств // URL://https://news.tpprf.ru/ru/opinion/2347890/

19. Проект федерального закона № 900177-7 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации в части признания утратившей силу статьи 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // «Законотворчество».

20. Письмо Верховного Суда РФ от 7 октября 2019 г. № 4-ВС-6486/19 // СПС «Гарант».

References

1. Federal Law No. 420-FZ of December 7, 2011 (as amended on July 3, 2016) «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SZ RF. 2011. No. 50. St. 7362.

2. Truntsevsky Yu. V., Efremov A. A. Digital integration — the way to the future // International public and private law. 2018. No. 1. P. 6–12.

3. Criminal policy of the Russian Federation: textbook / L. I. Belyaeva, I. V. Goroshko, N. E. Martynenko [et al.]. In 2 h. T. 2. M., 2020.

4. Truntsevsky Yu. V. Intellectual piracy: civil and criminal law counteraction measures. M., 2002.

5. Based on the form of the state statistical observation «Report on the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation» (Form 10-a) for 2012–2022 // URL://http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

6. Kurgan farmer, who was told to Putin, bought a GPS tracker due to disability // URL://https://tass.ru/obschestvo/4823997.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russia No. 46 dated December 25, 2018 «On Certain Issues of Judicial Practice in Cases of Crimes against the Constitutional Rights and Freedoms of Man and citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Criminal Code of Russia)» // Rossiyskaya Gazeta. 2019. 9 Jan.

8. Resolution of the Orenburg Regional Court of March 18, 2021 in case No. 22-695/2021 // SPS «Code».

9. Bulletin of judicial practice of the Moscow Regional Court for the II quarter of 2016, approved. By the Presidium of the Moscow Regional Court on August 24, 2016 // SPS «ConsultantPlus».

10. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Udmurt Republic dated May 17, 2019 No. 44U-41/2019 // SPS «Garant».

11. Osokin R. B., Kokorev R. B. On the question of the validity of the allocation of crimes with two forms of guilt in the Criminal Code of the Russian Federation and their relationship with the ideal set of crimes // Bulletin of the Tambov University. 2011. No. 6 (98). P. 257–260.

12. Resolution of the Lesosibirsk City Court of the Krasnoyarsk Territory of October 9, 2017 // SPS «Garant».

13. The ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated December 3, 2020 in case No. 7U-12367/2020 // SPS «Code».

14. Bychkov A. I. Legal regime of confidential information. M., 2020.

15. Smolyarov M. V. Legal aspects of the use of technical means in various situations. M, 2019.

16. Bezugly S. N. Judicial interpretation of the norm on liability for illegal trafficking of special technical means intended for secret receipt of information (Art. 138.1 of the Criminal Code of Russia) // Law and order: history, theory, practice. 2021. No. 2 (29).

17. Novikov V. A., Shiyan V. I. Illegal trafficking of special technical means intended for the secret receipt of information (Art. 138.1 of the Criminal Code of Russia): state and current issues of qualification // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2019. No. 3 (56).

18. The CCI of the Russian Federation proposes to withdraw from the Criminal Code an article for the turnover of «spy» technical means // URL://https://news.tpprf.ru/ru/opinion/2347890/

19. Draft Federal Law No. 900177-7 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in part of the recognition of the invalidated Art. 138.1 of the Criminal Code of Russia» // «Lawmaking».

20. Letter of the Supreme Court of the Russia dated October 7, 2019 No. 4-VS-6486/19 // SPS «Garant».

Информация об авторе

И. И. Бунова — ученый секретарь ученого совета Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

И. I. Bunova — Scientific Secretary of the Scientific Council of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 12.05.2023.
The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 12.05.2023.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-65-68
EDN: https://elibrary.ru/avazep
NIION: 2003-0059-3/23-671
MOSURED: 77/27-003-2023-03-870

Правовое регулирование жилищной поддержки молодых семей

Анастасия Владимировна Буянова[1,2,3]
[1] Финансовый университет при правительстве РФ, Москва, Россия, AVBuyanova@mail.ru
[2] Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия
[3] Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Москва, Россия

Аннотация. Раскрываются вопросы правового регулирования реализации федеральной и региональной жилищной поддержки молодых семей. Анализируются действующие федеральные и региональные программы (на примере Архангельской области), реализуемые в России для улучшения жилищных условий молодых семей. Доказывается, что существующие меры социальной поддержки молодых семей как на федеральном, так и на региональных уровнях достаточно сложны в административном аспекте и затратные по времени, поэтому молодым семьям приходится неоднократно взаимодействовать с органами власти, а также с кредитными организациями с целью получения субсидий или займов на приобретение жилья. Это усложняет и затягивает процесс получения государственной поддержки. Возможности бюджета регионов сильно отстают от реально необходимого масштаба необходимой социальной поддержки для молодых семей, и, поэтому, до сих пор у них отсутствует действительная вероятность обеспечения жильем в разумные сроки.

Ключевые слова: государство, региональные программы, жилье, молодые семьи, субсидии, жилищные условия, социальные выплаты, ипотечные кредиты

Для цитирования: Буянова А. В. Правовое регулирование жилищной поддержки молодых семей // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 65–68. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-65-68. EDN: AVAZEP.

Original article

Legal regulation of housing support for young families

Anastasiya V. Buyanova[1,2,3]
[1] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, AVBuyanova@mail.ru
[2] National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
[3] General Church Postgraduate and Doctoral Studies named after Saints Cyril and Methodius, Moscow, Russia

Abstract. The issues of legal regulation of the implementation of federal and regional housing support for young families are revealed. The current federal and regional programs (on the example of the Arkhangelsk region) implemented in Russia to improve the living conditions of young families are analyzed. It is proved that the existing measures of social support for young families, both at the federal and regional levels, are quite complex in the administrative aspect and time-consuming, so young families have to repeatedly interact with authorities, as well as with credit organizations in order to obtain subsidies or loans for the purchase of housing. This complicates and delays the process of obtaining state support. The budget capacity of the regions lags far behind the really necessary scale of the necessary social support for young families, and, therefore, they still lack a real probability of providing housing in a reasonable time.

Keywords: state, regional programs, housing, young families, subsidies, housing conditions, social payments, mortgage loans

For citation: Buyanova A. V. Legal regulation of housing support for young families. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):65–68. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-65-68. EDN: AVAZEP.

Очевидно, что молодые семьи вынуждены решать гораздо больше проблем, чем семьи людей более зрелого возраста. В частности, молодежь, как правило, имеет более скромный доход при большом количестве нужд и актуальных потребностей.

Когда материальных средств не хватает, семья и вовсе может прекратить свое существование из-за невозможности иметь достойный уровень жизни. Именно поэтому жилищная проблема молодых семей находится на особом контроле государства.

Во-первых, рассмотрим федеральные программы. Так, согласно статистическим данным, более 70 % молодых семей в Российской Федерации не имеют собственного жилья или не могут его приобрести

© Буянова А. В., 2023

ввиду вышеназванных проблем, связанных с доходом на одного человека [2].

В связи с этим существуют также и некоторые дополнительные проблемы, которые вытекают из главной — жилищной проблемы, в том числе:

♦ высокая вероятность отказа при обращении за жилищными субсидиями;

♦ отказ предоставить льготы и пособия многодетным семьям, на которые они могут рассчитывать по Закону;

♦ отказ в предоставлении помощи нуждающимся в улучшении жилищных условий семьям;

♦ недостаточное или неполное обеспечение и оборудование земельных участков, которое предоставлены семьям государством;

♦ нарушение сроков предоставления мер социальной поддержки.

Число молодых семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, на конец 2021 г. составило 258,563 тыс. семей. Стоит уточнить, что еще в 2012 г. данный показатель составлял 417,611 семей [3].

У молодых российских семей есть возможность улучшить свои жилищные условия (расширить или приобрести жилплощадь). Для данных целей были введены федеральные и региональные программы, позволяющие уменьшить ставки по ипотечным кредитам и займам или получить субсидию на жилую площадь.

Рис. 1. Виды улучшения жилищных условий молодых семей

Перечень основных федеральных программ, реализуемых государством, для улучшения жилищных условий молодых семей представлен на рис. 1.

Таким образом, у молодой семьи есть возможность улучшить свои жилищные условия путем покупки жилья в рамках программы «Оказание государственной поддержки гражданам в обеспечении жильем и оплате жилищно-коммунальных услуг». При поддержке государства молодая семья может покрыть до 30–35 % от стоимости покупки квартиры, но обязательно экономкласса в многоэтажном доме. Также они могут воспользоваться данным предложением при первоначальном взносе по ипотеке.

Молодая семья может получить жилье также и по программе «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», утвержденной постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710 [1, ст. 546].

Обратимся к региональным программам. В реализацию своих программ по обеспечению молодых семей жильем активно подключились и регионы.

Так, в Архангельской области реализуется программа поддержки «Обеспечение жильем молодых семей» [4]. В рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» ФЦП «Жилище» на территории Архангельской области реализуется мероприятие по предоставлению социальных выплат молодым семьям, которое предусматривает оказание финансовой поддержки в приобретении жилья молодым семьям, нуждающимся в жилье или улучшении жилищных условий, т. е. регион помогает оплатить часть покупки (строительства) жилого помещения или погасить часть ипотечного кредита.

Финансовая поддержка оказывается путем предоставления молодым семьям социальных выплат, которые предоставляются в безналичной форме.

Молодая семья имеет право использовать социальную выплату для приобретения у любых физических и (или) юридических лиц жилого помещения как на первичном, так и на вторичном рынке жилья или для создания объекта индивидуального жилищного строительства, находящихся на территории Архангельской области.

Участником подпрограммы может стать молодая семья, в том числе семья, имеющая одного ребенка и более, где один из супругов не является гражданином Российской Федерации, а также неполная молодая семья, состоящая из одного молодого родителя, яв-

ляющегося гражданином РФ, и одного ребенка и более, соответствующие следующим требованиям:

♦ возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье на день принятия решения о включении молодой семьи-участницы подпрограммы в список претендентов на получение социальной выплаты в планируемом году не превышает 35 лет (т. е. до исполнения 36 лет);

♦ молодая семья признана нуждающейся в жилом помещении;

♦ наличие у семьи доходов, позволяющих получить кредит, либо иные денежные средства, достаточные для оплаты расчетной (средней) стоимости жилья в части, превышающей размер предоставляемой социальной выплаты.

Также правила получения такой выплаты регламентированы постановлением Правительства Архангельской области от 11 октября 2013 г. № 475-пп «Правила предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования».

В заключение следует констатировать, что существующие меры социальной поддержки молодых семей как на федеральном, так и на региональных уровнях достаточно сложны в административном аспекте и затратные по времени. В связи с этим молодым семьям приходится неоднократно взаимодействовать с органами власти, а также с кредитными организациями с целью получения субсидий или займов на приобретение жилья. Все эти факторы лишь усложняют и затягивают процесс получения государственной поддержки. Помимо этого, возможности бюджетов регионов сильно отстают от реально необходимого масштаба требуемой социальной поддержки для молодых семей, и поэтому для них отсутствует действительная вероятность обеспечения жильем в разумные сроки [5].

В связи с этим полагаем, что необходимо на законодательном уровне закрепить четкий срок, в течение которого должна быть оказана соответствующая мера социальной поддержки молодой семье. Этот срок не может превышать три года, однако в некоторых случаях он может быть продлен до пяти лет ввиду индивидуальной ситуации семьи. Такие положения должны быть отражены в региональных нормативных актах, а также в Правилах предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования.

Кроме того, необходима детальная разработка нормативных документов, которые позволят расширить инструментарий для оказания поддержки молодым семьям в процессе получения жилья [6].

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710 (с изм. и доп.) «Об утверждении государственной программы РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ» // СЗ РФ. 2017. № 1710.

2. Постановление Правительства Воронежской области от 29 октября 2015 г. № 834 «Об утверждении государственной программы Воронежской области «Обеспечение доступным и комфортным жильем населения Воронежской области» // URL://https://docs.cntd.ru/document/430660680.

3. Данные Росстата: Число молодых семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях на конец 2021 г. // URL://https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3a%2f%2f4dt1uxeprr-jrxlufoewrub82dlns8hgkcokcwhbmgoa9qrmyu_ou8bpri1lxirn5mxpfl_gy70mrhstv5olivog7vwnpvfjlzf-blqnspr5mzip8riz7elgosmmofwh_qwbhfc4ynsewzj-few6qjg%3d%3d%3fsign%3doeopkrwcn2b6idwhrgd0wsfvo1lz0tyrcj60pemcaii%3d&name=smd_4.1.xlsx&nosw=1.

4. Официальный сайт Правительства Архангельской области // URL://https://dvinaland.ru/gov/iogv/minstroy/family/#cookies=yes.

5. Андреева Е. И., Бычков Д. Г., Феоктистова О. А. Новые меры социальной поддержки семей с детьми: оценка государственных расходов // Финансовый журнал. 2018. № 2. С. 36–47.

6. Литвинова В. В. Анализ региональных практик обеспечения жильем молодых семей и предложения по их совершенствованию // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12 (133). С. 109–117.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1710 of December 30, 2017 (with amendments and additions) «On approval of the State program of Russia «Providing affordable and comfortable housing and communal services to citizens of Russia» // SZ RF. 2017. No. 1710.

2. Resolution of the Government of the Voronezh Region dated October 29, 2015 No. 834 «On approval of the State Program of the Voronezh Region «Providing affordable and comfortable housing for the population of the

Voronezh Region» // URL://https://docs.cntd.ru/document/430660680.

3. Rosstat data: The number of young families registered as needing residential premises at the end of 2021 // URL://https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3a%2f%2f4dt1uxeprrjrxlufoewrub82dlns8hgkcokcwhbmgoa9qrmyu_ou8bpri1lxirn5mxpfl_gy70mrhstv5olivog7vwnpvfjlzf-blqnspr5mzip8riz7elgosmmofwh_qwbhfc4ynsewzj-few6qjg%3d%3d%3fsign%3doeopkrwcn2b6idwhrgd0wsfvo1lz0tyrcj60pemcaii%3d&name=smd_4.1.xlsx&nosw=1.

4. Official website of the Government of the Arkhangelsk region // URL://https://dvinaland.ru/gov/iogv/minstroy/family/#cookies=yes.

5. Andreeva E. I., Bychkov D. G., Feoktistova O. A. New measures of social support for families with children: assessment of state expenditures // Financial Journal. 2018. No. 2. P. 36–47.

6. Litvinova V. V. Analysis of regional housing practices for young families and proposals for their improvement // Actual problems of Russian law. 2021. No. 12 (133). P. 109–117.

Информация об авторе

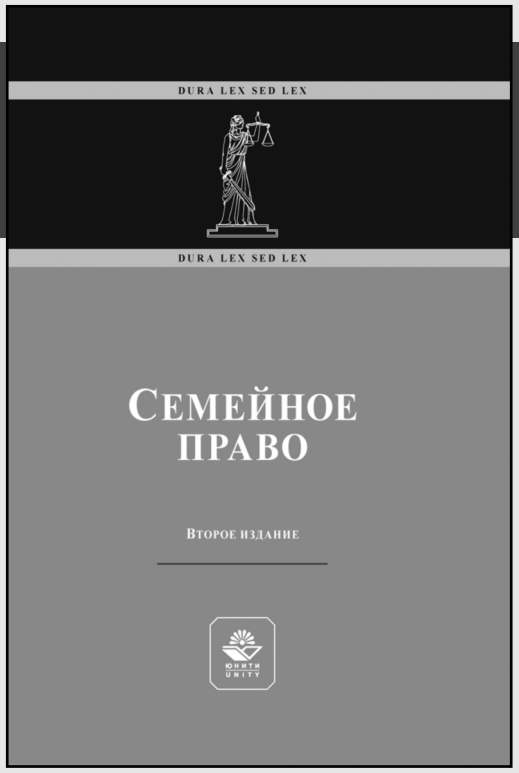
А. В. Буянова — доцент Финансового университета при правительстве РФ, доцент Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, доцент Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Buyanova — Associate Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate Professor of the Higher School of Law and Administration at the National Research University Higher School of Economics, Associate Professor of the General Church Postgraduate and Doctoral Studies named after Saints Cyril and Methodius, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 15.05.2023.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований
Серия «Dura lex, sed lex»
Под ред. О. Ю. Ильиной, А. Н. Левушкина, Н. Д. Эриашвили

Проанализированы понятие, предмет и метод семейного права, его источники и принципы, институт брака, личные неимущественные и имущественные отношения между супругами, бывшими супругами, особенности родительских правоотношений, алиментные обязательства, формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, особенности семейных отношений с участием иностранного элемента.

Особое внимание уделяется наиболее важным практическим проблемам семейного права, наибольшую актуальность среди которых приобрели вопросы, возникающие при рассмотрении семейных споров в судах, в частности споров о разделе имущества, о признании брака недействительным, расторжении брака, о взыскании алиментов, о принятии детей в семью на воспитание. При рассмотрении практических проблем использованы судебные дела из практики Верховного Суда РФ, областных и других судов РФ.

Для курсантов, слушателей и преподавателей образовательных учреждений системы МВД России и всех интересующихся вопросами семейного права.

Научная статья
УДК 34.3
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-69-74
EDN: https://elibrary.ru/cknaac
NIION: 2003-0059-3/23-672
MOSURED: 77/27-003-2023-03-871

Актуальные вопросы собирания, проверки и оценки вещественных доказательств на стадии предварительного расследования

Тигран Артемович Григорян
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, tigrigoryan90@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы сбора, проверки и оценки вещественных доказательств на стадии предварительного расследования. Предлагается внести изменения и дополнения в действующий уголовно-процессуальный закон, которые позволят оптимизировать деятельность должностных лиц органов предварительного расследования по приобщению объектов материального мира в качестве вещественных доказательств в досудебном производстве по уголовным делам. Обосновывается вывод о том, что собирание, проверка и оценка вещественных доказательств является важнейшим этапом доказывания по отношению к данному виду доказательств, поскольку своевременное обнаружение, фиксация и изъятие гарантируют их достоверность, допустимость и достаточность.

Ключевые слова: вещественные доказательства, собирание, проверка, оценка доказательств, процессуальные действия, стадия предварительного расследования, следователь, дознаватель

Для цитирования: Григорян Т. А. Актуальные вопросы собирания, проверки и оценки вещественных доказательств на стадии предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 69–74. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-69-74. EDN: CKNAAC.

Original article

Topical issues of collection, verification and evaluation of physical evidence at the stage of the preliminary investigation

Tigran A. Grigoryan
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, tigrigoryan90@mail.ru

Abstract. The issues of collection, verification and evaluation of material evidence at the stage of preliminary investigation are considered. Amendments and additions to the current criminal procedural law, which will allow to optimize the activities of officials of preliminary investigation bodies on the introduction of objects of material world as material evidence in pre-trial proceedings in criminal cases, are proposed. In conclusion, the conclusion is substantiated that the collection, verification and evaluation of physical evidence is the most important stage of proving in relation to this type of evidence, since timely detection, fixation and seizure guarantee their reliability, admissibility and sufficiency.

Keywords: physical evidence, collection, verification, evaluation of evidence, procedural actions, preliminary investigation stage, investigator, interrogating officer

For citation: Grigoryan T. A. Topical issues of collection, verification and evaluation of physical evidence at the stage of the preliminary investigation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):69–74. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-69-74. EDN: CKNAAC.

Стадия предварительного расследования в самом общепринятом своем понимании представляет собой регламентированную нормами УПК РФ деятельность органов дознания и предварительного следствия по установлению обстоятельств совершенного преступления, установлению и изобличению лиц, виновных в совершении преступления, обеспечению привлечения их в качестве обвиняемых в целях справедливого разрешения уголовного дела, а также создания условий для обеспечения возмещения причиненного преступлением вреда.

Процессуальные действия на этой стадии проводятся в целях получения доказательств, в том числе и вещественных. Причем УПК РФ не имеет норм по закреплению этого важного термина, только раскрывая схожее с ним определение неотложных следственных действий по п. 19 ст. 5 УПК РФ, под которыми понимают действия, осуществляемые органом

© Григорян Т. А., 2023

дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно в целях обнаружения и фиксации доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Исходя из этого, важными признаками процессуального действия являются:

1) производство только в рамках стадии предварительного расследования;

2) осуществление производства следственных действий только специально уполномоченными УПК РФ должностными лицами органа дознания;

3) достижение цели в виде получения доказательств.

С момента принятия решения о возбуждении уголовного дела в арсенале следователя (дознавателя) оказывается весь спектр следственных и иных процессуальных действий, посредством производства которых можно осуществлять сбор, проверку и оценку вещественных доказательств.

Так, проанализировав положения уголовно-процессуального законодательства, автор считает, что все следственные действия, в рамках которых возможно получение вещественных доказательств, можно разделить по двум критериям.

Первый критерий заключается в цели совершения изъятия вещественного доказательства в ходе производства следственного действия. Так, некоторые следственные действия имеют прямую цель изъятия определенного объекта, в то время как другие лишь предполагают возможность совершения данного действия.

К первой группе относятся: обыск, выемка, личный обыск, выемка почтово-телеграфных отправлений (как один этап длящегося следственного действия), контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Ко второй группе относятся все виды следственного осмотра, поскольку его целью, в первую очередь, является фиксация обстановки на месте осмотра.

Довольно дискуссионной является позиция ряда ученых-процессуалистов, которые полагают, что изъятие вещественных доказательств также возможно осуществлять в рамках производства проверки показаний на месте.

Так, Е. В. Горкина полагает, что «при обнаружении в рамках проверки показаний на месте объектов, могущих иметь значение для уголовного дела, их следует изымать в рамках данного следственного действия и делать соответствующую отметку в протоколе» [3, с. 101].

Аналогичного мнения придерживается и А. О. Витоле, указывающий на то, что «проверка показаний на месте совмещает в себе такие следственные действия как осмотр места происшествия, допрос и следственный эксперимент, что автоматически распространяет правила их производства на данное следственное действие» [2, с. 47].

В. И. Белоусов и вовсе полагает, что «сущность проверки показаний на месте составляют не только следственный осмотр, допрос и следственный эксперимент, но также и обыск, что прямо указывает на возможность и необходимость изъятия в рамках данного следственного действия» [1, с. 13].

Стоит отметить, что и на практике действия по изъятию обнаруженных в ходе проверки показаний на месте предметов и документов признаются законными и обоснованными.

Так, в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2019 г., суд в качестве доказательства принимает протокол проверки показаний на месте, в котором отражен факт изъятия орудия совершения преступления — ножа.

Действительно, с одной стороны, придерживаясь такой позиции, находим нормативную основу в ч. 2 ст. 194 УПК РФ, в которой отражено, что лицо, чьи показания проверяются на месте, указывает на предметы, документы и следы, имеющие значение для уголовного дела.

Совершенно очевидно, что предметы и документы, на которые указало лицо, подлежат изъятию с целью их дальнейшего процессуального исследования в рамках процесса доказывания. Однако, полагаем, что законодатель четко определил, во-первых, цель проверки показаний на месте, а во-вторых, ее процессуальные границы, не дав прямого указания на возможность изъятия объектов при ее производстве.

Иными словами, следователь (дознаватель) приобретает знание об объекте и его местонахождении только после составления протокола проверки показаний на месте, в котором отражаются показания проверяемого лица, что порождает фактическое основание для дальнейшего производства выемки.

Поэтому, по мнению автора, изъятие в рамках проверки показаний на месте противоречит природе данного следственного действия. С целью исключения подобной практики предлагаем ч. 2 ст. 194 УПК РФ дополнить следующим предложением: *«В случае указания допрошенным лицом на предметы, документы или следы, имеющие значение для уголовного дела, после окончания проверки показаний на месте производится их выемка в соответствии со ст. 183 настоящего Кодекса».*

Второй критерий, по которому классифицируются способы собирания вещественных доказательств, заключается в самом процессуальном порядке.

В частности, такие следственные действия как: следственный осмотр, обыск, выемка, личный обыск, выемка почтово-телеграфных отправлений подразумевает изъятие объектов.

В свою очередь, получение фонограмм в рамках контроля и записи переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, является частными случаями истребования.

На это указывает конструкция соответствующих норм. Например, в ч. 6 ст. 186 УПК РФ установлено, что следователь вправе в любой момент контроля и записи переговоров истребовать от органа, осуществляющего данное действие, фонограмму для их осмотра и прослушивания.

При этом, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и вовсе является частным случаем истребования, поскольку непосредственного контакта, характерного для изъятия, между следователем и источником сведений в рамках данного следственного действия не происходит, о чем говорят такие фразы, заложенные в конструкцию ст. 186[1] УПК РФ, как «полученные», «представленные».

На стадии предварительного расследования обычное истребование, которое не имеет четко урегулированного порядка производства, дополняется частной нормой, что, как указывает Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 19 января 2005 г. № 10-О, вызвано характером истребуемой или изымаемой информации.

Установление порядка и способов собирания вещественных доказательств необходимо, чтобы обеспечить полноту выявления, сохранность и неизменность, содержащейся в них доказательственной информации. Чтобы не утратить необходимые при расследовании сведения или для последующей их проверки, необходима своевременная процессуальная фиксация, таким образом, нужно зафиксировать место и условия обнаружения вещественного доказательства, а также удостовериться в его подлинности.

Вместе с тем, существенное значение для расследования и раскрытия преступления имеют правила процессуального регулирования собирания и проверки вещественных доказательств.

Во-первых, необходимо обязательное присутствие понятых при проведении следственных действий, при которых осуществляется собирание вещественных доказательств и фиксируются обстоятельства их обнаружения. Законодательством на понятых возлагается обязанность удостоверить своей подписью законность произведенных следственных действий, при проведении которых они присутствовали, т. е. убедиться в правильности и достоверности, изложенных в протоколе данных действий и полученных результатов. Отсутствие понятых влечет неблагоприятные последствия, так как в силу нарушения требований закона происходит недопущение приобщения этих данных к материалам уголовного дела, даже если они имеют непосредственное значение для его разрешения.

Во-вторых, при производстве следственных действий возможно присутствие лиц, чьи законные интересы могут быть затронуты фактом данного производства или лиц, которые могут показать имеющие значение для дела объекты и следы.

В-третьих, законодательством предусматривается применение средств фиксации вещественных доказательств, которые необходимы для полного запечатления места и обстоятельств их обнаружения, это может быть фотографирование, видеосъемка, составление планов, схем, чертежей и т. д. При осуществлении фиксации, необходимо придерживаться требований закона, так как их нарушение вызывает сомнение в полноте, объективности, всесторонности результатов, полученных в ходе следственных действий.

В-четвертых, если имеются предположения об утрате объектов или изменении их признаков до момента возбуждения уголовного дела, в общих правилах собирания вещественных доказательств могут быть сделаны исключения, например, проведение обыска в ночное время.

В-пятых, вещественные доказательства должны храниться определенным образом, чтобы не допустить подмену, изменение или утрату. Они должны быть обязательно описаны в протоколе осмотра места происшествия и сфотографированы, потом вещественные доказательства необходимо упаковать и опечатать. Хранить вещественные доказательства нужно при уголовном деле, кроме случаев, когда такая возможность исключена.

Весь процесс собирания и проверки вещественных доказательств должен быть процессуально закреплен, соблюдая требования, установленные законодательством. Собирание и проверка могут осуществляться в течение всего процесса доказывания.

Чаще всего объекты, которые в последующем признаются вещественными доказательствами, изымаются при производстве осмотра, обыска, а также выемки. Своевременность и качество проведения данных следственных действий обусловливает эффективность расследования уголовного дела. Если по причине каких-либо обстоятельств такие объекты своевременно не обнаружены и не изъяты, то, как свидетельствует практика, их утеря не может быть восполнена в дальнейшем.

Далее следует уделить внимание процессуальному порядку признания обнаруженных и изъятых объектов материального мира вещественными доказательствами, который, по нашему мнению, конкретизируется в определенных процессуальных формах, выступает залогом достижения целей уголовного судопроизводства, а также выполнения стоящих перед ним задач.

Говоря о непосредственном порядке признания объектов материального мира вещественными доказательствами, следует отметить, что нормативно он отражен в ч. 2 ст. 81 УПК РФ, в которой установлено, что «предметы, указанные в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, осматриваются, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу, о чем выносится соответствующее постановление».

Исходя из положений вышеуказанной нормы, процессуальный порядок признания вещественными доказательствами состоит из трех обязательных этапов.

Первый этап заключается в производстве следственного осмотра предметов и документов. В соответствии с ч. 3 ст. 177 УПК РФ, их осмотр может быть произведен как в рамках осмотра места происшествия, жилища, помещения или участка местности, так и в рамках самостоятельного осмотра предметов (документов).

Второй этап состоит в признании предмета (документа) вещественным доказательством, которое включает в себя как отражение в тексте процессуального решения и обоснование относимости определенного предмета (документа) к расследуемому событию и к вещественным доказательствам, так и выступает официальным наделением вещи статусом вещественного доказательства, что влечет возникновение у определенного круга лиц процессуальных прав, обязанностей и ответственности.

Третий этап включает в себя приобщение к уголовному делу, в рамках которого признанному вещественному доказательству избирается способ хранения в зависимости от статуса объекта, а также его характеристик и особенностей.

Помимо вышеуказанных этапов, А. К. Маслов совершенно справедливо выделяет еще один этап признания предмета (документа) вещественным доказательством — проведение следственных действий, направленных на установление связи вещественного доказательства с предметом доказывания [5, с. 9].

Однако, следует учитывать, что вышеуказанный этап, в отличие от тех, которые нормативно отражены в ч. 2 ст. 81 УПК РФ, является не обязательным, а факультативным, поскольку в некоторых случаях для установления и отражения признаков вещественного доказательства достаточно производства следственного осмотра и составления соответствующего протокола. Тем не менее, в некоторых случаях, по объективным (необходимость применения специальных познаний для обнаружения признаков вещественного доказательства) или субъективным (утрата собственником документов на похищенную вещь) причинам требуется производство дополнительных следственных действий — экспертизы, либо предъявления предмета для опознания.

Стоит отметить, что законодатель, хотя и весьма изолировано (по преступлениям в сфере экономики), придал значение данному факту, так как в ч. 2 ст. 81^1 УПК РФ предусмотрел возможность признания предметов (документов) вещественными доказательствами лишь после получения соответствующего заключения эксперта, если для установления признаков данного вида доказательства требуется применение специальных познаний.

Весьма интересно подчеркнуть тот факт, что изучение уголовных дел показало, что подобный процессуальный механизм используется только по отношению к преступлениям экономической направленности (3 из 10 уголовных дел), в то время как по общеуголовным преступлениям (7 из 10 уголовных дел) изъятые предметы признаются вещественными доказательствами сразу же после производства следственного осмотра даже в тех случаях, когда в дальнейшем для установления признаков вещественного доказательства требовалось производство судебной экспертизы.

В связи с этим, автор полагает, что нынешняя законодательная формулировка, закрепленная в ч. 2 ст. 81 УПК РФ, предписывает должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование по уголовному делу, выносить постановление о признании и приобщении вещественных доказательств даже в тех случаях, когда объективно признаки данного вида доказательства еще не установлены. Подобный процессуальный порядок прямо противоречит своему назначению, заключающемуся во внедрении в доказывание только достоверных и относимых объектов материального мира.

Для устранения подобного недостатка предлагаем ст. 81 УПК РФ дополнить новой ч. 2.1, изложив ее в следующей редакции: *«2.1. В случаях, когда для признания предмета (документа) вещественным доказательством требуется производство дополнительных следственных действий, постановление о признании вещественными доказательствами выносится после их производства».*

Другой немаловажной проблемой, связанной с процессуальном порядком признания вещественными доказательствами, выступают процессуальные сроки производства соответствующих следственных действий и принятия соответствующих процессуальных решений, которая в ст. 81 УПК РФ в настоящее время отсутствуют как таковые.

При этом, стоит отметить, что законодатель, применительно к преступлениям в сфере экономики, в ст. 81^1 УПК РФ установил соответствующие сроки для вынесения решения о признании документов вещественными доказательствами.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 81^1 УПК РФ, документы и предметы должны быть признаны вещественными доказательствами в течение десяти суток с момента изъятия, а если для их осмотра, ввиду их большого количества, либо по иным объективным причинам требуется продолжительное время, то по мотивированному ходатайству следователя (дознавателя) руководитель следственного органа (начальника органа дознания) может продлить данный срок до 30 суток. Кроме этого, если для признания вещественными доказательствами документов требуется заключение эксперта, то соответствующее решение принимается в течение трех суток с момента его получения.

Однако, как показывает анализ изучения материалов уголовных дел о преступлениях в сфере экономики, данные сроки не учитываются органами предварительного расследования.

По мнению Л. В. Поповой, «подобная ситуация складывается по двум причинам: отсутствие четких оснований для продления срока, необходимого для признания изъятых объектов вещественными доказательствами; неэффективность процессуального контроля, который следует заменить судебным» [6, с. 220]. Мы вполне согласны с данной идеей.

Что касаемо сроков признания предметов (документов) вещественными доказательствами по общему порядку, установленному в ст. 81 УПК РФ, то здесь стоит согласиться с мнением Д. Е. Крошиной, которая подчеркнула, что «введение специального порядка признания предметов (документов) вещественными доказательствами по экономическим преступлениям является положительной новеллой, призванной защитить хозяйствующие субъекты от незаконного и необоснованного изъятия, однако не совсем понятной с точки зрения игнорирования общего порядка в данном вопросе» [4, с. 52].

Совершенно очевидно, что необоснованное и незаконное изъятие и следующее за ним удержание вещи, которое не подпадает под признаки вещественного доказательства, может нанести вред не только хозяйствующим субъектам, но также и физическим лицам.

Более того, полагаем, что сроки, необходимые для признания объектов вещественными доказательствами по общеуголовным преступлениям должны быть более усеченными, поскольку, в отличие от экономических преступлений, в процессе доказывания по вышеуказанной категории общественно опасных деяний задействовано меньшее количество данного вида доказательств.

Для реализации идей, высказанных автором, предлагается ч. 2 ст. 81 УПК РФ изложить в следую-

щей редакции: *«2. Предметы, указанные в ч. 1 ст. 81 настоящего Кодекса, осматриваются, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу в течение десяти суток с момента их изъятия, о чем выносится соответствующее постановление. В случаях, когда для признания предмета (документа) вещественным доказательством требуется производство дополнительных следственных действий, постановление о признании вещественными доказательствами выносится в течение трех суток после их производства».*

Полагаем, что предложенные авторские предложения позволят оптимизировать деятельность органов предварительного расследования на этапе признания предметов и документов вещественными доказательствами.

В заключение следует сделать вывод о том, что собирание, проверка и оценка вещественных доказательств является важнейшим этапом доказывания по отношению к данному виду доказательства, поскольку своевременное обнаружение, фиксация и изъятие объектов, подпадающих под признаки вещественных доказательств, гарантируют их достоверность и допустимость, и как результат — возможность использования в дальнейшем процессе доказывания.

Список источников

1. Белоусов В. И. Проверка показаний на месте в ходе предварительного расследования: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

2. Витоле А. О. Проблемы проверки показаний на месте // Вестник ДВЮИ МВД России. 2017. № 3. С. 47–51.

3. Горкина Е. В. Проверка показаний на месте: нерешенные вопросы // Аллея Наук. 2019. № 5. С. 101–105.

4. Крошина Д. Е. Об ограничении срока на признание предметов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики // ЮФ: Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2019. № 2. С. 52–56.

5. Маслов А. К. Оформление предметов, вещей и иных документов в качестве доказательств по уголовным делам: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.

6. Попова Л. В. Некоторые проблемы реализации требований статьи 81.1 Уголовно-процессуального Кодекса РФ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 220–224.

References

1. Belousov V. I. Verification of testimony on the spot during the preliminary investigation: abstract. diss. ... cand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2003.

2. Vitole A. O. Problems of checking indications on the spot // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3. P. 47–51.

3. Gorkina E. V. Verification of testimony on the spot: unresolved issues // Alley of Sciences. 2019. No. 5. P. 101–105.

4. Kroshina D. E. On the limitation of the period for recognizing objects as material evidence in criminal cases of crimes in the field of economics // Law Firm: Legal thought in education, science and practice. 2019. No. 2. P. 52–56.

5. Maslov A. K. Registration of objects, things and other documents as evidence in criminal cases: abstract. diss. ... cand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2011.

6. Popova L. V. Some problems of implementing the requirements of Article 81.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 6. P. 220–224.

Информация об авторе

Т. А. Григорян — соискатель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

T. A. Grigoryan — Applicant of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 34.01
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-75-78
EDN: https://elibrary.ru/dlqjye
NIION: 2003-0059-3/23-673
MOSURED: 77/27-003-2023-03-872

Правовое регулирование общественных отношений в аспекте правового положения мужчин в Золотой Орде

Сергей Николаевич Грошев
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, groshev_sergej@mail.ru

Аннотация. Затронута проблематика правового положения мужчин в Золотой Орде через призму норм и обычаев монголов. Показаны особенности правового статуса мужской гендерной группы в аспекте семьи, брака и родственных связей Улуса Джучи. С помощью ретроспективного анализа установлено, что в указанный период права мужчин в рамках брачно-семейных связей не являлись гипертрофированными, соответствуя парадигме социально-экономического развития государства.

Ключевые слова: права мужчин, Золотая Орда, номады, когнатные отношения, левират, сорорат, многоженство, калым
Для цитирования: Грошев С. Н. Правовое регулирование общественных отношений в аспекте правового положения мужчин в Золотой Орде // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 75–78. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-75-78. EDN: DLQJYE.

Original article

Legal regulation of public relations in the aspect of the legal status of men in the Golden Horde

Sergey N. Groshev
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, groshev_sergej@mail.ru

Abstract. The problems of the legal status of men in the Golden Horde are touched upon through the prism of the norms and customs of the Mongols. The features of the legal status of the male gender group in the aspect of family, marriage and kinship ties of the Jochi Ulus are shown. With the help of a retrospective analysis, he demonstrated that during this period the rights of men within the framework of marital and family ties were not hypertrophied, corresponding to the paradigm of socio-economic development of the state.

Keywords: the rights of men, the Golden Horde, nomads, cognate relations, levirate, sororat, polygamy, kalym
For citation: Groshev S. N. Legal regulation of public relations in the aspect of the legal status of men in the Golden Horde. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):75–78. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-75-78. EDN: DLQJYE.

Проблематика правового положения мужчин в рамках отечественного правопорядка в его исторической ретроспективе не может обойтись без проработки вопроса правового статуса мужской гендерной группы в Золотой Орде, социокультурная среда и правовая регуляция которой оказала существенное влияние на формирование права и государственных институтов Русского централизованного государства.

Стоит отметить, что отечественная и зарубежная историография достаточно подробно исследует концептуальные позиции, посвященные правовому положению монгольских женщин, привычно игнорируя проблематику правового статуса монгольских мужчин, а также те тенденции, которые имели место при конвергенции брачно-семейной и иной правовой регуляции русской и монгольской социально-культурной среды [2; 7; 8].

В статье мы попытаемся осмыслить место и роль мужчины в монгольских брачно-семейных отношениях. В качестве цели исследования выступает анализ характерных особенностей правового статуса мужчин в Золотой Орде, а также рассмотрение специфики монгольской средневековой семьи с параллельным анализом прав и обязанностей мужской гендерной группы в рамках брачно-семейных связей.

В качестве методологического инструментария фигурирует принцип историзма, который предполагает объективный анализ роли и положения мужчин в брачно-семейных связях Золотой Орды в контексте ретроспективности факторов их существования.

© Грошев С. Н., 2023

Анализируя специфику правового положения мужчин в области брачно-семейных отношений в Золотой Орде, необходимо понимать, что это государство было многонациональным и, следовательно, обладало признаком правового и культурного плюрализма. Тем не менее, именно монгольские обычаи и традиции долгое время были определяющими социокультурной среды Золотой Орды, наложив свой неповторимый отпечаток и на русский быт, предопределив правовое и государственное развитие России на долгие столетия.

Примечательно, что правовое положение мужчин в Золотой Орде было непосредственно связано с номадной жизнью части ее населения. Так, Т. Дж. Барфилд полагает, что монгольская семья выступала базовой социальной единицей, измеряясь числом юрт. Если семья была большой, то в ней имели место несколько поколений кровных родственников-мужчин, которые обладали своими женами и детьми. Главой этой большой семьи считался самый возрастной мужчина, который был выходцем из старшей семьи. В свою очередь, большие семьи составляли крайне эффективные, в условиях пасторального производства, коллаборации. Подобная ситуация ведения кочевого хозяйствования со всей очевидностью демонстрирует необходимость в коллективном существовании, так как в одиночку невозможно было содержать стада крупных и мелких животных и, тем более, обеспечивать их охрану. В этой связи можно наблюдать и перераспределение мужских прав и обязанностей в пользу женщин [1, с. 421].

Повседневная жизнь мужчин Золотой Орды заключалась в охоте, военных упражнениях, выборе пастбищ для скота, изготовлении снаряжения и вооружения. Ожидаемо, что сам быт монгольской семьи инициировал дрейф мужских прав и обязанностей в адрес женщин, которые хорошо владели искусством верховой езды и военным делом. Подобную ситуацию можно объяснить прежде всего тем, что монгольские женщины нередко сопровождали своих мужей в военных набегах, принимая участие не только в обслуживании армейского быта, но и непосредственно в сражениях. Кроме того, навыки верховой езды были необходимы женщинам в условиях номадного хозяйствования. Транслирование мужских прав в монгольской семье происходило еще и потому, что часто женщина оставалась в качестве главы семьи, когда мужчина убывал на войну. Вместе с тем, можно говорить о существовавшем в монгольском обществе многоженстве. Так, Плано Карпини в свое время писал, что мужчине не воспрещалось иметь столько жен, сколько он сможет содержать [4, с. 49–50].

Можно полагать, что подобная особенность монгольских брачно-семейных связей не распространялась на большинство домохозяйств, так как по монгольским обычаям у каждой жены должна была быть своя юрта, где она и проживала с детьми. В связи с этим, небогатые монгольские семьи основывались на моногамном браке, который, в свою очередь, был немыслим без обязательной покупки невесты, когда жених должен был заплатить калым. В брачно-семейных отношениях монголов имели место и некоторые рудименты когнатных связей, когда обычай предписывал оставлять будущего жениха в семье его невесты [6, с. 61].

В то же время, монгольские брачно-семейные связи были достаточно незамысловаты, и мужчина был вправе жениться на любой женщине, кроме тех, с которыми он состоял в родстве первой и второй степени по линии матери. Примечательно, что в рамках монгольского обычного права предусматривались пережитки родоплеменного строя, которые выражались в наличии левирата и сорората. Так, левират предполагал обязанность младшего брата взять в жены овдовевшую супругу своего старшего брата. Существование подобного долженствования существенно купировало права мужчин в аспекте брачной свободы. В этом отношении сорорат, предполагающий возможность вдовца жениться на младшей сестре своей покойной жены, не выступал в качестве обязанности, но был правом мужчины сохранить родственные отношения с определенной семьей.

Сам брак инициировал относительно независимое существование собственного хозяйства и мужчина получал выдел в качестве части домашнего скота. Кроме того, у него появлялась своя юрта, в которой хозяйкой была уже его жена. Тем не менее, полная автономия малой семьи в условиях номадного хозяйства была невозможна, так как имел место дефицит и рабочей силы, и материальных ресурсов (скота, сырья, продуктов) [1, с. 422].

Стоит отметить, что монгольский мужчина не выступал полновластным домохозяином по причине своих частых отсутствий. В связи с этим, женщинам приходилось самостоятельно вести хозяйст-

во и управлять им. В рамках номадного хозяйствования роль жены традиционно считалась ключевой. Так, Чингисхану приписывались изречения, подчеркивающие высокую значимость женщины в семье: «Хорошие мужья узнаются по хорошим женам. Если же жена будет дурна и бестолкова, без рассудка и порядка, будут от нее видны дурные качества мужа» [3, с. 27]. При этом издревле монгольская семья характеризовалась некоторым паритетом мужских и женских прав. При этом монгольский фольклор пестрит историями о женском героизме и самопожертвовании. Подобные примеры имеют место и в «Сокровенном сказании» [5, с. 6]. Тем не менее, подобная тенденция демонстрирует некоторое пренебрежение к жизни, здоровью и свободе женщин в пользу прав мужчин, формируя такой женский поведенческий паттерн, который проявлялся в почитании женщиной своего мужа и ее жертвенном отношении к своей семье.

Думается, что подобная дискриминационная составляющая правового статуса монгольской женщины в пользу мужских прав некоторым образом компенсировалась сакрализацией правового положения матери [7, с. 207]. Образ женщины-матери, которая почитается в семье и пользуется уважением в обществе отражен и в «Сокровенном сказании»: «Праведной матери дети стали правосудными и мудрыми» [5, с. 89].

Несмотря на достаточно высокий статус жены и матери в рамках выстраивания полезных кровнородственных связей нуллифицировался принцип брачной свободы как мужчин, так и женщин. Так, в монгольской социокультурной среде знатных семей брачные союзы выступали инструментом формирования политической власти. При этом «Сокровенное сказание» отображает тенденцию влияния женщин на политические решения своих мужей: «Они, наши дочери и дочери наших дочерей, которые становясь принцессами в результате их браков, служат защитой против наших врагов, а с помощью просьб, с которыми они обращаются к своим мужьям, они получают благосклонность для нас» [5, с. 86]. Существование подобной традиции у монголов фиксируется и в летописи Рашид-ад-дина [9, с. 115].

О реализации принципа гендерного равенства в области брачно-семейных связей говорит и тот факт, что после смерти мужа женщина была вправе выполнять функцию главы семьи [8, с. 44–46]. Тем не менее, подобная ситуация была характерна, прежде всего, для привилегированных сословий.

В заключение статьи необходимо отметить, что правовое регулирование Золотой Орды характеризуется незначительным доминированием мужчин в сфере семьи и брака. Сами брачно-семейные отношения характеризуются наличием патриархальных институтов, в том числе рудиментарного характера, в качестве которых выступали многоженство, левират и сорорат. В рамках существования когнатных отношений нередко мужчина мог проживать в семье своей будущей жены, по сути подчиняясь чужому главе семьи. Концептуальная связка муж-жена характеризуется доминированием первого, подчеркивая некоторое зависимое положение существованием института выкупа невесты. При этом статус матери обладает непреложным авторитетом. В качестве устойчивой тенденции можно выделить то, что чем знатней была монгольская семья, тем четче проявлялся паритет прав мужчин и женщин.

Список источников

1. Барфилд Т. Дж. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. статей / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2006.

2. Бахтин А. Г. Европейские путешественники XIII в. о женщинах в Монгольской империи // Гендерные исследования в гуманитарных науках: мат. V межвуз. науч.-практ. конф. «Женщина и власть» (30 марта 2006). Йошкар-Ола : Марийский государственный педагогический институт им. Н. К. Крупской ; Лаборатория гендерных исследований, 2007. С. 116–123.

3. Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана // Исследования и материалы по истории России и Востока (Studies in Russian and Oriental History). 1939. Вып. 1. С. 12–48.

4. Карпини Дж. П., Рубрук Г. де. История монгалов. Путешествие в восточные страны / ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1957.

5. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un niruča tobčiyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник / отв. ред. А. П. Баранников; предисл. Н. Н. Поппе. В 3 т. Т. I. Введение в изучение

памятника, перевод, тексты, глоссарии. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1941.

6. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / отв. ред. Н. Ц. Мункуев; введение, пер. и коммент. В. С. Таскина. — М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1984.

7. Мишукова А. С. Гендерные роли женщины в традиционной кочевой культуре // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 3. С. 204–208.

8. Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб. : Евразия, 2017.

9. Рашид-ад-дин. Сборник летописей / отв. ред. И. А. Орбели; пер. с персидского Ю. П. Верховского; примеч. Б. И. Панкратова, Ю. П. Верховского; ред. проф. И. П. Петрушевского. В 3 т. Т. 2. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1960.

References

1. Barfield T. J. The world of nomadic pastoralists // The Early state, its alternatives and analogues: collection of articles / edited by L. E. Grinin, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A.V. Korotaev. Volgograd : Uchitel, 2006.

2. Bakhtin A. G. European travelers of the XIII century. about women in the Mongolian Empire // Gender studies in the humanities: mat. V inter-university. scientific and practical conference «Woman and Power» (March 30, 2006). Yoshkar-Ola : Mari State Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya ; Gender Research Laboratory, 2007. P. 116–123.

3. Vernadsky G. V. On the composition of the Great Yasa of Genghis Khan // Studies and materials on the history of Russia and the East (Studies in Russian and Oriental History). 1939. Issue 1. P. 12–48.

4. Karpini J. P., Rubruk G. de. The history of the Mongols. Journey to the Eastern countries / ed., introductory article and note by N. P. Shastina. M. : State Publishing House of Geogr. lit., 1957.

5. Kozin S. A. The secret legend. The Mongol chronicle of 1240 under the title Mongol-un nihuča tobčiyan. Yuan chao bi shi. Mongolian everyday Izbornik / ed. by A. P. Barannikov; preface by N. N. Poppe. In 3 vols . Introduction to the study of the monument, translation, texts, glossaries. L. : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941.

6. Materials on the history of ancient nomadic peoples of the Dunhu group / ed. N. Ts. Munkuyev; introduction, trans. and comment. V. S. Taskin. M. : Nauka, Gl. ed. east lit., 1984.

7. Mishukova A. S. Gender roles of women in traditional nomadic culture // Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev. 2012. No. 3. P. 204–208.

8. Pochekaev R. Yu., Pochekaeva I. N. The Rulers of Eurasia. History and myths about the rulers of the Turkic-Mongolian states of the XIII–XIX centuries. St. Petersburg: Eurasia, 2017.

9. Rashid-ad-din. Collection of Chronicles / ed. by I. A. Orbeli; trans. from the Persian by Yu. P. Verkhovsky; note by B. I. Pankratov, Yu. P. Verkhovsky; ed. by prof. I. P. Petrushevsky. In 3 vols. 2. M. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960.

Информация об авторе

С. Н. Грошев — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. N. Groshev — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 12.05.2023.

Научная статья
УДК 343.326:343.98
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-79-83
EDN: https://elibrary.ru/eyrpyw
NIION: 2003-0059-3/23-674
MOSURED: 77/27-003-2023-03-873

О некоторых аспектах практики реализации криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационном пространстве

Владимир Олегович Давыдов
Тульский государственный университет, Тула, Россия, VladDv71@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются общетеоретические и практические аспекты криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационном пространстве. На основе изучения современных научных подходов и анализа результатов практики противодействия преступлениям исследуемого рода отстаивается позиция о признании криминалистического предупреждения одним их приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов в противодействии экстремизму, что способствует своевременному выявлению и минимизации причин и условий данного вида противоправной деятельности.

Ключевые слова: криминалистическое предупреждение, преступления экстремистской направленности, экстремизм, информационно-телекоммуникационное пространство, криминалистически значимая информация, цифровые следы, мониторинг, контент

Для цитирования: Давыдов В. О. О некоторых аспектах практики реализации криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационном пространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 79–83. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-79-83. EDN: EYRPYW.

Original article

On some aspects of the practice of implementation of forensic prevention of extremist crimes in the information and telecommunications space

Vladimir O. Davydov
Tula State University, Tula, Russia, VladDv71@yandex.ru

Abstract. General theoretical and practical aspects of forensic prevention of extremist crimes in the information and telecommunication space are considered. Based on the study of modern scientific approaches and analysis of the results of practice of counteraction to the crimes of this kind, the position on the recognition of forensic prevention as one of the priorities of law enforcement agencies in countering extremism, which contributes to the timely detection and minimization of the causes and conditions of this type of illegal activity is defended.

Keywords: forensic warning, extremist crimes, extremism, information and telecommunication space, criminally significant information, digital traces, monitoring, content

For citation: Davydov V. O. On some aspects of the practice of implementation of forensic prevention of extremist crimes in the information and telecommunications space. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):79–83. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-79-83. EDN: EYRPYW.

Перемены начала XXI столетия, связанные с научно-техническим прогрессом в области цифровой коммуникации, в той или иной мере сказались на всех сферах жизни мирового социума и привели к беспрецедентному расширению возможностей доступа к самому разнообразному спектру информационных ресурсов. Новейшие цифровые технологии способствовали дальнейшему «сжатию» пространства и времени, обусловили усиление социальной активности индивидов, и, бесспорно, послужили созидательным целям повышения эффективности общественных и государственных институтов.

Однако, еще в эпоху XIX столетия великий русский мыслитель Л. Н. Толстой отмечал, что повсеместно «прогресс одной стороны человеческой жизни выступает регрессом другой ее стороны» [1]. Так и обозначенные нами инновации, в значительной степени, функционирующие независимо от государст-

© Давыдов В. О., 2023

венного контроля и не поддающиеся в полной мере политическому контролю со стороны государственных институтов, детерминировали тенденцию достаточно устойчивой причинно-следственной связи между количественным разнообразием цифровых технологий коммуникации, с одной стороны, и качественными изменениями механизма преступной деятельности экстремистской направленности, с другой.

В этой связи обратим внимание на два достаточно интересных в аспекте исследуемой проблематики факта. В конце 90-х годов прошлого столетия американский эксперт Уэйн Раш, специализирующийся на проблемах в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, прогнозировал, что «в недалеком будущем радикальные группы полностью адаптируются к использованию сети Интернет как инструмента коммуникации, организации, вербовки, сбора денежных средств, стратегического позиционирования, связи с медиа» [2]. Несколько позднее, профессор коммуникаций университета г. Хайфе (Израиль) Габриэль Вайман, начавший отслеживать и изучать террористические web-сайты еще с середины 90-х годов, в научной работе «Террор в Интернете: новая арена битвы, новые вызовы», указывал уже на восемь типовых направлений, по которым террористы реализуют свои цели в сети Интернет. А именно: проведение психологической войны; поиск информации; обучение; сбор денежных средств; пропаганда; вербовка; организация сетей; планирование и координация действий [3].

Не вдаваясь в дальнейшую полемику по поводу научных публикаций, полагаем возможным сделать следующий вывод: в современных условиях способы цифровой коммуникации стали одним из узловых элементов в механизме преступной деятельности экстремистской направленности. Актуальность данного тезиса наглядно подтверждается данными официальной статистики ГИАЦ МВД России: за 11 месяцев 2022 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 1407 (+43,1 %) преступлений экстремистской направленности, из которых 473 (+80,0 %) преступные деяния, предусмотренные ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации, были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [4].

Очевидно, что данному обстоятельству в немалой степени способствуют закономерности двойственной социально-технологической природы информационно-телекоммуникационного пространства, а также наличие у подобных цифровых технологий определенного криминально привлекательного функционала. В числе последнего выделим такие значимые элементы, как:

♦ потенциальная возможность осуществления анонимного доступа к информационно-телекоммуникационной среде и, как следствие, к масштабной аудитории ее пользователей;

♦ дистанционность субъекта совершения преступных действий экстремистской направленности как от информационного продукта, так и от места наступления негативных последствий этих действий;

♦ высокая скорость распространения информационного контента и мультимедийность среды коммуникации;

♦ непостоянство и динамичность изменения информационных объектов;

♦ распределенность информационных баз и возможность управления ими различными субъектами посредством предоставления прав доступа;

♦ недостаточная эффективность существующих механизмов государственных цензуры и контроля;

♦ постоянно возрастающий технологический потенциал, позволяющий в числе прочего дистанционно координировать действия менее четко организованных структур радикальной направленности, а также отдельных лиц, намеренных осуществлять экстремистские действия децентрализовано и др.

Таким образом, информационно-телекоммуникационное пространство в современных условиях закономерно выступает значимым объектом криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности как неотъемлемая часть системы общественных отношений, содержащей криминалистически значимую компьютерную информацию о подготавливаемых, совершаемых и уже совершенных преступных деяниях подобного рода.

Само же криминалистическое предупреждение преступлений экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационном пространстве, на наш взгляд, следует рассматривать как деятельность, основанную на специальных средствах, приемах и методах науки криминалистики, направленную на выявление, собирание, исследование и использование криминалистически значимой компьютерной информации об обстоятельствах, способствующих подготовке, совершению и сокрытию таких преступ-

ных деяний (а, в ряде случаев, намеренному афишированию преступного результата), на устранение указанных обстоятельств, а также на предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений.

Полагаем, что складывающаяся в настоящее время ситуация настоятельно требует своего дальнейшего научного осмысления в интересах своевременного выявления, действенного пресечения и эффективного предупреждения преступлений рассматриваемого рода.

Так, в аспекте решения современных задач криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационном пространстве значимым будет являться такое уже названное нами «криминальное» свойство, как удаленность субъекта совершения преступных действий от информационного продукта и от места наступления негативных последствий этих действий. Например, действия, направленные на склонение, вербовку и иное вовлечение лица в преступную деятельность экстремистского формирования, совершенные с использованием глобальной сети Интернет, достаточно часто осуществляются в одном географическом регионе, а ее негативные последствия, т. е. непосредственное вступление индивида в региональную экстремистскую группу «сетевого» организационного модуля, наступают в другом [5].

При этом значительные трудности в выявлении криминалистически значимой компьютерной информации о причастности организаторов, посредников и исполнителей к преступной деятельности рассматриваемого рода будут связаны с обнаружением цифровых следов информационного объекта в сетевых ресурсах информационно-телекоммуникационного пространства.

В этой связи представляется обоснованной научная позиция А. М. Багмета, В. В. Бычкова, С. Ю. Скобелина и Н. Н. Ильина, согласно которой под понятием «цифровой след» надлежит понимать любую криминалистически значимую компьютерную информацию, т. е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [6].

К числу основных объективных форм существования криминалистически значимой компьютерной информации в аспекте криминалистического предупреждения преступных деяний экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационном пространстве следует отнести: сетевой адрес, доменное имя, web-сайт и страницу web-сайта. В целях выявления цифровых следов данного характера видится целесообразным рекомендовать использование сервисов, функционал которых позволяет получать следующие категории сведений: о датах регистрации домена и окончания периода его преимущественного продления; о регистраторе, осуществляющем поддержку доменного имени; об администраторе домена (однако только в том случае, если администратор не воспользовался услугой сокрытия персональных данных). В числе данных сервисов следует выделить, например, www.ripn.net/nic/whois/, www.reg.ru/whois/, www.nic.ru/whois/, www.2ip.ru/whois/ и др.

Думается, что надлежит придавать значение и тому факту, что функционал дистанционной коммуникации привел к определенной трансформации самой структуры организационного построения преступных формирований экстремистской направленности (в том числе, носящих транснациональный характер) — в настоящее время в «сетевом» модуле все большее распространение получают группы с преобладанием так называемых «горизонтальных» преступных связей, основанных не столько на строгом подчинении «иерархическому» модулю экстремистского формирования, сколько на общих региональных криминальной цели и мотивации радикальной деятельности [7].

С учетом данной тенденции, при поиске криминалистически значимой компьютерной информации в информационно-телекоммуникационном пространстве, наряду с учетом особенностей совершения преступлений экстремистской направленности с использованием средств дистанционной коммуникации, следует иметь ввиду, во-первых, естественно возникающие условия, характеризующиеся тем, что, хотя действия и контакты пользователей достаточно часто анонимны, но при этом они остаются публичными, а, во-вторых, специфику среды обращения информации в сетях, т. е. формы коммуникации, принятые в радикальной «электронной» среде.

Технологически, ведение поиска криминалистически значимой информации о преступной деятельности экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационном пространстве следует осуществлять с использованием запросов на спе-

циализированном языке (характерный сленг (фразы, словосочетания), названия экстремистских материалов и т. п.), а также учитывая особенности психологии потенциальных «партнеров» по общению (их внушаемость, конформизм, склонность к соперничеству, предпочитаемые интернет-ресурсы, статус в интернет-сообществах и т. п.). В частности, необходимые лексические единицы могут подбираться посредством использования сведений, размещаемых в Федеральном списке экстремистских материалов на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации (официальный web-сайт — https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/).

Безусловно, к проведению поиска рационально привлекать как лиц, обладающих специальными техническими познаниями в сфере цифровых технологий, так и специалистов-лингвистов, компетентных отождествить уголовно наказуемые признаки преступлений экстремисткой направленности. Реализация подобных мер позволит обеспечить своевременное выявление криминалистически значимой компьютерной информации о признаках подготовки и планирования экстремистских акций, вербовочных действий, сбора финансовых средств и других форм ресурсного обеспечения экстремистской деятельности.

Еще одним из направлений поиска криминалистически значимой компьютерной информации в информационно-телекоммуникационном пространстве должен быть мониторинг по заданным реквизитам интернет-ресурсов, на которых имеются сведения об экстремистской деятельности. Однако наблюдать за всеми web-ресурсами глобальной сети Интернет, либо ее российского сегмента Рунет, безусловно, не представляется возможным ввиду их громадного количества. В этой связи наиболее доступный мониторинг информационных ресурсов должен реализовываться посредством русскоязычных поисковых систем (например, «Yandex», «Google», «Mail.ru», «Rambler», «Bing» и др.), использующих индексирование всего содержания максимально возможного числа web-страниц и позволяющих производить мониторинг как в отдельных элементах внутри самой web-страницы, так и в связанной с ней информации, а также в относящихся к ней служебных данных (например, внутри заданного домена, типа документа и т. п.). Поиск возможно вести по самим хостам и по словам, находящимся на заданных web-страницах.

Акцентируем внимание на том факте, что помимо уже названных систем поиска, существуют и специализированные интеллектуальные метапоисковые системы (например, «AskNet», «Excite», «Ixquick» или известный совместный проект Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Стэнфордского университета «Нигма.РФ»), осуществляющие формирование поисковой выдачи и кластеризацию информации за счет смешивания результатов поиска по общедоступным базам иных систем (например, «Google», «Yahoo», «Bing», «Yandex», «Rambler», «AltaVista», «Aport» и др.).

Как следствие, осуществление содержательного анализа сетевых информационных объектов в виде видео-, аудио- и текстовых форм с применением специализированного программного софта позволяет своевременно выявлять наличие признаков сведений, представляющих потенциальный интерес в аспекте решения задач криминалистического предупреждения экстремистской деятельности и, в том числе, признаков подготовки вербовочных акций в объектах, содержащих зашифрованные и иносказательные фразы, отдельные слова, графические файлы и т. п.

Нередко в ходе поисковых мероприятий в открытых источниках информационно-телекоммуникационного пространства встречаются ссылки на закрытые web-ресурсы, на которых, наряду с популяризацией идеологии экстремизма, осуществляется также деятельность, направленная на склонение, вербовку и иное вовлечение лиц в преступную деятельность экстремистской направленности. Содержание работы по поиску криминалистически значимой компьютерной информации на подобных web-ресурсах должно включать всестороннее изучение его контента, проведение проверки его расположения на технических площадках хостинг-провайдера, установление данных регистранта, а также сведений об авторе «проекта» и его активных участниках.

Очевидно, что определить всю совокупность направлений криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационном пространстве и создать, тем самым, их систему закрытого типа практически невозможно по причине динамичного развития цифровых средств коммуникации. Данное обстоятельство даже в обозримой перспективе не позволяет предусмотреть все возможные варианты появления и развития причин и условий, которые

могут способствовать совершению преступных деяний рассматриваемого рода.

Полагаем, что разрешение задач криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационном пространстве представляет собой комплексное предупредительное воздействие, эффективность которого в значительной степени будет основана на том факте, что сотрудник правоохранительного органа должен быть вооружен научно обоснованным знанием о нем в самом широком смысле этого понятия — от его природы и содержания, до частных причин и условий, способствующих преступлению.

Список источников

1. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 8. Педагогические статьи (1860–1863 гг.). М. : Государственное издательство «Художественная литература», 1936.

2. Rash W. Politic on the nets: Wiring the political process. New York : W. H. Freeman, 1997.

3. Weimann G. Terror on the Internet: The New Arena. Washington, DC : United States Institute of Peace Press, 2006.

4. Состояние преступности в России (за январь–ноябрь 2022 г.). М. : ГИАЦ МВД России, 2022.

5. Давыдов В. О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера : дисс. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2019.

6. Багмет А. М., Бычков В. В., Скобелин С. Ю., Ильин Н. Н. Цифровые следы преступлений: моногр. М. : Проспект, 2021.

7. Давыдов В. О. Научные основы базовой методики расследования преступлений и их развитие в практике борьбы с транснациональным экстремизмом: моногр. М : Юрлитинформ, 2020.

References

1. Tolstoy L. N. Complete works. In 90 vols. 8. Pedagogical articles (1860–1863). M. : State Publishing House «Fiction», 1936.

2. Rush W. Politic on the nets: Wiring the political process. New York : W. H. Freeman, 1997.

3. Weimann G. Terror on the Internet: The New Arena. Washington, DC : United States Institute of Peace Press, 2006.

4. The state of crime in Russia (for January–November 2022). M. : GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022.

5. Davydov V. O. Methods of investigation of transnational criminal activity of extremist nature: diss. ... Dr. yurid. sciences'. Rostov n/D., 2019.

6. Bagmet A.M., Bychkov V. V., Skobelin S. Yu., Ilyin N. N. Digital traces of crimes: monogr. M. : Prospect, 2021.

7. Davydov V. O. Scientific foundations of the basic methodology of crime investigation and their development in the practice of combating transnational extremism: monogr. M. : Yurlitinform, 2020.

Информация об авторе

В. О. Давыдов — профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России, лауреат премии МВД России в области науки.

Information about the author

V. O. Davydov — Professor of the Department of Justice and Law Enforcement at Tula State University, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Officer of the Russian Ministry of Internal Affairs, Laureate of the Prize of the Russian Ministry of Internal Affairs in the field of Science.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 12.05.2023.

Научная статья
УДК 343.101:344.22
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-84-88
EDN: https://elibrary.ru/exrwdw
NIION: 2003-0059-3/23-675
MOSURED: 77/27-003-2023-03-874

Из истории организации и деятельности политической полиции Нижнего Поволжья в начале XX в.

Александр Егорович Епифанов
Академия управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru

Аннотация. С историко-правовых позиций анализируются организационные и правовые основы деятельности российской политической полиции в начале XX в. С использованием архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, раскрываются структура, порядок формирования и основные направления деятельности жандармских органов Российской империи на примере Нижнего Поволжья. Показаны регламентация и практика осуществления российской жандармерией своих полномочий применительно к местным условиям.

Ключевые слова: политическая полиция, Отдельный корпус жандармов, министерство внутренних дел, государственные преступления, дознание

Для цитирования: Епифанов А. Е. Из истории организации и деятельности политической полиции Нижнего Поволжья в начале XX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 84–88. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-84-88. EDN: EXRWDW.

Original article

From the history of the organization and activities of the political police of the Lower Volga region at the beginning of the XX century

Alexander E. Epifanov
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru

Abstract. The organizational and legal bases of the activity of the Russian political police at the beginning of the twentieth century are analyzed from historical and legal positions. Using archival materials introduced into scientific circulation for the first time, the structure, formation procedure and main activities of the gendarmerie bodies of the Russian Empire are revealed on the example of the Lower Volga region. The regulation and practice of the Russian gendarmerie exercising its powers in relation to local conditions are shown.

Keywords: political police, separate gendarme corps, ministry of the interior, state crimes, inquiry

For citation: Epifanov A. E. From the history of the organization and activities of the political police of the Lower Volga region at the beginning of the XX century. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):84–88. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-84-88. EDN: EXRWDW.

В изучаемый период организационные основы российской политической полиции как важнейшего структурного подразделения МВД приобретают свои завершенные формы [7, с. 32]. Согласно Уставу, Отдельный корпус жандармов включал следующие подразделения: главное управление отдельного корпуса жандармов; Управление Сибирского жандармского округа; губернские и областные жандармские управления, жандармские управления в Одессе и Омске; уездные жандармские управления; дополнительный штат губернских жандармских управлений, Шлиссельбургское жандармское управление с «пешей» командой при нем; жандармские полицейские управления железных дорог; Санкт-Петербургский, Московский и Варшавский жандармские дивизионы; Одесскую конную команду жандармерии; крепостные жандармские команды [1, л. 1–2].

Высшее руководство над всеми управлениями и подразделениями Отдельного корпуса жандармов, как и прежде, осуществлял Шеф жандармов, которым являлся министр внутренних дел. К его компетенции относился высший надзор за точным исполнением жандармскими чинами своих обязанностей и забота о благосостоянии всех частей кор-

© Епифанов А. Е., 2023

пуса. Ему отводилось высшее руководство деятельностью его чинов по обнаружению и исследованию преступлений. В строевом, инспекторском и военно-судебном отношении Отдельным корпусом жандармов руководил его командир. Своей властью он осуществлял все кадровые назначения и перемещения высшего командного и начальствующего состава [8, с. 54].

Важным структурным подразделением Отдельного корпуса жандармов был его штаб, объявлявший распоряжения шефа жандармов и командира корпуса в строевом, хозяйственном и военно-судебном отношении. Штаб составляли начальник, его помощник, адьютанты, заведующий судебной частью, казначей, секретарь и писари [2, л. 4]. По предметам, относящимся к обнаружению и исследованию преступлений, соответствующие распоряжения передавались через Департамент полиции в лице его директора.

Отдельный корпус жандармов официально признавался «частью войска, предназначенного для охраны государственного строя от врагов внутренних» [2, л. 3]. Военная организация корпуса предполагала воинскую иерархию его командного и начальствующего состава. Так, его командир обладал правами главного начальника военного округа, начальник штаба — начальников штабов военных округов, начальник Сибирского жандармского округа — командира дивизии, начальник губернского жандармского управления — командира полка, его помощники в уездах — эскадронных (ротных) командиров и т. д.

Основная нагрузка по осуществлению задач политической полиции, в части производства исследований и дознаний по государственным преступлениям, приходилась на губернские (областные) жандармские управления, включавшие их начальников с адьютантами и писарей, а также дополнительный штат в уездах, состоявший из помощника начальника управления, вахмистров и унтер-офицеров жандармерии.

В феврале 1906 г. чинам Отдельного корпуса жандармов было передано заведование строевой частью полицейской стражи. При этом начальникам губернских жандармских управлений было присвоено звание губернских инспекторов полицейской стражи. К их компетенции были отнесены строевая подготовка, обучение верховой езде конных чинов, обучение их владению оружием. Наряду с рассмотренными преобразованиями, царская администрация систематически увеличивала штаты офицеров и унтер-офицеров губернских жандармских управлений, в июне 1905 и феврале 1906 гг. в частности [3].

В Царстве Польском, вместо дополнительного штата, учреждались уездные жандармские управления, руководство и личный состав которых также находились в непосредственном подчинении начальников соответствующих губернских жандармских управлений. В Сибири, учитывая огромные территориальные масштабы работы, все жандармские подразделения, включая управления, находились в непосредственном подчинении упомянутого начальника Сибирского жандармского управления, в штате которого находились старший адъютант, офицер для особых поручений, секретарь и писари [9, с. 15].

На чинов губернских, областных и уездных управлений, в том числе относящихся к дополнительному штату, возлагались обязанности наблюдения за местным населением; производство дознаний по делам о государственных преступлениях; осуществление негласного полицейского надзора и секретного наблюдения; наблюдение за лицами, проезжающими через границу и иностранными разведчиками; розыск и наблюдение за лицами, укрывающимися от преследования властей; обнаружение и исследования общеуголовных преступлений; поддержание общественного порядка при отсутствии чинов общей полиции и содействие им в восстановлении нарушенного порядка; конвоирование арестованных политических преступников; надзор за ними и охрану их в местах заключения; производство дознаний по поручению канцелярии, принимавшей прошения на имя Императора [1, л. 27].

Начальнику жандармского управления г. Одессы подчинялась ведомственная конная команда во главе с особым офицером, пользовавшимся правами эскадронного (ротного) командира, состоявшая из младших офицеров и нижних чинов.

На железных дорогах и примыкающей полосе отчуждения действовали специальные жандармские полицейские управления, личный состав которых размещался на железнодорожных станциях и выполнял функции общей полиции. Их начальники пользовались правами командира полка и имели в подчинении адъютантов, начальников отделений и нижних

чинов — жандармских унтер-офицеров. По государственным преступлениям их полномочия приравнивались к полномочиям помощника начальника губернского жандармского управления.

Санкт-Петербургский, Московский и Варшавский жандармские дивизионы, помимо их начальников с правами командира полка, включали адъютантов, сотрудников штаба, эскадронных командиров и младших офицеров, а также нижних чинов. Названные дивизионы были предназначены для приведения в исполнение правительственных распоряжений и судебных приговоров; разгона запрещенных законом «скопищ»; усмирения «буйства» и восстановления нарушенного порядка; препровождения важных преступников и арестантов; поддержания порядка на войсковых парадах, пожарах, ярмарках, народных гуляниях и иных общественных мероприятиях в театрах, клубах, на собраниях и т. п.

Для осуществления надзора за заключенными Шлиссельбургской тюрьмы и ее охраны предназначалось Шлиссельбургское жандармское управление с состоящей при нем жандармской командой. Его начальник также обладал правами командира полка по отношению к своим подчиненным.

Военно-полицейскую службу в крепостях несли крепостные жандармские команды, на которые возлагался контроль за соблюдением войсками и окрестным населением объявленных комендантом крепости военно-полицейских мер. Помимо начальников, они включали жандармских унтер-офицеров. Подобные подразделения дислоцировались, например, в Батуми (Михайловская крепостная команда) и Карсе. В военно-полицейском отношении они подчинялись начальникам штабов крепостей, в отношении жандармской службы — соответствующему начальнику губернского жандармского управления.

Заслуживают внимания предпринимавшиеся в экстраординарных условиях изучаемого периода организационные формы противодействия революционным проявлениям, имевшие место со стороны жандармских органов. Так, в декабре 1905 г. в разгар Первой русской революции императорским указом были введены чрезвычайные меры по обеспечению непрерывности и правильности железнодорожного сообщения в пределах Империи. Помимо прочего, правила устанавливаемой с ведома МВД чрезвычайной охраны на них включали образование особых комитетов при соответствующих управлениях дорог, членами которых являлись начальники губернских жандармских управлений по территориальности. С применением чрезвычайных мер охраны, офицерам отдельного корпуса жандармов было предоставлено право отдавать распоряжения о предварительном задержании до двух недель всех лиц, вызывающих «основательное» подозрение в причастности к государственным преступлениям, нарушающих правильность и непрерывность деятельности железных дорог и телеграфа, равно как и принадлежащих к противозаконным обществам. Кроме того, им было разрешено во всякое время производить обыски во всех помещениях, без исключения. Для объединения и упорядочения деятельности названных особых комитетов при Министерстве путей сообщения был образован Главный комитет по охране железных дорог, в состав которого был включен начальник штаба Отдельного корпуса жандармов [4].

В феврале 1908 и марте 1910 гг. приказом командира Отдельного корпуса жандармов были объявлены утвержденные Военным министром инструкции «начальнику летучего железнодорожного отряда» [5, л. 337–343]. Таковые направлялись на железные дороги распоряжением командующих войсками в округах, по требованию генерал-губернаторов, губернаторов и названных Особых комитетов для восстановления прерванного сообщения, общественного порядка и пресечения забастовок. Летучие отряды, состоявшие из пехотных, кавалерийских, саперных и телеграфистских воинских подразделений (при орудиях и пулеметах), сопровождались жандармскими офицерами и унтер-офицерами по назначению соответствующих начальников жандармских полицейских управлений железных дорог.

Поезда, на которых перемещались названные отряды, имели в своем составе специальные вагоны, в которые помещались задержанные их личным составом совместно с жандармскими чинами и общей полицией революционные агитаторы и пропагандисты. Непосредственное восстановление нарушенного порядка возлагалось на состоящих при поезде старших линейных агентов и соответствующего начальника жандармского отделения.

Как отмечалось в приказе по Отдельному корпусу жандармов от 13 февраля 1917 г., введение на железных дорогах чрезвычайных мер охраны позволило жандармским чинам быть в курсе брожений

среди железнодорожных служащих и рабочих, установить тщательное наружное наблюдение на предмет обнаружения среди них революционных агитаторов, организовать освещение железнодорожников внутренней агентурой для заблаговременного обнаружения путем политического розыска антигосударственных выступлений с их стороны, обеспечить исполнение задач, возложенных на названные особые комитеты по поддержанию общественного порядка и безопасности на железной дороге [5, л. 5–6].

В изучаемый период большое значение придавалось установлению оптимальных взаимоотношений и сотрудничества жандармерии с чинами общей полиции. В этой связи детально регламентировались правила поведения жандармских унтер-офицеров с местной полицией. Так, по прибытии на пункт, унтер-офицеру предписывалось явиться к местному исправнику и его помощнику, познакомиться с приставами и урядниками, узнать всех городовых и стражников в лицо. При обращении чинов полиции за содействием, унтер-офицерам предписывалось охотно, без отговоров на недосуг, оказать необходимое содействие и вообще всегда приходить на помощь полиции. В обращении со всеми чинами общей полиции категорически запрещалось позволять себе какие-либо шутки или насмешки в их адрес, порицать их личные качества или служебную деятельность. Особую вежливость, дисциплину и почтение следовало проявлять по отношению к старшему полицейскому начальству. Соблюдение названных условий чинами жандармерии признавалось залогом доверия, уважения и содействия в служебной деятельности со стороны общей полиции [2, л. 24].

Вместе с тем, учитывая архивные данные, приходится констатировать характерные для политической полиции ведомственную разобщенность и довольно напряженные отношения с иными органами внутренних дел, что, в свою очередь, никак не способствовало достижению необходимого успеха от выполнения возложенных на них задач. Так, в циркуляре штаба Отдельного корпуса жандармов от 14 июня 1905 г. отмечалось, что начальники губернских жандармских управлений систематически оставляют губернаторов в неведении относительно имеющихся у жандармских чинов губернии сведений и данных. Последние демонстративно подчеркивали отсутствие служебной зависимости от «начальников губерний» и совершенную самостоятельность своих действий относительно расследования уголовных дел о государственных преступлениях.

Сложившееся положение потребовало от министра внутренних дел — шефа жандармов принятия жестких мер по этому поводу. Руководству губернских жандармских управлений и охранных отделений со всей строгостью было разъяснено, что хотя по существующим законоположениям чины корпуса жандармов и не состоят в непосредственном подчинении губернаторов, это ни в коем случае не колеблет того основного положения, в силу которого губернатору как представителю высшей административной власти в губернии подведомственны все должностные лица, в обязанности которых входит обеспечение в пределах губернии порядка и спокойствия. В этой связи жандармским чинам вменялось в обязанность постоянно и заблаговременно информировать соответствующих губернаторов обо всех имеющихся в их распоряжении сведениях, касающихся расследования государственных преступлений, а также согласовывать свои действия с теми мероприятиями общего характера, которые губернатор сочтет необходимым предпринять в целях обеспечения порядка и спокойствия на вверенной ему территории [6].

Как представляется, рассмотренные обстоятельства, связанные с организацией и деятельностью политической полиции Российской империи в изучаемый период, позволят скорректировать представления, сложившиеся в отечественной истории органов внутренних дел, некоторым образом дополнить ее. Большое значение в этом отношении имеют ранее не изученные материалы региональных архивов.

Список источников

1. Государственный архив Волгоградской обл. (ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 464. Л. 1–2, 27.

2. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 466. Л. 3–4, 24.

3. ПСЗ. Собрание 3-е. Т. XXVI. № 27377.

4. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 96. Л. 128–129.

5. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 88. Л. 5–6, 337–343.

6. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 43. Л. 197.

7. Епифанов А. Е., Чуманов А. В. Антикоррупционная правовая политика в России (вопросы теории и истории): моногр. Волгоград, 2007.

8. Абдрашитов В. М., Джамбалаев Я. Р., Епифанов А. Е. и др. Комментарий к федеральному конституционному закону от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении». Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2012.

9. Бурьянов С. А. Свобода совести в Российской Федерации: современное состояние, тенденции, перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2. С. 15–16.

References

1. The State Archive of the Volgograd region (GAVO). F. 6. Op. 1. D. 464. L. 1–2, 27.

2. GAVO. F. 6. Op. 1. D. 466. L. 3–4, 24.

3. PSZ. Collection 3-e. T. XXVI. No. 27377.

4. GAVO. F. 6. Op. 1. D. 96. L. 128–129.

5. GAVO. F. 6. Op. 1. D. 88. L. 5–6, 337–343.

6. GAVO. F. 6. Op. 1. D. 43. L. 197.

7. Epifanov A. E., Chumakov A.V. Anti-corruption legal policy in Russia (issues of theory and history): monogr. Volgograd, 2007.

8. Abdrashitov V. M., Jambalaev Ya. R., Epifanov A. E. et al. Commentary to Federal Constitutional Law No. 3-FKZ of May 30, 2001 «On the State of Emergency». Saratov : AI Pi Er Media, 2012.

9. Buryanov S. A. Freedom of conscience in the Russian Federation: current state, trends, prospects // Constitutional and Municipal Law. 2004. No. 2. P. 15–16.

Информация об авторе

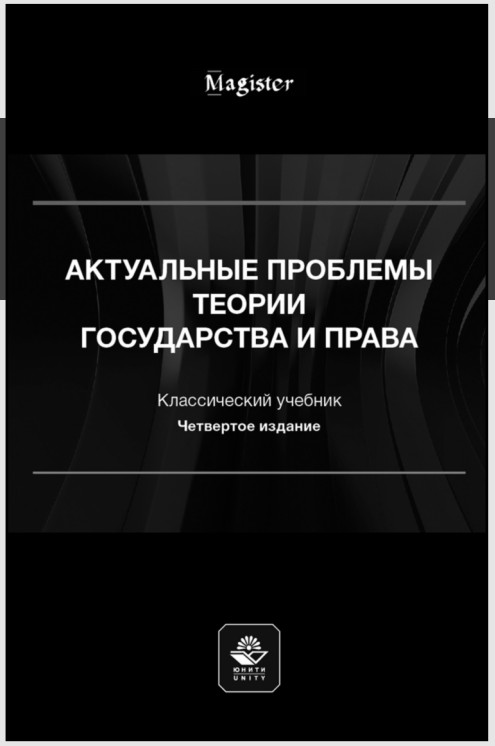
А. Е. Епифанов — главный научный сотрудник Отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. E. Epifanov — Chief Researcher of the Department for the Study of The Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учеб.пособие. 4-е изд., перераб. и доп.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. А.И. Клименко, М.М. Рассолова;
под общ. ред. В.П. Малахова, В.В. Оксамытного

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства. Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-89-91
EDN: https://elibrary.ru/fyixrn
NIION: 2003-0059-3/23-676
MOSURED: 77/27-003-2023-03-875

Возможности использования графических редакторов при работе с изображениями цифровых почерковых объектов, представленных в виде электронных файлов

Марина Владимировна Жижина
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, mzhizhina@yandex.ru

Аннотация. Представлена часть исследования, проводимого в рамках запланированной научно-исследовательской работы ЛСПЭ ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России в целях разработки методических рекомендаций по проведению судебно-почерковедческой экспертизы изображений почерковых объектов в цифровых копиях документов. Рассматриваются алгоритмы действий эксперта-почерковеда при работе с изображениями цифровых почерковых объектов, представленных на исследование в виде компьютерного файла.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, цифровая фотокопия документа, электронный файл, графический редактор

Для цитирования: Жижина М. В. Возможности использования графических редакторов при работе с изображениями цифровых почерковых объектов, представленных в виде электронных файлов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 89–91. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-89-91. EDN: FYIXRN.

Original article

Possibilities of using graphic editors when working with images of digital handwriting objects presented in the form of electronic files

Marina V. Zhizhina
Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia, mzhizhina@yandex.ru

Abstract. The article presents a part of the research carried out within the framework of the planned research work of the LSPE FBU RFTSSE at the Ministry of Justice of the Russian Federation in order to develop methodological recommendations for conducting forensic handwriting examination of images of handwriting objects in digital copies of documents. Algorithms of actions of a handwriting expert when working with images of digital handwriting objects submitted for research in the form of a computer file are considered.

Keywords: forensic handwriting examination, digital photocopy of a document, electronic file, graphic editor

For citation: Zhizina M. V. Possibilities of using graphic editors when working with images of digital handwriting objects presented in the form of electronic files. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):89–91. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-89-91. EDN: FYIXRN.

Цифровая фотокопия документа является новым объектом — носителем почерковых реализаций в современной практике судебного почерковедения. В методическом плане разработанность ее экспертного исследования находится еще в начале своего пути [1]. Соответственно, новые для эксперта-почерковеда объекты исследования требуют пересмотра существующих алгоритмов и разработки новых форматов работы, на что справедливо обращают внимание отдельные авторы [2; 3]. В связи с этим особое внимание следует уделить рассмотрению ситуации, когда на экспертное исследование представляется цифровая копия документа в виде компьютерного файла на электронном носителе (флэш-карте, CD-диске) или в качестве вложения в сообщение электронной почты.

С представленным в таком виде объектом эксперт-почерковед работает с помощью программных средств (графических и текстовых редакторов), которые, с одной стороны, представляют возможность более оперативного исследования с получением качественного изображения, с другой, — редактирования и преобразования исходного графического объекта. Так, например, графические редакторы (Adobe

© Жижина М. В., 2023

Photoshop, CorelDraw и др.) позволяют значительно улучшить исходное качество изображения цифрового снимка: подавить фон и выявить слабовидимые штрихи, повысить контрастность, резкость изображения, удалить «шум», под которым понимаются любые элементы, мешающие восприятию информативной составляющей — почерковой реализации. Улучшение качества исследуемого почеркового объекта возможно и при использовании опций «яркость» и «контрастность» при работе с графическими элементами (фото, рисунками) в текстовом редакторе Microsoft Word, которым пользуются все без исключения эксперты, оформляя свои заключения.

Конечно, данные возможности хотелось бы использовать для устранения недостатков изображения почерковых объектов. Однако, возникает закономерный вопрос о границах применения опций графических редакторов в рамках судебно-почерковедческой

Рис. 1. Исходное изображение исследуемой подписи от имени И. И. Иванова, расположенное в копии договора купли-продажи, представленной в виде файла формата .pdf

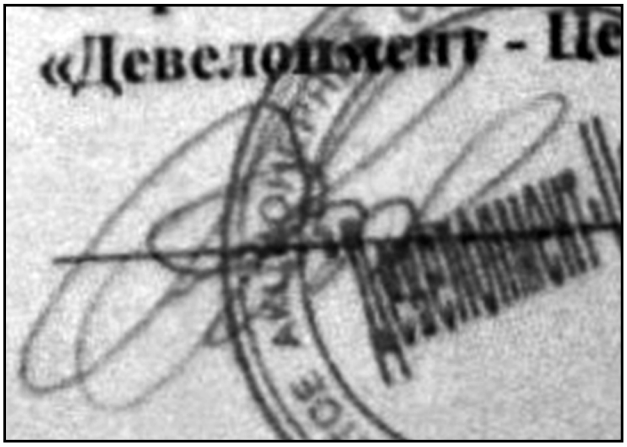

Рис. 2. Изображение исследуемой подписи от имени И. И. Иванова после коррекции яркости и контрастности

экспертизы (далее — СПЭ) с точки зрения соблюдения методических рекомендаций и предписаний Закона.

Одним из общих приоритетных принципов производства любой судебной экспертизы является обеспечение сохранности объекта исследования в неизмененном виде. Если для решения задач, поставленных перед экспертом, требуется повреждение (уничтожение) объекта или существенное изменение его свойств, то в соответствии со ст. 16 ФЗ Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперт обязан получить разрешение на соответствующие действия от органа или лица, назначивших экспертизу.

В рассматриваемом нами аспекте — применения возможностей и опций аппаратных средств в отношении цифрового изображения почерковой реализации — будет ли это являться внесением существенных изменений в его свойства? Допустимо ли применение различных опций графических/текстовых редакторов в рамках производства СПЭ?

На наш взгляд — да, возможно и допустимо, если применение соответствующих опций программных средств направлено на получение большего количества информации об исследуемом почерковом объекте. Более того, подобное использование аппаратных опций должно стать методной составляющей экспертного исследования. Потому при разработке методики проведения судебно-почерковедческой экспертизы рукописных объектов в цифровых копиях данный технологический процесс следует выделить в качестве отдельного подэтапа предварительного этапа исследования. При этом последний необходимо правильно отразить в заключении. Таким образом, мы сталкиваемся с необходимостью пересмотра содержательной составляющей заключения эксперта-почерковеда при проведении исследования цифрового изображения рукописи, представленного в виде компьютерного файла, путем включения в него фиксации процесса обработки.

Нам представляется, что подробное протоколирование с указанием каждой команды и промежуточных результатов в виде снимков почеркового изображения является избыточным исходя из задач, решаемых СПЭ. Поэтому считаем целесообразной фиксацию исходного изображения, представленного на исследование, и окончательного — с приведением перечня использованных опций.

Например, при обработке изображений почерковых объектов достаточно указать следующее: *«обработка исходного изображения подписи от имени А. А. Иванова производилась в текстовом редакторе Microsoft Word 11 Pro путем коррекции недостаточной или избыточной яркости и контрастности».*

При этом обязательным является представление исходного и обработанного изображения в таблице снимков или по тексту заключения (рис. 1, 2).

Если какой-либо цифровой обработки изображений почерковых объектов экспертом не проводилось, он пользовался только опцией оптимального увеличения при просмотре изображения рукописи на экране монитора, отдельно отмечать это в заключении нет необходимости.

Вместе с тем, применение возможностей цифровой обработки изображений почерковых реализаций — объектов СПЭ с неизбежностью ставит вопросы об унификации деятельностной составляющей эксперта-почерковеда, в том числе в части конкретизации аппаратных средств. Данный аспект в настоящее время представляется достаточно проблемным, с одной стороны, по причине ухода с российского рынка ряда IT-компаний, разрабатывающих программное обеспечение для работы с графикой (например, компании Adobe), с другой, — необходимостью владения определенными навыками для работы с графическими редакторами, что предопределяет дополнительное обучение и подготовку действующих экспертов-почерковедов — сотрудников экспертных учреждений. Как нам представляется, наиболее оптимальным решением данной коллизии в современных условиях является разработка и создание специального российского софта — компьютерной программы цифровой обработки изображений почерковых объектов, непосредственно приспособленной для задач почерковедческой экспертизы (с возможностью устранения «шума», коррекции недостаточной или избыточной яркости и контрастности, цветокоррекции, повышения резкости). Реализация данного предложения целиком и полностью согласуется с основными направлениями развития современной России.

Список источников

1. Жижина М. В. Судебно-почерковедческое исследование по цифровым фотографическим копиям документов // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. № 15 (2). С. 70–80.

2. Черепенько Г. В. Алгоритм предварительного исследования копий рукописных реквизитов в рамках производства почерковедческой экспертизы // Вестник МГЮА. 2020. № 6. С. 141–148.

3. Heidi H. Harralson Developments in Handwriting and Signature Identification in the Digital Age. Routledge, 2014.

References

1. Zhizhina M.V. Forensic handwriting research on digital photographic copies of documents // Theory and practice of forensic expertise. 2020. № 15 (2). P. 70–80.

2. Cherepenko G.V. Algorithm of preliminary investigation of copies of handwritten details within the framework of handwriting expertise // Bulletin of the Moscow State Law Academy. 2020. № 6. P. 141–148.

3. Heidi H. Harralson Developments in Handwriting and Signature Identification in the Digital Age. Routledge, 2014.

Информация об авторе

М. В. Жижина — профессор кафедры криминалистики Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

M. V. Zhizhina — Professor of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Chief Researcher of the Russian Federal Center of Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 348.1/8
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-92-95
EDN: https://elibrary.ru/eaxkzo
NIION: 2003-0059-3/23-677
MOSURED: 77/27-003-2023-03-876

К вопросу о понятии незаконной миграции в современном международном праве и международно-правовой доктрине

Ольга Игоревна Жукова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, olgaj626@yandex.ru

Аннотация. Изучаются теоретические и практические проблемы незаконной международной миграции. Рассмотрены определения данного понятия в международно-правовых актах и международно-правовой доктрине. Выявлены их основные недостатки, проанализированы наиболее распространенные формы реализации незаконной миграции. Приводится разграничение понятий «незаконная миграция» и «незаконный ввоз (контрабанда) мигрантов». Предложена авторская формулировка понятия «незаконная миграция», соответствующая основным критериям, предъявляемым к определениям такого вида.

Ключевые слова: незаконная миграция, противодействие, формы незаконной миграции, незаконный ввоз (контрабанда) мигрантов, Международная организация по миграции

Для цитирования: Жукова О. И. К вопросу о понятии незаконной миграции в современном международном праве и международно-правовой доктрине // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 92–95. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-92-95. EDN: EAXKZO.

Original article

To the issue of the concept of illegal migration in modern international law and international legal doctrine

Olga I. Zhukova
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, olgaj626@yandex.ru

Abstract. Theoretical and practical problems of illegal international migration are studied. The definitions of this concept in international legal acts and international legal doctrine are considered. Their main shortcomings are revealed, the most common forms of illegal migration are analyzed. A distinction is made between the concepts of «illegal migration» and «illegal importation (smuggling) of migrants». The author's formulation of the concept of «illegal migration» is proposed, corresponding to the main criteria for definitions of this type.

Keywords: illegal migration, counteraction, forms of illegal migration, smuggling of migrants, International Organization for migration

For citation: Zhukova O. I. To the issue of the concept of illegal migration in modern international law and international legal doctrine. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):92–95. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-92-95. EDN: EAXKZO.

На современном этапе незаконная миграция в мире приобретает глобальные масштабы, становясь угрозой не только национальной безопасности отдельных государств, но и международной безопасности в целом. В 2022 г. отмечено значительное повышение уровня незаконной миграции, что сопряжено с вооруженными конфликтами международного и немеждународного характера, происходящими в разных регионах мира, экологическими и климатическими условиями (в частности, их ухудшением), бедностью многих развивающихся стран, всеобщей бюрократизацией, ужесточением иммиграционной политики и законодательства целого ряда стран, которые наиболее часто избираются мигрантами в качестве государств назначения и др.

Так, по данным, предоставленным Международной организации по миграции, на современном этапе количество незаконных мигрантов составляет около 15 % от общего миграционного потока, что равно примерно 25–35 млн чел. [1]. Из-за высокой латентности данного деяния практически невозможно отсле-

© Жукова О. И., 2023

дить его реальные масштабы, поэтому ориентироваться на приведенную статистику можно только условно. Международная незаконная миграция оказывает влияние на все сферы функционирования государств и общества. По нашему мнению, это обусловливается ее сопряженностью с преступлениями международного характера (транснациональными преступлениями). Указанный факт в большей степени обусловливает заинтересованность государств и международных организаций в решении данной проблемы посредством совместных усилий, выражающихся в подготовке качественной международно-правовой основы противодействия незаконной миграции и координации сотрудничества по указанному направлению.

Полагаем, что для реализации комплексного эффективного международного сотрудничества по противодействию указанному явлению, необходимо, в первую очередь, дать определение незаконной миграции и охарактеризовать основные структурные элементы, которые она включает.

На универсальном уровне отсутствуют международно-правовые акты, в которых содержится термин «незаконная миграция». В Конвенции Международной организации труда (далее — МОТ) № 143 имеется только указание на то, что «сам фактор незаконности может быть проявлен в нескольких аспектах — например, в незаконном въезде, транзите или пребывании в государстве или в незаконном способе занятости» [2].

Представляется возможным отметить, что определение как такового термина «незаконная миграция» отсутствует в Глоссариях Международной организации по миграции (далее — МОМ) 2005 и 2019 гг. В указанных справочниках на термине «незаконная миграция» идет ссылка на термин «нерегулярная миграция», т. е. признается синонимичность данных категорий. В Глоссариях отмечается, что говорить о незаконной миграции можно только в контексте незаконного ввоза мигрантов; в остальных случаях корректнее использовать термин «нерегулярная миграция» [3, с. 44; 4, с. 115].

На наш взгляд, данный подход не является корректным, так как происходит смешение терминов «незаконная миграция» и «незаконный ввоз (контрабанда) мигрантов». Однако при этом незаконный ввоз мигрантов выступает одной из форм осуществления незаконной миграции, при этом для квалификации деяния «незаконная миграция» его наличие необязательно.

Однако, определение незаконной миграции встречается в ряде актов, принятых под эгидой Содружества Независимых Государств (далее — СНГ). Так, например, в постановлении СНГ указано, что «это въезд на территорию государства, пребывание на его территории и выезд за пределы его территории с нарушением действующего законодательства государства» [5].

В Концепции сотрудничества СНГ содержится следующее определение: «это перемещение на территорию государства – участника СНГ, прибытие, перемещение с его территории граждан указанных стран, граждан третьих стран или лиц без гражданства с нарушением законодательства данного государства» [6]. Полагаем, данные определения в полной мере не отражают сущность незаконной миграции, упрощая ее понимание до так называемого узкого подхода.

В доктрине к содержанию понятия нелегальной (нерегулярной) миграцией существует несколько подходов. Например, И. А. Алешковский предлагает понимать «территориальные (пространственные) перемещения людей через административные границы, сопровождаемые нарушением правил выезда страны выбытия, правил въезда и/или пребывания (проживания)в стране прибытия, правил транзита через третью страну или правил осуществления трудовой деятельности в стране прибытия» [7, с. 40].

А. Е. Садовская определяет незаконную миграцию как «пересечение границы вне контрольно-пропускных пунктов; через контрольно-пропускные пункты, но с использованием поддельных миграционных документов; получение миграционных документов с предоставлением недостоверных сведений; прибытие на территорию другого государства без надлежаще оформленных миграционных документов; осуществление на территории государства незаконной трудовой деятельности» [8, с. 30]. А. В. Топилин полагает, что «нелегальная миграция — это въезд граждан одной страны в другую с целью их нелегального трудоустройства» [9, с. 85].

Наряду с термином «незаконная миграция» (illegal migration), нередко в международно-правовых актах и международно-правовой доктрине встречаются такие термины, как «нелегальная», «недокументированная» (undocumented migration), «тайная»

(clandestine migration), «неразрешенная» (unlawful migration), «несанкционированная (unauthorized migration), «нерегулярная» (irregular migration) и др. На наш взгляд, все вышеобозначенные понятия синонимичны, а их использование в большей мере обусловлено проявлением толерантности к самим нелегальным мигрантам, так как применение термина «незаконная миграция» приводит к тому, что лицо, которое ее совершает получает статус незаконного мигранта, что приводит к стигматизации данной категории лиц, связывая их с преступностью и нарушению тем самым их прав и свобод.

Полагаем, что все приведенные определения характеризует незаконную миграцию с точки зрения узкого подхода, не отражая многих ее важных аспектов. По нашему мнению, определение незаконной миграции должно отражать, в первую очередь, все ее основные признаки, включая ее формы и составные элементы.

Так, незаконная миграция имеет свою структуру, состоящую из взаимосвязанных элементов (форм незаконный миграции), к которым, в частности, относятся:

1) незаконный выезд с территории своего государства (которое, конечно же, само по себе, еще не свидетельствует о наличии незаконной миграции до момента, пока лицо не въехало на территорию другого государства);

2) нелегальный въезд на территорию государства назначения (незаконное пересечение границ);

3) официальный легальный въезд на территорию государства назначения, но последующее нарушение иммиграционного законодательства, которое может выражаться (на примере Российской Федерации) в отсутствии регистрации, пропуске установленного визой срока пребывания или неполучении патента;

4) незаконное пересечение границ транзитных государств и/или нарушение иммиграционного законодательства таких стран;

5) принципиальное несоответствие заявленной цели въезда (прибытия) и фактической цели;

6) неполучение статуса беженца или лица, нуждающегося в дополнительной защите, (равно как и при утрате (аннулировании, отмене) данного статуса), в случае, если лицо нарушило иммиграционное законодательство государства назначения.

Нередко для квалификации деяния как незаконной миграции хватает наличия одного из указанных элементов, однако при этом данные формы могут сочетаться между собой.

Также можно отметить, что к категории нелегальных мигрантов могут относиться лица, которые заключили фиктивный брак для получения соответствующих документов (на примере Российской Федерации — в целях получения вида на жительства); на наш взгляд, данное нарушение относится к форме реализации незаконной миграции, описанной автором в п. 3.

В международно-правовой доктрине нередко происходит так называемое «сращивание» понятий «незаконная миграция» и «незаконный ввоз (контрабанда) мигрантов». Незаконная миграция в целом представляет собой явление, не выступающее само по себе в качестве преступления международного характера, которое, однако, может состоять из деяний, за которые предусмотрена административная или уголовная ответственность национальным законодательством государств для мигрантов, тогда как незаконный ввоз мигрантов — это преступление международного характера, за которое предусмотрена ответственность для его организаторов.

Исходя из сказанного допустимо предложить следующее определение незаконной международной миграции. Полагаем, что это — вид территориального перемещения, осуществляемого с пересечением государственных границ двух и более государств, характеризующийся единичным отдельным правонарушением или их совокупностью, выражающихся в нарушении правил выезда из государства происхождения, въезда в государство назначения, нарушении иммиграционного и трудового законодательства государства назначения и/или транзитного государства, в несоответствии заявленной цели пребывания и фактической цели или в неполучении статуса беженца или лица, нуждающегося в дополнительной защите, (равно как и при утрате (аннулировании, отмене) данного статуса), в случае, если лицо нарушило иммиграционное законодательство государства назначения.

Список источников

1. Глобальные вопросы повестки дня: Миграция // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // URL://https://www.un.org/ru/global-issues/migration.

2. Конвенция Международной организации труда № 143 о злоупотреблениях в области миграции и

об обеспечении трудящихся-мигрантам равенства возможностей и обращения от 9 декабря 1978 г. // АО «Кодекс» // URL://https://docs.cntd.ru/document/1900825.

3. Глоссарий терминов в области миграции / отв. ред. Р. Перрушу. Женева : Международная организация по миграции, 2005.

4. Glossary on Migration. International Migration Law // International Organization for Migration. 2019. № 34.

5. Концепция сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконной миграции от 16 сентября 2004 г. // Официальный сайт Исполнительного Комитета Содружества Независимых Государств // URL://http://www.cis.minsk.by/page/428.

6. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств–участников СНГ от 31 октября 2007 г. № 29-5 «О правовом обеспечении согласованной миграционной политики государств–участников СНГ» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации // URL://http://docs.cntd.ru/document/902092586.

7. Алешковский И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2 (14). С. 34–40.

8. Садовская А. Е. Незаконная миграция и проблемы ее предупреждения // Мысль. 2002. № 2. С. 29–36.

9. Топилин А. В. Нелегальная миграция: масштаб и социально-экономические последствия // Использование иностранной рабочей силы в России: мат. круглого стола. М., 2005. С. 83–91.

References

1. Global issues on the agenda: Migration // Official website of the United Nations // URL://https://www.un.org/ru/global-issues/migration.

2. Convention of the International Labour Organization No. 143 on abuses in the field of migration and on ensuring equal opportunities and treatment for migrant workers of December 9, 1978 // JSC «Codex» // URL://https://docs.cntd.ru/document/1900825.

3. Glossary of terms in the field of migration / ed. by R. Perrush. Geneva : World migration agency, 2005.

4. Glossary on Migration. International Migration Law // International Organization for Migration. 2019. No. 34.

5. The concept of cooperation of the member States of the Commonwealth of Independent States in countering illegal migration of September 16, 2004 // Official website of the Executive Committee of the Commonwealth of Independent States // URL://http://www.cis.minsk.by/page/428.

6. Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States of October 31, 2007 No. 29-5 «On legal support of the coordinated migration policy of the CIS member States» // Electronic Fund of Legal and Regulatory and Technical Documentation // URL://http://docs.cntd.ru/document/902092586.

7. Aleshkovsky I. A. Illegal migration as a phenomenon of the global world // Century of globalization. 2014. No. 2 (14). P. 34–40.

8. Sadovskaya A. E. Illegal migration and problems of its prevention // Thought. 2002. No. 2. P. 29–36.

9. Topilin A. V. Illegal migration: scale and socio-economic consequences // The use of foreign labor in Russia: Round table math. M., 2005. P. 83–91.

Информация об авторе

О. И. Жукова — соискатель кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

O. I. Zhukova — Applicant of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 11.03.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 31.05.2023.

The article was submitted 11.03.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 31.05.2023.

Научная статья
УДК 343.415
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-96-99
EDN: https://elibrary.ru/hcvhsj
NIION: 2003-0059-3/23-678
MOSURED: 77/27-003-2023-03-877

Анализ субъективных признаков преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ

Александра Михайловна Зарина[1,2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sistersashenka86@yahoo.com
[2] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются уголовно-правовая политика в миграционной сфере в связи с возрастанием угроз национальной безопасности России и изменениями в международном пространстве; особенности квалификации ст. 330.2 УК РФ с учетом субъективных признаков состава преступления. Предложено применять отдельный вид освобождения лица от уголовной ответственности по данной статье, добавив в норму примечание.

Ключевые слова: субъективные признаки, незаконная миграция, гражданство, уведомление, освобождение, уголовная ответственность, деятельное раскаяние

Для цитирования: Зарина А. М. Анализ субъективных признаков преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 96–99. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-96-99. EDN: HCVHSJ.

Original article

Analysis of the subjective signs of a crime under Art. 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

Alexandra M. Zarina[1,2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Moscow, Russia, sistersashenka86@yahoo.com
[2] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article considers the criminal law policy in the migration sphere in connection with the increasing threats to the national security of Russia and changes in the international space; features of the qualification of Article 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the subjective signs of the corpus delicti. It is proposed to apply a separate type of exemption of a person from criminal liability under this article, adding a note to the norm.

Keywords: subjective signs, illegal migration, citizenship, notification, release, criminal liability, active repentance

For citation: Zarina A. M. Analysis of the subjective signs of a crime under Art. 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):96–99. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-96-99. EDN: HCVHSJ.

На сегодняшний день актуальными являются меры реализации уголовной политики в сфере противодействия незаконной миграции. Однако, вопрос об эффективности и высокой степени общественной опасности ст. 330.2 УК РФ [1] остается дискуссионным как в теории уголовного права, так и в практике применения. Ученые отмечают, что аналогов ст. 330.2 УК РФ в законодательстве зарубежных стран нет. В отдельных странах не запрещено иметь двойное гражданство и уведомлять требуется не во всех случаях (США, Польша, Чехия, Латвия и др.), а например, в Казахстане лица подлежат административной ответственности с автоматической утратой гражданства [7, с. 99].

На уровне федерального законодательства ст. 22 ФЗ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [3] урегулированы основания отмены принятых органами исполнительной власти решений о гражданстве России, в том числе при совершении лицом отдельных видов преступлений террористической направленности. Важность борьбы с терроризмом обозначил Президент РФ В. В. Путин в своем выступлении: «Мы видим, что уровень глобальных вызовов, таких как терроризм, трансграничная преступность, киберпреступность, не снижается…» [8]. Обозначенные положения ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» весьма актуальны в свете угроз национальной безопасности. В связи с чем законодателем недавно введена ст. 330.2 УК РФ Федеральным законом от 4 июня 2014 г. № 142-ФЗ.

Однако, интересными являются показатели привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. 330.2 УК РФ, предоставленные Судебным департаментом при Верховном суде РФ. Так осуждено: в

© Зарина А. М., 2023

2016 г. — 13 человек, в 2017 г. — 10 человек, в 2018 г. — 11 человек, в 2020 г. — 2 человека, в 2021 г. — 4 человека [6]. Таким образом, современные реалии показывают, что в действующей редакции статьи не прослеживается эффективность ее применения. При анализе субъективных признаков следует обратить внимание на сложность применения норм уголовного закона, достижение целей наказания, а самое главное — реализацию основных направлений уголовной политики России.

Субъект обозначенного преступления определен законодателем как специальный. В качестве него рассматривается физическое вменяемое лицо, которое на момент совершения преступления достигло возраста шестнадцати лет, при наличии дополнительных, установленных законом признаков. К данной категории относятся следующие лица.

1. Граждане России, которым исполнилось 18 лет и приобретшие гражданство иностранного государства или документы, подтверждающие вид на жительство или на постоянное проживание за рубежом.

В качестве исключения законодательством предусмотрен следующий статус лица: лица, которые постоянно в течение длительного времени живут за границей, не привлекаются к уголовной ответственности за установленные в Уголовном законе преступные деяния. Данная категория лиц снимается с регистрационного учета в России, они обладают правом постоянного нахождения на территории иностранного государства и проживают там более одного года.

2. Лицо, выступающее законным представителем гражданина России — несовершеннолетнего или ограниченного в дееспособности, имеющее в соответствии с действующим законодательством обязанность по уведомлению о наличии такого статуса у своего доверителя.

Законными представителями являются родители лица, его усыновители, опекуны и попечители несовершеннолетнего лица. Что касается ограниченно дееспособных лиц, то к ним законом отнесены попечители. Документально данный статус подтверждается: свидетельством о рождении ребенка, актом органов опеки и попечительства о назначении такого лица попечителем или опекуном [12, с. 772–773].

Так, законом установлены сроки: до 1 января 2016 г. лицо обязано подать документ, уведомляющий о наличии иностранного гражданства, имеющееся на дату 31 декабря 2014 г.

Следует отметить, что к лицам с определенным статусом относятся иммигранты зарубежных государств, которые приобрели гражданство России, при этом не отказавшись от гражданства иностранных государств, не уведомив об этом исполнительные органы государственной власти в сфере миграции [7, с. 98].

Субъективная сторона ст. 330.2 УК РФ представлена виной в форме прямого умысла. Лицо осознает общественную опасность обозначенного преступления и не выполняет определенную в законе обязанность уведомления о своем правовом статусе [12, с. 773]. Мотив и цель не влияют на квалификацию преступления. Однако, возвращаясь к анализу объективной стороны, Е. М. Теплов отмечает, что она наполнена определенным субъективным содержанием и представлена в виде набора актов преступного поведения, которые впоследствии отражают мотивы и ближайшую цель [11, с. 182]. Различные виды проявлений мозговой деятельности реализуются в рамках границ и установленного поведения, выраженных в словах и делах лица [10]. Бездействие является сознательным актом поведения, направленным на определенную цель, проявляющуюся в воздействии на предметы материального мира. В теории уголовного права существуют теории бездействия «чистого» и «смешанного» [9, с. 119].

А. А. Пионтковский определяет такой вид бездействия как смешанное, которое характеризуется активностью и имеет направленность невыполнения предусмотренных законом, а также решением суда, обязанностей лиц [13, с. 139]. Согласно другой позиции, смешанное бездействие реализуется в случае, когда лицо выполняет свои правовые обязанности, но выполняет их не до конца или ненадлежащим образом. Данная точка зрения превалирует в доктрине уголовного права. Либо такой вид бездействия связан с наступлением материальных последствий (бездействие в преступлениях с материальным составом) [9, с. 119]. В обозначенном составе преступления вполне применима данная позиция.

Социальная сущность обозначенного бездействия при совершении преступления направлена на причинение значительного вреда охраняемым уголовно-правовым интересам и отношениям.

Сегодня в правоприменительной практике судебных органов активно работает ч. 1 ст. 28 УПК РФ [2]. Судебно-следственные органы, органы дознания при согласии руководителей имеют полномочия по прекращению уголовного преследования, если преступление совершено лицом, имеющим статус подозреваемого или обвиняемого в преступлениях категории — небольшой или средней тяжести, установлен-

ные ч. 1 ст. 75 УК РФ. Однако, действуют данные положения при определенных условиях. Так, согласно постановлению от 9 декабря 2016 г. № 1-62/2016 по делу № 1-62/2016 224-го гарнизонного военного суда г. Санкт-Петербурга гражданин С. при прохождении военной службы по контракту, имея статус гражданина Армении и прибывая постоянное время на территории России, нарушил положения законодательства. В установленный правоохранительными органами период времени, реализуя преступный умысел на укрытие сведений о наличии гражданства иностранного государства и не желая увольняться со службы в органах внутренних дел, не подал уведомление в орган исполнительной власти в сфере миграции о наличии гражданства другой страны. В результате данные действия гражданина С. квалифицированы правоприменительными органами как преступное деяние, предусмотренное ст. 330.2 УК РФ. В соответствии со ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ судебные органы имеют право прекратить уголовное преследование лица, которое привлекается за совершение преступления небольшой или средней тяжести.

При рассмотрении уголовного дела в судебном заседании гражданин С. ходатайствовал о прекращении расследования в соответствии с ст. 28 УПК РФ, который ссылался на то, что уже признал полностью свою вину, в силу чего чистосердечно раскаивается при проведении всего процесса предварительного расследования и дал правдивые признательные показания, позже уведомив территориальные органы ФМС России о наличии иностранного гражданства.

Уголовным законом в ч. 1 ст. 75 установлено, что лицо, которое впервые совершило преступное деяние, подпадающее под категорию небольшой или средней тяжести, освобождается от уголовной ответственности в случае, если после совершения противоправного деяния добровольно явилось в правоохранительные органы и написало заявление о явке с повинной, в последующем способствовало раскрытию и расследованию преступления, произвело действия по возмещению причиненного ущерба или другим образом загладило вред, а также в результате деятельного раскаяния утратило общественную опасность.

Обращаясь к положениям постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [4] следует отметить, что решая вопрос об отсутствии общественной опасности правоприменительными органами должны учитываться все обстоятельства, которые характеризуют поведение субъекта после реализации преступного умысла, в том числе данные о его личности.

Исследуя материалы уголовного дела, важно обратить внимание, что гражданин С. совершил преступное деяние, относящееся к категории небольшой или средней тяжести, впервые привлекался к уголовной ответственности, не судим. При проведении предварительного следствия он взаимодействовал с правоохранительными органами и сообщал всю необходимую по уголовному делу информацию.

Особого внимания при установлении наказания судом заслуживают данные о личности лица, совершившего преступление. Так, обвиняемый по месту службы характеризуется положительно.

С учетом представленных выше обстоятельств, а также положительных данных о личности, приходим к заключению о том, что гражданин С. в результате деятельного раскаяния утратил общественную опасность, в силу чего уголовное дело по ст. 330.2 УК РФ подлежит прекращению в соответствии со ст. 28 УПК РФ [5].

Число лиц, в отношении которых прекращены уголовные дела по иным основаниям согласно статистическим данным Верховного Суда Российской Федерации следующие: в 2016 г. — 4 человека, в 2017 г. — 9 человек, в 2018 г. — 10 человек, 2019 г. — 12 человек, 2020 г. — 9 человек, 2021 г. — 13 человек [6]. Однако, в отношении не всех категорий лиц возможно применить данные нормы. На современном этапе развития уголовного права и гуманизации законодательства судебно-следственные органы достаточно часто применяют различные виды освобождения от уголовной ответственности. Реализуя данную тенденцию уголовной политики, необходимо предусмотреть в данной статье освобождение от уголовной ответственности в виде примечания: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию этого преступления и, если в его действиях не содержится иного состава преступления». Однако, данное изменение не исключает при наличии определенных условий применения иных видов освобождения от уголовной ответственности.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

3. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «Консультант плюс».

5. Постановление от 9 декабря 2016 г. № 1-62/2016 по делу № 1-62/2016 224-й гарнизонного военного суда г. Санкт-Петербурга // URL://https://sudact.ru/regular/doc/xvkLbPZKCwgR/

6. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации // URL://http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

7. Мусман К. А. Криминалистическая характеристика преступлений, предусмотренная ст. 330.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 4 (29). С. 97–99.

8. Путин назвал терроризм самой опасной угрозой // URL://https://iz.ru/1128853/2021-02-24/putin-nazval-terrorizm-samoi-opasnoi-ugrozoi.

9. Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления: общая характеристика, вопросы квалификации: дисс. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002.

10. Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.

11. Теплов Б. М. Психология: учебник для средней школы. 8-е изд. М. : Учпедгиз, 1954.

12. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Н. Г. Кадникова. В 2 т. Т. 2. М., 2018.

13. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права. Общая часть / А. А. Пионтковский. М., 1961.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 // SPS «Consultant plus».

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 // SPS «Consultant Plus».

3. Federal Law No. 62-FZ of May 31, 2002 «On Citizenship of the Russian Federation» // SPS «Consultant Plus».

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 26, 2013 No. 19 «On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability» // SPS «Consultant plus».

5. Resolution No. 1-62/2016 of December 9, 2016 on case No. 1-62/2016 224-th Garrison Military Court of St. Petersburg // URL://https://sudact.ru/regular/doc/xvkLbPZKCwgR/

6. Data of judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // URL://http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

7. Musman K. A. Criminalistic characteristics of crimes provided for in Article 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Eurasian Advocacy. 2017. No. 4 (29). P. 97–99.

8. Putin called terrorism the most dangerous threat // URL://https://iz.ru/1128853/2021-02-24/putin-nazval-terrorizm-samoi-opasnoi-ugrozoi.

9. Sarukhanyan A. R. Crimes against the management order: general characteristics, qualification issues: diss. ... cand. jurid. sciences'. Stavropol, 2002.

10. Sechenov I. M. Selected philosophical and psychological works. M., 1947.

11. Teplov B. M. Psychology: textbook for secondary school. 8th ed. M. : Uchpedgiz, 1954.

12. Criminal law of Russia. Special part: textbook / edited by N. G. Kadnikov. In 2 t. t. 2. M., 2018.

13. The doctrine of a crime under Soviet criminal law. The course of Soviet criminal law. General part / A. A. Piontkovsky. M., 1961.

Информация об авторе

А. М. Зарина — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и частного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. M. Zarina — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Private Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.
The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 343.982.4
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-100-105
EDN: https://elibrary.ru/gnrlwn
NIION: 2003-0059-3/23-679
MOSURED: 77/27-003-2023-03-878

Установление половой принадлежности исполнителя рукописи: опыт прошлого

Любовь Юрьевна Захарова
Московский Университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, luv008@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены значимость и потенциал диагностических исследований почерка, в частности, исследований по установлению половой принадлежности исполнителей почерковых реализаций.

Ключевые слова: криминалистическая диагностика пола исполнителя рукописи по признакам почерка, методика, пол, почерк, признаки почерка, судебное почерковедение

Для цитирования: Захарова Л. Ю. Установление половой принадлежности исполнителя рукописи: опыт прошлого // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 100–105. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-100-105. EDN: GNRLWN.

Original article

Establishing the gender identity of the performer of the manuscript: past experience

Lyubov Yu. Zakharova
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, luv008@mail.ru

Abstract. The significance and potential of diagnostic studies of handwriting, in particular, studies to establish the gender of the performers of handwriting realizations are considered.

Keywords: forensic diagnostics of the sex of the performer of the manuscript on the basis of handwriting, methodology, gender, handwriting, handwriting signs, judicial handwriting

For citation: Zakharova L. Yu. Establishing the gender identity of the performer of the manuscript: past experience. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):100–105. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-100-105. EDN: GNRLWN.

Среди традиционных криминалистических судебных экспертиз особое место занимает судебно-почерковедческая экспертиза. Поскольку именно в рамках судебно-почерковедческой диагностики на основе глубоких теоретических и экспериментальных изысканий возможно получение значимой с криминалистической точки зрения информации о личности преступника, например, пол и возраст исполнителя рукописи по признакам почерка.

Исследование особенностей почерка человека интересовало ученых еще со времен Византийской империи. Первые почерковедческие исследования датируются 527–565 гг. нашей эры — годами правления византийского императора Флавия Петра Савватия Юстиниана или же Юстиниана I.

Основной интерес данные исследования представляли в рамках решения судебных распрей о подлинности документов, которые в системе Римского права занимали главенствующую роль, а также определения личностных качеств, свойств характера и половой принадлежности лица, почерк которого встречался в задокументированных данных, с целью выявления склонности писавшего к преступным умыслам при заключении договоров (как торгового, так и военного характера) [6].

В России, начиная с XV в., сравнение рукописей применялось в рамках решения вопросов об установлении подлинности документов. Позднее, в своде законов Российской империи 1857 г., указывалось, что «рассмотрение и сличение почерков про-

© Захарова Л. Ю., 2023

изводится по назначению суда». Подобные исследования поручались секретарям присутственных мест, учителям чистописания и преподавателям каллиграфического направления письменности.

XIX–XX вв. отмечены трудами французских криминалистов Альфонса Бертильона и Эдмонда Локара [11]. Последний, будучи «французским Шерлоком Холмсом», впервые рассмотрел почерковедческие признаки протяженности письменных знаков и встречаемость частных признаков со стороны математических вычислений, а именно: с помощью построения графиков кривых.

Э. Локар выявленный метод, направленный на исследование и тщательное измерение ряда одноименных характеристик почерка в сравниваемых образцах рукописного текста, которые затем фиксировались в виде графиков кривых и сопоставлялись между собой методом наложения, впоследствии назвал «графометрическим». Совпадение или различие кривых свидетельствовало, соответственно, об одном либо разных исполнителях исследуемого графического материала.

Стоит отметить, что Эдмонд Локар по степени кривизны судил о половой принадлежности рукописей, что на современном этапе развития почерковедческих исследований является неверным суждением. Тем не менее, положительной стороной разработанного Э. Локаром графометрического метода служат отдельные выявленные признаки почерка, имеющие место в современных классификациях, такие как: разгон, размер, связность, расстановка и наклон. Некоторые методы графометрии применяются и в современных реалиях в качестве основы для разработки математических методов исследования почерка.

Отечественная доктрина криминалистического исследования почерка того времени принадлежит Евгению Федоровичу Буринскому [2], автору термина «судебное почерковедение», который одним из первых задался вопросом взаимосвязи между физиологическими особенностями человека и его почерком. Путем изучения анатомии, физиологии, биологии, медицины и психиатрии, Е. Ф. Буринский рассуждал о способах установления диагностических данных об исполнителях рукописей, начиная от профессии, заболеваний и возраста и заканчивая полом лиц, свойствами характера и возможной, предрасположенностью к психическим заболеваниям и расстройствам. Он подчеркивал, что «почерковедение имеет все данные, чтобы сделаться точной наукой, потому что материал, с которым она оперирует, поддается измерению, а исследуемые ею явления — правильному наблюдению и эксперименту» [1].

Практика применения диагностических исследований в области установления пола исполнителя рукописи имела огромное значение в конце XIX – начале XX в., когда во второй половине 1888 г. в Лондоне в районе Уайтчепел и других прилегающих территориях стало известно о жестоких убийствах женщин, занимающихся проституцией. Жертвами стали пять молодых женщин низших социальных сословий [13], убитые путем удушения и последующего расчленения и извлечения внутренних органов. В Скотланд-Ярд поступило не менее десяти писем, написанных якобы от лица убийцы, называвшего себя «Джеком-Потрошителем». К знаменитому «письму из Ада» (рис. 1) была приложена почка одной из убитых жертв, что позволило представителям правопорядка Англии исследовать почерк безымянного серийного убийцы.

Основной версией Скотланд-Ярда была версия об ирландских эмигрантах [10], которых к середине

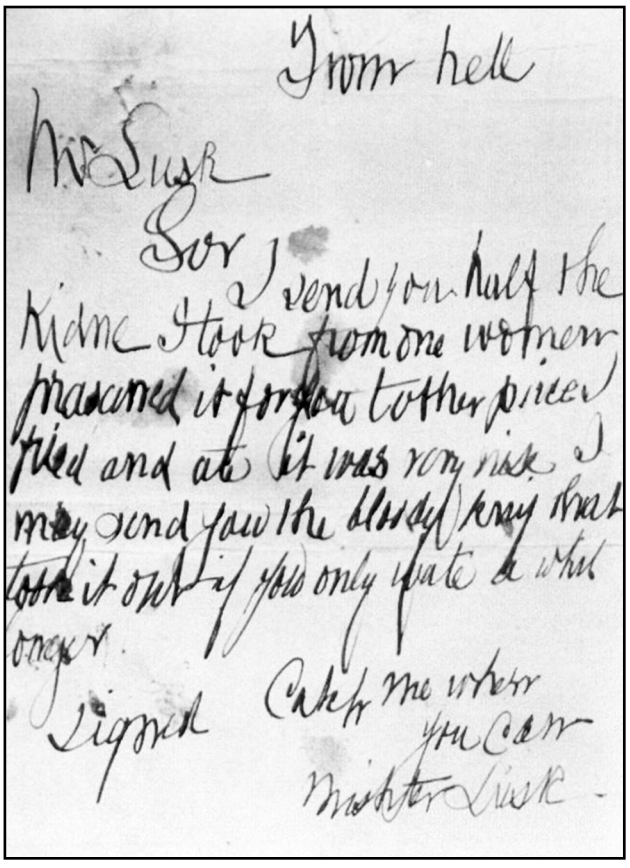

From hell
Mr Lusk
Sor I send you half the
Kidne I took from one woemen
prasarved it for you tother piece
fried and ate it was very nice I
may send you the bloody knife that
took it out if you only wate a while
I send it
Signed Catch me when
you can
Mishter Lusk

Рис. 1. Фотокопия «письма из Ада»

XIX в. в Англии был большой приток. Упадок экономики порождал высокий уровень преступности и безработицы, вследствие чего женщины были вынуждены заниматься проституцией. Однако, основной мотив убийств так и не был установлен.

При исследовании почерка «Убийцы из Уайтчепела» рассматривалась небеспочвенная версия о том, что в качестве преступника могла выступать женщина [12]. Примечательно то, что по заключениям патологоанатомов убийца мог обладать глубокими знаниями в области анатомии, поскольку у всех жертв были умело удалены детородные органы, что само собой подразумевает наличие образования в области медицины, а данный факт указывает на более высокий социальный статус человека, совершившего данные преступления. Мотивом могла выступать невозможность предполагаемой преступницы забеременеть. «Потрошительница» могла работать акушером и проводить аборты, и приходящие на прием проститутки, таким образом, попадали под критерий отбора жертв. Для подтверждения или опровержения данной теории инспектором Абберленом, курирующим дело «Джека-Потрошителя», были отобраны образцы почерка женщин-гинекологов, работающих в районе Уайтчепел и близ него, однако проведенные исследования не принесли желаемого результата в связи с низкой развитостью почерковедения того времени. В связи с этим личность «Джека-Потрошителя» до сих пор остается неустановленной.

Настоящий расцвет судебного почерковедения приходится на 70-е гг. XX в., поскольку именно тогда были предприняты весьма удачные попытки установления пола, возраста, образования и роста исполнителя исследуемых рукописей.

Одним из успешно раскрытых преступлений данного периода являются убийства американского серийного убийцы Денниса Рейдера по прозвищу «BTK», которым он сам себя окрестил (английская аббревиатура «Bind, Torture, Kill» — «Связать, Пытать, Убить») [8]. Д. Рейдер совершил десять убийств женщин, мужчин и детей с 1974 по 1991 гг. в городе Уичито штата Канзас Соединенных Штатов Америки, оставаясь неуловимым на протяжении 14 лет. BTK имел безупречную репутацию в социуме: являлся примерным семьянином, обладал знаниями в области юриспруденции, и даже был избран президентом церковного совета в Лютеранской церкви и лидером скаутов в Канзасе.

Рейдер отличался жестокостью и крайней осмотрительностью, не оставлял следов пальцев рук и иных вещественных доказательств, однако позднее, чувствуя безнаказанность и собственное превосходство над правоохранительными органами, в период с 2004 по 2005 гг. стал отправлять письма в отделы полиции, расписывая подробности и детали совершенных им преступлений (рис. 2).

Одним из ключевых вопросов почерковедческого исследования рукописного текста серийного убийцы

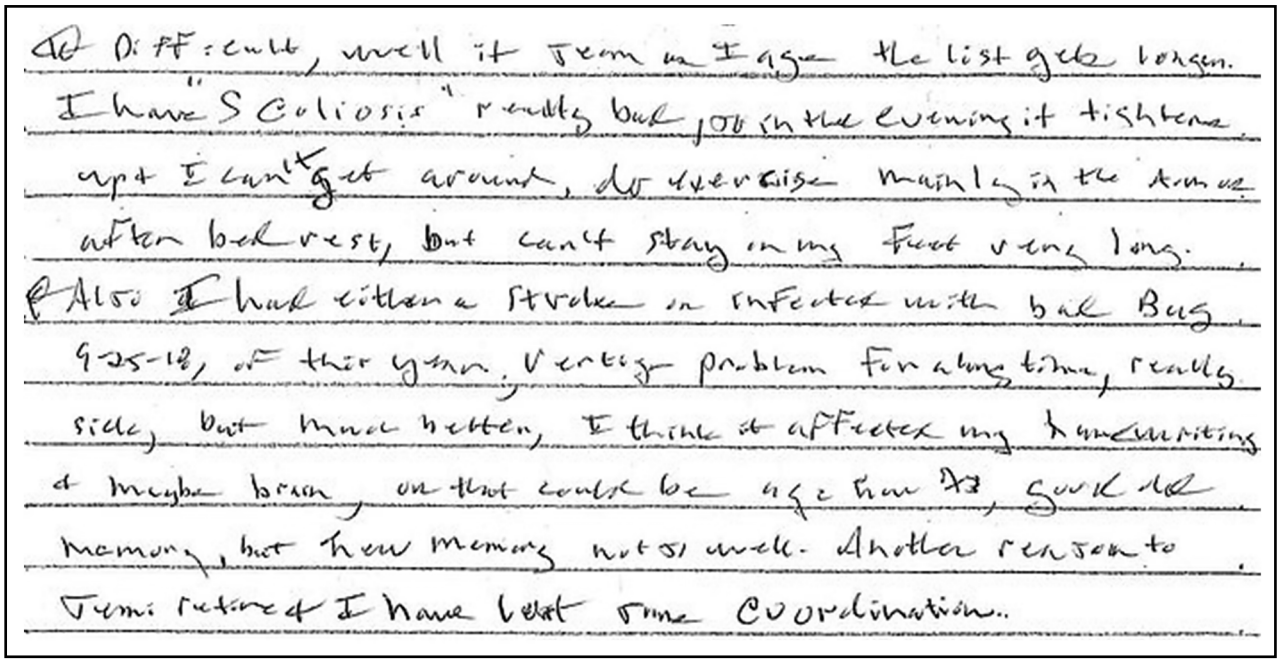

At Diff: cuts, well it seems as I age the list gets longer.
I have "Scoliosis" really bad, job in the evening it tightens
up + I can't get around, do exercise mainly in the arms
after bed rest, but can't stay on my feet very long.
Also I had either a stroke or infected with bad Bug
9-25-18, of this year. Vertigo problem for a long time, really
sick, but much better, I think it affected my handwriting
& maybe brain, or that could be age from 73, good old
memory, but new memory not so well. Another reason to
Terri retire + I have lost some coordination..

Рис. 2. Фотокопия фрагмента письма Денниса Рейдера, адресованного отделу полиции

был вопрос о половой принадлежности исследуемого текста, поскольку до момента получения писем следователи и криминалисты не исключали теории об убийце женского пола. Кроме того, в процессе дальнейшего исследования в рукописях Рейдера встречалось обращение от первого лица женского пола. Позже, при успешной поимке BTK, в его доме были найдены фотографии, на которых Деннис Рейдер переодевался в вещи убитых им женщин и фотографировал себя [9], проводя ассоциации с жертвами и переживая моменты совершенных преступлений.

Хроника отечественных успешно раскрытых преступлений при участии экспертов-почерковедов помнит дело «Витебского душителя» Геннадия Михасевича, совершившего порядка 36 убийств женщин на протяжении 1971–1985 гг. в городах Витебск и Полоцк Республики Беларусь. «Витебское дело» [5] известно своей запутанностью и рекордно большим количеством незаконно осужденных людей — 14 человек, не имеющих никакого отношения к убийствам, одного из которых расстреляли.

Г. Михасевич, как и многие другие серийные убийцы, вел двойную жизнь, и в лице общества представлял собой типичного советского добропорядочного гражданина. Был женат, растил двоих детей, был членом партии, а позже занял должность секретаря партийного комитета. Г. Михасевич работал по специальности техником-механиком по эксплуатации сельскохозяйственных машин, а также активно занимался общественной работой — был народным дружинником. Соседи в родном поселке Солоники уважали Г. Михасевича и ставили в пример, не подозревая об обратной стороне добродушного и неконфликтного мужчины.

Дело «витебского душителя» в истории советской отечественной криминалистики является одним из самых громких дел, решающую роль в котором сыграла почерковедческая экспертиза. Незадолго до долгожданной поимки преступника расследование было поручено молодому и принципиальному следователю Николаю Ивановичу Игнатовичу. Опираясь на улики и поисковые признаки, он доказал, что убийства женщин на трассе между Полоцком и Витебском совершило одно лицо, в связи с чем, эти убийства были объединены в серию, что имеет первостепенную важность для расследования.

Г. Михасевич понимал, что розыск движется в верном направлении и, нервничая, совершает роковую для себя ошибку, отправляя в редакцию областной газеты анонимное письмо, где объясняет убийства женщин местью возмущенных их неверностью мужей, подписав письмо «Патриоты Витебска» (рис. 3).

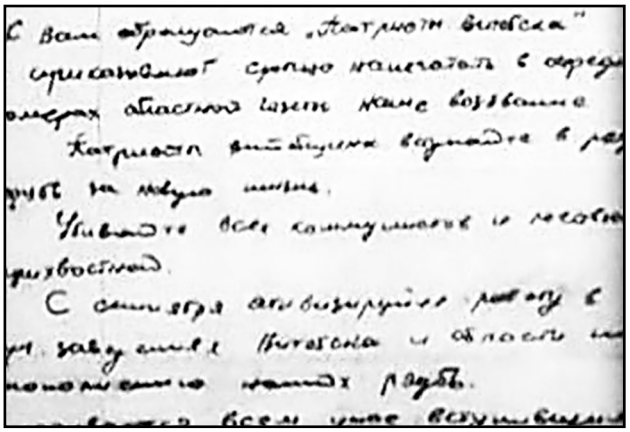

Рис. 3. Фотокопия письма «Патриотов Витебска»

Таким образом, в руках правоохранителей оказываются образцы почерка предполагаемого преступника [4]. При почерковедческом исследовании почерка «душителя» эксперты приходят к выводу, что в нем содержатся признаки почерка женщины и данная версия отрабатывается следствием.

Позже Г. Михасевич проходит в качестве подозреваемого по данному делу, так как является обладателем красного «запорожца», в котором, по словам свидетелей, последний раз видели в живых пропавших женщин и пишет от руки объяснение в отделе внутренних дел. Проанализировав более 500 тыс. образцов почерков обладателей красных «запорожцев» на территории Витебской и Полоцкой областей, эксперты-почерковеды устанавливают сходство почерков Г. Михасевича и одного из участников «Патриотов Витебска», что окончательно приводит к долгожданной поимке «витебского душителя», безнаказанно орудовавшего на протяжении 14 лет.

Не менее громким и значимым преступлением в области диагностики почерка, совершенном в 2005–2010 гг., был Сергей Мартынов, наиболее известный для средств массовой информации как «башкирский маньяк» и «башкирский мясник» [3]. Мартынов на протяжении пяти лет с особой жестокостью насиловал и убивал женщин, оставаясь в тени для правоохранительных органов, несмотря на то, что ранее в 1991 г. он был осужден за убийство и изнасилование.

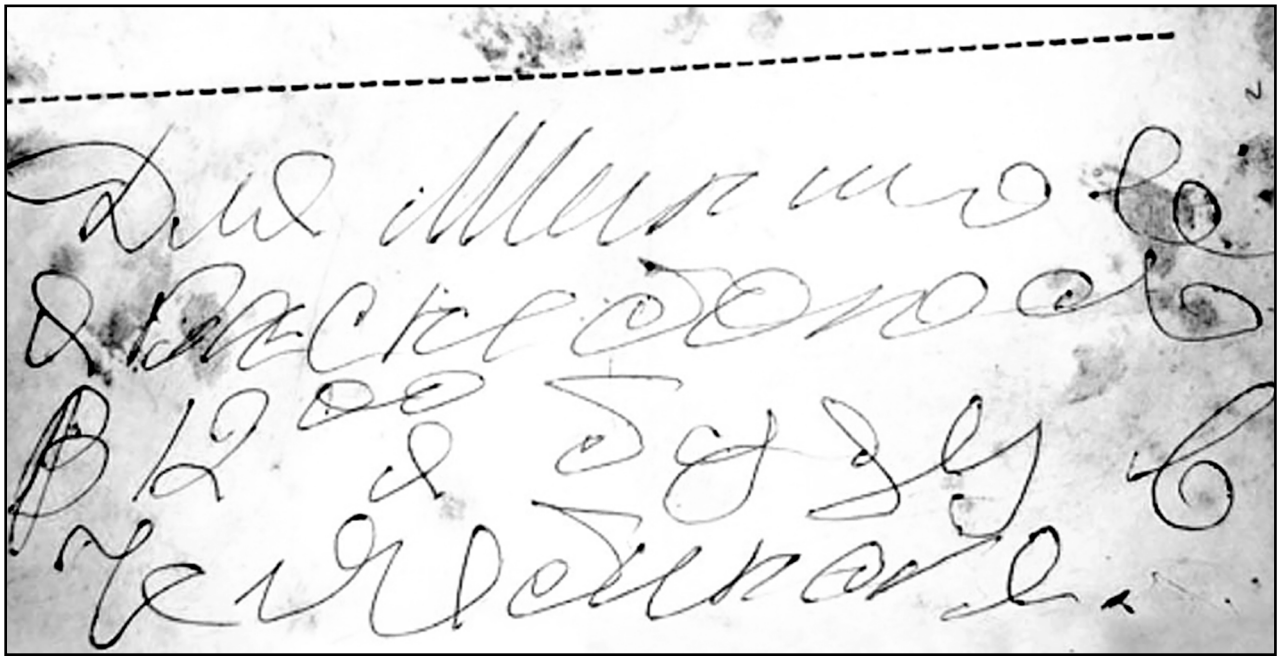

Рис 4. Фотокопия записки Сергея Мартынова, оставленной на месте убийства

Найти преступника удалось по записке, оставленной им в августе 2010 г. в Уфе, где Мартынов изнасиловал и убил пожилую женщину. В записке указал, что не боится «ментов» и в 12:00 будет в Челябинске (рис. 4).

В связи с тем, что личность преступника оставалась неустановленной в течение пяти лет, перед экспертами-почерковедами ставился ряд диагностических вопросов, связанных с возможностью установления каких-либо данных о личности убийцы: о поле, возрасте, психических наклонностях, необычном условии выполнения рукописного текста. Вопрос о половой принадлежности был решен одним из первых и имел первостепенное значение в розыске «башкирского маньяка» [7].

Приведенные выше исторические сводки совершенных и успешно раскрытых преступлений наглядно отражают значимость и потенциал диагностических исследований почерка, в особенности в области исследований по установлению гендерной принадлежности почерка лиц.

Таким образом, значимость диагностических исследований в области установления половой принадлежности исполнителя рукописи велика и имеет полномасштабное значение, поскольку позволяет значительно сузить круг имеющихся у следствия версий в отношении искомых лиц, что способствует наиболее плодотворному расследованию и раскрытию совершаемых преступлений.

Список источников

1. Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. СПб. : тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1903.

2. Винберг А. И. Роль учения Е. Ф. Буринского в формировании отечественной криминалистики. Волгоград, 1981.

3. Гареев М. Маньяк из Башкирии Сергей Мартынов: «Посадите в мою камеру кого-нибудь, я бы хоть убил. А то скучно очень» // «Комсомольская правда». Уфа // URL://https://www.ufa.kp.ru/online/news/809039/

4. Демченко В. Е. Главные преступления советской эпохи. От перевала Дятлова до Палача и Мосгаза. М. : АСТ, 2015.

5. Крючкова,А. Жертвенник Фемиды. Из истории «витебского дела» // «Аргументы и Факты» в Беларуси. 2016. № 23. С. 37–39.

6. Торвальд Ю. Век криминалистики. М. : Оригинал-макет, 2016.

7. 7 самых кровожадных убийц Воронежской области // Вести Воронеж // URL://https://vestivrn.ru/news/7-samyih-krovozhadnyih-ubiyts-voronezhskoy-oblasti-_2015-9-4_11-0/

8. Douglas John. Inside the Mind of BTK: The True Story Behind the Thirty-Year Hunt for the Notorious Wichita Serial Killer. New York : Jossey-Bass, 2008.

9. Douglas J. E., Olshaker M. Mindhunter: Inside the FBI's Elite Serial Crime Unit. New York, 2017.

10. Kirby Dick. Whitechapel's Sherlock Holmes: The Casebook of Fred Wensley OBE KPM, Victorian Crime Buster. Barnsley, South Yorkshire : Pen & Sword True Crime, 2014.

11. McDermid Val. Forensics: The Anatomy of Crime. London : Profile Books Ltd, 2015.

12. Rosewood Jack. The Big Book of Serial Killers (An Encyclopedia of Serial Killers). South Carolina : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017.

13. Rubenhold Hallie. The Five: The Untold Lives of the Women Killed by Jack the Ripper. Dublin : Houghton Mifflin Harcourt, 2019.

References

1. Burinsky E. F. Forensic examination of documents, its production and use. SPb. Type. St. Petersburg Publishing House «Trud», 1903.

2. Winberg A. I. The role of the doctrine of E. F. Burinsky in the formation of domestic criminalistics. Volgograd, 1981.

3. Gareev M. Maniac from Bashkiria Sergey Martynov: «Put someone in my cell, I would at least kill. Otherwise it is very boring» // «Komsomolskaya Pravda». Ufa // URL://https://www.ufa.kp.ru/online/news/809039/

4. Demchenko V. E. The main crimes of the Soviet epoch. From Dyatlov Pass to Palach and Mosgaz. M. : AST, 2015.

5. Kryuchkova, A. The altar of Themis. From the history of the «Vitebsk case» // Argumenty i Fakty v Belarus. 2016. № 23. P. 37–39.

6. Torvald Y. A century of criminalistics. M. : Original-Maket, 2016.

7. 7 most bloodthirsty killers of the Voronezh region // Vesti Voronezh // URL://https://vestivrn.ru/news/7-samyih-krovozhadnyih-ubiyts-voronezhskoy-oblasti-_2015-9-4_11-0/

8. Douglas John. Inside the Mind of BTK: The True Story Behind the Thirty-Year Hunt for the Notorious Wichita Serial Killer. New York : Jossey-Bass, 2008.

9. Douglas J. E., Olshaker M. Mindhunter: Inside the FBI's Elite Serial Crime Unit. New York, 2017.

10. Kirby Dick. Whitechapel's Sherlock Holmes: The Casebook of Fred Wensley OBE KPM, Victorian Crime Buster. Barnsley, South Yorkshire : Pen & Sword True Crime, 2014.

11. McDermid Val. Forensics: The Anatomy of Crime. London : Profile Books Ltd, 2015.

12. Rosewood Jack. The Big Book of Serial Killers (An Encyclopedia of Serial Killers). South Carolina : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017.

13. Rubenhold Hallie. The Five: The Untold Lives of the Women Killed by Jack the Ripper. Dublin : Houghton Mifflin Harcourt, 2019.

Информация об авторе

Л. Ю. Захарова — старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

L. Yu. Zakharova — Senior Lecturer at the Department of Document Examination of the Forensic Science Complex of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 343.3/.7
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-106-111
EDN: https://elibrary.ru/glmexp
NIION: 2003-0059-3/23-680
MOSURED: 77/27-003-2023-03-879

Криминологические аспекты вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления

Дмитрий Александрович Иванов[1], Василий Джонович Потапов[2], Олеся Михайловна Иванова[3]
[1] Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, ida_2008_79@mail.ru
[2] Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия, potapov1961@yandex.ru
[3] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, iom20141985@mail.ru

Аннотация. Рассматривается преступность несовершеннолетних, которая всегда вызывала и будет вызывать повышенное внимание со стороны государства и общества, поскольку данное обстоятельство является самой важной социально-правовой проблемой. Преступное поведение как самая острая фаза девиантного поведения представляет собой чрезвычайно сложную систему социальных явлений. Несовершеннолетние чаще всего совершают такие преступные деяния против собственности, как кражи, грабежи, вымогательства, угоны автотранспорта. Помимо традиционных видов преступлений, совершаемых несовершеннолетними, наблюдается резкий рост новых видов общественно опасных деяний, требующих своевременного реагирования со стороны законодателя и правоприменителя. К подобным деяниям можно отнести: интернет-груминг, кибербулинг, пропаганда селфхарма и криминогенного поведение среди детей и подростков. Анализ правоприменительной практики показывает, что сотрудники органов внутренних дел испытывают определенные трудности при квалификации деяний и доказывании вины по этим категориям преступлений. Данное обстоятельство объясняется во многом расширением преступной деятельности, ее латентным характером, проблемами применения норм, регламентирующих ответственность за преступления, связанные с несовершеннолетними.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность, уголовный закон, интернет-правонарушения
Для цитирования: Иванов Д. А., Потапов В. Д., Иванова О. М. Криминологические аспекты вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 106–111. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-106-111. EDN: GLMEXP.

Original article

Criminological aspects of involving a minor in the commission of a crime

Dmitry A. Ivanov[1], Vasily D. Potapov[2], Olesya M. Ivanova[3]
[1] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ida_2008_79@mail.ru
[2] Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia, potapov1961@yandex.ru
[3] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, iom20141985@mail.ru

Abstract. Juvenile delinquency is considered, which has always caused and will cause increased attention from the state and society, since this circumstance is the most important socio-legal problem. Criminal behavior as the most acute phase of deviant behavior is an extremely complex system of social phenomena. Minors most often commit such criminal acts against property as theft, robbery, extortion, car theft. In addition to the traditional types of crimes committed by minors, there is a sharp increase in new types of socially dangerous acts that require a timely response from the legislator and law enforcement officer. Such acts include: Internet grooming, cyberbullying, propaganda of self-harm and criminogenic behavior among children and adolescents. An analysis of law enforcement practice shows that employees of the internal affairs bodies experience certain difficulties in qualifying acts and proving guilt in these categories of crimes. This circumstance is largely explained by the expansion of criminal activity, its latent nature, and the problems of applying the norms regulating responsibility for crimes related to minors.

Keywords: minors, crime, criminal law, Internet offenses
For citation: Ivanov D. A., Potapov V. D., Ivanova O. M. Criminological aspects of involving a minor in the commission of a crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):106–111. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-106-111. EDN: GLMEXP.

© Иванов Д. А., Потапов В. Д., Иванова О. М., 2023

Проблема преступности несовершеннолетних во все времена требовала повышенного внимания как со стороны государственных органов, так и общественности по формированию адекватной правовой политики предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних. Государство стремится принять эффективные меры по стабилизации правопорядка и обеспечению законности. Вместе с тем, агрессивные действия преступного мира по вовлечению несовершеннолетнего в совершение таких правонарушений, как пьянство, употребление наркотиков, занятие проституцией, попрошайничество, создают дополнительные условия для вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность.

Судебная статистика сегодня свидетельствует о неразрешенности острейших противоречий в сфере использования интернет-ресурсов, что, наряду с совершением традиционных преступлений, создает широчайший простор для проявления различного рода девиаций со стороны несовершеннолетних. Анализ правоприменительной практики показывает, что сотрудники органов внутренних дел испытывают определенные трудности при квалификации деяний и доказывании вины по этим категориям преступлений. Данное обстоятельство объясняется во многом расширением преступной деятельности, ее латентным характером, проблемами применения норм, регламентирующих ответственность за преступления, связанные с несовершеннолетними. Это и понятно, так как преступное поведение, как самая острая фаза девиантного поведения, представляет собой чрезвычайно сложную систему социальных явлений. Зачастую субъекты, привлекающие несовершеннолетнего к совершению преступлений, в глазах общественности ведут законопослушный образ жизни, весьма активную общественную деятельность и т. д.

Конечно, рост правонарушений, усиление агрессивности можно объяснить кризисным положением во многих сферах социально-экономической действительности, неразрешенностью острейших противоречий в сферах социальной жизни, ценностных ориентаций. Социальные противоречия, конфликты присущи любому типу общества, но при этом должны заметить, что при неправильном векторе их развития могут проявиться деструктивные характеристики. Причина конфликтов видится в дефиците каких-либо ресурсов: власти; престижа; ценностей [1, с. 41–57].

Полагаем, что именно сейчас, в период происходящих «непростых» событий, назрела необходимость формирования в современной России системы ценностных ориентиров с непременным учетом культурно-исторического наследия, традиций [2]. Считаем весьма важным в этом деле издание 9 ноября 2022 г. Президентом России В. В. Путиным Указа «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [3]. Совершенно правильно указано на то, что основными целями мероприятий являются не только сохранение и укрепление традиционных ценностей, но и противодействие распространению деструктивной идеологии. Таким образом, эти и другие обстоятельства указывают на необходимость осмысления современной действительности в сфере противодействия преступности, связанной с несовершеннолетними, разработки перспектив дальнейшего исследования предупредительно-профилактической деятельности.

Следует отметить, что преступность несовершеннолетних всегда вызывала и будет вызывать повышенное внимание со стороны государства и общества, поскольку данное обстоятельство является, пожалуй, самой важной социально-правовой проблемой. Борьба с «детской» преступностью ведется различными способами: начиная с деятельности общественных организаций, уполномоченных государственных органов по оказанию психологической, социальной и материальной помощи, заканчивая работой правоохранительных органов, направленной на предупреждение правонарушений (преступлений).

Безусловно, нормы, предусмотренные ст. 150, 151 УК РФ, можно признать в качестве одного из действенных механизмов уголовно-правового воздействия на преступность несовершеннолетних. Очевидным является, что одной из задач деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних является выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений [4].

В этой связи, как мы полагаем, обращение к данным судебной статистики позволит проследить тенденции развития преступности в отношении несовершеннолетних, сформулировать суждения, имеющие значение для выбора направлений предупредительно-профилактической деятельности исходя из особенностей вовлечения несовершеннолетнего в со-

вершение преступления, а также совершенствования самих уголовно-правовых норм. Заметим, анализу подвергнуты статистические данные о количестве преступлений, совершаемых несовершеннолетними или при их соучастии, только за 5-летний период с 2017 г. по январь–сентябрь 2022 г.

При исследовании преступности несовершеннолетних важно исходить из сравнительного анализа с показателями общей преступности, уровень которой за истекший период оставался практически стабильным. Должны заметить, что в среднем регистрировалось более 2 млн преступлений ежегодно. Состояние общей преступности за указанный период оценивается неоднозначно. Например, 2017 г. отмечен снижением показателей на 4,7 %, в 2018 г. на 3,3 %. В 2019 и 2020 гг. наблюдался небольшой рост на 1,6 % и 1 % соответственно. В 2021 г. зафиксировано опять снижение на 1,9 % [5].

Вместе с тем, судебная статистика также отмечает снижение преступности несовершеннолетних. В частности, в 2017 г. количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними или при их соучастии, стало на 15,7 % меньше (всего 45 288 случаев), чем за аналогичный период предыдущего года, в том числе тяжких и особо тяжких на 11,3 % (всего 10 238 случаев) [6]. Такое явление наблюдается и в последующие отчетные периоды. Тем не менее, необходимо отметить, что в период с 2019 г. по январь–сентябрь 2022 г. количество тяжких и особо тяжких преступлений увеличилось на 4,1 % и 5,1 % соответственно. Увеличение этих статистических показателей, как мы полагаем, обусловлено темпами роста общей преступности.

Кроме того, начиная с 2017 г. и по настоящее время удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, постоянно растет. В частности, в 2017 г. доля тяжких преступлений достигала 22,6 %, в 2018 г. — 22,3 %, в 2019 г. — 24,3 %, в 2020 г. — 25,9 %, в 2021 г. — 28,4 %. Резкое увеличение удельного веса тяжких в структуре преступности несовершеннолетних наблюдается за январь–сентябрь текущего года — 32,4 % (табл. 1). Следовательно, происходит коренное изменение преступности несовершеннолетних в сторону увеличения количества совершаемых ими тяжких и особо тяжких преступлений, характер совершаемых ими преступлений свидетельствуют об их агрессивности, масштабности. Считаем, что рассмотренные выше данные не в полном объеме отражают действительную криминологическую ситуацию. Если исходить из того, что около половины общей преступности остается нераскрытой, то оперировать данными как объективными в отношении преступности вообще в виду того, что среди них могут быть и несовершеннолетние, также проблематично. Поэтому сравнивать коэффициент преступности несовершеннолетних с коэффициентом общей преступности не представляется возможным [7].

Таблица 1.

Данные о количестве преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии

Год	Всего	+, -, %	Удельный вес от расследованных преступлений, %	В том числе тяжкие и особо тяжкие		
				Всего	+, -, %	Удельный вес от общего количества преступлений
2017	45 288	-15,7	4,1	10 238	-11,3	22,6
2018	43 553	-3,8	4,0	9716	-5,1	22,3
2019	41 548	-4,6	3,9	10 113	4,1	24,3
2020	37 771	-9,1	3,7	9797	-3,1	25,9
2021	31 865	-15,6	3,1	9055	-7,6	28,4
январь–сентябрь 2022	21 770	-4,7	2,7	7048	5,1	32,4

Весьма привлекательным является изучение «географии» преступности. Например, больше всего преступлений несовершеннолетних зафиксировано на территории Республики Тыва, где каждое 10-е общественно опасное деяние совершено несовершеннолетним либо с участием подростка. В Карелии удельный вес преступности несовершеннолетних составил 7,2 % от общей массы раскрытых. Судебная статистика констатирует улучшение оперативной обстановки в Свердловской области, Ненецком АО и Забайкальском крае. Вместе с тем, судя по данным МВД России, ситуация в таких регионах, как Псковская, Новгородская, Ивановская и Амурская области усугубилась, отмечены значительные проблемы [8]. Основными причинами расширения преступности несовершеннолетних в этих регионах, как отмечают эксперты, выступают неблагоприятная социально-экономическая ситуация, развитие субкультуры «уличных банд».

Снижение подростковой преступности наблюдается в республиках Северного Кавказа, городах федерального значения — Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе, а также в регионах Центральной России: Московской, Рязанской и Орловской областях [9].

Структура несовершеннолетних преступников характеризуется следующими данными. Большинство преступлений совершается несовершеннолетними мужского пола (91 %), в возрасте 16–17 лет (70 %). В обществе бытует мнение, что закон нарушают, как правило, бездомные и малообразованные дети. Вместе с тем, мы вынуждены опровергнуть данный тезис: 64,4 % преступлений совершается учащимися подростками, 3,4 % — работающими и лишь 31,8 % — лицами, нигде не обучающимися и не работающими. При этом основная масса нарушителей уголовного закона воспитывалась в полноценной семье — 46 %, в неполноценной семье, одним из родителей — 45 %. Доля несовершеннолетних преступников из числа воспитанников детских домов или интернатов составляет всего 9 % [9].

Несовершеннолетние чаще всего совершают преступные деяния против собственности. Например, в 2021 г. ими было совершено 7239 краж; грабежей — 1541; вымогательств — 213; угонов — 1740; наркопреступлений — 709; преступлений, связанных с изготовлением или распространением детской порнографии — 41.

Помимо развития традиционных видов преступлений, происходит возникновение новых видов общественно опасных деяний, требующих своевременного реагирования законодателя. К подобным деяниям можно отнести: интернет-груминг, кибербулинг, пропаганду селфхарма и криминогенное поведение среди детей и подростков.

Развитие общественных отношений в социальных сетях Интернет неминуемо привело к тому, что особенности функционала социальных сетей и их инструменты стали активно использоваться злоумышленниками для совершения преступлений, что, в свою очередь, значительно усложнило расследование и раскрытие преступлений. Во многих случаях совершения общественно опасных деяний несовершеннолетние массово вовлекались в преступную деятельность. На просторах всемирной «паутины» она, чаще всего, ведется на сайтах Даркнета[1] [10], где можно купить любой «преступный» товар: детскую порнографию, украденные данные, наркотики, оружие и др. Кроме того, несовершеннолетние получают информацию из сети Интернет о возможности хорошо заработать от размещения наркотических средств в тайниках. На сегодняшний день, пожалуй, это одно из самых распространенных общественно опасных деяний, совершаемых несовершеннолетними. Устройство на «работу» «закладчиком» он-лайн к «черному» работодателю происходит практически в соответствии с положениями трудового законодательства РФ, т. е. с предоставлением, в том числе, копии паспорта работника, после чего возраст последнего становится очевидным.

Именно на эти и другие обстоятельства указал Генеральный прокурор России И. В. Краснов на заседании Координационного совещания руководителей правоохранительных органов в своем выступлении. В частности, он отметил, что одной из острых проблем является передача негативной информации через Интернет при отсутствии эффективного контроля за транслируемым контентом; с его помощью дети не только вовлекаются в преступную дея-

[1] Даркнет (англ. DarkNet, также известен как «Скрытая сеть», «Темный Интернет», «Темная сеть», «Теневая сеть», «Темный веб») — скрытая сеть, соединения которой устанавливаются только между доверенными пирами, иногда именующимися как «друзья», с использованием нестандартных протоколов и портов; анонимная сеть представляет собой систему не связанных между собой виртуальных туннелей, предоставляющих передачу данных в зашифрованном виде.

тельность, деструктивные молодежные движения, но и сами становятся жертвами преступлений, вплоть до ухода из жизни в результате понуждения к суицидам [11].

Отдельного внимания, в силу особой их общественной опасности, требуют криминологической оценки деяния, направленные на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Несмотря на то, что статистические данные о них с каждым годом снижаются, опасность расширения с учетом появления новых технологий остается. Вопросы возникают по поводу адекватности применяемых мер уголовно-правового воздействия. Если, например, в 2017 г. осуждено всего 420 лиц, то к 68,1 % осужденных применено наказание в виде условного лишения свободы. Аналогичное положение складывается и в 2021 г. Осуждено 271 лицо, из которых 68,6 % приговорены к условному виду наказания (табл. 2). Проблема возникает потому, что преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, практически всегда квалифицируется в качестве дополнительного эпизода преступной деятельности.

Следует отметить, что объективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления характеризуется такими активными действиями, как обещание, обман и т. д. Безусловно, они могут быть совершены как при непосредственном контакте с заинтересованными лицами, так и дистанционно, т. е. с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). В свете изложенного, предлагаем дополнить ч. 4 ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» квалифицирующим признаком: «совершенное с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)».

Кроме того, в целях снижения уровня преступности несовершеннолетних считаем необходимым повысить координирующую роль органов местного самоуправления, в том числе в вопросах оказания помощи подросткам в трудовом и бытовом устройстве, социальной адаптации; осуществлять мониторинг средств электронных и информационно-телекоммуникационных сетей на предмет обнаружения «преступной» информации.

Список источников

1. Козер Л. Функции социального конфликта / пер. О. Назарова. М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги (ДИК), 2000.

2. Бурцев С.А. Современная Россия и система ценностей западной цивилизации // Научный журнал Серис plus. 2010. № 2. С. 9–15.

3. Официальный сайт Ведомости // URL:http://www.Vedomosti.ru.

4. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (с изм. и доп.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

5. Иванова О. М. Хищение чужого имущества как уголовно-правовая категория: дисс. … канд. юрид. наук. Самара, 2020.

6. ГИАЦ МВД России // URL://https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen.

7. Лелеков В. А., Бородин А. Д. Преступность и молодежь // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1. С. 88–94.

8. Официальный сайт Известия // URL:http://www.iz.ru.

9. Официальный сайт Тинькофф Журнал // URL://http://www.journal.tinkoff.ru.

Таблица 2.

Данные об осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ [12]

Год	Осуждено	Оправдано	Лишение свободы	Условное лишение свободы
2017	420	2	118	286
2018	364	1	112	238
2019	333	0	98	228
2020	266	2	66	184
2021	271	1	72	186

10. Официальный сайт ВикипедиЯ // URL:// http://www.ru.wikipedia.org.

11. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL://http://www.epp.genproc.gov.ru.

12. Официальный сайт Судебной статистики РФ // URL://http://www.stat.апи-пресс.рф.

References

1. Kozer L. Functions of social conflict / O. Nazarova lane. M. : Idea-Press; House of Intellectual books (DIK), 2000.

2. Burtsev S.A. Modern Russia and the system of values of Western civilization // Scientific Journal Seris plus. 2010. No. 2. P. 9–15.

3. Official website of Vedomosti // URL:http:// www.Vedomosti.ru.

4. Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 (with amendments and additions) «On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency» // SZ RF. 1999. No. 26. St. 3177.

5. Ivanova O. M. Theft of someone else's property as a criminal legal category: diss. ... cand. jurid. sciences'. Samara, 2020.

6. GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen.

7. Lelekov V. A., Borodin A. D. Crime and youth // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1. P. 88-94.

8. Official website of Izvestia // URL:http://www.iz.ru.

9. Official website of Tinkoff Magazine // URL:// http://www.journal.tinkoff.ru.

10. Official website of WikipediA // URL://http:// www.ru.wikipedia.org.

11. Official website of the Prosecutor General's Office of Russia // URL://http://www.epp.genproc.gov.en.

12. Official website of Judicial Statistics of the Russian Federation // URL: //http://www.stat.api-press.rf.

Информация об авторах

Д. А. Иванов — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

В. Д. Потапов — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, доктор юридических наук, профессор;

О. М. Иванова — старший преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

D. A. Ivanov — Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor;

V. D. Potapov — Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Doctor of Legal Sciences, Professor;

O. M. Ivanova — Senior Lecturer of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-112-115
EDN: https://elibrary.ru/gcyjjm
NIION: 2003-0059-3/23-681
MOSURED: 77/27-003-2023-03-880

Некоторые вопросы квалификации причинения смерти по неосторожности

Владимир Иванович Кайнов[1], Виктор Михайлович Шеншин[2]
[1] Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А. А. Новикова, Санкт-Петербург, Россия, kaynov_v@mail.ru
[2] Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия, vitya-shen@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ некоторых вопросов квалификации причинения смерти по неосторожности.
Ключевые слова: квалификация преступлений, причинение смерти по неосторожности, уголовный закон
Для цитирования: Кайнов В. И., Шеншин В. М. Некоторые вопросы квалификации причинения смерти по неосторожности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 112–115. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-112-115. EDN: GCYJJM.

Original article

Some issues of qualification of causing death by negligence

Vladimir I. Kainov[1], Viktor M. Shenshin[2]
[1] St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A. A. Novikov, St. Petersburg, Russia, kaynov_v@mail.ru
[2] St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after the Hero of the Russian Federation Army General E. N. Zinichev, St. Petersburg, Russia, vitya-shen@mail.ru

Abstract. The analysis of some issues of qualification of causing death by negligence is carried out.
Keywords: qualification of crimes, causing death by negligence, criminal law
For citation: Kainov V. I., Shenshin V. M. Some issues of qualification of causing death by negligence. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):112–115. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-112-115. EDN: GCYJJM.

Следует отметить, что заявленная проблематика в большей степени характерна при анализе ст. 109 Уголовного Кодекса РФ. Умышленное лишение человека жизни во всей мировой истории являлось исключительно негативным и порицаемым явлением в обществе. За убийство к виновному всегда применяли самые суровые наказания. Но случается и так, что смерть лицу причиняют случайно и без умысла. В таких случаях отношение к субъекту, совершившему деяние с моральной точки зрения, смягчается, что позволило вывести данную категорию преступления в отдельный уголовно-правовой институт.

Статистика показывает, что по неосторожности совершается одно из каждых десяти преступлений [5]. И с каждым годом число таких преступных деяний лишь растет — это связано напрямую с развитием многих сфер человеческого общества (обеспечение труда работников, транспортные и дорожные условия и т. д.).

Отметим, что УК РСФСР 1960 г. был последним актом, который регламентировал причинение смерти по неосторожности, до вступления в силу Уголовного Кодекса Российской Федерации [8].

Что касается зарубежных стран, то, к примеру, согласно Уголовному Кодексу Австрии, ответственность за неосторожное убийство предусматривается в виде лишения свободы на срок до одного года. Квалифицирующими признаками такого деяния являются: наличие особо опасных обстоятельств; нахождение виновного в состоянии алкогольного опьянения.

В ФРГ убийство по неосторожности подразумевает под собой причинение смерти другому лицу вследствие небрежности и наказывается либо штрафом, либо лишением свободы на срок до пяти лет [2].

© Кайнов В. И., Шеншин В. М., 2023

В Англии под неумышленным убийством понимают противоправное лишение жизни человека, при котором у лица, совершавшего его, было психическое состояние, которое не было связано с умыслом убить или навредить. Выделяются следующие признаки: действия являются противоправными и общественно опасными; смерть наступила в результате грубой неосторожности виновного; опрометчивое поведение виновного [2, с. 143].

История развития института ответственности за причинение смерти по неосторожности как в России, так и в зарубежных странах дает понять, что жизнь и здоровье человека всегда занимали важное место в уголовно-правовой системе. Данный институт преодолел большой путь модернизации до того, как был сформирован в том виде, в котором мы можем наблюдать его сейчас. Уголовно-правовые нормы, регулирующие ответственность за причинение смерти по неосторожности, вполне соответствуют историческому развитию законодательства России. Важно отметить, что подробное изучение исторического опыта развития института ответственности за причинение смерти по неосторожности в отечественном законодательстве и в законодательстве зарубежных стран дает возможность современному законодателю избежать ошибок в правотворческой деятельности.

На протяжении довольного долгого времени преступления, совершенные по неосторожности, считались в обществе не такими опасными, как те же преступления, совершенные с умыслом, и занимали в структуре уголовно-правовых норм не такую существенную часть. С развитием научно-технического прогресса ситуация изменилась. Однако, общество все также продолжает относиться к таким преступлениям менее серьезно, чем следует, постольку, поскольку рассматриваемый институт представляет собой серьезную проблему. Такого рода преступления являют собой настоящую форму социальной безответственности и нравственного эгоизма, а также равнодушия к интересам граждан.

Причинение смерти по неосторожности относится к наиболее общественно-опасному преступлению по неосторожности, так как именно жизнь человека являет собой наивысшую ценность государства. Поэтому опасность такого преступления, как причинение смерти по неосторожности, определяется больше всего тяжестью последствий, нежели личностью преступника, его действиями или бездействием.

По данным статистики, из общего количества уголовных дел, которые ежегодно рассматриваются в России, уголовные дела, касающиеся причинения смерти по неосторожности занимают только 1,5–2 %. Однако, если посмотреть на эту статистику в части дел, рассматриваемых судами первой инстанции, то доля дел о причинении смерти по неосторожности значительно выше — 10–15 %. И год от года эта статистика лишь растет [4].

Смерть по неосторожности может стать результатом как легкомыслия, так и небрежности. Но важным фактором все-таки остается необходимость отделения причинения смерти по неосторожности вследствие легкомыслия от убийства, которое было совершено с косвенным умыслом, а причинение смерти по неосторожности в результате небрежности нужно отличать от казуса — случайного причинения смерти, когда лицо не предвидело возможности лишения жизни другого лица и в связи с обстоятельствами не могло их никак предвидеть [1, с. 662].

Для наглядности о различии между причинением смерти по неосторожности и невиновным причинением смерти можно привести пример из судебной практики.

Гражданин К. был признан виновным в причинении смерти по неосторожности, хотя обстоятельства дела были неоднозначными. Так двое общественных инспекторов (гражданин К. и гражданин А.) со своими приятелями поехали на моторной лодке по реке на охоту, параллельно совершая рейд по ликвидации случаев браконьерства. Около 21 часа недалеко от села А. они нашли и уничтожили запрещенную сеть для ловли рыбы. В доступной близости от этого места находились приехавшие из города П. на рыбалку гражданин М. со своим сыном и двумя знакомыми. Когда мимо них с включенным мотором проплыла лодка инспектора К., то М. подумал, что граждане на проплывшей лодке забрали с берега их удочки, после чего М. сразу стал догонять на своей лодке лодку К. Когда гражданин М. подплыл к лодке инспектора К., то обнаружил, что на него направлено оружие. В это время один из приятелей схватился за ствол оружия и стал выхватывать его из рук К. Во время борьбы за оружие К. случайно нажал на спусковой крючок и смертельно ранил приятеля М.

Пленум Верховного Суда СССР отменил обвинительный приговор для К. и все дальнейшие судебные постановления в отношении К. и прекратил дело в

связи с отсутствием в действиях К. состава преступления. Суд указал, что в обстановке, которая сложилась на момент происшествия, а именно, когда без объяснения причин М. с приятелями догнали лодку К. и, когда они стали отбирать из рук оружие, за такой короткий промежуток времени пока шла борьба за оружие, К. просто не мог успеть предвидеть наступления таких последствий [1, с. 661–665].

Субъект причинения смерти по неосторожности — это физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Кроме того, ч. 2 ст. 109 УК РФ устанавливает также специальный субъект данного преступления — физическое дееспособное лицо, которое достигло возраста 16 лет и обладает правом осуществлять профессиональную деятельность и обязанное выполнять предусмотренные для такой деятельности требования и нормы.

Таким специальным субъектом могут выступать медицинские работники, воспитатели, фармацевты, инспекторы пожарной охраны, электрики и иные лица, осуществляющие деятельность в соответствии с утвержденными нормативными должностными инструкциями, составленными на основе типовых документов, которые разрабатываются высшими органами власти и являются обязательными для исполнения [6, с. 186].

Обратим внимание, что особенностями криминолого-психологического портрета личности (субъекта), совершившего причинение смерти по неосторожности, являются агрессия (также как и для лиц, совершающих убийство намеренно), постоянная подозрительность, готовность к нападению и защите, неуважительное отношение к социальным нормам, эгоизм, ревность.

Поэтому в механизме неосторожного причинения смерти большую роль играет подсознание — а именно готовность на психологическом уровне к общественно опасным последствиям [7].

Действующий Уголовный Кодекс РФ содержит около 25 % статей, для которых предусматривается неосторожная форма вины, а больше чем в 80 статьях Уголовного Кодекса РФ установлена ответственность, когда в результате неосторожности причинен вред здоровью граждан или материальный ущерб государству и обществу, а из них больше, чем сорок составов предусматривают ответственность за причинение смерти по неосторожности [3, с. 148].

Немаловажным является вопрос об оценке степени тяжести неосторожного причинения смерти. Например, Уголовный Кодекс РСФСР 1960 г. в ст. 106 «Неосторожное убийство» предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. В действующем уголовном законе в изначальной редакции ст. 109 предусматривала точно такое же наказание. А после изменений, которые были внесены в Уголовный Кодекс РФ, санкция была смягчена на треть.

Таким образом, уголовно-правовая норма, которая предусматривает ответственность за причинение смерти по неосторожности, относится к категории небольшой тяжести и к преступлениям с незначительным уровнем общественной опасности. Институт причинения смерти по неосторожности значится центром особого внимания для различных научных структур, занимающихся его исследованием, что напрямую связано с актуальностью проблемы случайного причинения смерти в настоящее время и наличием существенных проблем правоприменения, которые требуют рассмотрения и проработки.

Таким образом, в завершение исследования проблемных вопросов по квалификации причинения смерти по неосторожности, важно отметить, что хотя ст. 109 Уголовного Кодекса РФ является самостоятельным составом, но, вместе с тем, зачастую очень сложно отделить данную норму от смежных составов преступления; это обусловлено недостаточной конкретизацией статьи, посвященной «причинению смерти по неосторожности»: так, не закреплен список специальных субъектов, а также признаки, позволяющие выявить принадлежность лиц к данной категории. Все это приводит к усложнению судебного процесса из-за траты большого количества времени на верную квалификацию преступлений.

Список источников

1. Бондаренко Е. А. Уголовно-правовая характеристика причинения смерти по неосторожности // Аллея науки. 2019. Т. 3. № 6 (33).

2. Кулибаба А. В. Развитие и возникновение института причинения смерти по неосторожности в отечественном и зарубежном законодательстве // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 46. С. 141–144.

3. Сокольников А. В. Уголовно-правовой аспект предупреждения причинения смерти по неосторожности // Современность в творчестве начинающего исследователя: сб. мат. науч.-практ. конф. молодых ученых (Иркутск, 29 марта 2018 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018.

4. Соловей-Морозенко Е. С. К вопросу о причинении смерти по неосторожности // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 80-4. С. 125.

5. Состояние преступности в России // Официальный сайт МВД России // URL://https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/34307225/

6. Хромова М. Р. Специальный субъект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право. Общество. Государство: сб. науч. тр. студентов и аспирантов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020.

7. Щелкушкина Е. А. Психодинамика личности осужденных за убийство: дисс. … канд. психол. наук. Рязань, 2011.

8. Уголовное право. Особенная часть: курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010.

References

1. Bondarenko E. A. Criminal and legal characteristics of causing death by negligence // Alley of Science. 2019. T. 3. № 6 (33).

2. Kulibaba A. V. Development and emergence of the institution of causing death by negligence in domestic and foreign legislation // Innovations. Science. Education. 2021. No. 46. P. 141–144.

3. Sokolnikov A. V. The criminal-legal aspect of preventing death by negligence // Modernity in the work of a novice researcher: sat. mat. scientific-practical conference of young scientists (Irkutsk, March 29, 2018). Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018.

4. Solovey-Morozenko E. S. On the issue of causing death by negligence // Trends in the development of science and education. 2021. No. 80-4. P. 125.

5. The state of crime in Russia // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL:// https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/34307225/

6. Khromova M. R. A special subject of a crime under part 2 of Article 109 of the Criminal Code of the Russian Federation // Pravo. Society. State: collection of scientific tr. students and postgraduates. St. Petersburg : St. Petersburg Institute (branch) VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2020.

7. Shchelkushkina E. A. Psychodynamics of the personality of those convicted of murder: diss. ... cand. psychological sciences. Ryazan, 2011.

8. Criminal law. Special part: a course of lectures / G. A. Agaev, N. V. Barankov, D. A. Bezborodov [et al.]. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010.

Информация об авторах

В. И. Кайнов — профессор кафедры транспортного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А. А. Новикова, доктор юридических наук, профессор;

В. М. Шеншин — доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Kainov — Professor of the Department of Transport Law of the St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A. A. Novikov, Doctor of Legal Sciences, Professor;

V. M. Shenshin — Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation Army General E. N. Zinichev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 12.05.2023.

Научная статья
УДК 34.342
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-116-123
EDN: https://elibrary.ru/irvmfx
NIION: 2003-0059-3/23-682
MOSURED: 77/27-003-2023-03-881

Экспортный контроль в отношении участников ВЭД: соблюдение запретов и ограничений

Виктор Валентинович Килин[1], Эдуард Юрьевич Петров[2]
[1,2] Федеральная служба по Техническому и экспортному контролю России по Уральскому федеральному округу, Екатеринбург, Россия
[1] kilvic@yandex.ru
[2] petroveu@rambler.ru

Аннотация. Анализируется деятельность Федеральной службы по Техническому и экспортному контролю, а также судебная практика в отношении нарушений, допущенных участниками внешнеэкономической деятельности за 2021–2022 гг. Используя результаты собственного исследования, обращается внимание на имеющиеся проблемы в соблюдении участниками внешнеэкономической деятельности законодательства об экспортном контроле. Предлагаются для обсуждения пути решения данных проблем.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, экспортный контроль, участники внешнеэкономической деятельности, судебная практика, органы государственной власти, риск-ориентированный подход, профилактика нарушений

Для цитирования: Килин В. В., Петров Э. Ю. Экспортный контроль в отношении участников ВЭД: соблюдение запретов и ограничений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 116–123. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-116-123. EDN: IRVMFX.

Original article

Export control in relation to foreign trade participants: compliance with prohibitions and restrictions

Viktor V. Kilin[1], Eduard Yu. Petrov[2]
[1,2] Federal Service for Technical and Export Control of Russia for the Urals Federal District, Yekaterinburg, Russia
[1] kilvic@yandex.ru
[2] petroveu@rambler.ru

Abstract. The activities of the Federal Service for Technical and Export Control, as well as judicial practice in relation to violations committed by participants in foreign economic activity for 2021–2022 are analyzed. Using the results of his own research, attention is drawn to the existing problems in compliance with the export control legislation by participants in foreign economic activity. Ways of solving these problems are proposed for discussion.

Keywords: foreign economic activity, export control, participants in foreign economic activity, judicial practice, public authorities, risk-oriented approach, prevention of violations

For citation: Kilin V. V., Petrov E. Yu. Export control in relation to foreign trade participants: compliance with prohibitions and restrictions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):116–123. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-116-123. EDN: IRVMFX.

Экспортный контроль появился более 100 лет назад и прошел путь от механизма одностороннего ограничения торговли до многостороннего сотрудничества в сфере внешнеэкономического обмена товарами и технологиями, чувствительными к использованию в военных целях.

В результате многолетнего международного сотрудничества разработаны договоры и соглашения, регулирующие передачу товаров и технологий, которые могут быть использованы при создании ядерного, химического, биологического оружия, средств его доставки, а также при создании вооружений. Помимо таких договоров активно используется обмен практическим опытом в рамках многосторонних режимов экспортного контроля.

Национальная система экспортного контроля в Российской Федерации полностью соответствует международным нормам, обеспечивает соблюдение международных договоров и соглашений в сфере нераспространения оружия массового поражения, позволяет эффективно решать вопросы национальной безопасности и интегрироваться в мировую экономику. Система российского законодательства в сфере экспортного контроля достаточно обширна и регу-

© Килин В. В., Петров Э. Ю., 2023

лярно обновляется с учетом международной обстановки и развития науки и техники. Все изменения системы экспортного контроля требуют их доведения до предприятий и организаций, осуществляющих внешнеэкономические сделки с контролируемыми товарами и технологиями.

Государственный контроль и надзор направлены на определение соответствия (проверку соблюдения) обязательным требованиям, установленным государством в отношении подконтрольной деятельности. Государство регулирует соответствующие сферы общественных отношений посредством различных инструментов, традиционными из которых являются контроль и надзор. Воздействие государства на определенную сферу осуществляется посредством, в том числе, установления ограничений в отношении граждан и организаций. По сути, контрольно-надзорная деятельность не сама несет ограничения, а направлена на проверку их соблюдения подконтрольными субъектами [1].

В Федеральном законе от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ (ред. от 26 марта 2022 г.) «Об экспортном контроле» дается два четких определения: внешнеэкономическая деятельность — внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность, включая производственную кооперацию, в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них); экспортный контроль — комплекс мер, обеспечивающих реализацию установленного настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации порядка осуществления внешнеэкономической деятельности в отношении товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности (прав на них), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники либо при подготовке и (или) совершении террористических актов [2].

В соответствии с положением «О Федеральной службе по Техническому и экспортному контролю» (Указ Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1085 (в редакции от 8 декабря 2021 г. № 698): Федеральная служба по Техническому и экспортному контролю (далее — ФСТЭК России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим реализацию государственной политики, организацию межведомственной координации и взаимодействия, специальные и контрольные функции в области государственной безопасности, в том числе осуществления экспортного контроля [3].

Нормативную базу ФСТЭК России в осуществлении экспортного контроля составляют следующие правовые акты: Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) «Об экспортном контроле»; Указы Президента Российской Федерации от: 27 мая 2007 г. № 665, 2 декабря 2013 г. № 871, 11 марта 2016 г. № 109; постановления Правительства Российской Федерации от: 15 декабря 2000 г. № 973, 24 сентября 2001 г. № 686, 7 июня 2001 г. № 447, 14 июня 2001 г. № 462, 29 августа 2001 г. № 634, 15 августа 2005 г. № 517.

В Обзоре правоприменительной практики ФСТЭК России (приказ ФСТЭК России от 21 июня 2022 г. № 106) в рамках контроля за соблюдением российскими участниками внешнеэкономической деятельности законодательства Российской Федерации в области экспортного контроля за 2021 г. авторы считают, что можно остановиться на следующих моментах: по состоянию на 1 апреля 2022 г. количество российских участников внешнеэкономической деятельности (далее — участники ВЭД), осуществляющих внешнеэкономическую деятельность (далее — деятельность ВЭД) в отношении товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности (прав на них), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники либо при подготовке и (или) совершении террористических актов (далее — товары и технологии, подлежащие экспортному контролю), или осуществляющих ввоз в Российскую Федерацию и вывоз из Российской Федерации таких товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности (прав на них), составляет более 4 тыс. [4].

В 2021 г. проверки соблюдения российскими участниками ВЭД законодательства Российской Федерации в области экспортного контроля проводились ФСТЭК России только в отношении юридических лиц — участников ВЭД. Индивидуальные предприниматели и субъекты малого предпринимательства, осуществляющие такую деятельность, в план проверок не включались.

При планировании проверок учитывалась информация, полученная в ходе осуществляемого на ре-

Таблица 1.

Государственный контроль за соблюдением российскими участниками ВЭД законодательства в области экспортного контроля за 2021 г.

Плановых выездных проверок	Плановых документарных проверок	Внеплановые выездные проверок
38	8	3

гулярной основе взаимодействия с ФТС России и правоохранительными органами. В рамках реализации риск-ориентированного подхода к проведению проверок в проект плана проверок включались в первую очередь субъекты проверки, в отношении которых по результатам предварительного анализа были выявлены риски несоблюдения обязательных требований, установленных законодательством РФ в области экспортного контроля. При этом территориальными органами ФСТЭК России реализовывался принцип «комплексности» проверок — одновременного проведения уполномоченными должностными лицами ФСТЭК в подконтрольных субъектах РФ всех видов контроля, возложенных на ФСТЭК России.

В общей сложности проведено 49 проверок, было охвачено 0,31 % подконтрольных субъектов проверок.

По результатам проведенных проверок у 38 российских участников ВЭД (77,6 % из числа проверенных) выявлены нарушения требований, установленных законодательством Российской Федерации в области экспортного контроля. Общее количество выявленных нарушений требований, установленных законодательством Российской Федерации, составило 101, из которых 26 являются нарушениями обязательных требований в области экспортного контроля. По 11 нарушениям требований законодательства Российской Федерации в области экспортного контроля, подпадающим под действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), были возбуждены дела об административных правонарушениях, все они были рассмотрены территориальными органами ФСТЭК России. По результатам рассмотрения дел об административных правонарушениях в 11 случаях на российских участников ВЭД наложены административные штрафы на общую сумму 579,911 тыс. руб. В четырех случаях в отношении выявленных правонарушений дела об административном правонарушении не возбуждались в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности. Два выявленных нарушения были устранены в ходе проводимых проверок. По остальным выявленным нарушениям выдано девять предписаний об устранении допущенных нарушений, которые были исполнены субъектами проверок в установленные сроки.

Проиллюстрируем несколько примеров таких нарушений из обзора ФСТЭК России, выявленных в 2021 г.

В апреле 2021 г. Управлением ФСТЭК России по Уральскому федеральному округу (далее — Управление) по результатам межведомственного взаимодействия выявлены случаи неоднократного осуществления поставок российским участником внешнеэкономической деятельности в одно из государств СНГ контролируемой металлопродукции без разрешительных документов ФСТЭК России. В ходе последующей проверки полученной информации она получила подтверждение. Кроме того, было установ-

Таблица 2.

Нарушения обязательных требований, установленных законодательством Российской Федерации в области экспортного контроля за 2021 г.

Осуществление внешнеэкономических операций с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них)	Несоблюдение установленного порядка учета внешнеэкономических сделок с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них)	Нарушение законодательства Российской Федерации в области экспортного контроля: не проведение идентификации контролируемых товаров и технологий	Нарушение требований о создании внутренней программы экспортного контроля	Нарушение порядка передачи импортированных товаров (услуг) двойного применения другим субъектам хозяйственной деятельности на территории Российской Федерации
9 нарушений	8 нарушений	67 нарушений	5нарушений	3 нарушений

лено, что юридическим лицом не ведется журнал учета внешнеэкономических сделок, предусмотренный Правилами учета внешнеэкономических сделок для целей экспортного контроля, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июня 2012 г. № 583. Управлением были возбуждены дела об административных правонарушениях согласно ч. 1 и 2 ст. 14.20 КоАП РФ. Установлено, что одной из причин совершенных правонарушений явилось не проведение участником ВЭД идентификации контролируемых товаров. В этой связи директору общества выдано предписание об устранении выявленных нарушений обязательных требований. По итогам административных расследований к виновному лицу применены меры наказания в виде административных штрафов.

В течение 2021 г. управлениями ФСТЭК России по Южному, Северо-Кавказскому и Дальневосточному федеральным округам выявлены случаи неоднократного нарушения образовательными и научными организациями условий проведения экспертизы научно-технических материалов, предназначенных к открытому опубликованию, на предмет наличия в них информации, подлежащей экспортному контролю. Данным организациям выданы предписания об устранении допущенных нарушений обязательных требований, которые были исполнены в установленные сроки.

Учитывая выше сказанное авторы на основе судебной практики хотели показать, что в вопросе идентификации контролируемых товаров и технологий у российских участников внешнеэкономической деятельность возникают проблемы; так в постановлении от 27 сентября 2021 г. № 17АП-9780/2021-Аку Семнадцатый Арбитражный Апелляционный суд пришел к выводу, что: из материалов дела следует ООО «Финко» в рамках заключенного внешнеторгового контракта был заявлен к вывозу с таможенной территории Евразийского экономического союза из России товар — «Части БПЛА самолетного типа SUPERCAM S250: запасной комплект консолей (2 шт. в комплекте) в транспортировочном кейсе-5 комплектов. Несущая поверхность, имеющая в сечении по направлению потока профилированную форму, предназначена для создания аэродинамической подъемной силы [5].

Вышеуказанный товар попадает под действие п. 9.1.12 Списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль согласно Указу Президента РФ от 17 декабря 2011 г. № 1661.

Таким образом, продукция «Части БПЛА самолетного типа SUPERCAM S250…» в соответствии с нормами действующего законодательства, ограничена для вывоза с таможенной территории Таможенного союза и при ее декларировании в соответствии с таможенной процедурой экспорта требуется представление в таможенный орган разрешения Комиссии по экспортному контролю РФ на ее вывоз, поскольку она направлялась в адрес вооруженных сил Пакистана.

На основании вышеизложенного, факт нарушения заявителем требований ст. 6, 20 ФЗ «Об экспортном контроле», постановления Правительства РФ от 15 августа 2005 г. № 517, выразившегося в несоблюдении установленных запретов и ограничений в области экспортного контроля при вывозе товара в Пакистан, без соответствующего разрешения Комиссии по экспортному контролю РФ установлен таможенными органами, что свидетельствует о наличии события административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 16.3 КоАП РФ.

Согласно ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Идентификация контролируемых товаров и технологий, а также совершение необходимых действий, связанных с получением лицензий на осуществление внешнеэкономических операций с контролируемыми товарами и технологиями или разрешений на их вывоз из РФ без лицензий, является обязанностью российского участника ВЭД (п. 1 ст. 24 ФЗ «Об экспортном контроле»).

Доводы заявителя об отсутствии в его действиях вины во вменяемом правонарушении сводятся к тому, что при оформлении декларации на товары представлены разрешительные документы, а именно идентификационное заключение, составленное ООО «Финко», которое содержало в себе выводы, что для осуществления внешнеэкономической операции, ука-

занной в настоящем заключении, лицензия, или иное разрешение, предусмотренное законодательством РФ в области экспортного контроля не требуется. В комплекте документов, представленных при декларировании товара, разрешительные документы ФСТЭК России на вывоз товара также отсутствовали.

Согласно п. 2 ст. 20 «Об экспортном контроле» специальным уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в области экспортного контроля является ФСТЭК России.

Представленное ООО «Финко» разрешение Комиссии по экспортному контролю было получено уже после подачи и запрета выпуска товара. Представление на декларируемый товар действительного разрешительного документа, выданного уполномоченным органом, после регистрации ДТ таможенным органом свидетельствует о наличии достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 16.3 КоАП РФ.

Состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 16.3 КоАП РФ, является по своим признакам формальным, т. е. считается законченным правонарушением вне зависимости от наступления вредных последствий, а, следовательно, в данном деле существенная угроза охраняемым общественным отношениям заключается не в наступлении каких-либо материальных последствий правонарушения, а в пренебрежительном отношении ООО «Финко» к исполнению публично-правовых обязанностей, к формальным требования публичного права.

Арбитражный суд Дальневосточного округа в постановлении от 15 июня 2021 г. № Ф03-2900/2021 отразил: 20.09.19 между АО «Авиалифт Владивосток» и компанией «ARTIC GROUP LP» заключен внешнеэкономический контракт № ASP|AV|AG|09_19, по условиям которого продавец обязуется поставить, а покупатель принять и оплатить авиационно-техническое имущество в соответствии с приложениями к настоящему контракту (двигатель турбовинтовой, передающий мощность на вал редуктора, мощностью 1765 КВт для гражданского вертолета тип КА-32С, бывший эксплуатации: двигатель турбовальный ТВ3-117ВМ) [6].

Из полученных таможенным органом пояснений ФСТЭК России, изложенные в письме от 24 декабря 2019 г. № 240/56/3770, в соответствии с которыми турбовинтовые двигатели ТВ3-117ВК, ТВ3-117ВМ не подпадают под действие контрольных списков, утвержденных Указами Президента РФ, и для их вывоза за пределы РФ получение лицензии ФСТЭК России не требуется.

Согласно письму АО ОДК-Климов от 13 января 2020 г. двигатель ТВ3-117ВМ является двигателем двойного назначения и может эксплуатироваться как в государственной авиации (военный заказчик), так и в гражданской авиации.

ФСТЭК России предоставило дополнительное письмо от 8 апреля 2020 г. № 240/56/1020, согласно которому в марте 2020 г. к ней поступило два обращения АО «Авиалифт Владивосток» на поставку в Республику Молдова авиационных двигателей по договору на поставку авиационно-технического имущества от 20 сентября 2019 г.

В соответствии с полученной ФСТЭК России информацией (до российских организации, получивших в установленном порядке специальное разрешение на проведение идентификационной экспертизы товаров и технологий, не доводилась) риски использования импортером закупаемых авиадвигателей в незаявленных целях оцениваются как высокие.

В письме АО «Национальный центр вертолетостроения имени М. Л. Миля и Н. И. Камова» от 13 мая 2020 г. говорится что, двигатели ТВ3-117ВМ являются комплектующими двойного назначения и применяются в составе военных вертолетов Ка-27, Ка-28, Ка-29, Ка-31 и гражданских вертолетов Ка-32.

Порядок и правила получения разрешения утверждены постановлением Правительства РФ от 15 августа 2005 г. № 517.

Суд абсолютно верно пришел к выводу, что АО «Авиалифт Владивосток» в нарушение п. 2 ст. 20 «Об экспортном контроле» не предоставила разрешение межведомственного координационного органа по экспортному контролю на осуществление внешнеэкономической операций, т. е. не выполнило требования по соблюдению запретов и ограничений (наличие в действиях АО «Авиалифт Владивосток» события административного правонарушения, предусмотренного ст. 16.3 КоАП РФ) [7].

Важно, на взгляд авторов, из данного решения суда сделать вывод для российских участников ВЭД, что во внешнеэкономической деятельности не возможно подходить формально к пониманию идентификации товара, так как не проводя экспер-

тиз, нельзя установить, является ли товар двойного назначения или нет. Идентификация контролируемых товаров и технологий является обязанностью российских участников ВЭД.

Постановлением от 1 апреля 2021 г. по делу № А40-74493/20-17-547 Арбитражный суд Московского округа указал, что: АО «Информтехника и Связь» совершило внешнеэкономическую сделку по договору от 21 ноября 2018 г. № 107/КП-18, а именно: в ТОО «AST-NT» (Республика Казахстан) по спецификации на оборудование к договору, счет-фактуре от 24 сентября 2019 г. № 00000718, товарной накладной от 24 сентября 2019 г. № 718 была произведена поставка товара: изделие Е-65С в количестве 2 шт., коммутатора маршрутизирующего «Поток-КМ-122» в количестве 2 шт., межсетевого экрана «DionisNX 4008-E2» в количестве 2 шт.; в соответствии с п. 1.6 договора цель и место использования вышеуказанного оборудования — защита информации, передаваемой по каналам ведомственной сети Министерства обороны Республики Казахстан [8].

Идентификацию товара (коммутатор маршрутизирующий «Поток-КМ-122», межсетевой экран «DionisNX 4008-E2») на соответствие или не соответствие контролируемым товарам АО «Информтехника и Связь» не проводило.

В соответствии с п. 2 Решения Межведомственного Совета ЕврАзЭС от 5 июля 2010 г. № 52 «Об экспортном контроле государств – членов таможенного союза» до введения в действие документов, указанных в п. 1 данного Решения, в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации применяется национальное законодательство по контролю над перемещением товаров и технологий, подлежащих экспортному контролю, в том числе продукции военного назначения.

Проведенной идентификационной экспертизы Управлением ФСТЭК России по Центральному федеральному округу (с согласия генерального директора АО «Информтехника и Связь») установлено, что объект № 1 экспертизы коммутатор маршрутизирующий «Поток-КМ-122» представляет собой коммуникатор 2-го уровня со сменным SFP модулями, питанием от электросети общего назначения, потребляемая мощность не более 100 Вт. Назначение и область применения: для организации связи на предприятиях и в учреждениях. Объект № 2 экспертизы межсетевой экран «DionisNX 4008-E2» представляет собой программно-аппаратный комплекс для управления маршрутизаторами, построенный на базе ядра ОС Linux. Назначение и область применения: для организации связи на предприятиях и в учреждениях.

Согласно п. 4.2 идентификационного заключения от 17 марта 2020 г. объект № 1 и № 2 не соответствуют описанию позиции 5.1.1.1, 5.1.1.1.1, 5.1.1.1.2, 5.1.1.1.3, п. 5.1.1.1.4 Списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль, утвержденного Указом Президента РФ от 17 декабря 2011 г. № 1661 (разрешение межведомственного координационного органа отсутствует).

Так, коммутатор маршрутизирующий «Поток-КМ-122» и межсетевой экран «DionisNX 4008-E2» предназначены для построения системы защиты информации, обрабатываемой в информационных системах, и для построения системы защиты информации в автоматизированных системах управления и связи, что создает возможность их использования войсками, провидения испытаний и обеспечения заданного уровня готовности этой техники к использованию по назначению.

Факт (о предназначении оборудования для защиты информации, передаваемой по каналам ведомственной сети Министерства обороны Республики Казахстан) также был подтвержден генеральным директором АО «Информтехника и Связь» Б. А. Ануфриевым.

Таким образом, АО «Информтехника и Связь» имело основания полагать, что вышеуказанная продукция поставляется для применения Министерством обороны Республики Казахстан и может быть использована для создания вооружения и военной техники, поскольку позволяет отнести указанные товары к «иным видам вооружения и военной техники» в трактовке п. 2 Правил, что с учетом осведомленности заявителя об их предназначении влечет обязанность получения разрешения комиссии по экспортному контролю РФ на их экспорт.

Судами верно установлено, что основанием для привлечения АО «Информтехника и Связь» к административной ответственности является несоблюдение ч. 2 ст. 20 Федерального закона «Об экспортном контроле».

На основании исследования проблем в соблюдении участниками ВЭД норм законодательства, ав-

торы приходят к следующим выводам касаемо возможных путей решения.

1. Идентификация контролируемых товаров и технологий, является обязанностью российских участников ВЭД в рамках соблюдения законодательства: ст. 6, 20 ФЗ «Об экспортном контроле», постановления Правительства РФ от 15 августа 2005 г. № 517, установленных запретов и ограничений в области экспортного контроля при вывозе товара, которую они должны неукоснительно соблюдать, однако выше приведенная судебная практика говорит о том, что в данном вопросе имеются проблемы, которые, на взгляд авторов, можно решить в рамках информирования юридических лиц и индивидуальных предпринимателей об обязательных требованиях, установленных законодательством Российской Федерации в области экспортного контроля, о порядке (процедурах, сроках) проведения контрольных мероприятий, правах и обязанностях подконтрольных субъектов.

2. Улучшение риск-ориентированного подхода в рамках осуществляемых плановых и внеплановых проверок государственных органов (отвечающих за контроль соблюдения законодательства Российской Федерации в области экспортного контроля), а также продолжить оказания субъектам проверки методической помощи в соблюдении обязательных требований с привлечением институтов развития, центров поддержки экспортеров, отраслевых союзов и торгово-промышленных палат.

3. Учитывая положительный опыт ФСТЭК России (приказ ФСТЭК России от 17 декабря 2010 г. № 156 «Программа профилактики нарушений обязательных требований, соблюдение которых оценивается при контроле за соблюдением российскими участниками ВЭД законодательства в области экспортного контроля»), внедрять и актуализировать данные программы и в других государственных органах, отвечающих за соблюдение законодательства Российской Федерации в области экспортного контроля.

4. В целях снижения латентных правонарушений в области экспортного контроля авторы считают целесообразным обратить внимание на следующий аспект: в отношении недобросовестных участников ВЭД в рамках межведомственного взаимодействия повысить результативность координации с государственными контролирующими и правоохранительными органами по выявлению, пресечению и привлечению к ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации при экспорте и импорте товаров и технологий двойного назначения.

5. В рамках международного и национального законодательства сжатые сроки государственного контроля в области экспортного контроля дают не добросовестным участникам ВЭД уклоняться от ответственности, установленной законодательством РФ; в рамках законотворческого процесса, возможно, рассмотреть вопрос о расширении периода проведения проверок, а также сроков привлечения нарушителей к административной ответственности в соответствии КоАП РФ.

6. В условиях международного законодательства Евразийского экономического союза имеется возможность не представлять статистические формы учета перемещения товара недобросовестными участниками ВЭД; с точки зрения авторов, необходимо повысить уровень ответственности в соответствии с тяжестью совершаемых противоправных деяний в целях повышения уровня заинтересованности в цивилизованной внешней торговле, а также стимулировании соблюдения законодательства и повышении правовой грамотности экспортеров и импортеров, товаров и технологий двойного назначения.

Список источников

1. Агамагомедова С. А. Свобода предпринимательства и ее ограничение при осуществлении государственного контроля и надзора // «Безопасность бизнеса». 2022. № 2 // URL://https://www.consultant.ru/law/podborki/svoboda_predprinimatelstva/

2. Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ (ред. от 26 марта 2022 г.) «Об экспортном контроле» // URL://https://www.consultant.ru/search.

3. Указ Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1085 (ред. от 8 декабря 2021 г.) «Вопросы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14031/

4. Приказ ФСТЭК России от 21 июня 2022 г. № 106 «Об утверждении Обзора правоприменительной практики ФСТЭК России в рамках контроля за соблюдением российскими участниками внешнеэкономической деятельности законодательства Российской Федерации в области экспортного контроля за 2021 год» // URL://http://www.consultant.ru/search.

5. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 сентября 2021 г. № 17АП-

9780/2021-АКу по делу № А71-4534/2021 // URL:// https://www.consultant.ru/search.

6. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 июня 2021 г. № Ф03-2900/2021 по делу № А51-12380/2020 // URL://https://www.consultant.ru/search.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 20 октября 2022 г.) // URL://https:// www.consultant.ru/search.

8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 апреля 2021 г. № Ф05-3980/2021 по делу № А40-74493/20-17-547 // URL://https://www.consultant.ru/search.

References

1. Agamagomedova S. A. Freedom of entrepreneurship and its restriction in the implementation of state control and supervision // «Business security». 2022. № 2 // URL://https://www.consultant.ru/law/podborki/svoboda_predprinimatelstva/

2. Federal Law No. 183-FZ of July 18, 1999 (as amended on March 26, 2022) «On Export control» // URL://https://www.consultant.ru/search.

3. Decree of the President of the Russian Federation No. 1085 of August 16, 2004 (ed. of December 8, 2021) «Issues of the Federal Service for Technical and Export Control» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14031/

4. Order of the FSTEC of Russia dated June 21, 2022 No. 106 «On approval of the Review of the Law Enforcement practice of the FSTEC of Russia in the framework of monitoring compliance by Russian participants in foreign economic activity with the legislation of the Russian Federation in the field of export control for 2021» // URL://http://www.consultant.ru/search.

5. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal of September 27, 2021 No. 17AP-9780/2021-ACu in case No. A71-4534/2021 // URL://https://www.consultant.ru/search.

6. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of June 15, 2021 No. F03-2900/2021 in case No. A51-12380/2020 // URL://https://www.consultant.ru/search.

7. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on October 20, 2022) // URL://https://www.consultant.ru/search.

8. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of April 1, 2021 No. F05-3980/2021 in case No. A40-74493/20-17-547 // URL://https://www.consultant.ru/search.

Информация об авторах

В. В. Килин — заместитель начальника отдела экспортного контроля Управления Федеральной службы по Техническому и экспортному контролю России по Уральскому федеральному округу;

Э. Ю. Петров — государственный инспектор отдела экспортного контроля Управления Федеральной службы по Техническому и экспортному контролю России по Уральскому федеральному округу.

Information about the authors

V. V. Kilin — Deputy Head of the Export Control Department of the Federal Service for Technical and Export Control of Russia for the Ural Federal District;

E. Yu. Petrov — State Inspector of the Export Control Department of the Federal Service for Technical and Export Control of Russia in the Ural Federal District.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.11.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2023; принята к публикации 07.04.2023.

The article was submitted 11.11.2022; approved after reviewing 31.01.2023; accepted for publication 07.04.2023.

Научная статья
УДК 343.982.44
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-124-128
EDN: https://elibrary.ru/ifyzgg
NIION: 2003-0059-3/23-683
MOSURED: 77/27-003-2023-03-882

Современные возможности идентификационного исследования электрофотографических копировально-множительных устройств

Виктория Александровна Коглина
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, viktoriakoglina@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются методические особенности идентификационных исследований документов, изготовленных с использованием электрофотографических копировально-множительных устройств. Раскрываются возможности установления тождества печатающего устройства по следам дефектов его следообразующих узлов и механизмов, отобразившихся на запечатываемом материале.

Ключевые слова: копировально-множительные устройства, электрофотография, судебная экспертиза, идентификация, заключение эксперта, технико-криминалистическая экспертиза документов

Для цитирования: Коглина В. А. Современные возможности идентификационного исследования электрофотографических копировально-множительных устройств // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 124–128. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-124-128. EDN: IFYZGG.

Original article

Modern possibilities of identification research of electrophotographic copiers

Victoriya A. Koglina
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, viktoriakoglina@gmail.com

Abstract. The methodological features of identification studies of documents made using electrophotographic copying and multiplying devices are considered. The possibilities of establishing the identity of the printing device based on the traces of defects in its trace-forming nodes and mechanisms displayed on the printed material are revealed.

Keywords: copiers, electrophotography, forensic examination, expert opinion, technical and forensic examination of documents

For citation: Koglina V. A. Modern possibilities of identification research of electrophotographic copiers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):124–128. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-124-128. EDN: IFYZGG.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что тенденция совершения преступлений, связанных с изготовлением, сбытом поддельных денег, ценных бумаг и иных средств платежей (ст. 186, 187 УК РФ), на сегодняшний день остается неблагоприятной. В 2020 г. зарегистрировано 20 046 преступлений, связанных с незаконным изготовлением денежных билетов, 2021 г. — 33 293. Рост данного вида преступлений подрывает финансовую систему и основы экономики Российской Федерации [5], несет общественную опасность как для отдельного гражданина, так и для всей страны. Изучение результатов правоприменительной деятельности также не свидетельствуют о снижении темпов роста фальшивомонетничества. Так, по ст. 186 УК РФ в 2019 г. было осуждено 532 лица, в 2020 г. — 549 лиц. Отметим, что при изготовлении поддельных денежных билетов, а также иных платежных средств злоумышленники используют различные копировально-множительные устройства, технологии функционирования которых значительно усовершенствовались, что требует новых подходов при технико-криминалистическом исследовании документов, изготовленных на современных печатающих устройствах [4, с. 97].

Обратим внимание, что в результате анализа практики производства технико-криминалистических экспертиз документов, мы установили существенное снижение их результативности. Так в 2020 г. 66 189 заключений эксперта по технико-криминалистиче-

© Коглина В. А., 2023

ской экспертизе документов из 75 263 проведенных исследований данного вида способствовали установлению причастности лица к совершению преступления, в 2021 г. — 41 047 из 74 356 проведенных экспертиз. Указанные обстоятельства свидетельствуют о снижении результативности именно идентификационных исследований, в том числе в отношении таких объектов, как документы, изготовленные с использованием копировально-множительных устройств.

Таким образом, вышеизложенное определяет необходимость совершенствования методических подходов при производстве идентификационных технико-криминалистических экспертиз документов, изготовленных репрографическими способами, а также повышения уровня специальных знаний экспертов в отношении устройства и функционирования современных копировально-множительных устройств.

Теория и практика технико-криминалистических исследований документов, изготовленных с использованием репрографических устройств, отражены в работах следующих ученых и криминалистов: А. Г. Белоусов, А. В. Гортинский, А. В. Ефименко, С. Ш. Касимова, В. П. Лютов, Л. А. Чередниченко, Т. Б. Черткова, П. А. Четверкин, С. Б. Шашкин и др.

В результате анализа научных и монографических работ указанных авторов следует отметить, что в них отражена теория и практика экспертных исследований документов, изготовленных с использованием печатающих устройств. Однако, в настоящее время во всех отраслях науки и техники перманентно нарастают процессы цифровизации, в том числе при производстве современных копировально-множительных устройств, чем активно пользуются преступники при изготовлении поддельных документов, что определяет новые векторы деятельности правоохранительных органов.

Целью представленной работы является совершенствование методических основ идентификационных технико-криминалистических исследований документов, изготовленных на электрофотографических копировально-множительных устройствах, а также изучение современных печатающих устройств и особенностей отображения их деталей и механизмов на запечатываемых материалах.

В соответствии с ГОСТ 25868-91 печатающее устройство определяется как устройство вывода вычислительной машины, обеспечивающее вывод данных из электронно-вычислительной машины в печатном виде на бумажный носитель в форме последовательности дискретных и (или) графических знаков [2].

Экспертные исследования документов, изготовленных репрографическими способами, диагностического характера направлены в большинстве случаев на установление способа изготовления. Такие исследования также имеют ряд нюансов, поскольку в связи с совершенствованием самих печатающих устройств, а также химических составов используемых красящих веществ, диагностические признаки, которые отображаются в штрихах документа, могут видоизменяться, что ведет к формированию ошибочных выводов в отношении способа изготовления документа [1, с. 229]. Для предотвращения экспертных ошибок необходимо своевременно обновлять справочные материалы, посещать научно-представительские мероприятия, где освещаются современные достижения научно-технического прогресса в области полиграфии и репрографии.

Технико-криминалистические исследования документов идентификационного характера на настоящий момент имеют ряд проблемных вопросов, связанных с установлением особенностей отображения следов и признаков узлов и деталей копировально-множительных устройств на документах. Так, процесс идентификации в данном случае основан на том, что в процессе эксплуатации печатающие устройства подвергаются износу, что отражается в виде дефектов на их частях, в том числе следообразующих, которые контактируют с запечатываемым материалом, и имеют наибольшее значение для экспертного исследования. Печатающие устройства, которые функционируют на основе электрофотографического процесса, состоят из следующих основных узлов: фоторецептор, вал первичного заряда, картридж, узел термосилового закрепления, бумагопроводящая система, которые в процессе эксплуатации могут изнашиваться, и на их поверхности образуется ряд дефектов, которые отображаются в виде определенных следов на поверхности документа, по совокупности которых можно идентифицировать конкретное копировально-множительное устройство или его узел, при помощи которого был изготовлен представленный документ [3, с. 9].

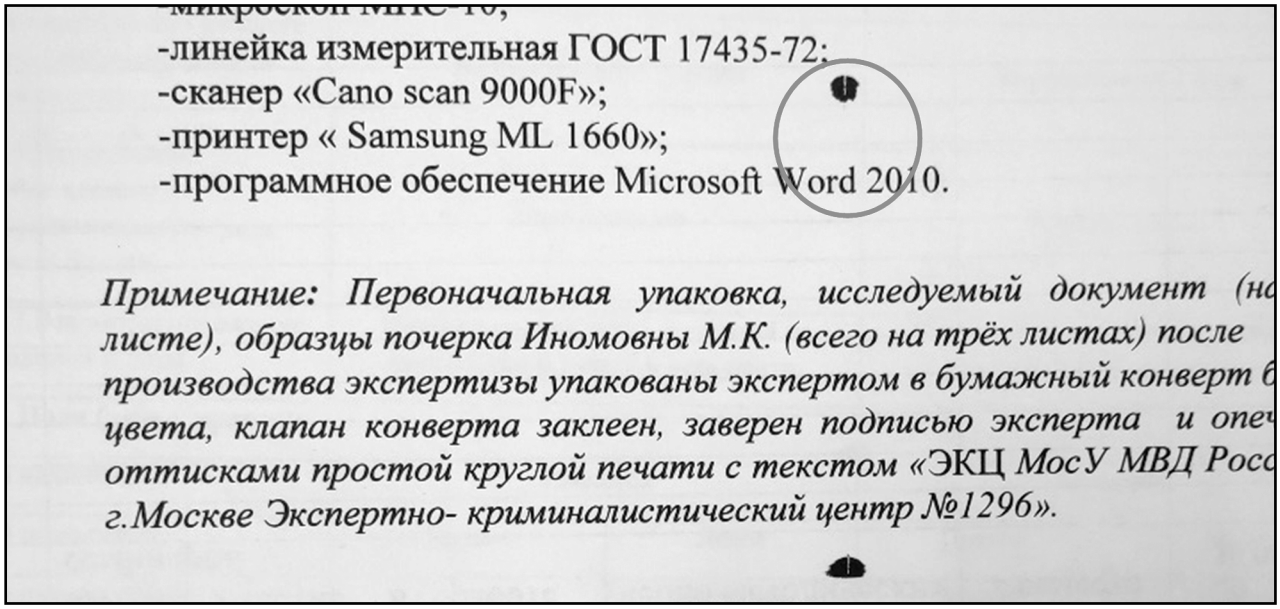

Рис. 1. Следы от фоторецептора, отобразившиеся в документе

Вал первичного заряда в лазерном электрофотографическом устройстве передает однородный заряд фоторецептору. После прохождения документа через фоторецептор, вал первичного заряда нейтрализует остаточные явления предыдущей зарядки. Так, при загрязнении вала первичной зарядки на запечатываемом материале будут образоваться окрашенные элементы, которые будут иметь определенную локализацию и повторяться на одном и том же расстоянии, которое соответствует диаметру поверхности вала.

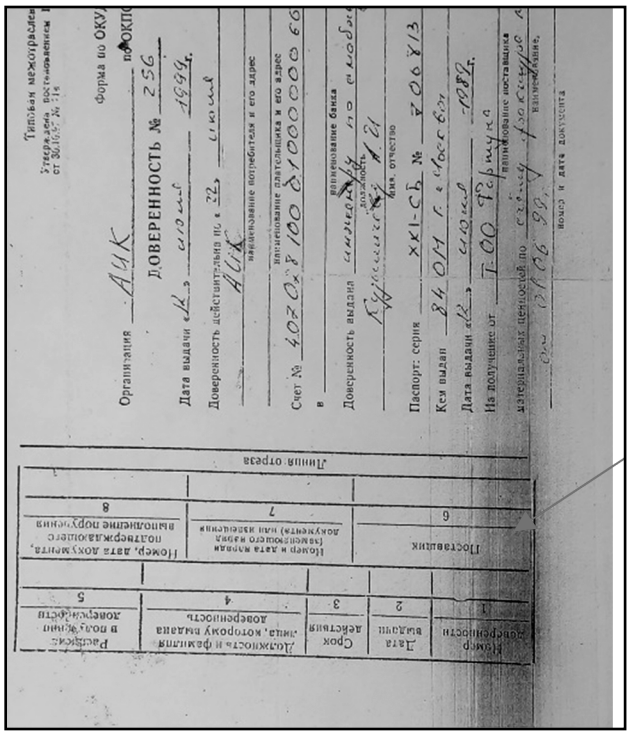
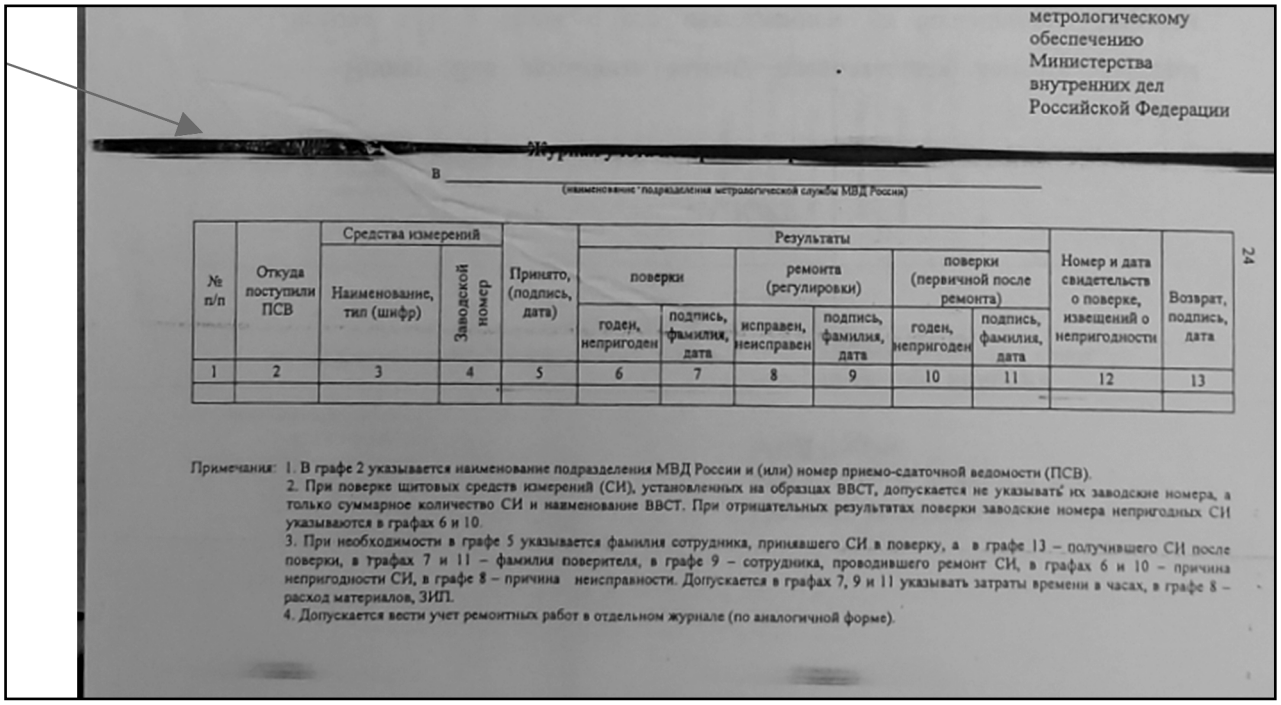

Рис. 2. Следы от чистящего лезвия, отобразившиеся в документе

На поверхности фоторецептора, как одного из основных узлов электрофотографического печатающего устройства, в процессе длительной и интенсивной эксплуатации могут образовываться различные сколы, царапины и иные механические повреждения фотополупроводникового слоя [6, с. 128]. Указанные дефекты фоторецептора притягивают к своей поверхности излишнее количество тонера, что отображается в виде окрашенных элементов различной конфигурации, полос, повторяющихся через определенное расстояние, которое соответствует диаметру фоторецептора, но меньшее по размеру, чем соответствующее расстояние между следами от вала первичного заряда (рис. 1).

Износ чистящего лезвия приводит к тому, что остатки тонера не убираются с поверхности фоторецептора, что выражается в общей загрязненности фона документа, а также окрашенных полосах (рис. 2).

Магнитный вал картриджа забирает необходимое количество тонера и переносит его на поверхность фоторецептора для проявления изображения, при дефекте его магнитных или электрических свойств на поверхности запечатываемого материала появляются интенсивно окрашенные горизонтальные полосы, светлые участки и полосы, а также может наблюдаться общее снижение контрастности документа, или, наоборот, заливка общего фона (рис. 3).

метрологическому
обеспечению
Министерства
внутренних дел
Российской Федерации

В _____
(наименование подразделения метрологической службы МВД России)

№ п/п	Откуда поступили ПСВ	Средства измерений: Наименование, тип (шифр)	Средства измерений: Заводской номер	Принято, (подпись, дата)	Результаты: поверки: годен, непригоден	поверки: подпись, фамилия, дата	ремонта (регулировки): исправен, неисправен	ремонта (регулировки): подпись, фамилия, дата	поверки (первичной после ремонта): годен, непригоден	поверки (первичной после ремонта): подпись, фамилия, дата	Номер и дата свидетельств о поверке, извещений о непригодности	Возврат, подпись, дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13

Примечания: 1. В графе 2 указывается наименование подразделения МВД России и (или) номер приемо-сдаточной ведомости (ПСВ).
2. При поверке щитовых средств измерений (СИ), установленных на образцах ВВСТ, допускается не указывать их заводские номера, а только суммарное количество СИ и наименование ВВСТ. При отрицательных результатах поверки заводские номера непригодных СИ указываются в графах 6 и 10.
3. При необходимости в графе 5 указывается фамилия сотрудника, принявшего СИ в поверку, а в графе 13 – получившего СИ после поверки, в графах 7 и 11 – фамилия поверителя, в графе 9 – сотрудника, проводившего ремонт СИ, в графах 6 и 10 – причина непригодности СИ, в графе 8 – причина неисправности. Допускается в графах 7, 9 и 11 указывать затраты времени в часах, в графе 8 – расход материалов, ЗИП.
4. Допускается вести учет ремонтных работ в отдельном журнале (по аналогичной форме).

24

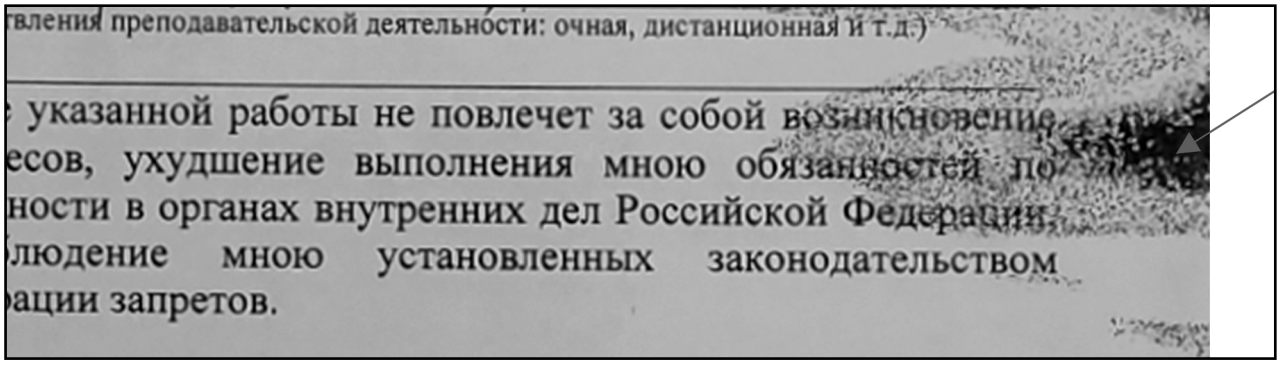
Рис. 3. Следы от магнитного вала картриджа, отобразившиеся в документе

Узел термосилового закрепления состоит из нагревательного вала и прижимного вала, которые обеспечивают запекание частиц тонера и их вдавливание в поверхность бумаги. Износ данного узла копировально-множительного устройства может выражаться в виде повторов изображений печатных знаков и их размазывание, а также окрашенных полос на поверхности запечатываемого материала (рис. 4).

Подводя итог проведенного исследования, отметим, что идентификация копировально-множительных устройств основана на отображении следов, образованных дефектами следообразующих узлов и деталей. При этом указанные следы имеют определенную локализацию, размеры, форму, взаиморасположение, по совокупности которых следует отождествлять лишь конкретный узел печатающего устройства, который оставил данные следы, поскольку отдельные составные части и детали взаимозаменяемы и могут использоваться в нескольких экземплярах одной марки и модели копировально-множительного устройства. Однако, при наличии проверяемого электрофотографического печатающего устройства или сравнительных образцов, содержащих следы дефектов узлов и деталей данного аппарата, в ходе производства исследования эксперт может прийти к выводу о наличии или отсутствии тождества в отношении конкретного копировально-множительного устройства.

Список источников

1. Бондаренко Р. В., Орлова Т. В. К вопросу о возможностях идентификации струйных печатающих устройств // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 228–232.

вления преподавательской деятельности: очная, дистанционная и т.д.)

указанной работы не повлечет за собой возникновение
есов, ухудшение выполнения мною обязанностей по
ности в органах внутренних дел Российской Федерации;
людение мною установленных законодательством
ации запретов.

Рис. 4. Следы от узла термосилового закрепления, отобразившиеся в документе

2. ГОСТ 25868-91 Межгосударственный стандарт. Оборудование периферийное систем обработки информации. Термины и определения. СССР. 1993 // URL://https://docs.cntd.ru/document/1200015782.

3. Ефименко А. В. Технико-криминалистическое исследование документов, изготовленных с использованием электрофотографических печатающих устройств: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2011.

4. Четверкин П. А., Ефименко А. В. Технико-криминалистическое исследование следов зубчатых колес бумагопроводящих механизмов капельно-струйных принтерных устройств // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 97–101 // URL://https://cyberleninka.ru/article/n/tehniko-kriminalisticheskoe-issledovanie-sledov-zubchatyh-koles-bumagoprovodyaschih-mehanizmovkapelno-struynyh-printernyh.

5. Маецкий А. В. Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг // Молодой ученый. 2012. № 4 (39). С. 288–295 // URL:// https://moluch.ru/archive/39/4562/

6. Технико-криминалистическая экспертиза документов: учебник / под ред. А. А. Проткина. 2-е изд., доп. М., 2017.

References

1. Bondarenko R. V., Orlova T. V. On the question of the possibilities of identification of inkjet printing devices // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 4. P. 228–232.

2. GOST 25868-91 Interstate standard. Peripheral equipment of information processing systems. Terms and definitions. USSR. 1993 // URL://https://docs.cntd.ru/document/1200015782.

3. Efimenko A. V. Technical and forensic examination of documents produced using electrophotographic printing devices: autoref. diss. ... cand. jurid. sciences. M., 2011.

4. Chetverkin P. A., Efimenko A. V. Technical and forensic investigation of traces of gears of paper-carrying mechanisms of drip-jet printer devices // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 5. P. 97–101 // URL://https://cyberleninka.ru/article/n/tehniko-kriminalisticheskoe-issledovanie-sledov-zubchatyh-koles-bumagoprovodyaschih-mehanizmovkapelno-struynyh-printernyh.

5. Maetsky A. V. Manufacture, storage, transportation or sale of counterfeit money or securities // Young scientist. 2012. No. 4 (39). P. 288–295 // URL://https://moluch.ru/archive/39/4562/

6. Technical and forensic examination of documents: textbook / ed. by A. A. Protkin. 2nd ed., add. M., 2017.

Информация об авторе

В. А. Коглина — преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. A. Koglina — Lecturer of the Department of Document Research of the Educational and Scientific complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-129-132
EDN: https://elibrary.ru/ievybu
NIION: 2003-0059-3/23-684
MOSURED: 77/27-003-2023-03-883

Использование технологии больших данных (Big Data) в деятельности органов внутренних дел: проблемы и перспективы

Алексей Владимирович Константинов[1], Наталья Васильевна Михайленко[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] alexk_pochta@mail.ru
[2] natamvz@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются некоторые стороны использования технологии больших данных (Big Data) в деятельности органов внутренних дел. На основе указанных областей применения и использования технологии больших данных (Big Data) в деятельности органов внутренних дел, выделены существующие проблемы и способы их решения.

Ключевые слова: органы внутренних дел, информационные технологии, технология больших данных, искусственный интеллект

Для цитирования: Константинов А. В., Михайленко Н. В. Использование технологии больших данных (Big Data) в деятельности органов внутренних дел: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 129–132. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-129-132. EDN: IEVYBU.

Original article

The use of big data technology (Big Data) in the activities of the internal affairs bodies: problems and prospects

Aleksey V. Konstantinov[1], Natalya V. Mikhaylenko[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] alexk_pochta@mail.ru
[2] natamvz@gmail.com

Abstract. Some aspects of the use of big data technology (Big Data) in the activities of internal affairs bodies are considered. Based on the specified areas of application and use of Big Data technology in the activities of internal affairs bodies, the existing problems and ways to solve them are highlighted.

Keywords: internal affairs bodies, information technology, big data technology, artificial intelligence

For citation: Konstantinov A. V., Mikhaylenko N. V. The use of big data technology (Big Data) in the activities of the internal affairs bodies: problems and prospects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):129–132. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-129-132. EDN: IEVYBU.

Технология больших данных (Big Data) стала неотъемлемой частью повседневной жизни, в том числе и в сфере правоохранительной деятельности.

Большие данные (Big Data) — это большой объем информации, собранный из различных источников, которые обрабатываются и анализируются, чтобы выявить закономерности, тренды и паттерны, которые могут использоваться для принятия решений. Обработка и анализ больших данных возможны благодаря использованию новых технологий и инструментов, которые позволяют хранить, обрабатывать и анализировать большие объемы информации.

Использование больших данных (Big Data) может быть полезным в различных отраслях. В России все больше появляется мнений о необходимости использования этих технологий в работе органов внутренних дел, например, Президент РФ подчеркивает, что по итогам 2022 г. четверть уголовно наказуемых правонарушений составили преступления с использованием информационных технологий — все это связано с развитием этих технологий [1].

В таких условиях использование технологий больших данных (Big Data) свидетельствует о том, что правоохранительные органы могут использовать современные методы обработки и анализа больших

© Константинов А. В., Михайленко Н. В., 2023

объемов данных для повышения эффективности своей работы. Это может включать в себя анализ данных о преступлениях, их распространении, местах совершения, а также анализ потенциальных угроз и мер предотвращения.

Одним из главных преимуществ использования технологий больших данных (Big Data) в работе органов внутренних дел является возможность быстрого и точного выявления преступных схем и преступников. Благодаря обработке большого объема информации с помощью специальных алгоритмов и систем, органы внутренних дел могут быстро получать ценные данные, которые помогают предотвратить преступления и дополнительно укрепляют доказательную базу при расследовании.

Использование технологий больших данных может помочь повысить эффективность работы органов внутренних дел, предоставив более точную и своевременную информацию о преступности и других важных событиях. Ниже приведены некоторые области деятельности органов внутренних дел по использованию технологий больших данных.

1. Анализ данных о преступности: с помощью анализа больших данных можно выявлять закономерности и тренды в преступности, что поможет органам внутренних дел принимать более обоснованные решения.

2. Мониторинг социальных сетей и медиаконтента: органы внутренних дел могут использовать аналитические инструменты для мониторинга социальных сетей и общественных медиа, чтобы получать своевременную информацию о событиях, которые могут потенциально повлиять на обеспечение безопасности общества.

3. Использование камер видеонаблюдения и систем распознавания лиц: органы внутренних дел могут использовать системы видеонаблюдения и распознавания лиц для определения подозреваемых, их местоположения и их движений, что может помочь в быстром расследовании и предотвращении преступлений.

4. Прогнозирование преступлений: анализ данных о преступности и социальных тенденциях может помочь органам внутренних дел предсказывать вероятность возникновения преступлений и определять зоны риска.

5. Использование машинного обучения и искусственного интеллекта: машинное обучение и искусственный интеллект могут помочь в автоматизации процессов и улучшении прогнозирования, что может повысить эффективность работы полиции.

Хотя технология больших данных (Big Data) обладает огромным потенциалом в области правоохранительной деятельности, она также имеет ряд проблем и вызовов, которые могут затруднить ее использование в этой сфере.

Первая проблема — это сложность обработки огромного объема данных. Сбор, хранение и анализ большого объема информации требует мощных компьютерных систем и высококвалифицированных специалистов, что может быть дорого и времязатратно.

Вторая проблема — это возможность нарушения конфиденциальности и защиты данных. Поскольку в процессе обработки больших объемов информации возникает необходимость использования персональных данных, существует риск нарушения конституционных прав граждан на защиту личной жизни и конфиденциальность информации.

Третья проблема — это необходимость правильного интерпретирования данных и предотвращения ошибок в анализе. Иногда данные могут быть неправильно интерпретированы, что может привести к неправильным выводам и ошибочным решениям. Кроме того, использование автоматических алгоритмов может привести к нежелательным последствиям, если эти алгоритмы будут основываться на предвзятых данных.

Наконец, четвертая проблема — это необходимость соблюдения этических принципов. Использование данных о гражданах может стать нарушением их прав, если такие данные будут использоваться без их согласия или вне контекста, в котором было получено согласие. Необходимо учитывать возможность использования данных для профилирования и дискриминации.

Тем не менее, эти проблемы не означают, что технология больших данных (Big Data) не может быть использована как способ эффективизации деятельности органов внутренних дел. Напротив, она может принести большую пользу, если будут приняты соответствующие меры для обеспечения безопасности и конфиденциальности данных, правильной интерпретации информации и соблюдения этических принципов.

В связи с этим существует необходимость административно-правового обеспечения использования технологии больших данных (Big Data), представляющая собой ряд мер, направленных на обеспечение законности и защиту прав граждан. Вот некоторые из них.

1. Законодательное регулирование. Необходимо разработать соответствующие законы и нормативные акты, которые бы регулировали использование технологии больших данных (Big Data) в сфере правопорядка. Эти законы должны учитывать интересы граждан и обеспечивать защиту их персональных данных.

2. Правовая ответственность. Нарушения правил использования технологии больших данных (Big Data) должны иметь соответствующие юридические последствия. Необходимо установить ответственность за неправомерное использование персональных данных граждан, а также за нарушение прав на конфиденциальность и приватность.

3. Прозрачность. Органы внутренних дел должны обеспечивать прозрачность в использовании технологии больших данных (Big Data). Граждане должны иметь доступ к информации о том, как их персональные данные используются правоохранительными органами, а также о том, какие меры принимаются для обеспечения их защиты.

4. Контроль. Необходимо установить механизмы контроля за использованием технологии больших данных (Big Data) правоохранительными органами. Например, можно создать специальные комиссии или контрольные органы, которые будут следить за правомерностью использования персональных данных граждан.

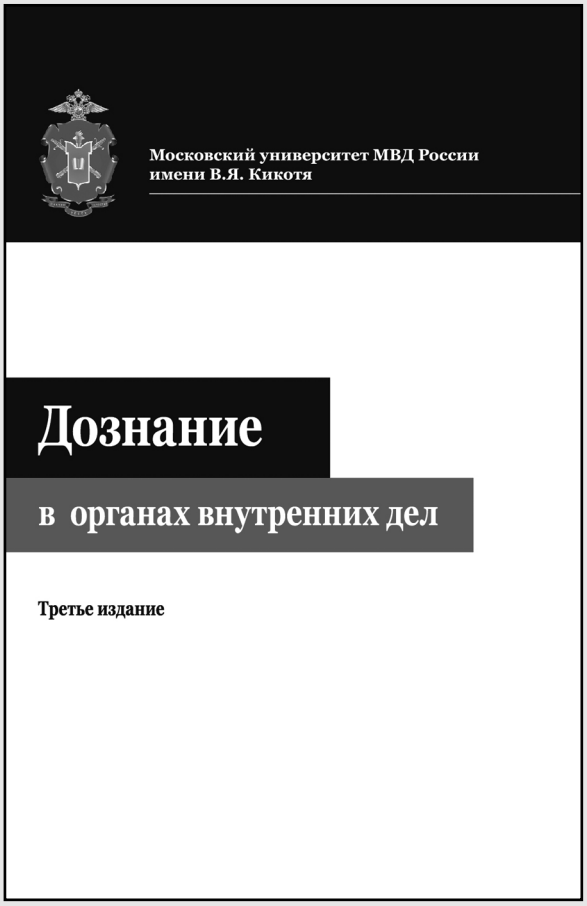
5. Обучение. Сотрудники правоохранительных органов должны быть обучены использованию технологии больших данных (Big Data) и ее правильному применению. Необходимо проводить специальные тренинги и семинары, которые помогут повысить квалификацию сотрудников и обеспечить правильное использование технологии.

6. Сотрудничество. Необходимо установить сотрудничество между правоохранительными органами и другими организациями, которые используют технологию больших данных (Big Data). Например, можно установить партнерские отношения с компаниями, которые занимаются разработкой и внедрением таких технологий, чтобы обеспечить их правомерное использование.

В целом, использование технологии больших данных (Big Data) в работе органов внутренних дел имеет большой потенциал для повышения эффективности и оперативности их работы. При правильном подходе и соблюдении законодательства может стать

ДОЗНАНИЕ
В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 495 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

мощным инструментом в борьбе с преступностью. Для того, чтобы добиться максимальной пользы от использования такой технологии, необходимо тщательно рассмотреть все ее преимущества и ограничения, разработать соответствующие стратегии и методологии ее применения.

Список источников

1. Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL://http://kremlin.ru/events/president/news/70744.

References

1. Official website of the President of the Russian Federation // URL://http://kremlin.ru/events/president/news/70744.

Библиографический список

1. Андреев А. В., Гончар В. В., Горач Н. Н. и др. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере информационных технологий. М. : Инфра-М, 2023.

2. Андрианова Е. И. Инклюзивное образование: характеристика, сущность, проблемы // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 2 (93). С. 14–16.

3. Жбанков В. А., Барченкова Я. В. вопросу о совершенствовании законодательства в борьбе с мошенничеством, совершаемым с использованием высоких технологий // Модернизация российского законодательства в условиях конституционной реформы: сб. тр. XVII всерос. декабрьских юрид. чтений в Костроме. Кострома : Костромской государственный университет, 2021. С. 425–427.

4. Токолов А. В. Особенности правового регулирования технологии блокчейн // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 149–151.

Bibliographic list

1. Andreev A. V., Gonchar V. V., Gorach N. N. et al. Countering crimes committed in the field of information technology. M. : Infra-M, 2023.

2. Andrianova E. I. Inclusive education: characteristics, essence, problems // Bulletin of the Novgorod State University. 2016. No. 2 (93). P. 14–16.

3. Zhbankov V. A., Barchenkova Ya. V. to the question of improving legislation in the fight against fraud committed using high technologies // Modernization of Russian legislation in the context of constitutional reform: collection of tr. XVII vseros. December jurids. readings in Kostroma. Kostroma : Kostroma State University, 2021. P. 425–427.

4. Tokolov A. V. Features of legal regulation of blockchain technology // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1. P. 149–151.

Информация об авторах

А. В. Константинов — доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Н. В. Михайленко — доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Konstantinov — Associate Professor of the Department of Countering Crimes in the field of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

N. V. Mikhaylenko — Associate Professor of the Department of Countering Crimes in the field of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 08.06.2023.

The article was submitted 24.03.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 08.06.2023.

Научная статья
УДК 342
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-133-140
EDN: https://elibrary.ru/ibrcvq
NIION: 2003-0059-3/23-685
MOSURED: 77/27-003-2023-03-884

Теоретико-правовые подходы к определению вины юридического лица при привлечении к административной ответственности: проблемы и пути решения

Николай Петрович Маюров[1], Елена Александровна Иншакова[2], Павел Николаевич Маюров[3]
[1] Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия, mayurov2010@mail.ru
[2] Санкт-Петербургский университет управления, технологии и экономики, Санкт-Петербург, Россия, inshakova@mail.ru
[3] Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия, mayurov2010@mail.ru

Аннотация. Рассматривается актуальная в административно-правовой науке проблематика определения вины юридического лица. Анализируется дискуссионное содержание понятия вины юридического лица в роли обязательного составного элемента юридического состава административных правонарушений. Продемонстрированы базовые теоретико-правовые подходы к правовой природе юридического лица в административном праве — с точки зрения субъекта правоотношений и с точки зрения правовой фикции, что влияет на интерпретацию его юридической ответственности и оснований наступления. Уделено внимание рассмотрению сложившихся в науке административного права концепций и подходов к определению вины юридического лица и возможности ее обоснования. Обращается внимание на необходимость выработки в рамках нового проекта кодекса КоАП РФ унифицированной концепции вины юридического лица, которая упростит правоприменение. Указывается на необходимость всесторонней и подробной детализации критериев виновности юридического лица и непосредственного отражения в тексте КоАП РФ понятия «вина юридического лица».

Ключевые слова: вина, субъект, юридическое лицо, объективное вменение, кодекс, административная ответственность, фикция

Для цитирования: Маюров Н. П., Иншакова Е. А., Маюров П. Н. Теоретико-правовые подходы к определению вины юридического лица при привлечении к административной ответственности: проблемы и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 133–140. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-133-140. EDN: IBRCVQ.

Original article

Theoretical and legal approaches to determining the guilt of a legal entity when bringing to administrative responsibility: problems and solutions

Nikolay P. Mayurov[1], Elena A. Inshakova[2], Pavel N. Mayurov[3]
[1] State University of Sea and River Fleet named after Admiral S. O. Makarov, St. Petersburg, Russia, mayurov2010@mail.ru
[2] Saint Petersburg University of Management, Technology and Economics, St. Petersburg, Russia, inshakova@mail.ru
[3] University under the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC, St. Petersburg, Russia, mayurov2010@mail.ru

Abstract. The problem of determining the guilt of a legal entity, which is relevant in administrative and legal science, is considered. The debatable content of the concept of the guilt of a legal entity as a mandatory component of the legal composition of administrative offenses is analyzed. The basic theoretical and legal approaches to the legal nature of a legal entity in administrative law are demonstrated — from the point of view of the subject of legal relations and from the point of view of legal fiction, which affects the interpretation of its legal responsibility and the grounds for its occurrence. Attention is paid to the consideration of concepts and approaches that have developed in the science of administrative law to determine the guilt of a legal entity and the possibility of its justification. Attention is drawn to the need to develop, within the framework of the new draft Code of the Administrative Code of the Russian Federation, a unified concept of the guilt of a legal entity, which will simplify law enforcement. It is pointed out that there is a need for comprehensive and detailed detailing of the criteria for the guilt of a legal entity and the direct reflection of the concept of «guilt of a legal entity» in the text of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: guilt, subject, legal entity, objective imputation, code, administrative responsibility, fiction

For citation: Mayurov N. P., Inshakova E. A., Mayurov P. N. Theoretical and legal approaches to determining the guilt of a legal entity when bringing to administrative responsibility: problems and solutions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):133–140. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-133-140. EDN: IBRCVQ.

© Маюров Н. П., Иншакова Е. А., Маюров П. Н., 2023

Введение. В юридической литературе в течение длительного времени развивается дискуссионный вопрос по поводу института административной ответственности и субъектов ответственности. В течение определенного времени превалировало мнение, что субъектами административной ответственности являются только физические и должностные лица. Изменения в экономике и общественно-политическая ситуация в Российской Федерации, обусловленные развитием предпринимательства на основе различных форм собственности, переход к рыночной экономике и другие факторы повлекли за собой принятие ряда законодательных актов, в том числе и Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) которыми была установлена административная ответственность юридических лиц.

Вопросы, связанные с привлечением юридических лиц к административной ответственности, остаются актуальными и по сей день, поскольку должным образом не урегулированы действующим законодательством, в частности столь важные вопросы, как определение вины юридических лиц, поскольку в силу «искусственности» непосредственно самой правовой конструкции юридического лица, с точки зрения административного права, особенности и специфика определения вины будут существенно отличаться от устоявшихся в теории права правил, которые применяются к вине физических лиц. Широкий диапазон подходов и точек зрения к различным элементам административной ответственности юридических лиц вызывает активную дискуссию, а отсутствие единообразного понимания и правоприменения приводит к появлению проблем, требующих осмысления и обусловливающих необходимость проведения современных научно-теоретических исследований в данной области.

Проблематика определения вины юридических лиц сквозь призму административного права, безусловно, охватывает большое количество научных исследований. Однако в их совокупности отсутствует единство мнений по поводу одного концептуального подхода к принципиальным вопросам определения сущности вины юридических лиц.

В своем большинстве преобладающие подходы к определению вины юридического лица в совершении тех или иных противоправных деяний в административном праве зачастую базируются на следующих теоретических концепциях.

Во-первых, это субъективная теория. Ее сторонники склонны утверждать, что юридическое лицо в состоянии совершить административное правонарушение исключительно через противоправные деяния конкретных физических лиц, которые стоят за его образованием и функционированием [4, с. 514]. С точки зрения представителей данного подхода, вина юридического лица будет рассматриваться только в качестве отношения представителей (а именно, подразумеваются лица, которые действуют по договоренности, либо непосредственные работники или должностные лица) каждого конкретного юридического лица к противоправному деянию, которое такое юридическое лицо совершает [6, с. 14].

Во-вторых, так называемая теория «коллективной воли». Приверженцы данной концепции ответственности придерживаются точки зрения о том, что вина юридического лица может быть определена в качестве коллективного психологического отношения участников всего коллектива, составляющего юридическое лицо, в отношении совершенного противоправного деяния [5, с. 126]. Однако, в юридической литературе отмечается, что главный недостаток психологической теории вины состоит в том, что, определяя вину как психическое отношение, ее представители фактически отождествляют понятие вины как правовой категории с понятием вины, как оно понимается в психологии — т. е. имплементируют взятое из психологии понятие вины-эмоции (отношение) с присущим ему субъективизмом в категориальный аппарат правовой науки [8, с. 270]. Иными словами, формулой «вина — это психическое отношение к содеянному» поставлен знак равенства между виной juris и виной psychological, но, как отмечается в литературе, психологическое понятие вины из-за имплицитной субъективности непригодно для права. Возлагать ответственность по принципу вины, если понимать вину как психическое отношение, означало бы ставить применение ответственности в зависимость от того, считает ли сам нарушитель свое поведение таким, что заслуживает упрека или нет.

В-третьих, теория доминирующей воли. Представители третьего вида концепции склонны рассматривать вину юридического лица в административном праве с точки зрения субъективного отношения всего коллектива конкретного юридического лица к противоправному деянию, которое, однако, будет предопределяться с точки зрения преобладающей воли. В этом контексте под фразой «преобладающая воля» стоит подразумевать, прежде всего, волю управленческих органов, должностных лиц и прочих лиц, которые правомочны влиять на функционирование юридического лица [11, с. 92].

В-четвертых, это объективно-правовая (поведенческая) теория. Представители этой точки зрения утверждают, что вину юридического лица можно определять в качестве комплекса негативных составляющих, которые обусловливаются дезорганизацией в функционировании и деятельности конкретного юридического лица (например, в случае не принятия каких-либо надлежащих к исполнению обязательных мер, обязанностей или в случае не приложения усилий, которые были бы важны для предотвращения совершения правонарушения, устранения его причин) [2, с. 107].

Такое понимание вины основывается на формулировке того, что лицо признается невиновным, если при той степени осмотрительности, которая от него требовалась, оно осуществило все надлежащие меры избегания противоправного деяния. Такой подход дает основания говорить о том, что категориями, определяющими вину и ее формы, являются разумность и осмотрительность. Причем принимается во внимание определенная их степень, которая должна соответствовать характеру конкретного деяния, а также учет обстоятельств и принятых мер для избежания неблагоприятных противоправных последствий.

Первоначально такой подход превалировал сугубо в гражданском праве, однако постепенно на него стали ссылаться и представители административной науки, полагая, что юридическое лицо может быть виновным в совершении административного правонарушения не только в однозначных случаях при выявлении выраженной вины отдельных его представителей или работников, но и в случаях, когда вина определенных физических лиц, которые непосредственно осуществляют свою деятельность от имени юридического лица, не может быть установлена или исключена. При этом, согласно положениям общей правовой теории, вина юридического лица зачастую рассматривается в качестве «принятия либо непринятия всех необходимых и возможных мер для предотвращения правонарушения или смягчения его неблагоприятных последствий» [9, с. 258].

Также необходимо подчеркнуть, что рассуждения касательно наличия вины юридического лица в административном праве включают в себя и две классически-спорные точки зрения. Так, наряду с мыслью о том, что юридическое лицо можно привлекать к административной ответственности только в случае наличия его вины, существуют такие представления.

1. Некоторые исследователи административисты придерживаются точки зрения субъективного подхода к определению вины. В данном случае, вина не может применяться в отношении юридического лица в ее традиционном понимании, так как юридическое лицо «является фикцией, ибо существует только в рамках правового поля» [13, с. 219].

В таком подходе вина юридического лица определяется через вину представляющих его юридических лиц. С одной стороны, это вполне логично, так как юридическое лицо не может самостоятельно функционировать, оно в любом случае действует посредством своих представителей, наделенных законодательно полномочиями по представлению его интересов. С другой же стороны, такой подход к определению вины юридического лица обладает ключевыми недостатками. Например, на практике встречаются зачастую ситуации, когда суды приходят к выводу, что КоАП РФ не исключает возможности привлечь одновременно за одно правонарушение непосредственно должностное лицо и вместе с ним само юридическое лицо, но при этом все ограничивается привлечением к ответственности только должностного лица, так как суды ссылаются все же на факт того, что юридическое лицо не может выступать от имени должностного лица без наделения его такими полномочиями со стороны последнего[1]. Соответственно, к ответственности привлекается по итогу все же только должностное лицо. Также недостатком указанного подхода можно считать и то, что иногда суды приходят к выводу о том, что вне зависимости от поступков, целей или мотивов сотрудников, юридическое лицо априори будет нести ответственность, но без учета того, совершалось ли правонарушение представителем юридического лица в период исполнения его должностных обязанностей[2].

2. Объективный подход в отношении определения вины юридического лица подразумевает, что вина будет определяться не из психического отношения к неправомерному деянию со стороны представителей и участников конкретного юридического лица, а в качестве совокупности негативных факторов, которые можно охарактеризовать непринятием

[1] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 мая 2022 г. № 18АП-4186/2022, 18АП-4509/2022 по делу № А34-15160/2020 // Картотека арбитражных дел // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/33076a2c-2869-4a2e-bd8f-7a64ffcde9e4/1200f025-c747-488a-9f6b-b81c83a8b440/A34-15160-2020_20220504_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

[2] Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 6 августа 2021 г. № 16-4550/2021 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

мер для предотвращения нарушения со стороны юридического лица [10, с. 256].

В связи с изложенным, вину юридического лица можно охарактеризовать следующим образом: как противоправное деяние (в виде действия или бездействия), нарушающее законодательно установленный порядок. Именно такой подход и отражен в ст. 2.1 КоАП РФ[3], где законодатель, по всей видимости, руководствовался постановлением КС РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П, на основании которого вина юридического лица определяется посредством доказывания невиновности лица, совершившего противоправное деяние[4]. По сути, КС РФ впервые допустил возможность вины юридического лица в административном праве с точки зрения объективных критериев (без использования субъективной конструкции вины представителей юридического лица).

С теоретической точки зрения обозначенный подход также имеет ряд недостатков. Прежде всего, это отсутствие конкретного перечня обстоятельств, исключающих вину юридического лица. Отсутствие обстоятельств, которые бы исключали вину юридического лица в административном праве, фактически ведет к установлению презумпции виновности, возлагая бремя доказывания невиновности в совершении правонарушения непосредственно на само юридическое лицо. На практике это может приводить к злоупотреблениям со стороны правоприменителя — например, можно привести некоторые примеры судейского пренебрежения правилами КоАП РФ в отношении бремени доказывания вины по делам о привлечении к административной ответственности юридических лиц. В частности, некоторые суды указывают на то, что если ответчик не представляет суду пояснений и доказательств, которые подтверждают своевременное принятие им нужных мер по соблюдению законодательных требований, то суд сразу предполагает, что вина ответчика — юридического лица в совершении административного правонарушения установлена[5]. Некоторые суды в изучении виновности юридического лица отмечают что «в материалах дела каких-либо объективно непреодолимых, либо непредвиденных препятствий, находящихся вне контроля юридического лица, исключающих возможность соблюдения требований действующего законодательства нет»[6]. Хотя, безусловно, в практике есть примеры, когда бремя доказывания невиновности суд не перекладывал на юридическое лицо, которое привлекается к административной ответственности (например, суд самостоятельно установил особый статус привлекаемого к ответственности юридического лица как получателя бюджета и выяснил факт информирования этим лицом положения, при котором отсутствовали денежные средства, необходимые для условий, не противоречащих требованиям законодательства)[7].

К тому же, в КоАП РФ дано не само определение вины юридического лица, а только некоторые критерии такой виновности, при том, что в ст. 1.5 КоАП РФ прямо указано, что «лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина». Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что на данный момент в отношении определения вины юридических лиц существует колоссальная теоретико-правовая неопределенность.

Стоит сразу обозначить, что и фигурирующее в некоторых исследовательских наработках предложение по внедрению принципа объективного вменения многими административистами категорически отвергается [3, с. 142]. На это есть несколько причин. Прежде всего, критике подвергается идея заимствования гражданско-правовых конструкций для разрешения вопроса административной ответственности юридических лиц [12, с. 79]. Так как гражданское право является отраслью частного права и несет в себе диспозитивный метод и обще дозволительный тип правового регулирования. Административное же право — непосредственно публичная отрасль права с прису-

---

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А. Д. Чулкова» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2049.

[5] Решение Арбитражного суда Челябинской области от 5 июня 2019 г. по делу № А76-11656/2019 // База судебных актов и нормативных документов Российской Федерации // URL://https://sudact.ru/arbitral/doc/DNb2rFHJ1nbj/

[6] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 31 мая 2019 г. по делу № А40-107541/2019 // База судебных актов и нормативных документов Российской Федерации // URL://https://sudact.ru/arbitral/doc/xT3b51BS6ulc/

[7] Решение Ровеньского районного суда от 29 мая 2019 г. по делу № 12-11/2019 // База судебных актов и нормативных документов Российской Федерации // URL://https://sudact.ru/regular/doc/jqGv9 DF8bsHT/

щим ей императивным методом и разрешительным типом правового регулирования, где ответственность обладает карательным характером и вина является не столько основанием, сколько мерой ответственности [14, с. 104]. К тому же позиция объективного вменения противоречит и действующему ныне КоАП РФ, а именно ст. 1.5, из содержания которой четко вытекает факт того, что вина — это обязательное основание административной ответственности.

Все изложенное свидетельствует в пользу того, что установление принципа объективного вменения для юридических лиц в административном праве совершенно недопустимо. Поэтому стоит развивать точку зрения принципа виновной ответственности юридического лица, где проблема заключается конкретно в том, что именно подразумевать под виной такого лица.

Итак, с учетом многообразия теоретических обоснований вины юридического лица в административном праве, столь же обширно и неоднозначно трактование этой категории и непосредственно в правовом регулировании, правоприменительной практике. В отношении юридических лиц также спорным зачастую оказывается и закрепленный в ст. 1.5 КоАП РФ принцип презумпции невиновности, так как должностные лица и суды, отталкиваясь от диспозиции ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ требуют от юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности, принимать исчерпывающие меры по соблюдению законодательных требований. Так, в постановлении ВС РФ от 18 мая 2016 г. в этом отношении было отмечено, что юридическое лицо привлечено к административной ответственности поскольку не было представлено доказательств, которые бы подтверждали принятие всех зависящих от юридического лица мер для предотвращения правонарушения, а также ввиду непредоставления доказательств по отсутствию возможности и наличия объективных обстоятельств, которые бы препятствовали выполнению законодательных требований[8].

В частности, стоит обратить внимание на то, что если в УК РФ в отношении вины традиционно виновным будет лицо, которое совершает противоправное деяние умышленно, либо по неосторожности (небрежность, легкомыслие), то в КоАП РФ не принято разделять умысел на разновидности. Совершенно справедливо подчеркивают в своей работе Э. П. Андрюхина и И. В. Архем, что субъективная сторона состава любого из административных правонарушений, совершенных юридическими лицами, будет переполнена объективными характеристиками [1, с. 163].

Так, в п. 16.1 постановления Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 отмечено, что «при рассмотрении дел об административных правонарушениях арбитражным судам следует учитывать, что понятие вины юридических лиц раскрывается в ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ ... при этом в отличие от физических лиц в отношении юридических лиц КоАП РФ формы вины (ст. 2.2 КоАП РФ) не выделяет»[9].

Соответственно, в тех случаях, когда в статьях Особенной части КоАП РФ возможность привлечь к административной ответственности прямо зависима от той или иной формы вины, для интерпретации такой нормы в отношении юридических лиц необходимо установление того факта, что у такого лица была возможность соблюдать нормы и правила, за нарушение которых предусматривается административная ответственность, но такое лицо все, зависящие от него, меры не принимало [7, с. 17].

Конституционный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно подчеркивал, что правовое регулирование основано на том, что привлечь юридическое лицо к административной ответственности за совершение административного правонарушения представляется возможным только в случае наличия вины такого юридического лица в совершении противоправного деяния и установление такой вины должно опираться на ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ вне привязки к вопросу о виновности лиц, которые имеют право действовать от его имени (должностные лица или работники) и не предполагает дифференциации форм вины на умышленность или неосторожность[10].

---

[8] Постановление Верховного Суда РФ от 18 мая 2016 г. № 307-АД16-4414 по делу № А05-11170/2015 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Постановление Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 (ред. от 21 декабря 2017 г.) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1, части 1 статьи 2.2, части 3 статьи 11.15.1 и пункта 5 части 1 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 12.2 Федерального закона «О транспортной безопасности», подпунктов 36, 37, 39, 45 пункта 5 и подпунктов 1, 2, 8 пункта 7 требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта, в связи с жалобой акционерного общества «Пассажирский Порт Санкт-Петербург «Морской фасад» // СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3221.

В своих двух определениях[11] КС РФ в очередной раз подчеркнул, что вина юридического лица при совершении административного правонарушения не будет тождественной вине физического лица, но при этом виновность юридического лица — это в любом случае в некоторой степени следствие его должностных лиц или работников, а соответственно, вина юридического лица в такой же степени будет проявляться и в виновном действии (либо бездействии) тех физических лиц, которые действуют от имени этого юридического лица и тем самым допускают совершение правонарушения.

Также и в одном из своих постановлений и Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа также отмечал, что формы вины не могут применяться в отношении юридических лиц, так как это субъект права, лишенный психических навыков, а категории осознания, желания или расчета и пр. могут соотноситься только с физическими лицами. Соответственно, вина юридического лица — единое понятие, заключенное в возможности соблюдения законодательных норм и правил, но непринятия мер по их соблюдению[12].

Вместе с тем, в судебной практике зачастую вопросы неприменимости умысла и неосторожности в отношении вины юридических лиц игнорируются и в судебных актах часто фигурируют эти критерии. Например, Санкт-Петербургский городской суд в одном из решений указывает на вину юридического лица по умышленному невыполнению требований должностных лиц[13]. Смоленский областной суд в своем постановлении указал, что привлекаемое к ответственности общество с ограниченной ответственностью совершило административное правонарушение, которое можно охарактеризовать с субъективной стороны умышленной формой вины[14].

Стоит полагать, что такие вопросы крайне усложняют правоприменительную практику и должны стать одним из ключевых положений научной дискуссии на срезе административного и уголовного права, так как инструментарий уголовно-правовой науки в контексте более качественной и обоснованной регламентации вины юридических лиц способен повысить уровень качества правотворчества и правоприменения в делах об административных правонарушениях юридических лиц.

Вместе с тем, даже в проекте разрабатываемого нового КоАП РФ какое-либо расширенное трактование вины юридического лица полностью отсутствует. Однако, ст. 2.10 проекта КоАП РФ содержит положения о недопустимости одновременного привлечения юридического лица и их должностных лиц к административной ответственности за одно и то же правонарушение кроме случаев, когда санкции статьи предусматривают разные виды наказаний для этих субъектов или его юридическое лицо неплатежеспособно (тогда штраф накладывается на его должностное лицо).

Такая интерпретация с определенной точки зрения представляет интерес. Прежде всего, это будет свидетельствовать об ужесточении административно-правового принуждения. С другой стороны, лицо подлежит административной ответственности только по тем правонарушениям, по которым установлена его вина. При установлении же вины должностного лица, правоприменители, скорее всего, будут признавать вину юридического лица, поскольку исходя из постановлений КС РФ и действующего КоАП РФ вина юридического лица определяется в качестве непринятия всех, от него зависящих, мер. Соответственно, неисполнение или даже ненадлежащее исполнение должностных обязанностей должностным лицом юридического лица, которое привлекается к ответственности, в этом случае может составить те самые «зависящие меры».

---

[11] Определение Конституционного Суда РФ от 25 ноября 2020 г. № 2824-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Южморрыбфлот» на нарушение его конституционных прав частями 2 и 3 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс»; определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2021 г. № 560-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы публичного акционерного общества «Бром» на нарушение его конституционных прав статьей 15 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя», пунктом 4 статьи 110, пунктом 3 статьи 122 и пунктом 1 статьи 172 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктами 8, 10, 11, 13 и 14 раздела II Положения о порядке администрирования отдельных налогов и сборов на территории Республики Крым в переходный период, в том числе при применении положений Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 124-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 7 июня 2006 г. по делу № А52-7134/2005/2 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

[13] Решение Санкт-Петербургского городского суда от 12 декабря 2017 г. № 12-2547/2017 по делу № 5-995/2017 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Постановление Смоленского областного суда от 3 мая 2018 г. № 4А-136/2018 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

Заключение. Очевидно, что проблема вины юридического лица в административном праве на теоретической уровне не разрешена до сих пор, в связи с чем возникают проблемы в правоприменении.

На основании вышеизложенных подходов к пониманию вины юридического лица в административном праве, а также с учетом принятия во внимание двух базовых подходов — субъективного и объективного, целесообразно полагать, что наиболее полно учитывать интересы правоприменительных органов и юридических лиц будет подход, объединяющий в себе объективные и субъективные критерии. Тем самым вина юридического лица будет определяться через вину его представителей, чьи действия стали непосредственной причиной совершения противоправного деяния. Но в случае, если правоприменительным органом будет установлено, что представитель юридического лица вышел за рамки своих полномочий или злоупотребил собственным должностным положением, то вина самого юридического лица при этом будет исключена.

В проекте нового КоАП РФ целесообразно предусмотреть полноценное понятие «вина юридического лица» и обосновать критерии его виновности. Стоит полагать, что наиболее верным шагом при разработке проекта КоАП РФ по данному вопросу является необходимость законодателя отойти от критерия формы вины в случае с выделением составов административных правонарушений, в которых субъектом выступает непосредственно юридическое лицо. Таким образом, в новой версии КоАП РФ важно уточнить механизм привлечения к ответственности юридических лиц для тех случаев, когда санкция Кодекса дифференцирована в зависимости от формы вины. Вина должна быть определена по четко сформированным критериям, которые бы не допускали произвольного или двоякого толкования и не детерминировали вину с умыслом или неосторожностью юридического лица.

Список источников

1. Андрюхина Э. П., Ахрем И. В., Бакурова Н. Н. и др. Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть / под ред. С. А. Старостина. М. : Проспект, 2021.

2. Бондарь Е. О., Фадеева И. В. Проблемы определения вины юридического лица по законодательству об административных правонарушениях // Современное право. 2016. № 2. С. 105–109.

3. Быстрянцев А. Ф. О вине юридического лица и объективном вменении // Юридические науки. 2018. № 12.

4. Глазунова И. В. Проблемные вопросы публично-правовой ответственности юридического лица // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 4. С. 512–517.

5. Глухова М. В. Административная ответственность юридических лиц за правонарушения в области предпринимательской деятельности: проблемы правоприменения и направления совершенствования законодательства: дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014.

6. Карцов А. С. Публичная ответственность юридических лиц (к вопросу о формах вины) // Журнал Конституционного правосудия. 2020. № 3. С. 11–19.

7. Конджакулян К. М. Юридическое лицо и вина: вопросы соотношения практики и теории через призму ответственности // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 16–18.

8. Очередько В. П., Кокорин И. С. От теоретической неопределенности к противоречивости судебной практики при определении вины и административной ответственности юридических лиц // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 267–277.

9. Попов Л. Л. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров. М., 2017.

10. Рыжков Д. Н. «Камень преткновения» при установлении вины юридического лица в процессе реализации административно-юрисдикционной деятельности по привлечению к административной ответственности // Вестник ВГУ. 2018. № 3. С. 254–264.

11. Сафоненков Н. П. Проблема вины юридического лица в административном праве // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 1. С. 91–97.

12. Смоляков П. Н. Общие сравнительные аспекты вины в УК России и КоАП России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 8. С. 78–81.

13. Юрчак Е. В. Вина как общеправовой институт: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2016.

14. Якупов В. Р. Основные подходы к определению вины юридических лиц в административном праве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 19. С. 102–107.

References

1. Andriukhina E. P., Akhrem I. V., Bakurova N. N. et al. Legal support of public administration and executive power / ed. by S. A. Starostin. M. : Prospect, 2021.

2. Bondar E. O., Fadeeva I. V. Problems of determining the guilt of a legal entity under the legislation on administrative offenses // Modern Law. 2016. No. 2. P. 105–109.

3. Bystryantsev A. F. On the fault of a legal entity and objective imputation // Legal Sciences. 2018. No. 12.

4. Glazunova I. V. Problematic issues of public legal liability of a legal entity // Siberian Legal Review. 2019. No. 4. P. 512–517.

5. Glukhova M. V. Administrative responsibility of legal entities for offenses in the field of entrepreneurial activity: problems of law enforcement and directions for improving legislation: diss. ... cand. jurid. sciences'. Voronezh, 2014.

6. Kartsov A. S. Public liability of legal entities (on the question of forms of guilt) // Journal of Constitutional Justice. 2020. No. 3. P. 11–19.

7. Konjakulyan K. M. Legal entity and guilt: issues of correlation of practice and theory through the prism of responsibility // Russian justice. 2017. No. 11. P. 16–18.

8. Priyadko V. P., Kokorin I. S. From theoretical uncertainty to inconsistency of judicial practice in determining the guilt and administrative responsibility of legal entities // Leningrad Law Journal. 2015. No. 4. P. 267–277.

9. Popov L. L. Administrative law of the Russian Federation: textbook for bachelors. M., 2017.

10. Ryzhkov D. N. «Stumbling block» in establishing the guilt of a legal entity in the process of implementing administrative and jurisdictional activities to bring to administrative responsibility // Bulletin of the VSU. 2018. No. 3. P. 254–264.

11. Safonenkov N. P. The problem of the guilt of a legal entity in administrative law // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2019. No. 1. P. 91–97.

12. Smolyakov P. N. General comparative aspects of guilt in the Criminal Code of Russia and the Administrative Code of Russia // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2019. No. 8. P. 78–81.

13. Yurchak E. V. Wines as a general legal institution: diss. ... cand. jurid. M., 2016.

14. Yakupov V. R. Basic approaches to determining the guilt of legal entities in administrative law // Bulletin of the South Ural State University. 2011. No. 19. P. 102–107.

Библиографический список

1. Беляева О. А., Бурлаков С. А., Вильданова М. М. и др. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: колл. моногр. / отв. ред. О. В. Гутников. М. : ИЗиСП ; Статут, 2021.

2. Виниченко А. С., Крутова Я. А. Проблемы определения вины юридических лиц в административном праве // Бюллетень науки и практики. 2021. № 5. С. 413–417.

3. Панов А. Б. Административная ответственность юридических лиц: моногр. М. : Норма, 2018.

Bibliographic list

1. Belyaeva O. A., Burlakov S. A., Vildanova M. M., etc. Modern corporate law: actual problems of theory and practice: coll. monogr. / editor O. V. Gutnikov. M. : IZiSP ; Statute, 2021.

2. Vinnichenko A. S., Krutova Ya. A. Problems of determining the guilt of legal entities in administrative law // Bulletin of Science and practice. 2021. No. 5. P. 413–417.

3. Panov A. B. Administrative responsibility of legal entities: monogr. M. : Norm, 2018.

Информация об авторах

Н. П. Маюров — профессор кафедры теории и истории государства и права Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Е. А. Иншакова — аспирант кафедры административного права и процесса Санкт-Петербургского университета управления, технологии и экономики;

П. Н. Маюров — соискатель кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС.

Information about the authors

N. P. Mayurov — Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the State University of Sea and River Fleet named after Admiral S. O. Makarov, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

E. A. Inshakova — Postgraduate Student of the Department of Administrative Law and Process of the Saint Petersburg University of Management, Technology and Economics;

P. N. Mayurov — Applicant of the Department of Theory and History of State and Law of the University under the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.
The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 349.3
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-141-146
EDN: https://elibrary.ru/iahzcd
NIION: 2003-0059-3/23-686
MOSURED: 77/27-003-2023-03-885

Лучшие региональные практики развития социальных услуг пожилому населению

Федор Георгиевич Мышко
Государственный университет управления, Москва, Россия, fg_myshko@guu.ru

Аннотация. Актуальность исследования определена глобальным «старением» населения планеты. Россия как социальное государство берет на себя обязательства по увеличению активного возраста пожилых людей. Одним из мероприятий по выполнению своих обязательств перед старшим поколением является реализуемая на государственном уровне система долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами. В основном программы долговременного ухода формируются региональными социальными службами, в связи, с чем подходы, методы, объемы социальных услуг отличаются по регионам. Проводится анализ лучших региональных практик организации долговременного ухода, оказания социальных услуг пожилым и инвалидам. Выявление лучших практик позволит транслировать их как положительный опыт по всей территории России.

Ключевые слова: долговременный уход, пожилые люди, инвалиды, социальные услуги, долголетие, демография
Для цитирования: Мышко Ф. Г. Лучшие региональные практики развития социальных услуг пожилому населению // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 141–146. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-141-146. EDN: IAHZCD.

Original article

Best regional practices in the development of social services for the elderly population

Fyodor G. Myshko
State University of Management, Moscow, Russia, fg_myshko@guu.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the global «aging» of the world population. Russia as a social state undertakes obligations to increase the active age of the elderly. One of the measures to fulfill its obligations to the older generation is the system of long-term care for the elderly and disabled implemented at the state level. In general, long-term care programs are formed by regional social services, in connection with which approaches, methods, and volumes of social services differ by region. There is an analysis of the best regional practices for organizing long-term care and providing social services to the elderly and disabled. The identification of best practices will make it possible to disseminate them as positive experience throughout Russia.

Keywords: long-term care, elderly, disabled, social services, longevity, demographics
For citation: Myshko F. G. Best regional practices in the development of social services for the elderly population. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):141–146. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-141-146. EDN: IAHZCD.

Действующим законодательством предусмотрены следующие основные виды социальных услуг:

♦ социально-бытовые, направленные на поддержание нуждающихся пожилых людей и инвалидов в быту;

♦ социально-медицинские, направленные на поддержание здоровья пожилых людей, которые включают в себя: уход, оздоровительные мероприятия, систематическое наблюдение за состоянием с целью выявления отклонений их здоровья;

♦ социально-психологические, направленные на адаптацию в социальной среде, оказание психологической помощи;

♦ социально-педагогические, направленные на профилактику отклонений в развитии и поведении получателей социальных услуг, формирование у них новых позитивных интересов, организацию досуга и т. д.;

♦ социально-трудовые, направленные на оказание помощи в трудоустройстве, трудовая адаптация;

♦ социально-правовые: оказание юридической помощи, защита прав и интересов пожилых людей;

♦ коммуникативные услуги;

♦ срочные социальные услуги.

Законодательство определяет лишь вид социальных услуг, не конкретизируя, какие именно действия в эти услуги входят. Непосредственный состав оказываемых услуг определяется на региональном уровне, оформляется Стандартами [3]. Состав региональных социальных услуг отличается в связи с тем, что регионы имеют различный финансово-экономический уровень.

© Мышко Ф. Г., 2023

Так, например, социальный пакет системы долговременного ухода в Республике Татарстан [4] включает в себя в общей сложности 15 различных услуг, которые разбиты на три социальных пакета (1, 2 и 3, в зависимости от уровня нуждаемости). В Самарской области [5] социальный пакет насчитывает 43 услуги, которые по социальным пакетам не распределены, но содержание услуги различается в зависимости уровня нуждаемости.

В Ульяновской области [6] социальный пакет содержит 39 услуг, которые также не разделены по пакетам, но разнятся по объему в зависимости от нуждаемости.

Все три проанализированных региона в составе социального пакета реализуют такие услуги, как:

♦ помощь в приготовлении пищи; приготовление пищи; помощь в приеме пищи (кормление);

♦ стрижка ногтей на руках, стрижка ногтей на ногах;

♦ содействие в купании; полное купание в постели; полное купание в душе или ванной комнате;

♦ помощь в пользовании туалетом;

♦ позиционирование в кровати;

♦ сопровождение на прогулку;

♦ систематическое наблюдение за получателями социальных услуг в целях выявления отклонений в состоянии их здоровья;

♦ проведение социально-реабилитационных мероприятий.

Различия в предоставлении социальных услуг в анализируемых регионах заключается лишь в том, что в Республике Татарстан отдельные услуги рассматриваются в комплексе. Например, комплексная услуга «оказание санитарно-гигиенических процедур» предусматривает несколько отдельных услуг: расчесывание, помощь в умывании, умывание рук, лица, шеи, ушей и т. д., помощь в уходе за зубами или челюстью, чистка ротовой полости, бритье. А в Ульяновской и Самарской областях каждая процедура рассматривается как отдельная: ежедневный уход за волосами; уход за ротовой полостью; помощь при бритье; бритье, умывание [11].

Перечень предоставляемых услуг, в целом, по всем регионам соответствует Перечню гарантированных государством социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам государственными и муниципальными учреждениями социального обслуживания, утвержденному постановлением Правительства РФ от 25 ноября 1995 г. № 1151, несмотря на то, что данный документ утратил силу [1], а так же перечню услуг, входящих в социальный пакет [2].

Социологический опрос, проведенный в рамках настоящего исследования, показал, что в большинстве регионов (93,8 %) применяется Типовая модель организации системы долговременного ухода за пожилыми гражданами.

6,2 % опрошенных респондентов указали, что применяется оригинальная (не типовая) модель организации ухода за нуждающимися в этом.

59,3 % опрошенных респондентов сообщили, что в их регионе реализуются все социальные услуги и гарантии, предусмотренные Типовой моделью.

36,4 % опрошенных указали, что в их регионе реализуются социальные услуги, обеспечивающие гражданину, нуждающемуся в постороннем уходе, бесплатное предоставление ухода во всех формах социального обслуживания (стационарной; полустационарной и на дому).

4,4 % респондентов сообщили, что в их регионе осуществляют содействие в предоставлении медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам (социальное сопровождение).

Традиционные формы социального обслуживания предполагают предоставление нуждающимся гражданам сервисные социальные услуги или социально-бытовые: покупка и доставка продуктов питания, уборка и т. д. Новая система долговременного ухода за пожилыми предполагает предоставление более широкого спектра услуг: уходовых, медицинских (помощь в кормлении, позиционирование, помощь в пользовании туалетом и т. д.).

Реализующие оригинальную (не типовую модель) регионы отметили следующие особенности функционирования своей системы долговременного ухода в своем регионе:

♦ широкий спектр предоставляемых услуг, своевременность и качество;

♦ отделение временного пребывания граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, инвалидов, лиц без определенного места жительства с последующим жизнеустройством в дома-интернаты;

♦ ежедневное социальное обслуживание на дому граждан старшего нетрудоспособного возраста, нуждающихся в посторонней помощи;

♦ действовать в интересах получателей социальных услуг своевременность, доступность;

♦ приоритет интересов, мнения и потребностей гражданина, нуждающегося в уходе;

♦ индивидуальный подход, своевременное оказание помощи;

♦ обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов старше 18 лет с использованием технологии «Стационар на дому» — предоставление социальных услуг в форме на дому до пяти дней в неделю;

♦ гибкость индивидуальной программы социального обслуживания — корректировка с учетом физического состояния получателя социальных услуг;

♦ разработаны стандарты социальных услуг;

♦ предоставление социальных услуг;

♦ проведение мероприятий по социальному сопровождению, предоставление социальных услуг;

♦ проведение мероприятий по социальному сопровождению;

♦ предоставление иных услуг, предусмотренных иными нормативными документами;

♦ индивидуальность;

♦ сочетание в учреждении стационарной и полустационарной (дневной стационар) форм социального обслуживания;

♦ качество выполнения услуг, доступность услуг;

♦ работа психолога с получателями социальных услуг с когнитивными расстройствами;

♦ модель долговременного ухода реализуется в тесном взаимодействии с медицинской организацией на основе соглашения о межведомственном взаимодействии;

♦ модель долговременного ухода реализуется в тесном взаимодействии с медицинской организацией на основе соглашения о межведомственном взаимодействии;

♦ в процессе реализации модели долговременного ухода внедрена и успешно реализуется система неформального ухода (привлечение родственного ухода, соседской помощи и т. д.).

Несмотря на типовой подход к перечню предоставляемых услуг, регионы имеют свои особенности. Например, различаются социальные услуги в трех проанализированных регионах: Республика Татарстан, Самарская и Ульяновская области. Например, в Самарской области [11] реализуются оригинальные услуги:

♦ содействие общению граждан, нуждающихся в постороннем уходе, с их родными и близкими;

♦ обучение альтернативной и дополнительной коммуникации (посредством электронной почты, социальных сетей, мессенджеров, видеочатов).

Социологический опрос, проведенный в рамках настоящего исследования, показал, что в большинстве своем (87,3 %) пожилые люди удовлетворены предлагаемыми им социальными услугами.

Среди положительных сторон получатели социальных услуг выделяют такие:

♦ много положительных отзывов о работе «сиделок».

♦ введение в штатные расписания учреждений «сиделок» позволило обеспечить полноценный уход за немобильными ПСУ и помочь родственникам, осуществляющим уход;

♦ бесплатное социальное обслуживание;

♦ ежедневное предоставление социальных услуг на дому;

♦ увеличение спектра так называемых «уходовых» услуг;

♦ восстановление социально-бытовых навыков и функциональных возможностей организма;

♦ отказ от стационара в пользу социального обслуживания на дому (появилась);

♦ комплексное оказание социальных услуг;

♦ доброжелательность, внимательность персонала, умение найти индивидуальный подход к получателю социальных услуг;

♦ улучшение качества жизни;

♦ профилактика одиночества;

♦ расширение кругозора;

♦ система долговременного ухода помогает пожилым людям получать адекватный своему состоянию уход и продолжать жить в семьях, не прибегая к услугам домов престарелых;

♦ улучшен уход за маломобильными гражданами и гражданами, находящимися на постельном режиме;

♦ организована дневная занятость с маломобильными получателями социальных услуг.

Среди негативных сторон/претензий получатели услуг отмечают:

♦ недостаточное количество штатных единиц «сиделок», невозможность охватить всех нуждающихся;

♦ объем предоставления отдельных социальных услуг недостаточен для полного удовлетворения имеющейся потребности (по мнению отдельных получателей социальных услуг 4 часа/день недостаточно);

♦ желание получать услуги, которые не прописаны в стандартах;

♦ увеличить время предоставления услуг;

♦ неполное соблюдение условий доступной среды;

♦ расширить ассортимент блюд;

♦ желание увеличить более двух раз в месяц предоставление услуг предприятиями торговли и связи и другими предприятиями;

♦ не все социальные услуги, востребованные у получателей социальных услуг, включены в Стандарты социальных услуг. К примеру, нет услуги «Замена штор на окнах»;

♦ не удовлетворенность нормой и рационом питания;

♦ изъявили желание бесплатно получать социальные услуги на дому.

В рамках настоящего социологического исследования представители Свердловской области поделились итогами проведенного в регионе социального опроса:

По результатам анкетирования получатели социальных услуг полностью удовлетворены качеством предоставляемых социальных услуг — 100 % в том числе:

♦ условиями проживания и обслуживания в целом — 100 %;

♦ условиями размещения в комнате, наличием мебели, бытовой техники и коммунальных удобств — 100 %;

♦ качеством бытового обслуживания (парикмахер, прачечная, баня и другое) — 100 %;

♦ качеством питания — 100 %;

♦ качеством медицинского обслуживания и лечения — 100 %;

♦ участие в общественно полезном труде — 100 %;

♦ взаимоотношения с соседями по комнате, с персоналом — 100 %;

♦ отношение персонала к ПСУ— 100 %;

♦ охвачены досуговой деятельностью — 100 %.

Безусловно, в передовых регионах по объему и составу социальных услуг стоят г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург. В г. Москве реализуется программа «Московское долголетие» [13], в Московской области реализуется аналогичная программа «Активное долголетие» [14], в г. Санкт-Петербурге реализуется проект «Старшее поколение» [15]. Практика этих регионов широко освещается в прессе. Нуждающиеся пожилые люди информируются о перечне услуг посредством сайтов [16].

Коллеги из Волгоградской области делятся опытом применения своих методик оказания социальных услуг [9]. В их регионе с 2019 г. реализуется стационарнозамещающие технологии: «Персональный помощник», социальные семьи, сопровождение проживания и т. д. Программа «Персональный помощник» регламентируется приказом Комитета социальной защиты населения Волгоградской области от 28 мая 2018 г. № 816 [7]. Технология «Персональный помощник» реализуется в отношении одиноких граждан, полностью или частично утративших способность к самообслуживанию, передвижению, обеспечению основных жизненных потребностей, и которые не могут рассчитывать на помощь своих родственников. Технология предполагает предоставление социальных услуг на дому в ежедневном режиме (с понедельника по воскресенье). При этом для оказания социальных услуг на дом к нуждающемуся приходит не одни, а несколько человек (бригадный метод), которые занимаются приготовлением пищи, уборкой, оплатой счетов, походом в магазин и т. д.

Коллеги Республики Бурятия [8] делятся своим опытом оказания социальных услуг. В регионе внедрены новые технологии, такие как служба «Социального такси», приемная семья для пожилых граждан, социальное обслуживание по договорам пожизненного содержания с иждивением.

Услуга социального такси предоставляется в целях обеспечения доступности для нуждающихся пожилых людей и инвалидов объектов социальной инфраструктуры.

Служба «Социальное такси» оснащена специально оборудованным транспортом для перевозки лежачих инвалидов и/или колясочников. В оснащении службы имеются такие а/м, как автобус «Форд-транзит» с подъемником; микроавтобус «Нисан-Ванетт» с подъемником; легковой автомобиль «Мазда-Демио» с подъемником; микроавтобус «Истана».

Большое внимание в литературе уделяется социальным услугам досугового, общественного и трудового характера. Примеров оказания такого рода услуг огромное количество [12]. Специалисты отмечают, что потенциал активности людей пожилого возраста при традиционных формах социального обслуживания задействован не в полном объеме, предложения социальных служб ограничены [10]. Причем, при привлечении к таким видам деятельности необходимо учитывать специфические, индивидуальные особенности каждого пожилого человека. Пожилые граждане представляют самые разные социальные слои общества, которые различаются уровнем образования, квалификацией, сферой интересов. Действующие программы социальной поддержки не учитывают таких особенностей. Полагаем, что имеется необходимость дополнить учетные данные нуждающихся в долговременном уходе пожилых граждан их персональными данными, квалификацией, уровнем образования.

Проведенный социологический опрос в рамках настоящего исследования показал, что наиболее

приемлемыми формами досуга получатели социальных услуг называют:

- ♦ онлайн концерты — 100 %;
- ♦ праздники — 44,4 %;
- ♦ онлайн выставки — 33,3 %;
- ♦ занятия спортом — 17,7 %;
- ♦ посещение библиотек — 33,3 %.

В настоящем исследовании рассмотрены практики оказания социальных услуг социально направленными некоммерческими организациями. Спектр этих услуг разнообразен, он гораздо шире, чем предоставляемые услуги в государственном секторе. Это объясняется тем, что, во-первых, услуги оказываются на платной основе не за счет бюджетных средств, во-вторых, оказываемые услуги учитывают индивидуальность нуждающихся в их получении, включая уровень образования, различия интересов, религиозные и культурные особенности отдельных групп.

В заключение следует отметить, что российское социальное обеспечение, предоставление конкретных услуг богато и разнообразно. В каждом регионе можно назвать какую-то особенную социальную услугу, отличную от иных регионов, эксклюзивную только для этого региона. Изучение таких региональных особенностей предоставления социальных услуг с последующей трансляцией положительного опыта может стать следующим исследованием.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 25 ноября 1995 г. № 1151 «О Федеральном перечне гарантированных государством социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам государственными и муниципальными учреждениями социального обслуживания» (утратил силу) // URL://https://online.consultant.ru.

2. Приказ Минтруда России от 29 декабря 2021 г. № 929 «О реализации в отдельных субъектах Российской Федерации в 2022 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе» // URL://https://online.consultant.ru.

3. Приказ Минсоцразвития Новосибирской области от 23 декабря 2014 г. № 1446 «Об утверждении стандартов социальных услуг, предоставляемых поставщиками социальных услуг» // URL://file:// C:/Users/setit/Downloads/P_SY_1446.pdf.

4. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 31 марта 2021 г. № 198 «О системе долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами в Республике Татарстан» // URL://https://sobes.tatarstan.ru/postanovlenie-198-ot-31032021g-o-sisteme.htm.

5. Приказ Министерства социально-демографической и семейной политики Самарской от 29 марта 2021 г. № 146 «Об отдельных вопросах утверждения социального пакета долговременного ухода» // URL:// https://docs.cntd.ru/document/574682138.

6. Приказ Министерства семейной, демографической политики и социального благополучия Ульяновской области от 25 марта 2021 г. № 19-п «Об утверждении уровней нуждаемости от посторонней помощи в соответствии с группой типизации и перечня социальных услуг, входящих в социальный пакет долговременного ухода, оказываемых гражданам, нуждающимся в постороннем уходе бесплатно, в форме социального обслуживания на дому» // URL://http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7301202103260001.

7. Приказ Комитета социальной защиты населения Волгоградской области от 28 мая 2018 г. № 816 «Об утверждении Положения о технологии «Персональный помощник» // URL://https://docs.cntd.ru/document/550118938.

8. Быкова Т. А. О ходе реализации пилотного проекта по созданию системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами в Республике Бурятия. В сб.: Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: мат. IX междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2020. С. 3–5.

9. Карпушина А. С. Социальное обеспечение граждан в рамках регионального проекта «Разработка и реализация программы системной адресной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения (Волгоградская область)». Реализация и итоги проекта за 2019 г. // В сб.: Актуальные вопросы экономики: сб. ст. IV междунар. науч.-практ. конф. 2020. С. 159–163.

10. Могутов А. Е. Совершенствование социального обслуживания граждан пожилого возраста: анализ и перспективы развития // URL://*m_th_a.e.mogutova_2020.pdf.

11. Мутигуллина Д. Д. Анализ состава социальных пакетов долговременного ухода субъектов Российской Федерации, участвующих в реализации системы долговременного ухода (на примере Республики Татарстан, Ульяновской и Самарской областей): сб. ст. III всерос. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2021. С. 26–34.

12. Энциклопедия социальных практик поддержки пожилых людей в Российской Федерации / под ред. Е. И. Холостовой, Г. И. Климантовой. М. : Дашков и К°. 2015.

13. URL://https://dszn.ru/dolgoletie.

14. URL://https://dolgoletie.mosreg.ru/

15. URL://https://практики.национальныепроекты.рф/demografiya/aktivnoe-dolgoletie/aktivnost-i-uchastie-v-zhizni-obshchestva/aktivnoe-dolgoletie-3.

16. URL://https://dolgoletie.mosreg.ru/activities.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1151 of November 25, 1995 «On the Federal List of state-guaranteed social services provided to Elderly and Disabled citizens by State and Municipal social Service Institutions» (expired) // URL://https://online.consultant.ru.

2. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation No. 929 dated December 29, 2021 «On the implementation in certain subjects of the Russian Federation in 2022 of a standard model of a system of long-term care for elderly citizens and disabled people in need of care» // URL://https://online.consultant.ru.

3. Order of the Ministry of Social Development of the Novosibirsk region dated December 23, 2014 No. 1446 «On approval of standards of social services provided by social service providers» // URL://file://C:/Users/setit/Downloads/P_SY_1446.pdf.

4. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated March 31, 2021 No. 198 «On the system of long-term care for elderly and disabled citizens in the Republic of Tatarstan» // URL://https://sobes.tatarstan.ru/postanovlenie-198-ot-31032021g-o-sisteme.htm.

5. Order of the Ministry of Socio-Demographic and Family Policy of Samara No. 146 dated March 29, 2021 «On certain issues of approval of the social package of long-term care» // URL://https://docs.cntd.ru/document/574682138.

6. Order of the Ministry of Family, Demographic Policy and Social Welfare of the Ulyanovsk Region dated March 25, 2021 No. 19-p «On approval of the levels of need from outside help in accordance with the typification group and the list of social services included in the social package of long-term care provided to citizens in need of outside care for free, in the form of social services at home» // URL://http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7301202103260001.

7. Order of the Committee for Social Protection of the Population of the Volgograd region dated May 28, 2018 No. 816 «On approval of the Regulations on the technology «Personal Assistant» // URL://https://docs.cntd.ru/document/550118938.

8. Bykova T. A. On the implementation of a pilot project to create a system of long-term care for elderly and disabled citizens in the Republic of Buryatia. In the collection: Forms and methods of social work in various spheres of life: mat. IX International scientific and practical conference Ulan-Ude, 2020. P. 3–5.

9. Karpushina A. S. Social security of citizens within the framework of the regional project «Development and implementation of a program of systematic targeted support and improvement of the quality of life of older citizens (Volgograd region)». Implementation and results of the project for 2019 // In the collection: Topical issues of economics: collection of art. IV International scientific and practical conference 2020. P. 159–163.

10. Mogutov A. E. Improvement of social services for elderly citizens: analysis and prospects of development // URL://*m_th_a.e.mogutova_2020.pdf.

11. Mutigullina D. D. Analysis of the composition of social packages of long-term care of the subjects of the Russian Federation participating in the implementation of the system of long-term care (on the example of the Republic of Tatarstan, Ulyanovsk and Samara regions): collection of art. III All-Russian scientific and practical conference. Petrozavodsk, 2021. P. 26–34.

12. Encyclopedia of social practices of support for the elderly in the Russian Federation / ed. by E. I. Kholostova, G. I. Klimantova. M. : Dashkov and Co. 2015.

13. URL://https://dszn.ru/dolgoletie.

14. URL://https://dolgoletie.mosreg.ru/

15. URL://https://practices.nationalprojects.rf/demografiya/aktivnoe-dolgoletie/aktivnost-i-uchastie-v-zhizni-obshchestva/aktivnoe-dolgoletie-3.

16. URL://https://dolgoletie.mosreg.ru/activities.

Информация об авторе

Ф. Г. Мышко — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

F. G. Myshko — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 15.05.2023.
The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-147-151
EDN: https://elibrary.ru/japyjb
NIION: 2003-0059-3/23-687
MOSURED: 77/27-003-2023-03-886

Роль экономической безопасности и противодействия коррупции в обеспечении национальных интересов России и охране конституционного строя

Шамиль Магомедович Нурадинов[1], Сергей Леонидович Нечай[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] office@unity-dana.ru
[2] s.l.nechay@gmail.com

Аннотация. Рассматривается реализация органами внутренних дел одного из важнейших направлений национальной безопасности Российской Федерации — экономической безопасности. Анализируются ключевые направления деятельности и функции Главного Управления экономической безопасности и противодействия коррупции и соответствующих подразделений органов внутренних дел. Обозначены некоторые проблемные вопросы их деятельности.

Ключевые слова: национальная безопасность, ГУЭБиПК МВД России, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, экономическая безопасность, органы внутренних дел

Для цитирования: Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л. Роль экономической безопасности и противодействия коррупции в обеспечении национальных интересов России и охране конституционного строя // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 147–151. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-147-151. EDN: JAPYJB.

Original article

The role of economic security and countering corruption in ensuring the national interests of Russia and protecting the constitutional order

Shamil M. Nuradinov[1], Sergey L. Nechay[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] office@unity-dana.ru
[2] s.l.nechay@gmail.com

Abstract. The implementation by the internal affairs bodies of one of the most important areas of national security of the Russian Federation — economic security is being considered. The key areas of activity and functions of the Main Department of Economic Security and Anti-Corruption and the relevant departments of the internal affairs bodies are analyzed. Some problematic issues of their activities are outlined.

Keywords: national security, GUEBiPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, divisions of economic security and anti-corruption, economic security, internal affairs bodies

For citation: Nuradinov Sh. M., Nechay S. L. The role of economic security and countering corruption in ensuring the national interests of Russia and protecting the constitutional order. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):147–151. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-147-151. EDN: JAPYJB.

В современных условиях вопросы национальной безопасности выступают наиболее приоритетным направлением деятельности органов публичной власти. Основной закон нашего государства (ст. 71) определяет безопасность в качестве предмета ведения РФ. Среди различных видов национальной безопасности одним из ключевых является экономическая безопасность. Ее обеспечением занимается множество субъектов. Одним из ключевых участников обеспечения экономической безопасности является МВД России. При этом обеспечению данного вида национальной безопасности на уровне структурных подразделений органов внутренних дел в научных публикациях не уделено достаточного внимания. В этой связи, актуальность рассмотрения вопроса обеспечения национальной безопасности подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел несомненна.

Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, в качестве одного из важнейших стратегических национальных приоритетов провозглашает экономическую безопасность [1]. Данный документ стратегического планирования обозначает задачи, которые необходимы для осуществления целей обеспечения данного вида безопасности России: снижение

© Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л., 2023

доли теневого и криминального секторов экономики, а также уровня коррупции в предпринимательской среде, совершенствование системы государственного контроля (надзора) в сфере экономической деятельности и др. В качестве одного из основных уровней экономической безопасности Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, определяет показатель преступности в сфере экономики [2].

Подразделения органов внутренних дел по борьбе с преступлениями в экономической сфере и противодействия коррупции в России имеют четкую структуру, которая развивалась на протяжении десятилетий и в настоящий момент может считаться оптимальной для решения поставленных задач и исполнения заявленных функций.

В настоящий момент в системе МВД России осуществляет деятельность Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК). В субъектах Российской Федерации в составе органов системы МВД РФ действуют, соответственно, управления (отделы) экономической безопасности и противодействия коррупции (УЭПиПК), а в городах и районах функционируют оперативно-розыскные части (ОРЧ).

Указанное Главное управление является подразделением МВД России и осуществляет полномочия по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции.

Среди ключевых задач данного подразделения МВД России необходимо выделить организацию предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений экономической и коррупционной направленности, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Список основных функций Главного управления достаточно внушителен, в связи с чем остановимся на наиболее значимых:

♦ анализ и мониторинг оперативной обстановки, прогнозирование ее изменения и разработка мер по оперативному реагированию на ее изменения;

♦ участие в перспективном и текущем планировании деятельности МВД России, разработке концепций, государственных программ, нормативно-правовых актов в сфере борьбы с преступностью экономической и коррупционной направленности;

♦ проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов МВД России;

♦ взаимодействие с территориальными органами МВД России по борьбе с преступлениями экономической и коррупционной направленности, в том числе проведение в полном объеме оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экономической и коррупционной направленности;

♦ организация и осуществление борьбы с организованной преступностью экономической направленности. Выявление и пресечение деятельности транснациональных и межрегиональных организованных групп и преступных сообществ экономической направленности, в том числе преступных сообществ (преступных организаций), сформированных по этническому принципу;

♦ анализ эффективности мер, принимаемых органами внутренних дел по вопросам деятельности Главного управления, оценка результативности деятельности подразделений экономической безопасности, оказание им практической и организационно-методической помощи.

Для выполнения указанных задач и осуществления названных функций, ГУЭБиПК МВД России располагает соответствующей структурой и штатом, который утверждается Министром. В связи с существенным изменением оперативной обстановки в сфере борьбы с преступлениями в сфере экономики и противодействия коррупции, структура ГУ претерпела изменения по отношению к БХСС; так, в состав Главка входят управления в соответствии с отраслевым принципом, в том числе: по борьбе с организованной преступностью экономической направленности; по борьбе с коррупцией; в бюджетной сфере, в сферах машиностроения и металлургии; сферах финансовой деятельности и банкротства и др.

Управления и отделы экономической безопасности и противодействии коррупции в субъектах РФ имеют примерно аналогичную структуру, а также задачи и функции. Они являются самостоятельными структурными оперативными подразделениями территориальных органов МВД России на региональном уровне. Структура и штатная численность этих управлений (отделов) зависит от социально-экономического статуса субъекта РФ.

На местах, в городах и районах, функционируют территориальные органы системы МВД РФ, которые полномочны осуществлять деятельность по выявлению и раскрытию преступлений, в том числе и

осуществлять оперативно-розыскную деятельность [3]. В составе данных органов функционируют оперативно-розыскные части (ОРЧ) и отделы или группы ЭБиПК, задачами которых является выявление преступлений экономической и коррупционной направленности на территории своего обслуживания.

Функция ГУ в сфере анализа оперативной обстановки на территории России по линии борьбы с преступностью в сфере экономики и противодействия коррупции предполагает оценку количественного и качественного состояния преступности как на территории страны в целом, так и в отдельных субъектах.

На основании указанного анализа имеется возможность осуществить прогноз изменения состояния преступности и, соответственно, принимать своевременные меры. Так, по инициативе ГУЭБиПК в последние годы внесены соответствующие изменения в уголовное законодательство, в связи с чем введена ответственность за общественно опасные деяния, актуальные на данный момент. В связи с изложенным, Главным управлением осуществляется подготовка предложений по совершенствованию правоприменительной практики органов внутренних дел РФ по вопросам, отнесенным к своей компетенции.

Судебно-следственная практика показывает, что лица, имеющие криминальные намерения обогащения за счет других лиц, постоянно находят новые способы их совершения. Особенно актуально это для хищений путем обмана или злоупотребления доверием, незаконного предпринимательства, незаконных операций с ценными бумагами, незаконной банковской деятельности, а также в разных сферах проявления коррупции.

В связи с изложенным, российский законодатель постоянно дополняет действующий УК РФ составами преступлений, ранее неизвестных гражданам и правоприменителям. При этом объективная сторона этих составов часто носит весьма сложный характер и для полноценного юридического анализа требуются, нередко, специальные познания в сферах экономики, финансов, медицины и др. Достаточно назвать деяния, ставшие в последние годы уголовно наказуемыми: организация финансовой пирамиды (ст. 172-2 УК РФ), фальсификация решения хозяйственных обществ (ст. 185-5 УК РФ), незаконное получение средств на долевое строительство (ст. 200-3 УК РФ) и др. В последнее время, в связи с обстоятельствами медико-социального характера в стране, стали массовыми преступные деяния, направленные на завладение чужими денежными средствами с использованием QR-кодов граждан. Данные обстоятельства ставят перед органами внутренних дел вопросы необходимости постоянного повышения профессионального уровня сотрудников подразделений ЭБиПК.

Российская Федерация является участником международных программ по борьбе с преступностью экономической и коррупционной направленности. Это связано с тем, что экономическая деятельность в принципе, не имеет границ. Так, на территории РФ существуют тысячи предприятий с участием иностранного капитала, а российский бизнес, в свою очередь, осуществляет свою деятельность за рубежом. При этом речь идет не только о торговле, но и полноценном производстве. В связи с изложенным появляются возможности злоупотреблений на межгосударственном уровне, что предполагает развитие международного законодательства, направленного на борьбу с преступностью названной направленности. Кроме этого, высокие результаты достигаются и на межведомственном уровне. Так, сотрудники ГУ выезжают в другие, в первую очередь, соседние государства, где проводятся рабочие встречи и совещания по названной тематике, а в отдельных случаях осуществляются совместные мероприятия по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений.

Важной функцией ГУЭБиПК является проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов МВД России. Все указанные документы, которые издаются в системе МВД России (приказы, инструкции, наставления, распоряжения и др.) подвергаются антикоррупционной экспертизе со стороны ГУЭБиПК, что является дополнительным фактором юридической чистоты правовых актов.

Учитывая дополнения в Конституцию РФ, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, на подразделения ГУЭБиПК, а также их нижестоящие аппараты возлагается функция по осуществлению мероприятий по противодействию коррупции в выборных органах публичной власти, в сфере управления негосударственным сектором экономики, в государственных корпорациях, внебюджетных фондах и общественных организациях с государственным участием. Речь идет о том, что в соответствии с дополнениями Конституции РФ сенаторам и депутатам Государственной Думы, а также ряду высших должностных лиц государственной власти РФ запрещено открывать и иметь счета, хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами РФ. В связи с изложенным, подразделения

ЭБиПК, в том числе во взаимодействии с органами ФСБ России, должны выявлять указанные факты и принимать соответствующие решения в отношении всех лиц, имеющих соответствующие ограничения.

Однако, наиболее значимой функцией подразделений ГУЭБиПК в целом и подразделений на местах является — осуществление оперативно-розыскной деятельности, которая обеспечивает исполнение задач по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений указанной направленности.

Органы внутренних дел являются структурой, полномочной осуществлять оперативно-розыскную деятельность для исполнения возложенных на них задач по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений экономической и коррупционной направленности, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших [4].

Подразделения ЭБиПК, начиная с ГУ и заканчивая отделениями и группами нижнего уровня, обладают полномочиями осуществления оперативно-розыскной деятельности в полном объеме. Более того, подразделения Главного управления зачастую осуществляет организацию и участие в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений экономической и коррупционной направленности, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, в наиболее значимых сферах.

Весьма значимой для ГУЭБиПК является организация и осуществление борьбы с организованной преступностью экономической направленности, а также выявление и пресечение деятельности транснациональных и межрегиональных организованных групп и преступных сообществ экономической направленности, в том числе преступных сообществ (преступных организаций), сформированных по этническому принципу.

В связи с изложенным, ГУЭБиПК МВД России осуществляет ОРМ в наиболее значимых сферах экономической деятельности, например, оборонном комплексе, ТЭК и др. Кроме того, они могут осуществлять ОРМ на территории не оного, а двух или более регионов России в случае, например выявления, пресечения и раскрытия деятельности организованных преступных групп и преступных сообществ в названной сфере. Более того, сам начальник Главка и его заместители полномочны участвовать в проведении отдельных и наиболее значимых мероприятий оперативно-розыскного характера. Усилиями ГУ в последние годы разоблачались крупнейшие преступные группировки на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, золотопромышленности, рыбной промышленности, лесопромышленном комплексе и др. Управления и отделы ЭБиПК на уровне субъектов РФ осуществляют оперативно-розыскную деятельность на территории соответствующих республик, краев и областей, а также городов федерального значения. Нижний уровень подразделений ЭБиПК осуществляет ОРД в соответствующих городах и районах.

Об эффективности работы рассматриваемых подразделений органов внутренних дел в сфере обеспечения национальной безопасности свидетельствуют статистические данные. Так, в период с января по ноябрь 2022 г., по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, на 0,7 % уменьшилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. В целом выявлено 106,3 тыс. преступлений данного типа, общее количество этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,8 %. Материальный ущерб от указанных преступлений составил 322,5 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 61,3 % [5].

Для более эффективного обеспечения экономической безопасности, как одного из приоритетных направлений национальной безопасности, представляется необходимым решить ряд вопросов в области организации данных подразделений органов внутренних дел. Руководителям ОВД на местах и подразделений ЭБиПК необходимо принимать дополнительные меры к тому, чтобы оперативные сотрудники были избавлены от исполнения несвойственных обязанностей, например, составления ненужных процессуальных документов и отчетов, исполнения фактических обязанностей помощника следователя и др., что существенно снижает результативность их деятельности по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений экономической и коррупционной направленности, особенно, замаскированных и совершенных организованными группами. Структура подразделений ЭБиПК должна соответствовать экономическому и промышленному потенциалу конкретного района, города или объекта. Также требуются меры, направленные на повышение оперативного правосознания сотрудников подразделений ЭБиПК, что предполагает повышение уровня законности в их деятельности и исключение фактов провокации преступлений и иных злоупотреблений. Одним из направлений реа-

лизации этих мер является повышение уровня воспитательной работы с подчиненными со стороны руководителей и их личная ответственность за злоупотребления по службе сотрудников, не говоря об их преступном поведении. В настоящий момент актуальной является и необходимость дальнейшей социальной защищенности сотрудников названных подразделений.

Таким образом, в системе МВД России сформирована и действует специальная служба, осуществляющая борьбу с преступлениями в сфере экономики и противодействия коррупции, реализующая функции по обеспечению важного направления национальной безопасности — экономической. Подразделения службы имеют строгую иерархию и так называемую «двойную» систему подчинения. Их деятельность напрямую направлена на противодействие коррупции и обеспечение безопасности экономической основы конституционного строя, которые являются одними из важнейших элементов национальной безопасности России.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

2. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

3. Приказ МВД России от 5 июня 2017 г. № 355 (ред. от 10 января 2022 г.) «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне» (с изм. и доп. от 18 февраля 2022 г.).

4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

5. Статистика ГИАЦ МВД России «Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2022 г.». М., 2022.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SZ RF. 2021. No. 27 (Part II). St. 5351.

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 208 dated May 13, 2017 «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030».

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 5, 2017 No. 355 (ed. dated January 10, 2022) «On approval of the Model Regulations on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the district level» (with amendments and additions, intro. effective from February 18, 2022).

4. Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 (as amended on December 28, 2022) «On operational investigative activities» // SZ RF. 1995. No. 33. St. 3349.

5. Statistics of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia «The state of crime in Russia for January–November 2022». M., 2022.

Информация об авторах

Ш. М. Нурадинов — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации;

С. Л. Нечай — старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук.

Information about the authors

Sh. M. Nuradinov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation;

S. L. Nechay — Senior Lecturer of the Department of the Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Historical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 15.05.2023.
The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Научная статья
УДК 342.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-152-156
EDN: https://elibrary.ru/jaclfd
NIION: 2003-0059-3/23-688
MOSURED: 77/27-003-2023-03-887

Соотношение оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» и меры государственного принуждения «вскрытие транспортного средства»: уголовно-правовой и административный аспекты

Николай Викторович Румянцев[1], Владимир Вячеславович Журавлев[2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, rumyantsevn.v@yandex.ru
[1] Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Москва, Россия
[2] Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия, vz15111982@gmail.com

Аннотация. Анализируется оперативно-розыскное мероприятие «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» и меры государственного принуждения «вскрытие транспортного средства». Соотношение данных правовых инструментов, находящихся в распоряжении полиции, позволило выявить нормативные пробелы и неурегулированности, создающие препятствия для их эффективного применения. В целях их устранения предложены авторские редакции п. 10 Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», утвержденной приказом МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199, и п. 6 ч. 1 ст. 15.1 ФЗ «О полиции», которые могут быть использованы для совершенствования законодательства, регламентирующего деятельность органов внутренних дел.

Ключевые слова: обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, вскрытие транспортного средства, законность, государственное принуждение, органы внутренних дел

Для цитирования: Румянцев Н. В., Журавлев В. В. Соотношение оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» и меры государственного принуждения «вскрытие транспортного средства»: уголовно-правовой и административный аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 152–156. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-152-156. EDN: JACLFD.

Original article

Correlation of operational-investigative measure «inspection of premises, buildings, structures, terrain and vehicles» and the measure of state coercion «opening of the vehicle»: criminal and administrative aspects

Nikolay V. Rumyantsev[1], Vladimir V. Zhuravlev[2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, rumyantsevn.v@yandex.ru
[1] Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
[2] Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Ryazan', Russia, vz15111982@gmail.com

Abstract. The analysis of operational-investigative measure «inspection of premises, buildings, structures, terrain and vehicles» and the measure of state coercion «opening of a vehicle» is carried out. Correlation of these legal tools at the disposal of the police allowed to identify normative gaps and irregularities that create obstacles to their effective application. In order to eliminate them the author's editions of clause 10 of the Instruction on the procedure for conducting by employees of internal affairs bodies of the Russian Federation public operational and investigative activities of inspection of premises, buildings, structures, areas and vehicles, approved by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia on 1 April 2014 № 199, and clause 6 of part. 1 of Art. 15.1 of the Federal Law «On Police», which can be used to improve the legislation regulating the activities of internal affairs bodies.

Keywords: examination of premises, buildings, structures, terrain areas and vehicles, vehicle autopsy, legality, state coercion, internal affairs bodies

For citation: Rumyantsev N. V., Zhuravlev V. V. Correlation of operational-investigative measure «inspection of premises, buildings, structures, terrain and vehicles» and the measure of state coercion «opening of the vehicle»: criminal and administrative aspects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):152–156. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-152-156. EDN: JACLFD.

© Румянцев Н. В., Журавлев В. В., 2023

Анализ развития мер государственного принуждения, предоставленных органам исполнительной власти, реализующим правоохранительные функции, позволяет констатировать многогранность этого института. Она выражается в нормативно-правовом закреплении системы разноотраслевых средств, имеющих различные формы, но объединенных единой целью — добиться исполнения участниками общественных отношений законодательных предписаний, являющихся, в свою очередь, воплощением государственной воли. Разграничение деликтов на гражданско-правовые, административные и уголовные, вызванное степенью их социальной опасности и вредности, определяет элементный состав принудительного воздействия, широту и временной период применяемых к нарушителям правоограничений. Следует отметить, что отдельные разноотраслевые меры принуждения имеют схожие черты и цели их применения. Одновременно, различная правовая основа определяет наличие и весьма существенных отличий. Одной из последних законодательных новелл следует признать право сотрудников органов внутренних дел осуществлять вскрытие транспортных средств в порядке, предусмотренном ст. 15.1 ФЗ «О полиции». Правоприменительную практику его применения на сегодняшней день трудно назвать исчерпывающей и проработанной, а судебные решения в целом носят единичный характер [1].

Анализ ч. 1 указанной нормы позволяет констатировать, что правовой основой реализации рассматриваемой меры государственного принуждения являются юридические факты, обладающие как ярко выраженным криминальным характером (необходимость пресечения преступления, задержания лиц, причастных к совершению административных и уголовных деликтов, обнаружения и изъятия предметов и веществ, выведенных из свободного оборота (ограниченно оборотоспособных) и др.), так и иные обстоятельства, природа которых далеко не всегда имеет противоправный характер (необходимость спасения жизни граждан, не имеющих возможность покинуть транспортное средство в следствие факторов непреодолимой силы природного или техногенного характера, установления обстоятельств несчастного случая и проч.).

В связи с этим правовую основу вскрытия транспортного средства образуют нормы, содержащиеся в административном, уголовном и гражданском законодательстве, что оказывает прямое влияние на процессуальный порядок его проведения. Следует отметить, что цивилистическое право не регламентирует процедуру реализации рассматриваемой меры государственного принуждения, а нормативным базисом ее применения следует считать институт крайней необходимости, выражающийся в защите наиболее ценного блага — человеческой жизни от угроз различного характера.

В свою очередь, необходимость пресечения подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений определяет систему отраслевых мер, содержащих в уголовно-процессуальном законодательстве и нормативных актах, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел, на которой предлагается остановиться более подробно.

Статья 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» предоставляет ее субъектам право проведения гласного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее — обследование транспортных средств). Его нормативную основу составляет распоряжение, утвержденное уполномоченным должностным лицом органов внутренних дел и зарегистрированное в журнале их учета [2]. Целью обследования транспортного средства служит необходимость обнаружения, фиксации и изъятия документов, в том числе имеющих признаки подделки, а также предметов и вещей, выведенных из свободного гражданского оборота (ограниченно оборотоспособных), а также являющихся предметом или орудием совершения преступления. Проведение обследования без надлежаще оформленного распоряжения влечет признание его результатов не законными, а собранные доказательства — не имеющими юридической силы [3].

Выделим основные проблемы в правовой регламентации данного оперативно-розыскного мероприятия.

Во-первых, подчеркнем, что началу рассматриваемой процедуры предшествует письменное ознакомление физического лица (представителя юридического лица) с распоряжением и вручение его копии. Следует подчеркнуть, что п. 10 приказа МВД не конкретизирует правовой статус указанных лиц, в связи с чем его толкование позволяет считать правомерными действия сотрудников органов внутренних дел, связанные с ознакомлением с распоряже-

нием не только собственника транспортного средства, но и любого другого лица, в пользовании которого оно находится, либо обладающего возможностью доступа к автомобилю. Полагаем, что существующее содержание нормы требует конкретизации статуса лиц, являющихся участниками данного оперативно-розыскного мероприятия, в целях исключения правовой неопределенности и возможности ее двоякого прочтения.

Во-вторых, нормативные правовые акты, регулирующие вопрос процедуры обследования транспортного средства, не содержат порядка его проведения в условиях отсутствия возможности свободного доступа к объекту осмотра. Как справедливо отмечают исследователи рассматриваемой проблематики, ни ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ни приказ МВД не дают четкого определения рассматриваемого мероприятия и его правовой природы. Это позволяет ставить закономерный вопрос о его отличии от обыска, при производстве которого допускаются принудительные действия, такие как повреждение запирающих механизмов, вскрытие дверей, препятствующих его проведению, и носящие законный характер [4]. К сожалению четкого ответа на данный вопрос законодательство не содержит. В связи с этим не в полной мере видится урегулированным алгоритм действий сотрудников органов внутренних дел в случаях отсутствия возможности получить свободный доступ к транспортному средству. Решением поставленного вопроса, в определенной степени, возможно считать применение меры государственного принуждения в виде «вскрытия транспортного средства». Основания для ее реализации являются исчерпывающими и соответствуют основаниям проведения оперативно-розыскных мероприятий в части решения задач, направленных на пресечение подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления. Вместе с тем, следует отметить, что целью проведения обследования транспортных средств может служить необходимость обнаружения и изъятия предметов и орудий совершения административных правонарушений (например, при наличии административной преюдиции) и преступлений. К сожалению, нормативная регламентация таких действий не находит своего закрепления ни в ФЗ «О полиции», ни в Приказе МВД. Наличие отмеченной проблематики подтверждается, например, и отдельными судебными актами. Так, в соответствии с Апелляционным постановлением Московского городского суда законными были признаны действия сотрудника органов таможни, который в рамках рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия осуществил изъятие транспортного средства в связи с наличием оснований полагать, что оно является предметом правонарушения, связанного с неуплатой в доход государства таможенных платежей [5].

Нельзя не отметить, что процессуальная составляющая документирования действий сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих вскрытие транспортного средства, видится не в полной мере проработанной и совершенной. Данную меру государственного принуждения возможно рассмотреть как самостоятельную процессуальную стадию, когда, например, речь идет о принудительном извлечении лица, находящегося в состоянии опьянения, из транспортного средства. В иных случаях она является отдельным этапом, когда направлена на обеспечение возможности проведения досмотра автомобиля в целях обнаружения и изъятия документов, предметов и веществ, имеющих значение для решения задач, стоящих перед органами внутренних дел.

Кроме этого, следует обратить внимание на тот факт, что ст. 15.1 ФЗ «О полиции» не конкретизирует информацию о способах и средствах вскрытия транспортного средства. Например, не определены элементы автомашины, которые могут быть повреждены для проникновения в салон или прицеп: запирающие устройства дверей, остекление, люки и прочие части кузова. Одновременно важной видится необходимость законодательной регламентации минимизации вреда, причиняемого имуществу, являющемуся объектом досмотровых мероприятий.

Наконец, нормативным пробелом следует считать отсутствие нормативной обязанности полиции обеспечить сохранность транспортного средства, обследованного в рамках оперативно-розыскного мероприятия, и находящегося в нем имущества от противоправных действий третьих лиц, в случаях отсутствия на месте его проведения собственника или иного законного владельца вскрытого транспортного средства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мера государственного принуждения в виде «вскрытия транспортного средства» является важным дополнением законодательства, легитимизирующим существовавший ранее правовой пробел. В контексте

проведения оперативно-розыскного мероприятия, связанного с обследованием транспортного средства, вскрытие следует рассматривать как отдельный этап, призванный создать необходимые условия для его практической реализации. В настоящее время организационно-правовые основы проведения вскрытия транспортного средства трудно назвать совершенными, что требует внесения отдельных изменений в нормативные акты.

Во-первых, целесообразным видится дополнение п. 10 Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», утвержденной приказом МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199, изложив его в следующей редакции: *«Перед началом обследования представителю юридического лица либо физическому лицу, в собственности либо фактическом пользовании которого находится имущество, подлежащее обследованию, предъявляется для ознакомления распоряжение о его проведении, копия которого вручается ему под роспись».*

Во-вторых, дополнить п. 6 ч. 1 ст. 15.1. ФЗ «О полиции», изложив его в следующей редакции: *«Для проведения осмотра транспортного средства и (или) груза, если имеются основания полагать, что в транспортном средстве находятся без специального разрешения предметы или вещи, изъятые из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособные, а также предметы или орудия совершения преступления или административного правонарушения».*

Список источников

1. Решение Кировского областного суда от 23 августа 2022 г. по делу № 7-97/2022, 5-2/66/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, уча-

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

8-е изд., перераб. и доп. Учебник
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований
Под ред. Н. А. Кузьмина, Л. Л. Тузова, И. А. Климова

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

стков местности и транспортных средств» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 26 июля 2017 г. по делу № 33-12064/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Петров С. П. О проблеме проведения гласных оперативно-розыскных мероприятий при выявлении и раскрытии преступлений в сфере экономики // Российский следователь. 2022. № 3. С. 50–53.

5. Апелляционное постановление Московского городского суда от 3 июня 2019 г. по делу № 10-9665/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. The decision of the Kirov Regional Court of August 23, 2022 in the case № 7-97/2022, 5-2/66/2022 // SPS «ConsultantPlus».

2. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 199 dated April 1, 2014 «On Approval of the Instructions on the Procedure for Conducting a Public Operational Search Event by Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation Inspection of Premises, Buildings, Structures, Terrain Areas and Vehicles and the List of Officials of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation Authorized to Issue Orders on Conducting a public operational search event.investigation of premises, buildings, structures, terrain areas and vehicles» // SPS «ConsultantPlus».

3. Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court of July 26, 2017 in case No. 33-12064/2017 // SPS «ConsultantPlus».

4. Petrov S. P. On the problem of conducting public operational investigative measures in the detection and disclosure of crimes in the field of economics // A Russian investigator. 2022. No. 3. P. 50–53.

5. Appeal decision of the Moscow City Court of June 3, 2019 in case No. 10-9665/2019 // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

Н. В. Румянцев — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, доцент;

В. В. Журавлев — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. V. Rumyantsev — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

V. V. Zhuravlev — Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of the Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 19.05.2023.

Научная статья
УДК 343.1
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-157-162
EDN: https://elibrary.ru/jrerzg
NIION: 2003-0059-3/23-689
MOSURED: 77/27-003-2023-03-888

Дискреционные полномочия судьи по назначению и подготовке судебного заседания в свете обеспечения прав и законных интересов участников предстоящего судебного разбирательства уголовного дела

Татьяна Кимовна Рябинина
Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, tatyanakimovna-r@yandex.ru

Аннотация. Освещаются проблемные аспекты властных полномочий судьи, когда он единолично, без проведения судебного заседания, принимает решение, связанное с назначением судебного разбирательства, с точки зрения, соответствуют ли такие полномочия судьи принципам правосудия, не усматривается ли в этом конфликт между публичными и частными интересами. Проведенное исследование правового регулирования процедуры принятия судьей решения по поступившему в суд уголовному делу приводит к выводу о том, что, независимо от процедуры принятия решения, на данном этапе судопроизводства — без судебного заседания или путем проведения предварительного слушания, судья осуществляет правосудие, заключающееся в создании эффективных условий для разрешения уголовного дела по существу.

Ключевые слова: полномочия судьи, назначение судебного заседание, правосудие, права и законные интересы участников процесса

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания на 2023 г. по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Для цитирования: Рябинина Т. К. Дискреционные полномочия судьи по назначению и подготовке судебного заседания в свете обеспечения прав и законных интересов участников предстоящего судебного разбирательства уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 157–162. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-157-162. EDN: JRERZG.

Original article

Discretionary powers of a judge to appoint and prepare a court session in the light of ensuring the rights and legitimate interests of participants in the upcoming trial of a criminal case

Tatiana K. Ryabinina
Southwest State University, Kursk, Russia, tatyanakimovna-r@yandex.ru

Abstract. The problematic aspects of the power of a judge when he alone, without a court session, makes a decision related to the appointment of a trial, in terms of whether such powers of a judge comply with the principles of justice, whether it is not seen as a conflict between public and private interests. The study of the legal regulation of the procedure for a judge to make a decision on a criminal case brought to court leads to the conclusion that, regardless of the procedure for decision-making at this stage of proceedings — without a hearing or by holding a preliminary hearing, the judge carries out justice, which consists in creating effective conditions for the resolution of the criminal case on the merits.

Keywords: powers of a judge, appointment of a court session, justice, rights and legitimate interests of participants in the process

Acknowledgements: the research was carried out within the framework of the state task for 2023 on the theme «Transformation of private and public law under conditions of evolving individuals, society and the state» (№ 0851-2020-0033).

For citation: Ryabinina T. K. Discretionary powers of a judge to appoint and prepare a court session in the light of ensuring the rights and legitimate interests of participants in the upcoming trial of a criminal case. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):157–162. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-157-162. EDN: JRERZG.

В октябре 1991 г. Верховным Советом РСФСР была принята «Концепция судебной реформы в Российской Федерации», признавшая проведение судебной реформы необходимым условием функционирования РФ как демократического правового государства и одним из приоритетных направлений законопроектной деятельности, а одной из главных задач судебной реформы названо утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы [1, с. 108]. Конституция РФ 1993 г., в свою очередь, провозгласила Россию правовым государством, обеспечивающим соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина посредством правосудия. Именно с этих двух эпохальных событий начинается отсчет становления и укрепления судебной власти в России.

© Рябинина Т. К., 2023

Если рассматривать сферу уголовного судопроизводства, то следует отметить важную тенденцию: суд из органа карающего, бывшего долгие десятилетия советского периода в числе органов государства, ведущих борьбу с преступностью, преобразуется в орган, призванный разрешать социальные конфликты, быть гарантом законности и справедливости в обществе. Кардинально меняется предназначение суда — основной его функцией становится отправление правосудия, что влечет и изменение характера взаимоотношений государства в лице органов, осуществляющих уголовное преследование, и личности, вовлекаемой в правовые отношения в ходе производства по уголовному делу.

Вместе с развитием и укреплением судебной власти, в России неизбежно и реформирование уголовного судопроизводства как формы реализации судебной власти в данной сфере правоотношений, невозможное без обновления в первую очередь судебной деятельности на всех его этапах, в том числе и в стадии предания суду (назначения и подготовки судебного заседания).

Проведенное в 1992 г. реформирование стадии предания суду привело к упрощению производства по назначению судебного заседания, выразившемуся в отказе от проведения распорядительных заседаний и, соответственно, в передаче полномочий по принятию решений по поступившему в суд уголовному делу судье, единолично, без проведения какого-либо предварительного заседания, определяющему движение уголовного дела, в связи с чем усилия и правоприменителей, и ученых, не принявших подобного преобразования, были направлены на изменение подобной процедуры [2, с. 113; 3, с. 360; 4, с. 19; 5, с. 104].

В ходе разработки нового уголовно-процессуального кодекса и обсуждения его проектов предлагалось установить такой порядок предания суду, который эффективно сочетал бы единоличные действия судьи как более экономичную, быструю, несложную процедуру в случаях отсутствия каких-либо препятствий для назначения и проведения судебного разбирательства, и разрешение вопросов на этой стадии в подготовительном судебном заседании, с участием сторон, на котором они могли бы реализовать свои возможности в отстаивании своих прав и законных интересов. Например, обвиняемый и его защитник могли бы оспорить незаконные или необоснованные, с их точки зрения, притязания стороны обвинения на более раннем этапе — до судебного разбирательства, и тем самым повлиять на характер принимаемого судьей решения.

Длительный поиск наиболее оптимального варианта правового регулирования деятельности на данном этапе судопроизводства привел к тому, что принятый в 2001 г. УПК РФ закрепил дифференцированный подход к регулированию деятельности суда в настоящей стадии — общий, когда судья без проведения судебного заседания принимает решение о дальнейшем движении уголовного дела, и усложненный, путем проведения предварительного слушания — для тех случаев, когда необходимо разрешить спорные и сложные вопросы с участием сторон.

Введение такой усложненной формы обусловлено необходимостью разрешения всех спорных вопросов в условиях состязательности и отсутствия формального подхода к исследованию материалов дела в этом судебном заседании, что позволит судье принять правильное, взвешенное решение, и, таким образом, снимет определенную напряженность во взаимоотношениях между публичными государственными органами и участниками судопроизводства, стремящимися реализовать свои частные интересы в конкретном уголовном деле на подготовительном этапе.

Вместе с тем, Концепцией судебной реформы не предусматривалось введение усложненного порядка предания суду в виде проведения какого-либо предварительного судебного заседания. Разработчиками Концепции предлагалось два варианта решения вопроса о предании обвиняемого суду. **Первый вариант** — такие полномочия возложить на прокурора, а суду оставить полномочия по установлению формальных нарушений, допущенных в досудебном производстве, а также по решению вопросов, связанных с направлением дела по подсудности, приостановлением дела, прекращением дела по формальным основаниям (истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности, издание акта амнистии и т. п.), мерой пресечения, исключением недопустимых доказательств, а также непосредственно связанных с подготовкой дела к судебному разбирательству [1, с. 94]. **Второй вариант** — ввести фигуру следственного судьи, которому, наряду с осуществлением контроля над досудебным производством, предлагалось передать и полномочие по принятию решения о направлении дела в суд и проведению предварительного слушания [1, с. 66–67]. **Но ни один из вариантов не был поддержан законодателем**.

В целях упорядочения процедуры в стадии назначения и подготовки судебного заседания, исклю-

чения субъективного подхода судьи при разрешении вопроса о необходимости назначения предварительного слушания или судебного разбирательства уголовного дела по существу и расширения состязательных начал законодатель предусмотрел основания, при наличии которых судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе назначает предварительное слушание (ч. 2 ст. 229 УПК РФ), например, если необходимо решить вопрос об исключении недопустимого доказательства, о возвращении уголовного дела прокурору, о прекращении или приостановлении производства по делу и т. п.

Таким образом, правовое регулирование деятельности суда по назначению судебного заседания, согласно УПК РФ 2001 г., стало более гибким, направленным на то, чтобы на этом этапе судьей при принятии решения были учтены различные ситуации, прежде всего касающиеся интересов сторон. Введение дифференцированного подхода к регулированию отдельных процедур в уголовном процессе есть одно из направлений совершенствования современного уголовного судопроизводства [6, с. 256; 7], демонстрирующее стремление законодателя установить действенную систему гарантий не только отправления правосудия, но и обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в чем проявляется сбалансированность публичных и частных интересов в данной сфере, а в перспективе должно привести к минимизации конфликта между публичными и частными началами в уголовном судопроизводстве.

Однако, серьезное реформирование правового регулирования деятельности суда в стадии назначения и подготовки судебного заседания не ослабило критику этой деятельности в связи с ограничением контрольных полномочий судьи при изучении материалов поступившего в суд уголовного дела. В первую очередь такие ограничения коснулись вопросов об обоснованности предъявленного обвинения, правильной правовой квалификации вмененного в вину обвиняемого деяния, достаточности доказательств для внесения дела в судебное заседание, что и послужило поводом для появления в литературе высказываний об утрате властной сути деятельности суда и опасений, что такие новеллы идут вразрез с главной идеей современной судебной реформы — об утверждении и укреплении судебной власти, ее независимости и самостоятельности в любой сфере правового регулирования [8, с. 7; 9, с. 7; 10, с. 38; 11, с. 5–6].

На этом фоне вопрос о характере единоличных действий и принятия решений судьей по назначению и подготовке судебного заседания, в отсутствие процедуры как таковой, выглядит острым и дискуссионным, тем более что в юридической литературе регулярно поднимается вопрос: не противоречит ли такая процедура принципу состязательности, не нарушает ли права и законные интересы сторон и самое главное — отправляет ли суд в таких условиях правосудие?

Такое критическое отношение к полномочиям судьи в стадии назначения и подготовки судебного заседания обусловлено не совсем логичным определением понятия «судебное заседание», которое дал законодатель в п. 50 ст. 5 УПК РФ: это процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу. Тем самым, настоящей правовой нормой констатируется, что единоличные действия судьи (без проведения судебного заседания) по принятию процессуальных решений не являются формой осуществления правосудия и, соответственно, формой реализации судебной власти, что умаляет статус судьи как носителя судебной власти в настоящей стадии процесса.

Действительно, традиционно считается, что правосудие осуществляется в состязательных условиях, т. е. при проведении судебного заседания, но, как правило, когда есть спор или конфликт между сторонами, который и должен разрешить суд. При отсутствии спора законодатель предусматривает возможность разрешения отдельных правовых вопросов в гражданском и уголовном судопроизводстве без участия сторон и без проведения судебного заседания, тем более что ни Конституция РФ, ни закон «О статусе судей в Российской Федерации» не связывают отправление правосудия с обязательным проведением судебного заседания. Так, в соответствии со ст. 5 ГПК РФ правосудие по гражданским делам, относящимся к компетенции судов общей юрисдикции, осуществляется только этими судами по правилам, установленным законодательством о гражданском судопроизводстве. Подтверждением такого порядка служит правовое регулирование приказного производства. Согласно ч. 2 ст. 126 ГПК РФ судебный приказ выносится без вызова взыскателя и должника и проведения судебного разбирательства. Бесспорно, что судебный приказ, как и любое судебное решение, вынесенное в судебном заседании, является актом правосудия.

Аналогичные ситуации предусмотрены и уголовно-процессуальным законом. Например, ходатайство о производстве следственного действия, ограни-

чивающего конституционные права лица, рассматривается единолично судьей в судебном заседании, но без участия стороны защиты (ч. 2–3 ст. 165 УПК РФ). Обращение приговора к исполнению (ст. 390–391 УПК РФ) осуществляется судьей единолично, без проведения судебного заседания. Однако, и в первом случае судья, осуществляя судебный контроль в стадии предварительного расследования, и во втором случае, завершая производство по делу путем исполнения решения, осуществляет правосудие, реализуя свои властные полномочия, исходя из задач, решаемых на данных стадиях процесса, присущими именно для этих этапов судопроизводства средствами. Причем принятые таким образом решения, носящего властно-распорядительный характер, подлежат неукоснительному исполнению. Очевидно, что статус судьи как носителя судебной власти не зависит ни от процедуры, в которой он реализует свои властные полномочия, ни от состава суда — единоличного или коллегиального.

Возвращаясь к стадии назначения и подготовки уголовного дела к судебному заседанию, следует заметить, что осуществление судьей единоличных действий вне строго регламентированной процедуры, т. е. без проведения предварительного слушания, не означает, что эта деятельность сводится лишь к формально-проверочным действиям, и суд не отправляет правосудие. Задачи, которые стоят перед судом на стадии назначения и подготовки уголовного дела к судебному заседанию, объем полномочий, предоставленных судье для реализации задач по проверке и подготовке уголовного дела к судебному разбирательству, а также характер решений, принимаемых судьей в данной стадии, свидетельствуют о том, что судья и при такой упрощенной процедуре осуществляет правосудие.

Содержание гл. 33 и 34 УПК РФ, в которых регламентированы порядок, сроки, объем полномочий и последовательность действий по проверке, назначению и подготовке уголовного дела к судебному разбирательству, характер судебных решений, раскрывает властную роль суда как государственного органа, осуществляющего правосудие, и важное значение контрольно-подготовительного этапа уголовного судопроизводства.

Так, еще И. Я. Фойницкий писал: «Предание суду по юридической сущности есть контроль за деятельностью публичных обвинителей, делаемый на основании предварительного производства; вместе с тем организация его должна давать сторонам меры обеспечения против неправильностей последнего. Но контроль за обвинительной деятельностью и предварительным производством предполагает тщательную проверку добытого им, кропотливое сопоставление сведений за и против, оценку законности или незаконности действий, при помощи которых эти данные добыты» [12, с. 454–455].

Критики активной роли суда в процессе изучения материалов уголовного дела опасаются, что в ходе изучения материалов дела судья, вникая в суть предъявленного обвинения, может подвергнуть сомнению правильность правовой квалификации вмененного лицу деяния, объем предъявленного обвинения и пр., что напрямую может повлечь создание у судьи преждевременного мнения по вопросу виновности-невиновности обвиняемого [13; 14, с. 26]. Позволим не согласиться с такими умозаключениями. На наш взгляд, итогом проверки материалов дела является не формирование у судьи определенного предубеждения к обвиняемому и предъявленному ему обвинению, а появление уверенности в достаточности, добротности, полноте представленных материалов и отсутствии нарушений со стороны лиц, проводивших предварительное расследование. Именно такая уверенность означает наличие фактических и юридических оснований к назначению судебного разбирательства.

Изучив тщательным образом материалы уголовного дела (заметим при этом, что ориентиром в проверочной деятельности судьи можно считать круг вопросов, закрепленных в ч. 1 ст. 228 УПК РФ) и, придя к выводу о том, что дело подсудно данному суду, никаких препятствий для рассмотрения дела в судебном разбирательстве не имеется, никаких нарушений не установлено, спорных вопросов и сомнений в достаточности, относимости и допустимости представленных доказательств не выявлено, судья выносит постановление о назначении судебного заседания без проведения предварительного слушания и приступает к осуществлению полномочий по непосредственной подготовке судебного заседания, означающей по сути организационно-распорядительную деятельность суда (ст. 231–232 УПК РФ).

Решение вопросов, связанных с подготовкой судебного заседания, обеспечивает организацию судебного разбирательства, создает условия для правильного рассмотрения дела по существу в судебном заседании, а значит для установления всех обстоятельств по делу и вынесения законного, обоснованного приговора или другого судебного решения. Особого внимания при этом заслуживает вопрос о предстоящей процедуре разбирательства уголовного дела и составе суда. Тем самым, важность проведе-

ния судьей подготовительных действий обусловлена не только их организационным значением, как верно отмечает М. Т. Аширбекова, но и властно-организующим воздействием суда, характеризующим судебное производство как публичную деятельность [15, с. 190].

Важное место среди полномочий судьи в первой судебной стадии занимает вопрос обеспечения судьей предоставленных участникам уголовного судопроизводства прав для активного участия на данном этапе производства по уголовному делу: знакомиться с материалами уголовного дела (ч. 3 ст. 227 УПК РФ), заявлять ходатайства: об изменении территориальной подсудности (ч. 1 ст. 35 УПК РФ), о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании (п. 5 ч. 2 ст. 231 УПК РФ), о прекращении или приостановлении уголовного дела (п. 3 ч. 2 ст. 229 УПК РФ); о допуске к участию в деле; об истребовании дополнительных доказательств или исключении доказательств, полученных с нарушением закона; о вызове дополнительных свидетелей; подавать жалобы (п. 4 ст. 228 УПК РФ). Обвиняемый также вправе заявить ходатайство о приглашении или назначении защитника, если он не участвовал в досудебном производстве; об изменении или отмене меры пресечения (п. 3 и 6 ч. 2 ст. 231 УПК РФ). Потерпевший, гражданский истец или их представители, наряду с прокурором, имеют право заявить ходатайство о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества (п. 5 ст. 228, ст. 230 УПК РФ).

Несмотря на стремление законодателя идти по пути дальнейшего укрепления правового статуса участников уголовного процесса, стимулирование их активности и повышение эффективности деятельности судьи на стадии назначения и подготовки уголовного дела к судебному заседанию, необходимо констатировать, что серьезных изменений в сторону наполнения производства в данной стадии состязательными началами, «оживления» процессуальной деятельности сторон по отстаиванию своих интересов так и не наступило — стороны не стремятся повлиять на ход и результаты решения спорных вопросов до назначения судебного разбирательства, что в итоге негативно сказывается на подготовке и дальнейшем проведении судебного разбирательства уголовного дела по существу. Тем самым, у сторон остается формальное отношение к настоящей стадии, обусловленное неуверенностью в том, что на данном этапе они смогут что-либо изменить[1].

Подытоживая рассмотрение настоящего вопроса, отметим, что судья как носитель судебной власти в первой судебной стадии обладает широким комплексом властных полномочий, позволяющих ему осуществлять правосудие, заключающееся не только в принятии властно-распорядительных решений, направленных на подготовку судебного разбирательства и разрешение уголовного дела, но и в создании для сторон благоприятствующих им условий для использования всех законных возможностей для активного участия на данном этапе судопроизводства.

Таким образом исследование проблемы сбалансированности интересов отправления правосудия и частных интересов участников процесса остается актуальным и предполагает дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального закона в направлении не сужения контрольных полномочий суда в первой судебной стадии, а укрепления статуса суда и расширения прав участников процесса в целях создания эффективных условий для отправления правосудия.

Список источников

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М. : Республика, 1992.

2. Стецовский Ю. И. Концепция судебной реформы и проблемы конституционной законности в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 1993. № 9. С. 102–114.

3. Петрухин И. Л. Вам нужен адвокат… М., 1993.

4. Бойков А. Д. Судебная реформа: обретения и просчеты // Государство и право. 1994. № 6. С. 13–22.

5. Савицкий В. М. Уголовный процесс России на новом витке демократизации // Государство и право. 1994. № 6. С. 96–107.

6. Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному за-

[1] Анкетирование адвокатов и прокуроров показало: 1) 77,4 % адвокатов и 85 % прокуроров редко заявляют или не заявляют совсем ходатайства на стадии назначения и подготовки судебного заседания; 2) лишь 23,1 % участников процесса дополнительно знакомятся с материалами дела до подготовки уголовного дела к судебному заседанию; остальные предпочитают знакомиться с материалами дела уже после принятия судьей решения о назначении судебного заседания, поэтому такая ситуация лишний раз подтверждает, что подобное отношение сторон к использованию возможностей для того, чтобы повлиять на принятие судьей благоприятного для них решения (например, о возвращении уголовного дела прокурору, прекращении производства по уголовному делу, изменении меры пресечения и др.) не стимулирует расширения состязательных начал и свидетельствует о том, что данная стадия не выполняет своего предназначения.

седанию: теория и правоприменение: дисс. … докт. юрид. наук. Саратов, 2021.

7. Химичева О. В., Химичева Г. П. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 33–36.

8. Миронова Г. И. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

9. Якимович Ю. К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке: учеб. пособие. СПб., 2015.

10. Кальницкий В. В. Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 34–41.

11. Белкин А. Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XII. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию. Общие условия судебного разбирательства. М., 2018.

12. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб. : Альфа, 1996.

13. Колоколов Н. А. Компетенция суда в состязательном процессе // Эж-Юрист. 2009. № 19 // URL:// https:// demo.garant.ru/

14. Барабанов П. К. Процессуальные средства преодоления обвинительного уклона в деятельности суда // Российский судья. 2007. № 7. С. 26–29.

15. Аширбекова М. Т. О разрешении судом вопросов в порядке ст. 228 УПК РФ // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: мат. междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2009. С. 190–192.

References

1. The concept of judicial reform in the Russian Federation / comp. S. A. Pashin. M. : Respublika, 1992.

2. Stetsovsky Yu. I. The concept of judicial reform and problems of constitutional legality in criminal proceedings // State and Law. 1993. No. 9. P. 102–114.

3. Petrukhin I. L. You need a lawyer ... M., 1993.

4. Boikov A. D. Judicial reform: acquisitions and miscalculations // State and law. 1994. No. 6. P. 13–22.

5. Savitsky V. M. Criminal trial in Russia on a new round of democratization // State and law. 1994. No. 6. P. 96–107.

6. Ryabinina T. K. Implementation of the judiciary at the stage of preparing a criminal case for a court session: theory and law enforcement: diss. … doc. legal Sciences. Saratov, 2021.

7. Khimicheva O. V., Khimicheva G. P. Differentiation as the main trend of modern criminal justice // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. P. 33–36.

8. Mironova G. I. Preparation of a criminal case for a court session: author. diss. ... cand. legal Sciences. M., 2005.

9. Yakimovich Yu. K. Consideration of criminal cases by the court of first instance in the usual manner: textbook. allowance. St. Petersburg, 2015.

10. Kalnitsky V. V. The concept and significance of the stage of appointment and preparation of the trial in the criminal process // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4 (67). P. 34–41.

11. Belkin A. R. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: constructive criticism and possible improvements. Part XII. Preparing a criminal case for trial. General conditions of litigation. M., 2018.

12. Foinitsky I. Ya. The course of criminal proceedings. In 2 vols. T. 1. St. Petersburg : Alpha, 1996.

13. Kolokolov N. A. Competence of the court in adversarial proceedings // Ezh-Lawyer. 2009. No. 19 // URL://https:// demo.garant.ru/

14. Barabanov PK Procedural means of overcoming the accusatory bias in the activities of the court // Russian judge. 2007. No. 7. P. 26–29.

15. Ashirbekova M. T. On the resolution of issues by the court in accordance with Art. 228 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Actual problems of criminal procedure and forensics in Russia and the CIS countries: mat. intl. scientific-practical. conf. Chelyabinsk, 2009. P. 190–192.

Информация об авторе

Т. К. Рябинина — заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

T. K. Ryabinina — Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of Southwestern State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 15.05.2023.
The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-163-165
EDN: https://elibrary.ru/jlkwoe
NIION: 2003-0059-3/23-690
MOSURED: 77/27-003-2023-03-889

Возможности защиты частных лиц в Международном Суде ООН

Кудрат Юсуббаевич Садуллаев
Академия государственного управления при Президенте Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. Рассматриваются интересы государств, которые в современных условиях оказываются все более привязанными к интересам их граждан и юридических лиц. В последнее время участились случаи рассмотрения таких дел в Международном Суде ООН, где предмет разбирательства оказывается непосредственно связанным с правами и обязанностями частных лиц.

Ключевые слова: Международный Суд ООН, международная претензия, международное судебное разбирательство, национальные лица, транснациональные компании

Для цитирования: Садуллаев К. Ю. Возможности защиты частных лиц в Международном Суде ООН // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 163–165. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-163-165. EDN: JLKWOE.

Original article

Opportunities for the protection of individuals in the International Court of Justice of the United Nations

Kudrat Yu. Sadullaev
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. The interests of states are considered, which in modern conditions are becoming increasingly tied to the interests of their citizens and legal entities. Recently, cases of consideration of such cases in the International Court of Justice of the United Nations have become more frequent, where the subject of the proceedings is directly related to the rights and obligations of individuals.

Keywords: International Court of Justice of the United Nations, international claim, international litigation, national persons, multinational companies

For citation: Sadullaev K. Yu. Opportunities for the protection of individuals in the International Court of Justice of the United Nations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):163–165. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-163-165. EDN: JLKWOE.

Международный Суд ООН является главным судебным органом Организации Объединенных Наций. Согласно ст. 34 Статута Международного Суда ООН, его основную компетенцию составляет рассмотрение дел, сторонами в которых выступают государства [1, с. 797–811]. Традиционно основное место в данной области занимали споры о принадлежности участков государственной территории, о разграничении морских пространств и континентального шельфа. Например, спор между ФРГ, Данией и Нидерландами о делимитации континентального шельфа Северного моря, спор между Грецией и Турцией о континентальном шельфе в Эгейском море, спор между Канадой и США о делимитации морских границ в заливе Мэн и т. д. [2, с. 237]. По общему признанию ученых «Суд не может рассматривать споры между частными лицами и государствами, а тем более споры между частными лицами» [3, с. 296].

Тем не менее, в современных условиях интересы государств оказываются все более привязанными к интересам их граждан и юридических лиц. Как следствие, в Международном Суде ООН получают рассмотрение такие дела, предмет разбирательства которых оказывается непосредственно связанным с правами и обязанностями частных лиц. В связи с этим наука и практика международного права придают существенное значение критериям допустимости таких претензий в рамках международного судебного разбирательства.

Необходимо отметить, что исследуемая нами проблема имеет длительную историю и по своей сути восходит к теоретической дискуссии о разграничении международной и национальной юрисдикции. Данный вопрос приобрел особую актуальность в связи с признанием рядом государств обязательной юрисдикции Международного Суда ООН с оговоркой об изъятии из нее споров, входящих в область внутренней компетенции конкретного государства. При этом оговорки, сделанные Австралией, Великобританией, Канадой, Новой Зеландией, предполагают исключение споров, которые, согласно нормам международного права, относятся исключительно к внутренней юрисдикции государства. В то же время, оговорки,

© Садуллаев К. Ю., 2023

сделанные Мексикой, Суданом, США, Францией, Южно-Африканской Республикой, исключают споры, входящие в область внутренней компетенции, как она понимается или определяется конкретным государством [3, с. 573–574]. Как следствие, оговорки последнего вида в сущности сводят на нет само признание обязательной юрисдикции Международного Суда ООН.

В материалах практики Международного Суда ООН данный вопрос получил отражение в деле между Францией и Норвегией о выпущенных во Франции норвежских займах. В данном споре Франция, выступающая в качестве защитницы законных интересов своих граждан и юридических лиц, полагала, что Норвегия несет перед ней определенную международно-правовую ответственность. При этом Норвегия оспаривала юрисдикцию Суда по двум основаниям: во-первых, в силу отнесения спора к области внутренней компетенции Норвегии; во-вторых, в силу взаимности французской оговорки о признании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН. Поскольку Франция, признавая обязательную юрисдикцию Международного Суда ООН, тем не менее, исключала из нее споры, входящие в область внутренней компетенции, как она понимается правительством Франции, Международный Суд ООН, исходя из принципа взаимности действия оговорок истца и ответчика в конкретном деле, предоставил Норвегии возможность исключить данное дело из международного судебного разбирательства как относящееся к внутренней компетенции Норвегии в ее толковании правительством Норвегии [4, с. 1049–1055]. Заслуживает внимания тот факт, что основой для отказа в рассмотрении данного дела выступило именно предоставление Норвегии возможности воспользоваться на основе взаимности сделанной Францией оговоркой об исключении из юрисдикции Суда всех дел, которые сама Франция считает внутренними. По нашему мнению, данное дело является ярким примером того, что исключение из юрисдикции внутренних дел как они понимаются самим государством-участником спора (а не международным правом) представляет собой по сути отсутствие обязательной юрисдикции, поскольку компетенция Суда в каждом конкретном деле зависит от произвольного толкования государством природы того или иного спора.

Необходимо также обратить внимание на то, что, применив в данном деле принцип взаимности в отношении действия оговорок, Международный Суд ООН, вместе с тем, воздержался от квалификации спора как относящегося к внутренней компетенции согласно международному праву. Тем не менее, в литературе можно было встретить мнения о том, что в данном случае имел место спор между норвежскими заемщиками и частными французскими кредиторами по договору о займе, а потому толкование такого рода обязательств как относящихся не к области международного права, а к сфере национальной юрисдикции, по своей природе не могло быть предметом рассмотрения и решения в Международном Суде ООН [5, с. 1]. Некоторая поверхностность данной точки зрения была доказана последующей практикой Международного Суда ООН.

Показательным в этом плане является дело компании Barcelona Traction. Согласно материалам данного дела, компания Barcelona Traction была учреждена в Канаде и впоследствии создала в Испании ряд дочерних компаний. В результате действий органов государственной власти Испании указанные дочерние компании перешли к испанским лицам, а компания Barcelona Traction была лишена активов в сумме 90 млн долл. США. Главными акционерами компании Barcelona Traction являлись бельгийские компании, на основании чего Бельгия предъявила Испании требование о возмещении вреда, причиненного бельгийским акционерам [6, с. 158–160]. Международный Суд ООН отказал в рассмотрении данного дела по существу, однако сформулировал ряд выводов, отражающих его принципиальную позицию по вопросу о возможности защиты государством частных лиц.

Суд указал, что механизм создания компаний предполагает, что понесенный компанией ущерб наносит лишь косвенный вред интересам акционеров, в силу этого субъектом, понесшим в данном случае непосредственный ущерб, может быть признана сама компания Barcelona Traction, но не ее акционеры. При этом компания Barcelona Traction была учреждена по законодательству Канады и имела центр управления в данной стране. Следовательно, в силу принципа национальной принадлежности претензии, согласно которому заявляемая государством международная претензия основывается не на ущербе, причиненном частным лицам, а на ущемлении правового интереса самого государства в лице находящихся под его национальным покровительством лиц, защиту компании Barcelona Traction могла предоставить только Канада [6, с. 155, 160].

Вместе с тем, для Канады такая защита составляла дискреционное право, полностью зависящее от ее усмотрения и никак не связанное в своем осуществлении с волей самого потерпевшего ущерб частного

лица. Поскольку частное лицо в данном случае является объектом претензии, но не ее субъектом, его воля не имеет влияния на заявление государством международной претензии. Канада в данном деле такой претензии не заявляла, а потому вопрос о неправомерности действий Испании не подлежал рассмотрению в Международном Суде ООН [6, с. 160–161].

Кроме того, Международный Суд ООН отметил, что предъявление претензии к Испании со стороны Бельгии оказалось бы возможным в том случае, если бы компания Barcelona Traction прекратила свое правовое существование. В данной ситуации, в силу отсутствия «промежуточного» субъекта, непосредственный ущерб несли бы бельгийские компании, а потому Бельгия приобретала бы права по заявлению претензии об ущемлении интересов ее национальных лиц [6, с. 162–163].

Необходимо также заметить, что в деле компании Barcelona Traction вопрос по существу стоял о судьбе транснациональной корпорации, составляющей сеть самостоятельных с правовой точки зрения юридических лиц. При этом в основе вынесенного Международным Судом ООН решения лежал механический анализ отдельных составляющих такой корпорации без осмысления ее как единого экономического механизма. Следовательно, можно признать обоснованной точку зрения, согласно которой международно-правовая защита транснациональной корпорации в настоящее время может осуществляться не как защита единого субъекта, а исключительно посредством защиты ее отдельных составляющих, обладающих соответствующей национальностью [7, с. 93–98].

Таким образом, в деле компании Barcelona Traction Международный Суд ООН подтвердил возможность защиты в его рамках интересов частных лиц. Необходимо подчеркнуть, что защита таких лиц в международном судебном разбирательстве составляет право государства, полагающего, что причинением вреда его национальным лицам ущемлены его собственные правовые интересы. В таком случае частное лицо выступает объектом претензии, а воля такого лица как таковая не имеет для международной претензии существенного значения.

Список источников

1. Статут Международного Суда ООН от 26 июня 1945 г. Действующее международное право. Т. 1. М., 1996.

2. Международное частное право / под ред. М. Х. Рустамбаев. Т., 2012.

3. Международное частное право / под ред. И. Рустамбекова. Т., 2019.

4. Harris D. J. Cases and materials on international law. London, 2014.

5. Организация Объединенных Наций // Судопроизводство по спорным делам. Вашингтон, 2022 // URL://https://www.un.org/ru.

6. Броунли Я. Международное право / под ред. Г. И. Тункина. В 2 кн. Кн. 2. М., 2020.

7. Лысенко Д. Л. К вопросу о дипломатической защите транснациональных корпораций // Журнал российского права. 2022. № 9.

References

1. Statute of the International Court of Justice of the United Nations of June 26, 1945. Current International Law. Vol. 1. M., 1996.

2. International private law / edited by M. H. Rustambayev. T., 2012.

3. International private law / edited by I. Rustambekov. T., 2019.

4. Harris D. J. Cases and materials on international law. London, 2014.

5. United Nations // Proceedings in disputed cases. Washington, 2022 // URL://https://www.un.org/ru.

6. Brownley Ya. International Law / edited by G. I. Tunkin. In 2 kn. Kn. 2. M., 2020.

7. Lysenko D. L. On the issue of diplomatic protection of transnational corporations // Journal of Russian Law. 2022. № 9.

Информация об авторе

К. Ю. Садуллаев — начальник отдела Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан, кандидат юридических наук.

Information about the author

K. Yu. Sadullaev — Head of the Department of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.
The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 342.56
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-166-168
EDN: https://elibrary.ru/koopxn
NIION: 2003-0059-3/23-691
MOSURED: 77/27-003-2023-03-890

Некоторые проблемы в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации

Дмитрий Егорович Самуйлов[1], Валерий Иванович Елинский[2]
[1,2] Российский технологический университет — МИРЭА, Москва, Россия
[2] elinskij@mirea.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы неисполнения решений Конституционного Суда РФ, а также сложности, с которыми сталкивается данный орган при реализации своих полномочий.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, проблемы, ответственность, конституционный контроль
Для цитирования: Самуйлов Д. Е., Елинский В. И. Некоторые проблемы в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 166–168. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-166-168. EDN: KOOPXN.

Original article

Some problems in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation

Dmitry E. Samuilov[1], Valery I. Elinskiy[2]
[1,2] Russian Technological University — MIREA, Moscow, Russia
[2] elinskij@mirea.ru

Abstract. The problems of non-execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the difficulties encountered by this body in exercising its powers are considered.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, problems, responsibility, constitutional control
For citation: Samuilov D. E., Elinskiy V. I. Some problems in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):166–168. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-166-168. EDN: KOOPXN.

1. Конституционный Суд Российской Федерации обладает весьма широкими полномочиями в области конституционного контроля. Однако, необходимо отметить, что федеральным конституционным законом, регулирующим его деятельность, установлены весьма существенные ограничения, не позволяющие в полной мере реализовывать свои возможности. Например, в ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [1] говорится, что Конституционный Суд Российской Федерации имеет право рассматривать дела только по поступившим ему запросам, ходатайствам или жалобам от Президента Российской Федерации и иных органов государственной власти или граждан и организаций, чьи права и свободы были нарушены тем или иным неконституционным актом в ходе судебного дела. Это значительно снижает эффективность конституционного контроля, поскольку, таким образом, Конституционный Суд РФ, по сути, лишен инициативных контролирующих полномочий. Он осуществляет проверку только тех актов, которые были указаны в ходатайствах государственных органов, в связи с чем, возможно, некоторые акты, содержащие неконституционные нормы, остаются без его внимания.

Что же касается обращений граждан, то жалоба на нарушение конституционных прав может быть подана лицом и принята к рассмотрению только в том случае, если были исчерпаны все иные внутригосударственные средства судебной защиты [1].

Это ограничение видится не вполне рациональным, поскольку в случае, если законные интересы лица были нарушены актом, несоответствующим Конституции РФ, ему необходимо пройти череду долговременных судебных разбирательств, в которых суды будут рассматривать дело, основываясь на оспариваемом акте. Это существенно увеличивает

© Самуйлов Д. Е., Елинский В. И., 2023

сроки восстановления нарушенных прав и, одновременно, увеличивает нагрузку на судебные органы.

2. Принятыми в 2020 г. поправками в Конституцию Российской Федерации были внесены изменения, коснувшиеся п. 2 ст. 100. Ранее эта статья содержала положение о заслушивании палатами Федерального Собрания РФ посланий Конституционного Суда РФ; после внесенных изменений данная норма была упразднена. Несмотря на то, что она использовалась нерегулярно, ее восстановление видится вполне целесообразным, поскольку Конституционному Суду РФ необходимо слышать проблемные вопросы конституционного контроля.

3. Решения Конституционного Суда о несоответствии положениям Конституции РФ тех или иных нормативных правовых актов возлагает на соответствующие органы обязанность в установленные федеральным законодательством сроки [1] отменить действие этого акта, устранить противоречие в законодательстве либо принять новый акт.

Проблема в том, что обязанность устранить не конституционность тех или иных актов возложена на государственные органы, тогда как ответственность установлена в отношении конкретных должностных лиц. В таком случае возникает сложности с определением круга лиц, которых необходимо привлечь к ответственности.

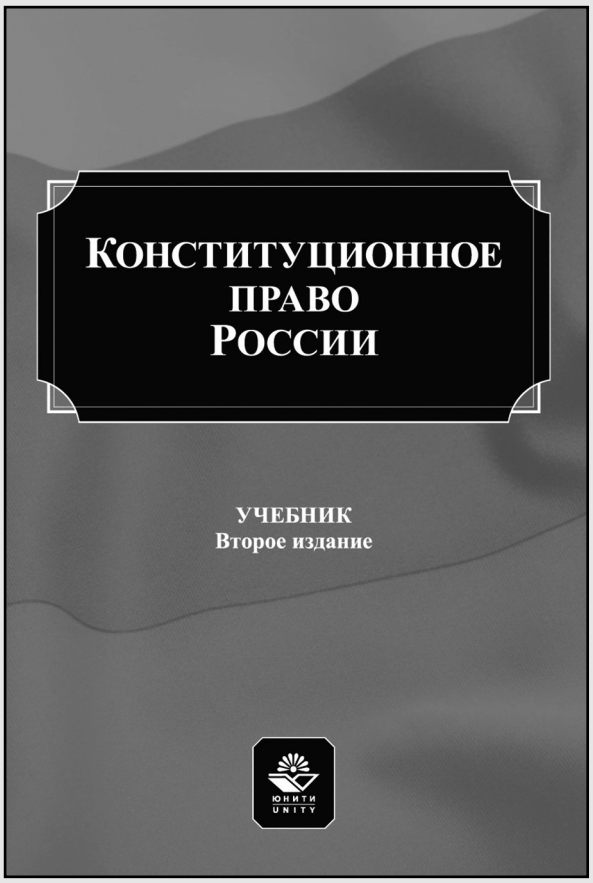
Статья 81 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» закрепляет, что неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда Российской Федерации влечет за собой ответственность, установленную федеральным законом (ст. 315 УК РФ).

Однако, по ст. 315 УК РФ невозможно привлечь к уголовной ответственности Президента Российской Федерации за неисполнение решений Конституционного Суда РФ об отмене изданного им неконституционного акта (указа), так как данное деяние не относится к категории тяжких преступлений, что делает невозможным начать процедуру отрешения Президента Российской Федерации от должности [2].

4. Конституционный Суд, как орган конституционного контроля, не имеет в своем правовом «арсенале» санкций конституционно-правовой ответственности, согласно которым он не только бы имел возможность (самостоятельно или в правовом симбиозе с другими органами власти) назначить в качестве меры пресечения за неисполнение возложенной

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

2-е изд., перераб. и доп. Учебник
Гриф НИИ образования и науки
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований
Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

на государственный орган обязанности, но и которые были бы более эффективны к применению, нежели санкции УК РФ.

Видится логичным закрепление в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» нормы, регулирующей конституционно-правовую ответственность должностного лица или органа государственной власти, не выполнившего определение Конституционного Суда РФ, а также определяющей механизм ее исполнения.

Список источников

1. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020, 14 марта.

References

1. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of July 21, 1994 (as amended on July 1, 2021) «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // SZ RF. 1994. No. 13. St. 1447.

2. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended. from July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020, March 14.

Библиографический список

1. Рустемов К. Б. Проблемы деятельности Конституционного суда Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 24.

2. Татаринов С. А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в укреплении и развитии конституционных ценностей // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432.

3. Ястребов А. Е. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Политика и право. 2018.

Bibliographic list

1. Rustemov K. B. Problems of activity of the Constitutional Court of the Russian Federation // Young scientist. 2021. No. 24.

2. Tatarinov S. A. The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in strengthening and developing constitutional values // Bulletin of Tomsk State University. 2018. No. 432.

3. Yastrebov A. E. Problems of execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Politics and Law. 2018.

Информация об авторах

Д. Е. Самуйлов — студент 3 курса кафедры государственного и административного права Российского технологического университета — МИРЭА;

В. И. Елинский — заведующий кафедрой государственного и административного права Российского технологического университета — МИРЭА, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

D. E. Samuilov — 3th Year Student of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University — MIREA;

V. I. Elinskiy — Head of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University — MIREA, Doctor Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Научная статья
УДК 342.72/.73
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-169-172
EDN: https://elibrary.ru/mfzrsz
NIION: 2003-0059-3/23-692
MOSURED: 77/27-003-2023-03-891

К вопросу о соотношении понятий «народ», «нация», «этнос» в конституционном праве

Марат Вильданович Саудаханов
Российский технологический университет — МИРЭА, Москва, Россия, viento_del_norte@bk.ru

Аннотация. Затронута проблематика соотношения понятий «нация», «народ» и «этнос». С помощью диалектического подхода, сравнительно-правового и исторического методов показана эволюция таких категорий, как «народ» и «нация». Рассматривается вопрос диалектической связи государственности принципом национальности. Сделано предположение, что отечественным субъектам правотворчества нельзя смешивать понятия «народ» и «нация», так как первое предполагает конституционно-регулятивную первичность и учредительный характер, а второе выступает, по сути, синонимом термина «этнос».

Ключевые слова: народ, нация, этнос, Конституция, территория, культура, политическая власть, национализм, принцип национальности, национальная политика

Для цитирования: Саудаханов М. В. К вопросу о соотношении понятий «народ», «нация», «этнос» в конституционном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 169–172. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-169-172. EDN: MFZRSZ.

Original article

On the question of the relationship between the concepts of «people», «nation», «ethnos» in constitutional law

Marat V. Saudakhanov
Russian Technological University — MIREA, Moscow, Russia, viento_del_norte@bk.ru

Abstract. The problems of the correlation of the concepts of «nation», «people» and «ethnos» are touched upon. With the help of a dialectical approach, a comparative legal and historical method, the evolution of such categories as «people» and «nation» is shown. The question of the dialectical connection of statehood and the principle of nationality is considered. The assumption is made that domestic subjects of law-making should not mix the concepts of «people» and «nation», since the former assumes constitutional and regulatory primacy and constituent character, and the latter is, in fact, synonymous with the term «ethnos».

Keywords: people, nation, ethnos, constitution, territory, culture, political power, nationalism, principle of nationality, national policy

For citation: Saudakhanov M. V. On the question of the relationship between the concepts of «people», «nation», «ethnos» in constitutional law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):169–172. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-169-172. EDN: MFZRSZ.

Актуальность проблематики научного осмысления таких понятий как «народ», «нация», «этнос» расположена в нормативно-дефинитивной плоскости понимания текста отечественного Основного Закона, а точнее его преамбулы, в которой речь идет о многонациональном народе Российской Федерации. При этом в русле конституционно-правового понимания указанных терминов можно видеть то, что народ предстает в образе населения, проживающего на территории, которое, в свою очередь, структурировано в рамках государства. Именно народ выступает субъектом конституционно-правового регулирования, равно как и базовым источником и носителем политической власти. Народ также нередко осуществляет свое политико-правовое бытие в рамках целостной структуры, в которой в качестве элементов выступают различные нации, исторически сложившиеся на конкретной территории. В этом случае Основной Закон ведет речь о «многонациональном народе» [2, с. 254]. При этом ряд авторов и, в частности, выдающийся отечественный ученый-конституционалист Б. С. Эбзеев, расширительно толкуют концептуальную составляющую термина «народ», наделяя его такими признаками как «избирательная правосубъектность», первичность в конституционно-правовой регуляции и пр. [15, с. 33].

Обычно в процессе конституционного нормирования этнический аспект понятия «народ» не учитывается, а нередко даже прямо указывается на его неприятие. Так, в Конституции Республики Узбеки-

© Саудаханов М. В., 2023

стан прямо говорится о том, что «народ Узбекистана составляют граждане Республики Узбекистан независимо от их национальности» (ст. 8) [8, с. 218].

Конституция РФ 1993 г. провозгласила концепцию «многонационального народа» и закрепила в своем тексте, что именно он выступает носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве (ст. 3). Многонациональный народ осуществляет свою власть в двух видах: опосредованно, через органы публичной власти, и непосредственно — путем выборов и референдумов. Вместе с тем, Конституция, нормируя права народа, конкретизирует их через закрепление прав и свобод граждан, которые и являются народом в своей совокупности.

При обобщении в рамках конституционного права ключевых характеристик понятия «народ» можно увидеть концептуальную триаду в аспекте осмысления указанной категории. Во-первых, народ выступает носителем суверенитета и источником политической власти. Во-вторых, народ является субъектом конституционно-правовой регуляции, обладая при этом властью учредительного характера. В-третьих, народ составляет электорат страны.

Вместе с тем, философский подход к пониманию категории «народ» детерминирует следующие концептуальные позиции: 1) ассоциация людей с общей исторической судьбой; 2) все население определенного государства; 3) социальная стратификация общества; 4) внешнее выражение исторически сложившейся общности; 5) элитарная составляющая общества [9, с. 189].

Социологический подход к анализу рассматриваемой категории позволяет увидеть ярко выраженный социально-стратификационный аспект, те социальные слои и классы, которые участвуют в реализации функций общества и государства в рамках конкретного исторического периода [11, с. 253].

В этой связи понятие «народ» сквозь призму конституционно-правового осмысления видится как первичный элемент правопорядка и источник публичной власти. Именно термин «народ» воплощает в себе всю позитивную динамику, которая присутствует как в бытийности государства, так и в ключевых политических процессах в обществе.

В свою очередь, ключевыми характеристиками понятия «нация» являются следующие: 1) синоним понятия «народ»; 2) синоним понятия «государство» (к примеру, в наименовании Организации Объединенных Наций таковое применяется); 3) синоним понятия «этнос» [11, с. 218–219].

Несмотря на синонимичность двух представленных категорий, правовая природа понятий «народ» и «нация» в основном различается, что инициирует правовое бытие двух разновидностей суверенитета — национального и народного. В первом случае идет речь о культурно-исторических особенностях, во втором же случае имеет место политико-правовая составляющая, которая пронизывает институт гражданства.

Великая Французская революция оказала влияние на трансформацию представлений о понятии «нация», которое в результате стало означать, в том числе, страну и государство. Именно тогда начали широко применяться термины «национализм» и «принцип национальности», посредством которых, в свою очередь, формулировались принципы национального суверенитета, обосновывающие право нации на самоопределение. Однако здесь необходимо отметить, что Франция всегда оставалась моноэтническим государством, и именно этнический аспект в сближении понятий «нация» и «государство» сыграл важную роль. Поэтому в данном случае смешение указанных категорий вполне допустимо [14, с. 537].

Подобный подход превалировал и в немецкой юридической литературе. В частности, у К. Маркса и Ф. Энгельса нация воспринимается через этнические свойства. В таком виде подобное понимание указанного понятия было реципировано российскими и советскими учеными [10, с. 54–55].

Идентичное восприятие термина «нация» имеет место и у К. Каутского, который детерминировал нацию через культурно-языковой и территориальный признаки [7, с. 7–33].

В свою очередь, О. Бауэр добавляет дополнительные характеристики к пониманию нации. Таковыми выступают общность судьбы и происхождения [3, с. 135–142].

Примечательно, что воззрения К. Каутского и О. Бауэра на сущность категории «нация» были широко использованы в советской конституционной доктрине. Так, для И. В. Сталина «нация — это исторически сложившаяся общность языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в особенности культуры». При этом он категорично подчеркивает, что в случае отсутствия хотя бы одного из этих признаков нация перестает считаться таковой [12, с. 6]. Впоследствии

именно этот взгляд на правовую природу понятия «нация» господствовал в советской юридической науке, хотя первоначально В. И. Ленин выделял лишь территорию, экономику и язык [1, с. 44].

В настоящее время понятие «нация» обладает различной смысловой природой. В отечественной юридической науке нацию понимают преимущественно как этническую общность. В свою очередь, этническая общность — это общность культуры, психологии и самосознания. Именно отсюда берут начало категории «национальная политика» и «межнациональные связи». В сущности, под нацией здесь понимается этнос.

В то же время, концептуальный плюрализм в рамках осмысления категории «национальная политика» отсутствует вовсе, а научные дискуссии ведутся лишь в направлении более точного наименования — «этническая политика». Подобная ситуация вызвана тем, что ряд ученых все же видит в понятии «нация» все население страны, а не конкретные этнические группы. Подобная концептуальная неопределенность в понимании категорий «народ», «нация», «этнос» несет в себе ряд негативных аспектов. Так, нечеткость указанных терминов в нормативных правовых актах, например, в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. (Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) приводит к тому, что весь документ пестрит множеством юридических нестыковок в аспекте указанных понятий.

Так в чем же схожесть и различие категорий «народ» и «нация»? Как видится, сходство указанных категорий состоит в общем этническом аспекте. По сути, без анализа третьей важнейшей категории «этнос» невозможно уяснить концептуальную природу первых двух. Тем более, что нередко понятия «народ», «нация» и «этнос» используются как синонимы.

Первоначально понятие «этнос» зародилось в Древней Греции и обозначало не только человеческие ассоциации, но и объединения иных живых существ. Постепенно указанное понятие стало применяться в качестве обозначения негреческих (варварских) племен. В научном обороте понятие «этнос» появилось лишь в XIX столетии. В рамках отечественной науки эта категория закрепилась лишь в 60-х гг. XX в. По мнению известного отечественного ученого С. М. Широкогорова, этнос представляет собой ассоциацию людей, обладающих общим языком, происхождением, укладом, обычаями и традициями, которые и наделяют группу уникальными характеристиками [13, с. 52].

В свою очередь, М. Вебер понятие «этнос» видел в плоскости общей культуры, религии и происхождения [6, с. 32]. При этом Ю. В. Бромлей осмыслял категорию «этнос» через общую территорию, культуру и психику [4, с. 34]. В аспекте указанной проблематики небезынтересен и Л. М. Гумилев с его теорией этногенеза, в рамках которой этнос воспринимается как живой организм, и рассматривать который следует сквозь призму географических и природных факторов [5, с. 228].

Анализ научных положений, затрагивающих понятия «народ», «нация», «этнос», позволяет увидеть, что именно первое понятие вбирает в себя конституционно-регулятивные аспекты, которые отображаются и в тексте Конституции РФ. При этом понятия «нация» и «этнос» расположены в социально-культурной плоскости и преимущественно лишены политического оттенка. Сама же формулировка в Основном Законе, фиксирующая понятие «многонациональный народ», показывает, что отечественное конституционное нормирование видит в категории «народ» ту политико-правовую первичность, которую не содержит ни термин «нация», ни понятие «этнос». Вполне очевидно, что конституционная доктрина детерминирует категорию «нация» через ее этнические качества, синтезируя с понятием «этнос».

Исходя из того, что Конституция РФ является базовым нормативно-правовым актом для целей правового регулирования, правотворческим органам государства необходимо опираться именно на конституционное нормирование в рамках уяснения сущности рассмотренных выше категорий. Так, регламентируя ключевые права, свободы и обязанности граждан, правотворческий орган должен учитывать и исходить из смысла, закрепленного в Преамбуле Конституции России понятия «многонациональный народ». В случае же регулирования историко-культурной сферы, а также вопросов, связанных с регламентацией жизни в отдельных регионах страны, в том числе по вопросам местного значения, субъекту правотворчества рекомендуется использовать понятия «нация» и «этнос».

В заключение необходимо отметить, что понятие «народ» обладает политико-правовыми характеристиками, которые прослеживаются в тексте отечественного Основного Закона, а также в зарубежном конституционно-правовом регулировании. При этом

категория «нация», хотя и обладает в зарубежных конституционных правопорядках схожей концептуальной природой, все же в рамках отечественной конституционной доктрины синонимична понятию «этнос». Принимая во внимание текст Конституции РФ, отечественным субъектам правотворчества следует различать понятия «народ», «нация» и «этнос», так как в рамках российского правопорядка указанные термины концептуально не совпадают.

Список источников

1. Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000.

2. Баглай М. В., Туманов В. А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998.

3. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / пер. с нем. М. С. Панина; предисл. Х. Житловского. СПб. : Книгоиздательство «Серп», 1909.

4. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. 3-е изд., испр. М. : Книжный дом «Либроком», 2009.

5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : АСТ, 2002.

6. Дугин А. Г. Этносоциология. М., 2015.

7. Каутский К. Национализм и интернационализм. СПб. : Петроиздат, 1918.

8. Конституционное право. Словарь / отв. ред. В. В. Маклаков. М. : Юристъ, 2001.

9. Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е. изд. В 30 т. Т. 1 [1839–1844 гг.]. М. : Госполитиздат, 1955.

11. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма, 2008.

12. Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1939.

13. Тишков В. А., Шабаев Ю. П. Этнополитология. Политические функции этничности: учебник для вузов. М. : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2013.

14. Французская буржуазная революция, 1789–1794 / под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле. М., 1941.

15. Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4. С. 32–34.

References

1. Abdulatipov R. G. The national question and the state structure of Russia. M., 2000.

2. Baglay M. V., Tumanov V. A. Small Encyclopedia of Constitutional law. M., 1998.

3. Bauer O. The National question and social democracy / translated from German M. S. Panina; preface by Kh. Zhitlovsky. SPb. : Serp Publishing House, 1909.

4. Bromley Yu. V. Essays on the theory of ethnos. 3rd ed., ispr. M. : Book House «Librocom», 2009.

5. Gumilev L. N. Ethnogenesis and the biosphere of the Earth. M. : AST, 2002.

6. Dugin A. G. Ethnosociology. M., 2015.

7. Kautsky K. Nationalism and Internationalism. St. Petersburg : Petroizdat, 1918.

8. Constitutional Law. Dictionary / ed. V. V. Maklakov. M. : Jurist, 2001.

9. A brief philosophical dictionary / ed. by A. P. Alekseev. 2nd ed., reprint. and additional M., 2008.

10. Marx K., Engels F. Essays. 2nd ed. In 30 vols. Vol. 1 [1839–1844]. M. : Gospolitizdat, 1955.

11. Sociological Dictionary / ed. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. M. : Norm, 2008.

12. Stalin I. V. Marxism and the national-colonial question. M., 1939.

13. Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. Ethnopolitology. Political functions of ethnicity: textbook for universities. M. : Lomonosov Moscow State University, 2013.

14. French Bourgeois Revolution, 1789–1794 / edited by V. P. Volgin, E. V. Tarle. M., 1941.

15. Ebzeev B. S. People, people's sovereignty and representation: doctrinal foundations and constitutional practice // State and law. 2016. No. 4. P. 32–34.

Информация об авторе

М. В. Саудаханов — доцент кафедры государственного и административного права Российского технологического университета — МИРЭА, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Saudakhanov — Associate Professor of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University — MIREA, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.
The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 343.98
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-173-175
EDN: https://elibrary.ru/lvkxxs
NIION: 2003-0059-3/23-693
MOSURED: 77/27-003-2023-03-892

К вопросу о применении искусственного интеллекта сотрудниками правоохранительных органов в целях раскрытия и расследования преступлений

Андрей Александрович Сафонов
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, safonov_volga@mail.ru

Аннотация. Рассматривается использование искусственного интеллекта (ИИ) правоохранительными органами для предупреждения, а также раскрытия и расследования преступлений. Наступление цифровой эпохи привело к созданию глобальных масштабов связи, что позволило облегчить доступ к конфиденциальной и скрытой информации, что, в свою очередь, привело к увеличению числа таких преступлений, как кража данных, распространение порнографии, мошенничество и торговля наркотиками. При этом ИИ стал эффективным инструментом борьбы с этими преступлениями. Приводятся примеры того, как ИИ в настоящее время применяется правоохранительными органами в таких странах, как Китай, Индия, США, Великобритания, Германия и Австралия. Обсуждается возможность потенциального использования ИИ в Российской Федерации в целях предупреждения совершения, а также раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), правоохранительные органы, цифровизация, профилактика, раскрытие и расследование преступлений

Для цитирования: Сафонов А. А. К вопросу о применении искусственного интеллекта сотрудниками правоохранительных органов в целях раскрытия и расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 173–175. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-173-175. EDN: LVKXXS.

Original article

Regarding the use of artificial intelligence by law enforcement officials for the detection and investigation of crimes

Andrey A. Safonov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, safonov_volga@mail.ru

Abstract. The use of artificial intelligence (AI) by law enforcement agencies for the prevention, as well as the disclosure and investigation of crimes is considered. The advent of the digital age has led to the creation of a global scale of communication, which has made it easier to access confidential and hidden information, which in turn has led to an increase in the number of crimes such as data theft, pornography distribution, fraud and drug trafficking. However, And And has also become an effective tool to combat these crimes. Examples are given of how AI is currently being used by law enforcement agencies in countries such as China, India, USA, UK, Germany and Australia. The possibility of the potential use of AI in the Russian Federation in order to prevent the commission, as well as the disclosure and investigation of crimes is discussed.

Keywords: artificial intelligence (AI), law enforcement, digitalisation, prevention, crime detection and investigation

For citation: Safonov A. A. Regarding the use of artificial intelligence by law enforcement officials for the detection and investigation of crimes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):173–175. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-173-175. EDN: LVKXXS.

Цифровая революция расширила возможности подключения до глобальных масштабов и улучшила способы обмена и представления информации.

Эта новая простота связи и доступа привела к двум диаметрально противоположным последствиям: доступность конфиденциальной, инсайдерской, личной и иной непубличной информации, что ведет к росту преступной деятельности, такой как кража данных, порнография, мошенничество, торговля наркотиками, склонение к самоубийству и иным преступлениям.

И наоборот, цифровизация позволила внедрить новые технологии для профилактики, расследования и раскрытия преступлений. Одной из таких технологий, возникших в результате таких процессов, является искусственный интеллект (ИИ) [2, с. 88].

Сегодня сотрудники правоохранительных органов во многих государствах активно применяют ИИ для обнаружения, выявления, раскрытия и расследования преступлений. Так, например:

♦ регион Синьцзян в Китае использует ИИ для выявления подозрительной деятельности с помо-

© Сафонов А. А., 2023

щью мониторинга и сбора данных. Кроме того, выдвигаются предложения по внедрению ИИ в национальном масштабе для упреждения преступлений, особенно террористических или провоцирующих социальные беспорядки [5];

♦ в Индии беспилотные летательные аппараты (далее — БПЛА), оснащенные ИИ, используются для контроля толпы с помощью такого навесного оборудования, как: перцовый аэрозоль и шарики с красящим веществом [7];

♦ в США ИИ используется для мониторинга и отслеживания контента социальных сетей, такого как сообщения, фотографии, видео и хэштеги, которые могут содержать соответствующую информацию для следствия [4];

♦ в Великобритании технология распознавания лиц с помощью ИИ используется для быстрой идентификации подозреваемых в режиме реального времени [6];

♦ в Германии ИИ применяется для тщательного изучения и выявления случаев разжигания ненависти на платформах социальных сетей;

♦ Австралия использует ИИ для выявления и предотвращения киберпреступлений [3].

В связи с этим, применение ИИ на территории РФ для профилактики совершения а также раскрытия и расследования преступлений имеет огромное значение.

Технология ИИ позволяет правоохранительным органам решить проблему оперативного сбора, анализа и систематизации данных за счет ускорения получения информации. С помощью методов, так называемого «глубокого обучения», реальным становится использование решений на основе искусственного интеллекта, которые обрабатывают и структурируют необработанные данные на информационных панелях для упрощения анализа и интерпретации. Когда данные извлекаются, идентифицируются и классифицируются, становится легче оценивать доказательства и использовать и в целях раскрытия и расследования преступлений.

Следует отметить, что первостепенной областью применения ИИ является профилактика, раскрытие и расследование преступлений, посягающих на национальную и общественную безопасность. Для предотвращения террористических атак целесообразно установить видеокамеры с ИИ, способные быстро распознавать лица и просматривать записанные данные, в аэропортах, на железнодорожных и автобусных вокзалах, в торговых центрах и других местах скопления людей, уязвимых для совершения терактов.

Аналогичные камеры должны быть размещены на важнейших объектах жизнеобеспечения для предотвращения диверсионных актов. Практическое осуществление этих мер должно быть оценено как необходимое и разумное, поскольку ежегодный рост числа «интеллектуальных» камер и расширенные возможности идентификации видеосистем приводят к увеличению числа выявленных преступников [1, с. 75].

В случае пресечения попытки запланированной террористической атаки правоохранительные органы могут использовать БПЛА и боты, оснащенные ИИ. Дроны могут обнаруживать материалы для изготовления бомб, такие как алюминиевый порошок, нитроглицерин, тетранитрат, а также пассивные инфракрасные датчики. В то же время, боты, обладающие способностью распознавать компоненты бомб, могут быстро идентифицировать взрывчатые вещества без угрозы для жизни сотрудников правоохранительных органов.

Кроме того, ИИ может быть использован для анализа мобильных телефонов обвиняемых или потерпевших. Извлекая данные из мобильного устройства, ИИ может выявлять схемы коммуникации и каталогизировать объекты, захваченные на изображениях, что делает сбор и интерпретацию данных более гибкой и управляемой, облегчая тем самым выявление подозреваемых и понимание событий.

Внедрение специализированных датчиков с ИИ в муниципальной инфраструктуре — перспективное решение для обнаружения и определения точного времени выстрела и местоположения стрелявшего в режиме реального времени. Конгломерат из ИИ, облачного ПО и специализированных датчиков, может позволить точно определять время и звук выстрелов. Собранная информация затем отправляется в дежурную часть отдела полиции, что способствует быстрому реагированию.

Таким образом, применение ИИ в целях профилактики, раскрытия и расследования преступлений может предоставить сотрудникам правоохранительных органов новые возможности для быстрого анализа информации, имеющей доказательственное значение, позволит осуществлять поиск розыскиваемых лиц в кратчайшие сроки, что в конечном итоге приведет к снижению уровня преступности и положительно повлияет на благосостояние и развитие РФ.

Список источников

1. Лебедев М. Д., Саввоев С. А. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений // Скиф. вопросы студенческой науки. 2020. № 7 (47). С. 73–77.

2. Пороховский А. А. Цифровизация и искусственный интеллект: перспективы и вызовы // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 2. С. 84–91.

3. Австралия создала киберполицию для выявления хакеров // URL://https://regnum.ru/news/3745969.html?ysclid=lea8wqek1g729406396.

4. Как искусственный интеллект используется в соцсетях // URL://https://zengram.ru/blog/post/kak-iskusstvennij-intellekt-ispolzuetsja-v-socsetjah?ysclid=lea9eef25l967592480.

5. Китай будет предотвращать преступления с помощью ИИ // URL://https://hightech.fm/2017/07/31/ai-technology.

6. Полиция Лондона начнет искать преступников с помощью технологии распознавания лиц // URL://https://www.kommersant.uk/articles/politsiya-londona-nachnet-iskat-prestupnikov-s-pomoschyu-tehnologii-raspoznavaniya-lits?ysclid=lea8yoxdj2562001022.

7. URL://https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4e65623c-63f1106a-1bdec779-74722d776562/https/indianexpress.com/article/india/india-others/up-cops-to-use-drones-with-pepper-spray/

References

1. Lebedev M. D., Savvoyev S. A. The use of artificial intelligence in the investigation of crimes // Skif. Questions of student science. 2020. No. 7 (47). P. 73–77.

2. Porokhovsky A. A. Digitalization and artificial intelligence: prospects and challenges // Economy. Taxes. Right. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 84–91.

3. Australia has created a cyber police to identify hackers // URL://https://regnum.ru/news/3745969.html?ysclid=lea8wqek1g729406396.

4. How is artificial intelligence used in social networks // URL://https://zengram.ru/blog/post/kak-iskusstvennij-intellekt-ispolzuetsja-v-socsetjah?ysclid=lea9eef25l967592480.

5. China will prevent crimes with AI // URL://https://hightech.fm/2017/07/31/ai-technology.

6. The London police will start looking for criminals using facial recognition technology // URL://https://www.kommersant.uk/articles/politsiya-londona-nachnet-iskat-prestupnikov-s-pomoschyu-tehnologii-raspoznavaniya-lits?ysclid=lea8yoxdj2562001022.

7. URL://https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4e65623c-63f1106a-1bdec779-74722d776562/https/indianexpress.com/article/india/india-others/up-cops-to-use-drones-with-pepper-spray/

Библиографический список

1. Степаненко Д. А., Бахтеев Д. В., Евстратова Ю. А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 2. С. 206–214.

2. Лукинский И. С. Интеграция инновационных цифровых технологий в экспертно-криминалистическую деятельность // Современные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: мат. X всерос. науч.-практ. конф. Саратов, 2022. С. 36–38.

3. Дмитриева Л. В., Сумина А. В. Основы организационного и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф., проводимой в рамках деловой программы междунар. выставки «Интерполитех-2018». М., 2018. С. 105–107.

Bibliographic list

1. Stepanenko D. A., Bakhteev D. V., Evstratova Yu. A. The use of artificial intelligence systems in law enforcement // All-Russian Journal of Criminology. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 206–214.

2. Lukinsky I. S. Integration of innovative digital technologies into forensic activity // Modern problems of criminalistics and forensic examination: mat. X All-Russian scientific-practical conf. Saratov, 2022. P. 36–38.

3. Dmitrieva L. V., Sumina A. V. Fundamentals of organizational and information support for forensic expert activity // Technical and forensic support for the disclosure and investigation of crimes: collection of articles based on the results of the international scientific and practical conference held within the framework of the business program of the International Exhibition «Interpoltech-2018». M., 2018. P. 105–107.

Информация об авторе

А. А. Сафонов — доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Safonov — Associate Professor at the Department of Technical and Forensic Support for Expert Investigations of the Forensic Science Research Complex of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 19.05.2023.
The article was submitted 21.02.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 19.05.2023.

Научная статья
УДК 343.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-176-180
EDN: https://elibrary.ru/lmvqan
NIION: 2003-0059-3/23-694
MOSURED: 77/27-003-2023-03-893

Вопросы формирования психологии современного терроризма

Павел Леонидович Сердюк
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия, pavel.ser@mail.ru

Аннотация. Рассматривается понятие насилия при терроризме как основной из его форм; виды терроризма по признаку его мотивов и целей. Делается попытка дать анализ психологии современного терроризма на государственном и мировом уровне.

Ключевые слова: терроризм, насилие, государственный терроризм, психология терроризма
Для цитирования: Сердюк П. Л. Вопросы формирования психологии современного терроризма // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 176–180. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-176-180. EDN: LMVQAN.

Original article

Questions of the formation of the psychology of modern terrorism

Pavel L. Serdyuk
St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, pavel.ser@mail.ru

Abstract. The concept of violence in terrorism is considered as the main of its forms; types of terrorism on the basis of its motives and goals. An attempt is made to analyze the psychology of modern terrorism at the state and world level.

Keywords: terrorism, register, state terrorism, psychology of terrorism
For citation: Serdyuk P. L. Questions of the formation of the psychology of modern terrorism. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):176–180. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-176-180. EDN: LMVQAN.

Вопрос о понятии терроризма (террора), о его формах, механизме формирования мотивов и целей представляется достаточно сложным в связи с многообразием этих целей и форм. Но, нужно заметить, что опасность данного социального явления заключается не только в его формах, но и в масштабах применения. Мы наблюдаем сегодня глобализацию терроризма при участии не только отдельных преступников или террористических групп, но и целых государств. С применением различных форм терроризма в мире совершаются открытые и скрытые, связанные с ложью и провокациями, межгосударственные вооруженные конфликты. Примерами этого являются: подрыв российского газопровода, крымского моста и ряд других провокационных действий государства Украина при содействии других государств. Современные военные конфликты приобретают гибридные формы, используя все больше скрытую, провокационную тактику, в том числе, с организацией актов террористического характера.

Таким образом, терроризм, в отличие от прежнего террора одиночек или групп, становится государственным, превращается в один из способов разрешения конфликтов мирового уровня. Чтобы понять причины и условия формирования современного государственного терроризма с существенно нарастающей его общественной опасностью, обратимся вначале к понятию, содержанию и истокам этого социального явления.

М. Ф. Одесский и Д. М. Фельдман считают, что «понятие «террор», означающий «устрашение», «приведение в ужас», родилось во Франции периода народного восстания 1792 г. и применяется для достижения определенных целей» [10].

Однако, на столетие раньше в Париже существовал католический орден монахов-иезуитов, основанный Игнатием Лойолой. Эти люди допускали «ради вящей славы божьей любое убийство, в том числе и правителя государства, если это соответствует интересам народа». Иезуиты распространились не только в Европе, но и в Индии, Японии, Китае и даже на Филиппинских островах. Иезуитское государство более 150 лет существовало в Парагвае. Известным идеологом терроризма в XVII в. был немецкий философ Карл Гейнцен, который оправдывал политический терроризм, был идейным его защитником и ос-

© Сердюк П. Л., 2023

новоположником в Германии. Он утверждал, что «ради интересов государства можно оправдать убийство даже сотен тысяч людей» [15, с. 13–14].

В последующем эти философские установки К. Гейнцена были положены в основу деятельности Гитлера.

Массовые убийства людей в войнах находят свое объяснение в трудах таких психологов, как З. Фрейд, К. Г. Юнг и С. Гроф. Они делали вывод, что живые организмы неосознанно стремятся к первоначальному (доутробному) своему состоянию. Доказательства этому авторы находили при исследовании психики человека на уровне бессознательного. Это нашло отражение даже в трудах современного профессора Ю. М. Антоняна, который пишет: «Возможно в XX веке значительная часть человечества, руководимая красно-коричневыми деспотиями, бессознательно ощутила завершение развития общества или цикла развития и попыталась вернуться назад, прибегнув для этого к самоубийству путем массовых убийств... Разница лишь в том, — пишет далее автор, — что у одних оно (это стремление) проявляется в большей степени, у других — в меньшей, а у третьих может вообще не проявляться в силу личностных свойств и качеств. Самоубийством человечества управляет не бессмыслица, а смысл, только его чрезвычайно трудно расшифровать…». Эта теория о стремлении человека к смерти своей и чужой, по мнению автора, вполне объясняет и психологию террористов [2, с. 135, 149].

Так автор характеризовал XX в., но его выводы в значительно большей степени относятся к XXI в., когда человечество имеет возможность для самоуничтожения, располагая в своем арсенале ядерным оружием. Хотя эта теория больше похожа на философские фантазии, однако жизнь ее в какой-то степени подтверждает. Например, афганские «талибы» и палестинские «мстители» с легкостью воспитывали смертников, которые искренне верили в продолжение жизни после смерти на другом, более высоком духовном уровне. Однако это не относится к психологическому состоянию детей, погибших на Донбассе в результате обстрелов американским оружием.

Исследователи терроризма говорят о том, что приливы и отливы в его развитии закономерны. Спад «происходит главным образом в результате применения политико-организационных, правоохранительных и различных специальных (разведывательных, контрразведывательных и др.) мер» [16, с. 28].

По сути, речь идет о сдерживающем влиянии на терроризм усиления режима власти в стране, с чем вполне можно согласиться. Однако под эту формулу не подпадает террор, совершаемый самой властью страны, когда действия террористического характера применяются исключительно против мирного населения без всякой военной необходимости.

Решить проблему определения понятия терроризма пытались многие ученые. Заметной, в частности, является работа В. В. Устинова, обобщившего опыт борьбы с международным терроризмом и попытавшегося раскрыть его внутреннюю природу в сочетании с войной [15, с. 13–14].

Отдельные криминологи считают, что «террор может осуществляться только с использованием насильственных средств. Но насилие требует, только оно одно, десяти страниц определений» [1, с. 7].

На наш взгляд, сложность определения насилия слишком преувеличена. В. Даль в своем словаре определяет его в одной строке: «Насилие — это действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное» [6, с. 469].

Более детально это понятие определено в современных научных работах, где насилие представлено как *«внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его (их) воли, причиняющее или способное причинить ему (им) органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его (их) волеизъявления или действий»* [13, с. 16].

Но проблема определения терроризма совсем не в понятии насилия как такового. Это один из видов насилия, но вид особый, и он действительно имеет множество мотивов и форм. «Перегруженный значением по своей природе термин не поддается всем усилиям выработать всеобъемлющее и объективное определение терроризма. Такое определение не существует и не будет найдено в обозримом будущем», — отмечал американский ученый У. Лакюэр [19, с. 170].

Исследуя существующие виды и формы терроризма, Ю. И. Авдеев находит более ста его видов по: методам — физический и психологический; целям — контрреволюционный и революционный; характеру объектов — селективный и массовый (слепой); субъектам — государственный и негосударственный [1, с. 6].

Другие авторы рассматривают террор по: целям — провокационный, демонстрационный, конфронта-

ционный и сплачивающий; средствам — политический и военный; субъектам — внутренний (государственный, противоправительственный) и террор международный (государственный и негосударственный) [11, с. 11–12].

В современной научной литературе мы находим и такие виды терроризма, как «репрессивный» и «провокационный», «превентивный (осуществляемый спецслужбами государств)» и «военный», «физический» и «духовный» [7, с. 9].

Как считает М. В. Назаркин, «в основу современного терроризма следовало бы взять идейный критерий и выделить на его основе терроризм одиночек (включая лиц с психическими аномалиями) и так называемый криминальный» [9, с. 30].

Е. В. Саунина, И. Д. Бажина исследуют информационный терроризм и в зависимости от средств воздействия и объектов этого воздействия выделяют в качестве его видов информационно-психологический и информационно-технологический [12, с. 108–115].

Надо отметить, что представленная классификация терроризма не является исчерпывающей и требует дальнейших исследований. «На сегодняшний день не закреплены как на международном, так и на национальном законодательном уровне термины «кибертерроризм», «ядерный терроризм», «биотерроризм»» [4, с. 79].

Некоторые криминологи пытаются дать определение терроризма в своих работах. Например, А. Г. Ткаченко характеризует данное понятие как «применение устрашающего насилия, как средства воздействия на государство, общество или личность в политических или криминальных целях» [14, с. 137].

Не вдаваясь в детали, автор достаточно верно, на наш взгляд, определил основные черты этого социального явления.

В материалах Конвенции Организации Американских государств по борьбе с терроризмом это социальное явление представлено как «акты, которые сами по себе могут быть классическими формами преступления (убийство, поджог, использование взрывчатки), но отличаются от классических уголовных актов тем, что они осуществляются с умыслом вызвать панику, беспорядок и террор в организованном обществе для того, чтобы разрушить социальную дисциплину, парализовать силы реакции общества, повысить боль и страдание сообщества» [15, с. 26]. Определение терроризма, предложенное Государственным департаментом США (ст. 22, разд. 2656 Кодекса законов США [20]), исключает насилие против участников боевых действий (используется формулировка «noncombatant targets»), что явно сужает понятие этого явления [5, с. 160].

Особо следует отметить признание в литературе, так называемого, не противоправного терроризма», т. е. основанного на законе. В данном случае авторы ссылаются на пример сталинских репрессий [11, с. 10]. Но за примерами не стоит так далеко ходить. Обстрелы нацистами русскоязычных республик на Украине в течение восьми лет, начиная с 2014 г., ничем иным, как узаконенным террором назвать трудно.

Обозначенное А. Т. Юношевым и К. С. Гордеевой активное распространение современного ультраправого терроризма на Украине выразилось в появлении неонацистских подразделений «Азов», «Донбасс» и проч. Они используют псевдославянский антураж, проповедуют борьбу за чистоту украинской расы (местами «арийско-славянской» расы) и желают превратить Украину в мировую империю [18].

Тот факт, что западные страны этого не замечали и не пытались одернуть нацистов, говорит о том, что политика этих государств далеко не ушла от их политических установок тридцатых и сороковых годов прошлого века. Разгром фашизма не пошел им на пользу, он только приостановил их развитие в этом направлении. Это становится вполне очевидным, когда идеологи этих стран сегодня активно поддерживают киевский режим в стремлении уничтожить на своей территории русский язык и культуру. Русским гражданам, присоединенным к Украине как к братскому народу, с приходом к власти нацистов определяется роль второсортной части населения, а протест пресекается артиллерийским огнем. Поэтому вполне справедливо эти действия представителей государственного вооруженного переворота на Украине в 2014 г. расцениваются Российской Федерацией как государственный террор, продолжающийся и сегодня во время проведения специальной операции по освобождению этих республик от насилия нацистов.

«Методы терроризма как раз и предпочтительны для его приверженцев потому, что его можно приспособить к любым условиям, использовать для достижения различных целей — как политических, экономических, так и чисто либеральных», — отмечал О. В. Будницкий [3, с. 16].

Процесс формирования мировоззрения приверженцев террористических действий, в том числе и во время военных действий, напрямую связан с психологией лиц, осуществляющих руководство этими действиями. Сегодня руководители Украины находятся под воздействием фанатической идеи, что существенно осложняет договорный процесс с ними.

Состояние гипнотизма фанатической идеи вождя исследовал психолог Г. Лебон. Он пришел к выводу, что «как только живые существа соберутся в некотором количестве, — независимо от того, будет ли это стадо животных или толпа людей, — они инстинктивно подчиняются авторитету вождя. Индивид в этом случае приобретает сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда он один. Чувство ответственности, сдерживающее отдельных индивидов, совершенно исчезает. Он становится восприимчивым к внушению, автоматом, у которого своей воли не существует». На первое место в формировании фанатизма вождей автор определял непреодолимую силу — «престиж» (род господства над нами индивида, идеи или вещи). Это, по его мнению, «способно вызвать чувство, подобное гипнотическому ослеплению» [8, с. 168] (однако, Г. Лебон писал также и о пользе психологии толпы: «общность чувств, идей, верований и интересов, созданная медленными наследственными накоплениями, придает психическому складу народа большое сходство и большую прочность, обеспечивая ему в то же время громадную силу»).

Именно это мы видим сегодня в состоянии руководства Украины.

«Терроризм ни при каких обстоятельствах не может быть оправдан соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного характера», — указано в международных законодательных документах (см.: Международная конвенция ООН о борьбе с захватом заложников, Международная конвенция ООН о борьбе с бомбовым терроризмом, Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Конвенция Совета Европы «О предупреждении терроризма»)» [15, с. 26].

Сегодня этих законодательных установок для западных стран как будто не существует. «Для государства, спонсирующего терроризм, как, впрочем, и для самой террористической группы, терроризм — в отличие от общепринятого представления — является не бессмысленным актом фанатичного или беспорядочного насилия, но целенаправленным, хорошо просчитанным методом достижения определенных целей по приемлемой цене» [17, с. 6]. Хотя украинский террор против гражданского населения и стоит над законом, не признаваясь преступлением, действия этих властей направлены на нарушение международных норм конституционных прав и свобод человека, искусственно прикрываясь различными надуманными предлогами.

Список источников

1. Авдеев Ю. И. Современный терроризм — угроза международной и национальной безопасности (Эволюция терроризма во второй половине XX века) // Проблемы борьбы с терроризмом и организованной преступностью: мат. науч.-практ. конф. Уфа, 1999.

2. Антонян Ю. М. Убийства ради убийства. М., 1998.

3. Будницкий О. В. История терроризма в России. Ростов н/Д., 1996.

4. Гайнетдинова Г. С. Виды современного терроризма // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 3 (49).

5. Гуркин А. Б., Шумилов М. М. Терроризм: история и современность // Экономический вектор. 2016. № 2 (5). С. 159–164.

6. Даль В. Толковый словарь. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М., 1956.

7. Замковой В. И., Ильчиков М. З. Терроризм — глобальная проблема современности. М. : Гордарика, 1996.

8. Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с франц. Я. Фридмана и Э. Пименовой. СПб., 1896.

9. Назаркин М. В. Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма: дисс. … канд. юрид. наук. М., 1998.

10. Одесский М. Ф., Фельдман Д. М. Поэтика террора. М., 1977.

11. Петрищев В. Е. Заметки о терроризме. М., 2001.

12. Саунина Е. В., Бажина И. Д. Международный опыт правового регулирования противодействия информационному терроризму // Вестник Ни-

жегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2022. № 1.

13. Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М. : Юрлитинформ, 2002.

14. Ткаченко А. Г. Терроризм: духовно-нравственный аспект. Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000.

15. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом. М. : Юрлитинформ, 2002.

16. Хлобустов О. М. Терроризм в России и большевики // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000.

17. Хоффман Б. Терроризм — взгляд изнутри / пер. с англ. Е. Сажина. М. : Ультра. Культура, 2003.

18. Юношев А. Т., Гордеева К. С. Угроза терракта. Как защитить себя и своих близких. Ростов н/Д. : Феникс, 2005.

19. Laqueur U. New Terrorism. Oxford University Press, 1977.

20. United States Code / Official site of the United States Government Publishing Office (GPO) // URL:// https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2013-title22/html/USCODE-2013-title22-chap38-sec2656f.htm.

References

1. Avdeev Yu. I. Modern terrorism — a threat to international and national security (Evolution of terrorism in the second half of the twentieth century) // Problems of combating terrorism and organized crime: Mat. scientific-practical. conf. Ufa, 1999.

2. Antonyan Yu. M. Murder for the sake of murder. M., 1998.

3. Budnitsky O. V. History of terrorism in Russia. Rostov n/D., 1996.

4. Gainetdinova G. S. Types of modern terrorism // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2022. No. 3 (49).

5. Gurkin A. B., Shumilov M. M. Terrorism: history and modernity // Economic vector. 2016. No. 2 (5). P. 159–164.

6. Dal V. Explanatory Dictionary. State publishing house of foreign and national dictionaries. M., 1956.

7. Zamkovoi V. I., Ilchikov M. Z. Terrorism is a global problem of our time. M. : Gordarika, 1996.

8. Lebon G. Psychology of peoples and masses / transl. from French Ya. Fridman and E. Pimenova. SPb., 1896.

9. Nazarkin M. V. Criminological characteristics and prevention of terrorism: diss. … cand. legal Sciences. M., 1998.

10. Odessa M. F., Feldman D. M. Poetics of terror. M., 1977.

11. Petrishchev V. E. Notes on terrorism. M., 2001.

12. Saunina E. V., Bazhina I. D. International experience of legal regulation of combating information terrorism // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2022. No. 1.

13. Serdyuk L. V. Violence: criminological and criminal law research. M. : Yurlitinform, 2002.

14. Tkachenko A. G. Terrorism: spiritual and moral aspect. Modern terrorism: state and prospects. M., 2000.

15. Ustinov V. V. International experience in combating terrorism. M. : Yurlitinform, 2002.

16. Khlobustov O. M. Terrorism in Russia and the Bolsheviks // Modern terrorism: state and prospects. M., 2000.

17. Hoffman B. Terrorism — a look from the inside / trans. from English. E. Sazhina. M. : Ultra. Culture, 2003.

18. Yunoshev A. T., Gordeeva K. S. Terrorist threat. How to protect yourself and your loved ones. Rostov n/D. : Phoenix, 2005.

19. Laqueur U. New Terrorism. Oxford University Press, 1977.

20. United States Code / Official site of the United States Government Publishing Office (GPO) // URL://https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2013-title22/html/USCODE-2013-title22-chap38-sec2656f.htm.

Информация об авторе

П. Л. Сердюк — доцент кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

P. L. Serdyuk — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.
The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 342.951
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-181-187
EDN: https://elibrary.ru/lmabxj
NIION: 2003-0059-3/23-695
MOSURED: 77/27-003-2023-03-894

К вопросу о применении механизма административно-правового регулирования в целях противодействия коррупционным правонарушениям в системе органов внутренних дел

Юлия Николаевна Сосновская[1], Элеонора Викторовна Маркина[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] lisenok1214@yandex.ru
[2] swin-90@mail.ru
Рецензент: доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент **С. В. Калинина**

Аннотация. Рассматриваются проявления, которые определяются как социально-правовые негативные явления, предлагающие более глубокое осуществление научных исследований видов и форм коррупции, мер противодействия коррупции, совершенствования антикоррупционных мер как на федеральном уровне государства, так и на уровне субъектов РФ, а также отдельных организаций и граждан. Природа коррупции кроется в социальных и правовых аспектах общественной жизни, в связи с чем отмечается необходимость воспринимать коррупцию не просто как негативное общественное явление, но и как противоправный элемент юридических, экономических, социальных, психологических, исторических и других направлений развития общества. Определяются основные направления профилактической деятельности по снижению уровня коррупционных проявлений в государственных органах исполнительной власти, в том числе и в территориальных органах МВД России.
Ключевые слова: административное, правовое регулирование, коррупционные проявления (правонарушения), территориальные органы МВД России, противодействие коррупции, антикоррупционный стандарт, административно-правовые нормы
Для цитирования: Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. К вопросу о применении механизма административно-правового регулирования в целях противодействия коррупционным правонарушениям в системе органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 181–187. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-181-187. EDN: LMABXJ.

Original article

To the question of the application of the mechanism of administrative and legal regulation in order to counteract corruption offenses in the system of internal affairs bodies

Yulia N. Sosnovskaya[1], Eleonora V. Markina[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] lisenok1214@yandex.ru
[2] swin-90@mail.ru
Reviewer: Associate Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **S. V. Kalinina**

Abstract. The manifestations are considered, which are defined as socio-legal negative phenomena that suggest a deeper implementation of scientific research on the types and forms of corruption, anti-corruption measures, improvement of anti-corruption measures both at the federal level of the state and at the level of the subjects of the Russian Federation, as well as individual organizations and citizens. The nature of corruption lies in the social and legal aspects of public life, in connection with which there is a need to perceive corruption not just as a negative social phenomenon, but also as an illegal element of legal, economic, social, psychological, historical and other directions of development of society. The main directions of preventive activities to reduce the level of corruption manifestations in state executive bodies, including in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, are determined.
Keywords: administrative, legal regulation, manifestations of corruption (offences), territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, combating corruption, anti-corruption standard, administrative and legal norms
For citation: Sosnovskaya Yu. N., Markina E. V. To the question of the application of the mechanism of administrative and legal regulation in order to counteract corruption offenses in the system of internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):181–187. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-181-187 EDN: LMABXJ.

© Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В., 2023

Министерство внутренних дел Российской Федерации является одним из ведущих государственных правоохранительных органов исполнительной власти, цель которого заключается в обеспечении охраны и защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, находящихся на территории Российской Федерации. Несмотря на то, что на МВД России возложены достаточно серьезные обязательства по сохранению порядка на территории государства, деятельность самого министерства не может быть лишена определенных недостатков. В первую очередь, это связано с тем, что органы внутренних дел существуют не в какой-либо изолированной системе, а непосредственно в самом обществе, которое также имеет воздействие на деятельность всех органов власти. Кроме того, в органах внутренних дел службу проходят не исключительно офицеры высшей категории, но и сотрудники, чьи моральные качества в некоторых случаях далеки от совершенства.

В связи с вышеизложенным следует констатировать, что МВД России, также как и другие государственные органы исполнительной власти, имеющие определенные полномочия, которые могут быть использованы сотрудниками в личных корыстных интересах, подвержено коррупции, причем немаловажную роль в таком положении дел играет специфичность деятельности территориальных органов МВД России, которая связана с охраной общественного порядка, привлечением физических и юридических лиц к административной и уголовной ответственности и др.

О. В. Овчинникова отмечает, что коррупционные деяния (правонарушения) в органах внутренних дел обладают также особенностями, связанными с тем, что сотрудники имеют юридическое образование и необходимые знания, умения и навыки, чтобы скрыть коррупционные нарушения, а руководители таких сотрудников при получении соответствующей информации не всегда реагируют на нарушения, во-первых, по причине того, что не хотят предавать такие факты огласке, а, во-вторых, также не хотят нести ответственность за то, что не уделяли внимания противодействию коррупции в вверенном им подразделении [13].

Подтверждением тезиса о совершении коррупционных деяний сотрудниками органов внутренних дел свидетельствуют и результаты социологических опросов. Например, коллектив авторов под научным руководством В. Ф. Цепелева приводит данные исследования, которые подтверждают, что не так давно 26 % опрошенных граждан нашего государства считали, что органы внутренних дел являются одним из самых коррумпированных органов, хотя, данное мнение в последние годы меняется в сторону наиболее положительной оценки деятельности полиции. Ученые отмечают, что, вопреки успехам, останавливаться в совершенствовании организации данного направления служебной деятельности нецелесообразно. Следует стремиться к полной ликвидации коррупционных правонарушений в органах внутренних дел, предприняв новые шаги по совершенствованию административно-правовых норм, регламентирующих антикоррупционную сферу, а также разработав новые методики по борьбе с ними [14, с. 67]. Определенные сдвиги в этом направлении уже реализованы и связаны они с повышением уровня правового регулирования противодействия коррупции в территориальных органах МВД России.

Федеральный закон № 273-ФЗ [11] является основой правового регулирования анализируемой сферы. Однако, как уже отмечалось выше, не все положения, необходимые для эффективной борьбы с коррупцией, нашли в нем отражение. Определенные положения, закрепленные данным нормативным правовым актом, требуют более детальной регламентации. Так, содержание термина «противодействие коррупции», которое раскрывается через перечень видов деятельности государственных органов исполнительной власти (профилактика коррупционных правонарушений, борьба с данным явлением, минимизация и ликвидация последствий коррупционных деяний), целесообразно дополнить и изменить в соответствии с уже имеющимися научными разработками [17, с. 8]. О механизме правового регулирования противодействия коррупции, который в научной литературе определяется как сложное образование, включающее в себя элементы как социального, так и иного юридического порядка [15], законодатель не говорит, но указывает на правовую основу противодействия коррупции (ст. 2) и на перечень основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции (ст. 7).

Помимо Конституции РФ, федеральных конституционных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, федеральных зако-

нов, нормативных правовых актов Президента РФ и Правительства РФ, правовую основу противодействия коррупции составляют нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти, к числу которых относится и МВД России.

Одним из таких правовых актов следует признать приказ МВД России от 2 января 2013 г. № 1 (с изм. на 28 февраля 2018 г.) «Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», согласно п. 2 которого создание эффективных механизмов противодействия коррупционным и иным противоправным проявлениям является одним из основных элементов состояния защищенности собственной безопасности МВД России от угроз деструктивного и дезорганизующего воздействия, а последовательность в реализации антикоррупционной политики — одним из основных принципов обеспечения собственной безопасности системы МВД России (п. 7.8) [2].

Указанный нормативный правовой акт также определяет, что к основным мерам обеспечения собственной безопасности относятся осуществление мониторинга коррупционных и иных правонарушений, совершаемых сотрудниками, гражданскими служащими и работниками системы МВД России, а также предупреждение, выявление и пресечение коррупционных правонарушений, совершаемых сотрудниками, гражданскими служащими и работниками системы МВД России. В числе внешних угроз выделен недостаточный уровень социальной и правовой защищенности сотрудников, гражданских служащих и работников системы МВД России, порождающий высокий уровень коррупционной предрасположенности (уязвимости) при осуществлении ими своих полномочий, а в числе внутренних угроз — непосредственно коррупционные правонарушения.

В дополнение к приказу МВД России от 2 января 2013 г. № 1 и в целях организации выполнения Указа Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» Министром МВД России В. А. Колокольцевым в 2021 г. было подписано распоряжение «Об утверждении Плана МВД России по противодействию коррупции на 2021–2024 годы» [6]. Данный план предусматривает довольно внушительный перечень мероприятий, который МВД России, во взаимодействии с иными органами исполнительной власти и институтами гражданского общества, должно выполнить в течение указанного периода (2021–2024 гг.), причем такие мероприятия касаются не только борьбы с коррупцией в целом, но и противодействия коррупции непосредственно в системе МВД России.

В частности, в ч. 1 указанного плана содержится перечень мероприятий, которые должны быть реализованы во исполнение Национального плана противодействия коррупции [7], а в ч. 2 и 3 мероприятия, которые должны быть выполнены в соответствии с Национальной стратегией противодействия коррупции [8] и дополнительные мероприятия непосредственно в системе МВД России. Основными субъектами — исполнителями указанных мероприятий называются следующие подразделения МВД России: территориальные органы на окружном, межрегиональном, региональном уровнях, УОС, ГУОБДД, ГУЭСБ, ГУЭБиПК, ГУРЛС, Следственный департамент, ГУТ, ФГКУ «ВНИИ МВД России», Нижегородская академия.

Анализ упомянутых выше, а также иных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность МВД России, в том числе такое ее направление, как борьба с коррупцией, позволяет выделить следующие основные способы противодействия данному явлению в системе МВД России:

♦ соблюдение сотрудниками антикоррупционных стандартов, соответствующих ограничений, запретов и обязанностей, в том числе представление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

♦ выполнение порядка уведомления о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений и уведомления об иной оплачиваемой работе;

♦ сообщение о возникновении личной заинтересованности при исполнении служебных (должностных, трудовых) обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов.

С точки зрения науки и права, антикоррупционный стандарт соответствующих ограничений, запретов и обязанностей, должен включать такие элементы, как правовая грамотность, контрольно-надзорная деятельность независимых общественных организаций, ряд требований, предъявляемых к должностным лицам и самим гражданам, а также реализация принципа неотвратимости наказания за несоблюдение за-

кона и общественной нетерпимости к фактам коррупции [16]. В свою очередь, под антикоррупционными стандартами соответствующих ограничений, запретов и обязанностей сотрудников правоохранительных органов предлагается понимать единую систему запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в деятельности указанных органов [19].

Такая система ограничений и запретов в отношении сотрудников органов внутренних дел установлена, во-первых, Федеральным законом «О противодействии коррупции», во-вторых, ст. 17, 18, 20 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [10]. Кроме того, согласно п. 9 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» сотрудник обязан представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей [12]. В продолжение указанной нормы был издан приказ МВД России от 5 апреля 2016 г. № 158, который конкретизирует порядок подачи указанных сведений [4].

Следует отметить, что нормы, содержащиеся в ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3 «О полиции», корреспондирующие указанным выше, утратили силу с 21 декабря 2021 г. [9]; т. е., можно сказать, что законодатель устраняет дублирующие нормы, которые имеют определенные несоответствия, что должно позитивно сказаться на реализации соответствующих требований.

В нормативно-правовой регламентации такого способа противодействия коррупции, как соблюдение порядка уведомления о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений можно также выделить три уровня:

♦ первый уровень — нормы ФЗ «О противодействии коррупции» (ст. 9), которые предусматривают обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений;

♦ второй уровень — нормы ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» (п. 14 ч. 1 ст. 12), согласно которым сотрудник органов внутренних дел обязан уведомлять о каждом случае обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционного правонарушения. Нарушение указанной нормы влечет признание совершения сотрудником грубого нарушения служебной дисциплины, что ведет к наложению дисциплинарных взысканий вплоть до увольнения из органов внутренних дел;

♦ третий уровень — нормы приказа МВД РФ от 19 апреля 2010 г. № 293 [1], а также приказа МВД РФ от 15 декабря 2014 г. № 1110 [3], в которых наиболее подробно расписан порядок и сроки подачи рапортов (заявлений, уведомлений) о факте склонения к коррупционным деяниям и учета рапортов (заявлений, уведомлений) об иной оплачиваемой работе. Рапорт (заявление, уведомление) может отражать факты склонения к совершению коррупционных деяний не только заявителя, но и иных лиц.

При этом И. С. Соколов и О. А. Короткова считают необходимым предусмотреть порядок привлечения к ответственности сотрудника органов внутренних дел не только за несообщение о склонении к совершению коррупционного правонарушения, но и за несообщение о ставшем ему известном факте коррупции [18]. Несмотря на то, что ученые не указывают, имеют ли они в виду факт коррупции, совершенный другими сотрудниками, или же факты коррупции, совершенные любыми физическими или даже юридическими лицами, их предложение стоит поддержать как в отношении первой группы, так и в отношении второй группы коррупционеров. Только бескомпромиссное следование предотвращению совершения коррупционных правонарушений любыми гражданами нашего государства может снизить уровень коррупции в разы.

В механизме правового регулирования противодействия коррупционным правонарушениям в системе МВД России следует также выделить нормы федеральных и ведомственных правовых актов, которые регламентируют обязанность сотрудника сообщить о возникновении личной заинтересованности при исполнении служебных (должностных, трудовых) обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов. Основа такой обязанности заложена в Федеральном законе «О противодействии коррупции», которая конкретизирована в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» и приказе МВД России от 3 мая 2017 г. № 258 [5].

В научной литературе справедливо отмечается, что не все нормы указанных правовых актов взаимоувязаны [19]. Так, например, не совсем четко прописаны субъекты, к которым должны обращаться сотрудники органов внутренних дел в случае возникновения конфликта интересов: в первом случае говорится о представителе нанимателя (работодателя), во втором — о прямом или непосредственном руководителе, в последнем случае также речь идет о представителе нанимателя (руководителя), но сообщать о конфликте интересов следует уже в ходе личного приема, а также о кадровых подразделениях, в адрес которых следует направить письменное уведомление о возникновении личной заинтересованности, которая может привести к конфликту интересов.

Следует поддержать предложение ученых, которые считают необходимым устранение таких разночтений с установлением систематизированных, четко и однозначно сформулированных, унифицированных с федеральными законами норм, регламентирующих антикоррупционный стандарт поведения сотрудника органов внутренних дел.

Таким образом, следует отметить, что в настоящее время очевиден определенный прогресс в снижении уровня коррупции в государственных органах исполнительной власти, в том числе и в органах внутренних дел. В частности, он связан с повышением уровня правового регулирования противодействия коррупции в органах внутренних дел.

Анализ федеральных законов, ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность МВД России, в том числе такое направление, как борьба с коррупцией, позволяет выделить следующие основные элементы механизма правового регулирования противодействия коррупции в системе МВД России:

♦ соблюдение сотрудниками антикоррупционных стандартов, соответствующих ограничений, запретов и обязанностей, в том числе представление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Несмотря на то, что в правовых актах понятие антикоррупционный стандарт поведения не определяется, основа такого стандарта содержится как в ФЗ «О противодействии коррупции», так и в ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», а также в ведомственных правовых актах. Нормы, содержащиеся в ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3 «О полиции», корреспондирующие указанным выше, утратили силу в 2021 г.; т. е., можно сказать, что законодатель частично устраняет дублирующие нормы, которые имеют определенные несоответствия, что должно позитивно сказаться на реализации соответствующих требований;

♦ выполнение порядка уведомления о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений и уведомления об иной оплачиваемой работе. Относительно таких фактов склонения следует соблюдать не только порядок привлечения сотрудника органов внутренних дел к ответственности за несообщение о склонении к совершению коррупционного правонарушения, но и за несообщение о любом ставшем ему известном факте коррупции;

♦ сообщение о возникновении личной заинтересованности при исполнении служебных (должностных, трудовых) обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов. Считаем необходимым устранение разночтений в нормативно-правовых актах с установлением систематизированных, четко и однозначно сформулированных требований к антикоррупционному стандарту поведения сотрудника органов внутренних дел.

Список источников

1. Приказ МВД России от 19 апреля 2010 г. № 293 «Об утверждении порядка уведомления в системе МВД России о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений» // URL://http://pravo.gov.ru.

2. Приказ МВД России от 2 января 2013 г. № 1 «Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // URL://http://pravo.gov.ru.

3. Приказ МВД России от 15 декабря 2014 г. № 1110 «Об организации учета уведомлений об иной оплачиваемой работе» // URL://http://pravo.gov.ru.

4. Приказ МВД России от 5 апреля 2016 г. № 158 (ред. от 11 декабря 2019 г.) «Об утверждении Порядка представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданами, претендующими на замещение должностей в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством внутренних дел Российской Федерации, и работни-

ками, замещающими эти должности» // URL://http://pravo.gov.ru.

5. Приказ МВД России от 3 мая 2017 г. № 258 «Об утверждении Порядка уведомления сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, федеральными государственными гражданскими служащими системы МВД России и работниками, замещающими отдельные должности в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед МВД России, о возникновении личной заинтересованности при исполнении служебных (должностных, трудовых) обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов» // URL://http://pravo.gov.ru.

6. Распоряжение МВД России от 29 сентября 2021 г. № 1/11052 «Об утверждении Плана МВД России по противодействию коррупции на 2021–2024 годы» // URL://http://pravo.gov.ru.

7. Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // URL://http://pravo.gov.ru.

8. Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции» // URL://http://pravo.gov.ru.

9. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3 «О полиции» // Российская газета. 2019. 5 дек.

10. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

11. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 30 октября 2018 г.) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

12. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1).

13. Овчинникова О. В. Коррупция в органах внутренних дел: понятие и виды // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. Т. 4. Вып. 2. С. 56–62.

14. Организация противодействия коррупции: учеб. пособие / Н. Э. Мартыненко и др.; под. общ. науч. рук. В. Ф. Цепелева. М., 2020.

15. Починок П. Ю. Основные механизмы противодействия коррупции // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 360–363.

16. Сакулина Л. Л. Стандарт антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел // Глобус: экономика и юриспруденция. 2020. № 3. С. 4–6.

17. Севрюгин К. В. Противодействие коррупции в системе государственной гражданской службы Российской Федерации: административно-правовое исследование: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.

18. Соколов И. С., Короткова О. А. Коррупция в органах внутренних дел: понятие, виды, средства и меры противодействия // Право и практика. 2020. № 2. С. 109–113.

19. Шалагин А. Е., Гребенкин М. Ю. Формирование антикоррупционного поведения и противодействие коррупции // Ученые записки казанского юридического института МВД России. 2020. № 1 (9). С. 40–47.

References

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russia dated April 19, 2010 No. 293 «On approval of the procedure for notifying in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia about the facts of treatment in order to induce to commit corruption offenses» // URL://http://pravo.gov.ru.

2. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 2, 2013 No. 1 «On approval of the Concept for ensuring one's own security in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // URL://http://pravo.gov.ru.

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russia of December 15, 2014 No. 1110 «On the organization of accounting for notifications of other paid work» // URL://http://pravo.gov.ru.

4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated April 5, 2016 No. 158 (as amended on December 11, 2019) «On approval of the procedure for submitting information on income, expenses, property and property obligations by citizens applying for positions in organizations created by to fulfill the tasks assigned to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, and employees replacing these positions» // URL://http://pravo.gov.ru.

5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated May 3, 2017 No. 258 «On approval of the Procedure for notification by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation, federal state civil ser-

vants of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia and employees filling certain positions in organizations created to fulfill the tasks assigned to the Ministry of Internal Affairs of Russia , on the emergence of personal interest in the performance of official (official, labor) duties, which leads or may lead to a conflict of interest» // URL://http://pravo.gov.ru.

6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated September 29, 2021 No. 1/11052 «On approval of the Plan of the Ministry of Internal Affairs of Russia to combat corruption for 2021–2024» // URL://http://pravo.gov.ru.

7. Decree of the President of the Russian Federation of August 16, 2021 No. 478 «On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024» // URL://http://pravo.gov.ru.

8. Decree of the President of the Russian Federation of April 13, 2010 No. 460 «On the National Anti-Corruption Strategy and the National Anti-Corruption Plan» // URL://http://pravo.gov.ru.

9. Federal Law of February 7, 2011 No. 3 «On the Police» // Rossiyskaya Gazeta. Dec 5, 2019

10. Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ «On the State Civil Service of the Russian Federation» // SZ RF. 2004. No. 31. St. 3215.

11. Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ (as amended on October 30, 2018) «On Combating Corruption» // SZ RF. 2008. No. 52 (part 1). St. 6228.

12. Federal Law of November 30, 2011 No. 342-FZ «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» // SZ RF. 2011. No. 49 (part 1).

13. Ovchinnikova O. V. Corruption in the internal affairs bodies: concept and types // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2019. Vol. 4. Issue. 2. P. 56–62.

14. Organization of combating corruption: textbook. allowance / N. E. Martynenko and others; under. total scientific hands V. F. Tsepeleva. M., 2020.

15. Pochinok P. Yu. The main mechanisms for combating corruption // Young scientist. 2020. No. 21 (311). P. 360–363.

16. Sakulina L. L. Standard of anti-corruption behavior of employees of internal affairs bodies // Globus: Economics and Jurisprudence. 2020. No. 3. P. 4–6.

17. Sevryugin K. V. Anti-corruption in the system of the state civil service of the Russian Federation: administrative and legal research: author. diss. … cand. legal Sciences. Tyumen, 2011.

18. Sokolov I. S., Korotkova O. A. Corruption in internal affairs bodies: concept, types, means and countermeasures // Law and Practice. 2020. No. 2. P. 109–113.

19. Shalagin A. E., Grebenkin M. Yu. Formation of anti-corruption behavior and counteraction to corruption // Uchenye zapiski Kazanskogo juridical institute of the MIA of Russia. 2020. No. 1 (9). P. 40–47.

Информация об авторах

Ю. Н. Сосновская — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. В. Маркина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Yu. N. Sosnovskaya — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. V. Markina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Научная статья
УДК 343.6
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-188-190
EDN: https://elibrary.ru/nfbebh
NIION: 2003-0059-3/23-696
MOSURED: 77/27-003-2023-03-895

О транснациональных организованных преступных сообществах и причинах занятия ими торговлей людьми

Андрей Владимирович Староверов
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, astaroverov3097@gmail.com

Аннотация. Раскрывается содержание понятия «транснациональная организованная преступность». Определяется соотношение транснациональной организованной преступности и торговли людьми. Приводятся причины занятия организованными преступными группами данным видом преступной деятельности. Дается авторское определение транснациональной организованной преступности в сфере торговли людьми.

Ключевые слова: торговля людьми, траффикинг, транснациональные организованные преступные группы, жертва торговли людьми, общественная опасность, транснациональная организованная преступность

Для цитирования: Староверов А. В. О транснациональных организованных преступных сообществах и причинах занятия ими торговлей людьми // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 188–190. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-188-190. EDN: NFBEBH.

Original article

About transnational organized criminal communities and the reasons for their involvement in human trafficking

Andrey V. Staroverov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, astaroverov3097@gmail.com

Abstract. The content of the concept of «transnational organized crime» is revealed. The ratio of transnational organized crime and human trafficking is determined. The reasons for the occupation of organized criminal groups by this type of criminal activity are given. The author's definition of transnational organized crime in the field of human trafficking is given.

Keywords: human trafficking, trafficking, transnational organized criminal groups, victim of human trafficking, public danger, transnational organized crime

For citation: Staroverov A. V. About transnational organized criminal communities and the reasons for their involvement in human trafficking. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):188–190. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-188-190. EDN: NFBEBH.

В Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, ратифицированной Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» определение транснациональной преступности не приводится. Участники 62-го пленарного заседания 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, принявшие ее, сочли возможным и целесообразным обойтись определением организованной преступной группы.

Согласно п. а) ст. 2 данной Конвенции под организованной преступной группой следует понимать «структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду». При этом серьезное преступление — это «преступление, наказуемое

© Староверов А. В., 2023

лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания» (п. b) ст. 2 данной Конвенции).

Из настоящего определения вытекает, что транснациональная организованная преступность обладает следующими признаками:

♦ наличие организационно-структурного единства, и принятие участия в деятельности организации;

♦ постоянство деятельности организации;

♦ нацеленность на совершение серьезных преступлений с целью получения высокого дохода при довольно небольшой степени риска в сопоставлении с торговлей оружием, наркотиками и другими психоактивными веществами;

♦ нарушение законодательства иностранных государств с особым цинизмом.

Зачастую основным направлением деятельности таких групп, которой они занимаются как преступным промыслом, является торговля людьми (траффикинг).

В настоящее время траффикинг осуществляется в неорганизованных (простых) и организованных (сложных) формах. Первой из них является торговля людьми, совершаемая преступниками в одиночку. Например, продажа матерью, движимой корыстью, своего новорожденного ребенка состоятельной бездетной семейной паре. Вторую же — составляют многоэтапные виды траффикинга. Например, вербовка и транспортировка молодых женщин на территорию иностранных государств с целью их последующей продажи в качестве объекта сексуальной эксплуатации. Как правило, организованными формами траффикинга занимаются исключительно транснациональные организованные преступные группы.

Такие группы постоянно совершенствуют свою криминальную деятельность с учетом реальной ситуации в сфере торговли людьми. Так, занимаются вербовкой, в том числе с применением угроз физического насилия, женщин детородного возраста к суррогатному материнству, торговлей малолетними с целью их усыновления (удочерения). Торговля людьми, осуществляемая транснациональными организованными группами, находится в непосредственной связи с переправкой ее жертв через государственные границы с целью их эксплуатации в ходе транспортировки и на территории государства назначения [1, с. 53–54].

Понятие организованной преступности, как правило, раскрывается через понятие организованной преступной деятельности [2, с. 171–173]. Транснациональная организованная преступность и траффикинг находятся во взаимосвязи между собой как субъект и деятельность. При этом именно субъект является его первоначалом, другие же обстоятельства носят вспомогательный характер. Они или упрощают торговлю людьми, повышая уровень виктимности ее жертв, или повышают возможности торговцев людьми безнаказанно совершать деяния, составляющие траффикинг. Таким образом, активность транснациональных организованных преступных сообществ является самым значимым фактором среди обстоятельств социально-экономического характера, обусловливающих распространение торговли людьми, к которым криминологическая наука относит, прежде всего, безработицу, низкий уровень жизни, гендерное неравенство.

Транснациональные организованные преступные группы могут заниматься торговлей людьми не только с целью получения финансовых средств для расширения своей преступной сети и деятельности, но и с другими целями. Так, средства, добытые преступным путем, могут использоваться транснациональными организованными преступными группами, находящимися в тесной связи с террористическими организациями, в следующих целях:

♦ финансирования терроризма, ведения антиправительственными движениями партизанских войн и подготовки ими вооруженных мятежей;

♦ покупки жертв торговли людьми для передачи террористическим организациям для подготовки из них боевиков и подрывников-смертников.

Результатом взаимодействия транснациональных организованных преступных групп и террористических организаций той или иной идеологической направленности зачастую становится то, что они также начинают заниматься торговлей людьми.

Из сказанного вытекает, что степень общественной опасности траффикинга является чрезвычайно высокой. Она на много больше, чем может казаться без учета этих обстоятельств, поскольку опасность может грозить не только непосредственным жертвам торговли людьми, но и другим абсолютно безвинным людям. Кроме того, транснациональные организованные преступные группы, помимо торговли людьми, могут заниматься и иными особо общественно опас-

ными видами преступной деятельности, например, торговля наркотиками и оружием.

Чрезвычайно опасными из таких сообществ, занимающихся торговлей людьми, являются группы, сформированные по этническому признаку с принадлежностью к определенному клану, или семье. Такие группы относятся к своим жертвам предельно жестоко, подавляют их волю к сопротивлению самим бесчеловечным образом. Полученные средства они направляют на расширение своей организации в отличие от групп, члены которых не связаны клановосемейными узами. Группы, сформированные из граждан государств–участников СНГ, как раз и являются таковыми. Они продают своих жертв исключительно для получения сиюминутной выгоды. Устанавливаемые этническими группами языковые и культурные преграды дают им действенную возможность уходить от разоблачения правоохранительными органами [3, с. 40].

Результаты анализа практики торговли людьми указывают на то, что ежегодно наибольшее количество жертв торговли людьми перемещается латиноамериканскими транснациональными организованными преступными группами. Обусловлено это тем, что, в соответствии с их моделью траффикинга, основная ставка делается на количество предлагаемых к продаже жертв, а не внешность, возраст и состояние здоровья конкретной жертвы торговли людьми. Данный фактор является причиной того, что условиям содержания жертв торговли людьми внимания такие группы практически не уделяют никакого. При этом модель торговли людьми, используемая африканскими транснациональными организованными преступными группами, сильно напоминает транспортировку рабов, поэтому зачастую она оканчивается их смертью [4, с. 123–124].

Таким образом, сказанное выше, по нашему мнению, позволяет определять транснациональную организованную преступность в сфере торговли людьми как совокупность состоящих из граждан разных государств организованных преступных сообществ, которые с использованием коррупционных связей осуществляют с целью получения сверхприбыли торговлю людьми на территории двух или более государств, либо совершают такие преступления в данной сфере, социальные последствия которых затрагивают интересы других государств. При этом следует отметить, что торговля людьми является одним из основных видов транснациональной преступной деятельности.

Список источников

1. Антонян Ю. М., Кургузкина Е. Б., Полянская Е. М. Современное рабство: моногр. М. : Юрлитинформ, 2017.

2. Валеев Д. М. Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью: моногр. М. : Юрлитинформ, 2017.

3. Староверов А. В. К вопросу о понятии организованной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1.

4. Shelley L., Lee M. Human trafficking as a form of transnational crime // Human trafficking. 2007.

References

1. Antonyan Yu. M., Kurguzkina E. B., Polyanskaya E. M. Modern slavery: monograph. M. : Yurlitinform, 2017.

2. Valeev D. M. International legal framework for cooperation in combating transnational organized crime: monograph. M. : Yurlitinform, 2017.

3. Staroverov A. V. To the question of the concept of organized crime // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1.

4. Shelley L., Lee M. Human trafficking as a form of transnational crime // Human trafficking. 2007.

Информация об авторе

А. В. Староверов — соискатель кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. V. Staroverov — Applicant of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 21.02.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 19.05.2023.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-191-194
EDN: https://elibrary.ru/mnapqj
NIION: 2003-0059-3/23-697
MOSURED: 77/27-003-2023-03-896

Участие сотрудников ГИБДД в обеспечении общественной безопасности при проведении массовых мероприятий

Юрий Николаевич Стручков
Академия управления МВД России, Москва, Россия, okudgava32@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются отдельные теоретические вопросы обеспечения общественного порядка при проведении массовых мероприятий. Описывается тактика действий ГИБДД при проведении массовых мероприятий. Определив понятия «общественный порядок» и «общественная безопасность», делается вывод, что рассматриваемые понятия демонстрируют эффективность действий сотрудников полиции и непосредственно позволяют нормально функционировать всем общественным отношениям. Исходя из этого, понимание рассматриваемой проблематики позволит повысить не только уровень общественной безопасности, но и повысит доверие граждан к сотрудникам полиции. Результаты исследования вносят определенный вклад в развитие одного из разделов науки административного права — проблему безопасности и правопорядка, а также их соотношения.

Ключевые слова: сотрудники ГИБДД, общественный порядок, общественная безопасность, массовые (публичные) мероприятия, собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования

Для цитирования: Стручков Ю. Н. Участие сотрудников ГИБДД в обеспечении общественной безопасности при проведении массовых мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 191–194. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-191-194. EDN: MNAPQJ.

Original article

Participation of traffic police officers in ensuring public safety during mass events

Yuri N. Struchkov
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, okudgava32@rambler.ru

Abstract. Separate theoretical issues of ensuring public order during mass events are considered. The tactics of traffic police actions during mass events are described. Having defined the concepts of «public order» and «public safety», it is concluded that the concepts under consideration demonstrate the effectiveness of the actions of police officers and directly allow all public relations to function normally. Based on this, understanding the issues under consideration will not only increase the level of public safety, but also increase the confidence of citizens in police officers. The results of the study make a certain contribution to the development of one of the branches of the science of administrative law — the problem of security and law and order, as well as their relationship.

Keywords: traffic police officers, public order, public safety, mass (public) events, meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing

For citation: Struchkov Yu. N. Participation of traffic police officers in ensuring public safety during mass events. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):191–194. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-191-194. EDN: MNAPQJ.

Введение

В настоящее время массовые мероприятия, проводимые в российском обществе, отличаются стремительно растущей популярностью. Они обеспечивают обществу возможность свободно выражать мнение по наиболее острым вопросам в политической, экономической и социальной жизни общества. При этом массовые мероприятия зачастую сопровождаются общественно опасными деяниями, что, в свою очередь, может перерасти в массовые нарушения [2, с. 301].

На сегодняшний день на территории России действуют определенные «антиковидные» ограничения, связанные с проведением массовых мероприятий, которые вызывают недовольство в обществе. Подобного рода ограничения порождают увеличение незаконно проводимых акций. В этот период от полиции требуется максимальная слаженность действий и чет-

© Стручков Ю. Н., 2023

кое взаимодействие между всеми подразделениями, обеспечивающими охрану общественного порядка и общественной безопасности. Основное место в обеспечении общественной безопасности занимают сотрудники ГИБДД, без участия которых успешное проведение массовых мероприятий невозможно.

Для нашего исследования необходимо определить понятия общественного порядка и общественной безопасности, что позволит оценить эффективность деятельности полиции. Исходя из складывающейся обстановки, определить тактику действий сотрудников ГИБДД при проведении массовых мероприятий.

Теоретические основы обеспечения общественного порядка при проведении массовых мероприятий

В юриспруденции принято разделять такие понятия, как «общественная безопасность» и «общественный порядок». Общественный порядок можно определить как складывающуюся в обществе систему связей между людьми, правил взаимного поведения и общежития, регулируемых действующим законодательством, обычаями и традициями, а также нравственными нормами. К понятию общественного порядка тесно примыкает понятие «общественная безопасность». Данную категорию можно определить как систему общественных отношений, формирующихся в точном соответствии с правовыми и другими нормами при использовании объектов и предметов, представляющих повышенную опасность для людей и общества в целом [1, с. 152].

В обществе существует ряд проблем, связанных с обеспечением порядка и безопасности, так как эти понятия тесно связаны с законностью. Проблемы могут быть вызваны как экономическими, социальными факторами, так и рядом проводимых реформ. Ввиду того, что между обществом и государством существует тесная связь, необходимо учитывать интересы общества; если у граждан теряется возможность свободно высказывать свое мнение по различным вопросам, могут возникать различного рода «протестные явления».

Общественный порядок обеспечивается государством в соответствии с принципом законности; именно регламентация определенных общественных отношений позволяет государству обеспечивать данный процесс. Нормативное закрепление позволяет урегулировать проведение массовых мероприятий. Реализуемая государством охранительная функция позволяет гражданам свободно реализовать свои права. Отсутствие регламентации делает процесс обеспечения общественного порядка невозможным. Сознательное нарушение порядка и безопасности создает существенную угрозу, что является социально опасным явлением.

Нарушение общественной безопасности и общественного порядка признается государством противоправным деянием, угрожающим принятой системе устройства общества и правилам поведения. Законодатель четко закрепил перечень действий, которые по своей природе несут социальную опасность. Участие в массовых нарушениях общественного порядка в России является преступлением, так как любой участник подобного рода беспорядков, находясь в толпе сторонников, несет немалую угрозу для людей и общества в целом. Организация беспорядков — наиболее опасное проявление массовых нарушений. Четкость плана действий и подготовкой провокаторов, оснащение их необходимыми предметами для координации действий, требует комплекса действий от сотрудников полиции. Призывы, являющиеся частью незаконных акций, создают эффект толпы и угрожают не только общественному порядку, но и общественной безопасности. Охрана ценностей общества должна обеспечиваться не только государством, каждый гражданин должен соблюдать правила и нормы поведения в общественных местах.

В последнее время наиболее остро стоит проблема соблюдения правил дорожного движения, так как данные нарушения совершаются как молодым поколением, так и более возрастными людьми, что не позволяет избегать ситуаций, при которых могут случаться дорожно-транспортные происшествия.

Нормы, созданные для регулирования тех или иных общественных отношений, необходимы для обеспечения порядка и законности. Контроль со стороны государства за поведением человека требует создания специальных государственных структур и наделения их необходимыми мерами принуждения.

Таким образом, законодательное закрепление проведения массовых мероприятий позволяет обеспечивать в России общественный порядок и общественную безопасность. Однако следует понимать, какие последствия могут вызвать подобные нарушения и к чему могут привести. Целью закона является защита граждан от опасных проявлений девиантного поведения.

Тактика действий ГИБДД при проведении массовых мероприятий

Обеспечение общественной безопасности при проведении массовых мероприятий требует привлечения сотрудников ГИБДД. В зависимости от способа возникновения массовых мероприятий, будет определяться степень участия сотрудников ГИБДД, что позволит предотвратить различные угрозы общественной безопасности.

При организованных массовых мероприятиях сотрудниками ГИБДД предпринимается целый ряд мероприятий, направленных на обеспечение общественной безопасности. Так, в зависимости от формы проведения массового мероприятия, сотрудниками могут вноситься временные изменения в схему организации дорожного движения, что требует своевременного информирования участников дорожного движения о вводимых ограничениях и путях объезда. Подобного рода ограничения обеспечиваются организацией дорожного движения по заранее согласованным маршрутам, в том числе и путем непосредственного регулирования дорожного движения [3, с. 144–145].

Организация и оборудование контрольно-пропускных пунктов позволят обеспечить контроль проезда транспортных средств в места проведения массовых мероприятий, предотвратить различного рода террористические акты и иные противоправные действия. Обеспечение проезда транспортных средств по специальным пропускам также способствует поддержанию общественной безопасности.

Так, при проведении массовых мероприятий, связанных с передвижением, требуются: детальная проработка маршрута, обеспечение сопровождения, выставление необходимых заградительных элементов, задействование дополнительной техники, создание подвижных резервов на случай осложнения обстановки.

Расчет сил и средств для проведения конкретного массового мероприятия не должен ослабить правопорядок на остальной территории, но позволить обеспечить общественную безопасность. Во время подготовки необходимо четко определить: численный состав задействованных групп, необходимое количество личного состава и транспортных средств подразделений ГИБДД. Общий инструктаж личного состава, задействованного для обеспечения общественной безопасности, необходим для взаимодействия и принятия быстрых действий на случай осложнения оперативной обстановки.

Проработка различных групп нарядов сотрудников ГИБДД является важной задачей при проведении массового мероприятия. Группа сопровождения необходима для обеспечения безопасности на всем участке следования. Группы патрулирования обеспечивают поддержание правопорядка и безопасность дорожного движения на прилегающих территориях к месту проведения массового мероприятия. Группы ограничения движения формируются для ограничения движения пешеходов и транспорта в зоны блокирования, обеспечивают беспрепятственный подъезд аварийно-спасательного транспорта [4].

На этапе проведения массовых мероприятий от сотрудников ГИБДД требуются: четкое следование плану проведения массового мероприятия, строгое соблюдение законности, решительность и принципиальность в предупреждении и пресечении правонарушений. Несвоевременность действий может повлечь более тяжелые последствия и создать угрозу общественной безопасности. При общении с гражданами необходимо быть вежливым, тактичным и проявлять спокойствие.

По завершении массового публичного мероприятия осуществляется отвод сил и средств, принимавших участие в обеспечении правопорядка и безопасности дорожного движения в общественных местах, проводится проверка наличия личного состава, средств индивидуальной защиты и других технических средств, подводятся итоги несения службы, дается оценка действиям сотрудников.

Участники одномоментно стремятся быстрее уйти с места их проведения, поэтому необходимо обеспечить их безопасный выход, посадку на городской транспорт и возможность рассредоточения.

Спонтанные массовые мероприятия имеют противоправный характер и требуют быстрых действий со стороны полиции. Несанкционированные массовые мероприятия отличаются от санкционированных тем, что проводятся без предварительного согласования с органом исполнительной власти. За проведение такого мероприятия и участие в нем предусмотрена различного рода ответственность. Сотрудниками ГИБДД принимаются необходимые меры для информирования участников о незаконности данного мероприятия и об ответственности за участие. Информирование участников осуществляется по-

средством громкоговорящего устройства. Производится ограничение движения транспортных средств в зону проведения, а также эвакуация транспортных средств [1, с. 74–77].

Заключение

Складывающаяся политическая обстановка требует понимания таких категорий, как «безопасность» и «порядок». Весьма важным элементом в поддержании данных категорий выступают сотрудники ГИБДД. Массовые мероприятия в общей массе несут мирный характер, позволяют свободно выражать свое мнение по разнообразным сферам жизни страны, как внешним, так и внутренним. Излишние действия со стороны сотрудников ГИБДД, а также несвоевременные действия могут повлечь более серьезные последствия, спровоцировать массовые беспорядки и нанести существенный вред общественной безопасности и общественному порядку. Правильный расчет сил и средств, проработка групп нарядов и четкое взаимодействие позволяет обеспечивать общественный порядок при проведении массовых мероприятий [5, с. 167].

Список источников

1. Беженцев А. А. Охрана общественного порядка: учеб. пособие. М. : Вузовский учебник ; Инфра-М, 2015.

2. Конин Н. М., Маторина Е. И. Административное право: учебник для бакалавров. М., 2020.

3. Пугачев И. Н., Хомыцкый М. И. Организация работы ГИБДД: учеб. пособие / под ред. А. И. Ярмолинского. Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2005.

4. Сафарянов И. Ф. Тактика пресечения групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядков // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 68.

5. Чернышов А. Ю., Белоусов В. Г. Специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел. М., 2003.

References

1. Refugee A. A. Protection of public order: studies. manual. M. : University textbook ; Infra-M, 2015.

2. Konin N. M., Matorina E. I. Administrative law: textbook for bachelors. M., 2020.

3. Pugachev I. N., Khomitsky M. I. Organization of traffic police work: studies. manual / edited by A. I. Yarmolinsky. Khabarovsk : Publishing House of the Pacific State University, 2005.

4. Safaryanov I. F. Tactics of suppression of group violations of public order and mass riots // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4. P. 68.

5. Chernyshov A. Yu., Belousov V. G. Special training of employees of internal affairs bodies. M., 2003.

Библиографический список

1. Звягин В. А., Елисеева О. А., Гараева Т. Б. Тактика действий нарядов полиции в период проведения массовых общественно-политических мероприятий. М., 2019.

2. Плохих Г. И. Специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел. Курск, 2014.

Bibliographic list

1. Zvyagin V. A., Eliseeva O. A., Garaeva T. B. Tactics of actions of police squads during mass socio-political events. M., 2019.

2. Bad G. I. Special training of employees of internal affairs bodies. Kursk, 2014.

Информация об авторе

Ю. Н. Стручков — адъюнкт Академии управления МВД России.

Information about the author

Yu. N. Struchkov — Adjunct of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 16.02.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 19.05.2023.

Научная статья
УДК 341
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-195-199
EDN: https://elibrary.ru/nmmowr
NIION: 2003-0059-3/23-698
MOSURED: 77/27-003-2023-03-897

Международные принципы защиты детей от деструктивной информации

Светлана Евгеньевна Титор
Государственный университет управления, Москва, Россия, setitor@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема защиты интересов граждан, особенно детей, в информационной сфере, которая остается достаточно острой не только в Российской Федерации, но и в других государствах, вследствие чего на международном уровне предпринимаются попытки установления общих принципов обеспечения безопасной информационной среды для детей. Проанализированы основные принципы защиты детей от деструктивной информации, определенные международными актами.

Ключевые слова: защита детей от деструктивной информации, международные акты, Организация Объединенных Наций, конвенции, международные принципы

Благодарности: работа проведена в рамках экспертно-аналитического исследования в соответствии с государственным контрактом № 0173100009622000040001 (заказчик — Аппарат Государственной Думы РФ).

Для цитирования: Титор С. Е. Международные принципы защиты детей от деструктивной информации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 195–199. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-195-199. EDN: NMMOWR.

Original article

International principles to protect children from destructive information

Svetlana E. Titor
State University of Management, Moscow, Russia, setitor@mail.ru

Abstract. The article considers the problem of protecting the interests of citizens, especially children, in the information sphere, which remains quite acute not only in the Russian Federation, but also in other states, as a result of which attempts are being made at the international level to establish general principles for ensuring a safe information environment for children. The basic principles of protecting children from destructive information defined by international acts are analyzed.

Keywords: protection of children from destructive information, international acts, United Nations, conventions, international principles

Acknowledgements: the work was conducted within the framework of expert-analytical research in accordance with the state contract № 0173100009622000040001 (customer — the Office of the State Duma of the Russian Federation).

For citation: Titor S. E. International principles to protect children from destructive information. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):195–199. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-195-199. EDN: NMMOWR.

В условиях непрерывного совершенствования информационных и коммуникационных технологий и развития информационного общества человечество сталкивается с девиантными проявлениями в цифровой среде, которые зачастую носят деструктивный характер. Особенно данному влиянию, в силу несформировавшейся психики и недостатка жизненного опыта, подвержены несовершеннолетние граждане. При реализации политики в сфере применения информационных и коммуникационных технологий необходимо обеспечение государственной защиты интересов граждан в информационной сфере, в частности, обеспечения безопасной информационной среды для детей.

Организацией Объединенных Наций приняты два документа, в той или иной степени затрагивающие защиту несовершеннолетних от деструктивной информационной среды — Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (действует на территории России с 15 сентября 1990 г. [1]), и Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несо-

© Титор С. Е., 2023

вершеннолетних (или Эр-Риядские руководящие принципы) [2], принятые 14 декабря 1990 г. (резолюция 45/112 на 68-м Пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

Конвенция закрепляет основные права ребенка (неотъемлемое право на жизнь; на здоровое развитие; на имя; на приобретение гражданства; право знать своих родителей (насколько это возможно) и получать от них заботу; на сохранение своей индивидуальности; свободно выражать свои взгляды; свободно выражать свое мнение (право включает в себя свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода, независимо от границ, в любой форме); на свободу мысли, совести и религии; на свободу ассоциации и свободу мирных собраний, а также иные права).

Конвенция закрепляет основные обязанности государств–участников. Государства–участники обязаны поощрять разработку принципов защиты детей от информации и материалов, наносящих вред их благополучию. Конвенция обязывает принимать все необходимые законодательные меры, включая административные, просветительские, социальные, с целью защиты несовершеннолетних от всех форм физического и психологического насилия, оскорблений, небрежного обращения.

В целом, Конвенция о правах ребенка непосредственно не затрагивает вопросы защиты ребенка от деструктивной информационной среды. Но принципы защиты ребенка, заложенные в Конвенции напрямую распространяются и на защиту от негативного воздействия интернет-среды.

Конвенция о правах ребенка определяет следующие принципы защиты:

♦ признание достоинства, равенства и неотъемлемости прав всех членов общества, включая детей;

♦ уважение и обеспечение государствами–участниками прав и свобод детей, предусмотренных Конвенцией;

♦ обеспечение достойной жизни;

♦ обеспечение физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка.

♦ защита ребенка от всех форм дискриминации, от всех форм физического или психологического насилия, оскорблений, сексуального совращения, незаконного употребления наркотических средств и психотропных веществ;

♦ уважение ответственности, прав и обязанностей родителей;

♦ обеспечение и сохранение индивидуализации каждого ребенка, уважение прав и реабилитации;

♦ свобода выражения взглядов, мнения, мысли, совести и религии;

♦ защита личной, семейной жизни от несанкционированного вмешательства;

♦ свободный доступ ребенка к информации.

В соответствии с Конвенцией ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную, семейную жизнь, неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции или незаконного посягательства на честь и репутацию. Конвенция гарантирует ребенку право на защиту от незаконного вмешательства или посягательства. Если говорить об опасностях интернет-пространства в целом и социальных сетей в частности, то следует выделить следующие формы деструктивного влияния на несовершеннолетних: кибербуллинг (включающий в себя элементы оскорблений, клеветы), пропаганда асоциального образа жизни, алкоголя, наркотических и психотропных веществ и пр. Кибербуллинг по своей сути означает вмешательство в частную жизнь лица, посягательство на его честь и достоинство.

Конвенция устанавливает, что государства–участники признают право каждого ребенка на достаточный уровень жизни, необходимый для физического, духовного, нравственного, умственного и социального развития. Такое развитие возможно исключительно при благоприятных внешних факторах, включая здоровую обстановку в семье, правильные и близкие отношения с родителями, благоприятную социальную обстановку в учебном заведении и в целом окружающем мире. Для современного ребенка пользование сетью Интернет (в том числе социальными сетями, поисковыми системами, игровыми серверами) является составной частью повседневной жизни; в информационном пространстве несовершеннолетние обычно проводят значительную часть времени, зачастую виртуальная реальность начинает преобладать над действительностью. Однако, в любом случае необходимо обеспечивать благоприятную социальную обстановку, т. е. защищать несовершеннолетнего от любых форм деструктивного информационного воздействия.

Эр-Риядские руководящие принципы (далее — Принципы) предполагают защиту и предупреждение преступности несовершеннолетних; воспитание молодежи на принципах, не допускающих преступную деятельность. Это принципы:

1) предупреждения преступности несовершеннолетних;

2) гармоничного развития подростков;

3) ориентации на нужды детей;

4) обеспечения благосостояния молодежи с ранних лет.

Несовершеннолетние должны быть обеспечены доступом к различным источникам информации, которые, в свою очередь, должны отражать позитивную роль молодежи в обществе. Принципы запрещают показ порнографической информации, наркотиков, насилия, унижение достоинства в любой форме и т. д. На средства массовой информации принципы возлагают ответственность за позитивное воздействие на молодежь.

На европейском уровне принята Окинавская Хартия глобального информационного общества [3] (принята 22 июня 2000 г. главами государств Группы большой восьмерки (Великобритания, Германия, Италия, Канада, Франция, Япония, США, Россия). Несмотря на неучастие Российской Федерации в «Группе восьми» с 2014 г., Хартия указана среди источников международных принципов создания информационного общества в России (п. 5 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы») [4].

Хартия признает главенствующее влияние информационных технологий на общественность XXI в. В связи с возрастанием роли цифровых технологий и темпами их распространения Хартия ставит целью обеспечить всеобщий доступ к информационным технологиям, подготовку квалифицированных кадров, обучение основам компьютерной грамотности всех пользователей, в особенности несовершеннолетних со школьных лет, свободное и безопасное интернет-пространство и т. д.

Хартия основывается на следующих принципах:

♦ доступа всех людей к информационному обществу;

♦ возможности свободного обмена информацией и знаниями;

♦ взаимной терпимости и уважения к другим людям;

♦ борьбы с киберпреступлениями;

♦ инвестирования в граждан (имеется в виду инвестирование в их образование в области компьютерной грамотности и навыков использования информационного пространства);

♦ продвижения социального прогресса в мире;

♦ международного сотрудничества;

♦ развития современного информационного профессионального образования;

♦ защиты частной жизни пользователей;

♦ развития электронной идентификации;

♦ создания безопасного и свободного от преступности киберпространства;

♦ развития интернет-пространства на всех территориях государства, включая сельскую местность, отдаленные районы;

♦ развития сотрудничества в области информационных технологий с развивающимися странами;

♦ содействия широкому использованию современных технологий в области образования, здравоохранения, культуры.

На европейском уровне принята Декларация о свободе обмена информацией в Интернете [5] (Комитет Совета Европы от 28 мая 2003 г.).

Декларация провозглашает следующие принципы свободы обмена информацией:

♦ необходимость контроля содержания информации в Интернете;

♦ отсутствие тотального контроля за информацией со стороны государства, за исключением запрета отдельных видов информации;

♦ отказ от запрета на участие в информационных сообществах;

♦ свобода предоставления услуг посредством информационных технологий;

♦ анонимность.

Принцип анонимности в Интернете не бесспорен. Деструктивное влияние информационной среды на детей и подростков связано со спецификой интернет-пространства — анонимностью, отсутствием непосредственного контакта с партнером по взаимодействию, неконтролируемостью действий. Именно анонимность «развязывает руки» многим людям, впоследствии эта свобода может привести, в том числе, к трагедиям.

Одной из основополагающих причин кибербуллинга является анонимность в социальных сетях и в Интернете в целом. Она влечет за собой ощущение безнаказанности, кроме того, под маской человек способен на высказывания самого разного характера, на унизительные и жестокие комментарии, которые не позволил бы себе, если бы выступал от своего имени. В Индии, например, на данный момент анонимность в цифровом пространстве запрещена.

Анонимность, как основная характеристика цифрового пространства, мешает применению права в традиционных рамках, так как любой пользователь может создать в Интернете вымышленную личность, которая не будет иметь ничего общего с ним в реальности, тем самым произойдет уклонение от юридической ответственности. Социальные сети в настоящее время являются действенным инструментом в руках злоумышленников, можно выбрать потенциальную жертву, собрать всю необходимую информацию о ней, осуществив тем самым подготовку к совершению правонарушения.

Декларация определяет следующие положения:

♦ сохранение баланса между свободой выражения информации и защитой законных прав и интересов других участников интернет-сети, запрет ущемления человеческого достоинства, иных прав и свобод;

♦ запрет на ограничения доступа общественности к обмену информацией в сети Интернет по политическим основаниям, что, по мнению Декларации, противоречит демократическим принципам;

♦ ограничение ответственности поставщиков информации, если они действуют только как простые передатчики, или они добровольно предоставляют доступ;

♦ государственная власть не вправе запрещать или ограничивать доступ общественности к информации, свободному обмену ею в интернет-сети.

По итогам анализа можно выделить единые принципы международного регулирования защиты несовершеннолетних от деструктивной информационной среды:

♦ воспитание молодежи на принципах, не допускающих преступную деятельность;

♦ предупреждение преступности несовершеннолетних;

♦ обеспечение благосостояния молодежи с ранних лет;

♦ анонимность;

♦ свобода предоставления услуг через Интернет;

♦ контроль за содержанием информации в Интернете;

♦ международное сотрудничество в сфере информационной безопасности и предупреждения киберпреступлений;

♦ приоритетность права ребенка на охрану нравственности, здоровья и обеспечение полноценного развития перед интересами обеспечения свободы слова и массовой информации;

♦ допустимость ограничения права ребенка свободно выражать свое мнение;

♦ взаимная терпимость и уважение к другим людям;

♦ борьба с киберпреступлениями;

♦ защита частной жизни пользователей;

♦ создание безопасного и свободного от преступности киберпространства;

♦ содействие обмену опытом между развивающимися странами и другими партнерами;

♦ признание достоинства, равных и неотъемлемых прав всех членов общества;

♦ защита ребенка;

♦ свободный доступ ребенка к информации и материалам из международных и национальных источников;

♦ физическое, умственное, духовное, нравственное и социальное развитие ребенка;

♦ уважение ответственности, прав и обязанностей родителей.

В результате анализа международных конвенций и соглашений, регулирующих защиту несовершеннолетних от деструктивной информационной среды, применяемых в Российской Федерации, можно сделать следующие выводы:

♦ проблема защиты несовершеннолетних от деструктивной информационной среды осознается международным сообществом как часть проблемы защиты несовершеннолетних от незаконного вмешательства или посягательства;

♦ в силу этого международное сообщество включает нормы и принципы о защите несовершеннолетних от деструктивной информационной среды в акты, посвященные общим вопросам защиты несовершеннолетних;

♦ конкретные меры по защите несовершеннолетних от деструктивной информационной среды

могут осуществляться преимущественно в рамках контроля информации, осуществляемого отдельными государствами, поскольку выработка единого подхода на международном уровне трудноосуществима вследствие кардинально различных взглядов на информационную политику и деградации международного сотрудничества;

♦ выявление и формирование единых принципов защиты детей и подростков от деструктивной информации, сформулированных на международном уровне, позволит применять их в отечественном законодательстве. Принципиальные позиции международных сообществ по данному вопросу должны быть отражены в российском законодательстве;

♦ несмотря на выход России из большинства международных актов (в 2014 и 2022 гг.), Россия придерживается международных норм и принципов защиты прав детей, в том числе в информационной среде.

Список источников

1. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

2. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml.

3. Окинавская Хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.

4. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

5. Declaration on freedom of communication on the Internet // URL://https://www.osce.org/files/f/documents/0/6/31507.pdf.

References

1. Convention on the Rights of the Child of November 20, 1989 // Vedomosti SND of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. № 45. St. 955.

2. United Nations Guidelines for the Prevention of Juvenile Delinquency (the Riyadh Guidelines) // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml.

3. Okinawa Charter on Global Information Society of July 22, 2000 // Diplomatic Herald. 2000. № 8. P. 51–56.

4. Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203 «On the Strategy for the development of the Information Society inOf the Russian Federation for 2017–2030» //SZ RF. 2017. № 20. St. 2901.

5. Declaration on freedom of communication on the Internet // URL://https://www.osce.org/files/f/documents/0/6/31507.pdf.

Информация об авторе

С. Е. Титор — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Titor — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 342.951
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-200-202
EDN: https://elibrary.ru/opxhub
NIION: 2003-0059-3/23-699
MOSURED: 77/27-003-2023-03-898

Меры административно-процессуального принуждения

Игорь Сергеевич Трегубов
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kiber1817@mail.ru
Научный руководитель: доктор юридических наук **Ю. И. Попугаев**

Аннотация. Рассмотрены сущность и правовая природа мер административно-процессуального принуждения. Определено место данных мер в институте административного принуждения. Выявлено соотношение административно-процессуального принуждения с уголовно-процессуальными мерами; определены ключевые признаки, обеспечивающие административное принуждение.

Ключевые слова: принуждение, административное наказание, административное судопроизводство, меры, уголовное судопроизводство, процессуальные меры, ограничение

Для цитирования: Трегубов И. С. Меры административно-процессуального принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 200–202. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-200-202. EDN: OPXHUB.

Original article

Measures of administrative and procedural coercion

Igor S. Tregubov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kiber1817@mail.ru
Research supervisor: Doctor of Legal Sciences **Yu. I. Popugaev**

Abstract. Annotation. The essence and legal nature of administrative and procedural coercion measures are considered. The place of these measures in the institute of administrative coercion has been determined. The correlation of administrative-procedural coercion with criminal-procedural measures is revealed; the key features ensuring administrative coercion are identified.

Keywords: coercion, administrative punishment, administrative proceedings, measures, criminal proceedings, procedural measures, restriction

For citation: Tregubov I. S. Measures of administrative and procedural coercion. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):200–202. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-200-202. EDN: OPXHUB.

Доктринальный и практический вопрос мер административно-процессуального принуждения не является чем-то кардинально новым и не изученным, но современная практика реализации мер административного наказания позволяет не только по-новому взглянуть на данные меры, но и поднимает вопросы уже о современном доктринальном урегулировании мер процессуального принуждения.

Актуальность вопросов применения мер административно-процессуального принуждения является открытой еще с советского периода; так, Д. Н. Бахрах в своих научных трудах утверждал, что меры административно-процессуального принуждения состоят из обеспечительных мер, которые оказывают содействие административному судопроизводству, и пресекательные меры, которые, как видно из самого названия, обеспечивает пресекательную функцию и профилактируют совершение новых правонарушений [1]. По данной классификации видно, что уже в советский период данные меры были разделены по признакам, что давало объективное понимание каждой отдельной меры.

Так же надо отметить, что серьезный вклад в развитие доктринальной части мер административно-процессуального решения был сделан именно наукой уголовно-процессуального права, так как именно уголовное судопроизводство имеет серьезную доктринальную и материальную основу, тем

© Трегубов И. С., 2023

самым влияя на развитие и административного судопроизводства. В подтверждение данной доктрины В. А. Михайлов в свое время писал, что именно уголовно-процессуальное принуждение способно создать благоприятную среду для доказательной базы и разграничить ошибочно привлеченных лиц по уголовному делу, тем самым обеспечивая законность и объективность проведениях данных мер. Не менее важное то, что уголовно-процессуальное принуждение решает профилактические задачи в уголовном судопроизводстве [5, с. 6].

Прежде всего, надо понять, что меры административно-процессуального принуждения и меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, это две разные категории, которые имеют свои цели, задачи и признаки. Меры административного процессуального принуждения являются более широкой категорией и охватывают значительно больше общественных отношений, по сравнению с мерами обеспечения производства, но последние (меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях) имеют более детальную и серьезную доктринальную урегулированность среди норм по обеспечению процессуального принуждения.

При определении сущности, мер административно-процессуального обеспечения, можно согласиться с В. А. Мельниковым, который считал, что данные меры являются совокупностью приемов материального воздействия в отношении лиц, к которым применяются правовые ограничения с целью административного судопроизводства [4, с. 46].

В нынешнем законодательстве, мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях выделена гл. 27 КоАП РФ. В данной норме законодатель выделяет 13 мер и при рассмотрении исторического аспекта данной нормы, можно понять, что эти меры не являются исчерпывающими и с годами их становится все больше. Таким образом вопрос урегулированности административно-процессуальных норм хоть и является классическим, но все равно продолжает быть открытым.

При более детальном рассмотрение данных мер, которые закреплены в гл. 27 КоАП РФ, можно выявить тенденцию, согласно которой законодатель не определил сущность данных мер, а лишь только закрепил лиц, которые уполномочены производить данные меры. Ярким примером может служить ст. 27.15 КоАП РФ — привод; сущность данной меры принуждения можно увидеть только в ст. 113 УПК РФ, где привод определяется как принудительное доставление лица к дознавателю, следователю или в суд. Так, В. Р. Кисин по данному поводу считает, что отсутствие сущности определения дает возможность правоохранительным органам разное толкование данной нормы [3].

Применение каждой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях регламентируется своей целью, к примеру, самое распространенная мера, административное задержание, производится с целью своевременного рассмотрения дела.

Таким образом, меры административно-процессуального обеспечения — способы, приемы и действия — обеспечивают административное судопроизводство и целью данных мер является поиск материальные следов по административному правонарушению, а также обеспечение доказательной базы. Данное определение также можно увидеть в трудах А. И. Каплунова [2, с. 44].

В заключение важно отметить, как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, так и меры процессуального принуждения достаточно тесно связаны и их взаимосвязь обеспечивает своевременное и законное проведение административного судопроизводства.

Список источников

1. Бахрах Д. Н. Административно-процессуальное принуждение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1989. № 4. С. 60.

2. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2005.

3. Кисин В. Р. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая природа и недостатки правового регулирования // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 32.

4. Мельников В. А. Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел: автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2015.

5. Михайлов В. А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации. М., 1997.

References

1. Bakhrakh D. N. Administrative and procedural coercion // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1989. № 4. P. 60.

2. Kaplunov A. I. Administrative coercion applied by internal affairs bodies: abstract. diss. ... doctor of legal sciences. M., 2005.

3. Kisin V. R. Measures to ensure proceedings on cases of administrative offences: legal nature and drawbacks of legal regulation // Administrative Law and Process. 2018. № 1. P. 32.

4. Melnikov V. A. Administrative and legal restriction of citizens' rights and the mechanism of its implementation by internal affairs bodies: abstract. diss. ... doctor of legal sciences. Krasnodar, 2015.

5. Mikhailov V. A. Criminal and procedural measures of restraint in legal proceedings of the Russian Federation. M., 1997.

Информация об авторе

И. С. Трегубов — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

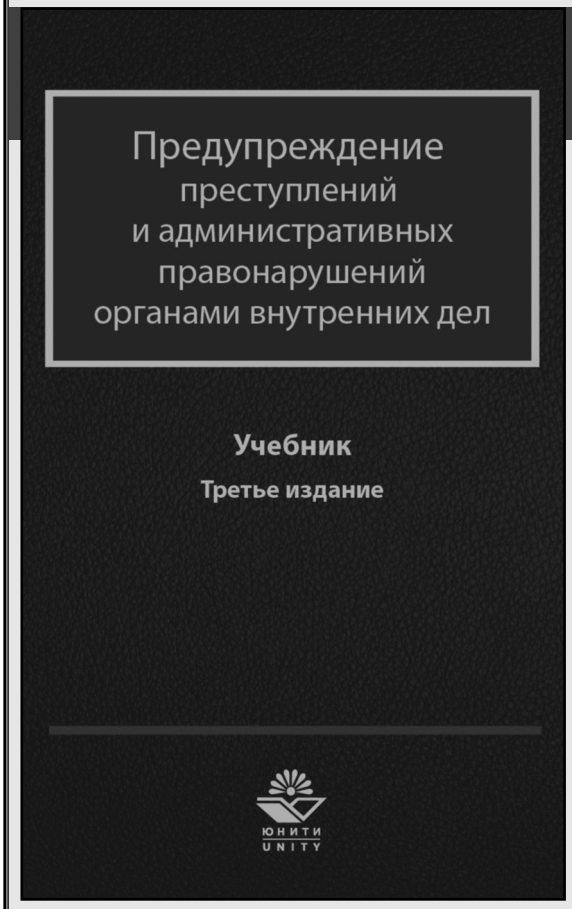
Information about the author

I. S. Tregubov — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 26.02.2023; одобрена после рецензирования 14.04.2023; принята к публикации 31.05.2023.

The article was submitted 26.02.2023; approved after reviewing 14.04.2023; accepted for publication 31.05.2023.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

3-е изд., перераб. и доп. Учебник
Гриф УМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений. Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-транспортных правонарушений и др. Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья
УДК 343.98
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-203-208
EDN: https://elibrary.ru/ojuhiq
NIION: 2003-0059-3/23-700
MOSURED: 77/27-003-2023-03-899

Проект методики идентификации печатных форм плоской офсетной печати с использованием компьютерной технологии

Игорь Николаевич Усков[1], Богдан Владимирович Древаль[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] uskov.igor13@yandex.ru
[2] dreval.bog@yandex.ru

Аннотация. Содержатся предложения по формированию методики идентификационного исследования печатных форм для плоской офсетной печати по оттискам. Раскрыто содержание термина «компьютерная технология» и причины, обусловливающие возможность ее применения для процесса установления тождества. Приведена предполагаемая структура рассматриваемой методики.

Ключевые слова: компьютерная технология, печатные формы, плоская офсетная печать, методика экспертного исследования, последовательность действий эксперта, идентификационные признаки

Для цитирования: Усков И. Н., Древаль Б. В. Проект методики идентификации печатных форм плоской офсетной печати с использованием компьютерной технологии // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 203–208. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-203-208. EDN: OJUHIQ.

Original article

Draft methodology for identification of printed forms of flat offset printing using computer technology

Igor N. Uskov[1], Bogdan V. Dreval[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] uskov.igor13@yandex.ru
[2] dreval.bog@yandex.ru

Abstract. It contains proposals for the formation of a methodology for the identification study of printing plates for flat offset printing by impressions. The content of the term «computer technology» and the reasons for the possibility of its application for the process of establishing identity are disclosed. The proposed structure of the considered methodology is given.

Keywords: computer technology, printing plates, flat offset printing, methods of expert research, sequence of expert actions, identification signs

For citation: Uskov I. N., Dreval B. V. Draft methodology for identification of printed forms of flat offset printing using computer technology. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):203–208. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-203-208. EDN: OJUHIQ.

На сегодняшний день сложилась ситуация, в рамках которой компьютерные технологии стали неотъемлемой частью социальной организации общества и производственных процессов. Не является исключением как судебно-экспертная деятельность в целом, так и технико-криминалистическая экспертиза документов в частности. А совершенствование технологий полиграфической печати в конкретных случаях привело к тому, что использование традиционной методики идентификации печатных форм становится невозможным. Поскольку мы уже затрагивали данную тематику [1], в настоящей работе считаем целесообразным только кратко остановиться на нашей точке зрения относительно понятия «компьютерная технология» и причинах, обусловливающих невозможность реализации указанной выше методики при предоставлении на экспертизу печатных форм, предназначенных для плоской офсетной печати.

Прежде чем предложить наше понимание термина «компьютерная технология» отметим, что в

© Усков И. Н., Древаль Б. В., 2023

ранее опубликованных работах мы использовали термин «цифровая технология» [2]. Однако в последующем пришли к мнению, что термин «компьютерная технология» является более точным и может определяться следующим образом: «компьютерная технология идентификации печатных форм — это определенный алгоритм действий по применению электронно-цифровых устройств и соответствующего программного обеспечения для решения идентификационной задачи». Элементами, составляющими предлагаемую технологию, являются:

♦ электронно-вычислительные машины;

♦ устройства, используемые для получения цифровых изображений исследуемых объектов (фотоаппараты, устройства для микросъемки, сканеры);

♦ программное обеспечение;

♦ алгоритм применения технических средств и программного обеспечения при идентификации печатных форм плоской офсетной печати.

Указание на невозможность идентификации плоских печатных форм в рамках реализации стадий традиционной методики основывается на том, что получить экспериментальные оттиски, необходимые для сравнительного исследования аналоговым способом, не представляется возможным. Обусловливается это потерей специфических свойств печатающих и пробельных элементов в течение нескольких часов после изготовления тиража по причине механического износа и затвердевания остатков краски на поверхности [2, с. 446].

На основе анализа литературных источников и осуществления эксперимента нам удалось установить, что идентификацию рассматриваемых объектов возможно осуществить с использованием компьютерной технологии.

Основная сущность применения указанной технологии состоит в том, что с применением цифровых средств запечатления (сканер, фотоаппарат, видеокамера, установленная на микроскоп), сопряженных с компьютером, на который установлена программа типа «Adobe Photoshop», возможно получение цифрового изображения как печатной формы, так и исследуемого оттиска. Кроме того, программы данного типа позволяют выделить из цветного изображения, выполненного плоской офсетной печатью, его составляющие, полученные с отдельной печатной формы, используемой для нанесения красочного изображения конкретного цвета.

Основываясь на позиции А. М. Зинина и Н. П. Майлис [3, с. 46], которую поддерживает Т. В. Аверьянова: «Конкретная, или частная, методика — методика решения конкретной экспертной задачи: либо результат приспособления, изменения типовой экспертной методики, либо плод творческого подхода эксперта к решению экспертной задачи» [4, с. 292], считаем, что использование рассматриваемой технологи применительно к этапам типовой методики идентификационного исследования образует частную методику идентификации объектов конкретного вида. В настоящей работе мы предлагаем проект рассматриваемой методики с надеждой на конструктивную дискуссию как среди ученых, так и экспертов-практиков, являющихся специалистами в области технико-криминалистической экспертизы документов.

Наименование методики: «Идентификация печатных форм плоской офсетной печати с использованием компьютерной технологии».

Объекты исследования:

♦ полиграфическая продукция, полученная способом плоской офсетной печати;

♦ печатные формы, предназначенные для плоской офсетной печати.

Вопросы, ставящиеся перед экспертом:

♦ выполнено ли изображение, содержащееся на исследуемом объекте, с применением печатной формы, представленной на исследование;

♦ выполнено ли изображение, содержащееся на исследуемом объекте, с применением печатных форм, представленных на исследование[1];

Стадии экспертизы:

♦ предварительное исследование;

♦ детальное (раздельное) исследование;

♦ сравнительное исследование;

♦ оценка результатов проведенного исследования; формирование и формулирование вывода;

♦ оформление результатов экспертизы.

Оборудование и программное обеспечение:

♦ оптический микроскоп с кратностью увеличения от 10 крат;

[1] Вопрос формулируется таким образом, что в случае, если на исследование будут предоставлены несколько печатных форм, они могут составлять полный комплект, необходимый для получения многоцветного или цветного изображения, либо часть соответствующего комплекта, либо относится к различным комплектам.

♦ ЭВМ в виде персонального компьютера;

♦ устройства, используемые для получения цифровых изображений исследуемых объектов: фотокамеры; камеры для микросъемки, устанавливаемые на микроскоп, либо являющиеся составными частями других устройств, например, видеоспектральных компараторов; сканеры;

♦ печатающие устройства, используемые на стадии оформления результатов исследования;

♦ программное обеспечение, включающее в себя операционную систему, графический редактор, десктопные приложения, используемые для работы с периферийными устройствами, подключаемыми к ЭВМ.

Последовательность действий эксперта.

1. Осмотр и фотографирование упаковки. В случае нарушения упаковки составляется Акт.

2. Проверка соответствия объектов, представленных на исследование, содержанию перечня объектов, который изложен в постановлении или определении о назначении экспертизы, и их фотографирование. При несоответствии составляется Акт и делается сообщение лицу, назначившему экспертизу.

3. Анализ содержания вопросов, сформулированных лицом, назначившим экспертизу, на предмет соответствия содержащихся в них задач, компетенции эксперта и наличия в экспертном учреждении необходимого оборудования.

4. Изучение обстоятельств дела, касающихся создания, хранения, эксплуатации как следообразующих объектов (печатные формы), так и следовоспринимающих (полиграфическая продукция, полученная способом офсетной печати).

5. Детальное изучение исследуемых объектов. Начинается с изучения общих признаков: размер изображения; композиция и общее содержание; расположение и взаиморасположение структурных частей; содержание текста иллюстративных изображений; размер кегля и начертание печатных знаков; способ печати оттиска; назначение (для какого вида печати используется) и способ изготовления печатной формы (форм). Выявление указанных признаков осуществляется в соответствии с положениями общей методики идентификационного исследования бланков документов [5], в связи с чем в настоящей работе не рассматривается. В случае, если оттиск получен способом офсетной печати, а печатная форма (формы) предназначена (предназначены) для этого способа, эксперт осуществляет следующие действия.

I. Получение цифровых изображений. Для получения соответствующих изображений производится фотографирование, либо сканирование с применением электронно-цифровых запечатляющих устройств, таких как фотоаппараты, видеокамеры, в том числе сопряженные с микроскопом, либо установленные в видеоспектральных компараторах, планшетные сканеры. Использование указанных устройств имеет некоторую специфику.

Особенности использования планшетных сканеров, которые, по нашему мнению, дают возможность получить качественные изображения при минимальных затратах времени работы эксперта, рассмотрим на примере использования сканера «Epson Perfection V350 PHOTO» и программы «Epson Scan». В окне программы необходимо выставить следующие параметры: 1. Режим — «Профессиональный». 2. Тип документа — «Непрозрачный». 3. Тип автоэкспозиции — «Фото». 4. Тип изображения — «Цветной 48 бит». 5. Разрешение — «800 dpi»[2]. Формат файла «TIFF». Важным является расположение объекта на стекле сканера. Такие объемные объекты, как печатные формы и оттиски, должны быть четко выравнены относительно рамки стекла. Начинать сканирование целесообразно с исследуемого оттиска (представленного документа). Если изображение на оттиске по размеру больше, чем рабочая поверхность сканера, то его можно разделить на участки, а затем получить их изображение и работать с ними. Должное внимание необходимо уделить формату получаемых файлов. Наиболее оптимальным форматом при сканировании рассматриваемых объектов является «TIFF».

В случае использования для получения рассматриваемых изображений фото- либо видеокамер следует соблюдать правила репродукционной и масштабной фотосъемки. При этом используемое освещение и режим работы фиксирующего устройства должны быть подобраны так, чтобы не было нарушения цветопередачи. А сохранение осуществлять в формате RAW.

II. Преобразование цветного изображения исследуемого оттиска в отдельные изображения, образованные конкретными красками цветовой модели «CMYK».

[2] При необходимости возможно сканирование с большим по значению разрешением.

Достигается это путем размещения исходного изображения в редакторе «Adobe Photoshop»[3] и включения соответствующего режима. Далее разделяем изображения по каналам цветов (Cyan, Magenta, Yellow, Black).

III. Оценка совокупности признаков, отобразившихся в цифровых изображениях.

Изучаются как изображения, полученные путем выделения цветовых каналов, так и изображения, полученные при сканировании (фотографировании) печатных форм; определяется количество и качество запечатленных в них признаков. В случае, если объем и качество признаков позволяет сделать умозаключение об образовании ими индивидуальной совокупности, то эксперт переходит к сравнению.

Рис. 1. Ступенчатая конфигурация элементов

Рис. 2. Извилистая форма краев элементов

6. Сравнительное исследование.

Сравнение признаков целесообразно осуществлять в два этапа. На первом этапе сравниваются вышеприведенные общие признаки печатной формы и оттиска, наблюдаемые как визуально, так и микроскопически. Если выявляются реальные различия в данных признаках, то нет необходимости в дальнейшем исследовании и можно переходить к следующей стадии. В случае их совпадения проводится второй этап, в рамках которого сравниваются признаки, наблюдающиеся в изображениях, что позволяет сравнить признаки четырех[4] печатных форм, с изображением их оттисков, получаемых краской конкретного цвета.

Сравниваемыми частными признаками будут являться: особенности строения элементов печатных знаков или их отдельных частей, например, конфигурация элементов — ступенчатая (рис. 1); форма краев — извилистая (рис. 2) и другие конструктивные или эксплуатационные особенности, расположенные в конкретных местах.

Если исследуемый оттиск получен с растрированных форм, то существенными частными признаками будут являться: количество, форма, размеры, расположение и взаиморасположение растровых элементов на печатной форме и оттиске. Совпадения и различия указанных выше и других признаков устанавливаются путем сопоставления и наложения одномасштабных изображений, одно из которых делается полупрозрачным (рис. 3, 4, 5).

7. Оценка результатов и формирование вывода.

Если, оценивая результаты исследования, эксперт устанавливает совпадение общих и частных признаков при наличии несущественных и объяснимых различий, то формируется вывод о том, что исследуемое изображение получено способом офсетной печати с использованием исследуемой печатной формы или

[3] Возможно использование иного графического редактора, позволяющего осуществлять аналогичные преобразования.

[4] Если на исследование представляется монохромный оттиск и одна печатная форма, либо многоцветный, состоящий из меньшего количества цветов, и количество печатных форм меньшее чем четыре, либо цветной и неполный комплект печатных форм, то количество изображений, используемых для сравнения, будет иное.

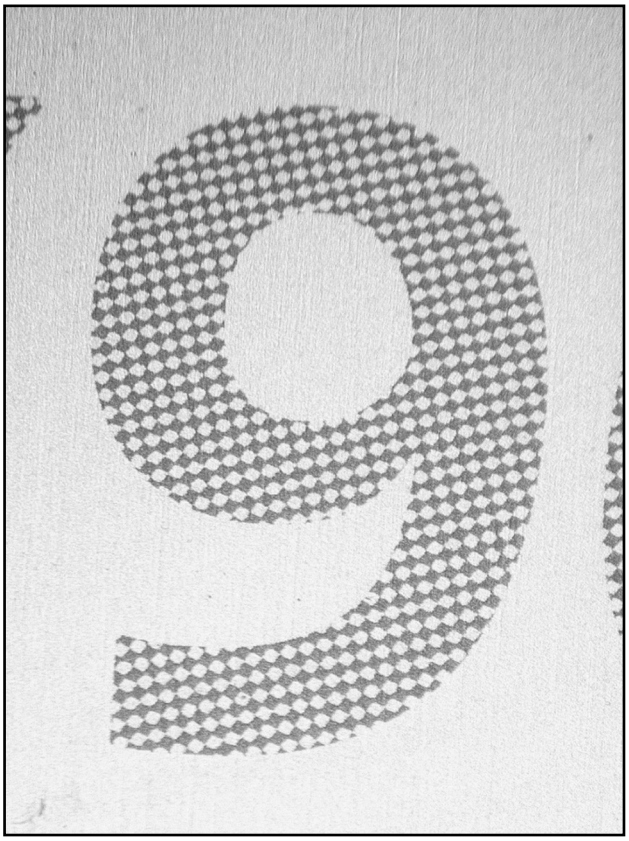

Рис. 3. Фрагмент изображения печатной формы для голубого цвета

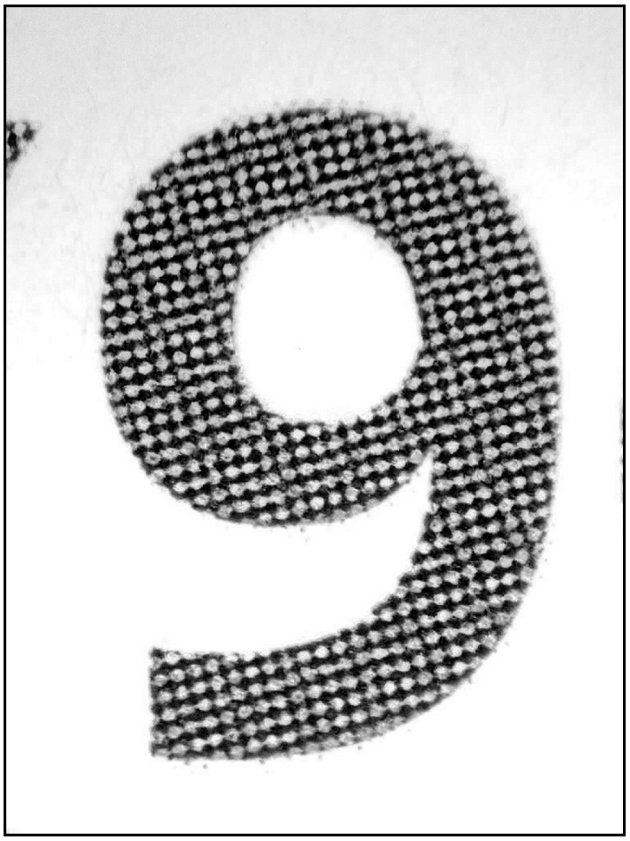

Рис. 4. Фрагмент оттиска, выполненного голубой краской

исследуемых печатных форм (при предоставлении нескольких форм, входящих в один комплект для получения многоцветного или цветного оттиска).

При установлении различий в общих признаках формируется вывод о том, что при создании исследуемого изображения, полученного способом офсетной печати, не использовалась(лись) печатная(ные) форма(мы), представленная(ные) на исследование. Аналогичный вывод делается при обнаружении совпадений по общим признакам и различий по частным.

Вывод в форме «решить вопрос об использовании или неиспользовании представленной(ных) печатной(ных) формы(форм) для получения исследуемого оттиска не представляется возможным» может быть сформирован в случае предоставления объектов, непригодных для идентификационного исследования, либо при совпадении общих признаков и равноценных совокупностях совпадающих и различающихся частных признаков.

8. Оформление результатов исследования осуществляется в соответствии с требованиями процессуального законодательства и рекомендациями, содержащимися в ведомственных нормативных актах, определяющих порядок производства экспертиз.

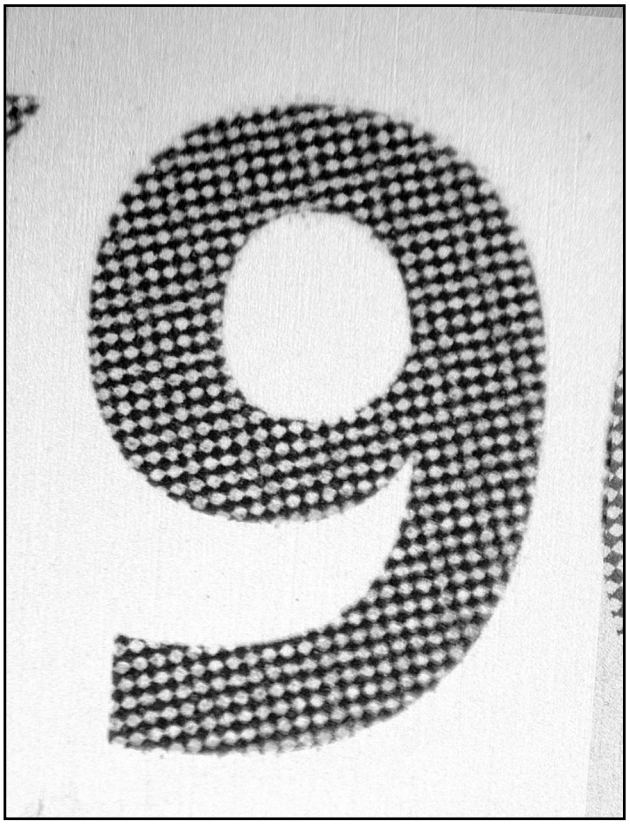

Рис. 5. Наложение одномасштабных фрагментов изображений печатной формы для голубого цвета и оттиска, выполненного голубой краской

Подводя итог вышеизложенному, представляется целесообразным отметить:

♦ современная компьютерная технология позволяет получать цифровые изображения печатных форм, предназначенных для офсетной печати, и оттисков, полученных соответствующим способом, в качестве, которое дает возможность детального изучения их признаков;

♦ использование указанной выше технологии в порядке, приведенном в предложенном проекте методики, позволяет осуществлять идентификацию печатной формы (форм) по оттиску.

Список источников

1. Усков И. Н. О возможности использования цифровых изображений в процессе идентификации печатных форм / Современные тенденции развития технической экспертизы документов и судебно-портретной экспертизы: мат. всерос. конф., посвященной 100-летию А. А. Гусева. М., 2021. С. 170–172.

2. Усков И. Н., Древаль Б. В. О свойствах современных печатных форм для плоской печати, значимых для их идентификации. Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности: междунар. конф. (24 июня 2021 г.): сб. науч. тр. / сост. В. В. Бушуев. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 443–448.

3. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза: учебник. М. : Юрайт : Право и закон, 2002.

4. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М. : Норма, 2009.

5. Мирский Д. Я., Поташник Д. П., Саванов Л. П. и др. Экспертиза бланков документов // Судебно-техническая экспертиза документов: учеб.-метод. пособие. М. : ВНИИСЭ, 1973.

References

1. Uskov I. N. On the possibility of using digital images in the identification of printed forms / Modern trends in the development of technical examination of documents and forensic portrait examination: mat. All-Russian conference dedicated to the 100th anniversary of A. A. Gusev. M., 2021. P. 170–172.

2. Uskov I. N., Dreval B. V. On the properties of modern printing plates for flat printing, significant for their identification. Actual problems of forensic expert activity: international conference (June 24, 2021): collection of scientific tr. / comp. V. V. Bushuev. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2021. P. 443–448.

3. Zinin A. M., Mailis N. P. Forensic examination: textbook. M. : Yurayt : Law and the law, 2002.

4. Averyanova T. V. Forensic examination: a course of general theory. M. : Norm, 2009.

5. Mirsky D. Ya., Potashnik D. P., Savanov L. P., etc. Examination of forms of documents // Forensic technical examination of documents: textbook.- method. manual. M. : VNIISE, 1973.

Информация об авторах

И. Н. Усков — доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Б. В. Древаль — командир взвода факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

I. N. Uskov — Associate Professor of the Department of Document Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

B. V. Dreval — Platoon Commander of the Faculty of Staff Training for Operational Police Units of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 343.982.4
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-209-213
EDN: https://elibrary.ru/ocklck
NIION: 2003-0059-3/23-701
MOSURED: 77/27-003-2023-03-900

Современное состояние и перспективы развития криминалистической диагностики почерка

Геннадий Витальевич Фирсов
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, va4all@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, касающиеся современного состояния и перспектив развития криминалистической диагностики почерка. Определяются возможные направления научных изысканий, которые позволят обеспечить комплексное развитие данной области криминалистических знаний.

Ключевые слова: почерковедение, криминалистическая диагностика, диагностические исследования, почерк
Для цитирования: Фирсов Г. В. Современное состояние и перспективы развития криминалистической диагностики почерка // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 209–213. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-209-213. EDN: OCKLCK.

Original article

The current state and prospects for the development of forensic handwriting diagnostics

Gennady V. Firsov
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, va4all@yandex.ru

Abstract. The issues concerning the current state and prospects for the development of forensic handwriting diagnostics are considered. Possible directions of scientific research that will allow for the comprehensive development of this area of forensic knowledge are determined.

Keywords: handwriting, forensic diagnostics, diagnostic studies, handwriting
For citation: Firsov G. V. The current state and prospects for the development of forensic handwriting diagnostics. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):209–213. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-209-213. EDN: OCKLCK.

В практике раскрытия и расследования преступлений важную роль играет судебная экспертиза, в том числе такой ее вид, как судебно-почерковедческая экспертиза. Являясь одной из самых сложных традиционных криминалистических экспертиз, она также входит в число наиболее распространенных.

Развитие почерковедения и его практическое применение в виде почерковедческой экспертизы в целях реализации задач борьбы с преступностью, помимо поиска новых решений в рамках изучения собственно почерковых объектов, тесно связаны с достижениями в областях знаний, изучающих разные стороны исследования почерка, а также с развитием криминалистической техники и научно-техническим прогрессом.

Необходимо отметить важную особенность судебно-почерковедческой экспертизы — стабильную востребованность со стороны судебных органов, оперативно-розыскных подразделений и лиц, проводящих предварительное следствие.

Приращение криминалистической диагностики почерка, в том числе и знаниями близких по исследуемому объекту отраслей наук — судебной медицины, психологии и др. — утвердившаяся положительная практика, которая вместе с развитием собственного потенциала способствует совершенствованию имеющихся и созданию новых, более эффективных методов экспертного исследования почерка. Все это помогает получать имеющую значение для раскрытия и расследования преступления доказательственную информацию.

Как известно, любая развитая наука содержит в какой-либо особой форме как эмпирические, так и теоретические уровни исследования [1, с. 54]. С уче-

© Фирсов Г. В., 2023

том сказанного практика производства экспертиз такого сложного и комплексного объекта исследования, как почерк является лишь одной, несомненно, важной, из составляющих развития криминалистической диагностики почерка. И только их синтез гарантирует уверенную и эффективную эволюцию, позволяющую усовершенствовать как научное, так и методическое обеспечение при решении задач данного вида.

На текущий момент данные разделы криминалистики представлены довольно широким комплексом специальных методик (методов), нацеленных на решение диагностических экспертных задач собственного, ситуационного и классификационного характера.

Тем не менее, методическая схема решения собственно-диагностических и ситуационно-диагностических исследований нуждается в поиске и анализе надежных средств дифференциации как внутреннего состояния исполнителя рукописи, так и признаков, позволяющих сделать вывод об обстановке, в которой происходила почерковая реализация. Об актуальности исследований почерка, выполненных в состояниях нервных расстройств душевной деятельности (алкогольное и наркотическое опьянение, недоразвитие, хронические психические заболевания и т. д.) свидетельствуют, в том числе, данные Всемирной организации здравоохранения. На 8 июня 2022 г. во всех регионах мира наблюдается существенный рост числа психически больных людей, представляющих разные возрастные и иные социальные группы общества: «В 2019 г. каждый восьмой человек на планете, т. е. в общей сложности 970 млн человек, страдал психическим расстройством, причем наиболее распространенными были тревожные и депрессивные состояния. В 2020 г. на фоне пандемии COVID-19 число таких людей значительно возросло. По предварительным оценкам только за один год распространенность тревожных и серьезных депрессивных расстройств увеличилась на 26 и 28 % соответственно» [2]. Эта ситуация не может не отражаться на состоянии и характере современной преступности. По этой причине научные исследования в области криминалистической диагностики почерка, разработка и внедрение в практику новых методов исследования таких объектов, повысят эффективность экспертных подразделений, что положительно отразится на времени раскрытия и качестве расследования преступлений.

Касаясь истории вопроса в целях определения отправной точки отсчета диагностических исследований почерка, то назвать время первых шагов к решению почерковедами диагностических задач довольно сложно. Более того, обозначение определенной даты здесь не является принципиальным. Потребности правоохранительной системы в целом и правосудия того периода в частности предопределили проведение диагностических исследований. Возникла необходимость в использовании специальных знаний в области науки, техники, искусства и ремесла для решения дел в суде.

Несомненно, история развития человеческой цивилизации периодически сталкивалась со случаями использования результатов диагностирования объектов в целях раскрытия и расследования преступлений лицами. В этом случае субъектами выступали лица, сведущие в науке, технике, искусстве и ремесле. Развитие человеческого общества трансформировало и предмет, и форму таких исследований, что повлекло за собой и изменение применяемых методов. Основа таких изменений — повышение уровня разработанности вопросов научного и методического плана в области диагностических исследований. Варьировалась и степень востребованности результатов диагностических исследований практикой. На наш взгляд, это относится и к криминалистической диагностике почерка.

От первых шагов в исследовании почерка с целью решения диагностических задач до настоящего времени можно выделить несколько крупных этапов, характерные черты которых отражают состояние дел на практике, позволяя установить периоды развития криминалистической диагностики почерка (рис. 1).

Исследования в области криминалистической диагностики почерка нашли отражение в работах известных отечественных и зарубежных ученых: Л. Е. Ароцкера, Е. Ф. Буринского, М. В. Бобовкина, Г. И. Борягина, С. М. Вул, З. И. Кирсанова, А. А. Куприяновой, Б. М. Комаринца, А. П. Рогозина, В. Ф. Орловой, Г. А. Самойлова, В. В. Серегина, В. В. Томилина, В. А. Трубниковой, В. Н. Суровикина, М. В. Шванковой, В. П. Юдина, К. Пурика, О. Хилтона и др. В основе общенаучной и теоретической базы криминалистических знаний лежат труды этих ученых. Важным сегментом работ этих ученых стали исследования письменной речи и по-

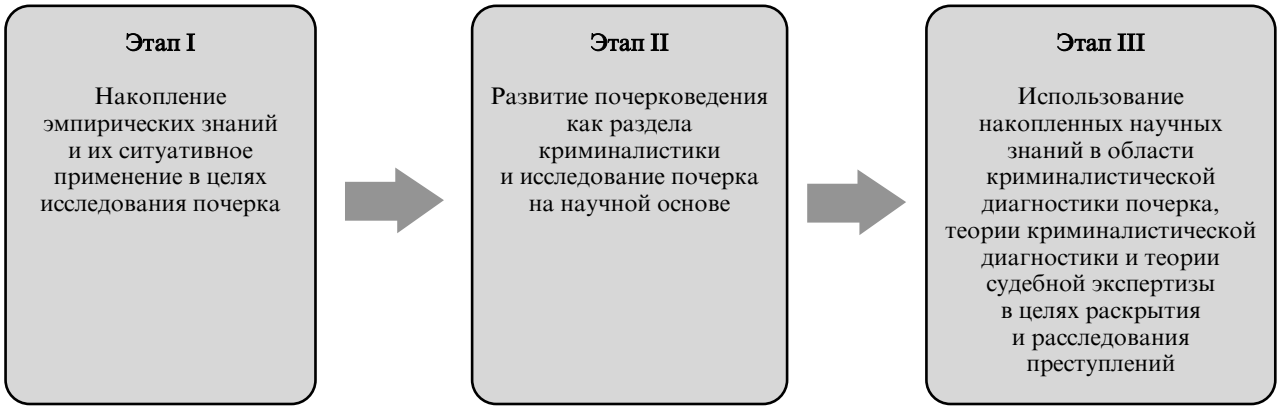

Рис. 1. Этапы развития научных основ криминалистической диагностики почерка

черка в направлении систематизации диагностических признаков, определении их значимости. Наконец, их исследования лежат в основе методики и организации производства диагностических почерковедческих экспертиз.

Как отмечалось ранее, на современном этапе развития криминалистической диагностики почерка важно обращать внимание как на новые подходы в криминалистике, так и пристально следить за последними достижениями в области естественно-научных исследований почерка, а также теории судебной экспертизы. Это влечет за собой совершенствование ряда теоретических, методических и организационных положений, в том числе: отдельные методические схемы решения диагностических задач, вопросы организации процесса исследования и др.

Следовательно, направления совершенствования криминалистической диагностики почерка заключаются в совершенствовании ее теоретических, методических и организационных положений. Для этого необходимо решить ряд задач, связанных с изучением генезиса и современного состояния криминалистической диагностики почерка, а также определить наиболее перспективные направления ее развития; проанализировать основные теоретические положения и выработать актуальные определения основных понятий криминалистической диагностики почерка; попытаться дополнить основные положения методики криминалистической диагностики почерка; модернизировать, а в случае отсутствия разработать основные методические схемы решения данных задач; провести анализ практики назначения, производства диагностических исследований почерковых объектов и использования полученных результатов, а также подготовить рекомендации в соответствии с потребностями современной теории и практики криминалистической диагностики почерка.

Необходимо отметить, что почерковеды в настоящее время сталкиваются с определенным дефицитом научных данных о современном состоянии исследований в области криминалистической диагностики почерка, актуальных рекомендаций по подготовке материалов для производства в сфере криминалистической диагностики почерка, а также специфике основных организационных положений проведения диагностических исследований.

Таким образом, только синтез практической деятельности и активных научных изысканий является фундаментом эффективного развития почерковедения и почерковедческой экспертизы, на базе которых можно выстроить высококачественное научное и методическое обеспечение экспертных исследований при решении диагностических задач почерковедческой экспертизы. Криминалистическая диагностика почерка в направлении расширения теоретических знаний включает выявление объективных данных о свойствах исполнителя рукописи и состояниях, в которых происходила почерковая реализация. Следующий шаг научных изысканий — анализ выявленных закономерностей и их точное объяснение, что, несомненно, повысит эффективность проведения оперативно-розыскных мероприятий, деятельность следователя в ходе предварительного расследования преступления и, наконец, качество работы судебной системы.

Список источников

1. Винберг А. И., Шляхов А. Р. Общая характеристика методов экспертного исследования // Общее учение о методах судебной экспертизы: сб. науч. тр. № 28. М. : ВНИИСЭ, 1977. С. 54–93.

2. Всемирная организация здравоохранения. Психические расстройства // URL://https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders.

References

1. Vinberg A. I., Shlyakhov A. R. General characteristic of methods of expert examination // General teaching on methods of forensic examination: collection of scientific works. № 28. M. : All-Russian Research Institute of Forensic Examinations, 1977. P. 54–98.

2. World Health Organization. Mental disorders // URL://https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders.

Библиографический список

1. Ароцкер Л. Е. Предмет неидентификационных исследований в судебном почерковедении // Криминалистика и судебная экспертиза. 1970. Вып. 7. С. 141–149.

2. Герасимов А. Н., Погибко Ю. Н., Хускивадзе Т. Х. Установление пола исполнителя текста, выполненного почерком высокой и выше средней степени выработанности: метод. письмо. М., 1993.

3. Бобовкин М. В. Возможности судебно-диагностического исследования письма лиц, находящихся в психопатологических состояниях: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998.

4. Бобовкин М. В. Теория и практика судебно-диагностической экспертизы письма лиц, находящихся в психопатологическом состоянии: моногр. Волгоград : ВА МВД России, 2005.

5. Бобовкин С. М. Криминалистическая диагностика психопатологического состояния исполнителя рукописных текстов малого объема и кратких записей: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2016.

6. Исматова Т. И. Теоретические и методические проблемы криминалистического исследования рукописей, выполненных с переменой привычной пишущей руки: дисс. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

7. Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: науч.-практ. пособие. М. : Норма-Инфа, 1998.

8. Купин А. Ф. Криминалистическое исследование рукописей, выполненных с подражанием почерку другого лица: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2012.

9. Куприянова А. А. Теоретические основы и методика судебно-почерковедческих диагностических исследований: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М., 1982.

10. Неидентификационные исследования в почерковедческой экспертизе / отв. ред. Л. Е. Ароцкер. Киев : Издательство «РИО МВД УССР», 1972.

11. Орлова В. Ф., Погибко Ю. Н. Современное состояние и перспективы развития судебного почерковедения и судебно-почерковедческой экспертизы // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. М. : ВНИИСЭ, 1987. С. 26–36.

12. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть: метод. пособие для экспертов, следователей, судей / под общ. ред. В. Ф. Орловой. М. : ВНИИСЭ, 1988. Вып. 1.

13. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть: метод. пособие для экспертов, следователей, судей / под общ. ред. В. Ф. Орловой. М. : ВНИИСЭ, 1988. Вып. 2.

14. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теор. и метод. основы / под науч. ред. В. Ф. Орловой. М. : Наука, 2006.

15. Томилин В. В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма. М. : Медицина, 1974.

Bibliographic list

1. Arotsker L. E. The subject of non-identification studies in forensic handwriting science // Criminology and forensic expertise. 1970. Vol. 7. P. 141–149.

2. Gerasimov A. N., Pogibko Y. N., Khuskivadze T. Kh. Identification of the gender of the performer of a text made in handwriting of high and above average degree of development: method letter. M., 1993.

3. Bobovkin M. B. Possibilities of forensic-diagnostic study of the writing of persons in psychopathological states: diss. ... candidate of law sciences. Volgograd, 1998.

4. Bobovkin M. V. Theory and practice of forensic diagnostic examination of letters of persons in a psychopathological state: monograph. Volgograd : Volgograd Higher Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005.

5. Bobovkin S. M. Criminological diagnostics of the psychopathological state of the executor of handwritten texts of small volume and brief records: diss. ... candidate of law sciences. Volgograd, 2016.

6. Ismatova T. I. Theoretical and methodological problems of forensic investigation of manuscripts made

with a change of habitual writing hand: diss. ... candidate of law sciences. Volgograd, 2004.

7. Korukhov Yu. G. Criminological diagnostics during the investigation of crimes: scientific and practical manual. M. : Norma-Infa, 1998.

8. Kupin A. F. Criminological study of manuscripts imitating the handwriting of another person: diss. ... candidate of law sciences. M., 2012.

9. Kupriyanova A. A. Theoretical bases and methodology of forensic penmanship diagnostic studies: autoref. diss. ... candidate of law sciences. M., 1982.

10. Non-identification studies in handwriting examination / ed. by L. E. Arotsker. Kiev : Publishing house «RIO of the Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR», 1972.

11. Orlova V. F., Pogibko Y. N. Modern state and prospects of development of forensic handwriting and forensic handwriting expertise // Modern state and prospects of development of traditional types of forensic expertise. M. : All-Russian Research Institute of Forensic Examinations, 1987. P. 26–36.

12. Judicial and penmanship expertise. General part: methodical manual for experts, investigators, judges / ed. by V. F. Orlova. M. : All-Russian Research Institute of Forensic Examinations, 1988. Vol. 1.

13. Forensic and penmanship expertise. General part: methodical manual for experts, investigators, judges / ed. by V. F. Orlova. M. : All-Russian Research Institute of Forensic Examinations, 1988. Vol. 2.

14. Forensic penmanship expertise: general part: theoretical and methodological bases / edited by V. F. Orlova. M. : Nauka, 2006.

15. Tomilin V. V. Fundamentals of forensic examination of writing. M. : Medicine, 1974.

Информация об авторе

Г. В. Фирсов — преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России.

Information about the author

G. V. Firsov — Lecturer of the Department of Document Research of the educational and scientific complex of Expert and Criminalistic Activity of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

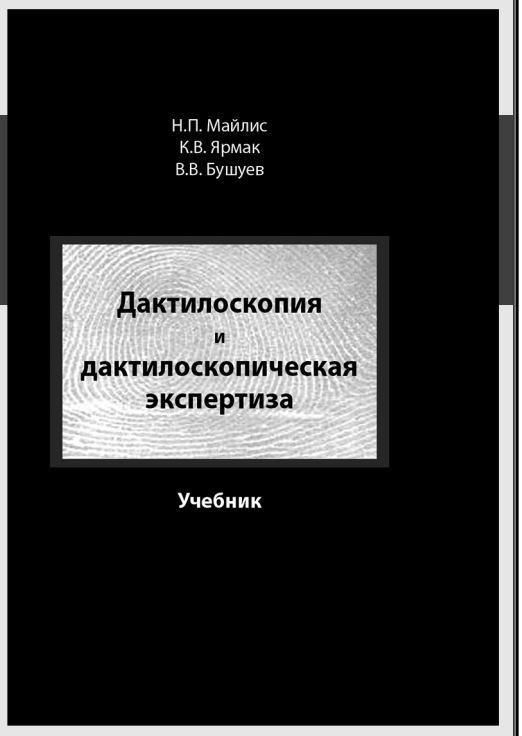
The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

ДАКТИЛОСКОПИЯ
И ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Учебник
Гриф Международного НИЦ
судебной экспертизы и исследований
Гриф НИИ образования и науки
Н. П. Майлис, К. В. Ярмак, В. В. Бушуев

Излагается материал по учебной дисциплине «Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза» для обучающихся по специальности высшего образования 40.05.03 «Судебная экспертиза». Рассматриваются научные основы дактилоскопии и дактилоскопической экспертизы. Раскрываются частные методики экспертных исследований.

Для слушателей и преподавателей экспертно-криминалистических факультетов вузов МВД России. Может быть полезен для практических работников экспертных и следственных подразделений, адъюнктов, а также интересующихся данной тематикой.

Научная статья
УДК 34:001.4
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-214-218
EDN: https://elibrary.ru/prirtg
NIION: 2003-0059-3/23-702
MOSURED: 77/27-003-2023-03-901

О подготовке диссертационных исследований по юридическим наукам в свете изменений номенклатуры научных специальностей

Ольга Викторовна Химичева[1], Игорь Борисович Тутынин[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] olga-him@mail.ru
[2] tutig@rambler.ru

Аннотация. Освещаются проблемы подготовки диссертаций по юридическим наукам, которые обусловлены изменениями номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. Проанализированы причины указанных изменений, их содержание и обозначены последствия для развития юридических наук. Делается вывод, что изменение номенклатуры научных специальностей повлияло не только на переформатирование и переорганизацию процедур выбора и утверждения тем диссертационных исследований, подготовки текста рукописи, учебно-методического обеспечения учебных занятий по дисциплинам о научных специальностях при обучении в аспирантуре (адъюнктуре), подготовке и проведении публичных защит диссертаций. Главным результатом реформы видится перспектива создания условий для проведения междисциплинарных и мультидисциплинарных исследований, отвечающих современным вызовам научному сообществу.

Ключевые слова: номенклатура научных специальностей, присуждение научной степени, юридические науки, уголовно-правовые науки, диссертационное исследование

Для цитирования: Химичева О. В., Тутынин И. Б. О подготовке диссертационных исследований по юридическим наукам в свете изменений номенклатуры научных специальностей // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 214–218. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-214-218. EDN: PRIRTG.

Original article

On the preparation of dissertation research on the legal sciences in the light of changes in the nomenclature of scientific specialties

Olga V. Khimicheva[1], Igor B. Tutynin[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] olga-him@mail.ru
[2] tutig@rambler.ru

Abstract. The problems of the preparation of dissertations in the legal sciences, which are caused by changes in the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded, are highlighted. In particular, the reasons for these changes, their content and consequences are presented. As a result, the author comes to the conclusion that the changes that have occurred should be recognized as significant, complex, multifaceted and timely. It is emphasized that they will oblige to take measures to reformat and reorganize the procedures for selecting and approving the topics of dissertation research, preparing the text of the manuscript, providing educational and methodological support for academic classes in the disciplines of scientific specialties when studying in graduate school (adjunct), preparing and conducting public defense of dissertations. As a result, we see the prospect of creating conditions for conducting interdisciplinary and multidisciplinary research that meets modern challenges to the scientific community.

Keywords: nomenclature of scientific specialties, award of a scientific degree, legal sciences, criminal law sciences, dissertation research

For citation: Khimicheva O. V., Tutynin I. B. On the preparation of dissertation research on the legal sciences in the light of changes in the nomenclature of scientific specialties. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):214–218. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-214-218. EDN: PRIRTG.

Термин «номенклатура» применяется во многих областях жизнедеятельности в целях признания системности составляющих элементов, построения сложных взаимосвязанных структур, с раскрытием сущностных характеристик. Для научных знаний это максимально важно. Их стремительное развитие, множественность направлений, сложности в отслеживании, потребность в нормативном регулировании, — предопределили необходимость разработки и внедрения, а затем и упорядочения номенклатур научных специальностей.

Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 [5] по-новому изложил номенклатуру научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, что неизбежно и существенным образом трансформирует и работу соискателей, готовящих диссертационные исследования, и деятельность дис-

© Химичева О. В., Тутынин И. Б., 2023

сертационных советов, а также всех лиц, участвующих в процедуре присвоения ученых степеней.

В новую номенклатуру вошли 34 группы научных специальностей (ранее было 52), представляющие 351 специальность (раньше 430). Появилась 21 абсолютно новая специальность. Например, в новую группу «Компьютерные науки и информатика» включены специальности об искусственном интеллекте и машинном обучении, о кибернетике и кибербезопасности. «Политическая психология», признанная невостребованной и исключенная из обновленного перечня, уступила место «Клинической психологии» и «Возрастной психологии» [3].

Указанные изменения стали результатом весьма обстоятельной экспертной работы ученых и специалистов РАН, университетов, научно-исследовательских институтов, а также Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (далее — ВАК).

По свидетельству председателя ВАК В. М. Филиппова, в новой номенклатуре учтены положения Стратегии научно-технологического развития РФ [6], она одобрена на заседании президиума Госсовета и Совета при Президенте РФ по науке и образованию [1].

Но каковы причины указанных выше изменений научных специальностей?

Во-первых, очевидно, требовалось обновить и актуализировать наименование научных специальностей, что принято производить во всем мире.

Во-вторых, введение новых специальностей, их инновационное группирование, создают условия для развития перспективных научных направлений. Следуя общемировому тренду, необходимо пойти по пути укрупнения научных специальностей, а также стимулирования междисциплинарных и мультидисциплинарных исследований [1]. По утверждению председателя ВАК В. М. Филиппова, указанные изменения связаны с планомерным и динамичным развитием российской науки, которая все больше нуждается в гибком и междисциплинарном подходе [3].

В-третьих, номенклатура и содержание научных специальностей должны отвечать стратегическим направлениям развития отечественной науки в соответствии со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации.

В-четвертых, обновленный перечень и названия научных специальностей призваны интегрировать нашу науки в международную научную среду. Даже в условиях сложной международной обстановки нельзя не учитывать общемировые научные тренды.

Представляется, что новая номенклатура научных специальностей повысит уровень подготовки научных кадров, придаст больше доверия деятельности диссертационных советов, а также оптимизирует отбор так называемых «ВАКовских» научных журналов.

По наблюдениям Е. Ю. Грачевой, председателя экспертного совета по праву ВАК, новая номенклатура увеличивает потенциалы по проведению исследования проблемы правового регулирования, в том числе ранее не урегулированных правом сфер общественной жизни комплексно, с учетом особенностей и возможностей различных отраслей права, на основе междисциплинарного подхода, что позволит уточнить научную оценку существующих проблем, выработать научно обоснованные решения, используя совокупность юридических форм и методов правового регулирования [2, с. 11–12].

Если говорить о юридических науках, то номенклатура, утвержденная приказом Минобрнауки России от 23 ноября 2017 г. № 1027, предусматривала 15 научных специальностей и не запрещала углубляться в исследуемые явления, но зачастую приводила к сужению тем диссертационных исследований. Проблематично было признать наличие междисциплинарных и межотраслевых подходов к решению научных проблем. Соискатели ученых степеней могли сталкиваться с искусственными преградами между смежными отраслями права, приводящими при комплексном исследовании к необходимости проводить защиту по нескольким научным специальностям.

Однако, изменение номенклатуры, вследствие чего мы вместо 15 юридических научных специальностей получили 5, не повлекло механического объединения, некоторые существовавшие ранее специальности были разделены и рассредоточены по новой номенклатуре.

Так, если говорить о научной специальности 5.1.4 — уголовно-правовые науки, то она объединила три ранее существовавшие специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 — уголовный процесс; 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. В то же время, прежняя 12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность растворилась в двух новых специальностях 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки (в части исследований судебной системы, судоустройства, правового статуса судей, прокуратуры,

правового регулирования правоохранительной и правозащитной деятельности) и 5.1.4 — уголовно-правовые науки (применительно к правоохранительным органам в сфере борьбы с преступностью и международному сотрудничеству в данной области).

В результате введения новой номенклатуры научных специальностей среди наиболее животрепещущих будущих проблем назовем лишь некоторые из них: 1) сложности при изменении общепринятых и устоявшихся подходов при выборе и формулировании темы диссертации; 2) затруднения, особенно на первоначальном этапе, при подготовке и сдаче кандидатского экзамена по специальности; 3) организационные и правовые препятствия при переформатировании диссертационных советов; 4) ощутимые, а в отдельных случаях болезненные изменения в подходах к издательской деятельности, к требованиям, к результатам научной деятельности в виде соответствующих публикаций в журналах перечня ВАК.

Выбор темы диссертации в формулировке, которая отражает ее содержание, в дальнейшем обусловливает соответствие критериям, выдвигаемым к исследованиям на соискание ученой степени: теоретическую новизну, основательность, научность подходов и методов исследования, вклад соискателя в развитие теории права, совершенствование законодательства и его правоприменения. Конечно, определение темы диссертационного исследования — творческий процесс самого соискателя и его научного руководителя, однако, укрупнение научных специальностей позволяет рассмотреть проблему комплексно с позиций различных отраслевых наук. К примеру, научные проблемы прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, очевидно, предполагают комплексное рассмотрение с позиций двух наук — уголовного права и уголовного процесса, и в этом случае диссертация будет соответствовать единой специальности 5.1.4 — уголовно-правовые науки и не потребует защиты по двум специальностям.

Вместе с тем, в объединении научных специальностей есть опасность того, что исследования будут носить поверхностный характер, затрагивая понемногу вопросы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и т. д. Представляется, что преодолеть эту проблему возможно за счет тщательной научной экспертизы диссертации, которая будет проходить рецензирование специалистов каждой затронутой в исследовании области.

Изменение номенклатуры привело к изменению сети диссертационных советов. Так, в настоящее время в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя в соответствии с новой номенклатурой созданы 6 диссоветов по 8 научным специальностям [4]. В частности, диссертационный совет 03.2.006.05 по научной специальности 5.1.4 — уголовно-правовые науки образован 20 августа 2022 г. приказом Минобрнауки Российской Федерации от 20 июля 2022 г. № 892/НК. Укрупнение научных специальностей, а также скорректированные требования к комплектованию диссертационных советов, например, по их количественному составу, как представляется, оптимизирует их деятельность, повышает уровень выполняемых диссертаций и расширяет доступность для соискателей процедуры защиты проведенного исследования.

Изменения коснулись положений о рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации (далее — рецензируемые издания). Положение о присуждении ученых степеней [7] в редакции постановления Правительства РФ от 26 сентября 2022 г. № 1690 установило, что основные научные результаты диссертации излагаются в рецензируемых изданиях, к которым приравниваются публикации в научных изданиях, индексируемых в международных базах данных, определяемых в соответствии с рекомендацией ВАК.

ВАК подготовила Рекомендации, в которых предложены обновленные требования к соискателям ученых степеней кандидата наук, доктора наук, к членам диссертационных советов, которые вводятся с 1 сентября 2023 г.

Так, в приложении № 1 Рекомендаций определено количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертаций.

Например, для диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук необходимо, чтобы было опубликовано не менее трех публикаций в рецензируемых научных изданиях, в числе которых могут быть указаны публикации в изданиях, индексируемых базой данных RSCI (Russian Scientific Citation Index — Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)), а также в изданиях, индексируемых международными базами данных, перечень которых определен в соответствии с рекомендациями ВАК.

Для диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук необходимо опубликование не менее 15 публикаций в рецензируемых научных изданиях, из которых не менее пяти публикаций в изданиях, отнесенных к категории К-1 или К-2, либо в

научных изданиях, индексируемых базой данных RSCI, научных изданиях из Q-1 или Q-2, индексируемых указанными выше международными базами данных.

Для диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, оформленных в виде научного доклада, приведенные выше условия соответствия дополняются тем, что публикации должны быть опубликованы за последние 10 лет, причем не менее 50 в научных изданиях, отнесенных к категориям К-1 или К-2 (в научных изданиях, индексируемых базой данных RSCI, или индексируемых международными базами данных), из которых не менее 50 % публикаций — к категории К-1, Q-1 или Q-2.

По юридическим наукам к кандидатам в члены диссертационных советов при рассмотрении ходатайств о создании диссертационных советов, возобновлении их деятельности или внесении частичных изменений в их составы, предъявляются следующие требования. Деятельность кандидатов оценивается за последние 5 лет, предшествующих дате подачи ходатайства. При этом количество публикаций (в изданиях, отнесенных к категории К-1 или К-2, либо в научных изданиях, индексируемых в базе данных RSCI, или в научных изданиях из Q-1 или Q-2) должно быть не менее восьми.

Информация о распределении рецензируемых журналов по категориям содержится в Письме ВАК от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 «О Перечне рецензируемых научных изданий».

Методика по оценке изданий, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, охватывает количественную (наукометрические показатели) и качественную (экспертную) составляющие.

Количественными показателями являются: 1) Science Index; 2) индекс Херфиндаля-Хиршмана; 2) индекс Джинни; 3) средний индекс Хирша авторов; 4) 10-летний индекс Хирша издания; 5) среднее число просмотров с среднем на одну статью за год. К качественным показателям относятся: 1) качество научных статей; 2) уникальность научных статей; 3) уровень авторитетности авторов; 4) качество организации рецензирования; 5) организация-учредитель.

Оценка экспертов советов ВАК по всем научным специальностям, по которым журналы входили в Перечень рецензируемых научных изданий, позволила представить итоговый список изданий, распределенный по категориям К-1, К-2, К-3. По результатам проведенного анализа наукометрических показателей все научные издания по коэффициенту научной значимости были расположены по убыванию в соотношении К-1 — 25 %, К-2 — 50 %, К-3 — 25 %.

Рекомендации ВАК проясняют, что журналы, входящие в международные базы данных Web of Science, Scopus, PubMed, MathSciNet, zbMATH, Chemical Abstracts, Springer или GeoRef и перечень журналов RSCI, признаются равными изданиям категории К-1. Отмечается, что обязанность наличия публикаций в указанных журналах, в настоящее время не применяется.

Итоговое место журнала следует предопределять по всем научным специальностям, закрепленным за ним соответствующим Распоряжением Минобрнауки России о его включении в указанный выше Перечень. Например, журналам Вестник Московского университета МВД России и Вестник экономической безопасности присвоена итоговая категория К-2.

В заключение отметим, что произошедшие изменения в номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, следует признать значимыми, комплексными, многоплановыми и своевременными. Предстоит их осмыслить и реализовывать на практике при выборе тем диссертационных исследований, при подготовке текста рукописи. Еще необходимо провести корректировку учебно-методических материалов и непосредственного проведения учебных занятий по дисциплинам о научных специальностях. В итоге не обойтись без реорганизаций при подготовке и проведении публичных защит диссертаций.

Такое переустройство может способствовать проведению междисциплинарных и мультидисциплинарных исследований, причем как внутри одной и (или) несколько отраслей права, так и вне классической системы права. Это приведет к необходимости разработки новых обеспечительных учебных дисциплин, позволяющих использовать указанную меж- и мультидисциплинарность, ориентируя молодых ученых на фундаментальные теоретические и специфичные прикладные аспекты.

Список источников

1. Емельяненков А. Министр Фальков утвердил новую номенклатуру научных специальностей // URL://https://rg-ru.turbopages.org/rg.ru/

2. Новая номенклатура научных специальностей в контексте развития юридической науки и подготовки научных кадров (интервью с Е. Ю. Грачевой) // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 10–15 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Теология вместе с искусственным интеллектом, или О чем свидетельствует обновленная номенклатура научных специальностей // URL://http://libinform.ru.

4. Советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданные на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя // URL://http://diss.mosumvd.com.

5. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 (ред. от 11 мая 2022 г.) «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 26 сентября 2022 г.) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») // СПС «Консультант Плюс».

References

1. Emelianenkov A. Minister Falkov approved the new nomenclature of scientific specialties // URL://https://rg-ru.turbopages.org/rg.ru/

2. New nomenclature of scientific specialties in the context of the development of legal science and training of scientific personnel (interview with E. Yu. Gracheva) // Russian Law Journal. 2021. № 2. P. 10–15 // SPS «ConsultantPlus».

3. Theology together with artificial intelligence, or what the updated nomenclature of scientific specialties shows // URL://http://libinform.ru.

4. Councils for thesis defense for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences, created on the basis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' // URL://http://diss.mosumvd.com.

5. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of February 24, 2021 № 118 (ed. from May 11, 2022) «On approval of the nomenclature of scientific specialties, on which scientific degrees are awarded, and amending the Regulations on the Council for thesis defense for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences, approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from November 10, 2017 № 1093» // SPS «ConsultantPlus».

6. Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 2016 № 642 // SPS «ConsultantPlus».

7. Decree of the Government of the Russian Federation of September 24, 2013 № 842 (ed. from September 26, 2022) «On the order of awarding academic degrees» (together with the «Regulations on the awarding of academic degrees») // SPS «ConsultantPlus».

Библиографический список

1. Вопрос-ответ // Минобрнауки России // URL:// https://minobrnauki.gov.ru.

Bibliographic list

1. Question-answer // Ministry of Education and Science of Russia // URL://https://minobrnauki.gov.ru.

Информация об авторах

О. В. Химичева — начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

И. Б. Тутынин — докторант факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. V. Khimicheva — Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation;

I. B. Tutynin — Doctoral student in the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.
The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 343
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-219-223
EDN: https://elibrary.ru/riedxc
NIION: 2003-0059-3/23-703
MOSURED: 77/27-003-2023-03-902

Современные методы прогнозирования преступности в Южной Африке

Виктор Анатольевич Шестак[1], Мария Павловна Хайлова[2]
[1,2] Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
[1] shestak.v.a@mgimo.ru
[2] miahailova@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются современные способы прогнозирования преступности в Южно-Африканской Республике Cross-Industry Standard Process for Data Mining. Насильственная преступность в Южной Африке характеризуется высокими показателями. Правоохранительные органы вынуждены хранить значительные массивы данных, которые в современных условиях могут быть использованы для криминологического прогнозирования. Однако точность в прогнозировании преступлений является основной проблемой. Подчеркивается ценность и эффективность использования интеллектуального анализа данных и машинного обучения в прогнозировании преступности.

Ключевые слова: преступность, Южная Африка, прогнозирование
Для цитирования: Шестак В. А., Хайлова М. П. Современные методы прогнозирования преступности в Южной Африке // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 219–223. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-219-223. EDN: RIEDXC.

Original article

Modern methods of crime prediction in South Africa

Victor A. Shestak[1], Mariya P. Khailova[2]
[1,2] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
[1] shestak.v.a@mgimo.ru
[2] miahailova@gmail.com

Abstract. Modern methods of crime forecasting in the Republic of South Africa Cross-Industry Standard Process for Data Mining are considered. Violent crime in South Africa is characterized by high rates. Law enforcement agencies are forced to store significant amounts of data, which in modern conditions can be used for criminological forecasting. However, accuracy is the main problem in predicting crimes. The value and effectiveness of using data mining and machine learning in crime forecasting is emphasized.

Keywords: crime, South Africa, prediction
For citation: Shestak V. A., Khailova M. P. Modern methods of crime prediction in South Africa. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):219–223. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-219-223. EDN: RIEDXC.

Преступность затрагивает практически все сферы человеческой жизни. Она оказывает негативное влияние на качество жизни и благополучие миллионов людей, также отрицательно воздействует на социально-экономическое развитие страны. Рост преступности создал ситуацию, при которой правоохранительные органы государств вынуждены генерировать существенное количество данных, анализ которых играет значительную роль в принятии решений по предотвращению будущих преступлений. Такой анализ помогает выявить закономерности преступности и предпринять меры по противодействию ей.

ЮАР — одно из государств с исторически самым высоким уровнем преступности в мире. Так, например, в отчете полиции о зарегистрированных преступлениях за период с апреля по июнь 2022/2023 гг., содержится информация о росте убийств, грабежей при отягчающих обстоятельствах, краж. В материалах, предоставленных полицией ЮАР, с января по март 2022 г. был зафиксирован рост отдельных ви-

© Шестак В. А., Хайлова М. П., 2023

дов преступлений: против личности, против собственности и в сфере экономической деятельности. Так, в частности, количество убийств увеличилось на 22,2 %, нападения с целью нанесений тяжких телесных повреждений выросли с 36 417 до 42 992 [1].

К 1995 г. Южная Африка занимала второе место в мире по количеству убийств. Однако в течение нескольких лет их уровень снижался, но в последние годы вновь наблюдается тенденция роста их количества. Число убийств в 2022 г. увеличилось на 11,5 %, количество покушений на убийство выросло на 8,4 %. Преступления, связанные с насилием, и убийства растут быстрее, чем любая другая преступность в Южной Африке. Это связано с такими факторами, как низкий уровень образования, период пост-апартеида, злоупотребление алкоголем, отсутствие социальных и профессиональных навыков, плохие условия жизни [2].

В ЮАР создан и функционирует Институт исследований в области безопасности (The Institute for Security Studies — далее ISS [3]), который занимается укреплением безопасности человека для обеспечения устойчивого развития и экономического процветания в Африке. В 2010 г. ISS запустил удобный для пользователей веб-источник Crime Hub, содержащий достоверную информацию и аналитические данные о преступности, которые регулярно обновляются, а также сведения о функционировании системы уголовного правосудия в Южной Африке. Crime Hub создает интерактивные карты с информацией обо всех преступлениях на национальном и провинциальном уровнях, а также на уровне полицейских участков и муниципалитетов [4]. Данные, которые составляют основу интерактивных инструментов Crime Hub, берутся из ежегодной статистики преступности и других публичных публикаций Полицейской службы Южной Африки (SAPS), а также из ежегодных отчетов судов и исправительных учреждений. Однако, они отражают ретроспективную картину, но для прогнозирования и профилактики преступлений информация, представленная на интерактивных картах, отмечает потенциально-опасные провинции и районы, что может позволить выявить возможные локации преступлений.

В Южной Африке было использовано множество традиционных подходов к анализу данных в исследованиях, связанных с преступностью, в том числе алгоритмы машинного обучения. Полицейские участки и другие ведомства, занимающиеся вопросами преступности, хранят множество баз данных, которые могут быть использованы для прогнозирования или анализа криминальной активности по всем провинциям Южно-Африканской Республики. Однако, вследствие недостатка ресурсов, в Южной Африке наблюдается потребность в инновационной системе и новых методах анализа преступности для защиты южноафриканских сообществ от преступности [5].

В настоящее время правоохранительными органами ЮАР применяются современные методы Data Mining или Интеллектуального анализа данных, которые основаны на теории искусственного интеллекта [6]. Автоматизируя процесс, инструменты data mining часто используются для анализа больших массивов данных с помощью статистических и математических методов для поиска скрытых тенденций и извлечения из них ценности. С помощью методов Data Mining, показанных на рис. 1, можно выявить несколько закономерностей, которые будут использованы для прогнозирования количества преступлений, которые, вероятно, произойдут в будущем, и, следовательно, полиция и все силовые структуры могут эффективно обеспечивать безопасность во всех провинциях Южной Африки.

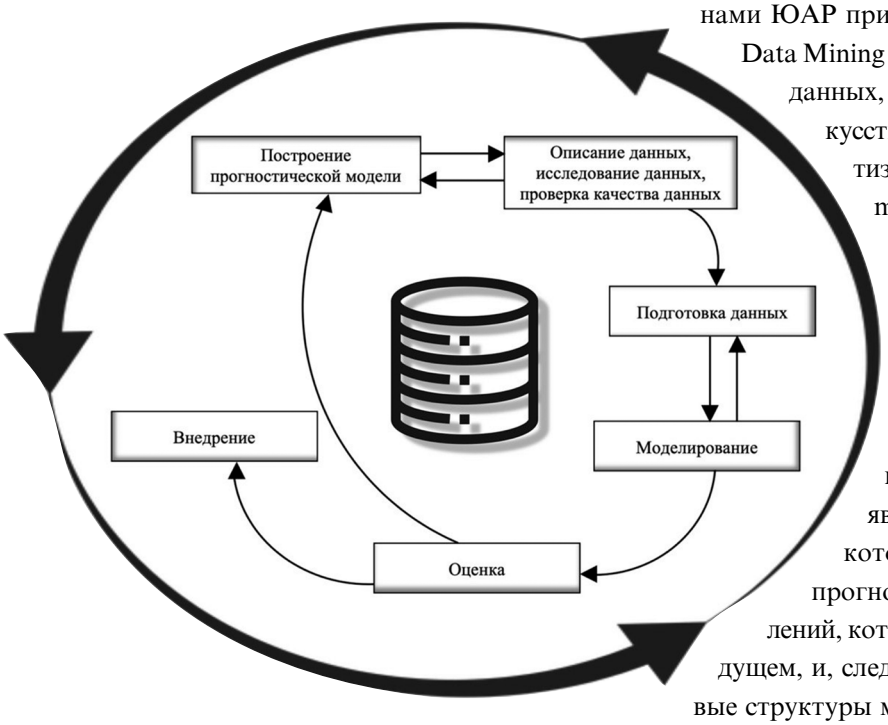

Рис. 1. Алгоритм работы метода CRISP-DM

Рис. 2. Визуализация основного массива преступлений по методу CRISP-DM для провинции Хаутенг (ЮАР)

При детальном изучении метода Cross-Industry Standard Process for Data Mining (далее — CRISP-DM, рис. 1) можно выделить следующие этапы.

1. Построение прогностической модели, способной анализировать существующие данные о преступности, выявлять скрытые закономерности и генерировать итоговую информацию, которая может быть передана правительству или правоохранительным органам для принятия своевременных решений в сфере профилактики преступности.

2. Описание и исследование данных, проверка их качества.

3. Подготовка данных. Массив данных о преступлениях на данной стадии собран и подготовлен к анализу. На данном этапе осуществляется выборка данных, их очистка, структурирование и интеграция.

4. Моделирование. На этом этапе алгоритмы машинного обучения применяются к подготовленным данным для их анализа и создания прогностических моделей, позволяющих делать прогнозы на будущее, используя информацию, полученную из скрытых закономерностей.

Деятельность оператора на этом этапе предполагает: выбор подходящих методов моделирования, т. е. соответствующего алгоритма машинного обучения для построения прогностических моделей; создание тестового проекта для проверки качества и действительности модели; построение модели и использование инструмента моделирования на подготовленном наборе данных для создания одной или нескольких моделей; обеспечение точности и общности модели. Создателями метода предлагается использовать линейную регрессию[1], которая является одним из алгоритмов машинного обучения и методом прогностического моделирования, когда оцениваемая целевая переменная является непрерывной.

5. Оценка. На этом этапе оценивается степень соответствия модели цели проекта. После оценки моделей рассматривается сгенерированная модель, отвечающая цели проекта.

6. Внедрение. На этом этапе определяются стратегии внедрения результатов оценки, которые включают в себя составление окончательного отчета[2].

Существующая в рамках рассмотренного метода техника визуализации данных, известная как облако слов, специфически отображает самые распространенные виды преступлений. Размер каждого слова указывает на его частоту или важность. Наблюдение за наиболее распространенной категорией преступлений в соответствующих провинциях осуществляется легко и быстро, фактически «с первого взгляда» [7].

Такая техника наглядно представлена, к примеру, для оценки состояния преступности в провинциях Хаутенг (рис. 2), Западного Мыса (рис. 3) и Восточного Кейпа (рис. 4).

Таким образом, техника прогнозирования методом Cross-Industry Standard Process for Data Mining, применяемая правоохранительными органами ЮАР, позволяет достаточно эффективно обнаруживать скрытые закономерности преступности, что представляет практическую ценность, поскольку формирует понятную визуализацию для прогнозирования преступности. Комплексный анализ состояния преступ-

[1] Линейная регрессия определяется уравнением: y = a + bX, где X — предикторная переменная, а y — зависимая переменная.

[2] Обязательному учету также подлежат: численность населения, количество полицейских подразделений на территории и уровень преступности.

Рис. 3. Визуализация основного массива преступлений по методу CRISP-DM для провинции Западного Мыса (ЮАР)

ности, осуществленный методом CRISP-DM, направлен на оперативное восприятие современных тенденций преступности в ЮАР и обеспечение результативной научной поддержки правоохранительных органов в целях профилактики преступности.

Список источников

1. Police recorded crime statistics, Republic of South Africa, First quarter of 2022/2023 financial year (April and June 2022) // The South African Police Service // URL://https://www.saps.gov.za/services/downloads/April-2022_23-presentation.pdf.

2. Police recorded crime statistics, Republic of South Africa, Fourth quarter of 2021/2022 financial year (January and March 2022) // The South African Police Service // URL://https://www.saps.gov.za/services/downloads/fourth_quarter_presentation_2021_2022.pdf.

3. ISS Crime Hub // Institute for Security Studies // URL://https://issafrica.org/crimehub.

4. ISS Crime Hub Maps // Institute for Security Studies // URL://https://issafrica.org/crimehub/our-work/maps.

5. South Africa Crime Visualization, Trends Analysis, and Prediction Using Machine Learning Linear Regression Technique // Hindawi // URL://https://www.hindawi.com/journals/acisc/2021/5537902/

6. Фридман О. В. Data mining — методы и алгоритмы, краткий обзор // Труды Кольского научного центра РАН. Информационные технологии. 2021. Вып. 12. Т. 12. № 5. С. 91–103.

7. Облако слов категории преступлений в Хаутенге // URL://https://www.hindawi.com/journals/acisc/2021/5537902/fig7/

References

1. Police recorded crime statistics, Republic of South Africa, First quarter of 2022/2023 financial year (April and June 2022) // The South African Police Service // URL://https://www.saps.gov.za/services/downloads/April-2022_23-presentation.pdf.

2. Police recorded crime statistics, Republic of South Africa, Fourth quarter of 2021/2022 financial year (January and March 2022) // The South African Police Servi-

Рис. 4. Визуализация основного массива преступлений по методу CRISP-DM для провинции Восточного Кейпа (ЮАР)

ce // URL://https://www.saps.gov.za/services/downloads/fourth_quarter_presentation_2021_2022.pdf.

3. ISS Crime Hub // Institute for Security Studies // URL://https://issafrica.org/crimehub.

4. 4. ISS Crime Hub Maps // Institute for Security Studies // URL://https://issafrica.org/crimehub/our-work/maps.

5. South Africa Crime Visualization, Trends Analysis, and Prediction Using Machine Learning Linear Regression Technique // Hindawi // URL://https://www.hindawi.com/journals/acisc/2021/5537902/

6. Friedman O. V. Data mining — methods and algorithms, a brief overview // Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Information technology. 2021. Issue. 12. Vol. 12. No. 5. P. 91–103.

7. Cloud of words crime category in Hauteng // URL://https://www.hindawi.com/journals/acisc/2021/5537902/fig7/

Библиографический список

1. Иншаков С. М., Казакова В. А. Преступность в ЮАР: очерк криминологического страноведения // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 121–133.

2. Иншаков С. М. Криминологическое страноведение как направление научного познания преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 2 (15). С. 159–166.

3. Ang R. P., Goh D. H. Predicting juvenile offending: A comparison of data mining methods // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2013. Vol. 57. № 2. P. 191–207.

4. Hassani H., Huang X., Silva E. S. A review of data mining applications in crime // Statistical Analysis and Data Mining. 2016. № 9 (3). P. 139–154.

5. Tasdoven Hidayet, Bahadir Sahin. Crime data mining as a decision making tool // International Journal of Public Policy. 2010. 6 (3). P. 278–287.

Bibliographic list

1. Inshakov S. M., Kazakova V. A. Crime in South Africa: An Essay on Criminological Country Studies // Scientific Portal of the Russian Ministry of Internal Affairs. 2021. № 3 (55). P. 121–133.

2. Inshakov S. M. Criminological country study as a direction of scientific cognition of crime // All-Russian Criminological Journal. 2021. № 2 (15). P. 159–166.

3. Ang R. P., Goh D. H. Predicting juvenile offending: A comparison of data mining methods // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2013. Vol. 57. № 2. P. 191–207.

4. Hassani H., Huang X., Silva E. S. A review of data mining applications in crime // Statistical Analysis and Data Mining. 2016. № 9 (3). P. 139–154.

5. Tasdoven Hidayet, Bahadir Sahin. Crime data mining as a decision making tool // International Journal of Public Policy. 2010. 6 (3). P. 278–287.

Информация об авторах

В. А. Шестак — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент;

М. П. Хайлова — бакалавр права, соискатель магистерской степени кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Information about the authors

V. A. Shestak — Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

M. P. Khailova — Bachelor of Law, Master's Degree Candidate of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 08.06.2023.
The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 08.06.2023.

Научная статья
УДК 343
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-224-231
EDN: https://elibrary.ru/uhaxrf
NIION: 2003-0059-3/23-704
MOSURED: 77/27-003-2023-03-903

Развитие уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершаемые с использованием компьютерных сетей

Георгий Фаризович Шипулин
Московский политехнический университет, Москва, Россия, podumai_nad@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены основные этапы становления уголовного законодательства об ответственности за совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Показана статистика, подчеркивающая особое место компьютерной информации в жизни общества. Анализируются основные группы преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Отмечены правовые коллизии, решение которых будет способствовать эффективной профилактике рассматриваемых правонарушений.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное законодательство, компьютерная информация, компьютерные сети, информационно-телекоммуникационные технологии, профилактика

Для цитирования: Шипулин Г. Ф. Развитие уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершаемые с использованием компьютерных сетей // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 224–231. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-224-231. EDN: UHAXRF.

Original article

Development of criminal legislation on liability for offences committed through the use of computer networks

Georgy F. Shipulin
Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia, podumai_nad@mail.ru

Abstract. The main stages of the formation of criminal legislation on responsibility for committing crimes using information and telecommunication technologies are considered. Statistics emphasizing the special place of computer information in the life of society are shown. The main groups of crimes committed using information and telecommunication technologies are analyzed. Legal conflicts are noted, the solution of which will contribute to the effective prevention of the offenses under consideration.

Keywords: criminal law, criminal legislation, computer information, computer networks, information and telecommunication technology, prevention

For citation: Shipulin G. F. Development of criminal legislation on liability for offences committed through the use of computer networks. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):224–231. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-224-231. EDN: UHAXRF.

В рамках отечественной уголовно-правовой политики предпринимаются меры по противодействию преступлениям в информационной сфере, совершаемым с использованием компьютерных сетей. Необходимо отметить, что с соответствующими законодательными инициативами выступают представители профилирующих комитетов Государственной Думы Российской Федерации, что непосредственно отражается на изменении уголовного законодательства в части включения в нормы Особенной части УК РФ новых признаков. Законодателем особенно активно с 2020 г. осуществляется процесс по внесению изменений в действующий уголовный закон в части включения новых норм и квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков.

Полагаем необходимым выделить базовые группы общественно опасных деяний в информационной сфере в зависимости от предмета посягательства и совершаемых с использованием компьютерных сетей, представляющих существенную опасность для личности, общества и государства, а именно, связанные с:

1) распространением фейковой информации, а также идеологий терроризма, экстремизма и нацизма посредством в информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

© Шипулин Г. Ф., 2023

2) функционированием незаконных рынков сбыта ограниченных (запрещенных) к свободному обороту предметов и веществ, а также контрафактной (в том числе недоброкачественной, фальсифицированной и незарегистрированной) лекарственной продукции, медицинских изделий и биологически активных добавок;

3) получением несанкционированного доступа к охраняемым законом сведениям, осуществление их несанкционированного сбора, распространения и продажи.

Перейдем к рассмотрению **первой группы** общественно опасных деяний в информационной сфере. Важно указать, что распространением фейковой информации, а также идеологий терроризма, экстремизма и нацизма посредством в информационно-телекоммуникационной сети Интернет представляет собой существенную угрозу информационной безопасности общества и государства. Распространение сфальсифицированных сведений, в том числе дискредитирующих деятельность органов государственной (муниципальной) власти и их должностных лиц, а также Вооруженных сил Российской Федерации, представляет собой один из наиболее широко распространенных видов общественно опасных деяний в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [1]. Подавляющее большинство веб-сайтов обладает количеством посетителей, значительно превосходящим аудиторию классических средств массовой информации. Этим обстоятельством обусловливается возможность осуществления ими подрывной деятельности, посредством внедрения в массовое сознание российского общества ложных сведений, в том числе направленных на разрушение его культурных устоев и многовековых традиций, подрыв чувства патриотизма и гражданственности, а также манипулирование поведением целевых социальных групп [2, с. 7]. Бесспорным представляется то, что данная деятельность осуществляется вопреки интересам российского общества и государства. В выступлении Министра внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцева в рамках «Правительственного часа» в Государственной Думе Российской Федерации указывалось, что на момент середины октября 2022 г. по фактам дискредитации Вооруженных сил Российской Федерации возбуждено количество уголовных дел, превышающее 100, пресечено 4,5 тыс. административных правонарушений [3]. В целях противодействия данному пагубному последствию цифровизации законодателем были внесены изменения в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ [4]. В результате проведенных изменений известная норма была изложена в редакции: *«...клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных».*

Наряду с распространением на веб-сайтах фейковых сведений, направленных на дезинформирование населения, существенную угрозу информационной безопасности общества и государства представляет категория общественно опасных деяний, связанных с пропагандой или оправданием нацизма в рамках информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Бесспорным представляется то, что данная деятельность осуществляется вопреки интересам российского общества и государства. Ввиду распространения на территории России данных деяний, в целях противодействия данному пагубному последствию цифровизации законодателем были внесены изменения в норму, предусмотренную ст. 354.1 УК РФ (Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 59-ФЗ [5]):

♦ ч. 2 ст. 354.1 УК РФ дополнена п. «в», которым предусматривается уголовная ответственность за совершение известного деяния с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет;

♦ ст. 354.1 УК РФ дополнена ч. 4, устанавливающей ответственность за совершение известного преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (Федеральным законом от 5 апреля 2021 г. № 59-ФЗ [5]).

Помимо общественно опасных деяний, связанных с пропагандой или оправданием нацизма в рамках информационно-телекоммуникационной сети Интернет, имеют место деяния, связанные с распространением экстремистских идей, а также призывов к осуществлению деятельности, направленной про-

тив безопасности государства. Важно подчеркнуть, что под призывами следует понимать обращения к относительно широкому кругу лиц (к массам, толпе), с целью их побуждения осуществить экстремистские действия (деятельность) посредством ИКТ-ресурсов (в том числе информационно-телекоммуникационной сети Интернет) [6, с. 410]. Бесспорным представляется то, что данная деятельность осуществляется вопреки интересам российского общества и государства. Ввиду распространения на территории России данных деяний, в целях противодействия данному общественно опасному деянию законодатель дополнил ст. 280.4 УК РФ. В частности, п. «в» ч. 2 ст. 280.4 УК РФ предусмотрено наличие у деяния квалифицированного признака в виде использования электронных информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернет, наряду со средствами массовой информации [7].

Перейдем к рассмотрению **второй группы** общественно опасных деяний в информационной сфере. Важно указать, что функционирование незаконных рынков сбыта ограниченных (запрещенных) к свободному обороту предметов и веществ, а также контрафактной (в том числе недоброкачественной, фальсифицированной и незарегистрированной) лекарственной продукции, медицинских изделий и биологически активных добавок, является одним из наиболее широко распространенных видов общественно опасных деяний в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Так, отдельную угрозу безопасности граждан сегодня стали представлять, во-первых, интернет-пропаганда употребления наркотических средств, психотропных веществ, а также их аналогов, во-вторых, широкое применение цифровых ресурсов (в том числе Даркнета) для их распространения и доставки. Установлены многочисленные факты массового склонения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей молодого населения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также навязывания представителями иностранных государств с использованием вышеуказанных средств информации идеология «безопасности» наркопотребления и «безвредности» опийных наркотиков для беременных женщин. Наркоситуация в Российской Федерации оценивается как тяжелая, а в некоторых субъектах РФ как предкризисная. Смертность в России от связанных с наркотиками причин в 2020 г. возросла на 60 % (7316 человек), по сравнению с 2019 г. (4569 человек) [8]; в 2021 г. число смертей выросло на 37 % (превысило 10 тыс.) по сравнению с 2020 г. (7316 человек) [9]. Председатель Государственной Думы Российской Федерации В. В. Володин отмечает по рассматриваемой проблеме: «С каждым годом растет число преступников, которые, пользуясь анонимностью Интернета, пропагандируют потребление наркотиков» [10]. Бесспорным представляется то, что данная деятельность осуществляется вопреки интересам российского общества и государства. В целях противодействия данному пагубному последствию цифровизации законодателем были внесены изменения в уголовное законодательство Российской Федерации путем включения в ч. 2 ст. 230 действующего уголовного закона п. «д» — «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» (Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 25-ФЗ [11]).

Отдельную угрозу безопасности граждан сегодня стала представлять реализация контрафактной (в том числе недоброкачественной, фальсифицированной и незарегистрированной) лекарственной продукции, медицинских изделий и биологически активных добавок в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Общественная опасность известных деяний состоит в том, что неконтролируемое распространение и употребление лекарственной продукции, медицинских изделий и биологически активных добавок способно в перспективе причинить вред здоровью населения [12]. Правоохранительными органами было выявлено около 700 интернет-ресурсов (включая ресурсы с бесплатными объявлениями и социальные сети), на которых предлагались к продаже:

1) рецептурные лекарственные средства;

2) сильнодействующие, психотропные и наркотические средства [13].

Бесспорным представляется то, что данная деятельность осуществляется вопреки интересам российского общества и государства. Необходимо согласиться с позицией заместителя Председателя Государственной Думы РФ И. А. Яровой, которая указывает: «Самое главное — сделать невыгодной эту преступную экономическую деятельность и преступную деятельность, направленную против жизни и здоровья граждан» [14]. Так, ввиду распространения

на территории России данных деяний, в целях противодействия данному пагубному последствию цифровизации законодателем ч. 1 ст. 238.1 УК РФ была дополнена ч. 1.1 следующего содержания (Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 95-ФЗ [15]): *«Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет».*

Самостоятельную угрозу для российского общества и государства представляет незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, осуществляемая через веб-ресурсы. Данные преступления представляют собой существенный фактор ухудшения криминогенной обстановки ввиду детерминирования ими роста уровня организованной преступности, терроризма и экстремистской деятельности [16, с. 113; 17, с. 173].

Бесспорным представляется то, что данная деятельность осуществляется вопреки интересам российского общества и государства. Ввиду распространения на территории России данных деяний, в целях противодействия данному пагубному последствию цифровизации законодателем были внесены изменения норму ст. 222 УК РФ: ч. 3 и 5 ст. 222 российского уголовного закона дополнены квалифицирующим признаком, представленным в следующей редакции (Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ [18]): *«...с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет».* Аналогичные изменения внесены в ч. 3 и ч. 5 ст. 222.1, ч. 3 и ч. 5 ст. 222.2 УК РФ.

Не менее значимая угроза для дестабилизации традиционных нравственных ценностей содержится в растущем распространении преступлений против общественной нравственности в сфере сексуальных отношений [19, с. 87–88; 20, с. 136; 21, с. 173–175; 22, с. 350–351]. Учитывая это, в 2022 г. законодатель изменил диспозицию п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, изложив ее в следующей редакции «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет» [23].

В 2012 г. законодатель криминализировал в п. «г» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ общественно опасные деяния, сопряженные с фото-, кино- или видеосъемкой несовершеннолетнего в целях изготовления и (или) распространения порнографических материалов или предметов либо привлечение несовершеннолетнего в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера, совершенные лицом, достигшим 18-летнего возраста, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) [24].

Перейдем к рассмотрению **третьей группы** общественно опасных деяний в информационной сфере. Она охватывает получение несанкционированного доступа к охраняемым законом сведениям, осуществление их несанкционированного сбора, распространения и продажи. Непосредственным объектом данных деяний являются общественные отношения, которыми обеспечиваются: информационная безопасность; права собственника (иного законного владельца) по реализации своих прав на информацию в порядке и пределах, установленных действующим законом. Необходимо указать на повышенный уровень общественной опасности рассматриваемых деяний. Так, последствиями таковых могут явиться как миллиардные убытки различных объектов (в том числе военных) и управленческих систем (предприятий, выполняющих функции жизнеобеспечения населения, объектов энергетики, транспорта и др.). Атаки, осуществляемые через ИКТ-ресурсы на их информационную инфраструктуру, могут быть катастрофическими (так, в 1992 г. в результате вирусной атаки прекратила работу защитная система Ингалинской АЭС в Литве) [25, с. 29]. Бесспорным представляется то, что данная общественно опасная деятельность осуществляется вопреки интересам российского общества и государства. В целях противодействия ей законодателем были внесены соответствующие изменения: в гл. 28 действующего уголовного закона была включена ст. 274.2 УК РФ, предусматривающая наступление ответственности за нарушение правил централизованного управления техническими средствами, противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сети связи общего пользования (Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ [26]).

Важно подчеркнуть, что перечисленные изменения в действующий уголовный закон отражают только базовые тренды уголовно-правовой поли-

тики отечественного государства в информационной сфере.

Приведенный в данном материале перечень изменений в российский уголовный закон не является исчерпывающим, поскольку конъюнктурные общественные отношения в информационной сфере меняются стремительно, столь же быстро формируются новые виды преступлений, осуществляемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Необходимо указать, что эти изменения, вносимые в действующее уголовное законодательство, полностью соответствуют положениям Доктрины информационной безопасности РФ [27], рассматриваемой в качестве системы официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности России в информационной сфере.

Важно подчеркнуть, что основные направление обеспечения информационной безопасности общества и государства заключается в повышении эффективности профилактики противоправных деяний (правонарушений; преступлений), совершаемых через использование ИКТ-ресурсов (п. «е» ст. 23 Доктрины). Бесспорным представляется, что система действующего законодательства, в том числе и уголовного, направлена на обеспечение стратегических задач, поставленных Президентом Российской Федерации. В этой связи следует заключить, что совершенствование нормативно правовой базы, регламентирующей информационную безопасность Российской Федерации, осуществляемое через внесение изменений в действующее федеральное законодательство является необходимым и действенным инструментом для противодействия возникающим угрозам для общества и государства в информационной сфере.

В ходе проведенного исследования, исходя из развития законодательства, предусматривающего ответственность за преступления, совершаемые с использованием компьютерных сетей, следует сформулировать ряд выводов.

1. Развитие отечественного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления, совершаемые с использованием компьютерных сетей, в настоящий момент подвержено многовариантным идеям и предложениям по совершенствованию и внесению тех или иных изменений в действующее законодательство в рассматриваемой сфере. Несмотря на это, законодатель весьма консервативно подходит к озвученным новеллам, стремится более упорядоченно и постепенно приводить нормы уголовного законодательства в соответствие с основными тенденциями развития общественных отношений в информационной сфере. Наибольшее количество изменений в уголовное законодательство, выразившихся во включении в различные нормы Особенной части УК РФ дополнительных квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков (с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет), приняты в период с 2021 по 2022 гг. (11 дополнений УК РФ), что было обусловлено пандемией и коронавирусной инфекцией, в связи с чем наблюдался колоссальный рост преступлений исследуемой категории (их количество выросло в 20–25 раз по сравнению с периодом 2012–2016 гг.).

2. В действующем уголовном законодательстве не находят в полной мере свое отражение уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность в информационной сфере. В настоящее время существуют сравнительно новые «цифровые» общественные отношения в виртуальной реальности, искусственного интеллекта, которые принципиально отличаются от отношений, находящихся под уголовно-правовой охраной в гл. 28 Особенной части УК РФ. Однако, в настоящий период времени указанная область общественных отношений остается без должного внимания со стороны законодателя.

Список источников

1. Фейковые новости: кто привлекается к ответственности за их распространение // URL://https://www.garant.ru/news/1451881/

2. Мельникова О. А. Информационное обеспечение внешнеполитической деятельности современных государств: политологический анализ: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2021.

3. Глава МВД Колокольцев: в России возбуждено более 100 уголовных дел за дискредитацию // URL://https://www.gazeta.ru/social/news/2022/10/19/18830251.shtml.

4. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2021. № 2.

5. Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного

кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2021. № 76.

6. Кузнецов Р. Д. К вопросу о понятии публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 408–414.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г., с изм. от 18 июля 2022 г.): принят Государственной Думой Федер. Собр. Российской Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Российской Федерации 5 июня 1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2022. № 39. Ст. 6535.

8. Смертность от наркотиков в России выросла на 60 % на фоне пандемии // URL://https://www.rbc.ru/economics/18/07/2021/60f1b7cc9a79472c99206f4d.

9. В России смертность от наркотиков выросла на 37 % // URL://https://www.rbc.ru/society/09/07/2022/62c82a4e9a7947459362d0d5.

10. Госдума ввела тюремные сроки за пропаганду наркотиков в интернете // URL://https://rg.ru/2021/02/10/gosduma-vvela-tiuremnye-sroki-za-propagandu-narkotikov-v-internete.html.

11. Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2021. № 41.

12. Об уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок. Прокуратура Хабаровского края // URL://https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_27/activity/legal-education/explain?item=59394927.

13. Паспорт проекта Федерального закона № 565354-7 «О внесении изменений в статью 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL://https://sozd.duma.gov.ru/bill/565354-7.

14. Депутаты поддержали усиление ответственности за интернет-торговлю фальсифицированными лекарствами. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации // URL://https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_27/activity/legal-education/explain?item=59394927.

15. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений в статью 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 73.

16. Климанов А. М., Пешков Д. В. Вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 222–226.1 УК РФ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 4 (119). С. 111–114.

17. Савин А. А. Незаконный оборот оружия в отечественном законодательстве. Проблемы квалификации и профилактики // Modern Science. 2020. № 1-1. С. 172–175.

18. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2021. № 146.

19. Осокин Р. Б., Денисенко М. В. Уголовно-правовая характеристика незаконного распространения порнографических материалов или предметов: науч.-практ. пособие. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2005.

20. Осокин Р. Б. Порнография: опыт легального, доктринального и судебного толкования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1(25). С. 134–140.

21. Осокин Р. Б., Ендольцева А. В., Бадальянц Э. Ю. и др. Состояние криминогенной обстановки и предупреждение преступлений в Рязанской области: научно-аналитический обзор. Рязань : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2015.

22. Осокин Р. Б., Заливина Н. Н. Правовой статус прекурсоров, аналогов и производных наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 2. С. 342–352.

23. Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2022. № 52.

24. Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального харак-

тера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Российская газета. 2012. № 46.

25. Китайкина О. О. О соотношении понятий «компьютерные преступления» и «преступления в сфере компьютерной информации» // Научный формат. 2020. № 8 (11). С. 28–33.

26. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2022. № 154-155.

27. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

References

1. Fake news: who is held responsible for its distribution // URL://https://www.garant.ru/news/1451881/

2. Melnikova O. A. Information support for the foreign policy activities of modern states: a political analysis: diss. … Candidate of Political Sciences. M., 2021.

3. Head of the Ministry of Internal Affairs Kolokoltsev: in Russia more than 100 criminal cases were initiated for discrediting // URL://https://www.gazeta.ru/social/news/2022/10/19/18830251.shtml.

4. Federal Law of December 30, 2020, № 538-FZ «On Amending Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2021. № 2.

5. Federal Law of April 05, 2021, № 59-FZ «On Amending Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2021. № 76.

6. Kuznetsov R. D. On the Concept of Public Calls to Extremist Activity: Problems of Qualification // Voprosy Rossiyskoy Justistii. 2020. № 6. P. 408–414.

7. Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996, № 63-FZ (rev. from 14 July 2022, with amendments from 18 July 2022): adopted by the State Duma of the Fed. Sobr. Ros. Federation, May 24, 1996: approved by the Council of Federation of the Federations of the Federated States of Russia. The Council of Federation of the Feder. Sobr. Ros. the Russian Federation, June 5, 1996 // SZ RF. 1996. № 25. St. 2954; 2022. № 39. St. 6535.

8. Drug-related deaths in Russia increased by 60 % amid pandemic // URL://https://www.rbc.ru/economics/18/07/2021/60f1b7cc9a79472c99206f4d.

9. In Russia, the death rate from drugs increased by 37 % // URL://https://www.rbc.ru/society/09/07/2022/62c82a4e9a7947459362d0d5.

10. State Duma introduces prison terms for drug propaganda on the Internet // URL://https://rg.ru/2021/02/10/gosduma-vvela-tiuremnye-sroki-za-propagandu-narkotikov-v-internete.html.

11. Federal law from February 24, 2021 № 25-FZ «On amendments to article 230 of the Criminal Code of the Russian Federation and article 151 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2021. № 41.

12. On criminal liability for the circulation of counterfeit, substandard and unregistered medicines and medical products and the circulation of counterfeit biologically active supplements. Prosecutor's Office of Khabarovsk region // URL://https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_27/activity/legal-education/explain?item=59394927.

13. Passport of the Draft Federal Law № 565354-7 «On Amendments to Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation» // URL://https://sozd.duma.gov.ru/bill/565354-7.

14. Deputies supported the strengthening of responsibility for the online sale of counterfeit medicines. State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation // URL://https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_27/activity/legal-education/explain?item=59394927.

15. Federal law from April 1, 2020 № 95-FZ «On amendments to article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 73.

16. Klimanov A. M., Peshkov D. V. Issues of qualification of crimes stipulated by articles 222–226.1 of the Criminal Code // Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2020. № 4 (119). P. 111–114.

17. Savin A. A. Illegal turnover of weapons in the domestic legislation. Problems of qualification and prevention // Modern Science. 2020. № 1-1. P. 172–175.

18. Federal Law of 01 July 2021, № 281-FZ «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2021. № 146.

19. Osokin R. B., Denisenko M. V. Criminal and legal characteristics of illegal distribution of pornographic materials or objects: scientific and practical manual. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2005.

20. Osokin R. B. Pornography: experience of legal, doctrinal and judicial interpretation // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. 2014. № 1(25). P. 134–140.

21. Osokin R. B., Endoltseva A. V., Badalyants E. Yu. et al. State of the Criminogenic Situation and Crime Prevention in the Ryazan Region: Scientific and Analytical Review. Ryazan : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2015.

22. Osokin R. B., Zalivina N. N. Legal status of precursors, analogues and derivatives of narcotic drugs and psychotropic substances // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2020. T. 11. № 2. P. 342–352.

23. Federal Law of March 06, 2022, № 38-FZ «On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and Article 280 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2022. № 52.

24. Federal Law of February 29, 2012 № 14-FZ «On amendments to the Criminal Code of Russia and certain legislative acts of the Russian Federation in order to increase responsibility for crimes of sexual nature committed against minors» // Rossiyskaya Gazeta. 2012. № 46.

25. Kitaykina O. O. On the ratio of the concepts of «computer crimes» and «crimes in the sphere of computer information» // Scientific Format. 2020. № 8 (11). P. 28–33.

26. Federal Law of 14 July 2022, № 260-FZ «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2022. № 154-155.

27. Presidential Decree № 646 of December 5, 2016 «On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation» // SZ RF. 2016. № 50. St. 7074.

Информация об авторе

Г. Ф. Шипулин — преподаватель кафедры «Информационная безопасность» факультета информационных технологий Московского политехнического университета.

Information about the author

G. F. Shipulin — Lecturer at the Information Security Department of the Faculty of Information Technology of the Moscow Polytechnic University.

Статья поступила в редакцию 08.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 07.06.2023.

The article was submitted 08.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 07.06.2023.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Учеб. пособие
Гриф УМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Козьминых С. И.

Учебное пособие предназначено для изучения методики и технологии организации защиты информации в органах внутренних дел, а также способов ее совершенствования в целях формирования у обучаемых практических навыков работы по организационному обеспечению защиты информации. Рассматриваются концептуальные положения организационного обеспечения информационной безопасности ОВД. Анализируются источники и каналы утечки информации, составляющей государственную тайну. Особое внимание уделено обеспечению комплексной безопасности объектов информатизации органов внутренних дел.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) 10.05.05 «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере».

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-232-236
EDN: https://elibrary.ru/sfetao
NIION: 2003-0059-3/23-705
MOSURED: 77/27-003-2023-03-904

Особенности методики диагностического исследования рукописей, выполненных в алкогольном опьянении

Елена Антоновна Шкоропат[1], Роза Ватановна Бондаренко[2]
[1] Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия, shkoropat@mail.ru
[2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, bon_roz@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются методические особенности судебно-почерковедческого исследования рукописей, выполненных в состоянии алкогольного опьянения. Отмечаются возможные схемы исследования указанных рукописей. Подробно рассматривается полная схема решения задач диагностического и идентификационного характера. Изложенные особенности будут полезными для экспертов-криминалистов при выборе наиболее оптимальных методов и методик исследования, а также способствовать всестороннему изучению соответствующих почерковых объектов.

Ключевые слова: судебно-почерковедческое исследование, рукописи, выполненные в состоянии алкогольного опьянения, признаки почерка

Для цитирования: Шкоропат Е. А., Бондаренко Р. В. Особенности методики диагностического исследования рукописей, выполненных в алкогольном опьянении // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 232–236. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-232-236. EDN: SFETAO.

Original article

Features of the methodology of diagnostic research of manuscripts performed under the influence of alcohol

Elena A. Shkoropat[1], Roza V. Bondarenko[2]
[1] Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, shkoropat@mail.ru
[2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, bon_roz@mail.ru

Abstract. The methodological features of forensic handwriting research of manuscripts made in a state of alcoholic intoxication are considered. Possible schemes for the study of these manuscripts are noted. The complete scheme of solving diagnostic and identification problems is considered in detail. The above features will be useful for forensic experts in choosing the most optimal methods and research techniques, as well as contribute to a comprehensive study of the relevant handwriting objects.

Keywords: forensic handwriting research, manuscripts made under the influence of alcohol, signs of handwriting

For citation: Shkoropat E. A., Bondarenko R. V. Features of the methodology of diagnostic research of manuscripts performed under the influence of alcohol. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):232–236. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-232-236. EDN: SFETAO.

Судебно-почерковедческое исследование рукописей, выполненных в состоянии алкогольного опьянения, представляет собой поэтапный процесс и базируется на традиционной схеме, но характеризуется спецификой, связанной с особенностями исследуемого объекта. Эта схема соответствует двум этапам исследования измененных почерков: 1) диагностическому и 2) идентификационному. При этом решение диагностической задачи зависит от того:

а) предоставлены или нет сопоставимые сравнительные образцы почерка;

б) положительный или отрицательный вывод сделан при решении идентификационной задачи.

В случае непредоставления сопоставимых сравнительных материалов или отрицательного вывода о тождестве исполнителя исследуемой рукописи применяется сокращенная схема решения диагностической задачи. В остальных ситуациях используется полная схема.

Целесообразно рассмотреть особенности исследования рукописи, выполненной в состоянии алкогольного опьянения, в полном объеме.

© Шкоропат Е. А., Бондаренко Р. В., 2023

Стадия предварительного исследования (первый уровень решения задач) состоит из следующих этапов:

1) ознакомление с материалами дела, поступившими на экспертизу и уяснение задания;

2) осмотр и предварительное исследование спорной рукописи;

3) осмотр и предварительное исследование сравнительного материала;

4) предварительное сравнение и оценка его результатов;

5) выдвижение версий (общей и частной);

6) планирование предстоящего исследования.

1. В процессе ознакомления с материалами, поступившими на экспертизу, эксперт проводит ознакомление с данными о предполагаемом исполнителе, уточняет его пол, возраст, профессию, имеющиеся заболевания, психофизиологическое состояние в момент выполнения рукописи и др. При отсутствии данных сведений эксперту необходимо уточнить их наличие для дальнейшего выдвижения обоснованных версий.

2. Осмотр и предварительное исследование спорной рукописи — эксперт устанавливает материал письма, пишущий прибор и способ выполнения документа. Предварительным исследованием почерка выявляются «классические» признаки необычности либо их отсутствие. Выявив признаки снижения координации движений (1-ой и 2-ой степени), нарушения динамической организации рукописи и пространственной ориентации движений, определяется их локализация и степень выраженности и выдвигается частная версия о влиянии сбивающих факторов на процесс письма, определяются наиболее вероятные. Для рукописей, выполненных в состоянии алкогольного опьянения, специфичными являются изменения в виде:

♦ извилистости и угловатости штрихов в отдельных буквах;

♦ неустойчивости размещения точек начала, окончания, пересечения и соединения движений в отдельных буквах;

♦ неустойчивости размера, разгона почерка в отдельных фрагментах и группе букв, а также в отдельных буквах. Разгон изменяется в сторону увеличения;

♦ большой и средней неустойчивости наклона;

♦ низкой степени выработанности почерка.

Версии, выдвинутые на данном этапе, не являются окончательными и уточняются в ходе дальнейшего исследования.

Предварительным изучением идентификационных признаков почерка выявляются «броские» общие и частные признаки почерка для последующего их предварительного сравнения с образцами почерка проверяемого лица.

3. Осмотр и предварительное исследование образцов почерка начинается с проверки соответствия требованиям, предъявляемым к сравнительным материалам (достоверность, достаточность, сопоставимость) и определения видов представленных образцов почерка (свободные, условно-свободные, экспериментальные).

Необходимо отметить важность тщательной подготовки сравнительных материалов для производства судебно-почерковедческой экспертизы. Образцы почерка предполагаемого исполнителя должны быть не только сопоставимы по объему, содержанию и условиям выполнения с исследуемой рукописью, но и подобраны с учетом возможности выявления последовательных зависимостей частных признаков почерка. При подготовке экспериментальных образцов следует использовать те же слова и сочетания, в которых обнаружены особенности признаков в исследуемом объекте. Соблюдение этого положения позволит обеспечить полное выявление специфики структурных связей в исследуемом почерке и в почерке проверяемого лица.

Состояние алкогольного опьянения исполнителя рукописи относится к естественным внутренним сбивающим факторам, что осложняет изъятие сравнительных образцов почерка, сопоставимых по условиям выполнения. Изъятие экспериментальных образцов почерка, в данной ситуации, рекомендуется проводить при воздействии различных внешних сбивающих факторов, таких как необычная поза, непривычное удержание пишущего прибора и др., а также применять различные установки, такие как значительное изменение темпа (от предельно быстрого до максимально замедленного) и т. п. В представленных образцах почерка предполагаемого исполнителя для исследования рукописей, выполненных в состоянии алкогольного опьянения должны присутствовать рукописи, выполненные с установками на старательное и быстрое письмо, подготовленные с интервалом во времени. Это условие позволит проанализировать в рукописи конкретного исполнителя результаты трансформации почерка в зависимости от воздействия различных условий письма, сформировать

представление о свойствах почерка данного исполнителя, установить пределы вариационности и изменчивости почерка.

В случае отсутствия сопоставимых образцов почерка или недостаточного их объема необходимо оформить запрос о предоставлении дополнительных сравнительных материалов.

Исследованием характера документов, предоставленных в качестве свободных образцов, условий выполнения экспериментальных сравнительных материалов и проявившихся в них диагностических признаках экспертом решается вопрос о воздействии сбивающих факторов и состоянии исполнителя. Уточняются ранее выдвинутые версии.

4. Этап предварительного сравнения и оценки его результатов заключается в сравнении ранее выявленных признаков и проверке версий о состоянии исполнителя рукописи.

Сравнение диагностических признаков на первом уровне позволяет определить совпадение или различие диагностических признаков в исследуемой рукописи и образцах, установить их характер, локализацию и степень выраженности.

При сравнении идентификационных признаков, среди общего особое значение имеют выработанность почерка, пространственная ориентация движений, темп письма и координации движений 1-ой и 2-ой степени. Предварительное сравнение «броских» частных признаков сначала проводится с наиболее сопоставимыми образцами, затем с остальными.

5. Выдвижение версий осуществляется на основании оценки результатов предварительного сравнения. Формирование версий (частная — о состоянии писавшего, общая — о тождестве исполнителя спорной рукописи). Уровень вероятности выдвинутых версий обусловливает содержание дальнейшего этапа.

6. Планирование предстоящих экспертных действий определяется необходимостью применения каких-либо методов исследования и степенью вероятности версий.

По окончании предварительной стадии (первого уровня исследования) эксперт не должен приходить к окончательному решению. Принятие окончательного решения поставленной задачи предполагает второй уровень экспертного исследования. В ходе детального исследования проводится глубокое изучение почеркового материала, развернутое изучение как диагностических, так и идентификационных признаков, после чего может быть принято окончательное решение.

Схема второго уровня исследования:

1) проведение диагностического исследования;

2) проведение идентификационного исследования;

3) оценка результатов проведенного исследования и формулирование выводов.

Этапы проведения диагностического и идентификационного исследования имеют условное деление, тесно переплетаются друг с другом, так как решение одной задачи во многом предопределяет решение другой. Достоверно установить состояние пишущего можно только при решении идентификационной задачи, а идентифицировать исполнителя рукописи возможно установив факт выполнения рукописи в состоянии алкогольного опьянения.

1. Диагностическое исследование проводится в целях установления необычности выполнения рукописи и, при положительном решении, определения состояния исполнителя. Целесообразнее начинать исследование с проверки более вероятной версии, при наличии равновероятных версий, с более сложной.

В ходе раздельного диагностического исследования проводится выявление, сравнение и интерпретация каждого выявленного признака для установления природы его происхождения.

Объединения (синтезируя) диагностические признаки в симптокомплексы необходимо учесть другие, входящие в каждый комплекс.

Сравнение симптомокомплекса признаков, выявленного в исследуемой рукописи, с соответствующим комплексом в образцах почерка предполагает установление совпадений и различий.

Интерпретация результатов сравнения комплексов признаков, объяснение совпадений и различий [1, с. 118–119].

Завершается этот этап оценкой выявленного симптомокомплекса.

2. Этап идентификационного исследования предусматривает изучение признаков письменной речи, общих признаков почерка, частных признаков почерка.

Исследование признаков письменной речи представляется необходимым этапом при исследовании рассматриваемого вида почекового объекта, так как под воздействием алкогольного опьянения на механизм письма происходят изменения не только в письменно-двигательной компоненте письменного

функционально-динамического комплекса, но также в письменно-интеллектуальной и письменно-речевой. Рекомендуется обратить внимание на наличие ошибок, исправлений, повторение и пропуск букв и слов, замену одной буквы на другую и т. п.

Изучение общих признаков почерка проводится сначала в спорной рукописи, а затем в образцах с использованием традиционных таблиц-разработок. При определении значимости выявленных совпадений и различий необходимо учитывать необычное состояния исполнителя рукописи, оценивать различия с позиции сопоставимости условий выполнения исследуемой рукописи и образцов почерка, количество и качество сравнительного материала.

Далее проводится полное, развернутое, детализированное изучение частных признаков почерка с обязательной их фиксацией в таблицах-разработках.

При составлении признаков следует принимать во внимание специфику исследуемого объекта, выполненного в состоянии алкогольного опьянения. Ярко выраженные признаки снижения координации движений 1-ой и 2-ой групп существенно затрудняют изучение структурных, метрических, ориентационных особенностей, направления движений и нажима, рекомендованные методикой судебно-почерковедческой экспертизы [2, с. 79]. Умения и навыки эксперта дифференцировать значимые идентификационные либо диагностические признаки помогут избежать излишней громоздкости разработки.

Сравнительное исследование частных признаков строится на основе общих правилах методики; определение идентификационной значимости совпадений обусловливается устойчивостью, существенностью, полнотой и точностью. Различия анализируются по характеру проявления, рассматриваются с точки зрения выхода за пределы вариационности.

Оценивается каждое совпадение, различие и вся их совокупность. Определение устойчивости совпадающих и различающихся признаков требует особого внимания для определения возможности отнесения выявленных различий к совокупности диагностических признаков. Оценка частных признаков почерка основывается на характере их проявления и степени выраженности, идентификационной значимости совпадающих признаков и обусловленностью различающихся признаков, влиянием сбивающего фактора (отнесение к диагностическим признакам) и вариационностью.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА
В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2-е изд., перераб. и доп. Учеб. пособие
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. О. В. Зиборова, Б. Н. Комахина,
Е. Н. Хазова [О. В. Зиборов и др.]

Государственная служба
в органах внутренних дел
Российской Федерации

Второе издание

Изложены теоретические положения, на основе которых осуществляется практическая деятельность при прохождении государственной службы в правоохранительных органах. Учтены многочисленные изменения и дополнения законодательства, а также положительный опыт и практика деятельности различных подразделений органов внутренних дел и войск национальной гвардии России.

Для студентов вузов, курсантов и слушателей, обучающихся в юридических учебных заведениях МВД России по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность».

3. Оценка результатов проведенного исследования и формулирование выводов заключается в комплексной оценке существенности результатов проведенного диагностического и идентификационного исследования, достаточности его результатов для решения экспертных задач по исследованию рукописи, выполненной в состоянии алкогольного опьянения.

Производство исследования рукописей, выполненных в состоянии алкогольного опьянения, может не ограничиться рассматриваемыми уровнями исследования; при необходимости возможно проведение дополнительных стадий и этапов с использованием нетрадиционных (количественных) методов исследования.

Список источников

1. Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика. М., 2006.

2. Орлова В.Ф., Погибко Ю.Н. и др. Комплексная методика решения судебно-почерковедческих идентификационных задач, связанных с исследованием буквенных текстов: метод. пособие для экспертов. М., 1982.

References

1. Orlova V. F. Forensic handwriting diagnostics. M., 2006.

2. Orlova V. F., Pogibko Y. N. et al. Complex methodology for solving forensic handwriting identification tasks related to the study of alphabetic texts: method. manual for experts. M., 1982.

Библиографический список

1. Шкоропат Е. А. Теоретические и методические аспекты диагностирования необычных психофизиологических состояний исполнителя рукописи по почерку: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008.

Bibliographic list

1. Shkoropat E. A. Theoretical and methodological aspects of diagnosing unusual psychophysiological states of the performer of the manuscript by handwriting: diss. ... cand. jurid. sciences'. Volgograd, 2008.

Информация об авторах

Е. А. Шкоропат — доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент;

Р. В. Бондаренко — доцент кафедры исследования документов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. A. Shkoropat — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

R. V. Bondarenko — Associate Professor of the Department of Document Research at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов:

Е. А. Шкоропат— научное руководство; концепция исследования; разработка методики; написание исходного текста; итоговые выводы.

Р. В. Бондаренко— участие в разработке методики; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

E. A. Shkoropat — Scientific Management; Research Concept; Methodology Development; Writing the Draft; Final Conclusions.

R. V. Bondarenko — Participation in the Development of the Methodology; Follow-On Revision of the Text; Final Conclusions.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-237-248
EDN: https://elibrary.ru/uvfjdw
NIION: 2003-0059-3/23-706
MOSURED: 77/27-003-2023-03-905

Налоговые преступления или получение налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды: пределы ответственности виновных лиц (часть I)

Нодари Дарчоевич Эриашвили[1], Александр Иванович Григорьев[2], Вера Алексеевна Мочалова[3]
[1] Московский университет МВД РФ имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru
[2,3] Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, Москва, Россия
[2] altr1960@mail.ru
[3] v.mochalova2015@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с получением налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды; действующее налоговое и уголовное законодательство РФ, складывающаяся судебная практика. Делаются выводы о том, что грань между незаконной минимизацией налоговых обязательств перед публично-правовыми образованиями и совершением преступления довольно призрачна, тем более, когда признаки налоговых мошенничеств и налоговых преступлений (ст. 198–199.2 УК РФ) становятся практически идентичными. За последние 16 лет налоговое и уголовное (в части, совершенных налоговых преступлений) законодательство стало довольно либеральным по отношению к лицам, допустившем нарушение норм права, связанных с необоснованной минимизацией уплаты налогов, сборов, пошлин, страховых взносов. В сложившейся ситуации налоговые и правоохранительные органы становятся перед дилеммой отграничения налогового правонарушения от совершенного преступления. Авторы попытались ответить на некоторые вопросы, связанные с данной проблемой.

Ключевые слова: налоговые преступления, налоговое мошенничество, необоснованная налоговая выгода, постановления КС РФ, ВС РФ, ВАС РФ, письма и разъяснения Минфина России и ФНС России, размер причиненного ущерба бюджету, налоговая и уголовная ответственность за налоговые преступления

Для цитирования: Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Мочалова В. А. Налоговые преступления или получение налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды: пределы ответственности виновных лиц (часть I) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 237–248. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-237-248. EDN: UVFJDW.

Original article

Tax crimes or receipt by a taxpayer of unjustified tax benefits: limits of responsibility of the perpetrators (part I)

Nodari D. Eriashvili[1], Alexander I. Grigoriev[2], Vera A. Mochalova[3]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor60@mail.ru
[2,3] Russian State University named after A. N. Kosygin, Moscow, Russia
[2] altr1960@mail.ru
[3] v.mochalova2015@yandex.ru

Abstract. The issues related to the receipt of unjustified tax benefits by the taxpayer are considered; the current tax and criminal legislation of the Russian Federation, the emerging judicial practice. Conclusions are drawn that the line between the illegal minimization of tax obligations to public legal entities and the commission of a crime is quite illusory, especially when the signs of tax fraud and tax crimes (Articles 198–199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) become almost identical. Over the past 16 years, tax and criminal (in terms of committed tax crimes) legislation has become quite liberal in relation to persons who have committed violations of the law related to unjustified minimization of taxes, fees, duties, insurance premiums. In the current situation, tax and law enforcement agencies are faced with the dilemma of distinguishing a tax offense from a committed crime. The authors tried to answer some questions related to this problem.

Keywords: tax crimes, tax fraud, unjustified tax benefit, resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, letters and explanations of the Ministry of Finance of Russia and the Federal Tax Service of Russia, the amount of damage caused to the budget, tax and criminal liability for tax crimes

For citation: Eriashvili N. D., Grigoriev A. I., Mochalova V. A. Tax crimes or receipt by a taxpayer of unjustified tax benefits: limits of responsibility of the perpetrators (part I). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):237–248. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-237-248. EDN: UVFJDW.

© Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Мочалова В. А., 2023

На рубеже начала XXI в. налоговая система Российской Федерации столкнулась с проблемой квалификации незаконного уклонения от уплаты обязательных платежей. Сам факт наличия рыночных отношений в условиях изменившейся общественно-экономической формации в России позволяет говорить о том, что согласно действующему Гражданскому кодексу РФ предпринимательная деятельность связана с систематическим извлечением прибыли на свой риск (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ). Естественно, такая деятельность предпринимательского сообщества осуществляется с умыслом. Глупо утверждать, что предприниматель, или организация, всегда могут до конца оценить все риски, включая налоговые, при заключении контрактов на поставку товаров (работ, оказания услуг) (договоров), а также при выборе контрагентов. Однако, по меткому выражению судьи КС РФ в отставке К. В. Арановского, это «не образует признака противоправности, включая «умышленное» получение выгод и сокращение расходов, поскольку и то и другое состоит под защитой закона» [мнение судьи К. В. Арановского см.: 1]. Установление налоговыми органами «формальных» действий или «формальное» соблюдение налогового законодательства при проведении мероприятий налогового контроля — это еще не повод говорить о допущении в отношение налогоплательщика (плательщика сборов, налогового агента, плательщика страховых взносов) каких-либо правоограничений. В противном случае возникнет желание возложения обязательных платежей с «теневого» бизнеса. Предвосхищая подобные негативные сценарии, Пленум ВАС РФ в своем постановлении от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (далее — Постановление № 53), высшие судьи, довольно небезуспешно, впервые определились с дефиницией «презумпция добросовестности налогоплательщика» с целью установления в дальнейшем наличия либо отсутствия в действиях плательщика обязательных платежей необоснованной налоговой выгоды. Судом были даны критерии, которые могут указывать на наличие в действиях налогоплательщика необоснованного уклонения от уплаты налога. Особое внимание было обращено, что при заключении сделок с контрагентами, налогоплательщик должен проявлять разумную осторожность и осмотрительность в целях минимизации возможных налоговых рисков.

Даже при наличии достаточного количества оценочных критериев нельзя не заметить, что судьи сделали первый шаг в сторону отграничения мер ответственности, предусмотренных налоговым законодательством, от общественно-опасных деяний, подпадающих под признаки уголовного преступления. Постановление № 53 послужило побудительным мотивом для того, чтобы налоговый регулятор выпустил письмо, в котором закрепил алгоритм действий для выявления доказательной базы для установления факта получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды, а также определения критериев для проведения выездной налоговой проверки с целью установления признаков недобросовестности, в том числе включение в цепочку хозяйственных операций «технических» компаний (фирм-однодневок) [6]. Особо контролирующим органом было обращено внимание на установление фактов фиктивности (имитации) сделок, согласованные действия нескольких организаций — налогоплательщиков, направленные на уклонение от уплаты налогов, а также преднамеренное перенесение налогового бремени на «техническую» (фирму — однодневку) компанию.

Выводы Постановления № 53 нашли отражение в принятой в 2017 г. ст. 54. 1 НК РФ «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) сумм налога, сбора, страховых взносов». Основные выводы, изложенные в указанной норме выявили:

- суть искажения;
- причинную связь между действиями налогоплательщика и допущенными искажениями;
- наличие умысла со стороны налогоплательщика либо его должностных лиц;
- реальные потери бюджета либо внебюджетных фондов.

Главный лейтмотив положений ст. 54.1 НК РФ состоит в том, что основной целью сделки является не экономия на налогах, а наличие либо отсутствие реальности совершенной хозяйственной операции [7]. Обобщенная судебная практика в отношении выявления в хозяйственной цепочке «технических» компаний и заключенных договоров (контрактов) с пороком содержания позволяет оценивать действительные налоговые обязательства таким образом, как если бы сделка была исполнена реальным контрагентом [1; 8; 9; 10]. По мнению К. Сасова, «экономический анализ этих сделок позволяет утверждать, что субъектом пла-

тежа налоговой недоимки от таких сделок является их бенефициар (выгодоприобретатель), имеющий возможность управлять своим контрагентом или конкурентом (зависимым лицом) в своем интересе [27]. Еще раз. При установлении налоговым органом в хозяйственной цепочке фирм–однодневок, цель создания которых — увеличение расходов по исчислению налога на прибыль организаций, увеличению возмещения НДС из бюджета, а также незаконное использование специальных налоговых режимов: налоговые органы устанавливают налоговые обязательства таким образом, чтобы сделка являлась бы реальной. Согласно выводам ВС РФ, изложенным в определении от 15 декабря 2021 г. по делу № А40-131167/2020 (ООО «Спецхимпром»), необоснованной налоговой выгодой покупателя может быть признана та часть расходов, учтенных при исчислении налога на прибыль организаций, и примененных налоговых вычетов НДС, которая приходится на наценку, добавленную «техническими» компаниями. Иными словами, противодействие злоупотреблениям, проводимое в ходе мероприятий налогового контроля не должно приводить к определению налоговой обязанности в относительно более высоком размере, и применению дополнительных санкций.

Надо признать, что в настоящее время произошло выхолащивание понятий «фиктивность» сделки и имитация документооборота. Введение понятия мнимой сделки была подтверждена Постановлением № 53. Непростой вопрос, который стоит перед следователем и судом — установление признаков состава совершенных преступных посягательств, направленных на публично-правовые отношения, связанные с неуплатой налогов, сборов, и (или) страховых взносов физическим лицом, включая индивидуального предпринимателя, или организацией — налогоплательщиком; установление действительного размера ущерба, причиненного государству или муниципальным образования виновным (и) лицами, а также продолжающиеся дискуссии в отношение порядка исчисления сроков давности по преступлениям, предусмотренным ст. 198–198.1 УК РФ.

За последние годы растет число уголовных преступлений, совершаемых так называемыми «белыми воротничками». По данным Генеральной прокуратуры РФ, динамика экономических преступлений имеет тенденцию к незначительному снижению, но это только верхушка айсберга.

Из всего массива совершенных экономических преступлений, преступления, связанные с неуплатой налогов, сборов, страховых взносов, составляют незначительный объем.

Дело в том, что, с одной стороны, экономическим преступлениям присуще наличие латентности в их раскрываемости правоохранительными органами в силу наличия сложности и многообразия складывающихся экономических отношений, и не каждый следователь СК РФ может обладать достаточными знаниями в международном и российском налоговом праве; тем более, что большинство норм Налогового кодекса Российской Федерации содержат бланкетный характер.

И. Н. Соловьев в своей работе высказал мысль, что сожалеет о том, что, по его мнению, единственным тормозом в расследовании налоговых преступлений — являются выводы контролеров, сформулированные в акте налоговой проверки. Обосновывая этот тезис, И. Н. Соловьев аргументирует его тем, что в данном случае теряется единая правоохранительная цепочка от выявления налогового преступления правоохранительными органами до его направления в суд. Более того, автор считает, что выводы арбитражных судов носят преюдициальное значение, тем самым затрудняют, по его мнению, возможность «приструнить налоговых уклонистов» [29].

Однако опасения И. Н. Соловьева в данном случае являются чрезмерными. Налоговые органы на стадии налоговых проверок довольно эффективно выявляют полученную налогоплательщиками необоснованную налоговую выгоду, в порядке ст. 54.1 НК РФ. Стоит заметить, что тезис о том, что решения арбитражных судов носят преюдициальное значение, и тем самым затрудняют процесс раскрытия налоговых преступлений, — на наш взгляд, содержит в себе

Таблица 1.

Динамика совершенных экономических преступлений в России

Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022 (декабрь)
Количество совершенных преступлений	105 087	109 463	104 927	105 480	117 707	111 429

Источник: Генеральная прокуратура РФ.

ошибочное представление. Не вдаваясь в дискурс о преюдициальном значении решений судов, хотелось бы напомнить и наконец, отойти от «средневекового» положения о невозможности наличия судебного прецедента в российском законодательстве, особенно, в налоговых правоотношениях. В качестве примера можно привести Постановление № 53, которое не просто судебный акт; он является в настоящее время доктриной российского налогового права в отношении установления необоснованной налоговой выгоды.

Все споры относительно правомерности того, что уголовные дела по налоговым преступлениям в настоящее время возбуждаются на основании материалов, полученных от налоговых органов (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ), абсолютно лишены оснований. Для начала вернемся к Налоговому кодексу РФ.

В п. 3 ст. 32 НК РФ законодателем оговорено, что если в течение 75 дней [20] со дня истечения срока исполнения требования об уплате налога, направленного налогоплательщику на основании решения о привлечения к налоговой ответственности, и не уплате (не перечисление) последним в полном объеме обязательных платежей, регулируемых налоговым законодательством, и размер которых позволяют предположить совершение налогового преступления, то налоговые органы обязаны в течение десяти дней направить соответствующие материалы в правоохранительные органы. Если поступила информация о совершенном преступлении от правоохранительных органов, фискальный орган обязан сам провести проверку данных и закрепить их соответствующими документами [11]. Соответственно, п. 2 ст. 36 НК РФ установлено, «что при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, органы внутренних дел обязаны в десятидневный срок со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в соответствующий налоговый орган для принятия по ним решения».

Согласно ст. 5 Закона РФ от 21 марта 1991 г. № 943-1 (ред. от 28 декабря 2022 г.) «О налоговых органах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2023 г.) органы внутренних дел обязаны оказывать практическую помощь работникам налоговых органов при исполнении ими служебных обязанностей, обеспечивая принятие предусмотренных законом мер по привлечению к ответственности лиц, насильственным образом препятствующих выполнению работниками налоговых органов своих должностных функций» [31, с. 148–149].

Обращаем внимание, что и налоговый регулятор не стал в стороне, направив нижестоящим налоговым инспекциям, в соответствии с п. 3.4 протокола совместного заседания коллегий ФНС России и Следственного комитета Российской Федерации от 7 июня 2016 г. № 2/4 по вопросу «Повышения эффективности взаимодействия налоговых и следственных органов по выявлению и расследованию преступлений в сфере налогообложения», разработал методические рекомендации для территориальных налоговых и следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленных на неуплату налогов (сборов), согласованные со Следственным комитетом Российской Федерации [12].

Кроме того, налоговые органы, при проведении мероприятий налогового контроля, особенно при уплате налогоплательщиком НДС, активно и очень успешно, используют современные информационные технологии, построенные на искусственном интеллекте «Big Data», (АСК НДС-2, АСК НДС-3), и при выявлении налоговых разрывов при уплате НДС, или при установлении в хозяйственной цепочке «технических» компаний, — они, на основании имеющихся данных, доначисляют налог так, как если бы сделка имело место, а в случае непоступления НДС в бюджет — контролирующий орган отказывает налогоплательщику в его возмещении.

Рассматривая вышеприведенную табл. 1, может сложиться мнение о незначительном объеме регистрируемой налоговой преступности — от всего массива поставленных на учет совершенных экономических преступлений. Но это говорит только об одном — налоговые органы, при проведении мероприятий налогового контроля, на стадии камеральной, выездной или встречной налоговой проверки используют автоматическую систему контроля.

При расследовании преступлений, совершаемых в налоговой сфере, необходимо уяснить, в рамках каких отраслей российского законодательства имеется наличие (отсутствие) в действиях виновного лица признаки правонарушения, связанного с уклонением от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, либо со стороны налогоплательщика (налогового агента)

или самого налогового органа была допущена небрежность, ошибка, либо добросовестное заблуждение в расчетах сумм налогового платежа либо есть основания полагать, что имеются признаки состава преступления. Как указал КС РФ, «приоритет при уяснении значения налогового института, понятия или термина отдается налоговому законодательству, при отсутствии возможности определить их содержание путем системного толкования положений налогового законодательства допускается использование норм иных отраслей законодательства с учетом того, что смысл, содержание и применение законов определяются непосредственно действующими правами и свободами человека и гражданина» [2; 3; 4].

Для применения мер уголовно-правового воздействия к виновному лицу, с точки зрения правоохранительных органов, необходимо четко руководствоваться нормами действующего налогового законодательства, и использовать термины, изложенные в ст. 11 НК РФ в том понимании, какое дает Налоговый кодекс РФ.

Так, в п. 6 ст. 3 НК РФ законодатель, в императивной форме, отметил, что нормы налогового законодательства «должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги (сборы, СВ), когда и в каком порядке он должен платить».

К сожалению, расплывчатость диспозиций некоторых норм налогового законодательства, а в некоторых случаях, наличие и коллизионных норм права — все это является стимулирующим фактором к правовому регулированию актами судебных инстанций при наличии правовой неопределенности, а также ошибочным применением норм уголовного законодательства в отношении налогоплательщиков и иных участников налоговых правоотношений, а также к произвольному и дискриминационному правоприменению правоохранительными органами [15].

Абсолютно согласны с тезисом о том, что уголовные преступления не занимают весомую долю в судебной практике, однако каждое из них сопряжено с сложностью толкования отдельных статей УК РФ из-за правовой неопределенности и регламентации признаков составов преступлений [26, с. 33–38].

В постановлении Пленума ВС РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» (далее — Постановление № 48) в п. 8 отмечено, что уклонение от уплаты налогов, в том числе сборов, страховых взносов, сокрытие денежных средств либо имущества возможны только с прямым умыслом. Но ведь и получение необоснованной налоговой выгоды совершается налогоплательщиком с умыслом. Но сам по себе умысел в действиях налогоплательщика (плательщика сборов, налогового агента, плательщика страховых взносов), как бы он грозно не звучал в разъяснениях финансовых и налоговых органов, а также высших судебных инстанций — вряд ли может иметь решающее значение в делах, связанных с взысканием налогов. Каждому студенту экономического вуза известен тезис о том, риск — источник прибыли, и это положение закреплено законодателем в п. 1 ст. 2 ГК РФ. Например, вполне возможны ситуации, когда налогоплательщик реализует своим компаниям товар по ценам, отличающимся от рыночных, причем это отклонение может превышать пределы, установленные ст. 40 НК РФ.

ВС РФ отметил, что лишь многократное отклонение цены от рыночной в заключаемых сделках, может служить одним из оснований для признания необоснованной налоговой выгоды. А вот реализация товаров другим контрагентам по повышенной цене имеет разумное экономическое обоснование. Кроме того, проверяющим необходимо учитывать и количество реализованных товаров как взаимозависимым лицам, так и сторонним покупателям [5]. И наоборот, лицо, реализуя товар, намеренно демпингует ценами, с целью устранения конкурентов.

Поэтому, устанавливая вину лица в совершенном преступлении, нужно ставить перед собой задачу: какая была поставлена цель и мотив в той или иной сделке? Являлась ли она деловой, в смысле реальности сделки, или стояла именно налоговая цель? Для этого необходимо определить стандарт доказывания. Поэтому разумность цели и реальность совершения хозяйственной операции позволяют установить наличие вины лица, привлекаемого к совершению налогового преступления.

Л. Д. Гаухман и С. В. Максимов, в свое время, относили к налоговым преступлениям, в частности, уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ) и нарушение плавил сдачи государству драгоценных металлов и природных драгоценных камней (ст. 192 УК РФ) [22, с. 17–18]. Думаем, что авторы в данном случае допустили ошибку отнесения к налоговым преступлениям, уклонение от уплаты тамо-

женных платежей (ст. 194 УК РФ). Во-первых, в п. 2 ст. 2 НК РФ установлено, что к отношениям по установлению, введению и взиманию таможенных платежей, налоговое законодательство не применяется. Во-вторых, установление и уплата таможенных платежей регулируется иными отраслями права.

Близким к составам налоговых преступлений можно отнести незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) и незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), а также преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ).

Вполне логичными представляются рассуждения злоумышленника создать так называемую «техническую» компанию или вести незаконную предпринимательскую деятельность, одной из основных целей которой является уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов. Так, в методических разъяснениях ФНС России отметил, что результате анализа релевантных сведений установлено, что из 45 налогоплательщиков реальные бенефициары из состава руководителей, учредителей, главных бухгалтеров должников выявлены в 31 случае (68,9 %); из числа лиц, неформально управляющих деятельностью должника и/или получающих от этого экономически необоснованную выгоду, реальные бенефициары выявлены в 14 случаях (31,1 %) [13].

Преимущество приведенных диспозиций норм уголовного закона состоит не только в том, что они избавляют каждый раз правоприменителя доказывать наличие крупного ущерба, причиненного государству, гражданам, организациям, но и в том, что возможность вменения указанных преступлений не ставится в зависимость от факта наличия уклонения от уплаты обязательных платежей. Исходя из этого посыла, незаконное предпринимательство должно получать правовую оценку как таковое, а все, что совершается в результате преступных действий должно получать самостоятельную оценку в зависимости от поражаемого объекта.

При наличии фактических обстоятельств, свидетельствующих о совершении преступления, перед следователем возникает дилемма в квалификации совершенного деяния: имеют ли место мошеннические действия или это уклонение от уплаты налогов. Вопрос далеко не праздный. Например, мошенничество (ст. 159 УК РФ) относится к гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности», а уклонение от уплаты налогов (ст. 198–199.2 УК РФ) — «Экономические преступления». По данным преступлениям меры ответственности за совершенные общественно-опасные деяния различаются друг от друга. Однако, между составом преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ и налоговыми преступлениями довольно тонкая и призрачная грань, перейти которую довольно легко, ошибочно приняв хищение средств государства, органов местного самоуправления, государственных внебюджетных фондов от уклонения от уплаты обязательных платежей, предусмотренных НК РФ.

Есть определенная группа ученых, считающих, что незаконное возмещение налога из бюджета, путем умышленного указания недостоверных данных в налоговой декларации является основанием для вывода, что преступник совершил мошеннические действия с целью незаконного возмещения налога из бюджета, причем в большинстве случаев речь идет о возмещении НДС [30, с. 458–459]. Еще более радикальный подход в отношении хищении бюджетных средств, связанных с незаконным возмещением налога из бюджета, предложили А. Н. Панкратьев и Р. Т. Файзеев, утверждая, что «противоправные действия, связанные с незаконным возмещением налога, в уголовно-правовом смысле являются разновидностью хищения, что в полной мере соответствует термину «налоговое мошенничество» [23, с. 18–24]. Мысль о том, что виновное лицо, подавая налоговую декларацию в налоговые органы с внесенными недостоверными данными, в результате этого получает возмещение из бюджета, мягко говоря, довольно слабая аргументация. Для получения налогового вычета, налоговый орган проводит определенные мероприятия налогового контроля, а именно, камеральную налоговую проверку. Налоговая проверка в настоящее время проводится контролирующим органом в автоматическом режиме. И для принятия решения о возмещении налога, во-первых, кроме камеральной налоговой проверки контролирующим органом будет осуществляться встречная налоговая проверка в порядке ст. 93.1 НК РФ. Во-вторых, решение о возмещении налога принимает вышестоящий налоговый орган. В-третьих, в случае необоснованного предоставления налогового вычета, — это

ошибка налогового органа. На налоговый орган возлагается обязанность проверить все предоставленные документы: договоры, счет-фактуры, другие документы, необходимые для проведения налогового контроля. Наконец, **право не может вытекать из неправомерных действий. Это юридическая аксиома.**

Не останавливаясь на размышлениях относительно введения в уголовный закон ст. 159.7 УК РФ, А. Н. Панкратьев и Р. Т. Файзеев считают, что в случае необоснованного возмещения НДФЛ из бюджета, согласно ст. 220 НК РФ, «установление пороговых значений привлечения к уголовной ответственности в виде крупного размера даже в суммах, установленных примечанием к ст. 159 УК РФ, — все это декриминализует значительное число налоговых мошенничеств, совершаемых физическими лицами». Интересно, но КС РФ в постановлении от 24 марта 2017 г. № 6-П уже пришел к выводу об отсутствии в действиях граждан, незаконно получивших налоговый вычет из бюджета, состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Точка зрения КС РФ об отсутствии мошеннических действий со стороны граждан, представивших в налоговые органы декларацию с указанными недостоверными сведениями, связанными с получением налогового вычета по НДС, остается неопровержимой [16; 17].

Выводы о том, что мошеннические действия со стороны налогоплательщика могут иметь место в случае, если налоговая декларация была подписана неуполномоченным лицом либо в отношении налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента) — организации в Единый государственный реестр юридических лиц внесена запись о прекращении юридического лица (путем реорганизации, ликвидации или исключения из Единого государственного реестра юридических лиц по решению регистрирующего органа) ранее даты представления таким лицом в налоговый орган налоговой декларации (расчета), не выдерживают никакой критики, так как в силу п. 4.1 ст. 80 НК РФ такая налоговая декларация считается непредставленной.

Негативные правовые последствия не наступили.

Как справедливо заметил А. И. Бойцов: «средствами мошеннического обмана служат предметы, процессы или явления материального мира, используемые для совершения задуманного преступления. Арсенал такого рода средств столь же многообразен, как и арсенал обманных приемов» [21, с. 386].

В судебной практике [19] сформировалось убеждение, что подача налогоплательщиком уточненной налоговой декларации (ст. 81 НК РФ) является фактом, подтверждающим очевидность мотивации лица избежать ответственности, если по результатам налоговой проверки выявлены нарушения налогового законодательства. С такой позицией судов солидарен и А. Н. Панкратьев [24, с. 83–88]. Порочность данных размышлений очевидна: в письме ФНС России от 21 февраля 2018 г. № СА-4-9/3514@ контролирующий орган резюмировал, что если налогоплательщик после получения требования о даче пояснений представил уточненную налоговую декларацию и до ее подачи уплатил недостающую сумму и пени, он освобождается от налоговой ответственности по п. 1 ст. 122 НК РФ. Каких-либо пресекательных сроков для подачи уточненной налоговой декларации не существует. Соответственно, и привлечь к налоговой ответственности в отношении поданной уточненной налоговой декларации нельзя, даже если она подана после последнего дня, установленного для сдачи обычной декларации (абз. 2 п. 1 ст. 81 НК РФ). Более того, в рамках выездной налоговой проверки налогоплательщиком может подана уточненная налоговая декларация, и налоговый орган будет проверять период, за который подана данная декларация. Это прямо вытекает из разъяснений налогового регулятора [14]. Вполне логично, что осуществляя налоговую проверку по поданной уточненной налоговой декларации, мероприятия налогового контроля могут выходить за трехлетний ограничительный период (ст. 89 НК РФ). Суды с такой позицией налогового регулятора соглашаются [18]. Таким образом, выводы о том, подача налогоплательщиком уточненной налоговой декларации является сокрытием заведомо ложных сведений, содержащихся в первоначальной налоговой декларации, не соответствуют требованиям действующего законодательства.

Среди определенной группы исследователей данной проблемы сложилось мнение, что предоставление налогоплательщику налогового вычета на основании подложных сведений, содержащейся в налоговой декларации, может квалифицироваться как обман на незаконное возмещение налога из бюджета (ст. 159 УК РФ), а если налоговый орган произведет зачет возмещаемого налога по имеющейся недоимке

по другим налогам — деяние подпадает под признаки ст. 198–199.1 УК РФ [28, с. 299–315]. С данной позицией нельзя согласиться, поскольку налоговый орган при наличии недоимки, зачет налога проведет самостоятельно. Это его право (ст. 78, 176 НК РФ). В то же самое время, если организация изначально была создана с целью неуплаты налогов (сборов, страховых взносов), не осуществляла никакой предпринимательской деятельности, генеральный директор — неустановленное лицо, «массовая регистрация» по одном адресу, то при подаче налоговой декларации (расчета) данной «фирмой» — есть основания полагать наличие мошеннических действий со стороны руководителей этой псевдофирмы (ст. 159 УК РФ) либо совершение покушения на преступления (ч. 3 ст. 30 УК РФ, ст. 159 УК РФ, ст. 285 УК РФ). Иными словами, если соучастником преступления будет выступать руководитель налогового орган, так, как только он принимает решение о зачете (возврате) налога, то соответственно, его роль может быть как пособника или организатора.

Очерченная проблема не может ограничиваться и изучением вносимыми законопроектами в Государственную Думу Российской Федерации (Проект Федерального закона № 263208-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»). В пояснительной записке авторы законодательной инициативы, обосновывая введение в действие ст. 173.3 УК РФ, предусматривающей ответственность за действия, связанные со сбытом и (или) представлением в налоговые органы заведомо подложных счетов-фактур и налоговых деклараций, мотивируют свои выводы тем, что «отсутствие специальной нормы уголовного права не позволяет проводить оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление и пресечение деятельности, до того момента пока фиктивными налоговыми вычетами не воспользуется реальный налогоплательщик, т. е. до появления признаков преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ».

В такой ситуации достаточно сложно задокументировать связь организаторов фиктивного документооборота с налогоплательщиком, применившим вычет, поскольку «сбыт» документов, как правило, осуществляется через цепочку посредников, либо с использованием сети Интернет. Существенным обстоятельством является тот факт, что даже в случае предъявления обвинения организаторам схемы как пособникам по ст. 199 УК РФ, они будут освобождены от уголовной ответственности в случае возмещения ущерба по конкретному уголовному делу, при этом не будет учитываться размер извлеченного ими преступного дохода от противоправной деятельности в целом». Интересно, а для кого нужны фиктивные счет-фактуры? Если покупателю, то налоговый орган будет оценивать сделку на предмет ее реальности; если для «технических» компаний, то в случае их выявления налоговый орган будет действовать в соответствии с методическими рекомендациями налогового регулятора [8]. Для выявления, изобличения преступников, создающих фиктивные компании, и привлечения их к уголовной ответственности, уголовный закон Российской Федерации располагает всеми необходимыми правовыми рычагами. Предлагаемые изменения в уголовное законодательство только «загромождают» его абсолютно бесполезными, с точки зрения права «мертвыми» нормами.

Обязательным признаком составов налоговых преступлений (ст. 198–199 УК РФ) является недоимка в крупном или особо крупном размере.

Что же понимается законодателем под термином недоимка? В ст. 11 НК РФ под недоимкой понимается сумма налогов, сборов, страховых взносов, не уплаченных в установленный срок. Однако, в абз. 4 ст. 101 НК РФ, законодатель расширил понятие, указав, что суммы налога, излишне возмещенные на основании решения налогового органа, то указанная сумма признается недоимкой.

В своих размышлениях еще дальше пошел КС РФ в постановление от 24 марта 2017 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапланова».

По мнению высшего суда, незаконное возмещение НДФЛ гражданину в результате ошибки, допущенной налоговым органом, является неосновательным обогащением гражданина, в силу чего, взыскание с виновного лица должно быть произведено порядке ст. 1102 ГК РФ. В чистом виде — судебный прецедент.

Позиция КС РФ с правовой точки зрения понятна. Налоговый вычет по НДФЛ (ст. 220 НК РФ) является, по сути, опосредованной льготой для при-

обретения жилья. Предоставляя налоговый вычет, государство тем самым стимулирует граждан за счет своих доходов, облагаемых по ставке 13 %, улучшать свои жилищные условия. Однако, с точки зрения налогового законодательства понятие недоимки, как таковой, приобретает довольно широкое значение. Исходя из рассуждений Конституционного суда РФ, можно прийти к выводу о том, что излишне возмещенная сумма НДС на основании решения фискального органа считается недоимкой, а необоснованно возмещенная сумма НДФЛ на основании использованного налогового вычета гражданину судами будет считаться как неосновательное обогащение последним.

Действующее налоговое законодательство позволяет разрешать вопрос о необоснованном получение налогоплательщиком налогового вычета по НДФЛ более либеральными методами, чем те, которые предлагают правоохранительные органы. С 1 января 2023 г. в ст. 221.1 НК РФ («упрощенный порядок получения налоговых вычетов») законодатель внес поправки относительно необоснованного получения налогового вычета по НДФЛ налогоплательщиком. Довольно четко, в императивной форме определено положение о том, что «суммы, подлежащие возврату налогоплательщиком, подлежат уплате налогоплательщиком в течение 30 календарных дней со дня направления налоговым органом через личный кабинет налогоплательщика (при прекращении доступа налогоплательщика к личному кабинету налогоплательщика — по почте заказным письмом) решения.

Список источников

1. Определение КС РФ от 4 июля 2017 г. № 1440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 146, 153, 154, 247–249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Определение КС РФ от 8 июня 2004 г. № 228-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы сельскохозяйственного кооператива (колхоза) «Красносельское» на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 6 Закона Российской Федерации «О плате за землю» и частью 2 статьи 6 Закона Владимирской области «О ставках земельного налога для физических и юридических лиц на 1999 год» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение КС РФ от 18 января 2005 г. № 24-О «Об отказе в принятии к рассмотрении жалобы закрытого акционерного общества «Печоранефтегаз» на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации и частью 2 статьи 32.1 Федерального закона «О введении в действие части 2 Налогового кодекса Российской Федерации и внесение изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение КС РФ от 2 ноября 2006 г. № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением подпункта 1 пункта статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение ВС РФ от 1 декабря 2016 г. № 308-КГ16-10862, Обзор правовых позиций Конституционного суда РФ и Верховного суда за II полугодие 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

6. Письмо ФНС России от 24 мая 2011 г. № СА-4-9/8250 «О доказывании необоснованной налоговой выгоды» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Письмо ФНС России от 23 марта 2017 г. № ЕД-5-9/547@ «О выявлении обстоятельств необоснованной налоговой выгоды» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7 № 3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Письмо ФНС России от 11 августа 2017 г. № СА-4-7/15895@ «Об обзоре судебной арбитражной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Письмо ФНС России от 31 октября 2013 г. № СА-4-9/19592 «О направлении обзора практики рассмотрения жалоб налогоплательщиков и налоговых споров судами по вопросам необоснованной налоговой выгоды» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Письмо ФНС России от 17 июля 2013 г. № АС-4-2/12837 «О рекомендациях по проведению мероприятий налогового контроля, связанных с налоговыми проверками» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@ // СПС «КонсультантПлюс».

13. Письмо ФНС России от 30 декабря 2022 г. № СД-4-18/17916@ «О направлении Обзора успешных практик устранения схем уклонения от налогообложения (вместе с Обзором успешных практик устранения схем уклонения от налогообложения, включающих выявление реального их выгодоприобретателя, бенефициаров деятельности лица, уклоняющегося от уплаты налогов, направлений вывода активов и полученной выгоды, начиная со стадий предпроверочного анализа и доследственной проверки» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Письма ФНС России от 25 июля 2013 г. № АС-4-2/13622@ и от 29 мая 2012 г. № АС-4-2/8792 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление КС РФ от 24 марта 2017 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапланова» (п. 4) // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление КС РФ от 22 июля 2020 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. А. Литвинова» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление КС РФ от 4 марта 2021 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Калугарова» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 13 августа 2014 г. по делу № А53-11519/2013 // СПС «Гарант».

19. Приговор Псковского городского суда Псковской области от 2017 г. по делу № 1-14/2017 в отношении Большакова В. А. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ // СПС «Гарант».

20. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ «О внесении изменений в части 1 и 2 Налогового кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.

22. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. М. : ЮрИнфоР, 1998.

23. Панкратьев А. Н., Файзеев Р. Т. Перспектива дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации статьей о мошенничестве в налоговой сфере // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 2 (62).

24. Панкратьев А. Н. Практика применения статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57).

25. Полный курс уголовного права / под ред. А. И. Коробеева. В 5 т. Т. 3: Преступления в сфере экономики. СПб., 2008.

26. Решняк М. Г., Моисеев С. С. К вопросу о правовой неопределенности в регламентации уголовной ответственности за налоговые преступления // Безопасность бизнеса. 2019. № 4.

27. Сасов К. Экономический анализ как метод определения надлежащего субъекта погашения налоговой недоимки // ЭЖ-БУХГАЛТЕР. 2022. № 13.

28. Скворцова О. В., Зитулаева Д. А. Уголовная ответственность за налоговые преступления: проблемы разграничения и законодательные новеллы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4.

29. Соловьев И. Н. О некоторых вопросах организации расследования налоговых преступлений на современном этапе // Российский следователь. 2019. № 10. С. 6–8.

30. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. В. Н. Бурлакова, В. В. Лукьянова, В. Ф. Щепелькова. СПб. : СПбГУ, 2014.

31. Эриашвили Н. Д. и др. Налоговое право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020.

References

1. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 4, 2017 No. 1440-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Buneev Sergey Petrovich for violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 146, 153,

154, 247-249 and 274 of the Tax Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

2. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 8, 2004 No. 228-O «On refusal to accept for consideration the complaint of the agricultural cooperative (collective farm) Krasnoselskoye for violation of its constitutional rights by Part 2 of Article 6 of the Law of the Russian Federation «On Payment for Land» and Part 2 of Article 6 of the Law of the Vladimir Region «On Land rates tax for individuals and legal entities for 1999» // SPS «ConsultantPlus».

3. The definition of the constitutional court of 18 January 2005 No. 24-About the «refusal to accept for consideration the complaint of the closed joint-stock company «Pechoraneftegaz» in violation of his constitutional rights by paragraph 1 of article 11 of the Tax code of the Russian Federation and part 2 of article 32.1 of the Federal law «On the introduction of part 2 of the Tax code of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on taxes» // SPS «ConsultantPlus».

4. Ruling of the constitutional court of the Russian Federation dated November 2, 2006, No. 444-About the «On the complaint of the Commissioner for human rights in the Russian Federation in violation of the constitutional rights of the citizen Astakhova Irina Alexandrovna provision of paragraph 1 of article 220 of the Tax code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

5. Definition of the armed forces from 1 December 2016. № 308-КГ16-10862, an overview of the legal positions of the constitutional court and the Supreme court for the second half of 2016 // SPS «ConsultantPlus».

6. Letter of the FTS of Russia of may 24, 2011 № of SA-4-9/8250 «evidence of unjustified tax benefit» // SPS «ConsultantPlus».

7. Letter of the FTS of Russia of March 23, 2017, № U-5-9/547@ «About clarification of unjustified tax benefit» // SPS «ConsultantPlus».

8. Letter of the FTS of Russia of March 10, 2021 № BV-4-7 No. 3060@ «About practice of application of article 54.1 of the Tax code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

9. Letter of the FTS of Russia on 11 August 2017, the number of SA-4-7/15895@ «About the judicial review of arbitration practice related to the appeal taxpayers non-normative acts of the tax authorities issued as a result of tax control measures, in which the facts of obtaining undue tax benefits through a formal division (split) of the business and artificial distribution of revenue from ongoing activities are controlled by related parties» // SPS «ConsultantPlus».

10. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated October 31, 2013 No. CA-4-9/19592 «On the direction of the review of the practice of consideration of taxpayer complaints and tax disputes by courts on issues of unjustified tax benefits» // SPS «ConsultantPlus».

11. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated July 17, 2013 No. AS-4-2/12837 «On recommendations for tax control measures related to tax audits» // SPS «ConsultantPlus».

12. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated July 13, 2017 No. ED-4-2/13650@ // SPS «ConsultantPlus».

13. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated December 30, 2022 No. SD-4-18/17916@ «On the Direction of the Review of Successful Practices in Eliminating Tax Evasion Schemes (together with a Review of Successful Practices in Eliminating Tax Evasion Schemes, including the Identification of their Real Beneficiary, Beneficiaries of the Activities of a Tax Evader, directions for the Withdrawal of Assets and the Received benefits, starting from the stages of pre-verification analysis and pre-investigation verification» // SPS «ConsultantPlus».

14. Letters of the Federal Tax Service of Russia dated July 25, 2013 No. AS-4-2/13622@ and dated May 29, 2012 No. AS-4-2/8792 // // SPS «ConsultantPlus».

15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P dated March 24, 2017 «On the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Tax Code of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens E. N. Besputin, A. V. Kulbatsky and V. A. Chaplanov» (item 4) // SPS «ConsultantPlus».

16. The decision of the constitutional court of the Russian Federation of July 22, 2020 No. 38-P «On the case about the verification of constitutionality of part 3 of article 159 of the Criminal code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen M. A. Litvinova» // SPS «ConsultantPlus».

17. The decision of the constitutional court of the Russian Federation on 4 March 2021, No. 5-P «On the case about the verification of constitutionality of part 1 of article 159 of the Criminal code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen Vladimir Kalugerovo» // SPS «ConsultantPlus».

18. The decision as the North Caucasus region from August 13, 2014 in the case № A53-11519/2013 // SPS «Garant».

19. The verdict of the Pskov City Court of the Pskov region of 2017 in case No. 1-14/2017 against Bolshakov V. A. on the grounds of a crime under Part 3 of Article 30, Part 3 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation // SPS «Garant».

20. Federal Law No. 263-FZ of July 14, 2022 «On Amendments to Parts 1 and 2 of the Tax Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

21. Fighters A. I. Crimes against property. St. Petersburg : Law Center Press, 2002.

22. Gaukhman L. D., Maksimov S. V. Crimes in the sphere of economic activity. M. : Yurinfor, 1998.

23. Pankratov A. N., Fayziev R. T. Perspective of the Criminal code of the Russian Federation article about the tax fraud // Bulletin of the all-Russian advanced training Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. 2022. № 2 (62).

24. Pankratov A. N. The practice of application of article 159 of the Criminal code of the Russian Federation // the portal of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2022. № 1 (57).

25. Full course of criminal law, ed. by A. I. Korobeev. 5 t. T. 3: Crimes in the economic sphere. St. Petersburg, 2008.

26. Reshnyak M. G., Moiseev S. S. On the issue of legal uncertainty in the regulation of criminal liability for tax crimes // Business security. 2019. № 4.

27. Sasov K. Economic analysis as a method of determining the proper subject of repayment of tax arrears // EZH-ACCOUNTANT. 2022. No. 13.

28. Skvortsova O. V., Zitulaeva D. A. Criminal liability for tax crimes: problems of differentiation and legislative novelties // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2022. Vol. 8. No. 4.

29. Solov'ev I. N. About some questions of the organization of tax crime investigations at the present stage // Russian investigator. 2019. No. 10. P. 6–8.

30. Criminal law of Russia. The special part / under the editorship of V. N. Burlakov, V. V. Lukyanov, V. F. Metelkova. St. Petersburg : St. Petersburg state University, 2014.

31. Eriashvili N. D. etc. Tax law: textbook for University students enrolled in the specialty «Jurisprudence». M. : YUNITI-DANA : Zakon I pravo, 2020.

Информация об авторах

Н. Д. Эриашвили — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования;

А. И. Григорьев — доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина, кандидат юридических наук, доцент;

В. А. Мочалова — доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. D. Eriashvili — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the fild of Education;

A. I. Grigoriev — Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines of the Russian State University named after A. N. Kosygin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. A. Mochalova — Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines of the Russian State University named after A. N. Kosygin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 14.04.2023; принята к публикации 31.05.2023.
The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 14.04.2023; accepted for publication 31.05.2023.

Научная статья
УДК 347.421
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-249-255
EDN: https://elibrary.ru/znxngz
NIION: 2003-0059-3/23-707
MOSURED: 77/27-003-2023-03-906

Актуальные вопросы использования независимой гарантии в качестве обеспечения исполнения государственных контрактов

Мохаммад-Бастани Рамзанович Юсупов
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, seven.55@mail.ru

Аннотация. Рассматривается участие публично-правовых образований в качестве заказчиков при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд; создание специального нормативного правового регулирования указанной сферы правоотношений. Эффективное расходование бюджетных средств и транспарентность закупочных процедур обеспечиваются за счет использования, в приоритетном порядке, конкурентных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и соблюдения установленных законодательством о контрактной системе правовых предписаний. В указанных условиях важную роль приобретают юридические механизмы, призванные обеспечить надлежащее исполнение контрактных обязательств, одним из которых выступает независимая гарантия. Теоретический анализ трудов отечественных авторов свидетельствует об отсутствии единой дефиниции указанной категории. Независимая гарантия рассматривается: как один из способов обеспечения обязательств; в качестве субинститута в рамках института способов обеспечения исполнения обязательства; как односторонняя сделка и самостоятельный институт гражданского права. Анализ судебной практики позволяет констатировать, что уплата гарантом заказчику денежной суммы по независимой гарантии, зачастую, влечет последующее предъявление к заказчику исковых требований со стороны поставщика (подрядчика, исполнителя) о взыскании с него неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами и их удовлетворение судами с одновременным взысканием с государственных заказчиков бюджетных средств. В этой связи, реализация права на направление соответствующего требования гаранту должно происходить при условии неоднократного неисполнения или ненадлежащего исполнения контрагентом своих обязательств или в случае одностороннего отказа заказчика от контракта.

Ключевые слова: законодательство о контрактной системе, государственный контракт, поставщик (подрядчик, исполнитель), независимая гарантия, гарант, обеспечение исполнения контракта, штраф

Для цитирования: Юсупов М.-Б. Р. Актуальные вопросы использования независимой гарантии в качестве обеспечения исполнения государственных контрактов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 249–255. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-249-255. EDN: ZNXNGZ.

Original article

Actual issues of using an independent guarantee as security of fulfillment of state contracts

Mokhammad-Bastany R. Yusupov
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, seven.55@mail.ru

Abstract. The participation of public legal entities as customers in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs is considered; the creation of a special regulatory legal regulation of the specified sphere of legal relations. Efficient spending of budgetary funds and transparency of procurement procedures are ensured through the use, as a priority, of competitive methods for determining suppliers (contractors, performers) and compliance with the legal requirements established by the legislation on the contract system. In these conditions, an important role is played by legal mechanisms designed to ensure proper performance of contractual obligations, one of which is an independent guarantee. The theoretical analysis of the works of Russian authors indicates the absence of a single definition of this category. An independent guarantee is being considered: as one of the ways to secure obligations; as a sub-institution within the institute of ways to ensure the fulfillment of obligations; as a unilateral transaction and an independent institution of civil law. The analysis of judicial practice allows us to state that the payment by the guarantor to the customer of a sum of money under an independent guarantee, often entails the subsequent presentation of claims to the customer by the supplier (contractor, contractor) to recover from him unjustified enrichment and interest for the use of other people's money and their satisfaction by the courts with simultaneous recovery from state customers of budgetary funds. In this regard, the exercise of the right to send the corresponding claim to the guarantor should occur subject to repeated non-fulfillment or improper fulfillment by the counterparty of its obligations or in the case of unilateral refusal of the customer from the contract.

Keywords: legislation on the contract system, state contract, supplier (contractor, performer), independent guarantee, guarantor, contract enforcement, fine

For citation: Yusupov M.-B. R. Actual issues of using an independent guarantee as security of fulfillment of state contracts. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):249–255. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-249-255. EDN: ZNXNGZ.

© Юсупов М.-Б. Р., 2023

Диверсификация гражданско-правовых отношений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд публично-правовых образований предопределила разработку специального нормативного правового регулирования указанной области в соответствии с федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [21] и многочисленными подзаконными нормативными правовыми актами.

Как следует из Сводного аналитического отчета о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых в соответствии с федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», за 2021 г. заключено 3 330 383 контракта стоимостным объемом 9447,5 млрд руб. В отношении 156 593 контрактов, заключенных в отчетном периоде, в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом, начислена неустойка (штрафы, пени) на общую сумму 6,3 млрд руб., из которых оплачено 2,4 млрд руб. [19, с. 12]. При этом, за III квартал 2022 г. заключено 2 212 502 контракта стоимостным объемом 7691,1 млрд руб. В связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом, начислена неустойка (штрафы, пени) на общую сумму 462,2 млн руб., из которых оплачено 62,6 млн руб. [6, с. 15–16].

Вовлечение значительного объема бюджетных средств в сферу закупок обусловливает необходимость четкого и неукоснительного соблюдения контрактных обязательств за счет различных обеспечительных механизмов, одним из которых выступает независимая гарантия[1] [20].

Ввиду того, что уплата гарантом заказчику денежной суммы по независимой гарантии, зачастую, влечет предъявление поставщиком (подрядчиком, исполнителем) к заказчику и последующее удовлетворение судами исковых требований о взыскании с него неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами, возникают объективные предпосылки для рассмотрения теоретических основ и анализа судебной практики по данному вопросу.

В юридической науке существуют разные подходы к пониманию независимой гарантии. Так, по мнению Б. М. Гонгало, независимая гарантия является одним из способов обеспечения обязательств, призванных защитить интересы кредитора при нарушении обязательства должником [5, с. 82]. Отдельными авторами правовые нормы о независимой гарантии рассматриваются в качестве субинститута в рамках института способов обеспечения исполнения обязательства [1, с. 9], а также как односторонняя сделка [4, с. 103].

Высказывается также мысль о том, что независимая гарантия является самостоятельным институтом гражданского права [18, с. 261].

При этом, с учетом законодательного закрепления норм о независимой гарантии в ст. 329 ГК РФ [3], посвященной способам обеспечения исполнения обязательств, наиболее точным представляется дефиниция, предложенная Б. М. Гонгало.

Независимая гарантия характеризуется самостоятельностью, безотзывностью, непередаваемостью, возмездностью, высокой степенью формализованности, срочным характером отношений [5, с. 131–133].

По мнению некоторых авторов, банковская гарантия характеризуется только четырьмя признаками: безотзывность, непередаваемость прав по банковской гарантии, возмездность и независимость банковской гарантии [18, с. 262].

Относительно признака независимости гарантии существует и такая позиция, что «…возникновение прав и обязанностей у сторон обязательства из гарантии в зависимости от наступления такого условия как неисполнение должником (принципалом) обеспечиваемого обязательства, противоречит основному свойству гарантии — ее независимости» [2, с. 11].

В части нормативного правового регулирования, следует отметить, что перечень способов обеспечения исполнения обязательств закреплен в ст. 329 ГК РФ, в которой также выделена независимая гарантия.

Правоотношения не независимой гарантии возникают в случае принятия гарантом по просьбе принципала обязательства уплатить выгодоприобретателю определенную денежную сумму вне зависимости от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства. При этом независимые гарантии могут выдаваться банками или иными кредитными организациями (банковские гарантии), а также другими коммерческими организациями.

[1] С учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 360–ФЗ (ред. от 4 ноября 2022 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ФЗ-44, понятие «банковская гарантия» заменено на понятие «независимая гарантия».

В ч. 4 ст. 368 ГК РФ перечислена информация, подлежащая отражению в независимой гарантии.

Независимая гарантия используется и в рамках законодательства о контрактной системе в сфере закупок как способ обеспечения контракта.

Изучение нормативных положений ФЗ-44 позволяет прийти к выводу, что нормы гражданского права являются субсидиарными по отношению к законодательству о закупках, которое имеет преимущественный и специальный характер.

В ч. 3 ст. 96 ФЗ-44 предусмотрена возможность обеспечения исполнения контракта путем предоставления независимой гарантии либо внесением денежных средств на указанный заказчиком счет, на котором учитываются операции со средствами, полученными заказчиком. Участнику закупки предоставлено право самостоятельного определения способа обеспечения исполнения контракта.

«…После порочной практики выдачи так называемых серых гарантий законодатель ввел ограниченный перечень банков, имеющих право выдавать гарантии с последующим внесением информации о выданных гарантиях в специальный реестр» [7].

Конкретные требования к содержанию независимой гарантии указаны в ч. 2 ст. 45 ФЗ-44, при этом перечень оснований для отказа в принятии независимой гарантии заказчиком находит закрепление в ч. 6 ст. 45 ФЗ-44.

Верховный Суд РФ в своем Обзоре указал, что «…гарант не вправе отказать бенефициару в удовлетворении его требования, если приложенные к этому требованию документы по внешним признакам соответствуют условиям независимой гарантии» [8].

Нормы о независимой гарантии получили свою дальнейшую конкретизацию в постановлении Правительства РФ от 8 ноября 2013 г. № 1005 «О независимых гарантиях, используемых для целей федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [16].

Можно констатировать, что нормы о независимой гарантии достаточно детализированы и находят свое юридическое закрепление как на уровне федерального законодательства, так и постановления Правительства РФ.

Независимая гарантия, как ранее было указано, обеспечивает исполнение принципалом его обязательств, предусмотренных контрактом, заключенным (заключаемым) с бенефициаром, в том числе обязательств по уплате неустоек (штрафов, пеней).

Как следует из ч. 1 ст. 432 ГК РФ заключение договора детерминировано фактом достижения между сторонами соглашения по всем его существенным условиям, к которым следует отнести, в том числе условия, необходимые для конкретной гражданско-правовой сделки.

Федеральный закон о контрактной системе содержит положения о необходимости включения в контракт условия об ответственности сторон в качестве обязательного (ч. 4 ст. 34)[2] [18].

При этом, начисление пени законодатель связывает с просрочкой исполнения, а штрафов с фактом неисполнения или ненадлежащего исполнения контрагентом обязательств. Соответствующие размеры такого штрафа устанавливаются контрактом в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 августа 2017 г. № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), о внесении изменений в постановление Правительства РФ от 15 мая 2017 г. № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства РФ от 25 ноября 2013 г. № 1063». Как следует из п. 3 Правил, утвержденных данным постановлением Правительства РФ, размер штрафа зависит от цены контракта.

Минфин России в своем письме от 20 мая 2022 г. № 24-06-08/46828, рассматривая вопрос о возможности предъявления требования об уплате неустойки гаранту по независимой гарантии, указал, что «…неустойка может быть уплачена из средств независимой гарантии, в случае если условиями выдачи независимой гарантии не предусмотрено иное» [11].

К примеру, размер штрафа при цене контракта 400 млн руб. будет составлять 0,5 % цены контракта, а именно 2 млн руб., с учетом допустимости начисления штрафа за каждый факт неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком) обязательств, предусмотренных контрактом.

На практике возможны ситуации, когда в ходе исполнения контракта поставщик (подрядчик, испол-

[2] При этом, в случаях, предусмотренных п. 1, п. 4 и 5 (за исключением контрактов, заключенных в соответствии с ч. 12 ст. 93 ФЗ-44), п. 8, 15, 20, 21, 23, 26, 28, 29, 40, 41, 44, 45, 46, 51–53 ч. 1 ст. 93 № 44–ФЗ, данное требование заказчиком может не применяться к указанному контракту.

нитель) ненадлежащим образом исполняет свои обязательства, что служит основанием для начисления штрафных санкций. Однако, если недостатки были в последующем устранены контрагентом, обязательства в итоге исполнены в полном объеме и сторонами подписаны документы о приемке без возражений или замечаний, исключаются основания для начисления штрафа, что подтверждается судебной практикой.

Верховный Суд РФ в своем определении от 20 января 2022 г. № 304-ЭС21-26643 по делу № А81-9117/2020, рассматривая вопрос правомерности удержания заказчиком штрафа из суммы оплаты, указал, что «…обязательства по контракту исполнены обществом полностью, но с просрочкой. Суды отметили, что обстоятельство замены в ходе исполнения контракта товара ненадлежащего качества на качественный товар не является достаточным основанием для взыскания штрафа, так как в конечном итоге товар надлежащего качества поставлен, и интерес заказчика удовлетворен. Допущенное обществом нарушение является основанием только для начисления повременной неустойки (пени)» [10].

Таким образом, возможны ситуации, когда в ходе исполнения контракта в связи с ненадлежащим исполнением обязательств контрагентом заказчиком было направлено соответствующее требование в адрес гаранта об уплате денежной суммы в счет уплаты штрафных санкций и банком перечислены денежные средства на расчетный счет заказчика или денежные средства были удержаны из обеспечительного платежа, что также имеет схожее предназначение. В указанной ситуации, в случае последующего устранения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) недостатков и подписания приемочных документов без замечаний, существует вероятность предъявления исковых требований в суд о взыскании неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами с государственного заказчика. Удовлетворение требований о взыскании денежных средств с заказчика в данном случае будет следствием подписания им документа о приемке без возражений, что свидетельствует о потребительской ценности для государственного заказчика поставленного товара, выполненной работы, оказанной услуги.

В качестве примера такой ситуации можно процитировать постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2022 г., как следует из которого Истец не отказывался от исполнения обязательств по ремонту автомобилей, в том числе гарантийному ремонту, осуществил ремонтные работы в полном объеме, сдал результат работ ответчику в период действия государственного контракта с подписанием актов выполненных работ, в связи с чем судебный орган отклонил довод Ответчика о наличии права на получение по банковской гарантии сумм штрафа по двум фактам ненадлежащего выполнения предусмотренных контрактом работ [17].

Верховный Суд РФ в другом деле в определении от 15 января 2020 г. подчеркнул, что своевременное устранение недостатков поставленного товара (до истечения срока поставки), факт принятия заказчиком товара после устранения недостатков свидетельствуют об отсутствии оснований для удержания заказчиком суммы штрафа из обеспечения исполнения контракта [9].

Необходимо обратить внимание, что основаниями для отказа в удовлетворения исковых требований к государственному заказчику о взыскании ранее уплаченных денежных средств по независимой гарантии в качестве неосновательного обогащения могут послужить факты неисполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств даже после направления соответствующих требований со стороны заказчика, а также односторонний отказ заказчика от исполнения контракта. Предоставление поставщику (подрядчику, исполнителю) неоднократной возможности устранения ранее выявленных недостатков позволит усилить позицию заказчика, подчеркнув его добросовестность и стремление к продолжению исполнения контракта при рассмотрении соответствующей ситуации в антимонопольном органе и (или) в суде.

Арбитражный суд Московского округа поддержал доводы суда первой инстанции и Девятого арбитражного апелляционного суда о том, что перечисление Ответчику денежных средств по банковской гарантии явилось правомерным и на его стороне отсутствует неосновательное обогащение в связи с тем, что предусмотренные контрактом обязательства Общество не исполнило, товар не поставило [12]. В другом споре о взыскании 10 412 865 руб. 50 коп. неосновательного обогащения, Арбитражный суд Московского округа оставил в силе состоявшиеся судебные акты, отметив, что в связи с бездействием истца в его адрес от ответчика поступило решение от 31 марта 2021 г. об одностороннем отказе ответчика от исполнения контракта, которое признано законным арбитражными судами в связи с тем, что односторонний отказ имел место исключительно по вине подрядчика, который к исполнению работ в нарушение условий контракта не приступил. В связи с чем, в удовлетворе-

нии кассационной жалобы и признании уплаченной по банковской гарантии денежной суммы в качестве неосновательного обогащения было отказано [13].

Анализ судебной практики показывает, что к требованию об уплате денежной суммы необходимо прикладывать, в том числе, документы, подтверждающие неисполнение (ненадлежащее) исполнение обязательств поставщиком (подрядчиком, исполнителем). В одном из дел судебный орган пришел к выводу о недоказанности наступления гарантийного обязательства в связи с тем, что не был приложен документ, подтверждающий возникновение гарантийного случая (неисполнение/ненадлежащее исполнение принципалом своих обязательств) [14]. «Пунктом 1 ст. 376 ГК РФ предусмотрен исчерпывающий перечень оснований отказа гаранта удовлетворить требование бенефициара — гарант отказывает бенефициару в удовлетворении его требования, если это требование или приложенные к нему документы не соответствуют условиям независимой гарантии либо представлены гаранту по окончании срока действия независимой гарантии» [15].

Таким образом, в целях исключения и минимизации рисков последующего признания в судебном порядке выплаченной по независимой гарантии денежной суммы в счет уплаты штрафных санкций в качестве неосновательного обогащения, представляется целесообразным направлять соответствующее требование гаранту в случае одностороннего расторжения контракта с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) или после неоднократного неисполнения контрагентом своих обязательств после направления заказчиком соответствующих требований об устранении выявленных недостатков. Необходимым условиям удовлетворения гарантом требования бенефициара является соответствие данного требования и приложенных к нему документов условиям независимой гарантии и их представление гаранту в установленные сроки.

Изучение теоретико-правовых основ и правоприменительной практики использования независимой гарантии в качестве обеспечения исполнения контракта позволило сделать ряд важных выводов.

В юридической литературе отсутствует единый подход к пониманию независимой гарантии. Она рассматривается: как один из способов обеспечения обязательств; в качестве субинститута в рамках института способов обеспечения исполнения обязательства; как односторонняя сделка и самостоятельный институт гражданского права.

При этом, независимая гарантия по своей юридической природе является одним из способов обеспечения обязательств с характерными для нее признаками, которые наиболее точно отражают ее специфику и предназначение.

Нормы о независимой гарантии регламентированы как на уровне федерального законодателя, так и подзаконных нормативных правовых актов, что, при более глубоком теоретическом и практическом анализе, однако, не исключает наличия определенных юридических пробелов и неточностей в нормативной регламентации отдельных вопросов использования независимой гарантии.

Анализ правоприменительной практики позволил проиллюстрировать неоднозначность процесса уплаты гарантом денежной суммы по независимой гарантии в счет выплаты штрафных санкций с точки зрения возможности наступления определенных неблагоприятных последствий для государственного заказчика. Данные обстоятельства подчеркивают важность предварительного детального анализа каждой такой потенциальной ситуации со стороны государственного заказчика и приоритетности направления соответствующего требования гаранту в условиях неоднократного неисполнения или ненадлежащего исполнения контрагентом своих обязательств или в случае одностороннего отказа заказчика от контракта.

Список источников

1. Вахрушев Л. А. Независимая гарантия: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.

2. Гаврин Д. А. Гарантия как способ обеспечения обязательств: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4. Гражданское право: учебник для студентов вузов / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. В 4 т. Т. 3: Обязательственное право. М. : Волтерс Клувер, 2005.

5. Гражданское право: учебник / под ред. Б. М. Гонгало. 4-е изд., перераб. и доп. В 2 т. М. : Статут, 2021.

6. Ежеквартальный отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за III квартал 2022 г. // URL://https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/11/main/3-22.pdf.

7. Лобанова О. Л. Независимая гарантия: требования к содержанию с 1 июля 2022 г. // Журнал «Руководитель бюджетной организации». 2022. № 8 // URL://https://www.

audar-press.ru/nezavisimaya-garantiya-trebovaniya-k-soderzhaniyu-s-01.07.2022.

8. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5 июня 2019 г.) // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326131/.

9. Определение Верховного Суда РФ от 15 января 2020 г. № 306-ЭС19-25786 по делу № А72-370/2019 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a3d41a3a-000e-4aef-b4d2-6570c96f29a6/0f3e1c66-11cf-4ff2-adf7-75fee6acff13/A72-370-2019_20200115_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

10. Определение Верховного Суда РФ от 20 января 2022 г. № 304-ЭС21-26643 по делу № А81-9117/2020 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3678115a-0819-44b7-944b-ee12c1f3f67e/96a71802-af87-4fd2-8476-e5cae37cea04/A81-9117-2020_20220120_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

11. Письмо Минфина России от 20 мая 2022 г. № 24-06-08/46828 // СПС «КонсультантПлюс» // URL://https://www.consultant.ru/legalnews/19455/.

12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 марта 2022 г. № Ф05-2704/2022 по делу № А40-61061/2021 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9f9f5b92-48b5-4616-9229-c3dca047fe0b/9beaf5a8-54dc-45fd-b065-f10961824359/A40-61061-2021_20220331_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 августа 2022 г. № Ф05-12372/2022 по делу № А41-42606/2021 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/74338dba-68c2-468f-a9cb-a65a32ff1255/afacc835-663d-4bba-bb84-f982e95128d8/A41-42606-2021_20220802_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

14. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 декабря 2020 г. № 12АП-10111/2020 по делу № А57-10518/2020 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5f724d98-3c65-4f86-91db-08709d4bb34c/a506decc-dd08-4f40-bb60-44208ddd345e/A57-10518-2020_20201223_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

15. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25 сентября 2020 г. № 09АП-37148/2020 по делу № А40-40682/2020 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/85067918-f99e-435e-9b81-b66fb3d8ca9f/c1c5803f-311d-4aec-83cf-83eb608fa14e/A40-40682-2020_20200925_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

16. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 ноября 2013 г. № 1005 «О независимых гарантиях, используемых для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «Гарант» // URL://https://base.garant.ru/70502258/#friends.

17. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2022 г. № 17АП-7756/2022-ГК по делу № А71-8341/2021 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9dc9595b-6ece-4d5b-83fc-31a32a3d38b5/f33278be-40dd-440d-8041-e92818657726/A71-8341-2021_20220804_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

18. Рузакова О. А. Гражданское право: учебное пособие. М., 2011.

19. Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых в соответствии с федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» за 2021 г. // URL://https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/08/main/44_fz_2021.pdf.

20. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389219/.

21. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работу, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/.

References

1. Vakhrushev L. A. Independent guarantee: autoref. diss. ... candidate of jurisprudence. Yekaterinburg, 2018.

2. Gavrin D. A. Guarantee as a way to ensure obligations: autoref. diss. ... candidate of jurisprudence. Yekaterinburg, 2007.

3. Civil Code of the Russian Federation (part one) from November, 30th, 1994 № 51-FZ // SPS «ConsultantPlus».

4. Civil law: textbook for university students / ed. by E. A. Sukhanov. 3rd ed., reprint. and add. In 4 vols. Vol. 3: Law of Obligations. M. : Volters Kluver, 2005.

5. Civil Law: textbook / edited by B. M. Gongalo. 4th ed., reprint. and add. In 2 vols. M. : Statute, 2021.

6. Quarterly report on the results of monitoring of the procurement of goods, works and services for state and municipal needs, as well as the procurement of goods, works and services by certain types of legal entities for the 3rd quarter of 2022 // URL://https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/11/main/3-22.pdf.

7. Lobanova O. L. Independent guarantee: requirements for the content from July 1, 2022 // Journal «Head of a budget organization». 2022. № 8 // URL://https://www.audar-press.

ru/nezavisimaya-garantiya-trebovaniya-k-soderzhaniyu-s-01.07.2022.

8. Review of judicial practice of resolution of disputes related to the application of legislation on independent guarantee (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 5 June 2019) // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326131/.

9. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation from January 15, 2020 № 306-ES19-25786 on case № A72-370/2019 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a3d41a3a-000e-4aef-b4d2-6570c96f29a6/0f3e1c66-11cf-4ff2-adf7-75fee6acff13/A72-370-2019_20200115_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

10. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation from January 20, 2022 № 304-ES21-26643 in case № A81-9117/2020 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3678115a-0819-44b7-944b-ee12c1f3f67e/96a71802-af87-4fd2-8476-e5cae37cea04/A81-9117-2020_20220120_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

11. Letter of the Ministry of Finance of Russia from May 20, 2022 № 24-06-08/46828 // SPS «ConsultantPlus» // URL://https://www.consultant.ru/legalnews/19455/.

12. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District on March 31, 2022 № F05-2704/2022 in case № A40-61061/2021 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9f9f5b92-48b5-4616-9229-c3dca047fe0b/9beaf5a8-54dc-45fd-b065-f10961824359/A40-61061-2021_20220331_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

13. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 2 August 2022 № F05-12372/2022 in case № A41-42606/2021 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/74338dba-68c2-468f-a9cb-a65a32ff1255/afacc835-663d-4bba-bb84-f982e95128d8/A41-42606-2021_20220802_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

14. Resolution of the Twelfth Arbitration Court of Appeal of December 23, 2020 № 12AP-10111/2020 in case № A57-10518/2020 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5f724d98-3c65-4f86-91db-08709d4bb34c/a506decc-dd08-4f40-bb60-44208ddd345e/A57-10518-2020_20201223_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

15. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of September 25, 2020 № 09AP-37148/2020 in case № A40-40682/2020 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/85067918-f99e-435e-9b81-b66fb3d8ca9f/c1c5803f-311d-4aec-83cf-83eb608fa14e/A40-40682-2020_20200925_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

16. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 8, 2013 № 1005 «On Independent Guarantees Used for the Purposes of the Federal Law «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works and Services to Meet State and Municipal Needs» // SPS «Garant» // URL://https://base.garant.ru/70502258/#friends.

18. Ruzakova O. A. Civil law: textbook. M., 2011.

19. Summary analytical report on the results of monitoring the procurement of goods, works and services carried out in accordance with the Federal Law «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works and Services for State and Municipal Needs» for 2021 // URL://https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/08/main/44_fz_2021.pdf.

20. Federal Law of July 2, 2021 № 360–FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389219/

21. Federal Law of April 5, 2013 № 44-FZ «On the contractual system in the sphere of procurement of goods, work and services to meet state and municipal needs» // SPS «ConsultantPlus» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/.

Информация об авторе

М.-Б. Р. Юсупов — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

M.-B. R. Yusupov — Associate professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 31.05.2023.

The article was submitted 01.03.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 31.05.2023.

Научная статья
УДК 33
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-256-267
EDN: https://elibrary.ru/zbhlgu
NIION: 2003-0059-3/23-708
MOSURED: 77/27-003-2023-03-907

Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации

Александр Сергеевич Качелин
Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия, kachelin@mail.ru, kachelin@inecon.ru

Аннотация. Рассматривается экономический рост Китая, который вывел страну в единоличные лидеры технологического развития, а также опыт реформирования системы стратегического планирования. Анализируются проблемы экономического роста российской экономики в настоящее время, которые требуют качественно новых подходов и инструментов формирования экономической политики, основываясь на научно-технологических факторах развития с повышением качества управления этим процессом. Показана неэффективная система управления научно-технологическим развитием в Российской Федерации, отсутствие технологического прорыва в экономической модели, способного оказать влияние на экономический рост и конкурентоспособность Российской Федерации в условиях геополитической нестабильности. Предложено воссоздать былую мощь РАН как высшей научной организации Российской Федерации с целью стратегического планирования, координации и научного сопровождения инновационного цикла и подчинить напрямую Президенту Российской Федерации при взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти и государственными корпорациями, где присутствует заместитель министра/руководителя по развитию цифровизации, которым необходимо расширить полномочия и определить персональную ответственность за научно-технологическое развитие.

Ключевые слова: научно-технологический контур, санкции, геополитическая нестабильность, экономический рост, исследования, разработки, ВВП, технологическая независимость, экспорт, импорт, высокотехнологическая продукция, научно-технический прогресс, РАН, конкурентоспособность, финансово-экономический кризис, стратегическое планирование, федеральный орган исполнительной власти, национальная безопасность, маркетплейс

Для цитирования: Качелин А. С. Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 256–267. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-256-267. EDN: ZBHLGU.

Original article

Formation of a scientific and technological contour and an institutional model for accelerating economic growth in the Russian Federation

Alexander S. Kachelin
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kachelin@mail.ru, kachelin@inecon.ru

Abstract. The China's economic growth, which has led the country to the sole leaders of technological development, as well as the experience of reforming the strategic planning system is being considered. The problems of economic growth of the Russian economy at the present time, which require qualitatively new approaches and tools for the formation of economic policy, based on scientific and technological factors of development with an increase in the quality of management of this process is being analyzed. The inefficient management system of scientific and technological development in the Russian Federation, the lack of a technological breakthrough in the economic model that can affect the economic growth and competitiveness of the Russian Federation in the conditions of geopolitical instability are shown. It is proposed to recreate the former power of the Russian Academy of Sciences as the highest scientific organization of the Russian Federation for the purpose of strategic planning, coordination and scientific support of the innovation cycle and subordinate it directly to the President of the Russian Federation in cooperation with federal executive authorities and state corporations, where there is a deputy minister/head for the development of digitalization, who need to expand their powers and determine personal responsibility for scientific and technological development.

Keywords: scientific and technological contour, sanctions, geopolitical instability, economic growth, research, development, GDP, technological independence, export, import, high-tech products, scientific and technological progress, RAS, competitiveness, financial and economic crisis, strategic planning, federal executive authority, national security, marketplace

For citation: Kachelin A. S. Formation of a scientific and technological contour and an institutional model for accelerating economic growth in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):256–267. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-256-267. EDN: ZBHLGU.

© Качелин А. С., 2023

«В мире сегодня накапливается громадный технологический потенциал, который позволяет совершить настоящий рывок в повышении качества жизни людей, в модернизации экономики, инфраструктуры и государственного управления. Насколько эффективно мы сможем использовать колоссальные возможности технологической революции, как ответим на ее вызов, зависит только от нас. И в этом смысле ближайшие годы станут решающими для будущего страны. Подчеркну это: именно решающими».

Из Послания Президента Российской Федерации В. В. Путина
Федеральному Собранию, 1 марта 2018 г.

В современном мире в условиях геополитической нестабильности (попытка свержения политического руководства Венесуэлы и Сирии, военное вторжение в Ливию и физическое устранение руководства страны, региональное противостояние Китая и США в вопросе территориальной целостности поднебесной и, наконец, специальная военная операция в Украине), быстрого и прорывного развития экономик соседних стран (Республика Корея, Китай), стагнации[1] экспортно-сырьевой модели экономики в условиях тотальных санкций со стороны США, Западной Европы и Японии (2014–2022 гг.) жизненно необходимо сформировать научно-технологический контур и институциональную модель ускорения экономического роста в Российской Федерации с целью сохранения государственного суверенитета, национальной идентичности и территориальной целостности, создать базис для устойчивого экономического развития в настоящее время и для будущих поколений.

Ввиду санкций и рестрикций[2], которыми «коллективный запад» во главе с США пытается загнать Российскую Федерацию в строй своих вассалов, капиталисты по команде из-за океана стали сворачивать свою деятельность в нашей стране во всех отраслях (автомобилестроение, микроэлектроника, геологоразведка, фармацевтика, пищевая промышленность, ритейл и т. д.), не считаясь со своими убытками и в ущерб своим национальным интересам.

На всех уровнях государственного управления, в научно-исследовательском сообществе и среди представителей бизнеса пришли к общему мнению о невозможности дальнейшего развития отечественной экономики на основе экспортно-ориентированной модели экономического роста. Таким образом, проводимая экономическая политика должна быть направлена на развитие страны, на глубокую технологическую и социально-экономическую модернизацию. Актуальность ее решения диктуется задачей сохранения Российской Федерации в качестве одного из центров силы в существующем глобальном мире [1].

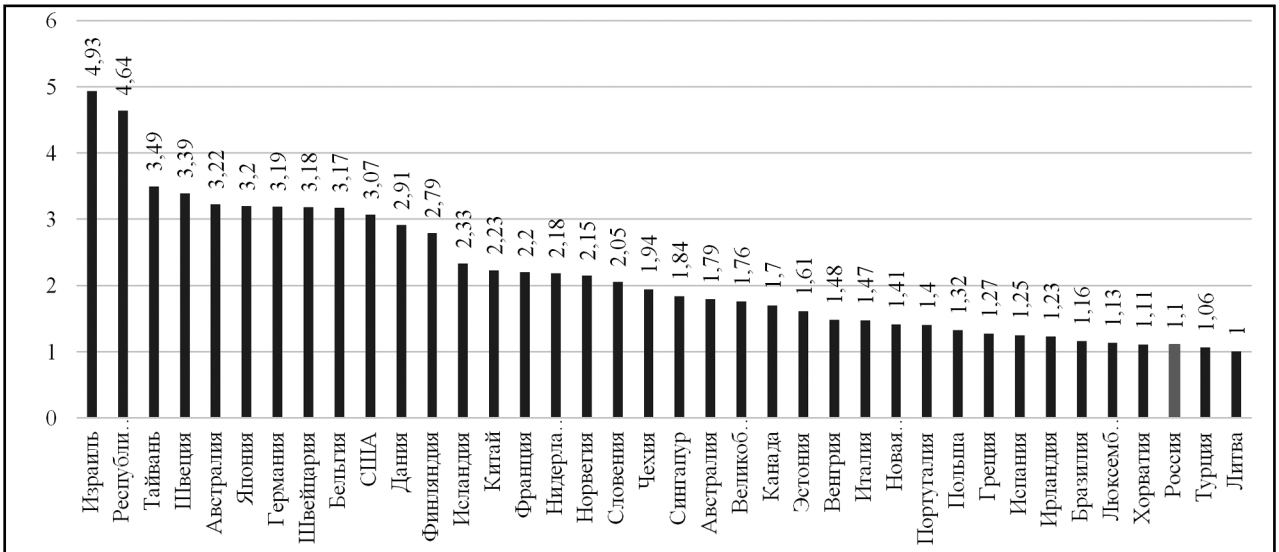
В начале 90-х гг. проводимая «демократами» в Российской Федерации научно-технологическая политика была ориентирована на ресурсное развитие экономики и не ставила задачи вхождения страны в число мировых технологических лидеров. Это сформировало низкотехнологичный ресурсно-ориентированный экономический уклад. В результате Российская Федерация попала под угрозу технологической зависимости от стран — технологических лидеров. В свою очередь, это не позволило обеспечить высокие темпы повышения качества жизни, а при сохранении такого положения ставит под угрозу национальную безопасность. Недостатки сложившейся системы особенно ярко проявились после введения рядом государств антироссийских санкций в 2014 г. [15].

Стратегия развития государства определяется тенденциями глобального развития, внешними вызовами и угрозами, текущим состоянием и динамикой развития собственной экономики и социальной сферы [15] основой которой является ресурсно-трудовой потенциал. Нам необходимо использовать свое естественное конкурентное преимущество — исторически сложившиеся природные ресурсы, территориальное пространство и научно-интеллектуальный потенциал Российской Федерации. Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста — довольно многовекторный, многоплановый, сложный и длительный процесс, затрагивающий интересы всех регионов страны, предприятий и организаций, миллионы специалистов, работающих на них. Только широкомасштабная государственная политика, строгое государственное регулирование в сочетании с инструментами рыночной экономики, в том числе с использованием положительного зарубежного опыта, помогут решить данную сложную задачу.

---

[1] От лат. stagnatio — неподвижность — состояние экономики, характеризующееся застоем производства и торговли на протяжении длительного периода времени.

[2] От лат. restrictio — ограничение.

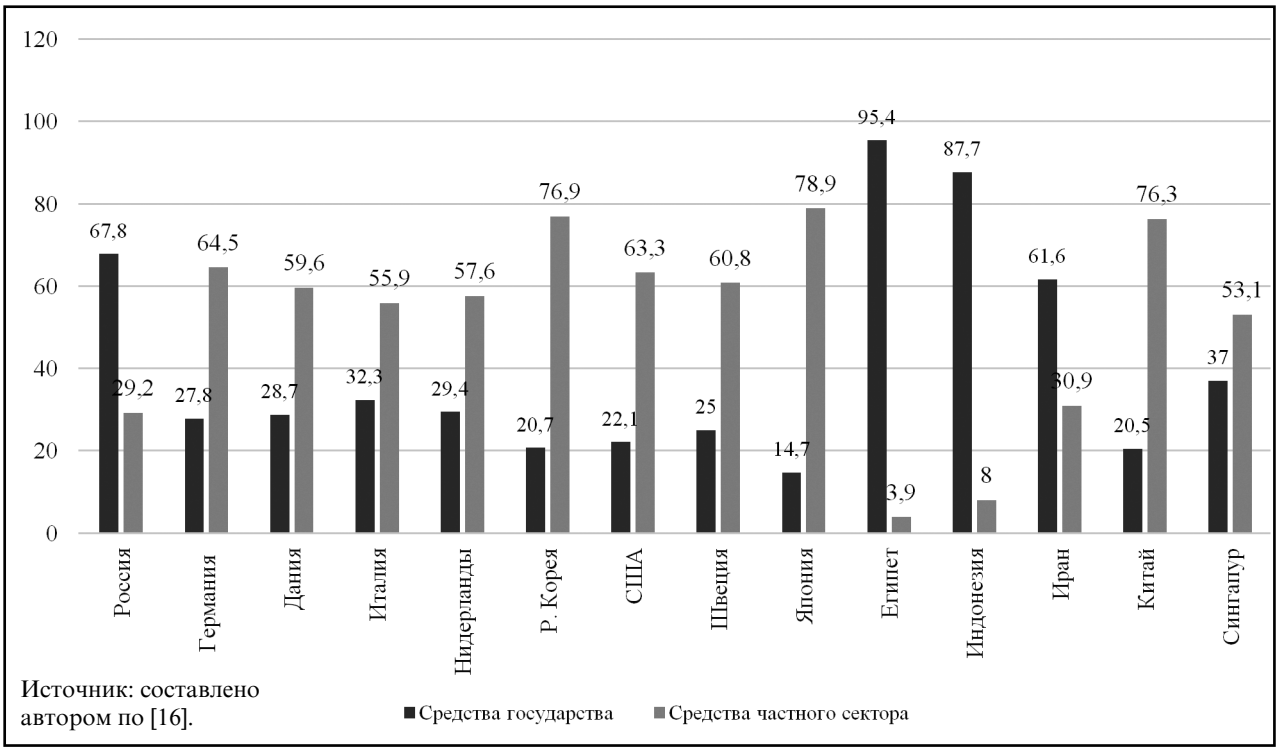

Источник: составлено автором по [16].

Рис. 1. Внутренние затраты на исследования и разработки к ВВП в 2020 г., %

Теоретической базой нового вектора развития страны являются Указы Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [2; 3; 4], Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [5] и постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» [6].

Целью научно-технологического развития является обеспечение технологической независимости и конкурентоспособности Российской Федерации за счет увеличения и использования интеллектуаль-

Источник: составлено автором по [16].

Рис. 2. Структура внутренних затрат на НИОКР по источникам финансирования в 2020 г., %

ного потенциала страны. Сегодня технологический фактор развития во многом определяет конкурентоспособность и процветание любой страны.

В настоящее время Российская Федерация имеет отрицательный баланс в торговле технологиями в размере 1,3 млрд долл. США [20].

Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП остается неизменной на протяжении последнего десятилетия — 1,1 % и несопоставима с долей затрат стран–лидеров (рис. 1).

Вместе с тем, их абсолютная величина поступательно растет; так, в 2020 г. она составила 1,17 трлн руб., превысив уровень 2010 г. на 18,3 % в постоянных ценах. Структура внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования стабильна: доля средств государства составляет порядка 68 %, предпринимательского сектора — находится на низком уровне — 29–30 % (рис. 2). Удельный вес средств из иностранных источников с каждым годом снижется, его минимальное значение за период с 2010 г. зафиксировано в 2020 г. (1,8 %).

В 2022 г. из средств федерального бюджета на гражданскую науку планируется 569 млрд руб., бóльшая часть из которых (59,7 %) предназначена для финансирования прикладных научных исследований [19].

Данная диспропорция структуры внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования показывает, что субъекты малого и среднего бизнеса сталкиваются с серьезными трудностями в получении поддержки от государства в виде льготного кредитования, налоговых льгот при непосредственной кооперации с учебными заведениями, чтобы полученные знания были релевантными для высокотехнологичных компаний. Таким образом, необходимо добиться того, чтобы государственные инвестиции не вытесняли частные.

Решение этой проблемы видится в рамках выстраивания стратегических приоритетов развития страны, определения целей и задач восстановления промышленного комплекса, выделения под них соответствующих ресурсов, формирования соответствующих программ. Для этого необходимо проводить соответствующую промышленную и технологическую политику. Например, в национальной программе развития науки и технологий в Китае поставлена задача овладеть 402 основными технологиями — от беспилотных автомобилей и искусственного интеллекта до интегральных микросхем и сверхмощных компьютеров. И под разработку каждой мобилизованы финансовые и человеческие ресурсы. Конечная цель — превратить страну в такое же государство-новатор, каковым в Азии стали Япония, Сингапур и Республика Корея [17].

Можно выделить три важные особенности становления и совершенствования китайской системы организации научно-технологического развития в условиях рыночной экономики:

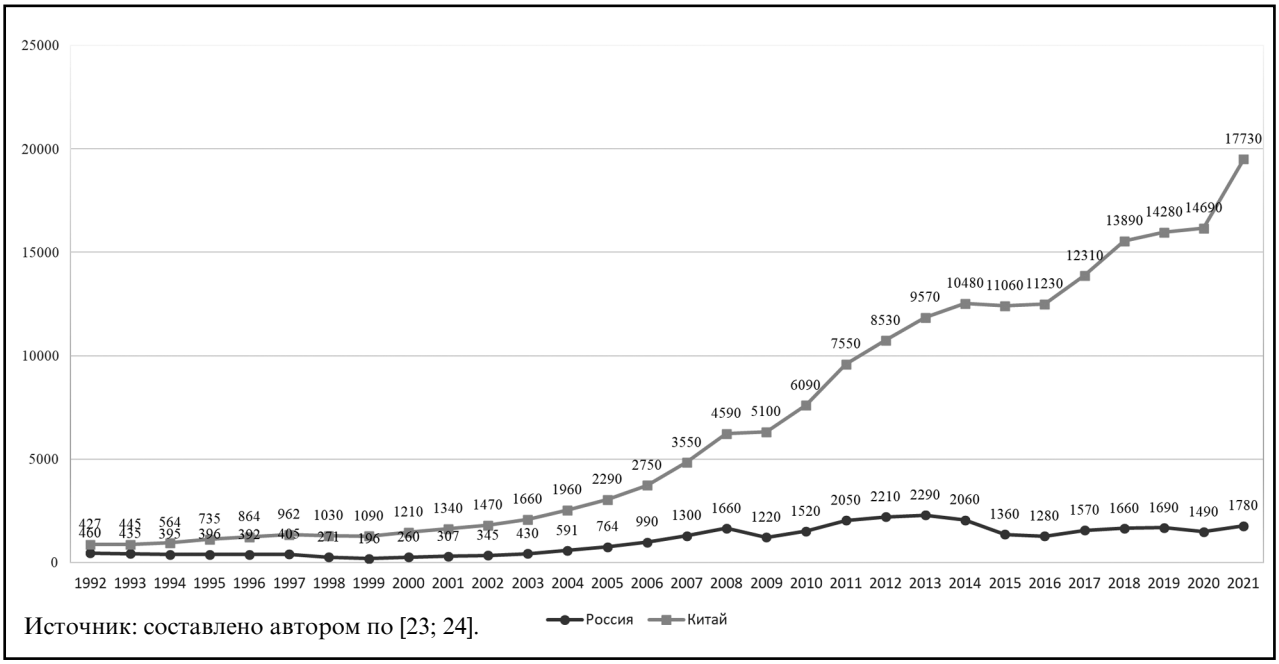
♦ экономические реформы проводились и продолжают проводиться в стране, где у власти находится коммунистическая партия и где государством официально провозглашен курс на строительство социализма;

♦ внедряя экономические механизмы рыночной экономики, КНР сохранило государственное планирование;

♦ решая задачи научно-технологического развития, Китай выбрал экспортно-ориентированную модель, которая ранее была успешно использована Японией и Южной Кореей, в отличие от Российской Федерации, Бразилии, Индии, политика которых строилась исключительно на концепции импортозамещения [7].

Центральный Комитет Коммунистической партии Китая ответственнен за разработку стратегических направлений развития науки, технологий и за кадровую политику. Государственный совет КНР в лице Государственной комиссии по науке и технологиям с участием Министерства науки и технологий Китая разрабатывают государственную научно-технологическую политику, устанавливают стратегические цели, осуществляют долгосрочное планирование [21].

Основным органом государственного управления научно-технологическим развитием является Министерство науки и технологий КНР (далее — МНТ КНР). Под его непосредственным руководством реализуются государственные программы инновационного развития в области фундаментальных и прикладных исследований. МНТ КНР разрабатывает кратко- и среднесрочные (пятилетние) планы, осуществляет финансирование национальных программ исследований и разработок, курирует национальные ключевые технологии, управляет зонами высоких технологий [22]. Госсовет КНР утвердил четыре новые национальные зоны высоких технологий, в результате чего общее количество национальных зон высоких

Источник: составлено автором по [23; 24].

Рис. 3. Динамика ВВП в Российской Федерации и КНР в текущих ценах, млрд долл. США

технологий достигло 173 [22]. Важную роль в разработке и реализации государственной стратегии научно-технологического развития Китая играют аналитические центры, имеющие статус государственных, университетских или общественных организаций. Деятельность их направлена на своевременное выявление перспективных тенденций в области развития новых технологий и подготовку рекомендаций для органов государственного управления, количество которых насчитывает более 470 в настоящее время в Китае [8].

Главное содержательное отличие китайской модели развития от либеральной состоит в противоположном понимании роли государства в экономике. Китайская модель предполагает наличие многоукладной частно-государственной экономики; активное участие государства в управлении экономикой при доминировании в стратегических секторах (банки, энергетика, ВПК, телекоммуникации); сочетание частной инициативы с жестким государственным контролем, а также принципов плановой и рыночной экономик, причем по мере развития экономики план приобретает менее директивный и более индикативный характер; промышленную политику; формирование благоприятного делового климата для привлечения прямых иностранных капиталовложений в сочетании с валютным контролем, включая ограничение финансовых операций с офшорными юрисдикциями; широкое стимулирование технологического обновления производств [9].

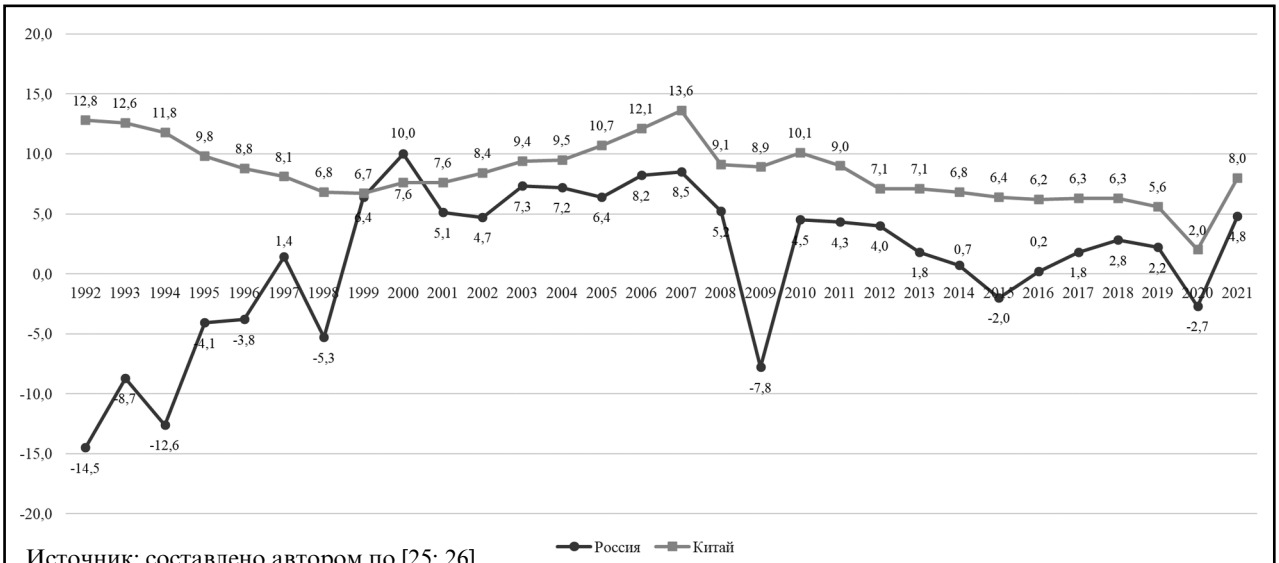
Для наглядного представления эффективности используемых экономических моделей развития в Российской Федерации и КНР рассмотрим динамику макроэкономических показателей двух стран с момента перехода от социализма к обществу с рыночной экономикой (с 1992 г.) в Российской Федерации.

Сравним динамику роста ВВП двух стран — основного показателя экономического развития. Как показывает график (рис. 3), китайская экономика по сравнению с российской развивается стремительными темпами.

Если в 1992 г. начальные позиции двух стран были практически одинаковы: ВВП Российской Федерации составлял 460,29 млрд долл. США, а ВВП Китайской Народной Республики — 426,92 млрд долл. США, то через 30 лет ситуация кардинальным образом изменилась: за 2021 г. ВВП Российской Федерации составляет 1,78 трлн долл. США, а ВВП Китайской Народной Республики — 17,73 трлн долл. США, что составляет всего 10,04 % от китайской экономики [23; 24][3].

Необходимо отметить, что экономический рост КНР отличается предсказуемой и стабильной политикой руководства страны, продолжаясь без перерывов и спадов в течение 30 лет; рост составил 8,5 % в среднем за 1992–2021 гг. (рис. 4).

[3] Здесь и далее приводятся данные по национальным счетам Всемирного банка.

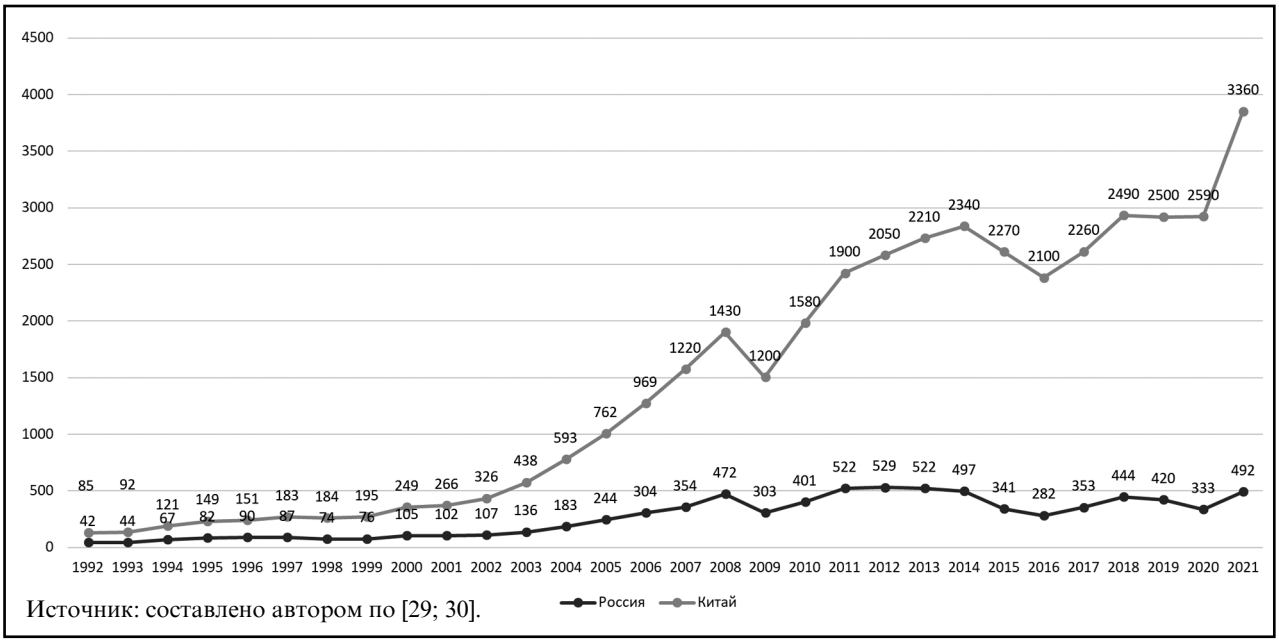

Источник: составлено автором по [25; 26].

Рис. 4. Рост ВВП Российской Федерации и КНР, % за год

На коротких временных промежутках многие страны показывали быстрый рост экономики, но подобный «спринтерский» забег Китая не имеет прецедентов в новейшей мировой экономике. Заслуживает уважения устойчивость экономики КНР к внешним потрясениям, Китай безболезненно пережил глобальные финансово-экономические кризисы 1997–1998 и 2008–2009 гг. (рост ВВП за год 6,8 и 9,1 % соответственно), в том числе постковидный кризис 2020–2021 гг. (2 и 8% соответственно), санкции и торговые войны со стороны США, а также множество других потрясений на отдельных региональных и товарных рынках [25; 26].

Аналогичная ситуация с показателями внешнеэкономической деятельности двух государств (рис. 5). Если после распада СССР, ликвидации государственной монополии на внешнюю торговлю и организации новых интеграционных процессов, показатель экспорта в 1992 г. в Российской Федерации составлял 42,04 млрд долл. США, то Китайская Народная Республика только наращивала темпы роста товарного экспорта, локализовав на своей территории производство от машиностроения и микроэлектроники до вооружения и космической техники (спутники, ракеты), этот показатель был в два раза выше и составлял 84,94 млрд долл. США.

Источник: составлено автором по [29; 30].

Рис. 5. Динамика экспорта Российской Федерации и Китая, млрд долл. США

В 2021 г. российский экспорт составлял 494,02 млрд долл. США (преимущественно сырье и продукты его переработки), что в восемь раз меньше китайского — 3360 млрд долл. США [29; 30].

Экспорт высокотехнологической продукции показывает насколько страна развита технологически (рис. 6). По данному показателю в 2021 г. Китай занимает 1-е место в мире, который составил 942,31 млрд долл. США, обогнав такие развитые страны как Германия (209,7 млрд долл. США), США (169,22 млрд долл. США), Республика Корея (164 млрд долл. США), Сингапур (159,93 млрд долл. США), Япония (116,5 млрд долл. США), Малайзия (108,7 млрд долл. США), Вьетнам (101,5 млрд долл. США), Нидерланды (101,17 млрд долл. США) и Франция (97,5 млрд долл. США), а Российская Федерация в этом списке занимает неприлично 25-е место (10,6 млрд долл. США) [27; 28].

Данный анализ справедливо показывает, что ускоренное экономическое развитие Китая произошло благодаря последовательной модернизации промышленности и увеличению капитальных затрат на научно-технологический комплекс со стороны частного и государственного секторов и самостоятельной, независимой экономической политике страны, которая основана на активном управлении рыночными процессами со стороны государства. Данный подход позволил Китаю построить институциональную модель экономического роста и стать единоличным лидером в развитии высокотехнологических производств.

В настоящее время в Российской Федерации серьезнейшей проблемой остается систематическое недофинансирование научно-технологического комплекса страны.

Нужно как можно скорее отказаться от «остаточного принципа» государственного финансирования науки, придав ей статус защищенной строки бюджета, разработать механизмы поддержки организаций, аккумулирующих и направляющих финансовые ресурсы в высокорисковые инновационные проекты, а также создать приоритетные условия формирования инвестиционных ресурсов для использования предприятиями отечественных технологий. Накопившийся груз социальных, экономических, технических и экологических проблем требует выработки принципиально новых подходов к функционированию экономики и общества. Только политического и государственного переустройства недостаточно, нужна иная, чем прежде, ориентация всего потенциала — природного, производственного и научно технологического — на создание духовных и материальных ценностей. Справедливые призывы к инновациям, модернизации, реиндустриализации должны быть подкреплены конкретными масштабными действиями — экономически обоснованными и финансово обеспеченными [10].

Лейтмотивом в формировании научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации должны стать традиционные лидеры российской экономики — ракетно-космическая и оборонная промышленность, атомная и электротехническая промышленность, клеточная медицина, солнечная энергетика, химико-металлургический комплекс, информационно-коммуникационный сектор.

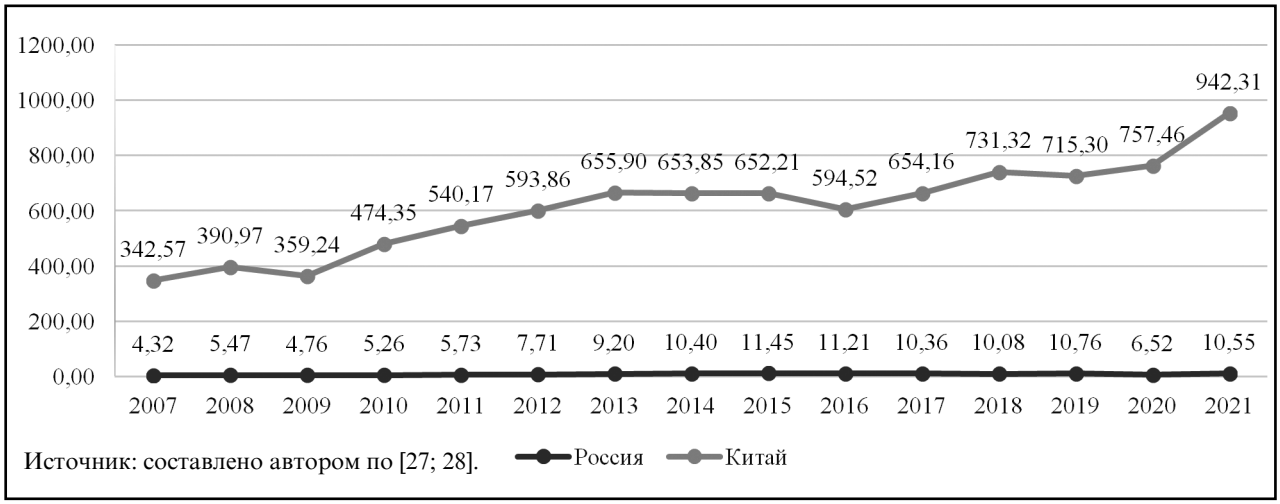

Рис. 6. Экспорт высокотехнологической продукции Российской Федерации и Китая, млрд долл. США

Сегодня создается воспроизводственная база шестого технологического уклада, формирование и развитее которого будет определять экономического развитие страны на ближайшие десятилетия, предварительно до 2050 г. Шестой технологический уклад был невольно запущен резким повышением цен на традиционные энергоносители, мировым финансовым кризисом в условиях геополитической нестабильности и в настоящее время находится в устойчивом режиме роста применения новых технологий.

Жизненный цикл технологического уклада охватывает около столетия, при этом в период его доминирования в развитии экономики составляет от 40 до 60 лет (по мере развития научно-технического прогресса (далее — НТП) и сокращения длительности научно-производственных циклов этот период постепенно сокращается). Формирование воспроизводственного контура нового технологического уклада — длительный процесс, имеющий два качественно разных этапа. Первый — появление его ключевого фактора и ядра в условиях доминирования предшествующего технологического уклада, который объективно ограничивает становление производств нового технологического уклада потребностями собственного расширенного воспроизводства. С исчерпанием экономических возможностей этого процесса наступает второй этап, начинающийся с замещения доминирующего технологического уклада новым и продолжающийся в виде новой длинной волны экономической конъюнктуры [11].

Необходимо отметить, что в настоящее время в РФ активно развиваются цифровые платформы в отраслях, в том числе предоставление большого количества государственных услуг населению.

Цифровые платформы стремительно развиваются в России в течение последних нескольких лет, становясь драйверами инновационной активности и кардинальной трансформации в экономике и социальной сфере, ключевым фактором успеха предпринимательской деятельности. Благодаря цифровым платформам развиваются новые сегменты экономической деятельности, выходящие за рамки традиционных видов, такие как FinTech, EdTech, Retail Tech, FoodTech, MedTech и др. В 2021 г. цифровые платформы в целом по Российской Федерации использовали 14,7 % организаций. Наиболее широкое распространение они получили в финансовом секторе (33,2 %), сфере высшего образования (31,9 %), оптовой и розничной торговле (24,6 %), IT-отрасли (23,2 %), сфере информации и связи (21,3 %) (рис. 7).

Источник: составлено автором по [18].

Рис. 7. Организации, использовавшие цифровые платформы по видам экономической деятельности в 2021 г., % от общего числа организаций

Маркетплейсы — наиболее значимые для экономики и востребованные у потребителей цифровые платформы и экосистемы для покупки/продажи товаров и услуг через Интернет. По доле компаний предпринимательского сектора, которые используют маркетплейсы, Российская Федерация (9 %) сопоставима с Польшей и Словенией, несколько опережает Великобританию, Швецию, Нидерланды (по 8 %) и незначительно отстает от лидеров — Германии, Ирландии, Испании, Италии (10–11 %) [18].

Вместе с тем, в век прогрессивно развивающегося НТП, в нашей стране нет никакой внятной технологической политики и субъекта управления этим процессом. Возникает закономерный вопрос: кто занимается технологиями и инновациями? Кто определяет, какие ключевые технологии нужны нашей стране? Эти проблемы не решают ни Минэкономразвития России, ни Минпромторг России. Не способно взять на себя решение этих проблем и Минобрнауки России [1].

Кроме этого, по мнению академика С. Ю. Глазьева, реализуемый ныне подход к управлению наукой как отдельной отраслью в формате министерства является заведомо неэффективным, поскольку научно-инновационная деятельность пронизывает все сферы экономики [12].

В настоящее время в Российской Федерации сложилась критическая ситуация с развитием научных исследований, осуществлением технологической модернизации производства, связанной с переходом к новому технологическому укладу. Причины неблагоприятной ситуации кроются в хроническом недофинансированием развития науки, разрушении кооперации науки и производства, старении научных кадров, «утечке мозгов». Во многом они стали следствием приватизации, которая привела к разрушению отраслевого сектора прикладной науки. В свою очередь, реформа РАН не достигла своих целей и повлекла чрезмерную бюрократизацию управления фундаментальной наукой, подчинение научных институтов контролю некомпетентных чиновников, следствием чего стало ухудшение условий работы ученых и разочарование научного сообщества, возобновление утечки умов за рубеж [13]. В вопросе некомпетентных чиновников можно безоговорочно согласиться с мнением академика С. Ю. Глазьева, а также отсутствием независимой судебной системы в Российской Федерации.

В целях преодоления негативных тенденций необходима реализация системного подхода к управлению научно-техническим развитием, ориентированного на сквозное и всемерное стимулирование инновационной активности. Как отмечает академик С. Ю. Глазьев, для этого необходимо создание надведомственного коллегиального федерального органа, отвечающего за разработку государственной научно-технической и инновационной политики, координацию деятельности отраслевых министерств, ведомств, институтов развития и корпораций в ее реализации — Государственного комитета по научно-техническому развитию при Президенте Российской Федерации [13].

В вопросе создания надведомственного коллегиального федерального органа с академиком С. Ю. Глазьевым можно не согласиться, так как этот процесс будет забюрократизирован и, в конечном итоге, будет сведен к написанию отчетов.

Здесь представляется целесообразным воссоздать былую мощь РАН как высшей научной организации Российской Федерации с целью стратегического планирования (5-летнее), координации и научного сопровождения инновационного цикла: фундаментальные исследования — прикладные разработки — опытное производство — массовое (серийное) производство — реализация продукции и подчинить напрямую Президенту Российской Федерации. Кроме этого, в федеральных органах исполнительной власти и государственных корпорациях присутствует заместитель министра/руководителя по развитию цифровизации, которым необходимо расширить полномочия и определить персональную ответственность за научно-технологическое развитие.

К великому сожалению, Российская Федерация в результате либеральной экономической политики по шаблонам МВФ выбросила нас из высокоскоростного и технологического поезда на перрон. Вместо того, чтобы финансировать собственную экономику, в том числе ускорять научно-техническое развитие, некомпетентные чиновники направляли маржу от продажи сырьевых ресурсов в период высоких цен на энергоносители в США и Западную Европу, вследствие чего за 30 лет мы потеряли позиции даже в тех областях науки и техники, в которых имели преимущество перед конкурентами.

Китайский опыт показывает, что успешной реализации структурных реформ должна предшество-

вать подготовка соответствующего долгосрочного плана в период до 2050 г. Этот документ должен содержать конкретные цели структурных реформ; в первую очередь, повышение до определенных значений доли несырьевых секторов в общем объеме ВВП и экспорте параллельно с соответствующим снижением нефтегазового сектора, а также развитие определенных высокотехнологичных производств. Эти цели необходимо разбить на промежуточные временные этапы с указанием конкретных значений, объемов и источников финансирования [14] с обязательным подведением итогов, мониторингом и актуализацией исполнения этих этапов и плановых показателей.

Сейчас страна стоит перед выбором, который определит ее развитие на долгую перспективу: провести ли «косметический ремонт» существующей либеральной модели в рамках привычных императив Вашингтонского консенсуса либо сделать радикальный поворот в экономической политике и пойти по пути Китая?

В первом случае мы никогда не «слезем с нефтяной иглы» и будем отброшены на задворки истории [14, с. 318–319]. В условиях геополитической нестабильности, антироссийских санкций (в том числе эмбарго на российскую сырую нефть и «потолок» цен на энергоресурсы из Российской Федерации), крушение идеи евразийской интеграции, дрейф бывших советских республик в сторону Запада или Востока, но в целом — растущее отставание от всего мира. Во втором случае мы получаем шанс вырваться в передовую с экономической и технической точек зрения группу стран, обеспечить достойные материальные условия жизни для большинства граждан, сохранить самобытную российскую цивилизацию, создать условия для проведения суверенной внешней политики, а также обеспечить для Российской Федерации достойное место на мировой арене.

Российская Федерация не КНР и не США, и поэтому нам необходимо выбрать свой путь научно-технологического развития, основываясь на положительном опыте СССР и комплиментарных практиках стран — технологических лидеров (Китай, Германия, США, Республика Корея, Сингапур, Япония и т. д.) и проводить независимую экономическую политику, принцип которой должен сводиться к активному руководству рыночными процессами со стороны государства.

Список источников

1. Ленчук Е. Б. Научно-технологическое развитие как фактор ускорения экономического роста в России// Научные труды ВЭО России. 2021. Т. 222. С. 128.

2. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

4. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

5. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации».

7. Беляков Г. П., Беляков С. А., Шпак А. С. Опыт КНР по реформированию системы стратегического планирования и управления научно-технологическим развитием // Экономические отношения. 2019. № 3. С. 1575–1586.

8. Кошкин Р. П., Шабалов М. П. Государственная стратегия научно-технологического развития Китая. Вып. 1. М. : Изд-во «Стратегические приоритеты», 2014.

9. Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. М. : Изд-во «Форум», 2009.

10. Фортов В. Е. Инновационная стратегия развития экономики России // Новая модель экономического развития России: концепция формирования и реализации. М. : Издание Государственной Думы, 2016.

11. Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я., Абалкин Л. И. Стратегические ориентиры экономического развития России: научный доклад. С.-Петербург, 2010.

12. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М. : Книжный мир, 2018.

13. Глазьев С. Ю. О создании систем стратегического планирования и управления научно-техническим развитием // Инновации. 2020. № 2 (256). С. 14–23.

14. Холодков В. М. Структурные реформы в России в контексте китайского опыта // Новая модель экономического развития России: концепция формирования и реализации. М. : Издание Государственной Думы, 2016.

15. Иванов В. В., Каблов Е. Н., Онищенко Г. Г. Научно-технологическое развитие России в контексте достижения национальных целей: проблемы и решения // Инновации. 2020. № 6 (260). С. 3–4.

16. Статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М. Н. Коцемир и др. М., 2022.

17. Верлин Е. Первая технологическая война // Эксперт. 2019. № 51. С. 66–69.

18. Цифровые платформы расширяют возможности компаний. Расчеты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ по данным Росстата // URL://https://issek.hse.ru/news/799506340.html.

19. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Статистический сборник. Индикаторы науки: 2022 // URL://https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/774805791.pdf.

20. Статистический сборник Росстата. Россия в цифрах 2020. Наука и инновации // URL://https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf.

21. Инь Ли. Страновой отчет ERAWATCH за 2012 г. Китай // URL://https://www.researchgate.net/publication/299134290_ERAWATCH_Country_Report_2012_China.

22. Министерство науки и технологий Китайской Народной Республики // URL://https://www.most.gov.cn/index.html; https://www.most.gov.cn/xwzx/twzb/fbh22091401/

23. Динамика ВВП в КНР в текущих ценах // URL://https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2021&locations=CN&start=1991.

24. Динамика ВВП в Российской Федерации в текущих ценах // URL://https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2021&locale=ru&locations=RU&most_recent_year_desc=false&start=1990.

25. Рост ВВП в Российской Федерации // URL://https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2021&locale=ru&locations=RU&most_recent_year_desc=false&start=1990.

26. Рост ВВП в КНР // URL://https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG?end=2021&locations=CN&start=1991.

27. Экспорт высокотехнологической продукции из Российской Федерации // URL://https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD?locations=RU.

28. Экспорт высокотехнологической продукции из КНР // URL://https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD?locations=CN.

29. Товарный экспорт из Российской Федерации // URL://https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.MRCH.CD.WT?locations=RU.

30. Товарный экспорт из КНР // URL://https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.MRCH.CD.WT?locations=CN.

References

1. Lenchuk E. B. Scientific and technological development as a factor in accelerating economic growth in Russia // Scientific works of the VEO of Russia. 2021. V. 222. P. 128.

2. Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 2016 No. 642 «On the strategy of scientific and technological development of the Russian Federation».

3. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018 No. 204 «On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024».

4. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030».

5. Federal Law of August 23, 1996 No. 127-FZ «On Science and State Scientific and Technical Policy».

6. Decree of the Government of the Russian Federation of March 29, 2019 No. 377 «On Approval of the State Program of the Russian Federation «Scientific and Technological Development of the Russian Federation».

7. Belyakov G. P., Belyakov S. A., Shpak A. S. Experience of the PRC in reforming the system of strategic planning and management of scientific and technological development // Economic relations. 2019. No. 3. P. 1575–1586.

8. Koshkin R. P., Shabalov M. P. State strategy of scientific and technological development of China. Issue. 1. M.: Publishing house «Strategic priorities», 2014.

9. Berger Ya. M. The economic strategy of China. M. : Publishing House «Forum», 2009.

10. Fortov V. E. Innovative strategy for the development of the Russian economy // New model of economic development of Russia: the concept of formation and implementation. M. : Publication of the State Duma, 2016.

11. Grinberg R. S., Rubinshtein A. Ya., Abalkin L. I. Strategic guidelines for the economic development of Russia: a scientific report. St. Petersburg, 2010.

12. Glazyev S. Yu. Rush into the future. Russia in the new technological and world economic structures. M. : Knizhny Mir, 2018.

13. Glazyev S. Yu. On the creation of systems of strategic planning and management of scientific and technical development // Innovations. 2020. No. 2 (256). P. 14–23.

14. Kholodkov V. M. Structural reforms in Russia in the context of the Chinese experience // New model of economic development of Russia: the concept of formation and implementation. M. : Publication of the State Duma, 2016.

15. Ivanov V. V., Kablov E. N., Onishchenko G. G. Scientific and technological development of Russia in the context of achieving national goals: problems and solutions // Innovations. 2020. No. 6 (260). P. 3–4.

16. Statistical collection / L. M. Gokhberg, K. A. Ditkovsky, M. N. Kotsemir et al. M., 2022.

17. Verlin E. The first technological war // Expert. 2019. No. 51. P. 66–69.

18. Digital platforms empower companies. HSE ISSEK calculations based on Rosstat data // URL:// https://issek.hse.ru/news/799506340.html.

19. ISSEK NRU HSE. Statistical collection. Indicators of Science: 2022 // URL://https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/774805791.pdf.

20. Statistical collection of Rosstat. Russia in Figures 2020. Science and Innovation // URL://https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf.

21. Yin Li. ERAWATCH Country Report 2012 China // URL://https://www.researchgate.net/publication/299134290_ERAWATCH_Country_Report_2012_China.

22. Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China // URL://https://www.most.gov.cn/index.html; https://www.most.gov.cn/xwzx/twzb/fbh22091401/

23. Dynamics of GDP in China at current prices // URL://https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2021&locations=CN&start=1991.

24. Dynamics of GDP in the Russian Federation at current prices // URL://https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2021&locale=ru&locations=RU&most_recent_year_desc=false&start=1990.

25. GDP growth in the Russian Federation // URL://https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2021&locale=ru&locations=RU&most_recent_year_desc=false&start=1990.

26. GDP growth in China // URL://https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG?end=2021&locations=CN&start=1991.

27. Export of high-tech products from the Russian Federation // URL://https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD?locations=RU.

28. Export of high-tech products from China // URL://https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD?locations=CN.

29. Commodity exports from the Russian Federation // URL://https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.MRCH.CD.WT?locations=RU.

30. Commodity exports from China // URL:// https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.MRCH.CD.WT?locations=CN.

Информация об авторе

А. С. Качелин — старший научный сотрудник Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики Российской академии наук, кандидат экономических наук.

Information about the author

A. S. Kachelin — Senior Researcher of the Center for Innovative Economics and Industrial Policy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 338.26
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-268-274
EDN: https://elibrary.ru/vhgtyh
NIION: 2003-0059-3/23-709
MOSURED: 77/27-003-2023-03-908

Механизм привлечения финансовых активов российских трудовых мигрантов в региональную экономику Российской Федерации

Наталья Сергеевна Клунко[1], Татьяна Михайловна Регент[2], Юрий Никитович Мосейкин[3]
[1,2] Российский новый университет, Москва, Россия
[1] chief-nata@yandex.ru
[2] r2411083@yandex.ru
[3] Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, moseykin-yun@rudn.ru

Аннотация. Исследуется возможность решения актуальных проблем региональной экономики и социальной сферы за счет механизма привлечения финансовых активов российских трудовых мигрантов. Актуальность данного подхода вытекает из создавшейся ситуации в миграционной сфере ввиду резкого увеличения оттока мигрантов из страны, что определяет необходимость формирования новых подходов в региональной миграционной политике. Указано на то, что российские трудовые мигранты имеют относительно высокий материальный статус в зарубежных компаниях и организациях, решают свои насущные проблемы и проблемы своих семей, не уделяя при этом должного внимания своей гражданской обязанности, выражающейся в поддержке региональной и национальной экономики и социальной сферы в современных непростых условиях. Данная ситуация связана с тем, что российские трудовые мигранты за рубежом оторваны от реальной информации о происходящем, не включены в активное взаимодействие с соотечественниками, не имеют необходимого механизма, позволяющего осуществлять инвестиции в экономику регионов России. Представлен механизм привлечения финансовых активов российских трудовых мигрантов в региональную экономику Российской Федерации, который основан на деятельности неправительственных организаций за рубежом, имеющих возможность взять на себя задачи консультационного, информационного и организационного обеспечения финансового взаимодействия между трудовыми мигрантами и российской социально-экономической системой. Определено, что данный механизм способен позитивно воздействовать на динамку ВРП и ВВП, а полученные финансовые ресурсы могут помочь решению острых социально-экономических и военно-политических проблем регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: трудовые мигранты, регион, региональная экономика, финансы, механизм, модель, ВРП, динамика
Для цитирования: Клунко Н. С., Регент Т. М., Мосейкин Ю. Н. Механизм привлечения финансовых активов российских трудовых мигрантов в региональную экономику Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 268–274. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-268-274. EDN: VHGTYH.

Original article

Mechanism for attraction of financial assets of Russian labor migrants in the regional economy of the Russian Federation

Natalia S. Klunko[1], Tatiana M. Regent[2], Yuriy N. Moseykin[3]
[1,2] Russian New University, Moscow, Russia
[1] chief-nata@yandex.ru
[2] r2411083@yandex.ru
[3] Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, moseykin-yun@rudn.ru

Abstract. The possibility of solving urgent problems of the regional economy and the social sphere through the mechanism of attracting financial assets of Russian migrant workers is being investigated. The relevance of this approach stems from the current situation in the migration sphere due to the sharp increase in the flow of migrants from the country, which determines the need to form new approaches in regional migration policy. It is pointed out that Russian labor migrants have a relatively high financial status in foreign companies and organizations, solve their pressing problems and the problems of their families, while not paying due attention to their civic duty, which is expressed in supporting the regional and national economy and social sphere in today's difficult conditions. This situation is due to the fact that Russian labor migrants abroad are disconnected from real information about what is happening, are not included in active interaction with compatriots, do not have the necessary mechanism to invest in the economy of the regions of Russia. The paper presents a mechanism for attracting financial assets of Russian migrant workers to the regional economy of the Russian Federation, which is based on the activities of non-governmental organizations abroad that have the opportunity to take on the tasks of consulting, informational and organizational support of financial interaction between migrant workers and the Russian socio-economic system. It is determined that this mechanism is able to positively affect the dynamics of GRP and GDP, and the financial resources received can help solve acute socio-economic and military-political problems of the regions of the Russian Federation.

Keywords: labor migrants, region, regional economy, finance, mechanism, model, GRP, dynamics
For citation: Klunko N. S., Regent T. M., Moseykin Yu. N. Mechanism for attraction of financial assets of Russian labor migrants in the regional economy of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):268–274. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-268-274. EDN: VHGTYH.

© Клунко Н. С., Регент Т. М., Мосейкин Ю. Н., 2023

Актуальность темы. Первые десятилетия XXI в. продолжают «эпоху миграции», что подтверждается данными статистики: за последние десять лет количество мигрантов значительно увеличилось (на 51 млн) и на данный момент они составляют примерно 272 млн человек. Территориально они распределены следующим образом: больше 50 млн проживают в США, 13 млн — в Саудовской Аравии и чуть больше 13 млн в Германии. Россия в этом списке занимает 4-е место — 12 млн международных мигрантов. Данные мигранты относятся к категории трудовых мигрантов [6]. В тоже время, имеет место и обратный процесс: по разным оценкам, за пределами Российской Федерации (до начала 2022 г.) трудилось более 1,5 млн граждан России, имеющих высокий уровень профессиональной подготовки, в связи с чем они были весьма востребованными на рынке труда, и сегодня трудно найти в мире университет, компанию, где не работают россияне [15].

В 2022 г. ситуация изменилась коренным образом, когда только за I полугодие 2022 г. из России выехало 8,5 млн человек, что на 25 % больше, чем в первом полугодии 2021 г. При том, что большинство выехавших не планируют возвращаться в страну в ближайшее время, эти люди пополнят российскую трудовую миграцию за границей России [1].

Фактически, можно говорить о том, что по самым скромным оценкам за границей в ближайшие годы будет осуществлять трудовую деятельность 5,5–6,5 млн россиян, что является существенным ресурсом с точки зрения финансово-экономического потенциала данной группы граждан России.

В данном случае речь идет о том, что эти граждане, невзирая на их весьма спорную гражданскую позицию, не утрачивают связей с Россией, оказывая финансовую поддержку оставшимся родственникам, планируя, в дальнейшем, вернуться в Россию для организации бизнеса, покупки недвижимости, инвестирования и т. д.

Таким образом, как бы там ни было, регионы России в настоящее время заинтересованы в том, чтобы уехавшие граждане уже на текущем этапе оказали финансовую помощь не только своим родственникам, но и самому региону, утвердив свой гражданский статус, дав возможность регионам России использовать полученные дополнительные доходы на решение острых социально-экономических и военно-политических проблем.

Изученность проблемы. Рассматривая трудовую миграцию в таком финансово-экономическом ракурсе, отметим, что в современной научной литературе вопросам миграции посвящено множество работ. В частности, проблемы государственного управления миграционными процессами рассматривали в своих работах А. В. Васильева, О. А. Козлова [2], В. А. Коннов, Ю. В. Пузырева [3], Э. А. Мамонтова [5], О. А. Сазонова [7], Ю. Ф. Флоринская, Н. В. Мкртчян, Т. М. Малева, М. К. Кириллова [14] и др.

В работах большинства авторов речь идет, преимущественно, об управлении процессами трудовой миграции в России. Вопросы трудовой миграции из России рассматривались в научной литературе в значительно меньшей степени, учитывая незначительный объем миграционных потоков из страны.

В тоже время, отдельные исследователи, такие как М. Кудаева, И. Редозубов [4], А. А. Субботин [9, 10], Д. И. Узнародов [11] и др., еще до периода обострения военно-политической обстановки в 2022 г. указывали на то, что количество лиц, выезжающих из России, возрастает из года в год, при том, что государство не в полной мере осознает потенциал трудовой миграции из России, не уделяет должного внимания сотрудничеству и коммуникации с россиянами, работающими за рубежом.

Целесообразность разработки темы связана с тем, что в научной литературе не рассматривались вопросы, связанные с финансово-экономическим взаимодействием с россиянами, ставшими трудовыми мигрантами, что определяет актуальность данной статьи и ее цель.

Научная новизна. Научная новизна статьи определяется тем, что автором разработана модель воздействия процесса инвестирования средств трудовых мигрантов в региональную экономику на общую финансово-экономическую ситуацию в регионе, стране.

Цель исследования. Целью данного исследования является разработка механизма привлечения финансовых активов российских трудовых мигрантов в региональную экономику Российской Федерации.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в научный оборот введена математическая модель, позволяющая констатировать целесообразность привлечения средств трудовых мигрантов в региональную экономику как фактора, способствующего росту расходов населения региона вследствие

роста его покупательной способности, а также предприятий и организаций в результате увеличения финансовых поступлений, что позитивно отражается на росте ВРП, на развитии региональной экономики.

Практическая ценность данной статьи состоит в том, что результаты возможно использовать в процессе разработки научных тем, связанных с формированием региональной миграционной полотки.

Методология. В основе исследования лежит методология научного поиска, основанная на поэтапном исследовании конкретной проблемы, в котором задан вектор достижения поставленной цели: от теоретических обобщений к практическим результатам. В основе исследования лежит совокупность общенаучных методов: анализ, обобщение, классификация. Также в статье использованы эмпирические методы, а именно методика структурирования фактов, изучение статистических данных, математическое моделирование.

Результаты. Анализ результатов исследования проблем трудовой миграции россиян [8; 9; 10], проведенный на основе выделения в качестве объекта исследования именно миграцию россиян в зарубежные страны, позволяет сформировать определенный социально-демографический «профиль» российского мигранта в зарубежных странах.

Трудовая миграция является в большей степени мужской темой, именно мужская часть населения составляет порядка 75 % от общей численности лиц, работающих за рубежом. При этом имеются большие отличия по регионам. Так, например, в странах ЕС и в США женщин — трудовых мигрантов насчитывается уже 37,2 %, в то время как в иных регионах мира преобладает именно мужская трудовая миграция [9].

Подавляющее число российских трудовых мигрантов заняты в строительстве, сельском хозяйстве, деятельности домашних хозяйств, гостинично-ресторанном хозяйстве, при этом, несмотря на то, что в России традиционно считается, что российские специалисты в IT-сфере востребованы на Западе, общее их количество составляет не более 3,2 % от общего количества мигрантов [10].

Обращает на себя внимание, что в структуре персонала западных компаний по квалификационному уровню наибольшая часть — представители менеджерских профессий, которые даже в странах Запада рассматриваются как высокооплачиваемые и престижные.

Необходимо отметить, что для российской региональной экономики и общества трудовая миграция россиян имеет как положительные, так и отрицательные последствия (табл. 1).

Как видим, существуют вполне объективные предпосылки для того, чтобы рассматривать региональную трудовую миграцию из России как весьма неоднозначный, но, вместе с тем, объективный процесс. При этом следует обратить внимание на то, что заработки трудовых мигрантов за рубежом способствуют повышению уровня жизни многих домохозяйств, уменьшению бедности, снижению давления на рынке труда, развитию малого бизнеса в различных регионах Российской Федерации.

Так, в России денежные переводы мигрантов семьям на родине составляют внушительную величину, достигая 0,5 % от объема ВВП и, соответственно, можно говорить о том, что отсутствие этих финансовых ресурсов негативным образом скажется на состоянии социального благополучия населения, а также на общем состоянии российской экономики (табл. 2).

Как видим, в России имеет место существенная дифференциация регионов по объему полученных

Таблица 1.

Последствия трудовой миграции из регионов России

Положительные	Отрицательные
Уменьшение социального напряжения и нагрузки на рынок труда, в частности, снижение уровня региональной безработицы.	Снижение трудового потенциала из-за утраты экономически активного и наиболее трудоспособного населения.
Значительный приток денег в экономику в виде денежных переводов; материальное содержание семей на родине и улучшение условий их жизни; понимание мигрантами реальных условий функционирования рыночной экономики зарубежных стран; изучение мигрантами иностранных языков.	Отток интеллектуального потенциала; потеря мигрантами-профессионалами квалификации в результате выполнения «черновых» работ; потеря работниками-мигрантами здоровья из-за тяжелых условий труда и быта; распад семей мигрантов, отсутствие ухода за их детьми и родителями на родине; нарушение прав мигрантов в странах пребывания (насилие, ксенофобия, отсутствие гарантий получения заработанных денег, отсутствие защиты от преступных элементов).

Таблица 2.

Динамика объемов частных денежных переводов в регионы России в 2018–2021 гг. (составлено по данным [13])

Показатели	2018	2019	2020	2021
Поступления всего, млн. дол. США, в том числе	8537	6489	5154	5425
• через корреспондентские счета банков;	3293	2410	2006	2279
• через международные платежные системы;	4084	3190	2135	2126
• через неформальные каналы;	1160	889	1013	1020
Объемы денежных переводов, % к ВВП.	4,5	4,8	5,7	5,8
В разрезе Федеральных округов				
Центральный	60 850,6	4752,6	4987,6	3368,4
Северо-Западный	2172,1	1611,3	1,273,1	1912,6
Южный	17,7	18,2	19,1	20,2
Северо-Кавказский	6,1	5,7	5,5	5,0
Приволжский	27,2	33,3	35,1	34,2
Уральский	43,1	55,2	87,7	72,2
Сибирский и Дальневосточный	11,2	12,7	17,7	12,4

средств из-за рубежа. Более 90 % переводов приходится на Центральный и Северо-западный регион, что определяется традиционно высокой миграцией населения из этих регионов за границу.

В тоже время, надо сказать, что внимание к финансовой стороне деятельности российских трудовых мигрантов за рубежом в настоящее время обусловлено сложностями в экономике России, возникшими в связи с санкционным давлением. В этом смысле российские трудовые мигранты могут помочь своей стране справиться с экономическими проблемами.

В тоже время, как свидетельствуют информационно-аналитические материалы, мигранты редко используют заработанные денежные средства для благотворительной деятельности, для приобретения государственных ценных бумаг, для инвестирования в различные проекты, которые реализуются на территории Российской Федерации.

Структура расходов заработанных мигрантами средств, свидетельствует, что главной статьей является приобретение товаров длительного пользования, удовлетворение ежедневных потребностей. Также важной проблемой является то, что значительная часть денежных переводов средств из-за границы осуществляется по неформальным каналам, что приводит к уменьшению соответствующих поступлений в бюджет и не способствует прозрачности инвестиционных потоков и разрешению текущих экономических проблем страны.

Данная ситуация связана с тем, что российские трудовые мигранты не имеют достоверной информации относительно того, что происходит в российских регионах, не чувствуют себя частью «русского мира», находясь за рубежом, не считают необходимым поддержать государство и народ в условиях острого военно-политического противостояния. В тоже время, обязанность государства предоставлять мигрантам информацию о положении дел в России прямо вытекает из положения ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [12], в соответствии с нормами которого в функции государства входит поддержка соотечественников в получении ими необходимой информации.

Как представляется, информационную часть российской миграционной политики в отношении трудовых мигрантов из России за рубежом должны взять на себя различные объединения соотечественников, целью которых является донесение до трудовых мигрантов истинного положения дел в России, а также разъяснений в отношении необходимости материальной поддержки Российской Федерации.

Соответственно, мы считаем, что объединения соотечественников по региональному признаку могут осуществлять работу по привлечению средств трудовых мигрантов для решения социальных и экономических проблем региональной экономики, а также военно-политических проблем современной России по следующим направлениям:

♦ изучение, анализ и разъяснение действующего федерального и регионального законодательства Российской Федерации, которое гарантирует права трудовых мигрантов, а также определяет их обязанности в отношении России;

♦ предоставление профессиональной информации трудовым мигрантам по вопросам фискальной и регуляторной политики в регионах России;

♦ изучение и анализ инвестиционного климата России в разрезе регионов;

♦ систематизация региональных инвестиционных проектов, а также рекомендаций по инвестированию в наиболее перспективные региональные проекты;

♦ подготовка бизнес-планов, предоставление юридического сопровождения инвестиционной и благотворительной деятельности мигрантов, желающих осуществлять предпринимательскую деятельность в регионах России;

♦ налаживание сотрудничества с представителями органов региональной исполнительной власти и органов местного самоуправления в России в части изучения потребности в инвестициях и пожертвованиях;

♦ налаживание сотрудничества с представителями финансового сектора, осуществляющими переводы финансовых средств в регионы России.

Итак, по нашему мнению, с помощью объединения соотечественников за рубежом появляется возможность сформировать действенный экономический механизм привлечения средств трудовых мигрантов в региональную экономику России, повысив ее финансовый потенциал.

Данный механизм мы определяем как механизм привлечения средств трудовых мигрантов общественными организациями в лице объединений соотечественников с целью решения социально-экономических и военно-политических проблем российских регионов и Российской Федерации в целом.

В основе данного механизма лежит способность объединений соотечественников за рубежом аккумулировать на специальном счете средства, которые структурно могут состоять из:

♦ членских взносов трудовых мигрантов;

♦ добровольных пожертвований от граждан и организаций;

♦ донорских средств, привлеченных объединениями соотечественников;

♦ части доходов предприятий, основанных трудовыми мигрантами;

♦ других источников доходов, не запрещенных законодательством о состоянии пребывания мигрантов.

Собранные таким образом деньги объединения соотечественников направляют в виде целевой финансовой помощи на расчетные счета региональных организаций в РФ в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями.

Для определения эффективности вышеприведенного экономического механизма привлечения средств предлагаем модель воздействия данной формы инвестирования в региональную экономику на общую финансово-экономическую ситуацию в регионе, стране.

Поскольку валовый региональный продукт (ВРП) является основным показателем результатов экономической деятельности на региональном уровне, характеризующим совокупную рыночную стоимость конечных товаров и услуг, производимых предприятиями, организациями и учреждениями в определенном периоде на экономической территории региона, постольку расчет его общей суммы (согласно затратному методу) осуществляется по формуле [8]:

$$ВРП = C + I + G + NX \quad (1)$$

$$I = амортизация + чистые_ивестиции$$

$$NX = экспорт - импорт,$$

где $C\ (consumption)$ — расходы населения, предприятий и организаций региона; $I\ (investments)$ — инвестиции; $G\ (govenment)$ — региональные расходы; NX — чистый экспорт.

Таким образом, поскольку средства трудовых мигрантов способствуют росту расходов населения региона вследствие роста его покупательной способности, а также предприятий и организаций в результате увеличения финансовых поступлений, то это отразится на увеличении объема ВРП.

Кроме того, таковой рост издержек приведет, в свою очередь, к увеличению доходов компаний и организаций, которые они могут в дальнейшем употреблять в качестве инвестиций в предпринимательскую деятельность. Именно поэтому для определения совокупного эффекта от привлечения средств трудовых мигрантов в региональную экономику можно применять доходный метод, базирующийся на формуле [3]:

$$ВРП = W + P + i + r, \quad (2)$$

где W — заработная плата; P — прибыль; i — доход от инвестиций, осуществляемых за счет средств трудовых мигрантов; r — рента, определяющая доходность инвестиций трудовых мигрантов для предприятий и организаций.

Поскольку ВРП характеризует конечное потребление товаров и услуг, валовое накопление основного капитала, изменение запасов материальных оборотных средств, сальдо экспорта и импорта товаров и услуг, то формулы его определения по затратным или доходным методам можно принять за основу для построения методики исчисления экономического эффекта от привлечения средств трудовых мигрантов для решения актуальных социально-экономических и военно-политических проблем регионов РФ.

Выводы. В целом, можно говорить о том, что привлечение средств трудовых мигрантов в экономику регионов России может оказать позитивное воздействие на рост ВРП и ВВП, позволит насытить региональную и федеральную российскую экономику финансовыми ресурсами, поступающими из-за рубежа без существенных затрат на данное направление российской миграционной политики.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что в современных условиях региональным властям и государству необходимо обратить особое внимание на участие российских трудовых мигрантов, работающих за рубежом, в решении актуальных проблем региональной экономики и социальной сферы. Для решения данной задачи имеются все предпосылки, а также ее решению способствуют относительно простые организационные мероприятия, принимаемые региональными властями и государством в рамках миграционной политики.

По нашему мнению, объединения соотечественников за рубежом имеют большой потенциал по осуществлению работы в направлении привлечения средств российских трудовых мигрантов в экономику регионов Российской Федерации. При этом привлечение данных средств не требует существенных организационно-экономических усилий, но, вместе с тем, дает возможность увеличить ВРП и ВВП России за счет средств трудовых мигрантов, направив данные средства на решение актуальных задач, возникших перед региональной экономкой в условиях санкций, снизив нагрузку на региональные и Федеральный бюджет Российской Федерации.

Список источников

1. За полгода из России уехало 8,5 млн человек. Куда и зачем они отправились? // URL://https://74.ru/text/world/2022/08/18/71580719/

2. Васильева А. В., Козлова О. А. Поиск компромисса в российской миграционной политике в сфере регулирования иностранной рабочей силы // Государственное управление. 2022. № 95. С. 64–80.

3. Коннов В. А., Пузырева Ю. В. Международно-правовые основы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 178–184.

4. Кудаева М., Редозубов И. Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда РФ в целом и региональном аспекте. М., 2021.

5. Мамонтова Э. А. Проблемные вопросы государственного управления внешней миграцией в России в период пандемии // Право: история и современность. 2022. Т. 6. № 1. С. 111–119.

6. Россия является четвертой в списке стран, наиболее привлекательных для мигрантов // URL:// https://news.un.org/ru/story/2019/09/1363082.

7. Сазонова О. А. Государственное управление в миграционной сфере: основные механизмы // Studia Humanitatis. 2022. № 1. С. 1–12.

8. Современные тенденции институциональной структуры финансового регулирования: моногр. / О. В. Буклемишев, Ю. А. Данилов. М., 2017.

9. Субботин А. А. Масштабы миграции из России (на примере данных американской и российской статистики) // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 6. С. 327–333.

10. Субботин А. А. Международная интеллектуальная миграция в России: тенденции и возможности управления: дисс. ... канд. наук. М., 2022.

11. Узнародов Д. И. Анализ динамики миграционных потоков из России в США (1992–2018 гг.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 2. С. 71–80.

12. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // URL://https://base.garant.ru/12115694/

13. Финансы в России // URL://https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13237.

14. Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда. М. : Издательский дом «Дело», 2015.

15. Число работающих за границей высококвалифицированных россиян превысило 1,5 млн // URL:// https://www.interfax.ru/business/545024.

References

1. 8.5 million people left Russia in six months. Where and why did they go? // URL://https://74.ru/text/world/2022/08/18/71580719/

2. Vasilyeva A. V., Kozlova O. A. The search for a compromise in the Russian migration policy in the field of regulation of foreign labor force // State administration. 2022. No. 95. P. 64–80.

3. Konnov V. A., Puzyreva Yu. V. International legal bases for the implementation of the state migration policy of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2. P. 178–184.

4. Kudaeva M., Redozubov I. The impact of migration flows on economic activity and the labor market of Russia in general and in the regional aspect. M., 2021.

5. Mamontova E. A. Problematic issues of state management of external migration in Russia during the pandemic// Law: history and modernity. 2022. Vol. 6. No. 1. P. 111–119.

6. Russia is the fourth in the list of countries most attractive for migrants // URL://https://news.un.org/ru/story/2019/09/1363082.

7. Sazonova O. A. State management in the migration sphere: basic mechanisms // Studia Humanitatis. 2022. No. 1. P. 1–12.

8. Modern trends in the institutional structure of financial regulation: monogr. / O. V. Buklemishev, Yu. A. Danilov. M., 2017.

9. Subbotin A. A. The scale of migration from Russia (on the example of American and Russian statistics) // Socio-humanitarian knowledge. 2021. No. 6. P. 327–333.

10. Subbotin A. A. International intellectual migration in Russia: trends and management opportunities: dissertation of the Candidate of Sciences. M., 2022.

11. Urodov D. I. Analysis of the dynamics of migration flows from Russia to the USA (1992–2018) // Izvestia of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences. 2020. No. 2. P. 71–80.

12. Federal Law No. 99-FZ of May 24, 1999 «On the State Policy of the Russian Federation in relation to Compatriots abroad» // URL://https://base.garant.ru/12115694/

13. Finance in Russia // URL://https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13237.

14. Florinskaya Yu. F., Mkrtchyan N. V., Maleva T. M., Kirillova M. K. Migration and the labor market. M. : Publishing House «Delo», 2015.

15. The number of highly qualified Russians working abroad exceeded 1.5 million // URL://https://www.interfax.ru/business/545024.

Информация об авторах

Н. С. Клунко — профессор кафедры философии Департамента подготовки научных и научно-педагогических кадров Российского нового университета, доктор экономических наук, DBA США;

Т. М. Регент — научный руководитель Института экономики, управления и финансов Российского нового университета, доктор экономических наук, профессор;

Ю. Н. Мосейкин — заведующий кафедрой национальной экономики, директор Института мировой экономики и бизнеса Российского университета дружбы народов, доктор экономических наук, профессор.

Information about the authors

N. S. Klunko — Professor of the Department of Philosophy of the Department of Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Russian New University, Doctor of Economic Sciences, DBA USA;

T. M. Regent — Scientific Director of the Institute of Economics, Management and Finance of the Russian New University, Doctor of Economic Sciences, Professor;

Yu. N. Moseykin — Head of the Department of National Economy, Director of the Institute of World Economy and Business of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 31.05.2023.

The article was submitted 14.03.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 31.05.2023.

Научная статья
УДК 368.01
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-275-280
EDN: https://elibrary.ru/vgtwke
NIION: 2003-0059-3/23-710
MOSURED: 77/27-003-2023-03-909

Актуальные проблемы страхования рисков природных катастроф и киберрисков

Михаил Евгеньевич Косов[1], Таис Валерьевна Дрюк[2]
[1,2] Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
[1] Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия
[1] kosovme@mail.ru
[2] tais-dryuk@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются ключевые проблемы развития страхования рисков природных катастроф и киберрисков. Выявлена общая для данных сфер тенденция увеличения пробела в страховой защите и проведен анализ причин такой тенденции. Обоснована целесообразность использования ценных бумаг, связанных со страхованием, как альтернативного инструмента перестрахования рисков природных катастроф и киберрисков.

Ключевые слова: природные катастрофы, кибериски, пробел в страховой защите, индекс страховой устойчивости, катастрофные облигации, перестрахование, цифровизация

Для цитирования: Косов М. Е., Дрюк Т. В. Актуальные проблемы страхования рисков природных катастроф и киберрисков // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 275–280. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-275-280. EDN: VGTWKE.

Original article

Actual problems of natural disaster risk insurance and cyber risks insurance

Mikhail E. Kosov[1], Tais V. Dryuk[2]
[1,2] Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
[1] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
[1] National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
[1] kosovme@mail.ru
[2] tais-dryuk@yandex.ru

Abstract. The key problems of the development of natural disaster risk insurance and cyber risks are considered. The general trend of increasing the gap in insurance protection for these areas has been identified and the reasons for this trend have been analyzed. The expediency of using insurance-related securities as an alternative instrument for reinsurance of natural disaster risks and cyber risks is substantiated.

Keywords: natural disasters, cyber risks, insurance protection gap, insurance sustainability index, catastrophe bonds, reinsurance, digitalization

For citation: Kosov M. E., Dryuk T. V. Actual problems of natural disaster risk insurance and cyber risks insurance. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):275–280. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-275-280. EDN: VGTWKE.

В современных условиях страхование рисков природных катастроф и киберстрахование становятся все более значимыми сферами мирового страхового рынка. Однако присутствует ряд факторов, сдерживающих развитие данных сегментов.

Динамика рынка страхования рисков природных катастроф наглядно характеризуется специфическими показателями, рассчитываемыми Swiss Re Institute, к которым относятся индекс страховой устойчивости и пробел в страховой защите. Пробел в страховой защите — это разница между фактическими убытками от события и убытками, которые покрывает страховка. Индекс страховой устойчивости показывает долю убытков, покрытых страховкой, от общей суммы убытков. Swiss Re Institute рассчитывает данные показатели интегрально по всем рискам, а также в отдельности по рискам, связанным со здоровьем, смертностью и природными катастрофами. Мировой пробел в страховой защите по рискам природных катастроф за период с 2001 г. по 2020 г. увеличился на 192 % (с 79 до 231 млрд долл.) (рис. 1). Наибольший темп прироста по данному показателю продемонстрировали развивающиеся страны Азии (783 %) и развивающиеся страны EMEA (363 %), наименьший — развитые страны Азии (79 %) и развитые страны EMEA (125 %).

© Косов М. Е., Дрюк Т. В., 2023

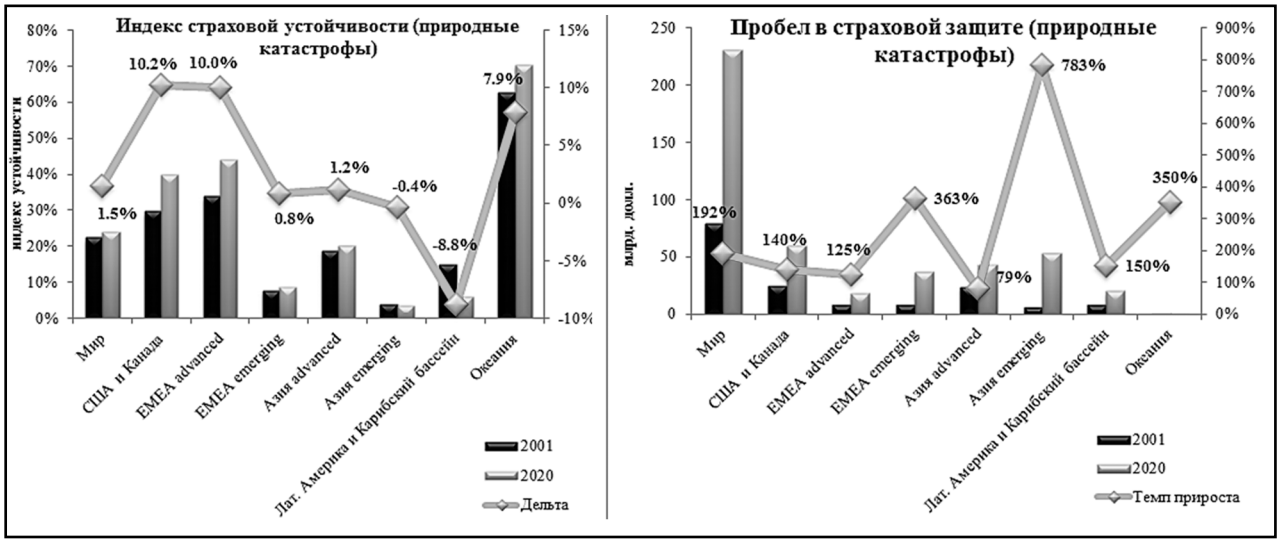

Рис. 1. Индекс страховой устойчивости и пробел в страховой защите по рискам природных катастроф в 2001 и 2020 гг.
Источник: разработано авторами на основе [7].

Мировой индекс страховой устойчивости по рискам природных катастроф по итогам 2020 г. составил всего 24 %, увеличившись по сравнению с показателем 2001 г. лишь на 1,5 %, т. е. страхование обеспечивает только 24 % общемировых потребностей в страховой защите по рискам природных катастроф.

Наиболее высокий индекс страховой устойчивости по рискам природных катастроф — в Океании (70,4 %, прирост 7,9 % к уровню 2001 г.), в развитых странах EMEA (43,9 %, прирост 10 %), а также в США и Канаде (40 %, прирост 10,2 %). Самые низкие показатели индекса страховой устойчивости по рискам природных катастроф — в развивающихся странах Азии (3,6 %, снижение на 0,4 %) и развивающихся странах EMEA (8,6 %, прирост 0,8 %).

Столь низкие показатели индекса страховой устойчивости в мире и, в особенности, в развивающихся странах обусловлены рядом факторов.

Во-первых, это рост частоты и разрушительности стихийных бедствий в связи с глобальными изменениями климата (рис. 2). Примечательным является тот факт, что в последние годы на первый план выходят риски стихийных бедствий, которые ранее считались второстепенными: наводнения, сильные конвективные штормы, лесные пожары. Так, в 2021 г. на долю наводнений пришлось более 70 % всех застрахованных убытков. Это был первый год, когда два события второстепенной опасности — зимний шторм Ури в США и наводнение в Европе в июле — принесли убытки, каждый из которых превышает 10 млрд долл. [8].

Вторым фактором, которым обусловлена величина индекса страховой устойчивости по рискам природных катастроф, является низкий уровень финансовой грамотности и страховой культуры населения развивающихся стран, где подавляющее большинство населения рассчитывает на помощь со стороны госу-

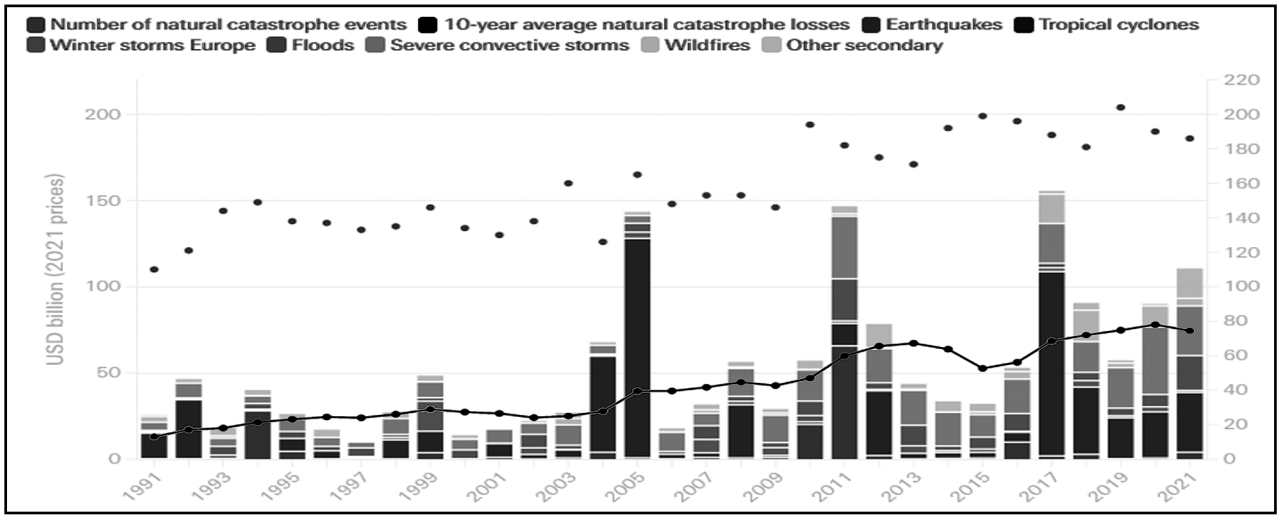

Рис. 2. Динамика количества и размеров убытков от стихийных бедствий за период с 1991 по 2021 гг. [8]

дарства в случае стихийных бедствий, а не приобретает страховку.

Наконец, еще один немаловажный фактор — нехватка емкостей на национальных страховых и перестраховочных рынках, необходимых для обеспечения страховой защиты при событиях столь высокой катастрофичности.

Таким образом, рост масштабов природных катастроф требует расширения перестраховочных емкостей и поиска альтернативных источников капитала (в том числе на международных рынках) для обеспечения необходимой защиты от катастрофических рисков. В этой связи стоит отметить такие инструменты альтернативного перестрахования, как ценные бумаги, связанные со страхованием (insurance-linked securities, ILS), к которым относятся облигации катастроф (CAT Bonds), Industry Loss Warranties (ILWs), catastrophe equity puts (Cat-E-Puts).

Общей характеристикой для всех указанных инструментов является то, что при их использовании источником капитала является рынок ценных бумаг и производных финансовых инструментов, а не страховой рынок. Они представляют собой некое «синтетическое» перестрахование и по своей сути являются гибридом страховки и ценной бумаги либо производного финансового инструмента.

Наиболее распространенными ILS являются катастрофные облигации — долгосрочные высокодоходные ценные бумаги, содержащие условие о потере инвестором части или всей суммы номинала либо процентов по облигации при наступлении страхового случая — природной катастрофы. Если страховой случай не наступает, инвестор получает доходность выше среднерыночного уровня. Облигации катастроф появились после ураганов 1992 г. Эндрю и Иники и землетрясения, произошедшего в Нортридже в 1994 г. В последние годы наблюдается тренд активного роста мировых объемов выпуска таких облигаций. В 2021 г. объем их выпуска составил рекордную величину в сравнении с предыдущими годами — 12,5 млрд долл. (рис. 3).

По сути, катастрофная облигация представляет собой секьюритизированный договор перестрахования. Страховщик (перестраховщик) учреждает специальное юридическое лицо (SPV), которое осуществляет выпуск облигаций для их размещения среди квалифицированных инвесторов, получая от страховщика перестраховочную премию. Средства, полученные от продажи CAT Bonds, инвестируются в краткосрочные облигации с низким уровнем риска (например, казначейские облигации США), как правило, при посредничестве инвестиционных банков. По катастрофным облигациям инвесторы затем получают купонные выплаты, равные сумме доходности по краткосрочным облигациям и перестраховочной премии. При наступлении страхового случая инвесторы теряют часть номинала облигации и, возможно, проценты в размере, равном страховой выплате.

При структурировании CAT Bonds страховщик выбирает инициирующее событие (триггер), наступление которого будет означать, что произошел страховой случай. Триггером могут быть фактические убытки страховщика (конструкция, аналогичная традиционному договору перестрахования), моделируемые убытки (ожидаемые потери, рассчитываемые с помощью моделей катастроф), отраслевые потери (при превышении ими определенного порогового значения), а также некоторые параметры самих природных явлений, на случай которых осуществляется страхование (например, скорость ветра при урагане).

Привлекательность катастрофных облигаций для инвесторов связана с тем, что они позволяют диверсифицировать инвестиционный портфель. Ведь этот инструмент предполагает принятие рисков стихийных

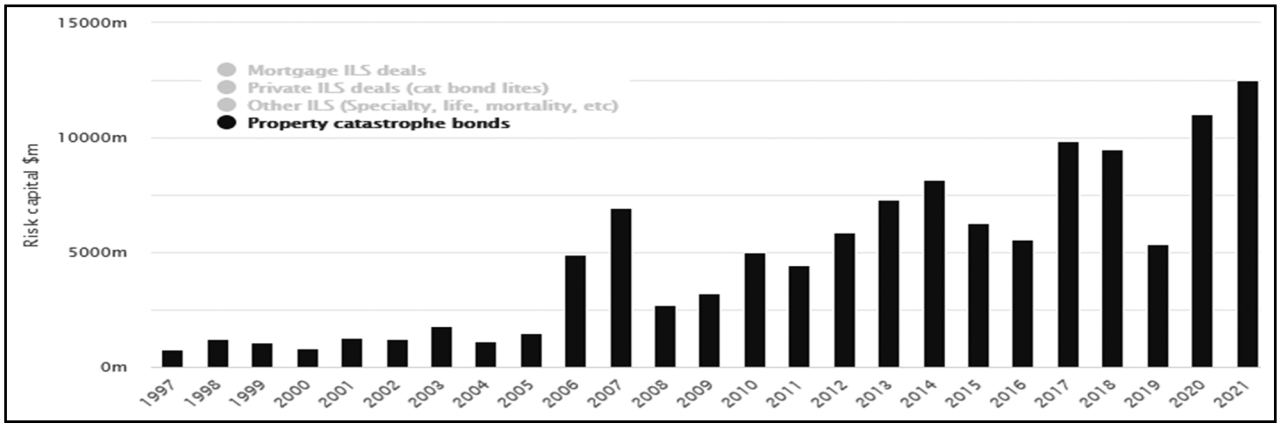

Рис. 3. Динамика мировых объемов выпуска катастрофных облигаций за период с 1997 по 2021 гг. [3]

бедствий без принятия финансовых рисков, с которыми в большей степени коррелируют другие инвестиции в портфеле. В то же время, для страховщиков данный инструмент привлекателен тем, что позволяет выйти на новые рынки капитала, когда необходимо перестрахование катастрофических рисков при отсутствии необходимых перестраховочных емкостей и высокой стоимости традиционного перестрахования. Кроме того, катастрофные облигации, в отличие от традиционных договоров перестрахования, предоставляют долгосрочное покрытие (на 3–5 лет) и могут выпускаться траншами со сроком погашения в будущие годы. Однако следует отметить, что, будучи сложным кросс-секторальным продуктом, катастрофные облигации усиливают зависимость страхового и перестраховочного рынков от других секторов финансового рынка, делая страховой сектор более уязвимым для кризисных явлений. Так, в период кризиса 2008 г. на рынке обращались катастрофные облигации, в сделках с которыми посредником выступал Lehman Brothers. Банк инвестировал доходы по облигациям и выступал гарантом прибыли по ним. Когда Lehman подал заявление о банкротстве, цена этих облигаций снизилась до 25–60 центов за доллар, а весь рынок CAT Bonds упал на 10 % [2].

Таким образом, данные финансовые инструменты требуют жесткого структурирования и предназначены только для квалифицированных инвесторов. В связи с этим они обращаются в основном в странах с развитым финансовым рынком — в США и европейских государствах. Среди развивающихся стран движение в направлении распространения облигаций катастроф было начато Китаем. В конце 2021 г. китайский регулятор страховой отрасли призвал инвестировать в гонконгские катастрофные облигации. В Гонконге была зарегистрирована SPV Greater Bay Re Limited для выпуска CAT Bonds от имени китайского перестраховщика China Re [1]. Однако пока гонконгские облигации катастроф не получили распространения среди инвесторов. В целом, для развивающихся стран, финансовые рынки которых характеризуются недостаточным уровнем развития, высокой волатильностью и подверженностью кризисам, катастрофные облигации не являются востребованным инструментом. Отсутствие необходимых источников капитала для перестрахования рисков природных катастроф в таких странах, а также низкий уровень финансовой грамотности и страховой культуры населения способствуют сохранению тренда увеличения пробела в страховой защите по рискам природных катастроф.

В сфере страхования киберрисков также наблюдается тенденция роста пробела в страховой защите. Активное развитие технологий, цифровизация всех сфер экономики привели к появлению новых киберугроз и усилению уязвимости бизнеса для киберрисков. В 2019 г. затраты компаний на обеспечение кибербезопасности и среднее количество нарушений в данной сфере выросли на 12 и 11 % соответственно [4]. Пандемия COVID-19, с началом которой компании стали массово переходить на удаленную работу, в результате чего онлайн-трафик в разы увеличился, открыла новые возможности для киберпреступников и придала еще большую значимость кибербезопасности. С учетом этого ожидается дальнейший рост затрат компаний в данной сфере.

Оценки стоимости кибератак значительно превышают выплаты страховщиков по киберрискам: средняя стоимость утечки данных составляет 3,92 млн долл. США, а средний размер выплат страховщиков США по таким инцидентам — около 146 тыс. долл. США [4]. Величина пробела в страховой защите свидетельствует о наличии большого потенциала для развития рынка киберстрахования, которому также способствует рост осведомленности компаний о новых киберугрозах. Согласно прогнозу Munich Re, к 2025 г. рынок вырастет в четыре раза по сравнению с 2018 г. (рис. 4).

Как видно на рис. 4, на современном этапе развития мировой рынок киберстрахования характеризуется высокой степенью концентрации: до 80 % от общего объема подписанных премий приходится на долю Северной Америки. Более того, свыше 80 % премий собирают 20 крупнейших страховщиков [4].

Несмотря на прогноз внушительных темпов роста, в настоящее время доля рынка киберстрахования в общем объеме мировых страховых премий остается небольшой — порядка 2 % рынка страхования имущества и порядка 3 % рынка страхования ответственности [4]. Уровень проникновения киберстрахования также пока невелик, и спрос на него наблюдается в основном в развитых странах. В Бельгии, Франции, Германии, Испании, Нидерландах, Великобритании и США полисы киберстрахования имеют порядка 40 % компаний, в Австралии — порядка 20 % [4]. При этом имеет место значительный разрыв между долей крупных компаний, приобретающих такие полисы (от 49 до 62 % в зависимости от страны) и долей компаний малого бизнеса (от 20 до 33 %) [4]. Также неравномерно распределяются полисы страхования киберрисков между компаниями различных отраслей. Наибольший уровень проникновения наблюдается в сфе-

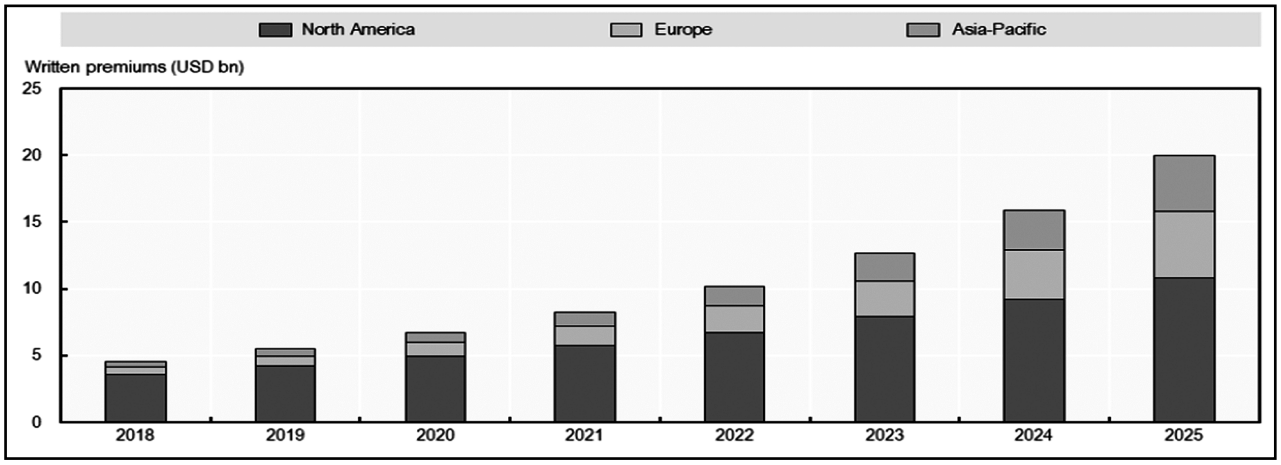

Рис. 4. Прогноз Munich Re по объемам подписанных премий на рынке киберстрахования до 2025 г. [4]

рах образования, здравоохранения, гостиничном и игорном бизнесе, в секторе коммуникаций, в медиа- и технологическом секторах (от 50 до 70 %), значительно более низкий уровень — в финансовом секторе и промышленности (около 30 %) [4].

Такие диспропорции во многом обусловлены проблемами в сфере андеррайтинга киберрисков. Во-первых, проблемы связаны с природой данных рисков, для которых характерно постоянное эволюционирование, появление с развитием цифровизации все новых и новых киберугроз, что влияет на будущие показатели частоты и тяжести убытков. Таким образом, ориентация на накопленную статистику прошлых киберинцидентов при построении моделей для тарификации может приводить к некорректной оценке риска. В этой связи страховщики демонстрируют ограниченный риск-аппетит в данном виде страхования, устанавливая высокие тарифы и зачастую отклоняя заявки на заключение договоров, поступающие от компаний, в истории которых ранее уже имели место киберинциденты. Представляется логичным тот факт, что страховщики заключают договоры страхования киберрисков в основном с крупными компании, уровень защиты которых от киберугроз на порядок выше, чем у малого бизнеса, и финансовое состояние которых позволяет приобрести дорогостоящую страховку.

Во-вторых, процесс андеррайтинга киберрисков усложняется тем, что данный вид страхования появился относительно недавно, поэтому у многих страховщиков нет достаточной накопленной статистики киберинцидентов, а доступ к статистике из внешних источников затруднен. В связи с этим представляется целесообразным создание хранилища данных об инцидентах в киберпространстве, к которому будет предоставлен доступ страховщикам из разных стран. Однако, для этого необходимы изменения на законодательном уровне, инициируемые национальными регуляторами ряда стран. Схожая практика применяется в отдельных странах в страховании рисков природных катастроф. Так, во Франции и Норвегии функционируют страховые ассоциации, которые осуществляют сбор и агрегирование данных о страховых случаях по рискам стихийных бедствий, а также обеспечивают доступ к собранным данным для страховщиков и широкой общественности с применением механизмов государственно-частного партнерства [5].

Еще одной проблемой при андеррайтинге киберрисков является сложность оценки возможной кумуляции рисков в связи высокой степенью взаимозависимости между информационными системами и держателями полисов. Высокий уровень концентрации рисков присутствует при использовании определенного программного обеспечения и операционных систем (Windows, IOS), облачных сервисов (Amazon, Google, Microsoft, IBM). Так, киберинцидент у провайдера облачного сервиса может вовлечь в событие одновременно большое количество держателей полисов страхования киберрисков, способствуя кумуляции рисков для страховщиков, предлагающих покрытие перерыва в производстве. Таким образом, киберриски могут характеризоваться высокой степенью катастрофичности, в связи с чем около 40 % собранных премий по данному виду страхования передается перестраховщикам (для сравнения: по иным более доходным линиям бизнеса в перестрахование передается 10–15 % премий) [4]. Swiss Re оценивает текущую перестраховочную емкость в данном сегменте в 1,5 млрд долл., однако предупреждает, что в случае крупных убытков емкость может существенно сократиться, с учетом того, что половина мирового объема премий приходится на десять крупнейших перестраховщиков [4]. Столь высокий уровень концентрации рынка пере-

страхования и потенциально возможная катастрофичность убытков свидетельствуют о том, что в данном сегменте, как и в сегменте страхования рисков стихийных бедствий, целесообразным является использование альтернативных инструментов перестрахования. Данные инструменты только начинают находить здесь свое применение: так, только одна ценная бумага, связанная со страхованием, была выпущена для обеспечения покрытия при отключении облачного сервиса [6]. Привлечение капитала с рынка ценных бумаг является перспективным направлением развития перестрахования киберрисков.

Список источников / References

1. Китай призывает инвестировать в «катастрофические» облигации (1. China calls for investing in «catastrophic» bonds) // Calmins // URL://https://calmins.com/kitaj-prizyvaet-investirovat-v-katastroficheskie-obligaczii/?ysclid=l5ztulbbu257328997.

2. Background on: Captives and other risk-financing options // Insurance Information Insritute // URL://https://www.iii.org/article/background-on-captives-and-other-risk-financing-options.

3. Catastrophe bonds & ILS issued by type and year // Artemis // URL://https://www.artemis.bm/dashboard/catastro-phe-bonds-ils-issued-by-type-and-year/

4. Cyber Risk Underwriting. Identified Challenges and Supervisory Considerations for Sustainable Market Development // IAIS // URL://https://www.iaisweb.org/uploads/2022/01/201229-Cyber-Risk-Underwriting_-Identified-Challenges-and-Supervisory-Considerations-for-Sustainable-Market-Development.pdf.

5. Enhancing the Availability of Data for Cyber Insurance Underwriting // OECD // URL://https://www.oecd.org/daf/fin/insurance/Enhancing-the-Availability-of-Data-for-Cyber-Insurance-Underwriting.pdf.

6. Hiscox backs PCS trigger parametric cyber risk transfer on AkinovA // Artemis // URL://https://www.artemis.bm/news/hiscox-backs-pcs-trigger-parametric-cyber-risk-transfer-on-akinova/

7. Insurance resilience index and protection gap // Swiss Re Institute // URL://https://www.sigma-explorer.com/

8. Natural catastrophes in 2021: the floodgates are open // Swiss Re Institute // URL://https://www.swissre.com/institute/research/sigma-research/sigma-2022-01.html.

Информация об авторах

М. Е. Косов — заведующий кафедрой государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доцент департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор, директор института Юридического менеджмента Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, кандидат экономических наук, доцент;

Т. В. Дрюк — аспирантка кафедры государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (научный руководитель: доктор экономических наук О. В. Саввина).

Information about the authors

M. E. Kosov — Head of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of the Department of Public Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor, Director of the Institute of Legal Management of the Higher School of Jurisprudence and Administration of the of the National Research University Higher School of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

T. V. Dryuk — Postgraduate Student of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics (scientific supervisor: Doctor of Economic Sciences O. V. Savvina).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 339.3
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-281-286
EDN: https://elibrary.ru/yfqtdm
NIION: 2003-0059-3/23-711
MOSURED: 77/27-003-2023-03-910

Влияние финансовых пирамид на экономическую безопасность России

Андрей Владимирович Минаков
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, minakov-info@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена система работы финансовых пирамид; изучены их виды, структуры и признаки; проанализированы тенденции развития финансовых пирамид в России. С момента зарождения экономических отношений у населения появился интерес к легким способам преумножения своих накоплений. Для увеличения капитала существуют легальные и нелегальные инвестиционные схемы. Финансовая пирамида является примером мошеннической инвестиционной схемы. Наличие и увеличение масштабов деятельности финансовых пирамид создают угрозу экономической безопасности государства, сигнализируют об экономической нестабильности в обществе, неопределенности. Цель исследования — изучение влияния финансовых пирамид на экономическую безопасность России. Использованы общенаучные и специально-научные методы исследования. Результаты могут быть использованы для дальнейших исследований нелегальных инвестиционных схем. Сделаны выводы о том, что финансовые пирамиды негативно влияют на состояние экономики страны, экономическую безопасность, в связи с чем необходимы меры по предотвращению их деятельности (работа с населением, ужесточение наказания за создание финансовых пирамид и т. д.).

Ключевые слова: финансовая пирамида, инвестиции, мошенническая схема, обманутые вкладчики, экономическая безопасность

Для цитирования: Минаков А. В. Влияние финансовых пирамид на экономическую безопасность России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 281–286. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-281-286. EDN: YFQTDM.

Original article

The influence of financial pyramids on the economic security of Russia

Andrey V. Minakov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, minakov-info@yandex.ru

Abstract. The system of operation of financial pyramids is considered; their types, structures and signs are studied; trends in the development of financial pyramids in Russia are analyzed. Since the inception of economic relations, the population has developed an interest in easy ways to increase their savings. There are legal and illegal investment schemes to increase capital. A pyramid scheme is an example of a fraudulent investment scheme. The presence and increase in the scale of financial pyramids pose a threat to the economic security of the state, signal economic instability in society, uncertainty. The purpose of the study is to study the impact of financial pyramids on the economic security of Russia. General scientific and special scientific research methods were used. The results can be used for further research of illegal investment schemes. Conclusions are drawn that financial pyramids negatively affect the state of the country's economy, economic security, and therefore measures are needed to prevent their activities (work with the population, tougher penalties for the creation of financial pyramids, etc.).

Keywords: pyramid scheme, investments, fraudulent scheme, deceived investors, economic security

For citation: Minakov A. V. The influence of financial pyramids on the economic security of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):281–286. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-281-286. EDN: YFQTDM.

По мнению И. А. Холчевой и А. Е. Кисовой, экономическая безопасность — это устойчивость экономической системы, способность противостоять внутренним и внешним угрозам [8, с. 96].

Для экономической безопасности страны угрозой является любое проявление теневой экономики. С точки зрения А. И. Худиевой, теневая экономика — это экономическая деятельность, намеренно скрытая от государственных органов [9, с. 195].

Одним из видов теневой экономической деятельности является деятельность, совершаемая с использованием финансовых пирамид.

Финансовые пирамиды создают угрозу экономической безопасности страны, так как в результате их деятельности теряют сбережения малозащищенные слои населения, разрушается потенциал бизнеса (люди инвестируют не в бизнес, а в финансовые пирамиды), происходит отток капитала, Центральный Банк вынужден, помогая обманутым вкладчикам, делать дополнительную эмиссию, в результате чего растет инфляция [4, с. 211].

По мнению Н. В. Ружанской и А. Е. Юхтанова, финансовая пирамида — это мошенническая схема бизнеса, которая представляет собой перераспреде-

© Минаков А. В., 2023

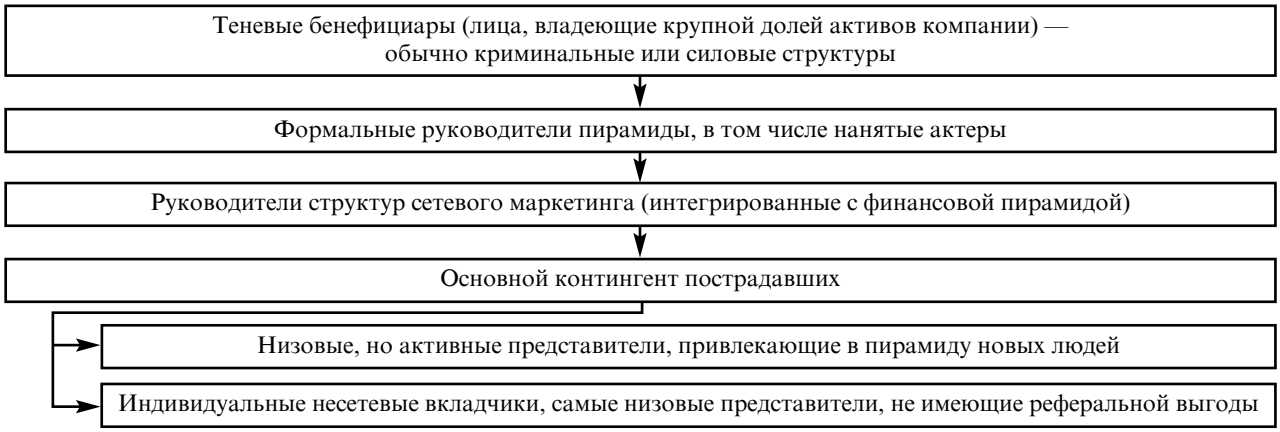

Рис. 1. Участники современной финансовой пирамиды
Источник: составлено автором на основе [3, с. 47]

ление денег сторон, стоящих у подножия пирамиды, в пользу тех, кто наверху. Первоначальные инвесторы зарабатывают деньги, привлекая средства других людей, а не продавая реальные продукты или услуги [7, с. 234].

Данную мошенническую схему называют «пирамидой», так как на каждом уровне количество инвесторов увеличивается. Вербовка новых инвесторов продолжается до тех пор, пока схема может поддерживать себя. В конечном итоге, те, кто находится на вершине пирамиды, получают огромную прибыль, а находящиеся в ее основании лишаются своих денег.

Участники современной финансовой пирамиды представлены на рис. 1.

Существуют различные виды финансовых пирамид, которые распространены в разных странах.

Во-первых, финансовая пирамида, организаторы которой не скрывают ее сути. Они объясняют механизм действия, показывают расчеты, убеждают вступить в пирамиду одними из первых, чтоб на этом много заработать.

Во-вторых, пирамиды как сверхдоходные инвестиции. Организаторы пирамиды позиционируют себя как инвестиционное предприятие (высокотехнологичная компания, инновационный проект). Предлагают приобрести акции, криптовалюту, завлекают перспективами высоких прибылей от вложения в сверхприбыльное строительство, IT-стартапы и т. д.

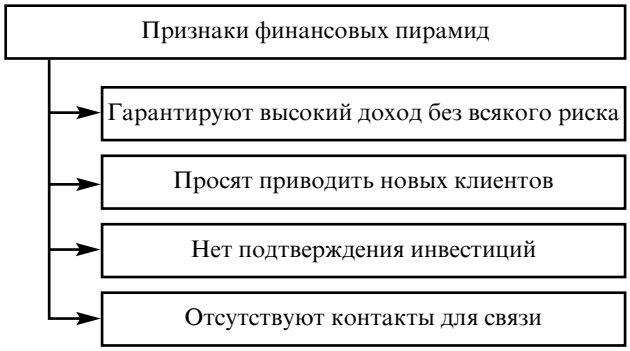

Рис. 2. Признаки финансовых пирамид
Источник: составлено автором на основе [3, с. 48]

В-третьих, пирамиды маскируются под различные организации (управляющие компании, потребительские кооперативы, букмекерские конторы). Организаторы могут обещать не деньги, а, например, поездки в круиз за полцены, погашение кредита, при условии привлечения новых участников.

В последнее время большая часть пирамид — это интернет-проекты; есть также пирамиды, совмещающие продвижение в сети и личное общение с потенциальными вкладчиками.

Признаки финансовых пирамид представлены на рис. 2.

Финансовые пирамиды всегда предлагают доход, намного выше рыночного уровня. Для того, чтобы побыстрее вовлечь как можно больше вкладчиков, участники должны привлечь новых членов, каждый из которых также внесет авансовые инвестиции. Финансовые пирамиды не предоставляют подтверждений инвестиций и вкладчик в последствии не может доказать, что перечислял мошенникам деньги. Организаторы скрывают свои контактные данные (номера телефонов, электронную почту, почтовый адрес). В случае возникновения проблем ни пострадавшее лицо, ни правоохранительные органы не смогут найти преступников.

По мнению А. С. Кокорева и Я. В. Шавыкина, к основным причинам развития финансовых пирамид в России в последние годы относятся:

♦ желание граждан получать «пассивный» доход, даже путем обмана других;

♦ отсутствие финансовой грамотности у населения, непонимание опасности сетевого маркетинга;

♦ доверие граждан финансовой информации из Интернета, большая часть которой является недостоверной;

♦ недостаточно эффективная работа со стороны правоохранительных органов и Центрального Банка РФ по противодействию мошеннической деятельности финансовых пирамид;

♦ безнаказанность участников (не организаторов) финансовой пирамиды за вовлечение новых членов;

♦ отсутствие ответственности у фирм, предоставляющих в аренду помещения для мошеннических организаций [3, с. 50].

В России наиболее известной и крупной из финансовых пирамид была компания МММ. Изначально компания была создана для ведения финансовой и торговой деятельности в 1989 г., а с 1994 г. стала действовать как финансовая пирамида. Компания быстро стала известной благодаря тому, что тратила большие средства на рекламу на телевидении — около 25 % всего телевизионного рекламного времени занимала реклама МММ. Вкладчиков заманивали большими доходами в размере 200 %. По разным оценкам от деятельности финансовой пирамиды пострадало 15 млн человек.

Из современных финансовых пирамид можно выделить компанию Finiko, основанную в 2019 г. в Татарстане. Примерный ущерб от пирамиды — более 1 млрд руб. Компания привлекала вкладчиков через сайты, обещая ежедневный доход от инвестиций [5].

Динамика количества финансовых пирамид в РФ представлена на рис. 3. В 2020 г. Банк России выявил в стране 222 субъекта с признаками деятельности финансовой пирамиды. В 2021 г. их число выросло почти в четыре раза до 871 субъекта.

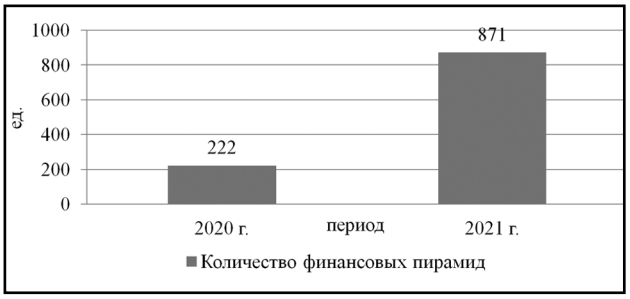

Рис. 3. Динамика количества финансовых пирамид в РФ в 2020–2021 гг., ед.
Источник: составлено автором на основе [6].

Структуру количества финансовых пирамид в РФ в 2020 г. представлена на рис. 4.

Из общего количества выявленных финансовых пирамид почти половина (101 проект, 46 %) действовала через всемирную паутину. Через различные интернет-ресурсы размещались рекламные видеоролики, привлекались популярные блогеры к продвижению финансовых пирамид. Значительная часть рекламы была направлена на повышение привлекательности инвестиций в криптовалюты. За 2020 г. были выявлены также следующие субъекты с признаками деятельности финансовой пирамиды: пять потребительских обществ (2 % от общего числа), 12 индивидуальных предпринимателей (5 %), 23 потребительских кооператива (10 %), 55 обществ с ограниченной ответственностью (25 %).

В 2021 г. в России значительно повысился интерес к финансовому рынку. Структуру количества финансовых пирамид в РФ в 2021 г. представим на рис. 5.

Рис. 4. Структура количества финансовых пирамид в РФ в 2020 г., %
Источник: составлено автором на основе [6].

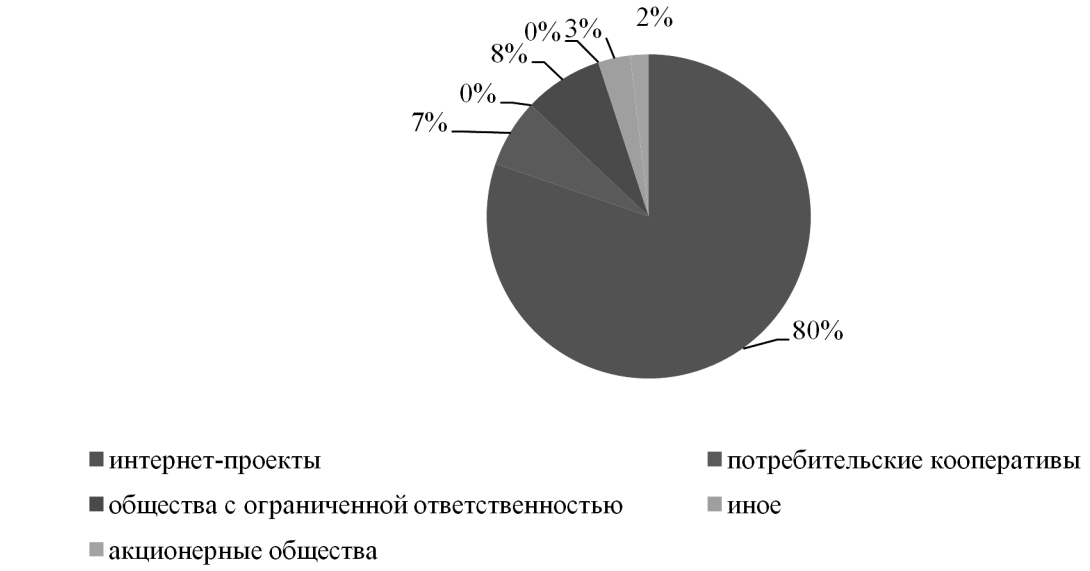

Рис. 5. Структура количества финансовых пирамид в РФ в 2021 г., %
Источник: составлено автором на основе [6].

В 2021 г. по сравнению с предыдущим годом повысилась доля финансовых пирамид, действующих через Интернет на 34 п.п. и составила 80 % (699 проектов). Гражданам предлагали вкладывать средства в несуществующие криптовалютные активы, участвовать в производстве криптовалют, майнинге с помощью мобильных телефонов, в онлайн-играх, заманивали названиями брендов крупных отечественных и иностранных компаний. В 2021 г. были выявлены также следующие субъекты с признаками деятельности финансовой пирамиды: 59 потребительских кооперативов (7 % от общего числа), 16 акционерных обществ (2 %), 69 обществ с ограниченной ответственностью (8 %), 28 иных субъектов (3 %).

В I полугодии 2022 г. относительно I полугодия 2021 г. в 6,5 раз выросло число финансовых пирамид в России с 146 до 954 (рис. 6).

Структура количества финансовых пирамид в РФ в I полугодии 2022 г. представлена на рис. 7.

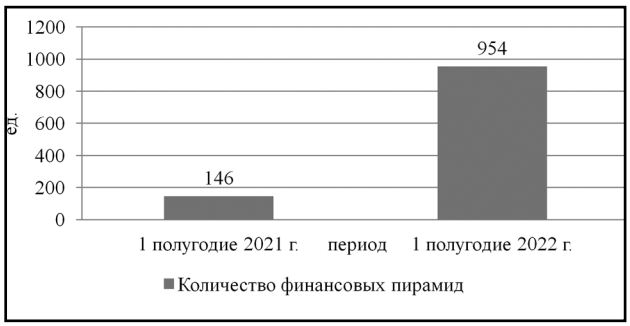

Рис. 6. Динамика количества финансовых пирамид в РФ в первом полугодии 2021–2022 гг., ед.
Источник: составлено автором на основе [6].

В 2022 г. значительно возросло число хайп-проектов, действующих в мессенджере Telegram. Для привлечения частных инвестиций создавались Telegram-боты, призывающие переходить по определенным ссылкам и писать текстовые сообщения. Из общего количества выявленных финансовых пирамид 96 % (921 проект) действовали через Интернет, включая финансовые пирамиды в форме экономических игр (25 %). За первую половину 2022 г. были выявлены также следующие субъекты с признаками деятельности финансовой пирамиды: восемь потребительских кооперативов (1 %), 19 обществ с ограниченной ответственностью (2 %), шесть иных субъектов (1 %).

Были по-прежнему популярны финансовые пирамиды в форме экономических игр. В I полугодии выявлено 236 таких субъектов, это почти 25 % от общего количества пирамид.

Главной причиной роста числа финансовых пирамид в России в 2022 г. стало отключение страны из-за санкций от зарубежных фондовых бирж, а также отключение на несколько месяцев от российского фондового рынка. У россиян появились свободные деньги, которые они привыкли инвестировать на глобальных рынках. Эти деньги стали легкой добычей для мошенников.

На счета финансовых пирамид от граждан России поступает в среднем от 50 до 100 тыс. руб., бывают случаи, когда мошенникам уходит до 100 млн руб.

Меры по борьбе с финансовыми пирамидами в России включают:

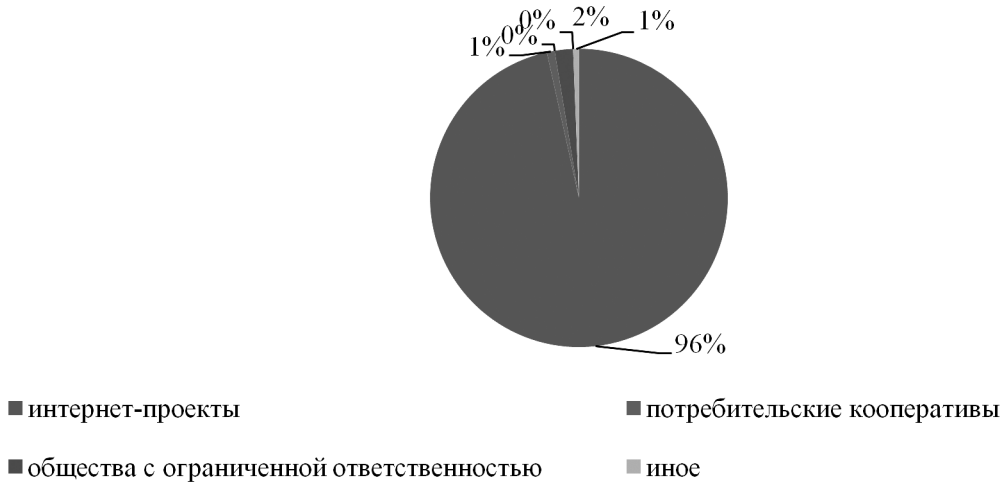

Рис. 7. Структура количества финансовых пирамид в РФ в I полугодии 2022 г., %
Источник: составлено автором на основе [6].

♦ работают центры, находящиеся под контролем Центрального Банка, по мониторингу финансовых структур и ликвидации финансовых пирамид;

♦ все выявленные факты мошеннической деятельности направляются в правоохранительные органы, налоговые органы, антимонопольную службу, регистраторам доменных имен и т. д.;

♦ Банк России осуществляет внесудебную блокировку сайтов финансовых пирамид [2];

♦ все данные о заблокированных финансовых пирамидах размещаются на сайте Центрального Банка, лицензии и разрешения находятся в открытом доступе;

♦ Федеральный Закон «О рекламе» запрещает активную пропаганду финансовых пирамид [1];

♦ на законодательном уровне ограничена возможность кредитных кооперативов вести нелегальную деятельность на финансовом рынке.

По мнению А. С. Кокорева и Я. В. Шавыкина, для улучшения противодействия деятельности финансовых пирамид необходимо уголовное преследование за завлечение в пирамиду; запрет на привлечение инвестиций организациями без лицензий Центрального Банка; запрет на любую рекламу финансовых пирамид в социальных сетях [3, с. 47].

Таким образом, финансовая пирамида — это мошенническая инвестиционная схема, основанная на обещании нереалистичных доходов от воображаемых инвестиций. Основными причинами существования финансовых пирамид являются низкий уровень финансовой грамотности населения и упущения законодательства за создание финансовых пирамид. В России в последние годы растет количество выявленных Банком России субъектов с признаками деятельности финансовой пирамиды. Государственная политика по борьбе с финансовыми пирамидами в настоящее время не совершенна и требует глобальных изменений. По мнению автора, для борьбы с финансовыми пирамидами, в первую очередь, необходимо вести работу с населением: размещать информацию в средствах массовой информации (на телевидении, радио, Интернет, в наружной агитации и т. д.) о действиях мошенников, мошеннических схемах, повышать уровень финансовой грамотности молодежи, информируя о подобных схемах, рисках участия в них. Также правоохранительным органам необходимо эффективно реагировать на информацию о явных признаках финансовых пирамид, чтобы пресекать их деятельность более оперативно.

Список источников

1. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 5 декабря 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кокорев А. С., Шавыкин Я. В. Направления повышения финансовой грамотности населения в части противодействия современным финансовым пирамидам // Культура и безопасность. 2022. № 1. С. 47–53.

4. Мальцева С. М., Балашова Е. С., Ершова Е. А., Корнусова В. М. Финансовые пирамиды: современное состояние и способы борьбы // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. № 10. С. 211–214.

5. МВД оценило ущерб от финансовой пирамиды Finiko более чем в 1 млрд руб. // URL://https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/09/10/886144-mvd-otsenilo-uscherb-ot-finansovoi-piramidi.

6. Противодействие недобросовестным практикам участников рынка // URL://https://cbr.ru/analytics/currency_control/

7. Ружанская Н. В., Юхтанов А. Е. Математическая экспертиза деятельности финансовой пирамиды: прикладные аспекты // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 2. С. 234–246.

8. Холчева И. А., Кисова А. Е. Основные подходы к исследованию понятий «экономическая безопасность» и «экономическая безопасность государства» // Дневник науки. 2019. № 5. С. 96–107.

9. Худиева А. И. Влияние теневой экономики на экономическую безопасность страны // Коррекционно-педагогическое образование: электронный журнал. 2022. № 3. С. 195–198.

References

1. Federal Law No. 38-FZ of March 13, 2006 «On Advertising» (as amended on December 5, 2022) // SPS «ConsultantPlus».

2. Federal Law No. 250-FZ of July 1, 2021 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

3. Kokorev A. S., Shavykin Ya. V. Directions for improving financial literacy of the population in terms of countering modern financial pyramids // Culture and security. 2022. No. 1. P. 47–53.

4. Maltseva S. M., Balashova E. S., Ershova E. A., Kornusova V. M. Financial pyramids: the current state and methods of struggle // Azimut of scientific research: economics and management. 2021. No. 10. P. 211–214.

5. The Ministry of Internal Affairs estimated the damage from the Finiko financial pyramid at more than 1 billion rubles. // URL://https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/09/10/886144-mvd-otsenilo-uscherb-ot-finansovoi- piramidi.

6. Countering unfair practices of market participants // URL://https://cbr.ru/analytics/currency_control/

7. Ruzhanskaya N. V., Yukhtanov A. E. Mathematical expertise of financial pyramid activity: applied aspects // Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences. 2019. No. 2. P. 234–246.

8. Kholcheva I. A., Kisova A. E. Basic approaches to the study of the concepts of «economic security» and «economic security of the state» // Diary of Science. 2019. No. 5. P. 96–107.

9. Khudieva A. I. The influence of the shadow economy on the economic security of the country // Correctional and pedagogical education: electronic journal. 2022. No. 3. P. 195–198.

Библиографический список

1. Петренко Д. И., Филоненко М. М., Попова С. В. Участие населения в финансовых пирамидах как показатель недостаточного уровня финансовой грамотности //Тенденции развития науки и образования. 2022. № 82. С. 85–88.

2. За полгода прокуроры вернули около 100 млн руб. жертвам финансовых пирамид // URL://https://iz.ru/1398012/2022-09-20/za-polgoda-prokurory-vernuli-okolo-100-mln-rublei-zhertvam-finansovykh-piramid.

Bibliographic list

1. Petrenko D. I., Filonenko M. M., Popova S. V. Participation of the population in financial pyramids as an indicator of insufficient level of financial literacy // Trends in the development of science and education. 2022. No. 82. P. 85–88.

2. In six months, prosecutors returned about 100 million rubles to victims of financial pyramids // URL://https://iz.ru/1398012/2022-09-20/za-polgoda-prokurory-vernuli-okolo-100-mln-rublei-zhertvam-finansovykh-piramid.

Информация об авторе

А. В. Минаков — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

A. V. Minakov — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья
УДК 336
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-287-290
EDN: https://elibrary.ru/xfziok
NIION: 2003-0059-3/23-712
MOSURED: 77/27-003-2023-03-911

Разработка модели цифровой трансформации деятельности налоговых органов

Ольга Валентиновна Староверова
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, staroverova05@mail.ru

Аннотация. Рассматривается модель цифровой трансформации деятельности налоговых органов. Проанализированы основные тенденции налогового администрирования. Представлены некоторые этапы модели цифровой трансформации деятельности налоговых органов.

Ключевые слова: налоговое администрирование, модель цифровой трансформации, налоговые органы
Для цитирования: Староверова О. В. Разработка модели цифровой трансформации деятельности налоговых органов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 287–290. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-287-290. EDN: XFZIOK.

Original article

Development of a digital transformation model for the activities of tax authorities

Olga V. Staroverova
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, staroverova05@mail.ru

Abstract. The model of digital transformation of the activity of tax authorities is considered. The main tendencies of tax administration are analyzed. Some stages of the model of digital transformation of the activities of tax authorities are presented.

Keywords: tax administration, digital transformation model, tax authorities
For citation: Staroverova O. V. Development of a digital transformation model for the activities of tax authorities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):287–290. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-287-290. EDN: XFZIOK.

Научные исследования последних лет, как в России, так и за рубежом доказывают, что разработка и внедрение моделей цифровой трансформации в деятельность налоговых органов будет способствовать расширению партнерства и осуществления сотрудничества с зарубежными странами при помощи инновационных методов работы с данными и внедрения новых технологий. В след за автором [1] считаем, что цифровая трансформация деятельности налоговых органов способна повысить эффективность и качество налогового администрирования в налоговой системе Российской Федерации. Изменения во взаимодействии налоговых органов и организаций, благодаря цифровой трансформации позволит расширить масштабность их деятельности через возможность осуществления работы дистанционно.

На сегодняшний день рост налоговой нагрузки оказывает негативное воздействие на законодательство о налогах и сборах, по причине того, что выявляются нарушения, которые, в свою очередь, обусловлены желанием сократить налоговые платежи. Данный фактор влечет за собой создание «серых» и «черных» схем уклонения от уплаты налогов.

Однако процесс глобализации экономики и цифровая трансформация деятельности налоговых органов явились причиной формирования относительно новых моделей бизнеса, которые способны создать определенные проблемы и угрозы для дальнейшего формирования доходов бюджета. В целях решения проблем, отказывающих влияние на формирование доходов бюджета, в первую очередь, необходимо решить вопросы международного уровня, а именно положение дел в офшорных зонах, в частности «прозрачность» данного бизнеса. Решение данных проблем способно снизить налоговые риски, возникшие по причине недополучения в бюджет налоговых пла-

© Староверова О. В., 2023

тежей. Однако, важно отметить, что современные условия способны виртуально формировать свои финансовые потоки, что является скрытым для налоговых органов. В связи с этим фактором, мировым налоговым администрациям целесообразно формировать новые системы налогообложения в современном цифровом мире. Такой вариант развития поможет отдалиться от системы стабильного представительства, пересмотра взаимосвязей, регламентируемых принципом «вытянутой руки», тем самым предоставив правящим органам государств новые права в сфере налогообложения прибыли.

За прошедшие несколько лет произошло усиление и усовершенствование процесса цифровизации налогового администрирования, что положительно повлияло на осуществление мониторинга их налоговой нагрузки, что, в свою очередь, поспособствовало своевременному принятию решений в случае изменений и отклонений от среднестатистических показателей по отрасли [2].

Основная цель таких мероприятий — повышение уровня прозрачности и доверия к налоговым органам со стороны не только общества, но и других хозяйствующих субъектов, посредством внедрения определенного механизма автоматического соблюдения законодательства о налогах и сборах. Для решения поставленных задач целесообразно рассматривать пути развития автоматизированных систем искусственного интеллекта, взаимодействовать с налогоплательщиками, предоставляя им широкий спектр услуг и возможностей [3]. Следует помнить, что необходимо и повышение эффективности цифровой трансформации налоговой системы и расширения взаимодействия на международном уровне; также следует осуществить кадровые и специальные организационные мероприятия.

Россия занимает одно из ведущих мест в сфере цифрового налогового администрирования, но на данный момент областей для развития по-прежнему достаточно. Одним из главных факторов совершенствования цифровой сферы налогообложения выступает модернизация законодательства о налогах и сборах, а также применение больших данных Big Data и управления ими.

Так, например, по данным статистики, к 2024–2025 гг. к результатам цифровой трансформации можно будет отнести создание, становление и функционирование особой системы, позволяющей отследить и выявить полный оборот производства до момента получения потребителем. Данная цель будет достигнута путем введения маркировки лиственных средств, табачных изделий, обуви, а также при помощи внедрения системы физического интернета по грузоперевозкам, позволяющим проконтролировать полный цикл движения товара от начальной и до конечной точки [4].

В качестве качественного результата цифровой трансформации деятельности налоговых органов целесообразно считать использование контрольно-кассовой техники, совершенствующей контроль налоговой нагрузки хозяйствующих субъектов. Дальнейшим этапом трансформации будет служить создание необходимых условий для осуществления и одобрения деятельности самозанятых лиц. Е. А. Кирова так описывает ее суть; данное изменение окажет влияние на выход доходов самозанятых граждан из «налоговой тени» и сделает их деятельность «прозрачной» на законодательном уровне [5].

В соответствии с данными аналитиков и информационных прогнозов Федеральной налоговой службы [8], проведенных в 2022 г., в настоящее время экономика Российской Федерации насчитывает порядка 5 млн самозанятых лиц, значительная доля которых, поддерживает решение о легализации данного вида бизнеса, но осуществление регистрационных действий с их стороны проводиться не будет. На данном этапе развития цифровой трансформации в налоговой сфере разработано и уже используется приложение ФНС, после скачивания которого на мобильном устройстве доступна функция прохождения регистрации без посещения налоговых органов.

Стоит отметить, что за 2018–2021 гг. обмен информации между налоговыми юрисдикциями претерпел качественные изменения, что позволило сделать известными администрациям основных налоговых органов транзакции физических и юридических лиц. Несколько лет назад Российская Федерация присоединилась к единой системе передачи данных (Common Transmission System, CTS) ОЭСР, что позволило технически обеспечить частичный автоматический обмен информацией с зарубежными партнерами. Так, при помощи данных возможностей отследить реальные схемы финансовых потоков и владения активами становится более доступным. Однако, в связи с событиями, происходящими в мире в 2022 г. данная

система обмена данными оказалась менее актуальной и эффективной.

И наконец, словно подведя итог, звучит разумная мысль Н. Рудовой [6]: «модель цифровой трансформации деятельности налоговых органов должна быть построена на следующих основных этапах», представленных в табл. 1.

Анализируя данные табл. 1, отметим, что использование инструментов аналитики, вариативности, адаптивности, а также методов прогнозирования способно оказать значительное влияние на процесс формирования качественного клиентского сервиса.

Одним из принципиально важных вопросов, который следует решить в рамках будущей концепции, является расширение партнерства и сотрудничества в области налогового регулирования, которое позволит добиться соблюдения международных налоговых соглашений, а также сближения налоговых ставок.

В процессе применения инновационных методов работы с информационными данными могут быть достигнуты цели в области моделирования клиентского поведения, прогнозирования спроса, а также будут сформированы преимущества в осуществлении дальнейшей деятельности. Внедрение инновационных технологий способствует достижению гармонизации и стабилизации законодательства о налогах и сборах.

Таким образом, в настоящее время существует необходимость разработки модели цифровой трансформации деятельности налоговых органов, что позволит не только повысить эффективность и качество налогового администрирования, но и вывести экономику на новый уровень, снизив в значительной степени налоговые риски.

Список источников

1. Староверова О. В. Цифровые технологии налогового администрирования // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1.

2. Братцев В. И., Гришанова А. М. Развитие процесса цифровизации как фактор, определяющий изменения механизма налогового администрирования // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2021. № 1. С. 5–13.

3. Карловская Е. А., Демиденко О. В. Цифровизация экономики как один из способов повышения эффективности контроля с помощью онлайн-касс // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 4 (94). С. 185–188.

Таблица 1.

Модель цифровой трансформации деятельности налоговых органов

Этапы цифровой трансформации деятельности налоговых органов		Сущность этапов цифровой трансформации деятельности налоговых органов
1	Формирование клиентского сервиса	Совершенствование и применение инструментов аналитики, вариативности, адаптивности, а также методов прогнозирования.
2	Расширение партнерства и сотрудничества	Сотрудничество в цифровой области предоставляет возможность отечественным организациям осуществлять деятельность по всему миру. В области налогового регулирования на данном этапе подразумевается соблюдение международных налоговых соглашений, сближение налоговых ставок, определение налоговой базы при проведении бюджетно-налоговых реформ.
3	Использование инновационных методов работы с информационными данными	Применение инновационных инструментов в процессе сбора и обработки данных: Широкое использование искусственного интеллекта (Big Data), нейросети для целей моделирования клиентского поведения, прогнозирования спроса, формирования преимуществ в деятельности.
4	Внедрение инновационных технологий	Создание инновационных центров для дальнейшего поиска и тестирования новых направлений распространения продуктов [7], что в результате будет способствовать достижению гармонизации и стабилизации законодательства о налогах и сборах.

4. Проект Федерального закона № 20281-8 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» (внесен Правительством РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Кирова Е. А. Модернизация налогового контроля в условиях цифровизации экономики // Вестник ГУУ. 2020. № 9. С. 94–99.

6. Рудова Н. Как устроена АИС, на которой работает вся система налогообложения в России // URL://https://www.cnews.ru/articles/2021-08-16.

7. Деева Т. В. Технологическая трансформация налоговых органов и построение взаимодействия с налогоплательщиками с учетом их ожиданий и потребностей // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 9. С. 2131–2144.

8. URL://https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/12258990/

References

1. Staroverova O. V. Digital technologies of tax administration // Bulletin of economic security. 2023. № 1.

2. Brattsev V. I., Grishanova A. M. Development of digitalization process as a factor determining changes in the mechanism of tax administration // Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics. 2021. № 1. P. 5–13.

3. Karlovskaya E. A., Demidenko O. V. Digitalization of the economy as one of the ways to improve the efficiency of control with on-line cash registers // Science and Business: ways of development. 2019. № 4 (94). P. 185–188.

4. Draft Federal Law No. 20281-8 «On conducting an experiment on the establishment of a special tax regime «Automated simplified taxation system» (introduced by the Government of the Russian Federation) // SPS «ConsultantPlus».

5. Kirova E. A. Modernization of tax control in the conditions of digitalization of economy // Vestnik GUU. 2020. № 9. P. 94–99.

6. Rudova N. How the AIS is arranged, on which the whole system of taxation in Russia works // URL:// https://www.cnews.ru/articles/2021-08-16.

7. Deeva T. V. Technological transformation of tax authorities and building interaction with taxpayers taking into account their expectations and needs // Creative Economy. 2020. T. 14. № 9. P. 2131–2144.

8. URL://https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/12258990/

Информация об авторе

О. В. Староверова — профессор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Staroverova — Professor of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 19.05.2023.

Научная статья
УДК 339
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-291-295
EDN: https://elibrary.ru/xeefuv
NIION: 2003-0059-3/23-713
MOSURED: 77/27-003-2023-03-912

Экономико-правовая оценка некоторых последствий применения технологий искусственного интеллекта

Андрей Алексеевич Яковлев
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия, andrew0880@rambler.ru
Рецензент: доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования **Н. Д. Эриашвили**

Аннотация. Раскрываются отдельные аспекты применения конкретных технологий по созданию искусственного интеллекта. Позиционировано, что подобные технологии смогут внести корректировки в существующий мировой порядок и систему международной безопасности с учетом того, что искусственный интеллект будет все активнее использоваться как в военной, так и в гражданской сфере. Описываются вопросы, касающиеся сложности контроля за системами искусственного интеллекта в целом. Обосновывается, что в случае активизации технологий искусственного интеллекта в будущем произойдет существенная трансформация очень многих экономико-политических процессов. Также рассматривается создание правовых условий для развития технологий, использующих искусственный интеллект.
Ключевые слова: искусственный интеллект, продукция военного и двойного назначения, вычислительная система, технологическое неравенство государств, экономико-политический процесс, локальное эффективное производство, цифровизация национальной экономики, процессы автоматизации промышленности
Для цитирования: Яковлев А. А. Экономико-правовая оценка некоторых последствий применения технологий искусственного интеллекта // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 291–295. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-291-295. EDN: XEEFUV.

Original article

Economic and legal assessment of some effects of artificial intelligence technologies

Andrey A. Yakovlev
Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, andrew0880@rambler.ru
Reviewer: Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology, Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of education **N. D. Eriashvili**

Abstract. Some aspects of the application of specific technologies for the creation of artificial intelligence are revealed. It is positioned that such technologies will be able to make adjustments to the existing world order and the international security system, taking into account the fact that artificial intelligence will be increasingly used both in the military and in the civilian sphere. The issues concerning the complexity of control over artificial intelligence systems in general are described. It is proved that in case of activation of artificial intelligence technologies in the future there will be a significant transformation of many economic and political processes. The creation of legal conditions for the development of technologies using artificial intelligence is also considered.
Keywords: artificial intelligence, military and dual-use products, computer system, technological inequality of states, economic and political process, local efficient production, digitalization of the national economy, industrial automation processes
For citation: Yakovlev A. A. Economic and legal assessment of some effects of artificial intelligence technologies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):291–295. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-291-295. EDN: XEEFUV.

Начать следует с того, что искусственный интеллект (по состоянию на данный момент) есть одна из довольно перспективных и активным образом развивающихся технологий. При этом технологии ограниченного (или так называемого «слабого») искусственного интеллекта в настоящее время оптимально применяются в очень многих сферах — от сотовых телефонов и бытовой техники до продукции военного и двойного назначения. Однако, уже сейчас позиционирована разработка так называемого «сильного» искусственного интеллекта, который, по мнению многих специалистов, сможет самостоятельно (автономно) принимать осознанные (в том числе управленческие) решения.

© Яковлев А. А., 2023

Итак, возможность создания такой технологии значительно скорректирует не только имеющую место систему наднационального разделения труда, но созданный мировой порядок и весь комплекс международной (в том числе экономической) безопасности. Далее, в условиях нарастания противоречий и констатации факта кризиса доверия между ядерными державами возникает довольно остро опасность повторения гонки вооружений, но уже в области технологий искусственного интеллекта. Однако если контроль над оружием массового уничтожения в данный момент осуществляется в соответствии с профильными международными договорами (конвенциями), то разработка военных (так называемых нелетальных) технологий искусственного интеллекта на сегодняшний день остается в «слепой» зоне сферы международных отношений публичного порядка.

Целесообразно обратить внимание на то, что искусственный интеллект, конечно же, будет все активнее применяться в военной, гражданской областях, в том числе, и при рассмотрении вопросов обеспечения стратегической стабильности и экономической безопасности. Возможность получить новое, более качественное оружие и оказаться первыми в технологическом развитии довольно привлекательна, чтобы государства при этом еще и учитывали общегуманитарную составляющую. В связи с этим следует установить (сформировать) базовые тенденции в эволюции технологий искусственного интеллекта.

Теперь необходимо определиться с ключевой актуальной терминологией в этой сфере. Так, под понятием «искусственный интеллект» в большинстве случаев рассматривают некую компьютерную программу (представляющую собой определенный алгоритм), способную решить задачи, которые в принципе могут быть решены взрослым человеком. Рядом специалистов IT-сферы искусственный интеллект позиционируется и как конкретная область знаний, рассматривающая разработку и внедрение (имплементацию) технологий, дающих вычислительным системам возможность действовать так, чтобы это считалось так называемым «разумным» поведением (главным образом, при сравнении с поведением человека). Однако, сегодняшняя практика разделяет искусственный интеллект на категории «сильного» и «слабого» (о чем было указано чуть выше). При этом под «слабым» искусственным интеллектом определяют алгоритм, который способен решить узкопрофильные вопросы; у «сильного» (общего) искусственного интеллекта спектр задач намного шире.

Следует обратить внимание на тот факт, что появление систем как автономного (адаптивного), так и общего искусственного интеллекта имеет непосредственное отношение к следующему ряду угроз, включая разработку и внедрение так называемых «автономных систем смертоносных вооружений» (например, беспилотных летательных аппаратов для осуществления «заказных» убийств); новый этап гонки вооружений, при котором государства a priori будут совершенствовать ступени интеллекта автономных систем поражения (уничтожения). Также целесообразно учесть и то, что интеллектуальная система (пусть даже и не военная) может не только целенаправленно действовать, но и способна к осознанному целеполаганию (при том, что факультативная постановка целей конкретной системы может привести к реализации задач, противоречащих целям человека). Следует помнить и о том, что фактически исключение из производственного процесса определенной части населения за счет автоматизации может породить ощутимое (болезненное) социальное расслоение в обществе в целом и увеличить количество так называемых «лишних» людей. Но наиболее острая проблема здесь — это именно автономные боевые системы, применение которых может привести к абсолютно неконтролируемой эскалации серьезных военных конфликтов с катастрофическими последствиями; более того, необходимо признать, что практически невозможно осуществлять контроль над объемами (потоками) экспорта применяемых технологий.

При этом нельзя забывать и то, что сложность объективного контроля за системами искусственного интеллекта по состоянию на данный момент связана в том числе с так называемой «закрытостью» прикладных решений на основе, главным образом, глубоких нейронных сетей, которые не позволяют не то чтобы оценить верность в принятии решений перед исполнением, но и провести комплексный анализ решения, которое было принято компьютером. Возникновение «сильного» искусственного интеллекта, конечно же, вполне закономерно в связи с тенденциями общего эволюционного процесса государств. В то же время, целесообразна разработка

комплекса мер для недопущения самых пессимистических вариантов развития технологий искусственного интеллекта и их имплементации, включая: максимальную демократизацию доступа к методам и технологиям искусственного интеллекта, в том числе за счет создания решений искусственного интеллекта с так называемым «открытым кодом»; регламентацию на наднациональном уровне открытости ряда алгоритмов искусственного интеллекта с предусмотрением возможности независимого аудита как профильными межнациональными, так и внутригосударственными органами.

Более того, целесообразно учитывать, что технологическое неравенство государств и ранее довольно явно влияло на мировую политику и экономику, ведь не секрет, что технологически развитые государства становились экономически успешными, получали превосходство в военной сфере и de facto устанавливали диктат по отношению к наименее развитым государствам. Следует признать, что ускорение научно-технического прогресса в весьма значительной мере усилило данное воздействие. Поэтому сегодня имеют место глобальные политико-экономические трансформационные тренды, связанные с двумя направлениями — с так называемым «национализмом» искусственного интеллекта и его так называемой «национализацией». Усиления подобных тенденций способствуют переходу приоритетов в развитых государствах от экономики к геополитике. Конечно же, впоследствии будет иметь место радикальная смена элементов блока политико-экономических процессов, относящихся к глобализации. Сегодня специалисты не исключают и того, что глобализация может быть остановлена в принципе. Помимо этого сформируется совершенно иная (по сравнению с сегодняшним днем) схема взаимодействия бизнеса и государства. Взаимопереплетение целей и ресурсов (главным образом, финансовых) частного бизнеса и государств для получения, в первую очередь, военного преимущества с большой долей вероятности приведет к модели интеграции, характерной, например, для современного Китая. Всегда нужно помнить, что в настоящее время началась так называемая «гонка» искусственного интеллекта, где ключевая роль принадлежит Китаю и США.

Вопрос о потенциале и перспективах России несколько сложнее простого отнесения ее к аутсайдерам гонки. Во-первых, теоретически существует сценарий, в котором аутсайдеры могли бы получить преимущество перед лидерами в области искусственного интеллекта для военных целей… Упомянуть сценарий, благоприятствующий аутсайдерам, необходимо, поскольку он прорабатывается и анализируется весьма авторитетными экспертами. Этот сценарий рассматривался в тематическом выпуске журнала «Foreign Policy's Fall 2018», посвященном будущему войны (The Future of War). В статье Michael C. Horowitz «The Algorithms of August», в анализе перспектив такого сценария, Россия выделена в качестве «особого аутсайдера» — потенциально способного, подобно Китаю, составить конкуренцию в борьбе за лидерство. Во-вторых, сочетание традиционной российской асимметричности ответов на геополитические вызовы с все еще существующим немалым научно-техническим наследием СССР могут иметь вполне серьезные последствия на стыках технологий искусственного интеллекта с новыми классами вооружений (от гиперзвука до систем электронного подавления сигналов). А ведь есть еще стык искусственного интеллекта с квантовыми вычислениями и кое-что еще, что может принципиально изменить расклад военных сил ближайшего будущего. Так что с Россией все не так однозначно. И это заслуживает отдельного экспертного анализа, поскольку даже лучшие из существующих работ на эту тему (например, «влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности» / под ред. акад. А. А. Кокошина. М., 2017) названных вопросов касаются лишь вскользь [1, с. 38–39].

Очевидно, что в обозримом будущем произойдет коренная трансформация глобальной (наднациональной) экономики, в рамках которой существенная часть функционала (касательно неквалифицированного труда) может быть в полной мере автоматизирована. При этом наибольший процент занятости плавно перейдет из сектора услуг в другие сферы, многие из которых в настоящий момент находятся еще на стадии формирования. Следует сказать, что среди профессий, которые в минимальной степени пострадают в обозримом будущем, специалисты выделяют те, которые напрямую связаны с интеллектуальной деятельностью (или подразумевают установление непосредственного личного кон-

такта с клиентом, например, связанные с реализацией элементов прямого маркетинга). В итоге на рынке труда сформируется новая равновесная позиция. При этом, скорее всего, кардинально изменится и сущность промышленности, так как ускорение процессов автоматизации, технологий 3D позволит организовывать местные (локальные) эффективные производства, ориентированные под конкретные потребности конечных потребителей. Указанное будет стимулировать перевод части производства из развивающихся государств обратно в развитые. Таким образом, для стран третьего эшелона развития данные меры могут привести к необратимым последствиям. Следует сказать, что этот вид рискового фактора свойственен нашей стране, хотя некоторые специалисты прогнозируют, что в России все же возможен запуск глобальной программы по роботизации и имплементации технологий искусственного интеллекта, которая напрямую коррелирует с целями кластеризации и цифровизации отечественной экономики в целом.

Важно то, что очень многие уже сейчас заявляют, что среди оптимальных способов, которые позволят минимизировать последствия так называемой «ломки» глобальной экономики, можно считать радикальное изменение структуры занятости как таковой. Серьезные технологические изменения и увеличение процента доступа к сети Интернет позволят весьма существенному числу сотрудников целого ряда предприятий и организаций осуществлять трудовую функцию дистанционно, что в случае потери работы будет способствовать возможности трудоустройства без условия изменения места жительства (указанное, пусть и не совсем лучшим образом, было апробировано многими государственными и частными структурами в период пандемии COVID-19). В то же время, сегодня обсуждается и тезис о том, что массовая автоматизация в итоге не только не понизит, а совсем наоборот, — увеличит совокупное число рабочих мест за счет ускорения темпов экономического развития. Также автоматизация и компьютеризация (совместно с всемерной цифровизацией) жизненно необходимы в развитых государствах (в первую очередь, в странах–членах Европейского Союза) в связи с резким сокращением количества трудоспособного населения.

Необходимо отметить, что сейчас отдельные государства начинают процессы правовой регламентации условий активного развития технологий, применяющих искусственный интеллект. Следует сказать, что уже сегодня в Европейском Союзе, например, предложены довольно перспективные нормы регулирования в сфере так называемых «умных» роботов.

В ЕС первым шагом в направлении регулирования вопросов искусственного интеллекта стала Резолюция Европейского Парламента 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике». Еще в 2015 г. в Европейском Парламенте была создана рабочая группа по правовым вопросам, связанным с развитием робототехники и искусственного интеллекта в ЕС. Резолюция не является обязательным документом, но дает ряд рекомендаций Европейской Комиссии для возможных действий в этом направлении, причем не только касательно норм гражданского права, но и этических аспектов робототехники. Резолюция определяет «умного робота» как робота, получающего автономию через использование сенсоров и/или взаимосвязь с окружающей средой; при этом робот имеет, по меньшей мере, минимальную физическую поддержку, адаптирует свое поведение и действия в соответствии с условиями среды, при этом у него отсутствует жизнь с биологической точки зрения. Предлагается создать систему регистрации продвинутых роботов, которая управлялась бы Агентством ЕС по робототехнике и искусственному интеллекту. Данное агентство также предоставляло бы техническую, этическую и регулятивную экспертизу по робототехнике. Что касается ответственности, предлагаются два варианта: либо объективная ответственность (не требующая вины), либо подход риск-менеджмента (ответственность лица, которое могло минимизировать риски). Ответственность должна быть пропорциональной реальному уровню указаний, которые отдаются роботу, и уровню его автономности. Правила ответственности могут быть дополнены обязательным страхованием для пользователей роботов и компенсационным фондом для выплаты компенсации в случае отсутствия страхового полиса, покрывающего риск. Для решения этических вопросов резолюция предлагает два кодекса поведения: Кодекс этики для разработчиков робототехники и Кодекс комитетов по этике научных исследований. Первый, в частности, предлагает четыре этических принципа:

1) «делай благо» (роботы должны действовать в интересах людей);

2) «не навреди» (роботы не должны причинять вред человеку);

3) автономия (взаимодействие человека с роботами должно быть добровольным);

4) справедливость (выгоды, получаемые от деятельности роботов, должны быть распределены справедливо) [1, с. 54–55].

Таким образом, как видно из приведенного выше материала, общественные ценности весьма явно влияют на отношение к искусственному интеллекту и проблеме его экономико-правового оформления (регулирования). В связи с этим переосмысление (переоценка) его роли в современном (и будущем) обществе может иметь определенный трансформационный эффект. Более того, во главе угла должна быть реальная оценка возможного влияния искусственного интеллекта (и смежных, коррелирующих с ним технологий) на международные (в том числе экономические) отношения и различные сферы общественной жизни в целом.

Список источников

1. Международные и социальные последствия использования технологий искусственного интеллекта. Рабочая тетрадь № 44 / 2018 / С. В. Карелов, М. В. Карлюк, А. Г. Колонин, Н. М. Маркоткин, Д. Р. Шефтелович. М. : НП РСМД, 2018.

References

1. International and social implications of artificial intelligence technologies. Workbook № 44 / 2018 / S. V. Karelov, M. V. Karlyuk, A. G. Kolonin, N. M. Markotkin, D. R. Sheftelovich. M. : NP RSMD, 2018.

Библиографический список

1. Васюхин О. В., Варзунов А. В. Информационный менеджмент: краткий курс: учеб. пособие. СПб., 2010.

2. Европейское международное право / отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова, П. В. Саваськов. М., 2009.

3. Канашевский В. А. Нормы международного права и гражданское законодательство России. М., 2004.

4. Право интеллектуальной собственности: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н. М. Коршунова, Н. Д. Эриашвили. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015.

5. Сакович В. А., Бровка Г. М. Инновационная безопасность. Некоторые аспекты теории, методологии, практики. Мн. : БНТУ, 2016.

Bibliographic list

1. Vasyukhin O. V., Varzunov A. V. Information management: a brief course. Textbook. St. Petersburg, 2010.

2. European international law / ed. by Yu. M. Kolosov, E. S. Krivchikova, P. V. Savaskov. M., 2009.

3. Kanashevskiy V. A. Norms of international law and civil legislation of Russia. M., 2004.

4. Intellectual Property Law: textbook for students studying in law / ed. by N. M. Korshunov, N. D. Eriashvili. 2nd ed. revised and supplemented. M. : UNITI-DANA : Law and Legislation, 2015.

5. Sakovich V. A., Brovka G. M. Innovative security. Some aspects of theory, methodology, practice. Mn. : BNTU, 2016.

Информация об авторе

А. А. Яковлев — доцент кафедры «Управление высокотехнологичными предприятиями» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Yakovlev — Associate professor of the Department «Management of the Hi-Tech Enterprises» of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 28.04.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 28.04.2023.

Научная статья
УДК 1/159.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-296-299
EDN: https://elibrary.ru/xbsjfq
NIION: 2003-0059-3/23-714
MOSURED: 77/27-003-2023-03-913

Личностные особенности сотрудников полиции как фактор формирования доверия граждан к правоохранительным органам

Дарья Александровна Пустовитова[1], Кристина Дмитриевна Пашенцева[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] Danja1993@inbox.ru
[2] kristina-suprun@mail.ru

Аннотация. Раскрыты современные подходы к проблеме доверия в зарубежной и отечественной психологии. Приведены показатели доверия населения к полиции, указаны категории сотрудников, вызывающих наибольшую степень доверия у граждан. Представлены результаты эмпирического исследования личностных особенностей сотрудников полиции. Делается вывод, что сотрудники полиции, служащие в подразделениях, к которым граждане испытывают наибольшую степень доверия, демонстрируют сдержанность, смелость в социальном взаимодействии, эмпатийность, доброжелательность, внимание к проблемам других и готовность прийти на помощь, обладают высокими показателями ответственности.

Ключевые слова: личностные особенности, сотрудник полиции, коммуникативные качества, эмоциональные качества, поведение, характер, доверие, надежность

Для цитирования: Пустовитова Д. А., Пашенцева К. Д. Личностные особенности сотрудников полиции как фактор формирования доверия граждан к правоохранительным органам // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 296–299. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-296-299. EDN: XBSJFQ.

Original article

Personal characteristics of police officers as a factor in the formation of citizens' trust in law enforcement agencies

Darya A. Pustovitova[1], Kristina D. Pashentseva[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] Danja1993@inbox.ru
[2] kristina-suprun@mail.ru

Abstract. Modern approaches to the problem of trust in foreign and domestic psychology are revealed. The indicators of public confidence in the police are given, the categories of employees that cause the greatest degree of trust among citizens are indicated. The results of an empirical study of the personal characteristics of police officers are presented. It is concluded that police officers serving in the units to which citizens have the greatest degree of trust, demonstrate restraint, courage in social interaction, empathy, goodwill, attention to the problems of others and willingness to help, have high indicators of responsibility.

Keywords: personality traits, police officer, communicative qualities, emotional qualities, behavior, character, trust, reliability

For citation: Pustovitova D. A., Pashentseva K. D. Personal characteristics of police officers as a factor in the formation of citizens' trust in law enforcement agencies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):296–299. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-296-299. EDN: XBSJFQ.

Проблема взаимодействия общества и полиции не теряет своей актуальности на протяжении всего существования института правоохранительных органов, поскольку от его эффективности напрямую зависит общественная безопасность: чем выше степень доверия населения к органам внутренних дел, тем более результативны профилактика и противодействие преступности.

В настоящее время российское общество демонстрирует наиболее высокий уровень доверия полиции в течение последнего десятилетия. По итогам 2022 г. данный показатель достиг 62 %. Наибольшее доверие население оказывает инспекторам по делам несовершеннолетних и участковым уполномоченным полиции — тем сотрудникам, которые находятся на «передовой» взаимодействия с гражданами [6].

© Пустовитова Д. А., Пашенцева К. Д., 2023

К проблеме доверия в психологии изначально обратились зарубежные ученые Р. Майер, Дж.Дэвис и Ф. Шурман, которые стали понимать под ним динамическую категорию, отражающую готовность субъекта быть уязвимым во взаимодействии с другим при отсутствии возможности контролировать действия последнего [11].

На сегодняшний день в зарубежной психологии сформировано три ведущих подхода к понимаю доверия; оно рассматривается, как: а) компонент межличностного взаимодействия, определяющий его характер и направленность [7]; б) показатель, отражающий уровень взаимной уверенности субъектов [2]; в) условие реализации потребности личности в безопасности при взаимодействии в социальной группе [5].

Механизм формирования доверия отражен в исследованиях С. Кастелфранжи и Р. Фэлкоун, установивших, что доверие, как результат работы самосознания, обеспечивается представлениями о наличии во взаимодействии с другим: а) общих целей; б) зависимости; в) благоприятных внешних факторов; г) уверенности в отсутствии угрозы [10]. Ч. Хэнди уверен в существовании двух форм доверия: условной и безоговорочной, различия между которыми определяются участием сознания. Именно безоговорочное доверие имеет бессознательную природу [9].

Отечественная психология представлена тремя ведущими концепциями доверия: а) доверительных отношений Т. П. Скрипкиной (доверие представляет собой элемент личностного адаптационного ресурса) [8]; б) доверия — недоверия А. Б. Купрейченко (доверие как совокупность показателей надежности в различных сферах взаимодействия субъектов) [4]; в) социально-психологической концепции доверия И. В. Антоненко (доверие есть условие мобилизации субъекта в социальном взаимодействии) [1].

Целью настоящего исследования стало выявление личностных особенностей сотрудников полиции. Участие в исследовании приняли 220 сотрудников из подразделений, к которым граждане испытывают наибольшую степень доверия. В качестве методики исследования избран многофакторный личностный опросник 16-PF Р.Б. Кеттелла (форма С), в адаптации А.Н. Капустиной и др. [3, с. 55–81, 96–97.].

Результаты исследования коммуникативных свойств сотрудников полиции представлен на рис. 1.

Установлено, что у обследуемых уровень выраженности потребности в общении средний, а само межличностное взаимодействие является результатом инициативы других. Среда общения представлена лицами со схожими личностными особенностями и ценностями. Сотрудники не стремятся к публичным выступлениям и взаимодействию с людьми, обладающими властью и/или авторитетом — это их дезадаптирует (А: 4,9 ± 2,52 ст., Н: 5,36 ± 2,22 ст.).

Уровень эмпатии обследуемых высокий. Сотрудники полиции доброжелательны, сдержаны во взаимодействии, внимательны к проблемам других и готовы прийти на помощь. При этом не стремятся афишировать собственные трудности. Не конфликтны (L: 5,25 ± 2,16 ст., N 5,58 ± 2,40 ст.).

Обследуемые демонстрируют средний лидерский потенциал; однако в сложных ситуациях готовы принять на себя ответственность за других и повести их

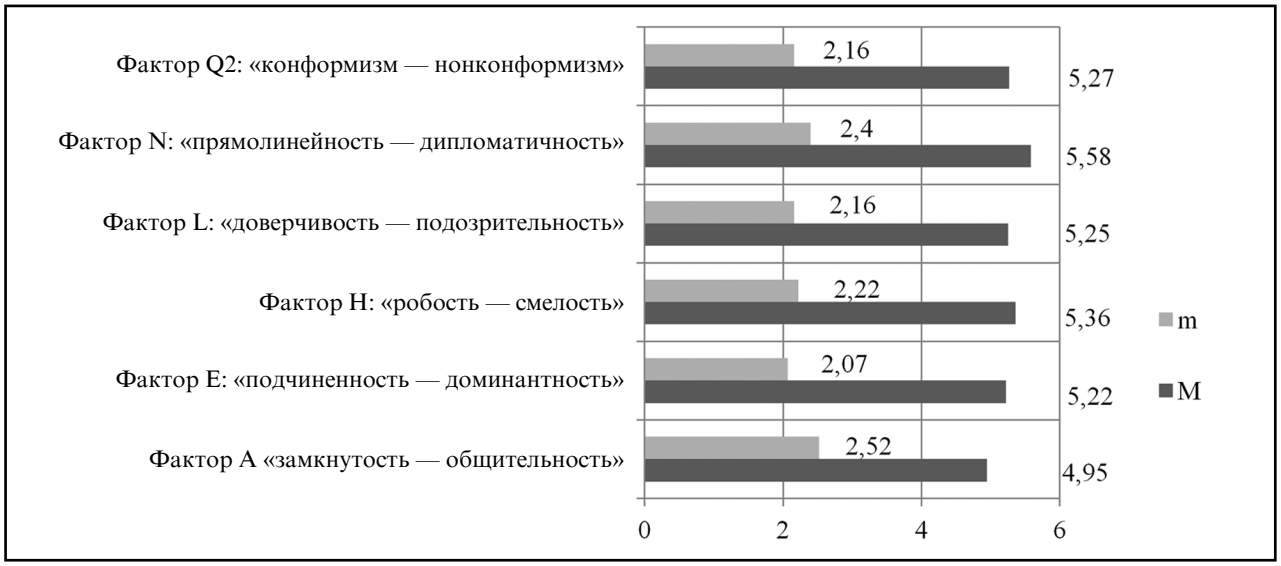

Рис. 1. Коммуникативные свойства личности сотрудников полиции

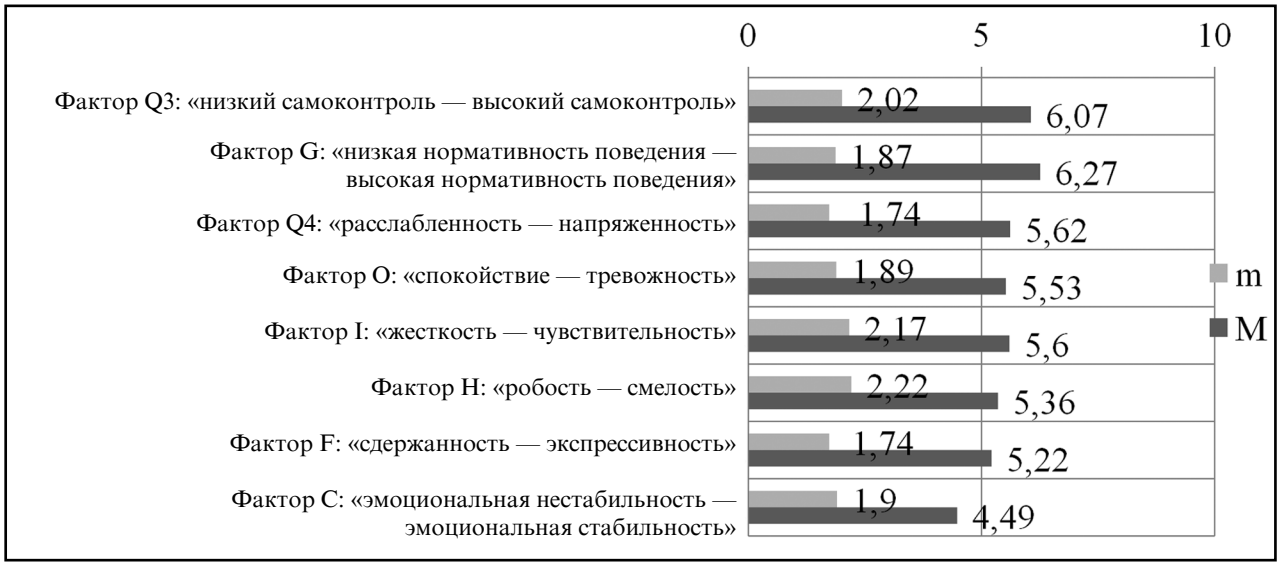

Рис. 2. Эмоциональные и регуляторные свойства личности сотрудников полиции

за собой. Решения принимают самостоятельно. Не склонны навязывать собственную точку зрения окружающим. (E: 5,22 ± 2,07 ст., Q2: 5,27 ± 2,16 ст.).

Результаты исследования эмоциональных и регуляторных свойств личности отражены на рис. 2.

Сотрудники полиции эмоционально стабильны, при возникновении чувства тревоги в экстремальных ситуациях успешно справляются с ним. Дезадаптируются при неудовлетворении актуальных потребностей (C: 4,49 ± 1,90 ст., I: 5,60 ± 2,17 ст.).

Обследуемые склонны позитивно воспринимать окружающее, уверены в себе и своих силах, склонны придерживаться сформированных моделей поведения (H: 5,36 ± 2,22 ст., F: 5,22 ± 1,74 ст.).

Сотрудники полиции адекватны к критике, однако, в случае публичного выражения претензий могут продемонстрировать раздражительность, которой впоследствии успешно управляют при помощи защитных механизмов. Не склонны к риску, однако, уверенно ведут себя в экстремальных условиях (O: 5,53 ± 1,89 ст., Q4: 5,62 ± 1,74 ст.).

Респонденты избирательны, придерживаются установленных норм и правил, обладают высокими показателями ответственности (Q3: 6,07 ± 2,02 ст., G: 6,27-1,87 ст.).

Таким образом, проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Доверие является важным компонентом взаимодействия общества и правоохранительной системы. Оно лежит в основе общественной безопасности и отражает степень уверенности населения в защищенности от противоправных посягательств. Системное исследование доверия является важной задачей при конструировании моделей взаимодействия полиции с гражданами. Сегодня система МВД России характеризуется максимально высокими показателям доверия населения, выявляемыми за последние десять лет.

2. Сотрудники полиции, служащие в подразделениях, к которым граждане испытывают наибольшую степень доверия, демонстрируют сдержанность, смелость в социальном взаимодействии, не стремятся к публичным выступлениям и взаимодействию людьми, обладающими властью и/или авторитетом, эмпатийны, доброжелательны, внимательны к проблемам других и готовы прийти на помощь, не конфликтны. В сложных ситуациях готовы принять на себя ответственность за других и повести их за собой. Решения принимают самостоятельно. Не склонны навязывать собственную точку зрения окружающим.

3. Их эмоциональные и регуляторные качества представлены эмоциональной стабильностью, успешным преодоление тревоги при ее возникновении, уверенностью в себе и своих силах, склонностью придерживаться конструктивных моделей поведения. Сотрудники полиции адекватно реагируют на критику, обладают высокими показателями ответственности.

Список источников

1. Антоненко И. В. Доверие: социально-психологический феномен: моногр. М., 2004.

2. Бэрон Р. А., Бирн Д., Джонсон Б. Социальная психология. Ключевые идеи. 4. изд. М., 2003.

3. Капустина А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб., 2001.

4. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.

5. Маслоу А. Г. Маслоу о менеджменте: Самоактуализация. М., 2003.

6. О результатах изучения общественного мнения о деятельности полиции в Российской Федерации в 2022 г. (по данным ФГКУ «ВНИИ МВД России») // URL:// https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion?ysclid=lelaasyznk975736579.

7. Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М., 2002.

8. Скрипкина Т. П. Психология доверия: учеб. пособие для вузов. М., 2000.

9. Хэнди Ч. По ту сторону уверенности: О новом мире внутри и вокруг орг. / пер. с англ. С. Жильцов. СПб., 2002.

10. Кастельфранки К., Фальконе Р. Теория доверия: социально-когнитивная и вычислительная модель. Западный Суссекс : Уайли, 2010.

11. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. An integrative model of organizational trust// Academy of Management Review. 1995. № 20. P. 709–734.

References

1. Antonenko I. V. Trust: a socio-psychological phenomenon: monograph. M., 2004.

2. Baron R. A., Byrne D., Johnson B. Social psychology. Key ideas. 4th ed. M., 2003.

3. Kapustina A. N. R. Cattell's multifactorial personality technique. SPb., 2001.

4. Kupreychenko A. B. Psychology of trust and mistrust. M., 2008.

5. Maslow A. G. Maslow on management: Self-actualization. M., 2003.

6. On the results of a study of public opinion on the activities of the police in the Russian Federation in 2022 (according to the FGKU «VNII of the Ministry of Internal Affairs of Russia») // URL://https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion?ysclid =lelaasyznk975736579.

7. Seligman A. The problem of trust / per. from English. I. I. Myurberg, L. V. Soboleva. M., 2002.

8. Skripkina T. P. Psychology of trust: textbook. allowance for universities. M., 2000.

9. Handy C. On the other side of confidence: On the new world inside and around org. / per. from English. S. Zhiltsov. SPb., 2002.

10. Castelfranchi K., Falcone R. Trust theory: social-cognitive and computational model. West Sussex : Wylie, 2010.

11. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. An integrative model of organizational trust// Academy of Management Review. 1995. No. 20. P. 709–734.

Информация об авторах

Д. А. Пустовитова — преподаватель кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

К. Д. Пашенцева — преподаватель кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

D. A. Pustovitova — Lecturer of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

K. D. Pashentseva — Lecturer of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 30.05.2023.

The article was submitted 02.03.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 30.05.2023.

Научная статья
УДК 1/159.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-300-303
EDN: https://elibrary.ru/pnmcac
NIION: 2003-0059-3/23-715
MOSURED: 77/27-003-2023-03-914

Некоторые особенности успешности служебной деятельности курсантов в образовательных организациях МВД России

Владимир Федорович Родин[1], Ирина Борисовна Марьясис[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] akademikvrodin@mail.ru
[2] talismm@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы успешности служебной деятельности курсантов образовательных учреждений МВД России. Отмечаются некоторые особенности и условия успешности служебной деятельности курсантов вузов: напряженный характер служебной деятельности, ее ненормированость и экстремальность. Рассматривается психическое состояние курсантов, влияющее на успешность служебной деятельности. Анализируются сущностные компоненты успешной служебной деятельности курсантов, а также психологический и личностный потенциал курсантов, от которых зависит успех в их профессиональной работе.

Ключевые слова: личность, служебная деятельность, эффективность служебной деятельности, обеспечение успешности обучения, профессиональное поведение, образовательное организация МВД России.

Для цитирования: Родин В. Ф., Марьясис И. Б. Некоторые особенности успешности служебной деятельности курсантов в образовательных организациях МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 300–303. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-300-303. EDN: PNMCAC.

Original article

Some features of the success of the cadets' service in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Vladimir F. Rodin[1], Irina B. Maryasis[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] akademikvrodin@mail.ru
[2] talismm@mail.ru

Abstract. The problems of the success of the service activities of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia are considered. Some features and conditions of the success of the official activity of university cadets are noted: the intense nature of official activity, its abnormality and extremity. The mental state of cadets influencing the success of official activity is considered. The essential components of successful professional activity of cadets are analyzed, as well as the psychological and personal potential of cadets, on which success in their professional work depends.

Keywords: personal, professional activity, performance, training success, professional behaviour, and educational organization of the Ministry of Internal Affairs

For citation: Rodin V. F., Maryasis I. B. Some features of the success of the cadets' service in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):300–303. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-300-303. EDN: PNMCAC.

Проблема успеха в жизни, в деятельности, которой занимается человек, всегда волновала людей: писателей, ученых, исследователей.

Можно найти множество книг — научных, публицистических, художественных — в которых авторы затрагивают вопросы успешности людей, занимающихся различными видами деятельности и которые становится успешными в этом. И деятельность курсантов образовательных организаций МВД России — не исключение. В статье мы осветим лишь некоторые проблемы и особенности служебной деятельности, которой занимаются курсанты вузов.

Несмотря на некоторые отличия в сущности и содержании служебной деятельности сотрудников ОВД, есть нечто общее, что их объединяет, за исключением определенной специфики.

© Родин В. Ф., Марьясис И. Б., 2023

Регламентом установлено, что служебная деятельность курсантов образовательных организаций МВД России включает различные ее виды, к ним относятся: караульная и внутренняя служба, служба по охране общественного порядка, занятие по огневой и физической подготовке, различного рода изучение юридических документов, командно-штабные учения и т. д.

Отметим некоторые особенности и условия, характерные для служебной деятельности курсантов.

1. Напряженный характер службы курсантов.

Это обстоятельство связано с некоторыми ограничениями деятельности в их службе, а также наличием факторов риска в выполнении служебных обязанностей. Как показывает практика, одно из психических состояний, которое возникает у курсантов в условиях и ситуациях служебной деятельности, — стресс.

В психологии понятием стресс обозначают состояние чрезмерной психической напряженности и дезорганизации поведения человека, которое развивается в результате воздействия факторов: профессионального, социального, экологического и психологического характера.

Стрессовое состояние характеризуется доминированием повышенной возбудимости, выражающейся в той или иной степени дезорганизации поведения, потере ряда ранее сформированных качеств и психических реакций. При умеренных уровнях стресса изменение поведения курсанта проявляется в навязчивом повторение одних и тех же мыслей, движений, образов, а также нарушение моторной координации в процессе выполнения служебных обязанностей.

Исследованиями этого психологического феномена у курсантов установлено, что в некоторых случаях у них ухудшается успешность выполнения служебной деятельности.

В некоторых сложных условиях деятельности (например, если жизни курсанта угрожает реальная опасность), влияние стрессового состояния сказывается на таких когнитивных процессах как память, мышление, воображение, речь и т. д.

С возникновением психических нарушений, связанных с приемом, переработкой информации, а также принятием грамотных решений, увеличивается количество ошибочных действий у курсанта в их реализации. Эти негативные явления часто связаны с нарушением функции внимания курсантов: снижается устойчивость, острота, адекватность и объем внимания.

Высокая загруженность курсантов служебной деятельностью приводит к возникновению длительных по времени таких психических состояний, как утомление, различного рода стрессы, что часто приводит к снижению уровня функционального состояния психики. Это может привести к эмоциональному истощению психики курсанта, так называемому «профессиональному выгоранию».

Как показывает практика, данное состояние может иметь место у курсантов, обладающих высоким уровнем мотивации достижения успеха в учебе, но в силу тех или иных причин и обстоятельств, не реализовавших свою мотивационную потребность в усвоении программы обучения в вузе на хорошо и отлично.

В условиях длительного нахождения в профессиональной среде, не отвечающей ожиданиям курсанта, синдром выгорания может проявляться в:

♦ чувстве некоторой опустошенности, истощенности собственных эмоциональных ресурсов, в ощущениях эмоционального напряжения;

♦ недовольстве своей учебной и служебной деятельностью, снижению значимости своих успехов, своего труда;

♦ негативном отношении к выполнению служебных обязанностей, напряженности в отношениях с сослуживцами в коллективе, что может служить неким катализатором нарушения служебной дисциплины курсантов.

2. Как показывает практика, на успешность служебной деятельности может негативно повлиять такое психическое состояние курсанта, как утомление.

Симптомы утомления определяются характером служебной деятельности, условиями жизни, быта и психическими особенностями. В повседневной жизни состояние утомления у курсантов может уменьшать чувствительность различных физиологических анализаторов и рецепторов. Может ухудшиться зрение, мышечная, вкусовая, обонятельная и слуховая чувствительность. Возникают трудности запоминания учебного материала, ухудшение и переключение внимания. Имеет место снижение интеллектуальной деятельности.

В качестве основной причины утомления многие ученые называют интенсивную и чрезвычайно длительную нагрузку в учебной и служебной деятельности

курсантов, анализ и преобразование массивных потоков информации, служба в экстремальных условиях.

На развитие утомления у курсантов могут влиять такие неблагоприятные факторы окружающей среды как: шум, кислородная недостаточность, приводящая к снижению парциального давления в тканях организма, наличие вредных привычек, снижение иммунитета человека после болезни, нарушение распорядка дня, режима служебной деятельности, отдыха и питания.

3. У курсантов в процессе служебной деятельности может возникать такое психическое состояние, как монотония.

Она проявляется в чувстве неуверенности в правильности своих действий, невозможности поддерживать работоспособность на прежнем уровне; расстройстве внимания (снижение объема, нарушение процессов переключения и распределения, отвлекаемость); в расстройстве сенсорных процессов, снижении чувствительности различных анализаторных систем; нарушении двигательной функции; из психофизиологических сдвигов отмечается снижение мышечного тонуса, снижение возбудимости и лабильности анализаторов, снижение активности симпатической нервной системы и усиление активности парасимпатической нервной системы. Лучшим способом преодоления этого состояния является отдых.

Рассматривая основополагающие компоненты успешности служебной деятельности курсанта, необходимо иметь ввиду различного рода факторы, влияющие на нее.

К ним, в первую очередь, относятся: психическая устойчивость и готовность к служебной деятельности, включающая в себя психические формы познания специфики профессиональной деятельности — важными компонентами при этом являются внимание, мышление, контроль психической деятельности, память и эмоционально-волевая сфера психики курсанта, оказывающая влияние на их деятельность и поведение.

Установлено, что устойчивость и состояние психологической готовности к успешному выполнению служебной деятельности позволяет лучше ориентироваться в сложной обстановке (неожиданности, внезапности, новизны и т. д.); при этом возрастает ответственность курсанта за результаты своего труда.

Анализ деятельности красноречиво доказывает, что на успешность выполнения служебных задач влияют личностные качества курсанта, которые определяют его профессиональную пригодность и выступают детерминантами сохранения психологического здоровья на протяжении всего срока обучения в вузе.

Личность курсанта обладает большим творческим, инновационным, нравственным и адаптационным потенциалом. В научной литературе при исследовании успешности профессиональной деятельности курсантов отмечается важная роль личностного потенциала в формировании профессионализма курсанта.

Личностный потенциал мы рассматриваем как синтез индивидуально-психологических особенностей личности курсанта, детерминирующих эффективность его служебной деятельности.

На наш взгляд, личностный потенциал — это базовая индивидуальная характеристика, определяющая уровень личной зрелости курсанта, а главным феноменом личной зрелости и формы проявления личностного потенциала является его самодетерминация.

Итак, личностный потенциал курсанта выступает в качестве интегральной способности, позволяющей ему как адаптироваться к различным условиям, так и активно противостоять влиянию различных видов нагрузок, а также обеспечивает эффективность служебной деятельности.

Личностный потенциал курсанта отражает его способности, личностные черты и профессиональные качества, компонентами которого являются: познавательные, эмоциональные, морально-психологические, волевые и коммуникативные качеств, а также его психологическая устойчивость.

Анализ научной психолого-педагогической литературы показывает, что ученые рассматривают и изучают различные психологические факторы, которые влияют на успешность служебной деятельности курсантов вузов.

Результаты различных исследований психологических факторов успешности курсантов вузов не рассматривают в качестве особого вида их служебной деятельности, которая является общей, независимо от того, по какой специальности они обучаются. Поэтому психологические критерии, детерминирующие успешность служебной деятельности курсанта образовательных организаций МВД России, требует дальнейшего изучения и внедрения в учебно-воспитательный процесс вузов с их последующим анализом, применительно к практике служебной деятельности.

Библиографический список

1. Еременко Т. Е. Прогнозирование успешности служебной деятельности курсантов образовать на организации правоохранительных органов. Омск : ИРОО, 2019.

2. Еременко Т. Е. Психологические факторы успешности служебной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России: автореф. дисс. … канд. психол. наук. М., 2016.

3. Караяни А. Г. Теоретические основы психологического обеспечения служебной деятельности // Юридическая психология. 2013. № 3.

4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2018.

5. Психология: учеб. пособие для студентов вузов / под науч. ред. И. В. Грошева, В. Л. Цветкова; под общ. ред. В. Ф. Родина, И. Б. Лебедева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.

6. Севак А. Н. Психологическое обеспечение успешности учебно-профессиональной деятельности курсантов вузов МВД России. СПб., 2019.

7. Цветков В. Л. Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел. М., 2019.

Bibliographic list

1. Eremenko T. E. Forecasting the success of the cadets' official activities to form on the organization of law enforcement agencies. Omsk : IROOO, 2019.

2. Eremenko T. E. Psychological factors of the success of the service activities of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia: autoref. diss. ... cand. psychological sciences. M., 2016.

3. Karayani A. G. Theoretical foundations of psychological support of official activity // Legal psychology. 2013. № 3.

4. Leontiev A. N. Activity. Conscience. Personality. M., 2018.

5. Psychology: studies. manual for university students / under the scientific editorship of I. V. Grosheva, V. L. Tsvetkova; under the general editorship of V. F. Rodina, I. B. Lebedeva. M. : UNITY-DANA, 2022.

6. Sevak A. N. Psychological support of the success of educational and professional activities of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. SPb., 2019.

7. Tsvetkov V. L. Psychology in the activities of employees of internal affairs bodies. M., 2019.

Информация об авторах

В. Ф. Родин — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН, почетный работник образования РФ;

И. Б. Марьясис — заместитель начальника кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

V. F. Rodin — Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician RAEN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation;

I. B. Maryasis — Deputy Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activities of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 31.01.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Научная статья
УДК 1/159.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-304-310
EDN: https://elibrary.ru/lkofqk
NIION: 2003-0059-3/23-716
MOSURED: 77/27-003-2023-03-915

Социально-психологический анализ малых неформальных групп

Анатолий Николаевич Сухов
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

Аннотация. Раскрывается актуальность исследования малых неформальных групп, связанная с необходимостью создания полноценной теории на основе сравнительного, системного подхода, позволяющего сформулировать их адекватное определение, структуру, классификацию и, в конечном счете, как отрасль социальной психологии. Дана характеристика структуры как положительных, так и отрицательных, в том числе криминальных групп. Рассматривается социально-психологический подход к работе с малыми группами с учетом их принадлежности к тому или иному виду.

Ключевые слова: малая неформальная группа, системный подход, понятие, классификация, структура, норма, ценности, система общения, традиционные и современные средства криминогенного общения

Для цитирования: Сухов А. Н. Социально-психологический анализ малых неформальных групп // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 304–310. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-304-310. EDN: LKOFQK.

Original article

Socio-psychological analysis of small informal groups

Anatoly N. Sukhov
Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

Abstract. The relevance of the study of small informal groups, associated with the need to create a full-fledged theory based on a comparative, systematic approach, allowing to formulate their adequate definition, structure, classification and, ultimately, as a branch of social psychology, is revealed. The structure of both positive and negative, including criminal groups, is characterized. The socio-psychological approach to work with small groups, taking into account their belonging to one or another type, is considered.

Keywords: small informal group, systematic approach, concept, classification, structure, norm, values, communication system, traditional and modern means of criminogenic communication

For citation: Sukhov A. N. Socio-psychological analysis of small informal groups. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):304–310. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-304-310. EDN: LKOFQK.

Актуальность данной проблемы определяется фрагментарным, несистематизированным состоянием, т.е. незавершенностью теории малых неформальных групп. Вообще проблема малых групп является одной из традиционных и разработанных в социальной психологии (имеются в виду понятие, структура, динамика и классификация групп). Но по поводу преступных групп сказать то же самое вряд ли можно, хотя на этот счет и существует немало публикаций.

В связи с этим необходим сравнительный, системный подход к пониманию различных малых неформальных групп. Это позволит говорить о закономерностях в данной отрасли социальной психологии.

Как известно, исследования малых неформальных групп имеют давнюю и богатую историю.

Характеристика как положительных, так и отрицательных групп раскрыта в целом ряде публикаций автора [2–7].

В толковом словаре русского языка словом «группа» называется, в частности, объединение нескольких лиц в общей работе, ради общей цели, идеи.

За более чем 100-летнюю историю социальной психологии исследователи неоднократно обращались к определению понятия «малой группы», сформировав при этом огромное количество всевозможных, часто случайных, порою весьма различающихся между собой и даже противоречивых по смыслу определений. И это неудивительно: в своих попытках соответствующим образом определить малую группу авторы, как правило, шли от собственного ее понима-

© Сухов А. Н., 2023

ния, диктовавшего акцентирование тех или иных сторон группового процесса.

Так, известный американский психолог М. Шоу, рассмотрев более полутора десятков определений малой группы, классифицировал их по шести категориям в зависимости от структурных характеристик групп.

Р. Мертон определяет малую неформальную группу как совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются ее членами с точки зрения других людей. При этом вопрос о нижней, впрочем, как и о верхней количественной границе малой группы остается дискуссионным.

Однако следует отметить, что в любом случае малая группа — это малая и неформальная группа. Дело в том, что она состоит из нескольких членов и поведение их строится в соответствии с «неписаными» законами, нормами и правилами. Правда, в отношении верхней границы малых групп следует сделать существенное уточнение. Как правило, они начинаются с объединения от трех и более лиц. Но группа может достигать и больших размеров: от нескольких десятков до нескольких тысяч членов, имея не локальный, а сетевой характер. Иначе говоря, группы могут иметь разветвленную структуру и повторяться в различных регионах, организациях и т. п.

В экстремальных ситуациях происходит временная трансформация малых неформальных групп. «Переформатирование» затрагивает изменение не только количественного состава, но и ролевой структуры, главным образом — руководства групп, если можно так сказать в данном случае. После окончания форс-мажорных обстоятельств малые группы принимают свой традиционный количественный и ролевой формат [1].

Признаки малой группы: определенный способ взаимодействия между членами; членство, чувство принадлежности к данной группе; адекватность, т. е. осознание членами группы себя как «мы», а других — как «они».

Есть организованные и спонтанные; открытые и закрытые; стационарные и временные; лабораторные и естественные; референтные (эталонные, авторитетные) и нереферентные.

Существует и другой подход к классификации малых групп, основанный на учете их направленности. С точки зрения этого подхода выделяют группы с положительной, неустойчивой и отрицательной направленностью, а также преступные группы, которые, в свою очередь, подразделяются на организованные преступные группы и банды.

В основе современной преступности лежит групповая криминальная деятельность. Организованные преступные группы в основном занимаются преступным бизнесом в форме рэкета, проституции, контрабанды наркотиков, азартных игр.

Преступные группы отличаются от других рядом параметров: целями, структурой, нормами и т. д.

Есть уголовно-правовой подход к пониманию преступных групп, в основе которого лежит такой признак, как соучастие. Более того, в литературе встречаются такие понятия, как «преступная группа», «преступная группировка», «преступное сообщество» и пр.

Что касается классификации преступных групп, то здесь так же отсутствует единство. Согласно уголовно-правовой теории и практике выделяют организованные преступные группы, банды и т. д. Социальные психологи предпринимают попытки, связанные с построением классификации преступных групп. Однако на сегодняшний день нет общепринятой, непротиворечивой классификации преступных групп [2; 3].

Положительные группы образуются на основе симпатии, совпадения интересов, «землячества». Они возникают добровольно, а криминальные, например, группы наркоманов — по принуждению.

Структура неформальных групп характеризуется рядом параметров: количественным составом, ролевой структурой, причинами образования, системой общения, нормами поведения и санкциями за их нарушение, устойчивостью группы, временем существования, сплоченностью, положением среди других групп.

Характеристиками преступной группы являются: количественный состав, причины возникновения, статусно-ролевая структура (каждый член группы выполняет определенную роль и занимает тот или иной статус); система внутригрупповых связей (каналов, средств, мест и времени «сходок»; способов маскировки целей и действий), характер норм и «санкций» в случае отклонения от этих норм, положение данной группы среди других.

Структура организованного преступного сообщества включает: «элитную группу», «мозговой

центр», «систему связей», «службы безопасности», «разведки», «контрразведки», «боевиков». Во всяком случае, большинство изобличенных преступных групп функционировало по схеме [3].

Признаки организованных преступных групп:

1) организация групп для занятия преступлениями как профессией в течение более или менее длительного времени;

2) централизация власти в руках одного или нескольких членов группы;

3) создание денежных фондов для нужд организации;

4) коррумпирование, которое выражается в создании системы связей с судьями, полицейскими, политическими деятелями, а также с администрацией;

5) жесткая дисциплина;

6) тщательное планирование с минимальным риском проведения и последствий преступных операций.

Преступные группы имеют материальную базу, коллегиальный орган руководства, устав в виде перечня неформальных норм, традиций и законов, а также, информационную базу — систему связи.

Динамика групп — это совокупность тех социально-психологических явлений, которые происходят в группах и определяют их развитие: образование ролевой структуры, нормы и т. п.

Как уже отмечалось, группы образуются добровольно и по принуждению.

К числу основных социально-психологических явлений, образующих динамику, относится внушение, групповой конформизм. Но данный механизм групповых изменений не является универсальным.

Групповая динамика держится не только на внушении со стороны большинства членов группы, но и на различных видах зависимости (физической, экономической, нарко- и алкозависимости, точнее, созависимости, психическом насилии, манипулировании, шантаже, компрометировании). Роль меньшинства здесь, действительно, не малая. В различных группах механизм изменений не одинаков. В зависимости от этого одни группы держатся на паритетных отношениях, другие — на физической силе, третьи — на манипулировании, четвертые — на внушении и т. д.

Можно выделить собственно психологические причины вхождения в определенную группу. Прежде всего, нужно отметить стремление индивида к удовлетворению потребности быть включенным в систему отношений с другими людьми (аффилиативную потребность — потребность во включении).

В тоже время, в качестве распространенной причины образования малой неформальной группы выступает просто симпатия или интерес членов друг к другу, общее увлечение, место рождения и проживания (землячество).

Развитие группы происходит поэтапно.

В качестве примера можно использовать достаточно популярную модель группового развития, предложенную американским психологом Б. Такменом.

В ролевой групповой структуре почти всегда имеется лидер, «приближенные» к нему, доверенные лица.

Существуют различные теории лидерства: теория черт, ситуационная и синтетическая теории.

Иными словами, можно сказать, что лидер в группе — это такой член группы, который наиболее полно воплощает в своей активности групповые ценности, получая взамен наиболее высокий статус в группе и возможность максимального влияния на ее жизнь. Функции его многообразны, начиная от представительских и кончая обязанностями «третейского» судьи. В большинстве случаев слово лидера бывает самым весомым.

Лидер вносит наибольший вклад в решение групповых проблем. Его статус держится в одних группах на авторитете, признании заслуг, «чистоте» биографии, полном соответствии групповым ожиданиям, выполнении сказанного, в других — на физической силе, способности манипулировать поведением других членов. Борьба за лидерство — наиболее конфликтогенный фактор [3].

Система общения — крайне важная характеристика групп. Ее специфика зависит от вида группы. Чаще всего она носит открытый характер, но иногда — закрытый, конспиративный (имеется в виду место встречи членов группы и т. д.). Бывает линейной и централизованной.

Модели коммуникативных сетей, представляющие собой еще одно, коммуникативное, измерение групповой структуры, свидетельствуют о существовании сети, состоящей из позиций членов в зависимости от системы информационных потоков. Известно, что владение информацией тесно связано с величиной статуса человека в группе.

Высокостатусным членам группы адресуется большее число сообщений, которые носят более бла-

гоприятный (дружелюбный) характер, нежели сообщения, посылаемые низкостатусным индивидам.

Следует отметить, что интерес, проявляемый исследователями к коммуникативной структуре, отнюдь не случаен, так как коммуникация имеет огромное значение в функционировании группы.

Исследования показывают, что, как правило, централизованные сети, в сравнении с децентрализованными, усиливают возникновение лидерства, способствуют организационному развитию, но препятствуют эффективности решения сложных проблем и уменьшают удовлетворенность членов группы от включения в нее.

Структура преступных групп нацелена на обеспечение так называемой групповой безопасности путем вербовки нужных лиц, проверки новых членов, лояльности, соблюдения конспирации, секретов, тайны деятельности и т. д.

В основе криминальной безопасности групп лежит криминальная модель достижения успеха, которая, в свою очередь, не осуществима без традиционных и современных средств криминогенного общения. С точки зрения социальной психологии в качестве основного механизма приготовления и совершения преступлений, в первую очередь, в рамках организованной преступности выступает криминогенное общение, которое осуществляется с помощью специальных средств. К числу традиционных средств криминогенного общения относятся: жаргон, татуировки, тайнопись и др. Что касается современных, то в качестве них выступают шифрование информационных сообщений с помощью математических методов преобразования информации и т. д.

Внутренняя безопасность криминальных групп во многом зависит от знаний и умений владения их членами современными средствами криминогенного общения.

Необходимость маскировки преступной деятельности, страх и боязнь разоблачения, стремление правонарушителей уйти от ответственности приводят к созданию специальной системы общения, его криминальной деформации. С помощью общения происходят обмен преступным опытом, подготовка, маскировка и совершение преступлений путем психического (информационного) насилия.

К числу признаков криминальной деформации общения относятся условные средства связи. Они основаны на взаимной договоренности определенного круга участников общения о системе кодирования и декодирования (ключе), а также технологии маскировки знаков, выступающих в качестве только им понятного способа передачи информации.

Вообще говоря, условные средства общения имеют знаковую природу. Поэтому любой знак может быть использован для передачи сообщений: цветы на подоконнике, черта на столбе, нанесенная губной помадой и т. п. Надо только договориться, что это значит.

Условные средства общения — это своеобразный способ ухода субъекта от ответственности за подготовку и «успешное» совершение антиобщественных действий. Попытка уйти от ответственности достигается с помощью условных средств общения в целях сокрытия преступных действий.

Во многих случаях условные средства общения используются для достижения эффекта внезапности, создания дефицита времени для объекта и, тем самым, неотвратимости осуществления преступных целей и действий. О степени владения средствами условного общения следует судить не только по частоте их употребления, но и по знанию значения данных средств, умению кодировать, декодировать, а также незаметно передавать (конспирировать).

В качестве условных средств общения используются: а) вербальные средства; б) невербальные средства.

К вербальным средствам общения относится жаргон («блатная феня»), а к невербальным — татуировки, информация, передаваемая по коду (перестукивание через канализационные и отопительные системы), книги, свист, условные жесты, позы, средства тайнописи. Чаще всего используют жесты рук, жаргон, особенности голоса и тайнопись.

Традиционные средства криминогенного общения связаны с особенностями тайного общения, в том числе уголовным жаргоном, блатной музыкой, условными звуковыми сигналами, аудиовизуальным тайным общением, особенностями тайного письменного общения, техническими средствами и др.

Известно, что традиционные средства криминогенного общения претерпели существенные изменения, хотя пользоваться ими не перестали. Имеется в виду шифрованная переписка с помощью книг, тайнописи и пр.

Как известно, для подготовки криминогенных ситуаций часто используются средства тайнописи,

начиная от симпатических (невидимых) чернил и кончая шифрованной перепиской с помощью различных технологий.

Однако, на смену традиционным пришли современные средства криминогенного общения. Речь, прежде всего, идет о шифровании информационных сообщений с помощью математических методов преобразования информации, передачи информации через специальные интернет каналы. Такое происходит не только в условиях свободы, но и в исправительных учреждениях при обмене информацией.

Современные средства криминогенного общения привели к росту возможностей криминального мира. Имеются в виду хакерские атаки по съему денег со счетов, подготовка террористических актов с помощью интернет технологий, т. е. закрытых каналов связи, операции с криптовалютой, мошенничество в рамках цифрового учета недвижимости, рейдерство, взлом базы данных, тотальный электронно-информационный контроль, что по своим последствиям тяжелее изоляционной деформации и пр.

Современное криминогенное общение — это особый вид общения, который используется для подготовки, конспирации и совершения преступлений на более профессиональном уровне.

Оно выполняет те же специфические функции, что и раньше, но их возможности значительно, к сожаленью, возросли.

Как уже отмечалось, модернизация затронула как вербальные, так и невербальные средства криминогенного общения. Речь идет о передаче разговорной речи через каналы, доступ к которым крайне ограничен и возможен только при наличии ключа. Но на этом примеры не заканчиваются. Что касается невербальных средств, то здесь, прежде всего, имеются в виду возможности шифрования сообщений с помощью криптографии.

Как известно, средства криминогенного общения представляют собой знаковую систему, которая имеет конвенциональную природу на основе взаимной договоренности определенного круга участников общения о системе кодирования, декодирования и технологии маскировки знаков, выступающих в качестве только им одним понятного способы передачи информации.

К числу современных специальных средств общения относится передача шифрованных сообщений с помощью математических методов преобразования информации, интернет-технологий и т. п. «Цифровизация» сказала свое слово и здесь [5].

Другая существенная характеристика малой группы — поведение, связанное с реализацией групповых норм. Дело в том, что групповая норма, которая является неким стандартом поведения в малой группе, регулятором развертывающихся в ней отношений, правилами поведения, причисляется к элементам групповой структуры, так как тесно связана с ними (например, со статусом, ролью).

Последствия нарушения нормы являются очень важной характеристикой нормативного поведения в группе.

Санкции за отклонение от групповых норм различны. Они зависят от вида групп и могут носить насильственный характер.

В каждой групповой криминальной норме можно выделить требование как поступать: не выдавать тайн сообщества, не доносить на «своих», не надевать «чужого» белья, соприкасавшегося с открытым телом другого человека; не заниматься преступным промыслом на «чужой» территории и т. п., социальные ожидания (надежду группы, что человек выполнит предписание группы) и санкции (групповое одобрение за точное выполнение предписаний, наказание — за нарушения запретов).

Криминальная субкультура включает в себя ценности, законы, правила, реализуемые в групповой криминальной деятельности (знания, умения, профессионально-преступные навыки и привычки, этические взгляды, эстетические потребности, мировоззрение, формы и способы обогащения, способы разрешения конфликтов, управления преступными сообществами, криминальную мифологию, привилегии для «элиты», предпочтения, вкусы и способы проведения досуга, формы отношений к «своим», «чужим», лицам противоположного пола и т. п.), предметные результаты деятельности преступных сообществ (орудия и способы совершения преступлений, материальные ценности, денежные средства и т. п.) [2].

Все это находит отражение, прежде всего, в особой «философии», своеобразной идеологии уголовного мира, оправдывающей совершение преступлений, отрицающей вину и ответственность за содеянное, заменяющей низменные побуждения благородными и возвышенными мотивами: в насильственных преступлениях — чувством коллективизма, товарищеской взаимопомощи, обвинением жертвы и

т. д.; в корыстных преступлениях — идеи перераспределения имеющейся у людей собственности и ее присвоения с самой разнообразной «позитивной» мотивацией. Как видно, все это имеет самое непосредственное отношение к деформации социальных представлений о механизме достижения успеха.

Воровские ценности или законы прошли длительную апробацию жизнью преступных сообществ, постоянно совершенствовались и шлифовались. Они характеризуются своей стабильностью, определенностью и четкостью моральных требований; четкостью правил продвижения в групповой иерархии.

«Воровские законы» не окостенели, они постоянно совершенствуются представителями «воровской элиты» с учетом социальных процессов в обществе, предпринимаемых правоохранительными органами мер, издаваемых законов. При этом авторитеты воровского мира четко учитывают при модернизации запросы и потребности современной молодежи, ее психологию. В этом и состоит сущность их модернизации [3].

Проблема неформальных групп не менее актуальна и в условиях исправительных учреждений.

Осужденных вынуждают объединяться в группы не только последствия изоляционной, но, главным образом, нравственной и криминальной деформации общения в их среде. Положительная часть осужденных, осознавая угрозу, исходящую от среды, пытается, объединившись в группы, нейтрализовать ее, защитить себя от посягательств, а отрицательная — стремится выгодно, «комфортно» устроиться в условиях изоляции, тем самым уменьшить или свести «на нет» последствия наказания. В данном случае сознательно используется организующая роль общения, с помощью которого формируются цели и мотивы, ролевая структура и нормы поведения групп.

Отрицательные группы осужденных преследуют конфликтогенные, т. е. корыстные и насильственные цели: 1) противодействовать администрации; 2) не участвовать в работе самодеятельных организаций; 3) занимать высокое положение в среде ИУ, чтобы, не работая, жить за счет других и извлекать нетрудовые доходы; 4) заниматься сексуальными извращениями, насилием и т. п. (эти цели и действия могут проявляться как в открытой, так и в скрытой форме). Малые группы осужденных молодежного возраста стараются не маскировать и не скрывать своих целей. В то же время, антиобщественные цели часто скрываются под внешней маской общественной активности и лояльности.

Немаловажной характеристикой является положение группы в межгрупповой иерархии. С этой точки зрения выделяют группу — лидер и т. д. [8].

Социально-психологический подход нацеливает на работу с малыми группами с учетом их принадлежности к тому или иному виду. Одно дело работать с нормальными малыми неформальными группами. Их нужно поддерживать, вовлекать в волонтерскую (позитивную) деятельность. Другого отношения заслуживают криминальные группировки. Их нужно разобщать, развенчивать лидеров.

Таким образом, вполне очевидно, что необходимо развитие полноценной теории различных малых неформальных групп на основе сравнительного, системного подхода. В результате это позволит создать социальную психологию малых неформальных групп как отрасль.

Список источников

1. Башкатов И. П. Психология неформальных подростково-молодежных групп. М., 2000.

2. Сухов А. Н. Социальная психология преступности. М., 2007.

3. Сухов А. Н. Социальная психология организованной преступности. М., 2017.

4. Сухов А. Н. Антикриминальная безопасность: социально-психологический аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 355–358.

5. Сухов А. Н. Традиционные и современные средства криминогенного общения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 267–272.

6. Сухов А. Н., Гераськина М. Г. Социальная психология / под ред. А. Н. Сухова. М., 2017.

7. Сухов А. Н. Социальная конфликтология. М., 2021.

8. Сухов А. Н. Психология криминогенного общения в среде осужденных. Рязань, 1993.

References

1. Bashkatov I. P. Psychology of informal adolescent and youth groups. M., 2000.

2. Sukhov A. N. Social psychology of crime. M., 2007.

3. Sukhov A. N. Social psychology of organized crime. M., 2017.

4. Sukhov A. N. Anti-criminal security: socio-psychological aspect // Bulletin Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3. P. 355–358.

5. Sukhov A. N. Traditional and modern means of criminogenic communication // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4. P. 267–272.

6. Sukhov A. N., Geraskina M. G. Social psychology / edited by A. N. Sukhov. M., 2017.

7. Sukhov A. N. Social conflictology. M., 2021.

8. Sukhov A. N. Psychology of criminogenic communication among convicts. Ryazan, 1993.

Библиографический список

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. М., 1990.

2. Андриенко Е. В. Социальная психология. М., 2001.

3. Волков И. П. Социальная психология малых групп и коллективов: автореф. дисс. … докт. психол. наук. Л., 1978.

4. Десев Л. Психология малых групп. М., 1979.

5. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы. М., 1991.

6. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности. 2-е изд. М., 2005.

Bibliographic list

1. Ageev V. S. Intergroup interaction. M., 1990.

2. Andrienko E. V. Social psychology. M., 2001.

3. Volkov I. P. Social psychology of small groups and collectives: autoref. diss. ... doct. psychol. sci. L., 1978.

4. Desev L. Psychology of small groups. M., 1979.

5. Krichevsky R. L., Dubovskaya E. M. Psychology of a small group. M., 1991.

6. Sukhov A. N. Social psychology of security. 2nd ed. M., 2005.

Информация об авторе

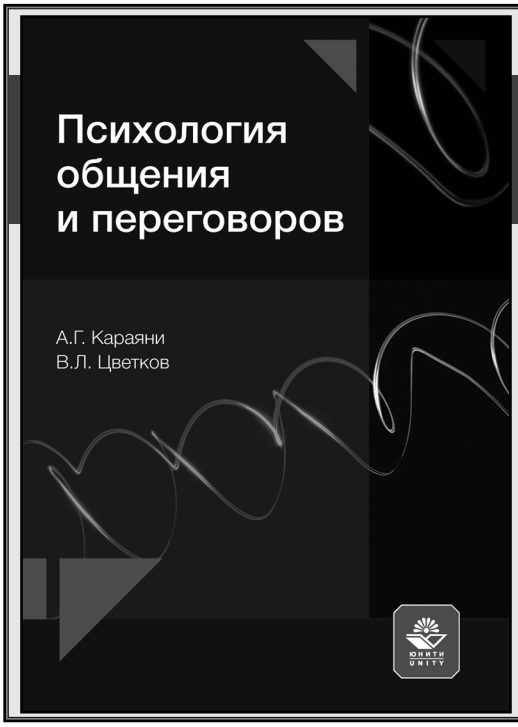
А. Н. Сухов — заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего образования.

Information about the author

A. N. Sukhov — Head of the Department of Social Psychology and Social Work of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Education.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 16.02.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 19.05.2023.

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ И ПЕРЕГОВОРОВ

Учебное пособие
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Караяни А. Г., Цветков В. Л.

Раскрыты теоретические основы психологии общения и переговорного процесса, а также психологически обоснованные пути и способы овладения сотрудниками правоохранительных органов умениями и навыками эффективного взаимодействия. Кроме того, представлены технологии и конкретные психотехники вербального и невербального общения в различных обстоятельствах, в том числе и ведения переговоров с преступниками, захвативших заложников. Предложены способы эффективного ведения переговоров, построения контактов с партнерами-манипуляторами, продуктивного разрешения конфликтных ситуаций. Показаны возможности социально-психологического тренинга (СПТ) в развитии коммуникативной компетентности специалиста-переговорщика.

Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, сотрудников органов внутренних дел, а также всех, кто интересуется данной проблематикой.

Научная статья
УДК 159.923.5
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-311-316
EDN: https://elibrary.ru/jricfb
NIION: 2003-0059-3/23-717
MOSURED: 77/27-003-2023-03-916

Анализ системы мотивации труда сотрудников ОВД и пути ее повышения

Ирина Викторовна Усачева
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, irina-u@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается личность сотрудника правоохранительных органов, внутренние потенциалы личности, а именно движущие жизнедеятельность компоненты личности, которые являются в условиях реформ, кризисов и сложной геополитической обстановки значимыми для эффективного обеспечения деятельности системы МВД РФ и реализации ее основополагающих целей и задач. Поэтому в настоящее время остро встает вопрос о необходимости более глубокого изучения мотивационной сферы личности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: сотрудники ОВД, мотивация труда, потребности, служебная деятельность
Для цитирования: Усачева И. В. Анализ системы мотивации труда сотрудников ОВД и пути ее повышения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 311–316. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-311-316. EDN: JRICFB.

Original article

Analysis of the system of labor motivation of police officers and ways to improve it

Irina V. Usacheva
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, irina-u@yandex.ru

Abstract. The article considers the personality of a law enforcement officer, the internal potentials of a personality, namely, the components of a personality that drive life, which are significant in the conditions of reforms, crises and a complex geopolitical situation for the effective provision of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the implementation of its fundamental goals and objectives. Therefore, at present, the question of the need for a deeper study of the motivational sphere of the personality of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation is acute.

Keywords: police officers, labor motivation, needs, performance
For citation: Usacheva I. V. Analysis of the system of labor motivation of police officers and ways to improve it. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):311–316. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-311-316. EDN: JRICFB.

Одной из основных задач министерства внутренних дел Российской Федерации является обеспечение благоприятного социального самочувствия сотрудников на основе создания приемлемых социально-бытовых условий осуществления служебной деятельности, наиболее полного удовлетворения социальных потребностей и сбережения кадрового потенциала органов внутренних дел.

В тоже время, стимулирование служебной деятельности является одним из способов социального управления и означает сознательное воздействие в целях побуждения людей к определенным действиям, способствующим достижению целей субъекта управления [2, с. 78]. Эта управленческая функция, повседневно осуществляемая на различных уровнях управления в ОВД. От умелого использования руководителями этой функции во многом зависит эффективность работы подчиненного подразделения. Необходимость исследования эффективности стимулирования служебной деятельности личного состава ОВД обусловливает актуальность темы.

В соответствии с актуальностью обозначенной проблемы для достижения цели работы было проведено исследование мотивации сотрудников ОВД и решены заявленные задачи [3].

По результатам теоретико-методологического анализа заявленной проблемы исследования можно сформулировать следующее.

1. Мотивация — это биологические и социальные потребности человека и основанные на них отношения. Мотивация — это то, что необходимо для

© Усачева И. В., 2023

Таблица 1.

Результаты исследования потребностей, критерий Манна-Уитни

	Сумма рангов. Молодые сотрудники	Сумма рангов. Опытные сотрудники	Uэмп.	p-level	n 1	n 2
Социальные контакты	308,5	511,5	98,5	> 0,01	20	20
Разнообразие и перемены	504	316	106	> 0,01	20	20
Креативность	496	323,5	113,5	> 0,05	20	20

целенаправленности человека, что приводит к удовлетворению его потребностей.

2. Стимулирование служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел носит комплексный характер, так как ее эффективность в конечном итоге зависит от эффективности как системы правовых основ данного процесса, так и их применения для реализации сущности управленческой деятельности организации.

3. При реализации стимулирования деятельности сотрудников ОВД, соблюдении основных принципов мотивирования [1] выявляется исключительно субъективный характер данного процесса, форма зависимости его от руководителей, их личностных и профессиональных качеств, а также типа организации системы управления.

4. Система организационно-правовых основ стимулирования служебной деятельности, предлагаемых нынешним аппаратом руководителей, весьма разнообразная и разноуровневая. Она предлагает ряд мер материального, морального, социального и правового характера.

В связи с вышеизложенным, возникает предположение о том, что знание особенностей потребностно-мотивационной сферы сотрудника помогает в выборе того или иного приема стимулирования, воздействие которой способствует изменению его поведения. Проведенное экспериментальное исследование с целью изучения особенностей мотивации сотрудников органов внутренних дел, а именно отличий на разных этапах профессиональной деятельности компонентов мотивационной сферы, подтвердило выдвинутую гипотезу. В исследовании участвовали 20 сотрудников одного из территориальных подразделений органов внутренних дел, имеющие высшее образование, в возрасте от 25 лет до 45 лет, со стажем работы в полиции от 3-х до 20 лет (опытные сотрудники); 20 человек — в возрасте от 22 до 24 лет, со стажем работы в полиции от 1 года до 3 лет (молодые сотрудники). Методами сбора информации являлись: личностные опросники изучения мотивационной сферы личности: В. И. Герчикова — тест Motype — построение мотивационного профиля, Модифицированный вариант методики «Мотивационный профиль» Ш. Ричи, П. Мартина (М-профиль). Для обработки результатов применялись непараметрические критерии и коэффициенты статистического анализа: Н-критерий Крускала-

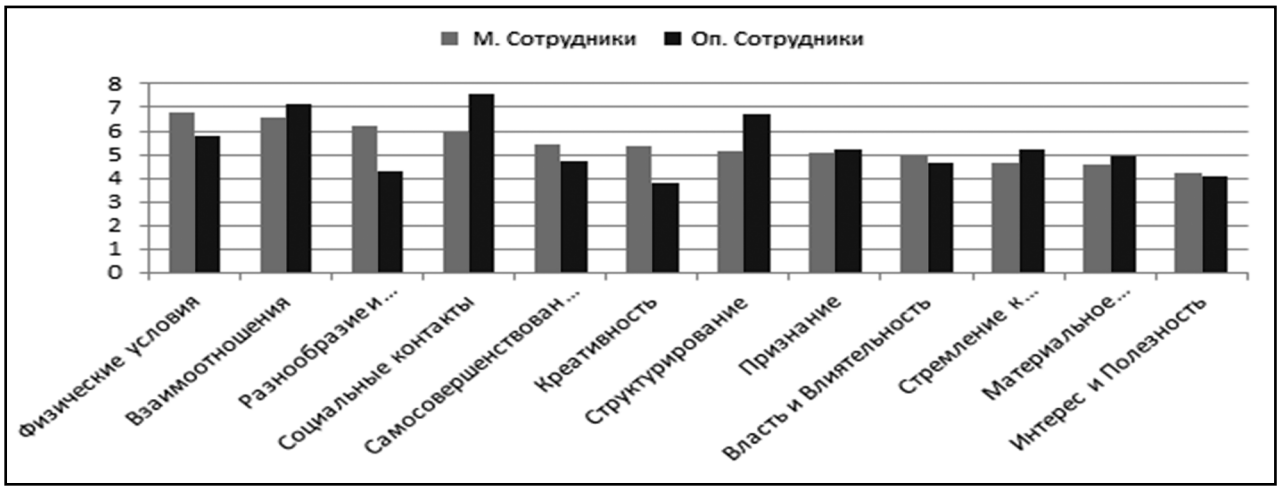

Рис. 1. Результаты сравнительного анализа потребностно-мотивационной сферы (стены)

Таблица 2.

Ранжирование результатов исследования потребностно-мотивационной сферы

Ранг	Молодые сотрудники	Опытные сотрудники
1	Физические условия	Социальные контакты
2	Взаимоотношения	Самосовершенствование
3	Разнообразие и перемены	Разнообразие и перемены
4	Социальные контакты	Взаимоотношения
5	Самосовершенствование	Креативность
6	Креативность	Структурирование
7	Структурирование	Физические условия
8	Признание	Материальное вознаграждение
9	Власть и влиятельность	Признание
10	Стремление к достижениям	Власть и влиятельность
11	Материальное вознаграждение	Интерес и полезность
12	Интерес и полезность	Стремление к достижениям

Уоллиса, критерий U Манни-Уитни, рангового коэффициента корреляции R Спримена.

Как видно из табл. 1, после применения непараметрического критерия различий Манна-Уитни (U) были обнаружены достоверные статистические отличия между испытуемыми двух групп сравнения. Во-первых, у молодых сотрудников значительно сильнее выражена потребность в разнообразной и творческой деятельности, во-вторых, у опытных сотрудников отмечается усиление потребности в межличностном общении.

При помощи данных рис. 1 мы также убедились в том, что практические сотрудники «соскучились» по живому общению, так как показатели шкалы «Взаимоотношения» выходят за границы средних значений.

После проведенного ранжирования потребностей в двух группах испытуемых было обнаружено, что основные интересы в выборке молодых сотрудников связаны с хорошими физическими условия труда, дружескими отношениями в служебном коллективе и разнообразной, не рутинной работой, при этом молодых сотрудников не интересуют вопросы карьеры, материального благополучия и социально-значимой пользы выбранной профессии. В тоже время, у опытных сотрудников полиции преобладают потребности в расширении социальных контактов, самосовершенствовании и переменах в профессиональной деятельности (табл. 2).

В группе молодых сотрудников преобладают два типа мотивационных профилей: патриотический и

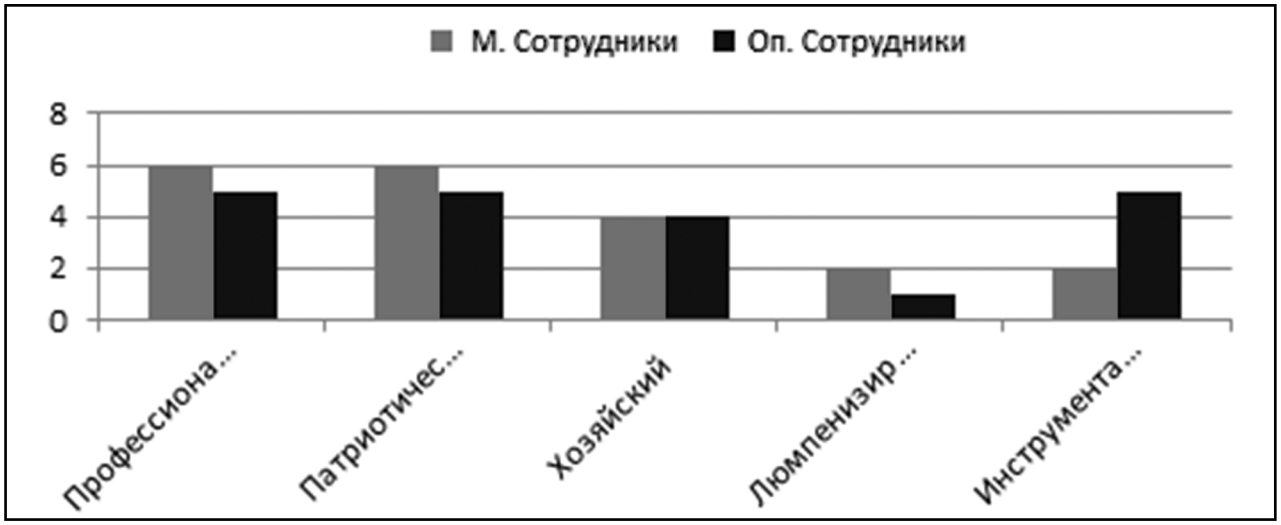

Рис. 2. Процентное соотношение типов трудовой мотивации (количество испытуемых)

Таблица 3.

Корреляционная матрица исследования типов трудовой мотивации, n = 40

	1	2	3	4	5
1. Профессиональный	1,00	-0,38*	-0,29	-0,13	-0,27
2. Патриотический	-0,38*	1,00	-0,33*	-0,15	-0,30
3. Хозяйский	-0,29	-0,33*	1,00	-0,11	-0,23
4. Люмпенизированный	-0,13	-0,15	-0,11	1,00	-0,11
5. Инструментальный	-0,27	-0,30	-0,23	-0,11	1,00

*p < 0,05

профессиональный. Данный результат может быть связан с качественным и целенаправленным процессом морально-психологической подготовки и воспитания профессионально-важных качеств и профессиональных ценностей при обучении.

В группе опытных сотрудников практически не проявился люмпенизированный тип трудовой мотивации, а остальные четыре: инструментальный, профессиональный, патриотический и хозяйский профили проявились практически в равных долях среди опрошенных (рис. 2).

Далее, рассмотрим результаты, полученные после применения корреляционного анализа. Как видно из матрицы корреляционных зависимостей, в изучаемой нами выборке испытуемых патриотический тип мотивации взаимосвязан с профессиональным типом, а хозяйский — с патриотическим. Такая картина зависимостей подтверждает специфику правоохранительной деятельности, основанную на чувстве долга, профессионализме и самостоятельных решениях сотрудников полиции (табл. 3).

Для проверки выдвинутой нами гипотезы о том, что знание особенностей потребностно-мотивационной сферы сотрудника помогает в выборе эффективных приемов стимулирования профессиональной деятельности, нами был использован непараметрический

Таблица 4.

Результаты статистического анализа при помощи критерия Краскела-Уоллиса

Независимая переменная	Зависимая переменная	H-критерий	p-level	n
Молодые сотрудники				
Материальное вознаграждение	Инструментальный	19	< 0,01	20
Физические условия		19	< 0,01	20
Структурирование		12	< 0,05	20
Признание		12	< 0,05	20
Самосовершенствование		19	< 0,01	20
Интерес и Полезность	Хозяйский	11	< 0,05	20
Опытные сотрудники				
Структурирование	Инструментальный	11,4	< 0,05	20
Социальные контакты		11,4	< 0,05	20
Взаимоотношения		14,6	< 0,01	20
Креативность		16,5	< 0,01	20
Самосовершенствование		11,4	< 0,05	20
Самосовершенствование	Хозяйский	11	< 0,05	20
Власть и Влиятельность		8,6	< 0,05	20
Стремление к Достижениям		9,6	< 0,05	20
Структурирование		9,5	< 0,05	20

критерий Краскела-Уоллиса (H), который направлен на изучение причинно-следственных связей и является разновидностью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) для изучения выборок с ненормальным распределением данных исследования.

По итогам применения H-критерия было обнаружено, что в выборке как молодых сотрудников, так и опытных сотрудников эффективное воздействие возможно только на две группы испытуемых — с преобладанием инструментального и хозяйского типов трудовой мотивации. Стоит отметить, что у опытных сотрудников было выявлено больше приемов стимулирования их профессиональной деятельности, что, по-видимому, объясняется более развернутой структурой потребно-мотивационной сферы (табл. 4).

Для уточнения характера последствий (положительных или отрицательных) применения того или иного приема стимулирования, нами дополнительно был проведен корреляционных анализ уже выявленных пар причинно-следственных связей.

Анализ корреляционных связей табл. 5 позволил нам выявить следующие закономерности стимулирования профессиональной деятельности молодых сотрудников и опытных сотрудников. Во-первых, для молодых сотрудников, ориентированных в работе только на справедливую оценку ее результатов и достойное вознаграждение наиболее эффективными приемами стимулирования труда являются материальное вознаграждение и улучшение условий труда; при этом на инструментальный мотивационный профиль негативно могут повлиять планирование труда, благодарность за выполненную работу и поиск новых форм решения ее задач [4]. Во-вторых, молодые сотрудники, которые привыкли самостоятельно решать различные служебные и профессиональные задачи, не нуждающиеся в контроле со стороны руководства, также не нуждаются в таком приеме стимулирования труда, как раскрытие интересных, новых сторон их профессиональной деятельности. В-третьих, для повышения эффективности труда опытных сотрудников с инструментальным мотивационным профилем рекомендуется поддерживать их межличностные контакты, оказывать помощь в планировании труда и показывать новые возможность их работы в профессиональном и личностном плане; при этом нестандартные способы решения труда и озабоченность вопросами взаимоотношений только понижают их профессиональную мотивацию. В четвертых, самостоя-

Таблица 5.

Результаты корреляционного исследования в разных группах испытуемых

Корреляционная зависимость		n	Spearman — R	p-level
Молодые сотрудники				
Материальное вознаграждение	Инструментальный	20	0,53	0,02
Физические условия		20	0,54	0,01
Структурирование		20	-0,50	0,02
Признание		20	-0,03	0,90
Самосовершенствование		20	-0,18	0,46
Интерес и Полезность	Хозяйский	20	-0,42	0,07
Опытные сотрудники				
Структурирование	Инструментальный	20	0,04	0,86
Социальные контакты		20	0,06	0,80
Взаимоотношения		20	-0,07	0,76
Креативность		20	-0,10	0,66
Самосовершенствование		20	0,49	0,03
Структурирование	Хозяйский	20	0,36	0,12
Стремление к достижениям		20	0,19	0,42
Власть и Влиятельность		20	0,21	0,38
Самосовершенствование		20	0,13	0,58

тельным и независимым сотрудникам для поддержания их мотивации рекомендуется создавать такие условия труда, которые отличались бы планомерностью, целенаправленностью, влиятельностью и значимостью полученных результатов (награды, благодарности), а также возможностью профессионально-личностного роста.

Проанализировав результаты исследования, представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Более сложную систему мотивационной деятельности необходимо строить в отношении опытных сотрудников, отдавая предпочтение индивидуальному подходу, детальной диагностике личностных особенностей организации и условий профессиональной деятельности.

2. Система мотивации молодых сотрудников и опытных сотрудников целесообразно совершенствовать в направлении воспитания профессионально-значимых качеств, развития профессиональных компетенций и создания ориентированности и значимости для выпускников образовательных организаций МВД России результатов и достижений их деятельности, очень важной и ценимой обществом и государством.

3. Проведенное исследование открывает необходимость детального анализа системы мотивации труда действующих сотрудников ОВД, в зависимости от направления и специфики деятельности, личностных особенностей и действующей системы мотивации.

4. Также, использование методик, используемых при профессиональном психологическом отборе и в плановой диагностике сотрудников, должно носить комплексный взаимодополняющий характер, нацеленность на четко сформулированный вопрос, касающийся мотивации труда, предполагаемой специфики деятельности, совершенствования морально-психологического климата в служебных коллективах и организации взаимоотношений между сотрудниками для достижения максимально качественного результата их деятельности и деятельности всего подразделения.

Список источников

1. Вахнина В. В. Психологические особенности мотивации личности руководителя органов внутренних дел: дисс. … канд. психол. наук. М., 1999.

2. Маркушин А. Г. Казаков В. В. Основы управления в органах внутренних дел: учебник для СПО. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018.

3. Печенкова Е. А. Специфика мотивации профессионального выбора будущими сотрудниками органов внутренних дел. В сб.: Актуальные проблемы адаптации курсантов образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности. 2020. С. 381–385.

4. Усачева И. В., Михайлова С. Ю. Психологическое консультирование сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел: учеб.-практ. пособие. М., 2021.

References

1. Vakhnina V. V. Psychological features of the motivation of the personality of the head of the internal affairs bodies: diss. ... cand. psychological sciences. M., 1999.

2. Markushin A. G. Kazakov V. V. Fundamentals of management in the internal affairs bodies: textbook for SPO. 2nd ed., reprint. and additional M. : Yurayt, 2018.

3. Pechenkova E. A. Specifics of motivation of professional choice by future employees of internal affairs bodies. In the collection: Actual problems of adaptation of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia to the conditions of professional activity. 2020. P. 381–385.

4. Usacheva I. V., Mikhailova S. Yu. Psychological counseling of employees who were first employed in the internal affairs bodies: textbook-practice. manual. M., 2021.

Информация об авторе

И. В. Усачева — преподаватель кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the author

I. V. Usacheva — Lecturer of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Service Activities of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 19.05.2023.

Научная статья
УДК 159.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-317-322
EDN: https://elibrary.ru/ivefww
NIION: 2003-0059-3/23-718
MOSURED: 77/27-003-2023-03-917

Клиповое мышление как актуальная психологическая проблема

Вячеслав Лазаревич Цветков[1], Александра Андреевна Павлова[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] czvetkov_slava@inbox.ru
[2] sanyapavlova13@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы причины возникновения и различные трактовки понятия клипового мышления, его признаки; обоснованы пути дальнейшего исследования.

Ключевые слова: молодежь, цифровое общество, клип, клиповое мышление, составляющие клипового мышления
Для цитирования: Цветков В. Л., Павлова А. А. Клиповое мышление как актуальная психологическая проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 317–322. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-317-322. EDN: IVEFWW.

Original article

Clip thinking as an actual psychological problem

Vyacheslav L. Tsvetkov[1], Alexsandra A. Pavlova[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] czvetkov_slava@inbox.ru
[2] sanyapavlova13@yandex.ru

Abstract. The causes of the emergence and various interpretations of the concept of clip thinking, its signs are analyzed and the ways of further research are substantiated.

Keywords: youth, digital society, clip, clip thinking, components of clip thinking
For citation: Tsvetkov V. L., Pavlova A. A. Clip thinking as an actual psychological problem. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):317–322. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-317-322. EDN: IVEFWW.

Возникновение новых информационных технологий является одной из причин глобальных изменения в современном мире; в связи с этим такие ученые, как Э. Ф Зеер, Н. Г. Церковникова и В. С. Третьякова отмечают у человека актуализацию потребности рационально смотреть в будущее, прогнозировать последствия и риски развития современного общества. Новые информационные технологии открывают миру незнакомые прежде возможности, однако они же и могут являться причиной изменений в структуре личности, которые способны повлечь негативные последствия в его прогрессивном развитии [3].

Актуальность исследования темы клипового мышления обусловлена изучением изменений в когнитивных способностях современного человека и нахождением оптимальных путей борьбы с негативными эффектами клипового мышления.

Ускорение темпа жизни и работы современного общества требует от человека, прежде всего, не только высокой способности длительное время концентрироваться на конкретном объекте, но и быстро и точно переходить от одного объекта к другому. Это приводит к снижению качества отбираемой информации, а также смешиванию сторонних факторов с основным исследуемым явлением, что дополнительно нагружает и дезориентирует работу человека в целом [1].

Сами условия информационного общества требуют адаптации человека к изменениям, порожденным стремительным развитием научно-технического прогресса, который непосредственно вмешивается

© Цветков В. Л., Павлова А. А., 2023

во внутренний мир человека, влияя на ценности, этику, а также на восприятие мира. Проблеме влияния информационной сферы на сознание человека, формирования у него системы взглядов и убеждений посвящены многочисленные социальные исследования психологов, социологов, педагогов, которые параллельно выявляют взаимосвязь с изучением особенностей формирования стереотипов мышления, творческих способностей, изменением в восприятии окружающего мира, что нашло свое отражение в работах таких ученых, как: В. И. Аршинов, М. В. Лебедев (2007), А. Г. Асмолов, А. Л. Семенов, А. Уваров (2010), В. Г. Брыскин (2011), С. В. Докука (2013), В. В. Миронов (2016), А. Л. Семенов (2013), Л. Б. Омарова (2011), П. Биргер (2015), Е. Ю. Патяева (2013), К. А. Полищук (2015), А. Д. Пудалов (2011), М. Е. Сандомирский (2013), Т. В. Семеновскиз (2013), Г. Солдатова, Е. Рассказова, М. Лебешева (2012), К. Г. Фрумкин (2010), Е. В. Шалагина (2014).

Несомненно, инновационные цифровые технологии, открывая новые возможности, делают мир проще и удобнее. С помощью нового способа получения информации через интернет-ресурсы, представителям современного поколения часто знания доступны уже в готовом виде. Побочным эффектом такого способа усвоения знаний является потеря ценности творческого воображения, так как информация подается через образы, пассивным потоком ассоциаций, которые создаются вовне и не требуют критической оценки.

В результате мы получаем поверхностно мыслящего человека, неспособного длительное время сосредотачиваться на конкретном объекте, с низким уровнем рефлексии, который зачастую действует импульсивно.

Клиповое мышление нарушает баланс психических процессов, усиливая или ослабляя специфические свойства той или иной сферы. Так как человек игнорирует использование логического мышления, он все чаще регулирует свою деятельность, опираясь на эмоционально-образное восприятие. При этом большинство ученых выделяют снижение аналитических способностей и критического мышления, являющихся предпосылками творческой деятельности, а также отмечают фрагментарность усвоения знаний и неумение последовательно их воспроизводить. Эти изменения особенно важны для сознания молодежи, воспитанной в экранной и медийной культуре.

Выделяя такие тенденции, создатели контента, целью которых является привлечение внимания и влияние на аудиторию, прежде чем подать информацию, улучшают ее, подвергая клиповой обработке: разбивают на блоки с заголовками небольшого смыслового объема, основная задача которых — создать не логическое, а эмоциональное отношение к происходящему, лишают контекста[1].

При восприятии любого связанного текста формируется некий контекст — набором положений и допущений, которые уже были рассмотрены в связи с настоящими вопросами, и любое новое положение из текста человек рассматривает как в сформированном контексте, так и в контексте собственных знаний и опыта. Вырезая основные моменты и складывая его в общую историю, монтажер клипов облегчает зрителю понимание и показывает общую картину, не углубляясь в предложенную тему.

Связь опыта с поведением является существенным тезисом в феноменологической теории К. Роджерса [5]. Он считал, что на поведение в данный момент всегда влияет нынешнее восприятие и интерпретация, т. е. опыт, извлеченный из субъективного мира человека, определяет его поведение и его нельзя понять, не обращаясь к субъективной интерпретации событий.

Суггестивное воздействие на людей с клиповым мышлением чаще всего, оказывается, посредством эмоционального и образного воздействия с помощью различных графических изображений, видеороликов, презентаций, рекламных роликов. Лишенное способности к критическому осмыслению, мозаичное сознание таких индивидов с удовольствием впитывает эти материалы, непроизвольно подвергаясь психологической обработке.

Как следствие, из негативных аспектов феномена клипового мышления является снижение критического подхода к получаемой информации, что, в лучшем случае, приводит к самообману, а в худшем — к открытости внушающему влиянию гуру рекламы и маркетинга, мошенников, экстремистов и террористов. Пользователи компьютеров с фрагментарным сознанием часто не способны критически оценивать определенные сообщения и устанавливать причинно-следственную связь между событиями. Проблема экс-

[1] Контекст (от лат. «contextus» — тесная связь, соединение) — обладающая смысловой завершенностью устная или письменная речь, позволяющая выяснить смысл и значение отдельных входящих в ее состав фрагментов.

тремизма и терроризма очень актуальна в современном обществе, и для реализации своих преступных планов террористы часто ищут потенциальных сообщников через Интернет. Сформированные паттерны антисоциального поведения готовы к обновлению в любой момент, ожидая определенного призыва к действию, который криминальные вербовщики без колебаний предъявят.

Следует отметить, что информация, которую молодежь ежедневно потребляет в глобальной сети Интернете, несерьезна, это очень поверхностные, легко воспринимаемые данные, современная молодежь с трудом читает серьезную информацию и большие тексты. Это продиктовано развлекательной природой цифровой индустрии. Даже при чтении научного текста с экрана смартфона студент будет постоянно отвлекаться на входящие сообщения и уведомления от различных приложений, переключаться на них, что сильно замедлит его восприятие серьезной информации. Постоянная быстрая смена различных информационных блоков перед глазами приводит к кратковременному запоминанию общих характеристик полученной информации: ее объема и приложения, в котором расположен этот блок, цветовой гаммы и общего информационного сообщения (положительного или отрицательного).

Клиповое, как и логическое, мышление, не присущи человеку от рождения, они развиваются в зависимости от способа потребления и анализа поступающей информации.

Традиционно считается, что познание происходит на двух уровнях. Сенсорное (эмпирическое) познание осуществляется через сенсорно-перцептивную систему человека, которая обладает сложными и компенсаторными свойствами. Также особенностью первого уровня является то, что познание не выходит за рамки отдельных высказываний об определенных явлениях и рассмотрения прямых связей между ними; т. е. на этом уровне наблюдаются объекты, фиксируются факты, проводятся эксперименты, устанавливаются эмпирические взаимосвязи и закономерности. Основными формами сенсорного уровня являются ощущение, восприятие и воображение. По большей части приобретенные эмпирические знания носят субъективный характер.

Рациональный (теоретический) уровень характеризуется более сложным способом отражения реальности, с помощью которого человек может выйти за рамки своего чувственного опыта и узнать то, что непосредственно не дается на начальном этапе. Этот метод предполагает набор мыслительных операций, который соответствует движению мышления от познания явлений к познанию сути [4].

Основными особенностями этого уровня заключаются в том, что он основан на результатах сенсорного познания, но не взаимодействует с объектом изучения. Следовательно, можно изучать явления, которые, в случае использования чувственного познания, познать невозможно, и в результате получается существенное знание об объекте. Основными формами такого знания являются концепции, суждения и умозаключения, т. е. именно на этом уровне происходит дальнейшее развитие эмпирически приобретенных знаний.

Следовательно, общий ход познания происходит одновременно в противоположных направлениях, с качественной сменой доминирующего направления на другое, с переходом от одной стадии к другой.

Несмотря на взаимосвязь этих типов мышления, на наш взгляд, ментальные концепции существенно отличаются от рациональных концепций. Если последние могут быть только соединены и разъединены, то ментальные концепции развиваются, перемещаются, переходят друг в друга; т. е. первый тип мышления является основой для второго, когда происходит формализация и переход полученных фактов в относительно стабильное состояние благодаря механизмам обобщения и категоризации.

Опорной точкой интерпретации понятия «клиповое мышление» является понимание самого термина «мышление» как «опосредованный теоретико-практический процесс, включающий в себя систему действий и операции исследовательского, преобразовательного и познавательного характера, в результате, которых формируется новая информация, образуются новые мыслительные формы реакций на проблемы».

В отечественной науке термин «клиповое мышление» впервые употребил философ и культуролог Ф. И. Гиренок, указывая на то, что понятийное мышление в современном мире уступает место клиповому мышлению. Он называет клиповое мышление «мышлением, которое реагирует только на удар» [2, с. 416]. Канадский философ Маклюэн обращает внимание на тот факт, что активное использование информационных технологий и электронных средств комму-

никации возвращает человечество в «доконтекстовую эпоху», что приводит к нарушению линейной последовательности символов как основы культуры. Ученый утверждает, что, в частности, в философии, происходит замена линейного мышления нелинейным, определяя, что «человек в себе воспитал понимание картинок».

Классическое определение термина «клиповое мышление» в научной литературе четко не сформулировано, однако чаще всего это понятие используют для определения особенностей мышления, которое включает в себя такие признаки, как высокая скорость восприятия образов, наглядность, эмоциональность, имманентность, ассоциативность.

Понятие «клип» чаще всего ассоциируется с интернет-платформами, предназначенными для загрузки и разгрузки материала различной тематики, на которых размещены короткие музыкальные видеоклипы, носящие развлекательный характер, и соответствующими телеканалами, которые считаются причиной происхождения данного типа мышления. Зачастую слово «клип» сейчас используют СМИ совместно с понятием мышление. Так как создатели телевизионной рекламы, которые вместе с музыкой отображают основные элементы телевизионного творчества, использует аналогичные принципы, основанные на восприятии клипового мышления.

Таким образом, можно определить термин «клиповое мышление» — как психический познавательный процесс воспроизведения большого объема разнообразных свойств сведений, без учета причинно-следственных связей, что характеризуется нелогичностью, полным разнообразием воспринимаемой информации, снижением способностей к анализу и структурированию, высокой скоростью переключения между ее частями, фрагментами информации, отсутствием полной картины окружающей действительности.

На основе «клипового мышления» происходит развитие «клипового сознания» у подрастающего поколения. Если «клиповое мышление» является процессом и способом получения информации, то «клиповое сознание» интерпретируется как мозаичное, фрагментарное, разнообразное (иногда противоположное) формирование действительности у современной личности.

Основные черты клипового сознания, выделяет американский исследователь Л. Манович: отсутствие концентрации при работе с нарративами, попытки избежать многозадачной работы, постоянный произвольный доступ к информации и желание получить незамедлительно ответ на существующий запрос. Потребитель информации с клиповым сознанием воспринимает реальность не целостно, а как череду фактов, которые не связывает между собой. Практически он лишен причинно-следственной связи и не способен комплексно и обобщенно подходить к решению задач [7, с. 61].

При изучении феномена «клиповости» требуется рассмотреть понятие «клиповое поведение» как специфическую социальную деятельность, которая также характеризуется разнообразием, частой сменой форм, незавершенностью начатого и, в некоторых случаях, нелогичностью.

Зарубежный американский футуролог Е. Тоффлер выделяет более широкое понятие «клиповая культура», которое рассматривается как составляющая общей информационной культуры будущего, как продукт массового общества и глобальной информатизации, как сопутствующий процесс массификации, формирующийся из бездумных кликов в Сети, обрывистых текстов в СМИ, несвязанных между собой рекламных роликов, кричащих заголовков. Появление клипового мышления — это ответ на слишком большое количество. В свою очередь, продуктом клиповой культуры становится клиповое мышление, которое рассматривается как адаптивный механизм мозга, обеспечивающий максимальные адаптационные возможности человека по отношению к окружающей его клиповой среде, потому что бесконечное мигание информационных отрезков будет комфортным только для людей соответствующего склада ума.

Являясь феноменом информационного общества, клиповое мышление становится неотъемлемой частью всех сфер жизнедеятельности человека, в том числе такого социального института, как образование. Сейчас клиповое мышление существенно меняет восприятие информации учащимися. Под его влиянием снижается их способность работать с текстом, связанная с его целостным анализом, и укрепляются их навыки работы с короткими текстовыми блоками в виде диаграмм и видеопрезентаций. Клиповое мышление приводит к потере навыков критического анализа полученной информации, что негативно сказывается на принятии решений. Под воздействием огромного потока самой разнообразной информа-

ции, которую пытается воспринять современная молодежь, переключаясь с одного приложения цифрового гаджета на другое, сознание становится мозаичным, выхватывая из окружающего мира отдельные яркие фрагменты, не связанные друг с другом, и выстраивая на этой основе эклектичную картину мира, лишенного глубины и целостности.

Таким образом, у современной молодежи формируется принцип экономии мышления, его ограниченности, который заключается в том, что сначала выполняется действие, а затем, при необходимости, его понимание. Неспособность четко, логично и связно сформулировать свою мысль, понять и изложить суть научного текста или проблемы, не прибегая к гаджетам, негативно сказывается на усвоении учащимися учебного материала.

Основными признаками клипового мышления являются: конкретность; фрагментарность (отсутствие целостного восприятия); подвижность протекания нервных процессов; снижение способностей к анализу и структурированию информации; языковой минимализм и неумение выражать мысли.

Е. Тоффлер отмечает, что «вместо восприятия пространственных отрезков идей, собранных и систематизированных, которые соотносятся один с другим, в нас все больше запихивают короткими модульными вспышками информации — рекламой, командами, теориями, обрывками новостей, обрезанными, усеченными кусочками, которые не обрабатываются нашими бывшими ментальными процессами», и подчеркивает, что «новый обрезной ряд подачи информации не поддается классификации, частично из-за того, что выпадает из старых, концептуальных категорий, и потому, что подается в странной, быстротечной, несвязной форме» [6, с. 28].

Явление «клиповое мышление», в силу его недавнего появления, еще недостаточно изучено, поэтому четкой и сбалансированной точки зрения, что касаемо перестройки и трансформаций в психике человека, вызванных цифровыми средствами коммуникации, пока нет. Исследователи, интересующиеся этим вопросом, сходятся во мнении, что клиповая форма мышления — это своего рода реакция на общественную динамику и информационный бум, помогающий человеку в самосохранении и адаптации к современному миру.

Подводя итоги, можно сказать, что из-за стремительного роста новых технологий у современного человека появляется много новых задач из совершенно различных сфер его жизнедеятельности, в которых он должен быстро ориентироваться, чтобы успешно функционировать в обществе. И чтобы справляться с увеличившимся объемом информации, у человека формируется принцип экономии мышления, его ограниченности, восприятия по моделям, который заключается в том, что сначала выполняется действие, а затем, при необходимости, его понимание.

Неизбежны изменения в структуре современного информационного человека, так как ориентация на новые информационные технологии, науку и технику раскроет новые возможности человеческого организма. В перспективе необходимо определить, что же происходит на уровне личности, «найти новые ориентиры в ее развитии, которое происходит наиболее интенсивно в условиях цифровизации всего жизненного пространства личности» [3].

Список источников

1. Азаренок Н. В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире // Психология человека в современном мире. Т. 5. Личность и группа в условиях социальных изменений: мат. всерос. юбилейной науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна (15–16 октября 2009 г.) / отв. ред. А. Л. Журавлев. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

2. Гиренок Ф. И. Антропологические конфигурации философии // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М., 2012.

3. Зеер Э. Ф., Церковникова Н. Г., Третьякова В. С. Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 6. С. 153–184.

4. Карр Н. Делает ли Google нас глупее? // URL:// http://media-ecology.blogspot.ru/2011/03/google.html.

5. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.

6. Тоффлер Э. Шок будущего / пер с англ. Э. Тоффлер. М. : Издательство АСТ, 2002.

7. Manovich L. The Language of New Media. The MIT Press, 2002.

References

1. Azarenok N. V. Clip consciousness and its influence on human psychology in the modern world // Human

psychology in the modern world. Vol. 5. Personality and group in conditions of social change: mat. all-Russian jubilee scientific conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of S. L. Rubinstein (October 15–16, 2009) / ed. A. L. Zhuravlev. M. : Publishing House «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2009.

2. Girenok F. I. Anthropological configurations of philosophy // Philosophy of Science. Issue 8: Synergetics of human-dimensional reality. M., 2012.

3. Zeer E. F., Tserkovnikova N. G., Tretyakova V. S. Digital generation in the context of forecasting the professional future // Education and Science. 2021. Vol. 23. No. 6. P. 153–184.

4. Carr N. Does Google make us dumber? // URL://http://media-ecology.blogspot.ru/2011/03/google.html.

5. Rogers K. R. A look at psychotherapy. The formation of man. M., 1994.

6. Toffler E. Shock of the future / translated from English. E. Tofler. M. : Publishing House AST, 2002.

7. Manovich L. The Language of New Media. The MIT Press, 2002.

Информация об авторах

В. Л. Цветков — начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

А. А. Павлова — слушатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

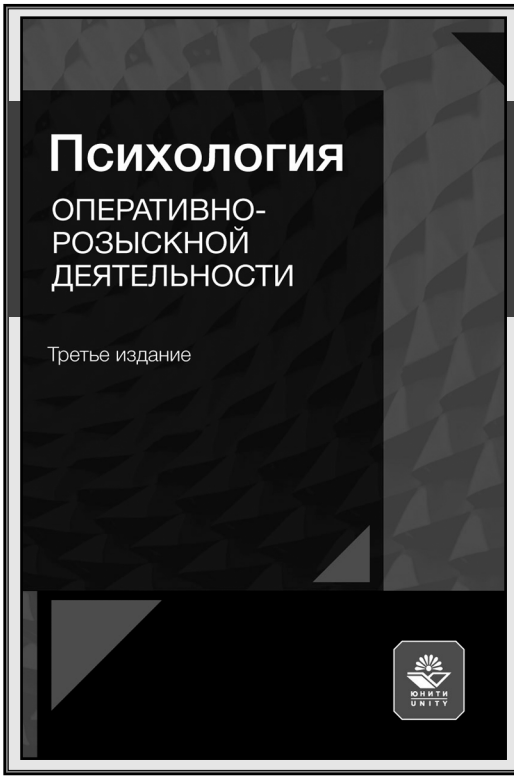
V. L. Tsvetkov — Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activities of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

A. A. Pavlova — Listener of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 08.06.2023.
The article was submitted 15.03.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 08.06.2023.

ПСИХОЛОГИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3-е изд., перераб. и доп. Учеб. пособие
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований
Под ред. В. Л. Цветкова, Н. А. Кузьмина;
под общ. ред. И. Б. Лебедева, А. Ю. Федотова

Учебное пособие включает систему основных понятий психологии оперативно-розыскной деятельности, рекомендации эффективного самоопределения в ситуациях взаимодействия с лицами, представляющими оперативный интерес, а также основы психотехники решения профессиональных задач сотрудниками органов внутренних дел. Его содержание соответствует рабочим программам учебной дисциплины для обучающихся по специальностям 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» и 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка».

Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, практических работников и всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.